УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

приоритет2030^
лидерами становятся

МИР ЕВРАЗИИ: ОТ ДРЕВНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы VII Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 15–16 апреля 2026 г.)

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий»

МИР ЕВРАЗИИ: ОТ ДРЕВНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
VII Международной научно-практической конференции
(г. Уфа, 15–16 апреля 2026 г.)

Научное электронное издание сетевого доступа

Уфа
Уфимский университет
2026

УДК 94+39
ББК 63.3(0)+63.51
М63

Публикуется по решению кафедры международных отношений и зарубежной истории ИИГУ УУНиТ. Протокол № 1 от 31.08.2026 г.

Редакционная коллегия:
канд. ист. наук, доцент **Р. Р. Тухватуллин** *(отв. редактор)*;
канд. ист. наук, доцент **Ф. Ф. Шаяхметов**;
канд. ист. наук, доцент **Н. А. Бессилин**;
канд. ист. наук, доцент **Р. Р. Хадимуллин**;
канд. ист. наук, доцент **Ю. С. Усова**;
канд. филол. наук, доцент **И. Р. Саитбатталов**;
ассистент **У. Н. Кудашев**

Мир Евразии: от древности к современности: материалы VII Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 15–16 апреля 2026 г.) / отв. ред. Р. Р. Тухватуллин [Электронный ресурс] / Уфимск. ун-т науки и технологий. – Уфа: Уфимский университет, 2026. – 460 с. – URL: https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2026/319.pdf – Загл. с титула экрана.

М63

ISBN 978-5-7477-6542-9

Представлены статьи, написанные на основе докладов Международной научно-практической конференции, прошедшей в Институте истории и государственного управления УУНиТ г. в Уфе.

Представляет интерес для исследователей, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется современными историческими, этнологическими, философскими и общегуманитарными изысканиями. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов данного сборника

УДК 94+39
ББК 63.3(0)+63.51

ISBN 978-5-7477-6542-9 © Уфимский университет, 2026

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 94(470)

С.М. Степанянц
д. и. н., профессор
Армения, Ереван, Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова

S.M. Stepanyants
d. of h. s., professor
Armenia, Yerevan, Branch of MSU named after M.V. Lomonosov

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ И АСПЕКТЫ ПО ИСТОРИИ АРМЯНСКОГО ТОРГОВОГО КАПИТАЛА В ПРИКАМЬЕ СО СРЕДНИХ ВЕКОВ ДО XX ВЕКА

SOME QUESTIONS AND ASPECTS OF THE HISTORY OF ARMENIAN TRADE CAPITAL IN THE KAMA REGION FROM THE MIDDLE AGES TO THE 20TH CENTURY

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые аспекты участи армян и армянского капитала в экономической жизни Прикамья и Урала, показан вклад представителей династии Лазаревых и Абамелек-Лазаревых в развитие промышленности Российской империи XVIII – начале XX вв.

Abstract: The article examines some aspects of the role of Armenians and Armenian capital in the economic life of the Kama region and the Urals, and shows the contribution of representatives of the Lazarev and Abamelek-Lazarev dynasties to the development of industry in the Russian Empire in the 18th – early 20th centuries.

Ключевые слова: армяне, Россия, Булгар, Л.Л. Лазарев, Семён Давыдович Абамелек-Лазарев, экономика.

Keywords: Armenians, Russia, Bulgar, L.L. Lazarev, S.D. Abamelek-Lazarev, economics.

Прикамье (в Булгарии, Казани) армяне жили ещё с VIII в. Арабский путешественник X в. Ахмад ибн Фадлан в «Записке» (921-922 гг.) упоминает армян в контексте присутствия в Волжской Булгарии. Он отмечает, что армяне активно обосновались в Булгаре и других областях региона, занимаясь торговлей и ремёслом в тесном взаимодействии с местным населением и русами [7].

Как писал исследователь-профессор Левон Меликсет-Бек: «Арабский путешественник X в. Ибн-Фадлан в своём описании путешествия к приволжанам как-то отмечает, что «юрта царя их очень большая, вмещающая тысячу душ, устланная в большей части армянскими коврами». А чуваши Поволжье до сих пор называют шелк «ермен курсан(е)» или «ермен курсане», то есть армянским шелком» [4].

Также о присутствии армянских купцов в Прикамье свидетельствуют археологические исследования. Российские археологи обнаружили в городе Булгар т.н. «Греческий дворец», который на самом деле оказался армянским храмом, рядом с которым находилось армянское кладбище с многочисленными надгробными плитами, в том числе могила княжны

(принцессы) Сары–хатун (XIV в.). Все это свидетельствовало о том, что уже в X в. в Булгаре имелась значительная армянское община и Армянская Слобода. Армянская церковь находилась на месте древнего городища [2].

В XVIII в. по приказу царя Петра I были собраны воедино все надгробные записи на армянском языке и расшифрованы. Надписи относятся к 1308-1355 гг. В средние века армяне Булгара занимались купечеством и ремеслами, а также играли важную роль посредников в торговле между Волжской Булгарией и южными странами.

В 1747 г. в Россию из Персии переселилась богатая армянская купеческая семья Лазаревых. Основателем рода был Лазарь Назарович Лазарев, который с 1720-х гг. вел коммерческие дела с Россией. Лазарь Лазарев в 1735 г. под Москвой, во Фряново основал шёлковую мануфактуру [3].

В 1768 г. от императрицы Священной Римской империи Марии Терезии он получил титул барона, а в 1774 г. за оказанные услуги Российской империи Екатерина II возвела его с потомством в потомственные дворяне Российской империи.

Его сын, Иван Лазаревич Лазарев являлся главным придворным ювелиром Екатерины II. Он стал известен тем, что приобрел у богатого персидского купца армянского происхождения Сафраса крупный алмаз, впоследствии названный «алмаз Орлов» и преподнес его фавориту Екатерины II графу Григорию Орлову, а тот в свою очередь преподнес его императрице. В 1774 г. Екатерина II повелела вставить бриллиант «Орлов» в императорский скипетр. В 1768 г. Иван Лазарев получил титул графа Священной Римской империи. Имея широкие связи при императорском дворе, пользуясь благосклонностью братьев Орловых и зная, что большие доходы приходят с эксплуатации горнозаводских предприятий на Урале, Иван Лазарев решает вложить накопленный капитал в Уральскую горную промышленность.

3 марта 1781 г. Иван Лазарев заключил контракт с графом Александром Сергеевичем Строгановым на аренду его Пермского имения. В состав этого имения входили Новоусольские соляные промыслы, Билимбаевский чугуноплавильный, Домбрянский медиаплавильный и железаделательный, Очерский железоделательный заводы. Эти предприятия от качественной и перспективной аренды принесли Ивану Лазареву значительный доход, поэтому после окончания аренды Иван Лазарев в 1778 г. приобрёл 1/9 часть всех строгановских вотчин в Соликамском уезде Пермской губернии с Чермозским, Усольским и Чусовским соляными промыслами, всего 504 203 десятин земли и 7.147 ревизскими душами за 450.000 рублей [1, с. 122-123].

Стараниями Ивана Лазаревича Лазарева Чермозский и Хохловский металлургические заводы превратились в крупнейшие металлургические заводы России. В последствии во время Отечественной войны 1812 г. если выпускались артиллерийские снаряды. В начале XX в. здесь изготовлялось кровельное железо. В годы Первой мировой войны на территории Пермского имения Лазаревых размещались пленные немцы, австрийцы и турки. В 1794 г.

Иван Лазарев основывает Кизеловский завод, производивший чугун. Руда выплавленного здесь чугуна была добыта из местных рудников [5].

Лазаревы развивали и другие производства. Поскольку у них имелись лесные просторы, они занимались добычей леса, а также соледобычей в Усолье.

После пересечения рода Лазаревых по мужской линии владетелем имений стал внук Екима Лазарева генерал князь Семён Давыдович Абамелек-Лазарев, ставший в 1862 г. главным распорядителем имений-заводов – 820.000 десятин земли в Пермской губернии и имений в Вятской, Подольской и Волынской губерниях. Князь С.Д. Абамелек-Лазарев внедрив технические новшества на Чермозским, Полазненском, Хохловском и Кизелевском заводах существенно увеличил выпуск продукции.

Тем не менее основой имения Лазаревых был уголь, добыча которого с 1888 по 1915 гг. увеличилась уже 16 раз, в связи с ростом спроса на это топливо.

Также в руках князя Абамелек-Лазарева к началу XX в. сосредоточилась значительная часть добычи платины в России. Платину добывали на Мало-Косьвенском прииске.

Последним владельцем имения Лазаревых был сын Семёна Абамелек-Лазарева князь Семён Семёновича Абамелек-Лазарев (1857-1916) крупный российский промышленник женатый на представительнице рода промышленников Демидовых Марии Павловне Демидовой княжне Сан-Донато. Князь также являлся известным археологом, филантропом. Князь Абамелек-Лазарев лично и активно управлял огромными Пермскими имениями - Чермосским частным промышленным округом. Ему принадлежало огромное имение в 777.849 км^2 с 10.000 работников. В имении добывали железо, чугун, уголь, соль, платину. Постоянно находясь в Петербурге князь С. С. Абамелек-Лазарев два месяца в году проводил в своих пермских имениях и, как и его предки, эффективно управлял ими.

Князь близко дружил с великим русским писателем графом Львом Николаевичем Толстым, так как его имение Голощапово в Тульской области находилось по соседству с Ясной Поляной.

В средние века армяне Булгара играли важную роль посредников в торговле между Волжской Булгарией и южными странами. В XVIII – начале XX вв. армяне оставили глубокий след в истории становления экономической жизни Прикамья и Поволжья.

Литература:

1. Абрамян А. Г. Краткий очерк армянских переселенческих очагов: в 2 т. Ереван, 1964. Т. I. 487 с.

2. Армянский след в Булгарии: по следам нового исследования [Электронный ресурс]. URL: https://news.am/ru/news/894401 (дата обращения: 10.04.2026).

3. Лазарев Лазарь Назарович [Электронный ресурс]. URL: https://um.mos.ru/personalities/lazarev-l-n/ (дата обращения: 10.04.2026).

4. Меликсет-Бек Л.М. Из истории русско-армянских отношений // Известия АН Армении. 1954. № 4. С. 19-29. [Электронный ресурс]. URL:

https://arar.sci.am/dlibra/publication/118370/edition/107836/content. (дата обращения: 10.04.2026).
5. Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://statehistory.ru/books/Metallurgicheskie-zavody-Urala-XVII-XX-vv--Entsiklopediya/194 (дата обращения: 10.04.2026).
6. Новокрещенных Н.Н. Постройка Кизеловского завода И.Л. Лазарева. Уфа: Типолитография Н. А. Безбородовой, 1892. 96 с.
7. Фадлан А. Книга о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus16/Fadlan/text.phtml (дата обращения: 10.04.2026).
8. Шилов А.В. С.С. Абамелек-Лазарев в истории предпринимательства на Урале [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/s-s-abamelek-lazarev-v-istorii-predprinimatelstva-na-urale (дата обращения: 10.04.2026).
© Степанянц С.М., 2026

УДК 956/45

Дж. С. Аннаоразов
к. и. н., старший преподаватель
Туркменистан, Ашхабад, ТГУ им. Махтумкули

J. S. Annaorazov
c of h. s., senior lecturer
Turkmenistan, Ashgabat, Magtymguly TSU

КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ ЖИЗНИ: ПЕРЕХОД ТУРКМЕНСКИХ КОЧЕВНИКОВ К ОСЕДЛОСТИ

LIFE'S UNEXPECTED TURNS: HOW TURKMEN NOMADS BECAME SETTLED

Аннотация. В статье рассматриваются изменение хозяйственного уклада и образа жизни туркменских кочевников. С завоеванием туркменских земель Российской империей, а затем и с установлением советской власти в жизни туркменских кочевников произошли важные изменения, а именно началось массовое их оседание. В советское время процесс оседание кочевников полностью завершился, что привело к неоднозначным последствиям, а в итоге к их окончательному исчезновению, как важной социально-экономической прослойки. В данной статье делается попытка осветить этот исторический процесс, протекавший на туркменской земле в конце XIX – в первой трети XX века.

Abstract: The article examines changes in the economic structure and way of life of Turkmen nomads. With the conquest of Turkmen lands by the Russian Empire, and later the establishment of Soviet rule, significant changes occurred in the lives of Turkmen nomads—most notably, the beginning of their mass settlement. During the Soviet period, the process of settling nomads was fully completed, leading to complex consequences and ultimately to the disappearance of this important socio-economic group. This article seeks to illuminate this historical process, which unfolded in Turkmen territories from the late 19th century through the first third of the 20th century.

Ключевые слова. Туркменистан. Кочевники. Скотоводческое хозяйство. Имперский и Советский периоды. Степные ревкомы и подрайоны. Коллективизация. Оседание кочевников.

Keywords: Turkmenistan. Nomads. Animal Husbandry. Imperial and Soviet Periods. Steppe Revolutionary Committees and Subdistricts. Collectivization. Sedentarization of Nomads.

XVIII-XIX вв. туркменские кочевники обитали в Каракумской степи, Хорезме, Ахале, на Атрек-Гюргене, на Мангышлаке, на берегах Аму-Дарьи, Мургаба и Теджена, занимаясь в основном разведением мелкого рогатого скота (овец и коз) и верблюдоводством. В середине XIX в. большинство туркменских племен и родов перешли на оседлость, однако скотоводство в их хозяйственной и повседневной жизни продолжало занимать ведущее место. Однако часть туркмен занималось и земледелием, поэтому они делились на «чарва» или «чарвадар» (кочевник) и «чомры» (оседлый). Если по образу жизни их называли «чарва», то по ведению хозяйства – «малдар» (скотовод), а по месту обитания – «гумлы» (степняк).

У туркменских кочевников были два способа ведение хозяйства; одни из скотоводов проживая в оазисах, занимались разведением мелкого и крупного рогатого скота, и верблюдоводства, так как недостаток воды в оазисах не давал им возможность жить только за счет земледельческого хозяйства. Другие скотоводы жили и пасли свой скот в Каракумской степи. Конечно, нелегко было занимаясь скотоводческим хозяйством, быстро разбогатеть. На сей счет в народе говорили: «торговец торговца догонит в одной сделке, крестьянин крестьянина – за год, а скотовод скотовода – за десять лет» [28]. Хотя и нелегко было разбогатеть кочевнику, но, тем не менее, они считались богатыми людьми. Так говорили в народе «чарвасы бай болар» – «кочевники – баи» [15, с. 71].

Несмотря на такое упрощенное понятие о скотоводах, все же различали их по богатству, т.е. по количеству скота. Однако советское правительство рассматривало всех кочевников как богатый класс. Доступным для всех языком об этом говорил председатель ЦИК ТССР Н. Айтаков (1894-1938) на III сессии ЦИК в октябре 1926 г.: «Почему-то сложилось такое мнение, что раз человек носит название скотовод, то он обязательно должен быть баем, независимо от того, имеет ли он 50, 100 или 1000 голов скота, хотя бы даже скотовод является чабаном» [25, Л. 14]. Наглядное отношение новых властей к скотоводам выразил один из видных руководителей Туркменистана в одном куплете своего стихотворения, где был охарактеризован богатый скотовод:

- Haýyrsyz, sahawatsyz, gan içen baýlar,
Baýlyk sizden gider, döwran eglenmez,
Köşekli, torumly gumdaky baýlar,
Köşek sizden gider, torum eglenmez [27, с. 18].
(Нет от вас благоденствия, о кровопивцы-баи,
Покинет богатство вас, уйдет сладкий покой.
С верблюжонками и торумами*, о степные баи,

* Торум – молодой верблюд.

И верблюжонок уйдет и не останется другой.

(Перевод Дж. Аннаоразова)

Особо крупные изменения в жизни скотоводов стали происходить со времени завоеваний туркменских земель Российской империей, так как, в этот период началось экономическое освоение завоеванной территории. Началось строительство железной дороги, современных городов и поселков, промышленных предприятий, культурных и социальных объектов (школ, библиотек, больниц, театров, музеев, типографии и др.), которые хотя были построены для европейского населения, но тем не менее, они сыграли огромную роль в развитии туркменских земель. Новыми властями также были проведены важнейшие мероприятия в области улучшения водо- и землепользования, строились новые гидротехнические и ирригационные сети, современные плотины и водораспределительные сооружения, внедрялась новая техника и технология, что способствовало резкому подъему растениеводству и развитию скотоводства. Одним словом, за короткое время туркменская земля была включена в капиталистическое хозяйство Российской империи.

В имперский период (1869-1917), как и раньше, скотоводство в хозяйстве туркмен традиционно занимало едва ли не ведущее место. Об этом говорят данные сенаторской ревизии (1908-1910) графа К.К. Палена, по данным которого 49% населения Красноводского уезда являлись скотоводами. В Асхабадском уезде ими же были заняты 24%, Тедженском уезде – около 10%, в Мервском уезде – около 6% населения [15, с. 23]. Кое где скотоводство являлось основным занятием населения. Так, в конце XIX в. 75% населения Пендинского приставства Мервского уезда занималось скотоводством [20, с. 15].

Традиционно в животноводстве туркмен ведущее место принадлежало овцеводству. Об этом убедительно говорит то, что в конце XIX в. овцы и козы составляли 80-90% поголовья скота Закаспийской области [14, с. 21]. В этот период туркмены разводили разные породы овец, особенно ценились каракулевые и сарджинские породы. На внутреннем и внешнем рынках большим спросом пользовались каракулевые смушки и поэтому быстро росло их количество. Если в 1904 г. Мервском уезде насчитывалось 75 тыс. каракулевый овец, в 1910 г. их было 200 тыс. голов [12, с. 21], то уже в 1914 г. их количество достигло 479 тыс. голов [13, с. 36]. В этот период высококачественная белая шерсть сарыджинской породы овец высоко ценились не только на местах, но и в России и далеко за ее пределами. Так, в конце 90-х годов XIX в. из Закаспийской области «во Францию, в Марсель, ежегодно вывозилось почти 5000 кип этой шерсти. Сбывалась она и в Америку» [10, кн. 2, с. 163].

Такие изменения, происходившие в жизни туркмен-кочевников, привели к переходу части из них к оседлой жизни. Кочевник, оседая ближе к культурной зоне, продолжал заниматься разведением мелкого рогатого скота и верблюдов, резко увеличилось их количество. Если в 1890-1994 гг. в Закаспийской области насчитывалось 1 млн 554 тыс. мелкого рогатого скота, то в 1905-1909 гг. их количество достигло 2 млн 471 тыс. голов [15, с. 23]. Такое положение вещей в

жизни кочевников продолжались до установления советской власти в Туркменистане.

В годы установления Советской власти и Гражданской войны 1918-1920 гг. количество туркменских кочевников, возвращающихся в Каракумский степь, постепенно стало расти, так как вдоль железной дороги и в оазисах шли бои сторонников и противников нового строя. Как бывшие кочевники они быстро осваивали степную жизнь, ибо там было тихо и относительно мирно.

27 октября 1924 г. образовалась Туркменская ССР, которое считается судьбоносным событием в истории туркменского народа, так как в течение нескольких веков у туркмен не было своей собственной национальной государственности. Люди безмерно радовались и верили, что с образованием национальной республики наконец-то наступит долгожданный мир и спокойствие на туркменской земле. Однако после образования ТССР начались грандиозные по размаху, но неоднозначные по содержанию политические, социально-экономические и культурные преобразования, к тому же большинство этих мероприятий стали осуществляться насильственным путем, поэтому естественно они получили острое противодействие со стороны кочевого населения. Кочевники, в силу своего уровня развития и традиционно устоявшихся жизненных укладов и взглядов на жизнь, не воспринимали большинство «новшеств» Советской власти. Часть населения культурной полосы, которые сочетали земледелие со скотоводством, чтобы спастись от земельно-водной реформы, коллективизации сельского хозяйства, а затем и от политики «ликвидации кулака как класса» снова потянулись в степи или навсегда покинув родину, ушли на чужбину.

Таким образом, к концу 20-х годов XX в. количество жителей степной полосы несколько увеличилось. В 1926-1927 гг. в Туркменистане проживало около 1 млн человек (из них более 700 тыс. составляло туркменское население), из них 100-150 тыс. человек проживало в Каракумах, которые составляли около 15% населения республики, где каждый 6-й житель проживал в степи [11, с. 71]. Следует отметить, что среди в материалах, касающиеся количества туркменских кочевников имеются и другие цифры. Например, в одних источниках их количество было указано 128 тыс. [6, с. 12], в другом – 100 тыс. [15, с. 82], а третьем – 81 тыс. 500 скотоводов [9, с. 340]. Такое число кочевников пользовались водой 6250 колодцев (в конце 1920-х гг. из них 4650 были действующими) [21, л. 35]. Кроме туркменских кочевников во второй половине 1920-х гг. в Туркменистане проживало еще около 21 тыс. кочевников восточных национальностей (казахи, белуджи, джемщиды, хазарейцы) [6, с. 13], которые проживали в приграничных кочевьях Красноводского и Мервского округов. Однако большая часть из них до начала переселения кочевников в культурную зону, покинула территорию республики и ушли обратно в Афганистан и Иран.

В 1920-1930-е гг. скотоводство Туркменистана занимало важное место в экономике не только самой республике, но и Советского Союза, т.к. они производили важнейшие виды сырья (шерсть, кожа, мясо, жир, кисломолочные продукция) для легкой и пищевой промышленности. Здесь сосредоточилось

47,7% поголовья скота и животноводы республики, которые обеспечивали 15,6% потребности легкой промышленности СССР в шерсти [11, с. 71].

Исходя из этого 4 января 1926 г. Президиум ЦИК ТССР принял Постановление, согласно которому был организован Скотоводческий комитет при Президиуме ЦИК ТССР, в состав которого вошли представители 25 республиканских учреждений. В целом, вся деятельность Скотоводческого комитета была направлена на советизацию кочевых регионов и создания там аульных советов. Для этих целей на территории Северных, Западной, Центральной и Южных Каракумов были созданы временные административные единицы – ревкомы и так называемые «подрайоны». Благодаря Скотоводческому комитету уже в 1930 г. в республике начали функционировать 17 районных Животноводческих союзов и 31 скотоводческих кооперативов. Однако с осени 1930 г. началась свертываться деятельность комитета, а в начале 1931 г., в канун выступления туркменских кочевников против советской власти, его деятельность была приостановлен.

15-20 января 1930 г. в Ашхабаде состоялся пленум ЦК КП(б) Туркменистана, который наметил к концу 1-й пятилетки объединить 40% скотоводческих хозяйств и построить 4 новых животноводческих совхозов [15, с. 78]. Основную массу поголовья естественно должны были составлять конфискованные у баев и зажиточных кочевников скот. Исходя из этого в феврале 1931 г. ЦК КП(б) Туркменистана принял Постановление о перераспределении стада, а 10 июня ЦИК и СНК ТССР приняли постановление о национализации колодцев и пастбищ в кочевой полосе республики в пользу бедноты [4, с. 9].

Столь открытое наступление на богатых скотоводов было воспринято кочевым населением как удар по всем скотоводам, так как им было чуждо понятие классового расслоения. Кроме того, скотоводы, особенно бедняцко-середняцкие слои, постоянно страдали от несправедливой налоговой политики. Бедные скотоводы говорили так: «Нас обложили одним налогом, затем другим (культсбор), после этого половинным налогом (самообложение) и, наконец, насильственным налогом (заем). Контрактации провели большинство случаев без отдачи нам потребных товаров, дали деньгами, у нас старое время не брали налогов, а там, где брали, делали это один раз. Большевики же берут несколько раз и несмотря на то, что мы голодаем, большевики нам хлеба не дают, поэтому мы вынуждены просить помощи бая, который хотя и плох, но все же момент трудности помогает. <...> На нас смотрят как на дойную корову, обслуживать же наши нужды не может или не хочет» [24, л. 5; л. 113-114].

Со стороны властей часто нарушались правила оплаты за сдаваемые продукции скотоводами. В место того, чтобы обеспечить скотоводов промышленными (мануфактура, одежда, обувь, керосин, посуда, спичка и т.д.) и продовольственными (мука, рис, сахар, кондитерские изделия и т.д.) товарами, власти расплачивались за животноводческую продукцию с никому не нужными в условиях степи (где практически отсутствовали магазины) советскими бумажными деньгами или облигациями государственных займов. Во время подавления восстании туркменских кочевников 1931 г. в их жилищах

были обнаружены большое количество облигаций государственных займов. Как отмечено в оперативной сводке: «Начальник транспорта <...> на колодце Чарышлы во время сбора трофейного имущества на вопрос красноармейца <...> «почему так много у жителей облигаций?", ответил: «Раз государство насильно заставляет брать облигации, то поневоле их будет много у них» [17, л. 136].

Недостаточное снабжение скотоводов хлебом и промышленными товарами также сопровождались самыми грубыми нарушениями. Как отмечалось в сообщении Информационного отдела Постоянного представительства ОГПУ по Средней Азии от 10 сентября 1930 г.: «12 августа 1930 года у колодца «Он-Кую» Дикчинского аульского совета [Казанджикского района] голодной смертью умер скотовод-бедняк <...>. На этой почве часть скотоводов, явившись в РИК, заявила: «Ваши порядки доводят нас до смерти. <...>. Пока нас не постигла участь голодной смерти, надо перекочевать в Персию» [1, с. 333]. 11 августа 1931 г. в Джойрукском отделении потребительского общества был отмечен случай, когда два скотовода-бедняка схватили и пытались унести к себе в кибитку мешок муки. На предложение возвратить муку скотоводы заявили: «Убейте нас или мы убьем вас, но муки не возвратим, так как мы вместе с детьми голодаем и обречены на смерть» [1, с. 333]. Все это накаляло без того взрывоопасную обстановку в республике.

В то же время в различных районах Туркменистана ходили слухи о падении советской власти в Ташкенте, Баку и других местах бывшего СССР. Скотоводы, в связи с этим заявляли: «Не сегодня-завтра советская власть падет... В России Белый царь сядет на трон, власть в Туркмении примет Джунаид-хан и все поддерживающие советскую власть будут жестоко наказаны» [26, л. 5]. Среди них также шли слухи о том, что «на колодце Чарышлы образована новая советская власть, силою 10 тыс. человек» и что «Атабаев* и Айтаков ушли к повстанцам» и т.д. [1, с. 334].

В таких условиях не только скотоводы, но и часть население культурной зоны выражали недовольство политикой советского правительства. Поэтому они стали массово покидать насиженные места и переселяться в степные районы. Имелись также массовые случаи откочевки партийцев и представителей советской власти с остальной массой населения. Всего в пески откочевало около 2300 хозяйств, из коих вооруженных 650 чел. преимущественно нарезным оружием [18, л. 291-292].

Весной 1931 г. в Туркменской республике на различных участках Каракумской степи стали образовываться повстанческие группировки, участники которых начали совершать налеты на народнохозяйственные объекты, а также организовывать террористические акты против партийно-советских работников и сельских активистов. Как отмечает Н. Рахимов, к сентябрю 1931 г. в республике по разным источникам насчитывались повстанцев с оружием в руках, от 3-х – до 30 тыс. человек [15, с. 101].

В первые месяцы восстания против них использовались отряды ГПУ, отряды милиции и т.н. «краснопалочников». Однако это не помогло подавить восстание.

---

* Атабаев Кайгысыз Сердарович (1887-1938) – первый председатель СНК ТССР.

Поэтому РВС Среднеазиатского военного округа просил высшее военное руководство СССР, разрешения произвести в сентябре на территории Туркмении крупную войсковую операцию, с использованием частей Красной Армии. 2 августа 1931 г. заместитель народного комиссара по Военным и Морским делам СССР, и председатель РВС СССР Я.Б. Гамарник обратился с письмом в Политбюро ЦК ВКП(б) – самому И. Сталину, в котором писал: «РВС Среднеазиатского Военного Округа возбудил перед Наркомвоенмором ходатайство о разрешении ему провести во второй половине сентября-октябре операцию по разоружению населения и ликвидации басмачества в Туркменской ССР (Каракумские пески и примыкающая с севера территория Казакстана)» [19]. В свою очередь И.В. Сталин, телеграфируя Ташкент, спрашивал мнения членов Средазбюро ЦК ВКП(б) по данному вопросу: «РВС Среднеазиатского военного округа просит разрешения произвести в конце сентября разоружение басмачества в Туркмении. Известно ли вам об этом, и каково ваше мнение по существу 73/с–998/ш» [19]. 5 августа 1931 г. этот вопрос обсуждался и на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), на котором выступил и сам И.В. Сталин (7. О басмачестве в Туркмении), который санкционировал эту операцию [16, Л. 138].

Несмотря на отчаянное сопротивление восстание кочевников было подавлено частями Красной Армии, в котором участвовали кроме кавалерийских полков, механизированные и артиллерийские части и авиация округа. За период с 5 сентября по 9 октября 1931 г. советскими войсками было уничтожено и захвачено 3287 «басмачей», в т.ч. 74 «курбаши» [5].

После подавления восстания кочевников ЦИК ТССР 26 января 1932 г. создал Комитет оседания при ЦИК ТССР, во главе которого был поставлен Н. Айтаков, близко знакомый жизнью кочевников. Однако Скотоводческий комитет, а затем и Комитет оседания занимались не только советизацией и созданием скотоводческих колхозов и совхозов, но также совместно с работниками силовых структур репрессированием, а затем выселением богатых и зажиточных кочевников.

В Туркменистане политика ликвидация кулака как класса (туркменский аналог – «sürgün» – «выселение») осуществлялась в 1930-1934 гг., в результате которой по неполным данным за пределы республики (Узбекистан, Казахстан, Северный Кавказ, Украина и др.) были депортированы свыше 12 тыс. человек [2, с. 83], среди которых было много жителей песков. Тогда же у скотоводов было конфисковано 125 тыс. мелкого рогатого скота, 15 тыс. верблюдов и коней [7, Л. 81, 88, 89]. Немалое число кочевников, чтобы спасти себя и нажитое своим трудом богатство бежали в соседние страны. В целом, с 1920-х – начале 1930-х годов по неполным данным из Туркменистана в Афганистан и Иран эмигрировало примерно 78,7 тыс. хозяйств, или 351 325 чел. Если исходить из того, что по переписи 1937 г. население Туркменистане, едва превышало миллионную отметку (1 млн 155 тыс. человек), то это означает, что 1/3 часть населения республики бежало из собственной страны [3, с. 310].

Одновременно продолжалось и переселение кочевников в культурную зону или около нее. Уже 27 сентября 1931 г. в Красноводске состоялось совещание представителей всех районных организаций с участием Н. Айтакова.

Совещание приняло решение о переселении скотоводческого населения из глубинных пунктов вблизи культурной полосы – колодцев. К ноябрю 1931 г. в Красноводском районе было переселено 854 хозяйств или более 4-х тыс. кочевников. Переселение происходило в тот момент, когда части Красной Армии продолжали воевать с остатками восставших кочевников. Поэтому Н. Айтаков из колодца Чагыл письменно просил командующего войсками САВО П.Е. Дыбенко, чтобы он «указал по линии авиации прекратить бомбардировки караванов переселяемых» [15, с. 106].

В ноябре 1931 г. Наркомзем ТССР разработал программу оседания скотоводов, по которому намечалось оседание 12400 скотоводческих хозяйств, из них 2465 хозяйств в 1932 г. [22, Л. 83]. Это были в основном хозяйства Красноводского и Ашхабадского группы районов.

В период подавления повстанческого движения в степи широким фронтом развертывается коллективизация, одновременно идет и оседание кочевников. Суть оседания заключалась в создании постоянного группового места нахождения скотоводческих хозяйств, т.е. организация центральных усадеб (поселков) коллективных хозяйств. Это должно было содействовать превращению кочевого скотоводства в отгонное. Помимо скотоводства, оседающие кочевники там, где есть возможность заниматься поливным и богарным земледелием, должны были вести и земледельческое хозяйство, чтобы иметь дополнительные источники дохода.

По плану оседания кочевников в Советской Средней Азии процесс должен был быть завершен в 1935 г. В Туркменистане оседание кочевников практически завершилось в начале 1940-х гг. К апрелю 1941 г. последние 200 колхозных и единоличных кочевых хозяйств Красноводской области были переведены на оседлость [8, с. 304].

В советской исторической литературе оседание кочевников характеризовалось как одно из достижений советской аграрной политики. Хотя нет необходимости умалять позитивное значение оседания кочевников, но тем не менее, оседание имела и негативные последствия в развитии животноводства республики, выражавшихся в обескотниванием кочевой массы, что привело к всеобщему обеднению скотоводов.

В целом, в результате осуществления политики оседания кочевников Каракумская пустыня хотя и осталась местом выпаса мелкого рогатого скота и верблюдов, но степь перестало быть местом кочевой жизни. Как говорят туркмены «Taýagyň iki ujy bar» – «Палки – два конца», политика оседания кочевников имела два совершенно противоположных последствий. Во-первых, подавляющее большинство кочевников окончательно осели в культурной полосе. Оседая, кочевники стали пользоваться благами современной цивилизаций (магазины, школа, клубы, медицинские пункты, ветеринарные точки, богатые водные источники, дороги и т.д.). Улучшились жилищно-бытовые и культурные условия жизни кочевников. Наравне с кибитками, бывшие степняки отныне стали жить в типовых домах, построенных из сырцовых и жженных кирпичей, но, в тоже время они своим вековым

обиталищем, которым была туркменская кибитка, долго не с могли расстаться с ней: кибитки долго еще стояли во дворах их домов, являясь летним домом.

С другой стороны, с оседанием кочевников навсегда была утеряна кочевая жизнь, сформировавшиеся в течение веков в просторах Каракумской степи, имевшей богатые традиции. Кочевники умели в условиях степи создать и содержат высокопродуктивных породы мелкого рогатого скота и верблюдов. Каракумская степь была обитаема людьми и относительно густонаселенной частью туркменской земли. Вдоль караванных дорог, идущих через степи в разные направления, располагались десятки степных аулов, которые давали возможность беспрепятственно преодолеть бескрайную пустыню, каким являлись Каракумы. С оседанием кочевников эти селения навсегда исчезли с карты Туркменистана, за исключением таких селений Огланлы, Бокурдак, Ербент и Дарваза. Большинство пастбищ были брошены, а колодцы засыпаны навсегда. Исчезли также такие способы ведения хозяйства и жизни, как «язлаг» (летовка) и «гышлаг» (зимовка), когда ранней весной жители на месяц – полтора выезжали на место выпаса скота. Эта была пора, когда у овец массово появлялись ягнята, заготовлялись высокосортные смушки, шерсти, а также люди богато запасались кисломолочными продуктами на зиму. После завершения этого цикла работы, жители возвращались к месту постоянного проживания – зимовке.

Как показывают данные, в конце XIX – начале XX в. социально-экономическая и культурная жизнь туркменских кочевников, которые испокон веков славились, как настоящие хозяева Каракумской степи, первоначально полностью изменилась, а к началу 1940-х гг., кочевая жизнь практически перестала существовать. В результате, жизненный и хозяйственный уклад кочевника был практический потерян, хотя его можно было сохранить в условиях развития современной техники и технологий. Что касается потомков кочевников, предки которых осели в культурной полосе Туркменистана, они начали заниматься нелегким трудом хлопковода, а другая часть из них трудились на заводах и фабриках городов, приумножая богатства своей республики.

Литература:

1. Аннаоразов Дж. С. «Басмаческое движение» в Туркменистане – продолжение Гражданской войны 1918-1920 гг. Анкара: Iksad publishing house, 2022. 577 с.

2. Аннаоразов Дж., Аширов Т. Эмиграция в Туркменистане (20-30-ее годы XX века) // Akademik bakiş dergisi. Sayı: 61 Mayıs - Haziran 2017. Uluslarası Hakemli Sosyal Bilimler E-Dergisi. İktisat ve Girişimcilik Üniversitesi, Türk Dünyası Kırgız – Türk Sosyal Bilimler Enstitüsü, Celalabat – Kirgizistan. С. 81-90.

3. Аннаоразов Д. С. Миграционные процессы в Туркменской ССР в годы советизации и коллективизации сельского хозяйства в СССР // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2021 г. Материалы Международной научно-практической конференции «Национальная политика и миграционные процессы в Советском Союзе. К 100-летию создания СССР» (ПермГАСПИ. 30

ноября – 1 декабря 2021 г.) Сборник / Под ред. С. В. Неганова, А. В. Черных. Пермь, 2022. С. 301-312.

4. Бабаев Н. Совхозное строительство в Туркменской ССР. Автореф. дисс. к.и.н. Ашхабад, 1984. 24 с.

5. Борьба с басмачами в Средней Азии 1918 – 1938 гг. // URL: http://www.hrono.ru/sobyt/1900war/1918basm.php (дата обращения: 20.06.2016).

6. Гадельшин Г.Ф. Путь туркменских кочевников к социализму. Ашхабад: Туркменистан, 1987. 173 с.

7. Государственный архив социально-политических документаций Туркменистана (ЦГАПДТ). Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 182.

8. История сельского хозяйства и дайханства Советского Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1979. Кн.1 (1917-1937). 332 с.

9. История Советского Туркменистана. 1917-1937 гг. Ашхабад: Туркменистан, 1970. 469 с.

10. История Туркменской ССР. Т. 2. – Ашхабад: Туркменистан, 1957. 719 с.

11. Куприкова Е.Н. Советы Туркменистана в годы первых пятилеток (1928-1937 гг.). Ашхабад: Ылым, 1991. 148 с.

12. Обзор Закаспийской области за 1904 год. Асхабад: Типография газеты «Асхабад», 1905. 376 с.

13. Обзор Закаспийской области за 1910 год. Асхабад: Электропечатня З.Д. Джаврова, 1913. 359 с.

14. Оразов А. Скотоводство у туркмен в XIX – начале XX в. (К проблеме хозяйственно-культурных типов Средней Азии): Автореф. дисс. д-ра. ист. наук. Москва, 1985. 32 с.

15. Рахымов Н. Из истории животноводства Туркменистана. Ашхабад: Туркменистан, 1996. 226 с.

16. Российский государственный архив социально-политических исследований (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10.

17. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25895. Оп. 2. Д. 19.

18. РГВА. Ф. 35085. Оп. 1. Д. 2.

19. Телеграмма Сталина в Ташкент о разоружении басмачества в Туркмении // URL: http://islamperspectives.org/rpi/items/show/11246 (дата обращения: 04.02. 2017).

20. Хуммиев Б. Развитие скотоводства в Закаспийской области в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ашхабад, 1974. 22 с.

21. ЦГАПДТ. Фонд 125. Опись 6. Дело 184.

22. Центральный государственный архив Туркменистана (ЦГАТ). Ф. 125. Оп. 6. Д. 123.

23. ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 490.

24. ЦГАТ. Ф. Р-1. Оп. 6с. Д. 244.

25. ЦГАТ. Фонд 1. Оп. 7. Дело 500.

26. ЦГАТ. Ф. Р-1. Оп. 6с. Д. 244.

27. Дурдыев Т. Ыз галдыран өмүрлер (Очерк о репрессированных партийно-государственных деятелях ТССР). Ашгабат: Түркменистан, 1974.

28. Edebiýat we sungat // 2005, 25 декабря.

© Аннаоразов Дж. С., 2026

УДК 39: 94 (575.4)

С.Дж. Атдаев
к. и. н., независимый исследователь
Туркменистан, Ашхабад

S.J. Atdaev
PhD, independent researcher
Turkmenistan, Ashgabat

КЕРИМ-БЕРДЫ-ИШАН И ГУРБАН-МУРАТ-ИШАН – ДУХОВНЫЕ ВДОХНОВИТЕЛИ ТУРКМЕН XIX В.

KERIM-BERDY-ISHAN AND GURBAN-MURAT-ISHAN – THE SPIRITUAL INSPIRERS OF THE TURKMEN OF THE 19TH CENTURY

Аннотация: туркменские духовные лидеры XIX в. – Керим-Берды-ишан и Гурбан-Мурат-ишан сыграли важную роль в защите своей страны. Однако их активная жизнь не нашла своего должного освещения в научной литературе. Автор данного исследования попытался приоткрыть завесу их роли и деятельности в туркменском обществе, используя весь имеющийся источниковедческий материал.

Annotation: The 19th-century Turkmen spiritual leaders Kerim-Berdy-ishan and Gurban-Murat-ishan played a vital role in defending their country. However, their active lives have not been adequately explored in scholarly literature. The author of this study attempts to shed light on their role and activities in Turkmen society, using all available source material.

Ключевые слова: Керим-Берды-ишан, Гурбан-Мурат-ишан, Гёк-депе, туркмены, Российская империя.

Key words: Kerim-Berdy-ishan, Gurban-Murat-ishan, Gyok-depe, Turkmens, Russian Empire.

Надежда рождает простой постулат,
Действия в жизни имеют порядок,
Выбор, что делать, и как поступать,
Верой решится в пучине загадок.
С.А.

Данное исследование посвящено жизни туркменских духовных лидеров XIX в. – Керим-Берды-ишану и Гурбан-Мурат-ишану. Упоминание о них часто встречается в источниках того времени. Частичные указания на них имеет место и в ряде историографических трудов, однако специальных научных работ об их деятельности на данный момент нет. Автор настоящего исследования решил осветить, по мере возможности, данный вопрос и представить визуальный образ этих героев.

Керим-Берды-ишан (? - 4 января 1881) происходил, по некоторым данным, из туркменского племени Магтым. Он пользовался большим влиянием и уважением среди текинцев Ахала, имел свои мюльковые земли и водный надел – сылаг-сув в Багире, Гозгане и других местах. Родом был из местности Горджав [16, p. 48]. Имел свою крепость «Керим-Берды», расположенную по соседству с укреплениями Ниса и Кёши [8, с. 66].

Известно, что Керим-Берды-ишан за свой счет устроил образовательный центр в Багире [6, т. 3, с. 257; 15, p. 200]. К моменту вторжения российских войск на туркменские земли (1869-1884) был уже в преклонном возрасте [9, с. 18].

Гурбан-Мурат-ишан (1840 - ?) родился в 1840 г. в местечке Яраджи [6, т. 2, с. 201]. Об этом же факте писали газеты, сообщая, что Гурбан-Мурат-ишан был моложе Дыкма-сердара (1825-1882) на 15 лет [12]. Так как датой рождения Дыкма-сердара является 1825 г., то выходит, что Гурбан-Мурат-ишан действительно родился в 1840 г. Принадлежал он к текинскому крылу Тогтамыш, колена Векиль**,** рода Ганджик [5, с. 24].

Гурбан-Мурат-ишан учился в Бухаре и Хиве. Его упорные старания были оценены и вскоре он получает звание ишана, став одним из знаменательных религиозных лиц Ахала. В своей бурной молодости он был известен как предводитель аламанов. Позже ишан становится правой рукой и заместителем Дыкма-сердара, заведуя складом оружия, боевых припасов и их раздачей [6, т. 2, с. 193].

Генерал Н.И. Гродеков (1843-1913) писал, что ишан этот «человек умный, храбрый, с большим характером, имеет отличный дар слова, вследствие чего пользовался большим влиянием на маслахатах. Особенную славу приобрел как щедрый, гостеприимный и справедливый при дележе добычи на аламанах» [6, т. 2, с. 201].

Один текинский поэт так описывает достоинства Гурбан-Мурат-ишана: «Его отвага служит опорою силы туранцев; в пылу сражения глаза его сверкают как у волка; против врагов он стоит как непоколебимая скала; один его крик заставляет трепетать врага; он всех неверных стонать заставляет и набожных от врагов защищает. Его слушаются ёмуты, гёклены, салыры, сарыки и текинцы. Он кормит голодных и одевает нищих. Если в мире есть великие ханы, то его надо причислить к ним». В заключение поэт восклицает: «О друзья мои! Взирайте на действия его! Он опора наша и хранитель!» [6, т. 2, с. 201-202; 12].

По описанию майора Н.Н. Сполатбога (1847-1888): «Гурбан-Мурат-ишан – молодой, умный, воинственный, был близким к людям и к ханам, и всегда участвовал на советах, в которых его речь, конечно, почиталась» [9, с. 18]. Далее Сполатбог пишет: «Влиятельных же духовных лиц в оазисе не имеется, так как духовенство не занимает здесь того положения, каким пользуются в остальном магометанском мире. Исключение составляет Гурбан-Мурат-ишан, который приобрел влияние своей воинственностью [11, с. 494]. В другом замечании Сполатбога отмечается, что Гурбан-Мурат-ишан – это человек: «духовный и вместе с тем воинственный, отличавшийся своею храбростью. Он приобрел громадное влияние в народе. Все духовные дела разбирались им, он имеет влияние и на светские дела» [11, с. 536].

В те времена, текинцы часто имели столкновения с ёмутами, которые, однако, быстро решались мирным путем. К примеру, в 1875 г. генерал Н.П. Ломакин (на посту начальника Закаспийского военного отдела с 1874 по 1881 гг.) направляет к текинцам ёмутского старшину Вели-бая, который прибыл с дорогими подарками и освобожденной из плена родственницей Гурбан-Мурат-ишана. При содействии Вели-бая в конце сентября в Гёк-депе был созван маслахат. Выступивший на собрании Вели-бай, призывал текинцев к миру и

спокойствию. Результатом этой встречи стал договор, заключенный между племенами [7, с. 44-45]. Авторитет Гурбан-Мурат-ишана был настолько высок, что общие собрания часто проходили под его председательством. Так было, к примеру, в 1877 г., когда обсуждались требования, выдвинутые со стороны генерала Ломакина к туркменам [10, с. 280].

Как пишет Гродеков: «Керим-Берды-ишан почитался народом за свою святость, а Гурбан-Мурат-ишан, за воинственность. Оба они были близки к Нур-Берды-хану (правитель Ахала (1826-1880) и принимали активное участие во всеобщих собраниях – маслахатах. Это были толкователи корана и грамотные лица, а потому вели всю дипломатическую переписку хана» [6, т. 1, с. 66-67].

По сообщению Ч. Марвина, в Ахале весьма популярными были четыре религиозных деятеля: ишаны Гурбан-Мурат из Гёк-депе, Керим-Берды из Горджава, Рахман-Берди из Дуруна и святой Махмут (Махмыт-ишан) из Кёши. Они пользовались большой известностью как благочестивые люди, окруженные ореолом святости [16, p. 48].

Российская империя, прочно ступавшая по просторам Средней Азии, вскоре появляется на окраинах туркменских земель. В октябре 1869 г. российские войска появляются на туркменском побережье Каспийского моря. Объединенные силы туркмен во главе с Говшут-ханом (правитель Мерва (1823-1878) осуществляют атаку на Михайловский пост. 5 000 отряд туркмен состоял из 5 групп, во главе которых стояли пять знатных ханов [1, с. 51]. Однако российские войска уверенно продвигаются в глубь оазиса, в особенности после того как в 1873 г. захватывает Хиву. Текинцы рассылают своих гонцов, приглашая всех кетхуд (главы родов) и старшин собираться в Гёк-депе, резиденцию четырех ханов-правителей и главного ишана Гурбан-Мурат-ишана [11, с. 187].

Керим-Берды-ишан, как набожный человек, совершает обязательное для мусульман паломничество-хадж в Мекку. Но обратном пути своего следования он посещает Стамбул, Тифлис и Баку. Возвратившись в Ахал в марте 1876 г., он делится своими впечатлениями с жителями оазиса. Он сообщает, что был свидетелем отправки из Баку в Красноводск (современный Туркменбаши) на двух пароходах Лабинских казаков и солдат [11, с. 243]. Было понятно, что это были приготовления российской армии.

После этого вожди Ахала и влиятельнейшие ишаны, собрались на совет в Гёк-депе. Было решено оказать сопротивление неприятелю, о чем было объявлено народу. Четыре главных ишана Ахала обратились к жителям оазиса, призывая их сражаться за Веру и Родину. Собравшиеся принесли торжественную клятву на Коране – тоба, пообещав, что не пожалеют своей крови и смело выступят на борьбу с врагами [16, p. 198].

Одновременно идут поиски возможных союзников. Ведутся переговоры с хивинским представителем Мусой Мутавайли и правителем Кучана Абдул-Хасан-ханом. Обсуждения с ними ведет Гурбан-Мурат-ишан и его родственник Хан-Маммет-Аталык (из текинского колена Сычмаз, рода Ак-Сопы, ковума Кыр [11, с. 296].

В начале 1879 г. организуется военный поход российских сил на Ахал, так называемый «Первый Ахалтекинский военный поход». Обязанности главного хана

Ахала исполняет сын Нур-Берды-хана Берды-Мурат-хан (1847-1879). Его советниками становятся Ораз-Маммет-хан и Гурбан-Мурат-ишан [6, т. 1, с. 145].

Чтобы приостановить продвижение русских войск, текинцы посылают в Бендесен отряд, состоявщий из 4 000 конников и 2 000 пеших. Возглавляют движение Берды-Мурат-хан, Ораз-Маммет-хан и Гурбан-Мурат-ишан. Группа, которую возглавлял Гурбан-Мурат-ишан, должна была прервать сообщение между Бами и Бендесеном. Однако сообщение о движении русских на Гёк-депе, заставило пехоту вернуться обратно [6, т. 2, с. 189].

В августе российский отряд во главе с генералом Ломакиным осаждает крепость Гёк-депе, но встретив достойное сопротивление со стороны защитников укрепления, 29 августа 1879 г. отступает обратно. В этом бою погибают Берды-Мурат-хан и Гара-батыр [16, с. 269]. В письме Гурбан-Мурат-ишана к одному из атрекских ханов говорится: «Аллах был милостив, и не позволил русским покорить правоверных, но нам пришлось дорого заплатить за благословение. С нашей стороны пало 2 000, с русской стороны 700» [16, p. 298].

Вскоре из Мерва на помощь выступает Нур-Берды-хан с 6 000 отрядом, при шести артиллерийских орудий. 3 января 1880 г. он вместе со своим отрядом движется по направлению к русскому лагерю, расположенному в местности Даш-Берды. По пути был захвачен караван с продуктами, который следовал к русскому лагерю в Чате. Отряд в 3 000 всадников возглавляли несколько предводителей, одним из которых являлся Гурбан-Мурат-ишан [13, с. 106].

В начале 1880 г. российское командование организует «Второй Ахалтекинский военный поход». Его руководителем назначается участник похода на Хиву 1873 г., руководитель захвата Андижана в 1876 г., и герой русско-турецкой войны 1877-1878 гг. генерал М.Д. Скобелев (командующий Ахалтекинской военной экспедицией с января 1880 по апрель 1881). Нур-Верды-хан переселяет всех жителей в Гёк-депе. Для выполнения этого указа были посланы 1 000 всадников, под начальством Дыкма-сардара и Гурбан-Мурат-ишана [9, с. 5]. В конце апреля 1880 г. умирает Нур-Берды-хан и ханом всего Ахала выбирается его сын Махтум-Кули-хан (1854-1923). Визирем при нем назначается Ораз-Маммет-хан, а Гурбан-Мурат-ишан возводится в сан казия (главного духовного судьи) Ахала [6, т. 2, с. 9; 11, с. 607].

6 июля 1880 г. Скобелев производит рекогносцировку Гёк-депе и удаляется. Текинцы продолжают работы по укреплению стен. В октябре 1880 г. выбираются новые 4 хана: Байрам-Али-хан, Ораз-Маммет-хан, Музеппер-ишан и Керим-Берды-ишан. При этом Байрам-Али-хан, Ораз-Маммет-хан и Музеппер-ишан были сторонниками мирного решения вопроса, а Махтум-Кули-хан и Керим-Берды-ишан им противостояли [11, с. 480; 6, т. 3, с. 147].

В октябре 1880 г. жители Ахала посылают Гурбан-Мурат-ишана в Мерв просить о помощи. Во второй половине ноября в Мешхеде русскими агентами было получено известие, что ишан возвращается с 2 000, а по другим сведениям, с 6 000 человек подкрепления и несколькими персидскими орудиями [6, т. 3, с. 145, 149].

Осада крепости Гёк-депе началась 23 декабря 1880 г. Текинцы отчаянно сопротивлялись и совершили ряд дерзких ночных вылазок. Первая из них была осуществлена 28 декабря 1880 г., а вторая – 30 декабря 1880 г. Третий ночной

выход за пределы укрепления был предпринят 4 января 1881 г. После этой вылазки на поле брани осталось лежать большое количество трупов защитников крепости и русских солдат. Скобелев предложил провести совместную уборку трупов. 6 января было назначено перемирие и началась уборка трупов. Среди погибших оказались тела Керим-Берды-ишана и Ак-Берды-хана, сына Дыкма-Сердара.

Детали гибели духовного вдохновителя текинцев Керим-Берды-ишана долгое время оставались неизвестными. К.К. Абаза упоминает, что ишан был убит во время молитвы. Об этом же писал и Н.И. Гродеков [3, с. 24]. А.К. Гейнс отмечает, что Керим-Берды-ишан с Кораном в руках был убит на стене артиллерийским снарядом [4, с. 4, 53]. Однако, в материалах В. Череванского и М.А. Терентьева точно указано, что Керим-Берды-ишан погиб непосредственно в ходе ночной вылазки 4 января 1881 г.: «Неподалеку от траншей лежал Ак-Берды, а рядом с ним Керим-Берды-ишан с Кораном в одной руке и с клычем (саблей - С.А.) в другой» [3, с. 26-27].

В ту ночь наблюдалось такое астрономическое явление как лунное затмение. По воспоминаниям туркмен «оттого и небо затемнилось в эту ночь, что русские убили их святого человека» [9, с. 11]. Народная память, со временем смещала некоторые исторические даты, так как, по другим данным, лунное затмение произошло месяцем раньше 4 декабря 1880 г. [2, с. 72]. Участник Первой мировой войны Хан Хаджиев вспоминал, что 16 июня 1917 г. текинский полк прибыл в австрийское местечко под названием Надворный. В ту ночь случилось лунное затмение. Туркмены посчитали это плохим знаком, который приведет пролитию крови множества людей. Они вспомнили, что подобное случилось раньше под Гёк-депе, а год спустя в оазисе наступил голод и болезни, уведшие за собой половину населения Ахала [14, с. 60-61].

12 января 1881 г. крепость Гёк-депе пала. Её защитники удалились в пески, но вскоре вынуждены были возвратиться. Однако, основная масса беженцев хлынула в Теджен и Мерв. Лидеры сопротивления Дыкма-сердар, Махтум-Кули-хан и Гурбан-Мурат-ишан приводят своих людей на берега Мургапа [6, т. 4, с. 30].

Хотя многие лидеры Ахала начали возвращаться в Ахал, Гурбан-Мурат–ишан продолжал оставаться в Мерве. При составлении «списка влиятельных лиц между населением Текинского оазиса» Сполатбог говорит, что Гурбан-Мурат-ишан: «По слухам, не намерен возвращаться из Мерва. Если бы вернулся, необходимо послать в Россию [11, с. 535]. В рапорте начальника Закаспийской области (П.Ф. Рерберг, на посту с мая 1881 по март 1883) от 19 октября 1881 г. отмечается: «Махтум-Кули-хан… не решался вернуться в Ахал, несмотря на то, что его уверял в этом сам Гурбан-Мурат-ишан [11, с. 575]. В докладе генерала Г.А. Борха от 22 декабря 1881 г. сообщается: «Текинцы без исключения все мусульмане суннитского толка, сохраняют некоторую наружную обрядность, но далека не фанатики. Из духовных лиц или ишанов имеют влияние лишь те, которые славятся лихими предводителями аламанов: как, например, Гурбан Мурат-ишан, верный сподвижник и ближайший друг Махтум-Кули-хана [11, с. 607].

Керим-Берды-ишан и Гурбан-Мурат-ишан являлись истинными лидерами и главными духовными вдохновителями защитников крепости Гёк-депе. Их

подвиг и деяния продолжают жить в памяти народа. Керим-Берды-ишан погиб в сражении при Гёк-депе. Захоронение-мазар Гурбан-Мурат-ишана также расположено у северной стены крепости Гёк-депе, и остается местом всеобщего народного поклонения.

Литература:

1. Андреевский Е.К. Из записок за сорок семь лет // Исторический вестник. 1912. Октябрь. С. 37-82.
2. Атдаев С.Дж. Дыкма-сердар – трагический герой трагического времени // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2024. № 1. С. 60–82. DOI: 10.28995/2686-7648-2024-1-60-82
3. Атдаев С.Дж. Эпизоды краткого перемирия // Россия и мир в исторической ретроспективе. Матер. XXX межд. науч. конф. 11 апр. 2024. Т. 1. СПб. 2024. С. 23-29.
4. Гейнс А.К. Очерк боевой жизни Ахал-Текинского отряда 1880-1881 гг. СПб. 1882. С. 84.
5. Гони Бек (Рассказ туркмена о битве с русскими под Геок-Тепе). Записал С.М. Овезбаев // Туркменоведение. Ашхабад. 1927. № 1. Сентябрь. С. 23-29.
6. Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880-1881 гг. Т. 1-4. СПб: В типографии В. Балашова. 1883-1884. 1036 с.
7. Куропаткин А. Туркмения и туркмены. СПб: Типография В.А. Полетики, 1879. 57 с.
8. М. В-ков. Известия из Азии // Туркестанский сборник. Том 424. 1907. С. 27-71.
9. Покорение Ахал-Теке: (Из записок полковника Сполатбога). Тифлис: Б. и. 1884. 25 с.
10. Попович-Липовац И. Ахал-Текинцы // Русский вестник, 1882. № 3. С. 278-299.
11. Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов). 1960. Ашхабад: Акад. наук Туркм. ССР. 824 с.
12. Русский инвалид. 1913. № 10. 12 января.
13. Туган-Мирза-Барановский В.А. Русские в Ахал-Теке. 1879 г. СПб: тип. В.В. Комарова, 1881. 177 с.
14. Хаджиев Р. Жизнь и смерть генерала Корнилова. М.: Вече, 2014. 480 с.
15. The Russians at Merv and Herat, and their power of invading India. By Charles Marvin. London: W.H. Allen & Co., Publishers to the India office, 1883. 556 p.
16. The eye-witnesses' account of the disastrous Russian campaign against the Akhal Tekke Turcomans. Describing the march across the burning desert, the storming of Dengeel Tëpe, and the disastrous retreat to the Caspian by Charles Marvin. London. W. H. Allen & Co., 13 Waterloo Place, S. W. Publishers to the India Office. 1880. 377 p.

© Атдаев С.Дж., 2026

УДК 94(470)«1941/1945»

О.А. Абдуллин
библиограф
Россия, Благовещенск (РБ), МЦБ
Р.Р. Тухватуллин
к. и. н., доцент
Россия, Уфа, УУНиТ

O.A. Abdullin
Bibliographer
Russia, Blagoveshchens (RB), ICL
R.R. Tukhvatullin
c. of h. s., associate professor
Russia, Ufa, UUST

БОЕВОЙ ПУТЬ Ш.Х. ЧАНБАРИСОВА НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В 1942 г.

THE BATTLE PATH OF S.KH. CHANBARISOV ON THE NORTHWESTERN FRONT IN 1942

Аннотация: В статье рассмотрен один из эпизодов участия в Великой Отечественной войне Ш.Х Чанбарисова: бои на Северо-Западной фронте летом 1942 г. в составе 133-ей отдельной стрелковой бригады. Показано участие Ш.Х. Чанбарисова в тяжелых и героических боях батальонов бригады, оказавшихся во вражеском в окружении.

Abstract: This article examines one episode of Sh.Kh. Chanbarisov's participation in the Great Patriotic War: fighting on the Northwestern Front in the summer of 1942 as part of the 133rd Separate Rifle Brigade. It depicts Sh.Kh. Chanbarisov's participation in the difficult and heroic battles of the brigade's battalions, which found themselves surrounded by the enemy.

Ключевые слова: Ш.Х. Чанбарисов, Великая Отечественная война, Северо-Западный фронт, 133 отдельная стрелковая бригада.

Keywords: Sh.Kh. Chanbarisov, Great Patriotic War, Northwestern Front, 133rd Separate Rifle Brigade.

К началу Великой Отечественной войны Шайхулла Хабибуллович Чанбарисов преподавал историю ВКП(б) в Златоустовском военно-инженерном училище. В декабре 1941 г. он был назначен на должность комиссара 2-го отдельного стрелкового батальона 133-й отдельной стрелковой бригады, формировавшейся в г. Бисерть Свердловской области [12].

Боевая подготовка бригады началась в январе 1942 г. [1]. Через три месяца, с 29 апреля по 1 мая 1942 г. 133-я бригада шестью эшелонами убыла на Северо-Западный фронт [12].

Весной 1942 г. войска Северо-Западного фронта вели тяжелые бои в районе Демянска, где пытались разгромить окруженную германскую группировку, а после неудачи этой операции – ликвидировать т.н. Демянский выступ [2, с. 446].

Прибытие 133-ей бригады на станцию Валдай происходило с 7 по 10 мая 1942 г. [6]. В Валдайском районе Ленинградской области (ныне район входит в состав Новгородской области) бригада получила материальную часть и вооружение, затем

совершила марш длиной 130 километров в условиях распутицы, бездорожья, болот [1]. Начальник политотдела 133-й ОСБр Н.Б. Ивушкин вспоминал: «С каждым часом идти становилось все труднее. 21 мая всю ночь снова лил дождь. Автотранспорт застрял. Подвоз продуктов прекратился. Командир бригады разрешил расходовать неприкосновенный запас» [5].

По завершении марша бригада вошла в состав 11-й армии, действовавшей на правом фланге Северо-Западного фронта. До 12 июля 133-я ОСБр находилась во втором эшелоне восточнее населенных пунктов Гонцы и Мухино Парфинского района Новгородской области на правом берегу р. Ловать, оборудовала инженерные позиции [12]. Командиры и политработники проводили боевую учебу личного состава. Н.Б. Ивушкин написал об этих днях: «...27 мая. Целые сутки идет дождь. Наш политотдельский шалаш залило водой. Сушиться ушел во 2-й батальон. Слушал, как комиссар батальона Шайхулла Хабибуллович Чанбарисов беседует с командирами и политработниками по вопросам текущей политики. Убедился, что он человек эрудированный, свободно ориентируется в главных вопросах внутренней и внешней политики нашей партии, умеет смело, прямо и в доходчивой форме ставить перед собеседниками острые вопросы, тесно увязывать их с конкретными задачами бойцов» [5].

На митинге перед наступлением старший политрук Чанбарисов говорил о любимой Родине, о древних новгородских землях, с которыми связаны истоки Русского государства, о ратных подвигах наших предков, разгромивших под водительством Александра Невского немецких псов-рыцарей. Слова, призывающие не посрамить земли русской и отомстить фашистам за все злодеяния, совершенные на советской земле, он произносил отрывисто, горячо. А когда Чанбарисов повторил свою речь на татарском языке, разразились аплодисменты. В бригаде были люди, знавшие татарский язык [6].

После собрания Чанбарисов рассказал оставшемуся на ночлег в расположении батальона начальнику политотдела о своем детстве, о трудностях в учебе. «Моя мечта, – сказал он, – одна: если останусь жив, то основательно возьмусь за изучение истории. Уж очень нравится мне эта наука» [5].

12 июля 1942 г. бригада совершила марш к новому месту расположения. 16 июля бригада получила боевой приказ: овладеть узлом сопротивления Туганово, частью сил уничтожить противника в районе Большие Роги, а затем, развивая наступление, овладеть деревней Росино на правобережье реки Пола. Справа должна была действовать 228-я, а слева – 370-я стрелковые дивизии [12].

Перед боем в подразделениях бригады прошли партийные собрания с повесткой дня «Место коммуниста в предстоящем наступательном бою». Партийные собрания послужили средством мобилизации личного состава на выполнение боевой задачи. Перед наступлением около двухсот красноармейцев и командиров бригады подали заявления в партию. К началу наступления командиры и политработники подразделений успели вручить личному составу подарки, полученные от трудящихся города Златоуста Челябинской области. Вместе с подарками златоустовцы прислали теплые письма, в которых рассказали о своих трудовых успехах и выразили самые добрые пожелания воинам [5].

Бригадный боевой порядок был построен тремя эшелонами. Причем 2-й и 3-й батальоны бригады находились в первом эшелоне боевого порядка, 1-й батальон – во втором эшелоне [4, с. 24]. 17 июля после короткой артподготовки батальоны бригады пошли в наступление [8, с. 8].

Командир 2-го батальона капитан М.Т. Князев управлял боем с КП, а комиссар старший политрук Чанбарисов находился в цепи наступающих. С призывами «Вперед, за мной!», «Проучим гитлеровских бандитов!» он поднимался в атаку, увлекая вперед бойцов. Энергичный, порывистый, бесстрашный комиссар появлялся там, где было особенно тяжело [3].

В последующие дни удалось захватить и удержать только одну господствующую высоту – «Огурец», но основной приказ по взятию Туганово и Большие Роги не был выполнен. 21 июля части бригады перешли к организации жесткой обороны на достигнутых рубежах. Таким образом, под сильным огнем противника и последовавшей затем бомбежкой подразделения бригады вынуждены были перейти к обороне [4, с. 28].

Сказалось отсутствие боевого опыта у большинства личного состава, недостаточное взаимодействие с артиллерией и приданными танками, незначительная продолжительность огневого вала по переднему краю противника, артподготовка по площадям, которая не обеспечила подавления огневых точек противника [4, с. 29].

22 июля 133-я ОСБр передала свои позиции 92-му стрелковому полку 201-й стрелковой дивизии и была временно выведена во второй эшелон [12].

29 июля бригада получила приказ: совершить 25-километровый марш и сосредоточиться в районе Малые Дубовицы. К исходу 30 июля бригада прибыла к назначенному району. Последовал приказ: занять и прочно удерживать рубеж обороны на западной опушке леса восточнее Новое Рамушево, имея левый фланг обороны у юго-западной части болота Сучан.

Согласно ведомости личного состава 133-ей бригады на 30 июля в её подразделениях насчитывалось 398 человек командного состава, 613 – младшего командного состава, 1985 – рядового состава. Таким образом, общая численность командного и рядового состава бригады составляла 2996 военнослужащих [9, с. 1].

Боевые действия совместно со 151-й стрелковой бригадой начались в ту же ночь. Командир 133-ей бригады подполковник З.С. Ревенко выдвинул вперед роту автоматчиков. Она должна была нанести первый удар. За ней следовали несколько стрелковых рот и взвод противотанковых ружей. Их задача – закрепить успех автоматчиков, блокировать огневые точки и удерживать захваченные рубежи. Ночной удар оказался неожиданным для врага. Коммуникации 151-й стрелковой бригады, на которых закрепились гитлеровцы, были очищены. Фашисты потеряли в этом бою 130 человек убитыми. Боевую задачу бригада выполнила и заняла указанный ей рубеж обороны. Но главные события были впереди [5].

Гитлеровцы не хотели смириться с потерей выгодного рубежа. На другой день они атаковали бригаду с фронта и пытались мелкими группами просочиться на ее коммуникации. Однако успеха эти атаки не имели. Получив подкрепление, фашисты перешли в новое наступление. Завязались тяжелые

бои. Оборона бригады, проходившая по кромке болота, опушке леса и кустарникам, состояла из отдельных узлов сопротивления. Нащупав уязвимые места, используя численное превосходство в живой силе, враг прорвался 4 августа на коммуникации 133-й ОСБр. Расчет был на то, что, опасаясь окружения, бригада отступит. Однако никто и не помышлял об отходе [6]. 6 августа 1942 г. немцам удалось окружить 2-й и 3-й батальоны 133-й бригады [4, с. 32]. В окружение попал также 3-й батальон 151-й стрелковой бригады.

Снабжение бригады вооружением, боеприпасами, продовольствием, медикаментами, которое было и до окружения затруднительным, теперь стало особенно тяжелым. О сложившейся обстановке было немедленно доложено в штаб 11-й армии. Последовал приказ: батальонам, попавшим в окружение, оставаться на месте и продолжать бой, а наличными силами бригады очистить от врага коммуникации и соединиться со 2-м и 3-м батальонами [5].

13 августа по приказу все окруженные батальоны возглавили командир 2-го батальона 133-ей бригады капитан Смекалин и комиссар батальона старший политрук Чанбарисов [9, с. 5].

Они распорядились взять на учет все боеприпасы и продовольствие и собрать их в одно место. Учет и хранение возложили на хозяйственного и очень честного красноармейца Иллариона Алексеевича Пересунько. Ежедневная продовольственная норма была сокращена до 100 г сухарей в день. На этом надо было держаться. А в дальнейшем выход был только один: организация снабжения воздушным путем. Об этом подполковник З.С. Ревенко и просил начальника тыла армии. Однако армия не имела своей авиации. Начались переговоры с фронтом. Тогда и было принято решение: на выручку пришли самолеты У-2, или, как их потом стали называть по фамилии конструктора Поликарпова, По-2. Эти самолеты на Северо-Западном фронте причинили много неприятностей врагу. Они летали, главным образом ночью, на малой высоте, бреющим полетом и сбрасывали на головы фашистов мелкие бомбы.

Подразделениям, находившимся в окружении, летчики на самолетах У-2 стали доставлять продовольствие и боеприпасы. Было это совсем не просто. Немцы находились рядом и дублировали сигналы наших бойцов, ставя летчиков в затруднительное положение. Не все грузы, сброшенные с самолетов, удавалось подобрать. Часть из них попадала к врагу, часть оставалась в болотах.

Первый раз самолеты сбросили груз 9 августа. Чанбарисов доложил, что Пересунько с бойцами подобрали три мешка сухарей. Через день получили два мешка сухарей, два ящика консервов и ящик патронов. Продовольственную норму пришлось еще сократить. Теперь на одного человека выдавалось 60 г. сухарей и на 15 человек – банка консервов [6].

Каждую ночь с тревогой и надеждой все ждали самолетов. А когда они появлялись, следили за тем, куда сбрасывали грузы. На наблюдательном пункте бригады командование сидело у рации и ждало сообщений Чанбарисова. К сожалению, и в последующие дни получали по воздуху продовольствия и боеприпасов явно недостаточно. 12 августа – 8 мешков сухарей и 15 ящиков боеприпасов. 13 августа – тоже 8 мешков сухарей и несколько ящиков боеприпасов. 14 августа – 2 мешка сухарей. 15 августа – 4 ящика боеприпасов.

16 августа последний раз получили 4 мешка сухарей, 10 банок консервов, табак и медикаменты. Таким образом, после 16 августа окруженные батальоны уже не получали боеприпасов и продовольствия. Скудное питание в условиях непрерывных боев приводило к физическому ослаблению бойцов. Кроме того, среди окруженных красноармейцев было много раненных, оказать необходимую медпомощь которым было невозможно [9, с. 4].

Сложной стала организация связи управления окруженных батальонов со штабом бригады. Н.Б. Ивушкин вспоминал: «Настал день, когда радиосвязь штаба бригады со Смекалиным почти прекратилась. Все батареи «сели», а заряжать их было негде. Рацию включали два-три раза в сутки, и то на несколько минут. Для зашифрованного разговора требовалось много времени. Открытым текстом говорить нельзя — подслушивает противник. Как быть?

– Найдите человека, который поймет мой родной язык, – подсказал по радио Чанбарисов. Он даже не назвал какой. Но мы-то знали, какой у него родной язык. Такого человека мы нашли. В дальнейшем все, что касалось боевой обстановки, комиссар докладывал на татарском языке. У рации на наблюдательном пункте бригады слушал и переводил красноармеец Галимов» [6].

Противник яростно атаковал окруженных бойцов бригады со всех сторон. Но, как подчеркивает Н.Б. Ивушкин, «сопротивление не было сломлено ни на одном участке. Смекалин и Чанбарисов умело командовали подчиненными им батальонами. Командиры и бойцы, пробиравшиеся в штаб бригады с различными поручениями, высоко оценивали их действия. По своим характерам командир и комиссар как бы дополняли друг друга» [6].

Рассказывая о Чанбарисове, Н.Б. Ивушкин привел также такой эпизод боев: «Когда во взводе станковых пулеметов вышли из строя все боевые расчеты. За пулеметы легли Чанбарисов и командир взвода сержант Потеряев. Они вели огонь до тех пор, пока не отбили атаку гитлеровцев. Приходилось Чанбарисову стрелять из противотанкового ружья, корректировать огонь артиллерии, водить бойцов в штыковые атаки» [6].

В Приложении к журналу боевых действий 133-ей бригады особо отмечена моральная стойкость бойцов и подчеркнут такой факт: в ходе боев в окружении 15 человек подали заявление в партию и были приняты в её состав ВКП(б) [9, с. 4].

В Политдонесении политотдела 133-ей бригады от 25 августа 1942 г. было отмечено, что во время окружения партийно-политическая работа не прекращалась. На собрании партактива 2-го батальона с докладом по вопросу «Задачи коммунистов в условиях окружения» выступил Ш.Х. Чанбарисов. Основной формой партийно-политической работы стала устная агитация. Так политработники постоянно проводили беседы с бойцами, «военком 2 батальона ст. политрук Чанборисов лично инструктировал разведчиков перед каждым выходом на выполнение боевого задания» [11, с. 1-2].

Противник пытался воздействовать на окруженных красноармейцев средствами: разбрасывались антисоветские листовки, обращались к ним через рупоры-громкоговорители. Но за время окружения не было ни одного случая предательства [11, с. 3].

В Политдонесении приведены как примеры мужества и стойкости бойцов Красной Армии, так и описаны «отдельные аморальные явления». Среди последних упомянуты невыполнение приказа командира во 2-м батальоне – за что боец был расстрелян на месте. В 1-м батальоне были расстреляны три человека: один за трусость, два – за членовредительство. Политрука 2-й роты 1-го батальона Бондарева за трусость в бою исключили из рядов ВКП(б), сняли с поста и отправили в штрафной батальон [11, с. 3].

Положение окруженных батальонов продолжало осложняться: они находились под сильным артиллерийско-минометным огнем противника, к 17 августа немцы проложили деревянную дорогу, по которой подвезли 2 легких танка и вели с них обстрел прямой наводкой [9, с. 5]. 17 августа было получено указание об отводе 2-го и 3-го батальонов бригады [4, с. 32]. В составе 151-й стрелковой бригады и 133-й ОСБр были сформированы усиленные стрелковые роты для наступления с севера и соединения с отсеченными подразделениями [4, с. 33].

Противник оказывал ожесточенное сопротивление попыткам прорыва окружения, вел мощный артиллерийский и минометный огонь по нашим батальонам, потери которых непрерывно росли [9, с. 7].

19 августа вечером Смекалин и Чанбарисов после согласования с командованием приняли решение выходить ночью на широком фронте, просачиваясь сквозь оборону противника. Всех людей разбили на три группы. Командиром первой группы, в составе которой было 53 человека, был назначен старший лейтенант И.А. Подурец, комиссаром – старший политрук С.Н. Горбунов. Командиром второй группы, в которую вошло 49 человек, – лейтенант Козлов, комиссаром – политрук Бондаренко. Третью группу численностью 54 человека возглавили капитан Ф.В. Смекалин и старший политрук Ш.Х. Чанбарисов [10, с. 3]. Для эвакуации раненых были созданы команды носильщиков и выделены подразделения прикрытия.

Ночью начался выход. Схватки носили ожесточенный, но скоротечный характер. Боеприпасы у наших воинов, по сути, отсутствовали. Действовали главным образом штыком и гранатой. Прикрывались пулеметным огнем. Из окружения вышли не все. С особой гордостью и любовью оставшиеся в живых бойцы и командиры говорили о своем комиссаре. Чанбарисов всегда пленял окружающих неукротимой верой в людей. Бойцы и офицеры отвечали ему взаимной верой и любовью [6].

В ночь с 19 на 20 августа из окружения вышли всего до 35 человек из разных батальонов [9, с. 7]. Всего же на 21 августа из окружения смогли выйти 52 человека [10, с. 3]. Т.е., только треть из тех командиров и бойцов, кто 19 августа героически пошел на прорыв из окружения.

3 сентября 1942 г. по Приказу № 01113 старший политрук военный комиссар 2-го стрелкового батальона 133-й отдельной стрелковой бригады Чанбарисов Ш.Х. «за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» был награжден орденом Красного Знамени» [7]. Это была первая, но далеко не последняя боевая награда Шайхуллы

Хабибулловича. Известный татарский писатель Г.Б. Баширов фактически сразу после боев опубликовал о Чанбарисове очерк «Комиссар» [3].

В декабре 1942 г. 133-я отдельная стрелковая бригада была расформирована, а командиры и политработники, в том числе и Ш.Х. Чанбарисов, были переведены в другие воинские части и соединения. Боевой опыт, приобретенный Шайхуллой Хабибулловичем на Северо-Западном фронте, позволил ему достойно выполнить свой воинский и партийный долг вплоть до Победы в Великой Отечественной войне и на завершающем этапе Второй мировой войны. После окончания Великой Отечественной войны и военной службы Ш.Х. Чанбарисов стал профессиональным историком, организатором и руководителем в сфере высшего образования СССР, первым ректором Башкирского государственного университета.

Литература:

1. Бисертская стрелковая. [Электронный ресурс]. URL: https://nashural.ru/article/istoriya-urala/bisertskaya-strelkovaya/ (дата обращения: 08.04.2026).

2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.

3. Ергин Ю.В. Первый ректор Башкирского государственного университета. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pervyy-rektor-bashkirskogo-gosudarstvennogo-universiteta/viewer (дата обращения: 23.02.2026)

4. Журнал боевых действий 133 осбр. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=150401513 (дата обращения: 09.05.2026).

5. Ивушкин Н.Б. Место твое впереди. М.: Воениздат, 1986. 272 с. [Электронный ресурс]. URL: https://militera.lib.ru/memo/russian/ivushkin_nb/index.html (дата обращения: 09.04.2026).

6. Ивушкин Н.Б. Под Старой Руссой // На Северо-Западном фронте 1941-1943 / составитель Ф. Н. Утенков, под ред. генерал-лейтенанта П.А. Жилина. М.: Наука, 1969. 446 с. [Электронный ресурс]. URL: https://militera.lib.ru/h/nwf/14.html (дата обращения: 09.04.2026).

7. Приказ войскам Северо-Западного фронта №: 1113 от 03.09.1942. [Электронный ресурс]. URL: https://podvignaroda.ru/?#id=6020956&tab=navDetailDocument (дата обращения: 09.05.2026).

8. Приложение № 1 к журналу боевых действий 133 Отдельной стрелковой бригады. Боевые действия под Тугановым. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=150401513 (дата обращения: 05.04.2026).

9. Приложение № 2 к журналу боевых действий 133 Отдельной стрелковой бригады. Боевые действия на болоте Сучан. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=150401513 (дата обращения: 10.04.2026).

10. Приложение № 2 к журналу боевых действий 133 Отдельной стрелковой бригады. Боевые действия на болоте Сучан. Действия 133 ОСБР по занятию и удержанию рубежа на правом фланге Армии в р-не леса сев. вост. Омычкино, за период с 30.07 по 20.08.42 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=150401513 (дата обращения: 10.04.2026).

11. Политдонесение политотдела 133 ОСБр, 25 августа 1942 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=150401513 (дата обращения: 11.04.2026).

12. Северо-Западный фронт. Демянский котел. 133 отдельная стрелковая бригада. [Электронный ресурс]. URL: https://demjanskij-kotel.blogspot.com/2011/03/133.html#more (дата обращения: 23.03.2026).

© Абдуллин О.А., Тухватуллин Р.Р., 2026

УДК 316.42:94

О.Н. Игнатьева
к. соц. наук, доцент
Россия, Уфа, УУНиТ
Р.В. Сизоненко
старший преподаватель
Россия, Уфа, УУНиТ
Н.А. Галимуллина
к. э. н., доцент
Россия, Уфа, УУНиТ

O. N. Ignatyeva
c. of social. s., associate professor
Russia, Ufa, UUST
R. V. Sizonenko
Senior Lecturer
Russia, Ufa, UUST
N. A. Galimullina
c. of econ. s., associate professor
Russia, Ufa, UUST

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК РЕСУРС ОБЩЕСТВЕННОЙ КОНСОЛИДАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИИ

HISTORICAL MEMORY AS A RESOURCE OF SOCIAL CONSOLIDATION IN MODERN EURASIA

Аннотация: В статье рассмотрена историческая память как одно из важнейших оснований общественной сплоченности в современной Евразии. Показано, что устойчивость гражданской общности зависит не только от политических решений, но и от того, насколько последовательно в образовании, просвещении и общественном общении поддерживается правдивое и ценностно выверенное представление о прошлом. Особое внимание уделено российскому опыту.

Abstract: The article examines historical memory as one of the main foundations of social cohesion in modern Eurasia. It shows that the stability of civic community depends not only on political decisions, but also on the extent to which truthful and value-based representations of the

past are supported in education, enlightenment and public communication. Special attention is paid to the Russian experience.

Ключевые слова: историческая память, гражданская идентичность, общественная консолидация, историческое просвещение, Евразия, молодежь

Keywords: historical memory, civic identity, social consolidation, historical enlightenment, Eurasia, youth

Обращение к прошлому в начале XXI века перестало быть только делом ученых, архивистов и преподавателей. В современном евразийском пространстве спор о прошлом все чаще оказывается спором о нравственных опорах общества, о границах политического единства, о преемстве поколений и о том, на каких основаниях человек соотносит свою частную биографию с судьбой страны. По этой причине историческая память должна рассматриваться не как набор разрозненных сведений о прежде бывших событиях, а как живая система представлений, через которую общество удерживает связь времен, различает собственный опыт и чужие навязанные толкования, вырабатывает язык солидарности и гражданского участия [1; 3; 4].

Отечественная научная мысль убедительно показала, что память о прошлом складывается не сама собой. Ее содержание определяется тем, какие события признаются смыслообразующими, какие образы закрепляются в школе, семье, музее, книжной культуре и общественном разговоре, какие нравственные выводы следуют из исторического опыта. В работах российских исследователей подчеркивается, что историческая память удерживает общество от распада на несообщающиеся группы, поскольку создает поле общих символов, общих переживаний и общих оценок [5]. Вместе с тем память может становиться и предметом борьбы, если прошлое подается в виде взаимно исключающих версий, размывающих образ страны и обесценивающих ее исторический путь [1; 2; 4].

Для современной России особое значение имеет соединение исторической памяти с гражданской идентичностью. Речь идет не о внешнем повторении правильных формул и не о ритуальном перечислении памятных дат. Подлинное гражданское чувство рождается там, где человек понимает цену исторических испытаний, осознает меру народного подвига, видит в судьбе страны не отвлеченную схему, а нравственный опыт, требующий личного внутреннего ответа. По этой причине общая память не может строиться лишь на торжественных мероприятиях. Ей необходимы работа с источником, семейное предание, внимательное изучение истории своей малой родины, сопоставление различных свидетельств и воспитание способности различать правду и произвольное истолкование [2; 6].

Нормативные ориентиры последних лет прямо закрепили значение исторического знания и ценностной преемственности для единства страны. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей связывают общественную устойчивость с уважением к исторической памяти, культурному наследию и нравственным основаниям народной жизни [7]. Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического

просвещения развивают ту же линию, подчеркивая, что историческое знание должно опираться на научную достоверность, преемственность и защиту исторической правды [6]. Нормативное закрепление данной установки важно само по себе, однако решающее значение имеет то, каким образом она воплощается в повседневной работе школы, университета, учреждения культуры, средств общественного общения.

Особенно чувствительной к качеству исторической работы является молодежная среда. Исследования, проведенные в студенческой аудитории, показывают, что именно памятные практики, места памяти, участие в содержательном разговоре о прошлом, а не механическое запоминание дат, оказывают заметное влияние на укрепление общероссийской гражданской идентичности [8]. Для университетской среды отсюда следует важный вывод. Историческая память должна входить в образовательный уклад не в виде разового идеологического призыва, а в форме устойчивой исследовательской и просветительской деятельности: через работу с документом, междисциплинарные семинары, местную историю, студенческие экспедиции, обсуждение спорных вопросов с опорой на доказательство, а не на готовый лозунг.

Для евразийского пространства в целом вопрос о памяти имеет еще одно измерение. На огромной территории, где веками сосуществовали разные народы, веры, хозяйственные уклады и политические традиции, общественное согласие не может удерживаться только административным усилием. Нужен общий смысловой каркас, который позволит различным общностям узнавать себя в большой истории, не отказываясь при этом от собственной культурной особенности. Российский опыт показывает, что таким каркасом может быть не уравнивание различий, а признание единства исторической судьбы при сохранении многоголосия народной памяти. Историческая память в этом случае перестает быть узким учебным разделом и становится средством общественного согласия, которое препятствует распаду общего пространства на враждующие версии прошлого.

Следовательно, общественная консолидация в современной Евразии напрямую связана с тем, насколько ответственно государство, наука и образование выстраивают работу с прошлым. Память, опирающаяся на доказанное историческое знание, укрепляет гражданскую общность, возвращает молодому поколению чувство преемства и делает более прочной нравственную ткань общества. Именно поэтому забота об исторической памяти должна пониматься как стратегическая работа по сохранению истины о прошлом, по укреплению культурного наследия и по воспитанию человека, способного соотносить личную судьбу с историей своей страны [1; 5; 6].

Литература:

1. Бараш Р.Э. Историческая память как ценностное основание гражданской идентичности российского общества 2020-х гг. // Социум и власть. 2024. № 4 (102). С. 116-132. DOI: 10.22394/1996-0522-2024-4-116-132.

2. Иоселиани А.Д., Тачкова А.К. Историческая память, гражданственность и идентичность российского общества // Вестник экономической безопасности. 2024. № 3. С. 75-77. DOI: 10.24412/2414-3995-2024-3-75-77.

3. Моисеенко О.А. Роль исторической памяти в формировании гражданской идентичности современной России // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2022. № 4.

4. Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2019. № 4 (40). С. 62-71.

5. Тухватуллин Р.Р., Шаяхметов Ф.Ф. Политика памяти и коммеморативные практики в консолидации российского общества в условиях современных вызовов (на примере Республики Башкортостан) // Евразийский юридический журнал. 2024. № 12 (199). С. 582-584.

6. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534 (дата обращения: 14.04.2026).

7. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 14.04.2026).

8. Фролова И.В. Мемориализация наследия Карима Хакимова: опыт Башкортостана // Карим Хакимов. прошлое становится настоящим: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (28 ноября 2024 г., Уфа) / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин, Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа : Книга-принт, 2024. С. 13-17.

8. Шумкова Н.В. Историческая память как интегративный ресурс общероссийской гражданской идентичности студенческой молодежи // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 2. С. 140-150. DOI: 10.15507/2078-9823.058.022.202202.140-150.

© Игнатьева О.Н., Сизоненко Р.В., Галимуллина Н.А., 2026

УДК 327(5+4):327.7(045)

Ф.Ф. Шаяхметов
к. и. н., доцент
Россия, г. Уфа, УУНиТ

F.F. Shaiakhmetov
c. of h. s., associate professor
Russia, Ufa, UUST

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ШОС И БРИКС В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION (SCO) AND BRICS IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL TRANSFORMATION OF THE MODERN WORLD ORDER

Аннотация: Статья посвящена анализу перспектив развития Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и БРИКС в контексте глобальной трансформации современного мирового порядка. В ней рассматриваются ключевые этапы институционального развития обеих организаций, а также выявляются их действия, направленные на формирование многополярной архитектуры международных отношений. В статье обоснован вывод о том, что обе структуры находятся на качественно новом этапе развития, однако их дальнейшие усилия по созданию более справедливого миропорядка должны быть сосредоточены на совершенствовании институциональных механизмов и преодолении внутренних проблем и противоречий.

Abstract: The article is devoted to an analysis of the prospects for the development of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and BRICS in the context of the global transformation of the modern world order. It examines the key stages of institutional development of both organizations and identifies their actions aimed at shaping a multipolar architecture of international relations. The article substantiates the conclusion that both structures are at a qualitatively new stage of development, but their further efforts to create a more just world order should be focused on improving institutional mechanisms and overcoming internal problems and contradictions.

Ключевые слова: ШОС, БРИКС, многополярность, миропорядок, Глобальный Юг, международные организации.

Keywords: SCO, BRICS, multipolarity, world order, Global South, international organizations.

Современная система международных отношений переживает период глубокой трансформации, которую многие политики и исследователи характеризует как переход от однополярного миропорядка к полицентричной системе [17]. В этих условиях Шанхайская организация сотрудничества и объединение БРИКС приобретают значение, выходящее далеко за рамки их первоначальных региональных и клубных форматов. Так, президент России В.В. Путин в июле 2024 г. на заседании Совета глав-государств ШОС в Астане заявил: «Шанхайская организация сотрудничества, наряду с БРИКС, выступают мощным локомотивом процессов глобального развития и утверждения подлинной многополярности» [12]. Министр иностранных дел России С.В.

Лавров на сессии ООН в 2023 г. утверждал о рождении нового миропорядка «прямо на наших глазах»: «Контуры будущего созидаются в борьбе. Между Мировым большинством, выступающим за более справедливое распределение глобальных благ и цивилизационное многообразие, и между теми немногими, кто применяет неоколониальные методы подчинения, чтобы удержать свое ускользающее доминирование» [1].

Актуальность темы обуславливается углублением кризиса однополярной модели миропорядка, ростом влияния стран Глобального Юга и их политикой по формированию многополярного мира, в котором будут учтены интересы всех участников международных отношений. За время своей деятельности ШОС и БРИКС пережили этап становления и превращения в влиятельные центры силы: в 2024-2026 гг. в БРИКС произошло расширение число полноправных членов с пяти до десяти и учредив категорию государств-партнёров [10]; ШОС расширила свой состав до десяти государств-членов, превратившись в полноценную международную организацию; доля стран БРИКС в глобальном ВВП в 2025 г. достигла 39,2%, а доля «Большой семёрки» (G7) сократилась до 28,3% [15].

Деятельность ШОС и БРИКС достаточно хорошо освещена в научной литературе. В работе Д.В. Малышева выделяются основные этапы формирования и современные тенденции развития обеих структур. Автор утверждает, что саммиты ШОС в Астане и БРИКС в Казани в 2024 г. «призваны вывести развитие этих международных структур, с которыми связаны надежды на становление нового, более справедливого мирового порядка, на качественно новый уровень» [9]. Работа И.А. Сафроновой посвящена этапам институционального становления ШОС [14], коллективная работа под редакторством С.Г. Лузянина – развитию сотрудничества ШОС с международными структурами [11], В.Ю. Лукьянова – истории развития обеих структур [8]. Несмотря на большое количество публикаций на эту тему, постоянно меняющаяся международная обстановка в мире требует постоянного изучения роли ШОС и БРИКС в трансформации современного мира.

Шанхайская организация сотрудничества, созданная 15 июня 2001 г. на базе «Шанхайской пятёрки» (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан) с целью обеспечения безопасности и стабильности вдоль границ бывших советских республик и Китая [5], в 2026 г. отмечает свой 25-летний юбилей. За четверть века ШОС превратилась в полноценную международную организацию на территории евразийского пространства, в состав которой 10 государств-членов, 15 стран-партнёров по диалогу и 2 государства-наблюдателя. Общая площадь стран ШОС составляет около 36 млн км^2 (65% территории Евразии), а численность населения превысила 3,4 млрд человек – почти половина населения Земли [18]. На саммите ШОС в Тяньцзине в сентябре 2025 г. была принята Стратегия развития ШОС до 2035 года, в которой отмечается растущий вклад организации в формирование многополярного миропорядка [16].

В отличие от ШОС, БРИКС так и не стал полноценной международной организацией – это скорее международно-переговорный формат, не имеющий устава, постоянного секретариата и формализованной процедуры приёма новых

участников [9]. Между тем, объединение развивается, чему сильный импульс был придан на XV саммите в Йоханнесбурге в августе 2023 г., на котором было принято решение о расширении БРИКС. С 1 января 2024 г. к объединению присоединились Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия, 6 января 2025 г. полноправным участником стала Индонезия [6]. В настоящее время БРИКС объединяет 10 полноправных членов и 10 государств-партнёров. Растущее глобальное влияние БРИКС призван подтвердить XVIII саммит объединения, который состоится в 2026 г. в Индии.

Привлекательность БРИКС для стран Глобального Юга определяются множеством факторов, среди которых экономика и выгоды от многосторонней торговли занимают ключевое место. Совокупная доля стран БРИКС в глобальном ВВП по паритету покупательной способности (ППС) по итогам 2025 г. достигла 39,2%, а доля G7 опустилась до 28,3%, а разрыв между двумя группами достиг рекордных 10,9 % [15]. По прогнозам МВФ, средний рост ВВП стран БРИКС в 2026 г. составит 3,7%, что более чем в три раза превышает прогнозируемый средний рост G7 (1,1%) [19].

Важным институтом БРИКС стал Новый банк развития (НБР) со штаб-квартирой в Шанхае, региональные центры которого открыты в ЮАР, Бразилии, России и Индии. Члены БРИКС стремятся к расширению расчётов в национальных валютах, создание альтернативной платёжной инфраструктуры (платформы BRICS Bridge и BRICS Clear) и углубление экономического сотрудничества. В своей политике страны БРИКС стремятся к развитию собственной платежной системы, исходя из цели ослабления валютных рисков, укрепления финансовой устойчивости, защиты системы трансграничных платежей [4].

Оценивая роль ШОС и БРИКС в современном мире накануне своего визита в Китай в мае 2024 г., В.В. Путин в интервью китайскому агентству Синьхуа сделал следующе заявление: «ШОС и БРИКС утвердились в качестве ключевых опор формирующегося многополярного мира. Они стали авторитетными, динамично развивающимися международными площадками, в рамках которых их участники выстраивают конструктивное взаимодействие в политике, безопасности, экономике, а также в гуманитарной сфере» [13].

На основании анализа основных направлений и тенденций развития ШОС и БРИКС можно выделить несколько ключевых векторов их деятельности. Центральное место в отношениях между членами и участниками обеих структур занимает комплекс финансовой, экономической и торговой сфер взаимодействия. Как утверждается в одной из работ, посвященных данной проблеме, «именно через углубление сотрудничества в этих сферах страны-участницы выстраивают альтернативные механизмы, снижая зависимость от традиционных западных финансовых институтов и создавая основы для более справедливого многополярного миропорядка» [3].

Не менее значимую роль выполняет вектор институционального развития ШОС и БРИКС – они стоят перед дилеммой долгосрочных правил интеграции, формализации процедуры приёма новых участников либо приостановки

данного процесса с целью более качественной интеграции в рамках уже существующих границ и институтов обеих структур.

В условиях современных глобальных вызовов и угроз критически обостряется проблема обеспечения коллективной безопасности членов обеих структур и заинтересованных в интеграции в их состав новых стран Глобального Юга. Проблема коллективной безопасности в ШОС и БРИКС носит многослойный характер: от борьбы с терроризмом и экстремизмом до защиты новых членов от внешних угроз (например, Иран) и формирования альтернативной финансово-экономической архитектуры, устойчивой к санкциям (БРИКС, Новый банк развития). Ключевой нерешённой остаётся проблема выработки механизма защиты государств-членов от прямой военной агрессии, который на данный момент в обоих форматах отсутствует [3].

Серьезными вызовами для стран обеих структур являются действия стран «коллективного Запада» предпринимающих активные попытки по дестабилизации отношений внутри БРИКС и ШОС, используя экономические рычаги и информационное давление. Попытки «вбить клин» между участниками объединений осуществляются через продвижение нарративов о «российской агрессии» на Украине и вообще враждебной политике вокруг периметра своих границ, о «китайской гегемонии», о «разнородности состава» участников обеих структур, сохраняющих между некоторыми из них политические либо пограничные споры и конфликты. Западные страны проводят политику, направленную на подрыв внутреннего единства ШОС и БРИКС, активно навязывая странам Ближнего Востока, Центральной Азии, а также странам всего Глобального Юга западноцентричную повестку.

Несмотря на рост международного влияния и количественных показателей, ШОС и БРИКС слабо защищены от давления со стороны стран коллективного Запада, которые в отношении большинства стран-участниц ввели многочисленные санкции. После начала Специальной военной операции России на Украине страны ШОС и БРИКС выступили за дипломатический путь решения конфликта, одновременно увеличив расходы на оборону и безопасность. В основу деятельности обеих структур положены кейсы по обеспечению безопасности и поддержания мира – борьба с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, трансграничной организованной преступностью, рисками в информационной среде и др.

Перед сложной дилеммой оказались страны обеих структур после развязывания США и Израилем 28 февраля 2026 г. войны против Ирана, являющегося одновременно участником и ШОС (с 2023 г.), и БРИКС (с 2024 г.). После начала конфликта с официальным протестом против агрессии США и Израиля против Ирана выступила ШОС, а вот БРИКС так и не сформулировала свою позицию по конфликту из-за противоречий между ее участниками [7].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

1. Создание ШОС и БРИКС, изначально учреждавшихся для координации усилий в сфере безопасности (ШОС) и экономическом сотрудничестве (БРИКС), – это реакция растущих экономик и новых центров влияния на недостатки однополярной системы миропорядка.

2. Превращение ШОС и БРИКС в влиятельную силу в современной международной системе, количественный и качественный рост обеих структур – результат понимания на Глобальном Юге и Востоке преимуществ многополюсной конфигурации международной системы, стремления к формированию многополярного миропорядка на основе справедливости, равноправия и взаимного уважения.

3. ШОС и БРИКС вместе с другими международными организациями и объединениями созидают будущее и балансированную систему многополярного миропорядка.

4. Развивая деятельность по преодолению деструктивных проявлений западноцентричной модели мира, опираясь на постоянно расширяющуюся поддержку стран Глобального Юга и Востока, ШОС и БРИКС стали важными институтами по формированию справедливого многополярного миропорядка, отражающего интересы большинства государств мира.

В целом, перспективы развития ШОС и БРИКС в условиях глобальной трансформации миропорядка зависят от их способности адаптироваться к новым геополитическим и геоэкономическим вызовам и угрозам, формирования действенных форм сотрудничества в экономической, финансовой, торговой, цифровой, энергетической, транспортно-логистической и иных сферах деятеккльности. Важнейшей задачей для стран ШОС и БРИКС, как и для всего Глобального Юга, с крайней заинтересованностью наблюдающего за развитием и политикой на мировой арене обеих структур во главе с их государствами-лидерами (Китай, Россия, Индия, Бразилия), является реформирование глобальных институтов, превращение их в международные площадки для отражения интересов не отдельных государств или блоков, а всего мирового сообщества. В целом, ШОС и БРИКС за время своего существования и поступательного развития показали себя в качестве мощных интеграционных объединений, способных к продвижению принципов многополярности, справедливости и взаимовыгодного сотрудничества на основе приоритетности международного права.

Литература:

1. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на общеполитической дискуссии 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 23 сентября 2023 года. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/general_assembly/1905973/ (дата обращения: 20.04.2026).

2. Голицын М. ОДКБ, ШОС и БРИКС – как три ключевых проекта сосуществуют друг с другом // Ритм Евразии. 2024. 22 октября. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ritmeurasia.ru/news--2024-10-22--odkb-shos-i-briks-kak-tri-kljuchevyh-proekta-sosuschestvujut-drug-s-drugom-76364 (дата обращения: 11.04.2026).

3. Гулянц В. Синергия ШОС и БРИКС: консолидация незападного мира // Международная жизнь. 2024. № 4. С. 30-35. [Электронный ресурс]. URL:

https://interaffairs.ru/jauthor/material/2977?ysclid=mtj2al0op754606440 (дата обращения: 10.04.2026).

4. Дедолларизация в БРИКС: стратегическая амбиция или практический градуализм? / БРИКС Совет. 2026. 10 марта. [Электронный ресурс]. URL: https://bricscouncil.ru/ru/analytics/de-dollarisation-in-brics-strategic-ambition-or-practical-gradualism?ysclid=mtj16dqx4528161861 (дата обращения: 11.04.2026).

5. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2001. 26 июня. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1678030/?ysclid=mtixw3cwv371993347 (дата обращения: 20.04.2026).

6. Индонезия вступила в БРИКС // РИА Новости. 2026. 6 января. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20250106/briks-1992681929.html (дата обращения: 10.04.2026).

7. Катасонов В. Агрессия против Ирана как «лакмусовая бумажка»: who is who в нынешнем мире? // Аналитический портал «Фонд стратегической культуры». 2026. 4 марта. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fondsk.ru/news/2026/03/04/agressiya-protiv-irana-kak-lakmusovaya-bumazhka-who-who-v-nyneshnem-mire.html (дата обращения: 11.04.2026).

8. Лукьянов В.Ю. ШОС и БРИКС — история и современность // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 26. № 2. С. 18-29. DOI: 10.37482/2687-1505-V496.

9. Малышев Д.В. ШОС и БРИКС в условиях становления многополярного мирового порядка // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 2. С. 9-31. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-9-31.

10.О государствах-партнёрах БРИКС // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2024. 28 декабря. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/ug/1989548/?ysclid=mtiwe9e09514494210 (дата обращения: 20.04.2026).

11.Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации / под ред. С.Г. Лузянина. М.: ИДВ РАН, 2019. 344 с.

12.Путин назвал ШОС и БРИКС локомотивом подлинной многополярности // РИА Новости. 2024. 4 июля. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20240704/putin-1957291290.html?ysclid=mtiuqrr3s179908685 (дата обращения: 20.04.2026).

13.Путин: ШОС и БРИКС утвердились в качестве опор нового многополярного мира // KP.RU. 2024. 15 мая. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kp.ru/online/news/5807246/?ysclid=mtj1ywnta286658078 (дата обращения: 11.04.2026).

14.Сафронова Е.И. Институциональное становление и эволюция деятельности ШОС: опыт ретроспективного анализа // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. № 2. С. 264-279.

15.Страны БРИКС вышли на рекордную долю в глобальной экономике // РИА Новости. 2026. 17 апреля. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20260417/briks-2087474225.html?ysclid=mtiwjdigf331807956 (дата обращения: 20.04.2026).

16.Страны ШОС приняли Стратегию развития объединения до 2035 года // РИА Новости. 2025. 1 сентября. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20250901/strany-2038792716.html?ysclid=mtiyie1t1d357763560 (дата обращения: 10.04.2026).

17.Тухватуллин Р.Р., Шаяхметов Ф.Ф., Кудашев У.Н. Перепутье мира: от кризиса либерального миропорядка к многополюсному миру // Евразийский юридический журнал. 2025. № 12 (211). С. 21-22

18.Что такое ШОС и для чего она России // РБК. Тренды. 2026. 15 января. [Электронный ресурс]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/6683b2469a7947835daa1763?from=copy (дата обращения: 20.04.2026).

19.Neufeld D. BRICS vs G7: Comparing 2026 GDP Growth Forecasts // Visual Capitalist. 2025. November 3. [Электронный ресурс]. URL: https://www.visualcapitalist.com/brics-vs-g7-comparing-2026-gdp-growth-forecasts/ (дата обращения: 11.04.2026).

© Шаяхметов Ф.Ф., 2026

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Секция: «История и культурное наследие народов Евразии»

УДК 94(519.5)

Д.И. Андруша
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

D.I. Andrusha
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor U.S. Usova

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В КОРЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОТ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА ДО «КОРЕЙСКОГО ЧУДА» И СОВРЕМЕННЫХ ГЕНДЕРНЫХ ВЫЗОВОВ

THE TRANSFORMATION OF WOMEN'S ROLE IN KOREAN SOCIETY: FROM THE POST-WAR PERIOD TO THE "KOREAN MIRACLE" AND CONTEMPORARY GENDER CHALLENGES

Аннотация: исследование посвящено эволюции роли женщин в экономическом развитии Южной Кореи — от «невидимого мотора» индустриализации 1960–1980-х годов до современных гендерных вызовов. Автор показывает, как эксплуатация дешевого женского труда в период «корейского чуда» заложила институциональные основы сохраняющегося гендерного неравенства.

Abstract: This study examines the evolving role of women in South Korea's economic development, from the "invisible engine" of industrialization in the 1960s–1980s to contemporary gender challenges. The author demonstrates how the exploitation of cheap female labor during the "Korean miracle" laid the institutional foundations for persistent gender inequality.

Ключевые слова: Южная Корея, гендерное неравенство, женская занятость, индустриализация, «корейское чудо», гендерный разрыв в оплате труда, демографический кризис.

Keywords: South Korea, gender inequality, female employment, industrialization, “Korean miracle”, gender pay gap, demographic crisis.

Южная Корея представляет собой уникальный кейс экономического развития, где стремительный рост, получивший название «чудо на реке Ханган», был достигнут в условиях сохранения глубоко патриархальной социальной структуры. За четыре десятилетия, начиная с 1960-х гг., страна превратилась из одной из беднейших аграрных экономик в высокоразвитого члена ОЭСР [1, с. 290-291]. Однако парадокс этого развития заключается в том, что женщины, чей труд стал фундаментом индустриализации, долгое время оставались «невидимым мотором» экономического роста, а их вклад систематически обесценивался как в официальной риторике, так и в академических нарративах. Актуальность исследования обуславливается тем, что, на фоне дискуссий о реформировании Министерства гендерного равенства и семьи, а также многолетнего тупика с принятием комплексного

антидискриминационного закона, особую значимость приобретают исследования, возвращающие женщинам-работницам их историческую субъектность – не как пассивным объектам экономической политики, а как активным участникам трудового движения.

Корейская война 1950-1953 гг. оставила в Южной Корее глубокий демографический дисбаланс, увеличив число домохозяйств, возглавляемых женщинами, и создав условия для массового вовлечения женщин в оплачиваемый труд. В конце 1950-х–начале 1960-х гг., еще до прихода к власти генерала Пак Чон Хи, начался процесс первичной индустриализации, ориентированной на легкую промышленность. Текстильная и швейная отрасли стали «женскими» секторами. На начальном этапе индустриализации государственная политика была направлена на «использование молодых незамужних девушек из сельских районов» в качестве дешевой и дисциплинированной рабочей силы.

Доступ женщин к образованию был подчинен логике «вспомогательной роли». В 1950-х гг. разрыв в уровне грамотности между мужчинами и женщинами составлял более 20%, поступление в престижные национальные университеты (например, Сеульский университет) для женщин было фактически ограничено неформальными квотами [4].

Пришедший к власти в 1961 гг. Пак Чон Хи сделал ставку на экспортно-ориентированную модель развития, где сравнительным преимуществом Южной Кореи стала дешевая рабочая сила, преимущественно женская. Государственная идеология формировала дискурс «добродетельной труженицы», одновременно продвигая идеал домохозяйки как символа зарождающегося среднего класса. Эта двойственность позволяла эксплуатировать женщин на фабриках, сохраняя при этом патриархальное представление о том, что работа женщин является временной и второстепенной по отношению к их основной роли – роли матери и жены.

Условия труда на первых экспортных производствах были крайне тяжелыми. Уже в 1951-1952 гг. женщины-работницы текстильной фабрики Чосон (Chosŏn Spinning and Weaving) сыграли решающую роль в трудовых конфликтах, которые привели к принятию Закона о трудовых стандартах (Labor Standard Act) 1953 гг. Этот закон установил 8-часовой рабочий день и 48-часовую рабочую неделю, закрепив права на трудовые споры и создание профсоюзов. Однако, несмотря на эти ранние победы, женщины-работницы оставались на периферии официального трудового движения, а их вклад в послевоенное урегулирование был систематически преуменьшен в нарративах, фокусировавшихся на мужских фигурах.

В 1970-е гг., в период так называемой «системы Юсин» (Yushin), происходит структурный сдвиг в экономике: переход от акцента на легкой промышленности к активному развитию тяжелой – химической, электронной и судостроительной. Этот процесс привел к усилению гендерной сегментации рынка труда.

Мужчины закреплялись на стабильных позициях с пожизненным наймом и перспективой карьерного роста, тогда как женщины оставались во временном,

«гибком» сегменте. В 1970-е гг., в период форсированного развития тяжелой промышленности, женщины были «сконцентрированы в традиционных женских профессиях, характеризующихся низкой заработной платой», и стали первыми жертвами массовых увольнений в 1980-е гг., когда началась реструктуризация промышленности [3].

Высшее образование для женщин оставалось социально неодобряемым. Распространенной была установка, что «образование девушки – это образование «чужой семьи». Правительство Пак Чон Хи целенаправленно сдерживало строительство женских университетов, направляя ресурсы на подготовку мужчин как «кормильцев». В этот период разрыв в уровне охвата высшим образованием достиг пика: если среди мужчин в возрасте 20–24 лет доля студентов вузов стремительно росла, то среди женщин она не превышала 15–20 % [4].

Ключевым элементом эксплуатации женского труда стала система чхонхонаяк (или чонхонаяк), поощрявшая увольнение женщин в случае замужества. Женщины выходили на рынок труда до замужества, покидали его в период рождения и воспитания детей, а затем возвращались после 40 лет на менее квалифицированные и низкооплачиваемые позиции. Таким образом, индустриализация происходила без развития необходимой социальной инфраструктуры, перекладывая весь груз репродуктивного труда на женщин, что создавало феномен «двойной нагрузки».

Именно в этот период фиксируется расцвет женского трудового активизма на экспортных производствах – текстильных, париковых и электронных фабриках в Сеуле и провинции Кёнгидо. Молодые женщины, работавшие в этих отраслях, начали формировать «низовую организационную силу» и развивать критическое сознание в отношении гендерной дискриминации, с которой они сталкивались на рабочих местах. Работницы, вдохновленные радикальными интеллектуалами и студентами, вступали в сложные отношения в рамках так называемого «рабоче-студенческого альянса». Однако их действия часто игнорировались мужчинами-рабочими, которые иногда даже участвовали в подавлении женского активизма из страха потерять собственные рабочие места. Когда в 1987 гг. началось массовое рабочее движение (Нодонджа тэтхуджэн), которое привело к падению военного режима Чон Ду Хвана, вклад женщин-работниц был «подвергнут критике и преуменьшен» со стороны доминирующих мужских нарративов [11].

Демократизация 1987 гг. открыла новую главу в гендерной политике. В 1988 гг. был принят Закон о равной занятости, который, хотя и носил во многом декларативный характер, стал важным символическим шагом. В 1980-е гг. государство рассматривало женщин преимущественно через призму мобилизации «женских ресурсов» для экономического развития и контроля рождаемости. Однако с начала 1990-х гг. произошел сдвиг: государство стало восприниматься феминистским движением «как арена для поиска решений женских проблем» [7].

В 1990-е гг. произошли важные институциональные изменения. Закон о равной занятости неоднократно пересматривался, были введены законы о декретном отпуске и запрете дискриминационных практик на рабочем месте.

Женское движение, ранее выступавшее с антагонистических позиций по отношению к государству, начало участвовать в институциональной политике. Это привело к созданию в 2001 гг. Министерства по делам женщин – позже преобразованного в Министерство гендерного равенства и семьи.

Период 1990-х гг. характеризовался феноменом «дипломированной домохозяйки»: высокий образовательный ценз женщин стал нормой, но рынок труда оставался неэластичным. Женщины массово получали дипломы в области гуманитарных и социальных наук, но при трудоустройстве сталкивались с сегрегацией – их по-прежнему нанимали на административные позиции без перспектив карьерного роста, что заложило основу для феномена «стеклянного потолка» и высокой доли неоплачиваемого труда [9].

Азиатский финансовый кризис 1997-1998 гг. стал разрушительным и одновременно трансформационным событием для южнокорейского общества. Кризис разрушил традиционную модель занятости, основанную на пожизненном найме мужчин в чэболь. Массовые увольнения затронули мужчин – традиционных кормильцев, что привело к росту женского предпринимательства и вынужденному выходу женщин на рынок труда для поддержания семейного дохода.

Яркой является история Ким Чин Сук – активистки, которая начала свою карьеру текстильщицей, а затем стала одной из немногих женщин-сварщиц на мужской верфи «Ханжин Хэви Индустрис» (Hanjin Heavy Industries). В 2011 г. Ким Чин Сук провела 309-дневную сидячую забастовку на вершине башенного крана на высоте 35 метров над землей, протестуя против планов верфи по увольнению сотен рабочих. Эта акция привлекла беспрецедентную общенациональную солидарность различных социальных движений и частных лиц, выходящую далеко за пределы верфи [11].

С началом XXI в. Южная Корея столкнулась с парадоксом: страна с одним из самых высоких уровней женского образования в мире демонстрирует наихудшие показатели гендерного равенства среди развитых стран. Согласно Индексу «стеклянного потолка» журнала Экономист (The Economist’s Glass Ceiling Index), Южная Корея сохраняет самый широкий гендерный разрыв в оплате труда среди стран ОЭСР: женщины в среднем зарабатывают примерно на 29 % меньше, чем мужчины. Этот разрыв является следствием не только прямой дискриминации, но и структурных факторов: гендерной сегрегации профессий, прекаризации женского труда и феномена «стеклянного потолка», препятствующего продвижению женщин на руководящие позиции [8].

Критической проблемой остается неформальная занятость и перерывы в карьере. Исследование Фонда Карнеги (Carnegie Endowment) 2025 г. показывает, что молодые корейские женщины все чаще отказываются от брака и материнства, что получило название «движение 4B» (отказ от свиданий, брака и родов). Демографические последствия катастрофичны: коэффициент рождаемости в 2023 г. составил 0,72 – самый низкий в мире [6].

В политической сфере последние годы отмечены резкой поляризацией по гендерному вопросу. Президентские выборы 2022 г. выиграл Юн Сок Ёль, чья кампания строилась на открыто антифеминистской риторике и обещании

ликвидировать Министерство гендерного равенства и семьи. Молодые мужчины все чаще воспринимают политику гендерного равенства как «обратную дискриминацию», а их сопротивление усиливается в условиях «сужения брачного рынка», когда демографический дисбаланс и растущее число женщин, отказывающихся от брака, создают ощущение социальной угрозы [12].

Однако, несмотря на многолетние попытки, первая из которых была предпринята еще в 2007 г., Южная Корея остается одной из двух стран ОЭСР, не имеющих Комплексного антидискриминационного закона (Comprehensive Anti-Discrimination Act) из-за сопротивления консервативных религиозных групп и правых политических сил.

Проведенный анализ эволюции роли женщин в экономическом развитии Южной Кореи позволяет сделать несколько ключевых выводов. Женский труд сыграл фундаментальную роль на начальных этапах индустриализации, обеспечив накопление первичного капитала через эксплуатацию дешевой и дисциплинированной рабочей силы. «Корейское чудо» стало возможным благодаря эксплуатации гендерного разделения труда, которое впоследствии трансформировалось в структурное препятствие для устойчивого экономического роста. Низкая рождаемость и демографический кризис являются прямым следствием нерешенности проблемы совмещения профессиональной и семейной ролей.

Литература:

1. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

2. Choi S., Ham S., Yang Y., Pareliussen J. Women's Employment and Fertility in Korea: A Literature Review. Paris: OECD Publishing, 2022. (OECD Economics Department Working Papers; no. 1825). 55 p.

3. Chun S. "They Are Not Machines": Korean Women Workers and Their Fight for Democratic Trade Unionism in the 1970's. Aldershot; Burlington, VT: Ashgate, 2000. 200 p.

4. Chung, Ji-Sun. Women's Unequal Access to Education in South Korea / Ji-Sun Chung // Comparative Education Review. 1994. Vol. 38, no. 4. P. 487–505.

5. Human Rights Watch. World Report 2026: South Korea [Электронный ресурс]. New York: Human Rights Watch, 2026. URL: https://www.hrw.org/world-report/2026/country-chapters/south-korea (accessed: 28.03.2026).

6. Kim J. The Resurgence and Popularization of Feminism in South Korea: Key Issues and Challenges for Contemporary Feminist Activism // Korea Journal. 2021. Vol. 61, no. 4. P. 75–101.

7. Kim K. A Frame Analysis of Women's Policies of Korean Government and Women's Movements in the 1980s and 1990s // Kim H.-a., Song Y., eds. Contemporary South Korean Society: A Critical Perspective. London; New York: Routledge, 2012. P. 76–92.

8. Labor Force, Female (% of Total Labor Force) – Korea, Rep. [Электронный ресурс]. World Bank, International Labour Organization. 2025. URL:

https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.FE.ZS?locations=KR (accessed: 21.03.2026).

9. Lee, Changkeun. The K-sisters: the impact of younger brothers on educational attainment of sisters in South Korea / Changkeun Lee, Haeun Kim // KDI Journal of Economic Policy. 2024. Vol. 46, no. 2. P. 45–68.

10. Messias D. K. H., Im E.-O., Page A., Regev H., Spiers J., Yoder L., Meleis A. I. Defining and Redefining Work // Meleis A. I., ed. Women, Work, and Health: Stress and Opportunities. New York: Plenum Press, 1996. P. 3–21.

11. Nam H. Women in the Sky: Gender and Labor in the Making of Modern Korea. Ithaca, NY: ILR Press, an imprint of Cornell University Press, 2021. 270 p.

12. Situational Analysis: Gender, Sexuality, and Human Rights in South Korea (2025) [Электронный ресурс]. Seoul: Heinrich Böll Foundation, 2025. URL: https://kr.boell.org/en/2025/06/24/situational-analysis-gender-sexuality-and-human-rights-south-korea-2025 (accessed: 20.03.2026).

© Андруша Д.И., 2026

УДК 930

А.Н. Аскаров
Студент, УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Н.М. Калмантаев

A.N. Askarov
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor N.M. Kalmantaev

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КАМЕННЫХ МАВЗОЛЕЕВ БАШКОРТОСТАНА

THE HISTORY OF STUDYING STONE MAUSOLEUMS OF BASHKORTOSTAN

Аннотация: В работе рассматривается история изучения средневековых каменных мавзолеев Башкортостана в период с XVIII по начало XXI вв. Всего выделено три основных этапа: дореволюционный, советский и современный. Показана эволюция исследовательских подходов от описательно-краеведческого сбора сведений и фиксации легенд к междисциплинарному научному изучению с применением методов археологии и антропологии.

Abstract: The paper is devoted to the history of studying the medieval stone mausoleums in Bashkortostan from the 18th to the early 21st century. There are three main stages: pre-revolutionary, Soviet, and modern. The evolution of research approaches is shown, from descriptive local history collection of information and recording of legends to professional interdisciplinary scientific study using archaeological and anthropological methods.

Ключевые слова: каменные мавзолеи, историография, Золотая Орда, Улус Джучи, средневековье, исламская архитектура, Мавзолей Тура-хана, Мавзолей Хусейн-бека, Малый кэшэнэ.

Keywords: stone mausoleums, historiography, Golden Horde, Ulus of Jochi, Middle Ages, Islamic architecture, Tura-khan’s Mausoleum, Huseinbek’s Mausoleum, Small Keshene.

Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана являются уникальными памятниками исламской архитектуры и археологии XIV в., отражающими процессы исламизации региона, культурные взаимодействия в эпоху Золотой Орды и особенности распространения локальных традиций монументального строительства.

Целью данной работы является рассмотрение истории изучения каменных средневековых мавзолее Башкортостана с выделением основных этапов и тенденций.

Начало их изучению было положено еще в XVIII в. в рамках академических экспедиций. Парадигма исследований прошла долгий путь от простых описательных характеристик с фиксациями местных легенд и преданий до современных комплексных междисциплинарных исследований.

Начало изучению средневековых каменных мавзолеев на территории современного Башкортостана было положено в XVIII в. в период масштабного освоения юго-восточных окраин Российской империи и первых академических экспедиций.

Одно из самых ранних упоминаний о каменных мавзолеях Башкортостана принадлежит П.И. Рычкову, сотруднику Оренбургской экспедиции и первому члену-корреспонденту Академии наук России [6]. В 40-50-е гг. XVIII века им была составлена первая обобщающая сводка об архитектурных объектах степной и лесостепной полосы Южного Урала и Казахстана.

П.И. Рычков одним из первых обратил внимание, что в степной зоне встречались мавзолеи из кирпича, тогда как в лесостепной локализуются постройки из камня. Из его сведений также становится понятно, что каменные приуральские мавзолеи уже к середине XVIII в. лежали в руинах, кроме мавзолея Тура-хана [6, с. 198-199].

Хронологически после трудов Рычкова следуют работы П.С. Палласа [5], который возглавлял отряды экспедиции Российской Академии наук в 60-70-е гг. В 1799 г. он издал работы на немецком языке, в ней автор приводит описание мавзолеев Башкортостана и эпитафии могильных плит вокруг кэшэнэ Хусейнбека. Помимо мавзолея П.С. Паллас описал надгробные плиты кладбища Акзиярат [1].

Также не менее ценными являются наблюдения капитана Н.П. Рычкова, сына Петра Ивановича. В своих трудах он первым указал на архитектурное сходство мавзолеев Хусейнбека и Тура-хана, отметив, что последний находится в прекрасной сохранности. Им было зафиксировано наличие обширного кладбища с множеством каменных плит вокруг мавзолеев, на которых местные муллы уже с трудом могли разобрать надписи.

Исследования членов академических экспедиций XVIII в. показали, что к началу XIX века в регионе сложились две местные традиции представлений о назначении каменных мавзолеев Приуралья: тюркская и русскоязычная. Представители первой традиции не сомневались, что это были мемориальные постройки их предков, но среди них сохранились отголоски преданий о связи похороненных здесь людей с судебной деятельностью. Русскоязычные

краеведу по-своему трактовали эту информацию, в их интерпретации мавзолеи превратились в Дом суда или Дворец Тура-хана.

В XIX в. происходит постепенный переход от общего географического описания к историко-архитектурному и эпиграфическому анализу. Значительную роль в этом сыграли как местные краеведы, так и столичные востоковеды.

Особую группу источников по каменным мавзолеям составляют легенды и предания башкирского народа. М.И. Уметбаев в своих историко-этнографических записях, основанных на фольклорных традициях и данных башкирских шежере, в работе «Ядкар» называл Хусейнбека последователем тюркского поэта-мистика XII в. Ахмеда Ясави, миссионером, похороненным в кэшэнэ у п. Чишмы [8]. Г.Б. Хусаинов, ссылаясь на рукопись Ризаитдина Фахретдинова «Асар», называет Хусейнбека самым знаменитым из мюридов Ясави и указывает, что предания о нем имели хождение среди башкир.

Благодаря работам краеведа Р.Г. Игнатьева [2] за мавзолеем у Нижних Терм закрепилось легендарное название «Дворец Тура-хана» или «Дом суда», а Хусейнбек стал рассматриваться как ученик Ахмеда Ясави и миссионер, прибывший из Туркестана. Однако, как неоднократно подчеркивают современные исследователи, Р.Г. Игнатьев некритично относился к легендарным данным. Это привело к появлению в его трудах и, вслед за ним, в массовом сознании, целого ряда исторических ошибок и хронологических несоответствий, таких как утверждение о строительстве мавзолея Тамерланом в конце XIV в. над могилой человека, жившего якобы в XI в.

На рубеже XIX-XX вв. изучение памятников вышло на качественно новый уровень благодаря деятельности ученых-востоковедов из мусульманской среды. Выдающийся просветитель, а впоследствии муфтий, Ризаитдин Фахретдинов в своем энциклопедическом труде «Асар» [11] не только привел уточненный перевод эпитафии Хусейнбека (744 г.х.), но и впервые подверг научной критике легенды о нем как об ученике Ясави, справедливо указав на хронологическое несоответствие. Он подчеркнул, что титул «бек» более характерен для светской, а не духовной знати. Более того, Р. Фахретдинов начал систематическую работу по сбору и копированию эпиграфических памятников региона, оставив после себя рукописное наследие с копиями более 100 древних эпитафий, многие из которых впоследствии были утрачены.

Важнейшим событием дореволюционного периода стала реставрация мавзолея Хусейнбека в 1911 г., инициированная муфтием Мухамедьяром Султановым. Работы, проведенные на средства мусульманской общины, спасли памятник от окончательного разрушения. Хотя реконструкция изменила его первоначальный портально-купольный облик на центрический, она сохранила древнее ядро постройки и способствовала возобновлению паломничества.

Резюмируя рассмотрение дореволюционного этапа, следует отметить следующие моменты. С одной стороны, был накоплен значительный эмпирический материал: составлены первые описания и обмеры сооружений, скопированы и переведены эпитафии, записаны народные предания. С другой, данный этап характеризовался преобладанием описательных методов и

недостаточной критикой источников. Это привело к появлению устойчивых, но зачастую ошибочных представлений о происхождении памятников и датировке. Тем не менее, именно в этот период были заложены основы для будущего научного осмысления феномена средневековых каменных мавзолеев Башкортостана, а сами памятники прочно вошли в сферу внимания исторической науки.

В советский период изучение каменных мавзолеев Башкортостана вступило в новый этап. Смена государственного строя привела к перестройке научно-исследовательской и музейной работы. В первые десятилетия советской власти исследовательский процесс развивался преимущественно в рамках краеведческого движения, которое получило мощный импульс благодаря государственной политике по охране памятников и созданию музейной сети. Декреты Советской власти 1917–1918 гг. декларировали национализацию культурных ценностей и необходимость их учета, что стимулировало активность на местах. В 1920-е-1930-е гг. центрами изучения древностей становятся краеведческие организации.

Важнейшую роль в сохранении информации о памятниках сыграл Ризаитдин Фахретдинов [11]. Будучи крупным религиозным и общественным деятелем, он продолжал начатую еще в дореволюционные годы работу по сбору эпиграфики. В его рукописном наследии, хранящемся ныне в Уфимском научном центре РАН, содержатся копии более ста древних эпитафий, включая тексты с территории Башкортостана. Многие из этих памятников впоследствии были утрачены, и записи Фахретдинова остаются их единственным свидетельством.

Активную полевую и камеральную работу в 1920-е гг. вел сотрудник Уфимского краеведческого музея Г.Ф. Вильданов. Под его руководством были проведены обследования мавзолея Хусейнбека и кладбища Акзиарат. Краеведы выполнили обмеры сооружения, составили план некрополя, зафиксировав расположение надгробных плит, скопировали эпитафии и зарисовали тамги. Этот материал должен был лечь в основу свода эпиграфических памятников, однако из-за сворачивания краеведческого движения на рубеже 1930-х гг. работа осталась незавершенной.

Среди исследователей-энтузиастов выделялся П.Ф. Ищериков. Не имея профессионального исторического образования, он на протяжении многих лет занимался самообразованием и активно публиковал заметки о древностях. Его работы, в частности статья «Седая старина» 1927 г., во многом основывались на компиляции трудов дореволюционных авторов, прежде всего Р. Г. Игнатьева. Ищериков воспроизводил устаревшие легенды и датировки, что отражало общий уровень краеведческой литературы того времени.

В этот же период появляются первые обобщающие работы профессиональных историков, обращавшихся к материалам мавзолеев. А.П. Чулошников включил описание мавзолея Хусейнбека в свод документов по истории Башкортостана и в свои неопубликованные рукописи, подчеркивая его связь с проповеднической деятельностью выходцев из Туркестана. А.Н. Усманов в монографии «Присоединение Башкирии к Московскому государству» [9] 1949 г. посвятил мавзолею Хусейнбека отдельный раздел. Он использовал переводы эпитафии,

выполненные В. С. Юматовым и В. В. Вельяминовым-Зерновым, и отнес памятник к XIV в., связывая его появление с распространением ислама в эпоху Золотой Орды. Усманов также рассмотрел мавзолей Тура-хана, интерпретируя его как памятник ногайской эпохи XV–XVI вв.

С 1950-х гг. начинается качественно новый, научно-академический этап в изучении мавзолеев. Он характеризуется профессионализацией исследований, применением методов археологии, архитектурного анализа, эпиграфики и антропологии.

Весомый вклад внес известный археолог А.П. Смирнов [7]. В своей программной статье «Железный век Башкирии» он впервые дал комплексный анализ археологических материалов региона, включив в него и каменные усыпальницы. Опираясь на описания В. С. Юматова и переводы В. В. Вельяминова-Зернова, Смирнов датировал мавзолей Хусейн-бека 1341 г. и обосновал его принадлежность к булгарской архитектурной школе. Рассматривая мавзолей Тура-хана, он, однако, под влиянием ошибочных данных Р. Г. Игнатьева, описал его дважды – как «Дом суда» и как отдельный памятник, что породило определенную путаницу. Тем не менее, работа Смирнова заложила основы для дальнейших изысканий [5, с. 8].

Параллельно с археологами к изучению памятников подключились архитекторы. Б.Г. Калимуллин [4] в 1950-х гг. выполнил первые профессиональные обмеры и чертежи мавзолеев Тура-хана и Хусейнбека. Результаты были опубликованы в центральной печати и в брошюре «Архитектурные памятники Башкирии». Калимуллин подробно описал конструктивные особенности построек – полубутовую кладку, использование привозного вулканического туфа в куполах, наличие тромпов. Он решительно отверг легендарные трактовки мавзолея Тура-хана как «дворца» или «дома суда», убедительно доказав его мемориальное назначение. Калимуллин также обратил внимание на сходство башкирских кэшэнэ с постройками Булгара и Владимиро-Суздальской Руси, хотя в датировках (XI–XII вв.) он ошибался, следуя за устаревшими мнениями.

Важной вехой стали археологические раскопки внутри мавзолеев. В 1975–1976 гг. в ходе реставрационных работ под руководством Е.Л. Хворостовой были проведены шурфовки в мавзолее Тура-хана, позволившие уточнить особенности его конструкции и обнаружить два потревоженных погребения.

В 1985 г. Г.Н. Гарустович провел полномасштабные раскопки внутри мавзолея Хусейн-бека. Им было вскрыто девять погребений, включая захоронение самого Хусейн-бека, его жены, шестерых детей и еще одного взрослого мужчины. Эти исследования дали уникальный материал для изучения погребального обряда, антропологии и генетики. Раскопки подтвердили, что мавзолей был семейной усыпальницей, а все захоронения совершены в короткий промежуток времени вскоре после смерти хаджи. В 1986 г. Г.Н. Гарустович также провел разведки по периметру мавзолея Хусейн-бека, выявив остатки его первоначального портала.

Антропологические изыскания стали неотъемлемой частью изучения мавзолеев. Р.М. Юсупов [10] выполнил краниологический анализ черепов из погребений, определив их расовый тип. Впоследствии А.И. Нечвалода [1] продолжил эту работу, применив метод антропологической реконструкции лица по черепу. Им были созданы скульптурные портреты Хусейн-бека и его супруги, что позволило в буквальном смысле визуализировать облик людей XIV в.

Таким образом, советский период в изучении каменных мавзолеев прошел путь от любительского краеведения до строгой академической науки. В 1920–1950-е гг. происходило накопление материала и его первичная систематизация, хотя и с неизбежными ошибками и влиянием устаревших легенд. С 1950-х гг. исследования приобрели междисциплинарный характер: архитектурные обмеры дополнили археологические раскопки, а эпиграфика и антропология позволили по-новому интерпретировать исторический контекст. К концу 1980-х гг. были окончательно установлены датировка памятников (XIV в.), их принадлежность к булгарской архитектурной традиции и их роль как элитарных семейных усыпальниц золотоордынской администрации, что создало прочную основу для дальнейших исследований.

Последний современный этап изучения характеризуется завершением перехода к комплексным междисциплинарным исследованиям, синтезом накопленных данных и применением новых цифровых технологий в археологии.

В первую очередь, стоит упомянуть фундаментальную монографию Г.Н. Гарустовича и А.И. Нечвалоды [1], в который были обобщены результаты полевых работ автора в 1980-х гг., архивные материалы и антропологические данные. Монография содержит детальную историю изучения памятников, описание архитектуры и антропологические реконструкции, выполненные А.И. Нечвалодой. Авторы подтвердили датировку мавзолеев XIV в., относя их к булгарской архитектурной традиции. По их мнению, усыпальницы являлись элитарными семейными усыпальницами золотоордынской администрации.

В 2022-2024 гг. башкирский археолог Р.Р. Насретдинов [3] провел новые археологические раскопки грунтового некрополя у мавзолея Тура-хана. Обследовано несколько десятков погребений, уточнены особенности конструкции и погребального обряда. По сведениям археологов, погребения относятся к раннемусульманской традиции. Антропологичесий анализ костяного материала показал смешанный европеоидно-монголоидный расовый тип с преобладанием европеоидных черт, признаки всаднического морфокомплекса и сходство с населением Южного Урала и Казахстана золотоордынского времени [5].

То есть современный этап ознаменовал синтез описательных, архитектурных, археологических и антропологических подходов предыдущих периодов. Благодаря монографии Г.Н. Гарустовича и А.И. Нечвалоды исследователями окончательно установлены исторический контекст памятников как отражения культурных процессов Улуса Джучи.

Таким образом, история изучения средневековых мавзолеев Башкортостана прошла три последовательных этапа, каждый из которых отражал общий

уровень развития исторической науки своего времени, и завершилась формированием полноценного междисциплинарного научного знания о данных памятниках.

Литература:

1. Гарустович Г.Н., Нечвалода А.И. Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана (история, археология, биоантропология). Уфа: Китап, 2020. 400 с.
2. Игнатьев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 333.
3. Насретдинов Р.Р. Мавзолей Тура-хана: археологическое изучение на современном этапе // Ватандаш. №12. Уфа, 2023. С. 106-113.
4. Насретдинов Р.Р., Куфтерин В.В. Антропологическая экспертиза останков из погребений некрополя у мавзолея Тура-хана // Уфимский археологический вестник. 2023. № 1. С. 84-108.
5. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи: в 3 ч. СПб. 322 с.
6. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 312 с.
7. Смирнов А.П. Железный век Башкирии // Материалы и исследования по археологии СССР. 1957.
8. Уметбаев М. Ядкар (Йәдкәр). Уфа, 2011. 344 с.
9. Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949. 136 с.
10. Юсупов Р.М. Краниология башкир. Наука. Ленинград, 1989 г. 197 с.

© Аскаров А.Н., 2026

УДК 94(410)

Н.В. Ашмарина
студент, УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

N.V. Ashmarina
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Yu.S. Usova

ИНСТИТУТ МОНАРХИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЕЛИКОБРИТАНИИ: БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ, ОБЩЕСТВЕННОЕ СЛУЖЕНИЕ

THE INSTITUTION OF MONARCHY AND CIVIL SOCIETY IN GREAT BRITAIN: CHARITY, PUBLIC SERVICE

Аннотация: В представленной статье автором были рассмотрены примеры взаимодействия представителей британской королевской семьи с общественностью. Особое внимание акцентировалось на их участии в благотворительной деятельности. Также была изучена роль Букингемского дворца в укреплении позитивного имиджа современной британской монархии. По итогу исследования сделан вывод о том, что монархия смогла адаптироваться под реалии современного общественного развития. Было доказана

актуальность сохранения института монархии в современной политической системе Великобритании.

Abstract: In this article, the author examines examples of interactions between members of the British royal family and the public. Particular attention is paid to their involvement in charitable activities. The role of President Buckingham in fostering a positive image of the modern British monarchy was also examined. The study concludes that the monarchy has adapted to the realities of social development. The relevance of preserving the institution of monarchy in the modern British political system was demonstrated.

Ключевые слова: монархия, Елизавета II, благотворительность, принцесса Диана, королевская семья, принц Уильям.

Keywords: monarchy, Elizabeth II, charity, princess Diana, royal family, prince William.

По результатам опросов общественного мнения, монархическая форма правления все еще является наиболее привлекательной для населения Великобритании. С точки зрения автора, это обусловлено в том числе тем, что монархия считается самой древней из существующих государственных институтов. В законодательных актах термин корона выступает обозначением системы органов государственной власти страны, полномочия которых исторически произошли от прерогатив монарха [2]. На сегодняшний день суверен – это символ исполнительной власти. Особое положение монарха также подчеркивают государственные символы. К его личности короля/королевы и королевской семье в целом привлечено большое внимание со стороны британской общественности.

В XX-XXI вв. институт монархии пережил значительную модернизацию. В условиях развития информационных технологий и средств связи он стал ключевым элементом общественной жизни Великобритании. Но вместе с тем в стране существует и противоположная точка зрения на существование монархии в современном мире.

Выделяются несколько проблем ее функционирования в системе органов государственной власти страны. Во-первых, нужно отметить недовольство роскошными условиями проживания представителей королевской семьи. Высокий поток финансирования в размере 110 тыс. фунтов стерлингов вызывает возмущение британских налогоплательщиков. Существует точка зрения, что деньги тратятся неэффективно. Во-вторых, необходимо подчеркнуть, что сохранение монархических традиций противоречит современным тенденциям общественного развития. В-третьих, совокупность скандальных событий с участием представителей королевской семьи способствует падению моральных качеств монархии в глазах общественности. Подобные проблемы ставят под вопрос необходимость сохранения института монархии в современной Великобритании [5, с. 38]. Именно поэтому в рамках данной статьи были рассмотрены конкретные примеры, доказывающие, что монархия осуществляет активное взаимодействие с обществом и является важной незаменимой частью британской государственности.

Букингемский дворец – это главная резиденция британской королевской семьи. Он имеет огромное значение как инструмент политического и социального влияния. Внутреннее убранство дворца отражает три высшие

ценности населения Великобритании: аристократизм, традиционная семья, жизнь в сельской местности [3, с. 461]. В своей резиденции британская королевская семья проводит дипломатические встречи, торжественные церемонии, благотворительные акции, государственные аудиенции. Также Букингемский дворец является популярной локацией в туристических маршрутах. Он позволяет увидеть повседневность королевской семьи и заинтересовать ее историей широкие массы населения Великобритании.

Особенно важно отметить, что данное место популярно и в медийном пространстве. Существует огромное количество документальных и художественных фильмов, снятых в Букингемском дворце. Например, отметим сериал «Корона», вышедший от компании «Netflix» в 2017 г. Он получил мировую известность и самые престижные награды в сфере киноиндустрии. Создатели сериала поставили перед собой цель не только развлечь зрителя, но и показать на экране выдающихся персонажей и масштабные темы, определяющие повестку страны, а также раскрыть смысл знаковых событий, происходивших в ее истории [3, с. 15].

Сюжет сериала посвящен личности Елизаветы II и периоду ее правления. Особенно подчеркивается активное взаимодействие королевской семьи с британским и мировым сообществом. При просмотре зритель полностью погружается в повседневную жизнь Букингемского дворца. Он наблюдает за участием членов королевской семьи в торжественных церемониях, государственных заседаниях, дипломатических поездках, благотворительных акциях. В сюжете также затронута проблема внутрисемейных конфликтов [3, с. 25]. Во время просмотра серий можно узнать знаменитые достопримечательности Лондона и его окрестностей. Разумеется, данный сериал не может быть полноценным ресурсом для изучения истории британской королевской семьи. Он является доказательством становления института монархии социокультурным феноменом современной Великобритании.

Представители британской королевской семьи осуществляют активное взаимодействие с обществом, используя многочисленные видеообращения. Первые из них были записаны еще в середине XX в. Например, в 1957 г. Елизавета II поздравила население Великобритании с наступающим Рождеством. Она подчеркнула, что в этот день телевидение позволило сделать ее обращение более личным и прямым. Также королева сказала о необходимости укрепления исторических и культурных связей между странами Содружества. Интересно наблюдать праздничную атмосферу и рождественские декорации на протяжении всего видеообращения. В этот день королева стала важным элементом национального праздника [10].

Традиция записи видеообращений продолжилась и в XXI в. В 2020 г. по случаю 75-летия окончания Второй мировой войны Елизавета снова обратилась к своим подданым. Она выразила благодарность участникам военных действий за их мужество и отвагу. Также королева подчеркнула, что победа над Германией была достигнута благодаря объединению усилий Великобритании и ее союзников [6]. Елизавета II сравнила события Второй мировой войны с

пандемией коронавирусной инфекции и подчеркнула, что 2020 г. стал «временем потрясений». Поэтому она призвала человечество сплотиться для уничтожения опаснейшего вируса, угрожающего его существованию.

Резюмируя обзор видеообращений Елизаветы II, можно утверждать, что телевидение стало важным элементом взаимодействия института монархии и британского общества. Видеообращения всегда соответствуют актуальной повестке дня. Они являются одним из инструментов обеспечения порядка и стабильности внутри страны. Тем не менее видеообращения создали образ ответственности монарха за все события, происходящие как на территории Великобритании, так и за ее пределами.

Также рассмотрим вклад ряда представителей британской королевской семьи в становление основных направлений взаимодействия института монархии с населением Великобритании.

Главным наследником Елизаветы II на протяжении нескольких десятилетий являлся принц Чарльз, ставший после ее смерти новым королем Великобритании Карлом III. Он был рожден в 1948 г. в Лондоне. Воспитанием будущего короля занимался герцог Эдинбургский, уделявший особое внимание дисциплине и формированию чувства ответственности за выполнение королевских обязанностей. Начальное образование принц Чарльз получил в школе-пансионате Гордонстаун [8, p. 68]. Дальнейшее обучение было продолжено в Кембриджском университете с присвоением соответствующей квалификации по искусствоведению. На протяжении всей своей жизни наследник британского престола активно проявлял интерес к различным научным областям. Также принц Чарльз в течение 5 лет проходил службу в Королевском военно-морском флоте [9, p. 69].

В мировой истории Карл III стал известен тем, что дольше всех правителей Великобритании ждал своей очереди на престол. За это время он активно проявил себя в общественной жизни страны. Будучи наследником престола Чарльз уделял особое внимание сохранению историко-культурного наследия. Также он содействовал созданию различных фондов и научно-исследовательских учреждений, принимающих участие в решении экологических проблем. Одной из самых известных благотворительных организаций, контролируемых Чарльзом является фонд «The Prince's Trust», занимающийся предоставлением материальной помощи для молодежи и организацией профориентационных мероприятий, необходимых для получения качественного образования и дальнейшего трудоустройства. В 1976 г., в условиях безработицы, данная организация выдала значительное количество кредитов, ставших основной для начала профессиональной карьеры многих молодых людей [9, p. 68].

По сравнению с другими членами королевской семьи наследник престола смог наладить множественные контакты с представителями различных культур и религий. Например, в 2013 г. Чарльз принял участие в работе IX международного исламского экономического форума, проходившего в Лондоне. Данное событие способствовало значительному повышению авторитета института монархии среди британской и мировой общественности.

В истории института британской монархии одной из самых знаменитых личностей считается принцесса Диана. Будучи супругой наследника британского престола, Диана оказывала финансовую поддержку многочисленным благотворительным организациям. Отметим, что наибольшую привязанность принцесса испытывала к Центру помощи бездомным молодым людям, Королевской больнице Мардсена, Детской больнице Грейт-Ормонд-стрит, Национальному фонду борьбы со СПИДом [8, p. 111]. Диана лично осуществляла активный мониторинг потребностей данных организаций.

Диана участвовала в борьбе против СПИДа. Ее помощь не ограничивалась финансовой поддержкой. Еще в 1983 г. был диагностирован первый случай данного заболевания. По мнению специалистов, риск заражения был возможен через любое прикосновение. Диана посетила огромное количество отделений, где осуществлялась диагностика и лечение СПИДа. Один из самых известных биографов Дианы П. Джефсон отмечал в своей книге, что Диана при посещении больниц лично общалась с больными и их родственниками. Она искренне им сочувствовала и выражала слова поддержки. В 1991 г. Диана развеяла миф о передачи СПИДа в процессе тактильной коммуникации между людьми, обменявшись рукопожатием с зараженным пациентом [8, p. 112].

После Карла III королем Великобритании станет принц Уильям. Его личность весьма популярна среди представителей британской и мировой общественности. В рамках армейской службы на побережье Ирландского моря Уильям смог приобрести навыки управления вертолетом. Отметим, что в данной местности в 2011 г. Уильям участвовал в спасении российского экипажа, который потерпел крушение на грузовом судне «Свонлэнд» [5, с. 320].

В дальнейшем Уильям принял решение о завершении карьеры военного и полностью посвятил себя выполнению королевских обязанностей. Так же, как и его родители он начал заниматься активной благотворительной деятельностью в сфере развития социальных проектов и сохранения окружающей среды. Помимо этого, Уильям является президентом Футбольной ассоциации Англии, занимающийся развитием любительского футбола. В 2013 г. на территории Букингемского дворца при поддержке Уильяма была организована специальная серия матчей, приуроченная к 150-летию Ассоциации. Результаты соревнований получили широкую огласку в СМИ. Данное мероприятие привлекло широкое внимание британской общественности благодаря личному участию принца Уильяма [5, с. 325].

Резюмируя представленные тезисы подчеркнем, что на сегодняшний день институт монархии является важной частью британской государственности. Представители королевской семьи активно участвуют в общественной жизни страны и содействуют организации множества благотворительных мероприятий. Они финансируют различные просветительские и социальные проекты. Благодаря развитию коммуникационных технологий монархия смогла адаптироваться под современные реалии общественного развития. Также представленные примеры подтверждают актуальность сохранения института монархии в политической системе Великобритании.

Литература:

1. Интервью Дианы в программе "Панорама", 1995 // Princess Diana. [Электронный ресурс]. URL: https://vkvideo.ru/video-289571_456239070 (дата обращения: 21.10.2025).

2. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

3. Лэйсли Р. Корона. Официальный путеводитель по сериалу. Елизавета II и Уинстон Черчилль / пер. с англ. Е. Н. Кручин. М.: Бомбора, 2022. 400 с.

4. Мейер-Стабли Б. Повседневная жизнь Букингемского дворца при Елизавете II / пер. с фр. Ю. М. Розенберг. М.: Молодая гвардия, 2007. 407 с.

5. Остапенко Г.С. Британская монархия от королевы Виктории до наследников Елизаветы II: концепция управления и личность суверена. М.: Аргамак-Медиа, 2015. 379 с.

6. Обращение Королевы Великобритании Елизаветы II по случаю 75-летия окончания Второй Мировой войны, 2020 // Посольство Великобритании в России. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video-94843310_456239525 (дата обращения: 21.10.2025).

7. Усова, Ю. С. Особенности культурного самоопределения населения Новой Англии и Британской Вест-Индии в 1620-1689 гг. // Общество: философия, история, культура. 2025. № 8(136). С. 156-161.

8. Giltin, M. Diana, Princess of Wales: a biography / M. Giltin. L.: Greenwood, 2008. 155 p.

9. Seward, I. My Husband and I. The inside story of 70 years of the royal marriage / I. Seward. N.Y.: Simon & Schuster, 2017. 320 p.

10.The Christmas Broadcast, 1957 // The Royal Family Channel. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com//watch?v=mBRP-o6Q85s (дата обращения: 28.12. 2025).

© Ашмарина Н.В., 2026

УДК 93/94

В.А. Бешлей, Д.И. Андруша
студенты УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – ассистент Е.С. Охотников

V.A. Beshley, D. I. Andrusha
students, UUST, Ufa
Scientific supervisor – assistant E.S. Okhotnikov

«ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ МИССИЯ» И «ТРЕТИЙ РИМ»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВРЕМЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В БРИТАНСКОЙ И РУССКОЙ ИМПЕРСКОЙ МЫСЛИ

THE "CIVILIZING MISSION" AND THE "THIRD ROME": A COMPARATIVE ANALYSIS OF TEMPORAL ORIENTATIONS IN BRITISH AND RUSSIAN IMPERIAL THOUGHT

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ темпоральных ориентаций британской и русской имперских идеологий. Цель исследования – выявить и сопоставить специфику понимания времени в британской концепции «цивилизаторской миссии» и в русской доктрине «Москва – Третий Рим», определив их влияние на имперские практики. В процессе исследования выявлены фундаментальные различия в темпоральных структурах. Авторские результаты заключаются в определении двух типов имперской темпоральности: прогрессистской (британской), измеряющей успех империи способностью создать «цивилизованные» нации и подразумевающей конечность имперского проекта, и эсхатологическо-охранительной (русской), ориентированной на вечное сохранение сакрального порядка. Обосновано, что несовпадение темпоральных ориентаций является фундаментальной причиной различий в имперских практиках.

Abstract: This article provides a comparative analysis of the temporal orientations of British and Russian imperial ideologies. The aim of the study is to identify and compare the specific understandings of time in the British concept of the "civilizing mission" and the Russian doctrine of "Moscow as the Third Rome," determining their influence on imperial practices. The study revealed fundamental differences in their temporal structures. The authors' results identify two types of imperial temporality: a progressive (British) one, which measures the success of an empire by its ability to create "civilized" nations and implies the finitude of the imperial project; and an eschatological-preservative (Russian) one, which focuses on the eternal preservation of the sacred order. It is argued that the discrepancy between these temporal orientations is the fundamental cause of differences in imperial practices.

Ключевые слова: имперская идеология, темпоральная ориентация, цивилизаторская миссия, Третий Рим, британский колониализм, русская имперская мысль, эсхатология, прогресс.

Keywords: imperial ideology, temporal orientation, civilizing mission, Third Rome, British colonialism, Russian imperial thought, eschatology.

Большинство исследований об имперском наследии фокусируются на экономических, военно-стратегических или культурно-антропологических аспектах существования империй, но вопрос о темпоральной природе имперской идеологии, как империя понимала своё место во времени, остаётся недостаточно проработанным. Между тем именно отношение ко времени

задаёт фундаментальные параметры имперской политики: от стратегии расширения до критериев успешности её миссии.

Британская имперская мысль разработала концепцию «цивилизаторской миссии», которая предполагала линейный прогресс и, как логическое завершение, будущую деколонизацию. Российская же традиция, восходящая к доктрине «Москва – Третий Рим», сформировала принципиально иную временную ориентацию, связанную не с будущим, а с эсхатологическим концом времен.

Британская имперская идеология XIX в. не была гомогенной, её ядро составили идеи, сформированные в эпоху Просвещения. Джон Локк в своих трактатах о государственном правлении заложил основы представления о том, что собственность и свобода являются результатом «труда» и «разума», которые не в равной степени присущи всем народам [4; 20]. Эта логика создавала градацию обществ по степени «цивилизованности», где народы, не достигшие определённого уровня развития, нуждались во внешнем управлении. Адам Смит предложил телеологическую схему истории, в которой «коммерческое общество» представлялось высшей и конечной стадией [15]. Британская империя, таким образом, мыслилась не просто как политическое образование, а как инструмент перевода других обществ на более высокие стадии развития.

Фундаментальным элементом британской имперской мысли стала концепция «опеки» (trusteeship). Согласно этой доктрине, Британия владеет колониями в интересах самих колонизируемых народов, как опекун. Эта идея была в доктрине лорда Джона Джорджа Лэмбтона, 1-го графа Дарем в «Докладе о делах Британской Северной Америки» (1839). Колонии должны управляться с целью подготовки их к самоуправлению: «Корона должна согласиться управлять через тех, в ком представительный орган выражает доверие» [22].

В «Ориентализме» Эдвард Саид показал, как европейская наука и литература конструировали образ «Востока» как принципиально иного, статичного, лишённого собственной истории и способности к саморазвитию. Британский колониальный дискурс систематически воспроизводил бинарную оппозицию: «зрелый/незрелый», «рациональный/эмоциональный», «цивилизованный/варварский». Колонизируемый субъект представал как ребёнок, нуждающийся в направлении [13].

Редьярд Киплинг в стихотворении «Бремя белого человека» (1899) дал этой идеологии поэтическое выражение:

«Неси же бремя белых —
Спокойно, не робея,
Награда за работу —
Бессилья злоба, смех
Того, кого ты поднял,
Кого ты сделал равным,
Неблагодарный туземец —
Обманет и отвергнет» [6]

Джон Стюарт Милль, работавший долгое время в Британской Ост-Индской компании, в «Размышлениях о представительном правлении» (1861) показал временной характер имперской опеки: «Деспотизм является законной формой правления при взаимодействии с варварами, при условии, что его цель - продвижение к цивилизации и что он оправдывает себя достижением этой цели» [8]. Британская имперская мысль последовательно утверждала, что власть над колониями носит временный характер и прекращается по достижении колонизируемыми народами «цивилизованного» состояния.

Эта структура принципиально отличала британскую имперскую мысль от классических империй древности или от континентальных империй, стремившихся к интеграции территорий. Британская модель предполагала временный характер имперского присутствия, что нашло своё отражение в практике предоставления самоуправления «белым доминионам» (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка) в конце XIX – начале XX вв., а затем и в деколонизации Азии и Африки после Второй мировой войны [7].

Таким образом, временная ориентация британской имперской мысли может быть определена как ориентация на будущее в его линейно-прогрессистском измерении. Империя мыслила себя как инструмент, назначение которого было реализовать определённый проект, после чего она должна была уступить место новым суверенным национальным государствам. Успех империи измерялся способностью создать «цивилизованные» нации.

Если британская идеология была ориентирована на будущее, то русская традиция ведёт своё происхождение от религиозно-эсхатологической доктрины «Москва – Третий Рим», сформулированной Филофеем Псковским в начале XVI в. в посланиях великому князю Василию III. «Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» [19].

Важно подчеркнуть, что в этом послании отсутствует призыв к территориальной экспансии. Смысл доктрины оборонительный и сохранительный. Москва объявляется последним хранителем истинного православия после того, как первый Рим пал от ереси, а второй (Константинополь) от унии с католиками [14]. После падения Константинополя (1453 г.) русским представлялось, что они остались единственным православным народом в мире, и Россия пережила эту традицию универсализма-изоляционизма как собственный драматический опыт [9].

Временная структура этой концепции отличается от британской. История здесь не мыслится как прогрессивное движение к лучшему будущему, а наоборот – она движется к своему завершению. Московское государство существует не для того, чтобы преобразовать мир или создать новые цивилизованные государства, а, чтобы сохранить православную веру до конца времен. Н.В. Сомин пишет: «Третий Рим – это не проект, а судьба, не горизонт, а предел. Важнейшим компонентом в этой мифологической схеме являются эсхатологические мотивы: во-первых, это апокалиптическое число четыре, апеллирующее к концу Света и Страшному суду и указывающее на то, что Русь будет оплотом православия до скончания века; во-вторых, образ «Жены, облечённой в Солнце» из Откровения святого Иоанна Богослова» [16].

В этом смысле русская имперская идея в своём изначальном значении ориентирована не на будущее, а на вечность. Сакральное время (божественный план спасения) здесь доминирует над историческим временем (последовательностью событий). Задачами государства было «устанавливать границы Православного царства, а обращать туземное население в Православие – это дело Промысла Божьего» [9].

Однако историческая динамика России Нового времени внесла существенные изменения в эту исходную модель. Как показали Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, идея «Москва – третий Рим» по самой своей природе была двойственной. С одной стороны, она подразумевала связь Московского государства с высшими духовно-религиозными ценностями, делая благочестие главной чертой и основой государственной мощи, что подразумевало изоляцию от «нечистых» земель. С другой стороны, Константинополь воспринимался как второй Рим, где подчёркивалась имперская сущность – в Византии видели мировую империю, наследницу римской государственной мощи [8]. Секуляризация государственной идеологии, начиная с Петра I и продолжая Екатериной II, привела к существенной трансформации концепции «Третьего Рима».

Первый этап трансформации связан с петровскими реформами. Россия, провозглашённая империей в 1721 г., начинает мыслить себя не только хранителем веры, а также одной из европейских держав, включённой в систему международных отношений и геополитической конкуренции. Эсхатологическая составляющая уходит на периферию, уступая место имперской политике в её классическом понимании – расширение границ, борьба за выходы к морям, статус великой державы.

Второй этап трансформации связан с «Греческим проектом» Екатерины II, который представлял собой попытку секулярного переосмысления византийского наследия. Здесь уже эсхатологическая мысль Филофея уступает место классической имперской логике территориального расширения и восстановления «исторической справедливости». При этом Ричард Уортман отмечает, что даже в секуляризованном виде русская имперская мысль сохраняла сакральную структуру – империя мыслилась не как один из многих европейских проектов, а как осуществление высшего, провиденциального замысла [18].

Наиболее сложный этап трансформации приходится на XIX в., на период правления Николая I. В это время происходит сращивание религиозной доктрины «Третьего Рима» с идеологией панславизма и официальной народностью. А.С. Миллер показал, как официальная идеология Николая I синтезировала европейские консервативные элементы (легитимизм, антиреволюционаризм) с традиционным мессианским нарративом [11].

Чтобы понять эту трансформацию, необходимо обратиться к знаменитой триаде графа Уварова «Православие, Самодержавие, Народность» (1833). Уваров сознательно переосмыслил эсхатологическую доктрину «Третьего Рима» в консервативном ключе. «Православие» здесь означало защиту от революционных идей, идущих с католического/протестантского Запада. «Самодержавие» мыслилось не как временное «удерживание», а как вечная и

единственно возможная форма правления для России. «Народность» связывала империю с этнокультурной идентичностью великорусского народа.

Как писал сам Уваров в докладе Николаю I, чтобы Россия сохранила свою мощь и единство, необходимо, чтобы в ней было одно твёрдое основание - связь с православием и самодержавием [17]. Тем самым эсхатологическое ожидание конца времён трансформировалось в охранительную идеологию настоящего, империя должна была бесконечно сохранять существующий порядок, но это не исключало экспансии как средства распространения этого порядка.

Проявление этой трансформации можно видеть в русской политике на Балканах. Если Филофей призывал к изоляции от «нечистых» земель, то николаевская Россия активно вмешивалась в дела Османской империи. Легитимизм вступал в противоречие с поддержкой славянских восстаний против султана. Это противоречие разрешалось через обращение к «особому пути» России: она объявлялась единственной державой, способной защитить православных, потому что сама стояла вне безбожного европейского порядка. То есть легитимизм сочетался с мессианским исключением: Россия подчиняется европейским нормам, пока сакральная миссия не становится в приоритете. В темпоральном плане это означало, что русское имперское время перестало быть чисто эсхатологическим, и приобрело черты вечного – империя должна стоять вечно, сохраняя себя как сакральный оплот православия и объединяя под своей эгидой всех православных.

Второй мотив русской имперской мысли – мессианское страдание. В отличие от британского патернализма, который был ориентирован на практический успех и материальное благосостояние, русская имперская мысль (особенно у славянофилов и Ф.М. Достоевского) подчёркивала жертвенный характер имперской миссии. Достоевский в «Дневнике писателя» (1876-1877) писал: «Русский народ есть народ всечеловеческий, он не для того, чтобы властвовать, а для того, чтобы примирять и соединять. Наше назначение — не меч, а любовь... Русский человек смотрит на Европу не как на чужую, а как на свою же, русскую, но только ещё не понятую» [2].

В чём же состоит специфика русской имперской темпоральности в сравнении с британской? Если британцы вели колонизируемые народы вперёд к будущему, которое уже реализовано в метрополии, то русская имперская мысль часто обосновывала экспансию как возвращение утраченного или как собирание изначально принадлежащего. Даже освоение Сибири и Дальнего Востока в публицистике XVIII–XIX вв. часто описывалось не как колониальная экспансия, а как естественное распространение Русской земли. Русские переселения существенно отличаются от аналогичных движений в Западной Европе тем, что они не имели характера эмиграции, то есть выселения из страны, а представляли собой простой переход с одного места жительства на другое [3; 9]. Новые территории, приобретаемые русскими, являются в полном смысле слова продолжением России.

Показателен в этом отношении пример из «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина: «Граница имела для меня что-то таинственное... весело въехал в

заветную реку, добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег уже был завоеван. Я все еще находился в России» [12].

Британское отношение к колонизируемому Другому, как показано Саидом, – это отношение просвещённого опекуна, который знает, что для «незрелого» субъекта лучше. Эта позиция предполагает дистанцию: опекун не сливается с подопечным, но управляет им извне [13]. Британцы создавали себе в своих владениях узкий мирок, в который не допускались никакие туземцы и который должен был воспроизводить английское общество в миниатюре. Любая новая территория, где селится англичанин, в его восприятии – «чистая доска», на которой он творит свой собственный мир по своему вкусу. Характерен пример с Гарвалем в Гималаях, где британцы стремились вырубить естественные лесные массивы и засадить горные склоны корабельными соснами. «Действия британцев могли бы казаться чисто прагматическими, если не учитывать, что тем самым они лишили себя одного из немногочисленных плацдармов для британской колонизации Индии, вступив в затяжной конфликт местным населением» [9].

В русской и британской имперской мысли имеют место и схожие черты. Обе идеологии разделяли фундаментальную имперскую установку на превосходство метрополии над колонизируемыми народами. Британский «просвещённый опекун» и русский «православный собиратель» исходили из того, что именно его культура, религия и политическая организация являются образцом для других. В этом смысле оба дискурса производили то, что Саид назвал «ориенталистским» взглядом: конструирование колонизируемого Другого как неполноценного, нуждающегося во внешнем управлении. Россия после Петра I, особенно в екатерининскую эпоху, активно заимствовала европейские имперские практики. Многие российские реформаторы искренне верили, что империя несёт «просвещение» на свои окраины. В отношении мусульманских народов Поволжья и Крыма российская администрация использовала риторику, похожую на британскую: «дикие» кочевники должны быть приобщены к оседлой цивилизации и законам» [5].

Таким образом, британская модель «цивилизаторской миссии» характеризуется ориентацией на линейное, прогрессистское будущее. Переход от множественных «историй» к единой «истории» как таковой создал здесь иллюзию распоряжаемости историческим процессом. Империя мыслится как временный инструмент, призванный подвести колонизируемые народы к состоянию «зрелости», после чего её существование утрачивает смысл. Эта телеологическая структура нашла своё выражение в концепции опеки, патерналистском дискурсе и в конечном счёте - в относительно упорядоченной деколонизации.

Русская модель, восходящая к доктрине «Москва – Третий Рим», изначально имела эсхатологическую природу и была ориентирована не на будущее, а на вечность. Однако в XVIII–XIX вв. эта исходная концепция претерпела существенную трансформацию: от оборонительного сохранения православия к экспансионистской имперской идеологии, синтезировавшей религиозный мессианизм с геополитическими амбициями. При Николае I эсхатология

Филофея трансформировалась в охранительную идеологию «вечного настоящего» через уваровскую триаду, что позволило сочетать консервативный легитимизм с мессианской экспансией.

Несовпадение темпоральных идей может рассматриваться как фундаментальная причина различий в имперских практиках, отношении к колонизируемым народам и, что особенно значимо, в способах переживания и осмысления имперского наследия. Эти различия продолжают оказывать влияние на политическое сознание постколониальных обществ – как бывших британских колоний, так и постсоветского пространства, где спор о понимании империи как «исторической несправедливости» или «утраченной святыни» остаётся открытым.

Литература:

1. Артог Ф. Режимы историчности: Презентизм и опыт времени / Ф. Артог; перевод с французского. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 400 с. С. 45–67, 112–130.

2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876-1877. Санкт-Петербург: Издание А. С. Суворина, 1877. Т. 2. 347 с. С. 156–158.

3. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

4. История международных отношений в раннее Новое время: XVI-XVIII вв.: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] /отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: Уфимский университет, 2025. 192 с.

5. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / А. Каппелер; перевод с немецкого С. Червонной. Москва: Традиция: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с. С. 98–115.

6. Киплинг Р. Бремя белого человека = The White Man's Burden: стихотворение / Р. Киплинг; перевод В. Топорова. [Электронный ресурс]. URL: https://4italka.site/poeziya/444104.htm (дата обращения: 02.04.2026).

7. Козеллек Р. Прошлое будущее: О смысле исторического времени (перевод с немецкого). Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 328 с. С. 87–92.

8. Лотман Ю.М. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра I // Лотман, Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. / Ю. М. Лотман. Таллинн: Александра, 1992. Т. 2. С. 213–224.

9. Лурье С.В. Imperium (Империя – ценностный и этнопсихологический подход). Москва: АИРО-XXI, 2012. 272 с..

10. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.

11. Милль Дж. С. Размышления о представительном правлении / перевод с английского под редакцией А. Н. Неведомского. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и К°, 1863. 197 с.

12. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Ленинград: Наука, 1978. Т. 6.

13. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / перевод с английского А. В. Говорунова. Москва: Гараж, 2021. 672 с.

14. Синицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. Москва: Индрик, 1998. 416 с.

15. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / перевод с английского. Москва: Эксмо, 2007. 960 с.

16. Сомин Н.В. «Москва – Третий Рим» как основа русской идеи / // Русская идея: сборник статей / Институт русской цивилизации. Москва, 2012. — С. 45–62.

17. Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения: доклад императору Николаю I, 19 ноября 1833 г. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1864. С. 1–5.

18. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. / перевод с английского Т. А. Новиковой, И. А. Пильщикова. Москва: ОГИ, 2002-2004. Т. 1. С. 78–95; Т. 2. С. 112–130.

19. Филофей (старец Елеазарова монастыря). Послание дьяку М. Г. Мисюрю-Мунехину (1523–1524 гг.). // Новая философская энциклопедия в 4 т. / Институт философии РАН; под редакцией В. С. Стёпина. Москва: Мысль, 2001. Т. 3: Н–С. С. 171–172.

20. Фролов К.А., Фролова И.В. Понятие дискурса в работе Саида «Ориентализм»// Мир Евразии: от древности к современности. сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2021. С. 322-326.

21. Arneil, B. Trade, Plantations, and Property: John Locke and the Economic Defense of Colonialism / B. Arneil. // Journal of the History of Ideas. 1994. Vol. 55, No. 4. P. 591–609.

22. Lambton, J. G. Report on the Affairs of British North America / J. G. Lambton, Earl of Durham. — 1839. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/stream/lorddurhamsrepor02durhiala/lorddurhamsrepor02durhiala_djvu.txt (дата обращения: 31.03.2026.

© Бешлей В.А., Андруша Д.И., 2026

УДК 94

А.А. Битаева
магистрант УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Хадимуллин

A.A. Bitaeva
master's student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Khadimullin

ДЕГРАДАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ЕВРОПЫ: ОТ МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР ДО КАИ КАЛЛАС

THE DEGRADATION OF EUROPE'S POLITICAL ELITE: FROM MARGARET THATCHER TO KAI KALLAS

Аннотация: Статья исследует трансформацию и деградацию политической элиты ведущих европейских государств и институтов Евросоюза на протяжении последних четырех десятилетий. На примере ключевых фигур – Маргарет Тэтчер, Ангелы Меркель, Урсулы фон дер Ляйен и Каи Каллас – анализируется эволюцию от сильных, принципиальных и самостоятельных национальных лидеров к современным управленцам, которые характеризуются зависимостью от внешних интересов, снижением компетентности, вовлечением в коррупционные схемы и потерей стратегической автономии Европы. Особое внимание уделяется связи современных политиков с крупными транснациональными корпорациями, скандалам вокруг закупок вакцин, усилению милитаристской повестки и нарушению базовых демократических принципов внутри ЕС. Статья показывает, как эти процессы угрожают суверенитету и будущему Европейского союза.

Abstract: The article examines the transformation and degradation of the political elite of leading European states and EU institutions over the past four decades. Using key figures – Margaret Thatcher, Angela Merkel, Ursula von der Leyen and Kaja Kallas – as examples, analyses the evolution from strong, principled and independent national leaders to modern managers characterised by dependence on external interests, declining competence, involvement in corruption schemes and the loss of Europe's strategic autonomy. Special attention is paid to the connection of modern politicians with large transnational corporations, scandals around vaccine procurement, the strengthening of the militaristic agenda and the violation of basic democratic principles within the EU. The article shows how these processes threaten the sovereignty and future of the European Union.

Ключевые слова: политическая элита, деградация, Европа, Евросоюз, суверенитет, коррупция, компетентность, Тэтчер, Меркель, фон дер Ляйен, Каллас.

Keywords: political elite, degradation, Europe, European Union, sovereignty, corruption, competence, Thatcher, Merkel, von der Leyen, Kallas.

Исторический анализ политической элиты Европы логично начинается с Маргарет Тэтчер – фигуры, которая стала символом не только британской, но и европейской политики конца XX в. «Железная леди» воплощала тип политика, который был глубоко связан с национальными интересами своей страны, обладал четкой, часто непримиримой идеологической позицией и готов был принимать непопулярные, но стратегически важные решения [2]. Тэтчер управляла в сложных условиях экономического кризиса и геополитических перемен, но ее действия, несмотря на критику, были направлены на укрепление позиций Великобритании как самостоятельного игрока. Она демонстрировала

качества классического государственника: ответственность, жесткость и независимость мышления. Именно такие лидеры формировали послевоенный облик Европы, где национальное суверенное сознание еще играло значительную роль [7, с. 21].

Контраст с современной ситуацией становится особенно очевидным при взгляде на краткий, но яркий эпизод пребывания Лиз Трас на посту британского премьер-министра. Несмотря на формальную принадлежность к той же партии, она стала антипримером компетентности и стратегического управления. Ее каденция продемонстрировала не просто политическую неопытность, но глубокий системный кризис в процессе формирования элиты: Трасс не была избрана широким электоратом, ее власть стала результатом внутрипартийных маневров в условиях отсутствия сильных альтернатив. Результатом стал хаотичный набор решений, быстро приведший к экономической нестабильности и ее собственному отставке. Этот случай показал, что механизмы воспроизводства политического руководства в ключевых европейских странах начали производить не государственников, а временных, слабых администраторов, не способных держать долгосрочную нагрузку [1, с. 56].

Долгое правление Ангелы Меркель в Германии часто воспринимается как эпоха стабильности и управляемости. Она действительно обеспечила Германии годы экономического роста и относительно устойчивого положения в центре Европы. Меркель мастерски балансировала между различными внутриполитическими и европейскими силами, действуя как осторожный, прагматичный технократ. Однако именно в ее период стали заметны первые признаки будущей деградации. Подчеркнутая стабильность часто достигалась за счет отказа от четких стратегических выборов и долгосрочного видения. Европа под ее мягким руководством постепенно теряла инициативу в мировых процессах, становясь все более зависимой от внешних центров силы.

Ключевым действием Меркель, имеющим долгосрочные последствия, стало активное продвижение на высшие европейские посты своей политической соратницы Урсулы фон дер Ляйен. Это было воспринято как логичный шаг усиления немецкого влияния в структурах Евросоюза. Однако выбор кандидата оказался сомнительным с точки зрения компетентности и независимости. Меркель, обеспечив фон дер Ляйен поддержку, фактически запустила процесс, в котором лояльность и связи стали важнее профессиональных качеств и проверки на соответствие должности. Поэтому, даже в относительно успешном правлении Меркель уже можно найти элементы системы, которая позже приведет к более явным проблемам [4, с. 33].

С назначением Урсулы фон дер Ляйен на пост председателя Европейской комиссии кризис элиты перешел на общеевропейский уровень. Фигура, не прошедшая должного публичного тестирования на более низких уровнях, оказалась ответственна за ключевые решения для всего союза. Наиболее ярко ее управленческие проблемы проявились во время пандемии COVID-19. Европейская комиссия под ее руководством заключила гигантские, непрозрачные контракты на закупку вакцин с компанией Pfizer. Впоследствии появились серьезные обвинения в коррупционной составляющей этих сделок.

Более того, стратегия закупок оказалась неэффективной: были приобретены огромные объемы препаратов, которые в итоге не потребовались в таком количестве и ушли в утиль с истечением сроков годности. Это означало не только многомиллионные финансовые потери для бюджета ЕС, но и демонстрацию отсутствия базового планирования и ответственности на высшем уровне управления.

Вторым тревожным фактором стала прямая связь семьи фон дер Ляйен с крупными транснациональными структурами. Сведения о том, что ее дети работают в корпорации BlackRock, одном из крупнейших мировых инвестиционных фондов, вызывают законные вопросы о конфликте интересов. В условиях, когда решения Европейской комиссии напрямую влияют на финансовые рынки и экономическую политику, такая связь создает риски манипуляций и принятия решений, продиктованных не общеевропейскими интересами, а целями конкретного бизнес-гиганта. Таким образом, представитель высшей элиты оказывается в ситуации потенциальной зависимости от внешних корпоративных сил, что полностью противоречит идеалам суверенного и демократического управления [3, с. 48].

Назначение Каи Каллас на пост главы внешнеполитической деятельности ЕС (высшего представителя по иностранным делам и политике безопасности) стало следующим шагом в утверждении нового типа элиты. Она заняла место Жозепа Бореля, который, несмотря на все противоречия, пытался сохранить хотя бы риторику о стратегической автономии Европы. Его известная фраза о Европе как «саде», окруженном «джунглями», символизировала желание защищать свою цивилизационную модель. Смена Бореля на Каллас ознаменовала переход к более радикальной, конфронтационной и подчиненной внешним интересам политике [5, с. 29].

Общая политическая повестка, которую теперь воплощают фон дер Ляйен и Каллас, характеризуется несколькими опасными тенденциями. Во-первых, это постоянные и безусловные «поклоны» перед американской стратегией, превращающие Европу из самостоятельного игрока в приложение к интересам Вашингтона. Во-вторых, это агрессивная милитаристская риторика и действия против России, которые ведутся без анализа долгосрочных разрушительных последствий для самой Европы, особенно в экономической и социальной сфере. В-третьих, это прямое игнорирование демократических принципов внутри Евросоюза. Угрозы о возможном ограничении права голоса для Венгрии в случае победы Виктора Орбана на выборах показывают, что современная элита готовит нарушение одного из базовых правил ЕС – равенства государств-членов. Это прямой путь к превращению союза из объединения суверенных стран в жестко централизованную структуру, где решения принимаются узкой группой лиц, не терпящих инакомыслия [6, с. 9].

Для более четкого понимания трансформации ниже представлена таблица, сравнивающие ключевые аспекты деятельности рассматриваемых политических фигур.

Таблица 1. Сравнительная характеристика ключевых аспектов деятельности рассматриваемых политических фигур

Политик / Период	Суверенитет и автономия	Компетентность и управление	Связи и зависимости	Демократические принципы
Маргарет Тэтчер (1980-е)	Высокий: ориентация на национальные интересы Великобритании, самостоятельность в решениях.	Высокая: решительные, хотя и конфликтные, экономические и политические реформы.	Минимальные: связи преимущественно внутри национальной политической системы.	Следование внутрибританским демократическим процедурам, несмотря на жесткость стиля.
Ангела Меркель (2000-2010-е)	Умеренный: прагматичная стабильность, но постепенная утрата стратегической инициативы Европы.	Умеренная: успешное техническое управление, но отсутствие четкой стратегической картины.	Лояльность внутри ЕС и Германии; начало продвижения «своих» кандидатов на евроуровень.	Поддержание формальных демократических процессов в ЕС без глубоких реформ.
Урсула фон дер Ляйен (2019-наст. время)	Низкий: политика сильно зависима от трансатлантических интересов и корпоративного влияния.	Низкая: крупные управленческие ошибки (скандал с вакцинами), неэффективное планирование.	Высокие: прямые семейные связи с корпорацией BlackRock, вопросы конфликта интересов.	Риски конфликта интересов подрывают доверие к демократическим институтам ЕС.
Каи Каллас / Курс ЕС (2020-е-наст. время)	Крайне низкий: внешняя политика ЕС становится придатком американской стратегии.	Внешнеполитические решения ведут к экономическому и социальному ущербу для Европы.	Политика определяется узкой группой, согласованной с внешними центрами силы.	Открытые угрозы ограничить права голоса для отдельных стран-членов ЕС.

Из данных четко видно движение от высокой автономии и компетентности к низкой суверенности, управленческим ошибкам, корпоративным связям и игнорированию демократических основ. Это графическое подтверждение процесса деградации.

Деградация политической элиты Европы – это не случайный набор отдельных фигур, а системный процесс. Он начался с замены принципиальных, сильных национальных лидеров на технократов, ориентированных на краткосрочную стабильность (Меркель). Затем технократы сменились администраторами с низкой компетентностью и высокими корпоративными связями (фон дер Ляйен). Сегодня верхушка европейской власти представлена политиками, которые прямо проводят курс, подчиненный внешним интересам и ведущий к саморазрушению Евросоюза (общий курс фон дер Ляйен и Каллас).

Игнорирование демократических правил внутри ЕС, как в случае с угрозами против Венгрии, показывает, что элита сама начинает разрушать «сад» – те принципы равенства и права, которые должны быть основой союза. «Джунгли» коррупции, зависимости, милитаризма и безусловного подчинения теперь проникают не извне, а рождаются внутри самой европейской управляющей системы. От Маргарет Тэтчер до Каи Каллас – это путь от относительного суверенитета и ответственности к зависимости, некомпетентности и риску потерять политическую идентичность Европы как самостоятельного цивилизационного проекта. Если этот курс не будет пересмотрен, следующей ступенькой деградации может стать окончательная потеря легитимности и

распад структуры, которую предыдущие поколения политиков пытались построить.

Литература:

1. Иванов А.П. Эволюция политических элит в странах Западной Европы: структурный анализ // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2023. № 2. С. 56-78.

2. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

3. Коррупционные риски в институтах Европейского союза: случай закупок вакцин / Коллективная монография под ред. Ф. Смита. Брюссель: CEPS Publications, 2023. 185 с.

4. Петрова С.М. Ангела Меркель и кризис управления в ЕС: между стабильностью и стратегическим выживанием. М.: РГГУ, 2022. 210 с.

5. European Elites and Transnational Corporate Influence: A Case Study of BlackRock / Report by the Corporate Europe Observatory (CEO). 2024. 52 p.

6. The Decline of Strategic Autonomy: EU Foreign Policy After Borrell / Policy Brief by the German Institute for International and Security Affairs (SWP). Berlin, 2024. 28 p.

7. The Transformation of European Political Leadership: From Thatcher to the Present Day / Ed. by J. K. Müller. Oxford: Oxford University Press, 2024. 312 p.

© Битаева А.А., 2026

УДК 930

Р.Ф. Гимаева
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – д. и. н., доцент Р.О. Багаутдинов

R.F. Gimaeva
student, UUST, Ufa
Scientific advisor – d. of h. s., senior lecturer R.O. Bagautdinov

ПОЖАРНАЯ СЛУЖБА БАШКИРИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

FIRE SERVICE OF BASHKIRIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Аннотация: В статье рассматривается деятельность пожарной службы Башкирии в 1941–1945 гг. в контексте функционирования глубокого тыла СССР. На основе научных и региональных источников анализируются исторические предпосылки формирования пожарного гарнизона республики, организационная перестройка в военные годы, развитие объектовой охраны промышленных предприятий, характер наиболее опасных пожаров и роль профилактики. Показано, что работа огнеборцев стала важным фактором устойчивости оборонной экономики и частью исторической памяти о тыловом подвиге.

Abstract: The article examines the activities of Bashkiria's fire service in 1941–1945 in the context of the Soviet deep rear. Based on academic and regional sources, it analyzes historical

preconditions of the republic's fire garrison, wartime organizational restructuring, development of plant-based fire protection, specifics of the most dangerous fires, and preventive practices. The study shows that firefighters' work became an important factor of defense economy stability and part of historical memory about the rear feat.

Ключевые слова: Башкирия, Великая Отечественная война, пожарная охрана, тыл, промышленная безопасность, эвакуация предприятий, историческая память.

Keywords: Bashkiria, Great Patriotic War, fire service, rear, industrial safety, evacuation of enterprises, historical memory.

В годы Великой Отечественной войны тыл СССР работал в режиме постоянного напряжения и мобилизации ресурсов [3]. Для Башкирской АССР это выразилось в одновременном решении нескольких стратегических задач: размещении эвакуированных предприятий, увеличении объёмов промышленного производства, обеспечении бесперебойной транспортной логистики и поддержании жизнеспособности городской среды [8, с. 285-291]. В этих условиях пожарная служба выполняла не вспомогательную, а системную функцию, обеспечивая устойчивость и безопасность тыловой инфраструктуры.

Исследования по истории Башкортостана подчеркивают, что республика в годы войны дала стране масштабный военный и трудовой ресурс, став крупным центром тылового производства [9, с. 72-74]. В условиях резкого роста нагрузки на нефтепереработку, машиностроение и транспорт пожарные риски закономерно возрастали. Каждый серьезный пожар на технологическом объекте мог привести к потере оборудования, срыву поставок и человеческим жертвам, то есть оказывал прямое влияние на оборонную способность.

Оценивать эффективность пожарной службы в 1941–1945 гг. без исторического контекста невозможно. Организованная пожарная охрана в Уфе складывалась ещё с 1816 г., а в течение XIX – начала XXI в. постепенно оформилась сеть городских команд. К межвоенному времени система уже перестраивалась под задачи индустриального региона: при предприятиях создавались объектовые подразделения, в том числе в Уфе и Ишимбае. Именно эта заранее сформированная структура позволила в условиях войны быстрее перейти к усиленному режиму работы.

Не менее важным шагом стало институциональное укрепление государственного пожарного надзора. После утверждения соответствующего положения в 1927 г. в практику службы прочно вошли профилактика и технический контроль. В результате акцент сместился с реагирования на уже возникший пожар к его предупреждению. В военные годы такой подход оказался принципиальным: любая крупная авария могла привести к несоизмеримо более тяжёлым последствиям для тыла

В первые месяцы войны пожарные подразделения по всей стране действовали в условиях принципиально новой угрозы: к бытовым и производственным возгораниям добавились пожары от бомбардировок, а оперативные решения принимались буквально за секунды. Пожарные не покидали посты даже в обстановке обстрелов и несли большие потери [1, с. 74]. Для Башкирии, где концентрировались стратегические объекты, эти характеристики имели непосредственное практическое значение.

Уфа приняла значительное число эвакуированных оборонных предприятий. На ряде таких объектов в кратчайшие сроки были развернуты собственные подразделения пожарной охраны. В 1941 г. Рыбинского моторостроительного завода на Уфимском моторном заводе организовали отдельный пост для охраны второй площадки (21 человек). В 1942 г. было создано пожарное депо ВПК-2 численностью 70 сотрудников, которое возглавил В.Н. Гусев. Наличие специализированной противопожарной защиты обеспечило стабильную работу предприятий.

К началу войны в городе действовали подготовленные 9 подразделений, затем в 1941 г. их перевели на двухсменное дежурство, увеличили число боевых расчетов и усилили профилактическую работу на предприятиях. В связи с эвакуацией военных производств в Уфу на объектах создавались дополнительные пожарные части и посты. Особенно показателен пример моторостроительного направления: после переноса части мощностей в Уфу была организована объектовая охрана, а затем развернуто депо для постоянной противопожарной защиты производственной площадки [2]. Этот факт подтверждает, что пожарная служба была встроена в запуск оборонных производств как обязательный инфраструктурный элемент.

Высокую опасность представляли пожары на нефтеперерабатывающих объектах. Источники фиксируют тяжелые инциденты на установках, где огнеборцы работали в условиях действующего технологического цикла, высокой температуры и угрозы взрыва [5]. В подобных ситуациях пожаротушение требовало мужество и точной профессиональной тактики: локализация очага, охлаждение оборудования, защита соседних аппаратов, обеспечение эвакуации персонала.

Материалы МЧС по истории службы в республике акцентируют и профилактическую составляющую. Речь идет о систематических обследованиях, контроле технического состояния объектов, агитационно-разъяснительной работе с населением и производственными коллективами. В условиях кадрового дефицита и постоянного обновления состава рабочих эти меры снижали риск массовых нарушений противопожарного режима.

Башкирская АССР была одним из крупных центров тыловой мобилизации, масштабы промышленного и социального напряжения были беспрецедентными [8, с. 72-74]. И, следовательно, стабильность противопожарной системы была необходимым условием общей устойчивости региона.

Огнеборцы мужественно защищали объекты во фронтовой полосе. За героическую работу при тушении сложных пожаров на нефтеперерабатывающем заводе в Грозном пожарные Уфы Николай Горбунов и Василий Рогозин были награждены соответственно орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу» [2].

Важно и кадрово-нравственное измерение. Много фронтовиков были связаны с пожарной службой до или после войны, а профессиональная идентичность пожарного формировалась в логике постоянной готовности к риску [1, с. 73-75]. Эта преемственность подчеркивает, что «огненный фронт» тыла был частью общего военного опыта поколения. Для истории

повседневности существенно, что работа огнеборцев охватывала не только заводы, но и жилой сектор. Рост городского населения, жилищная скученность, увеличение нагрузки на печное и электрическое хозяйство делали бытовые пожары серьезной проблемой. Поэтому пожарная охрана сочетала тушение сложных производственных возгораний с повседневной профилактикой на местах [5].

Историческая память о войне обычно концентрируется на боевых операциях и фронтовых биографиях. Однако материалы по пожарной службе Башкирии позволяют расширить этот нарратив. История огнеборцев показывает, что победа обеспечивалась также ежедневной тыловой работой, в которой дисциплина, профессиональная подготовка и коллективная ответственность имели стратегическое значение. Именно поэтому изучение пожарной охраны 1941–1945 гг. важно не только для ведомственной истории, но и для более широкого понимания войны как социального и институционального процесса.

Таким образом, пожарная служба Башкирии в годы Великой Отечественной войны была системообразующим звеном безопасности глубокого тыла. Ее вклад проявился в трех взаимосвязанных измерениях: оперативном (тушение и локализация сложных пожаров), профилактическом (контроль и предупреждение угроз) и социально-историческом (формирование практик ответственности и памяти о тыловом подвиге). История этой службы является важной частью исторического наследия Великой Отечественной войны и заслуживает дальнейшего изучения.

Литература:

1. Брешина В.Н., Архипова Е.Е. Пожарные – участники Великой Отечественной войны Герои Советского Союза // Актуальные вопросы пожарной безопасности. 2020. № 1(3). С. 73-90.

2. Горячая биография огнеборцев столицы // Вечерняя Уфа [Электронный ресурс]. URL: https://vechufa.ru/city/30127-gorjachaja-biografija-ogneborcev-stolicy.html (дата обращения: 12.04.2026).

3. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.

4. История создания противопожарной службы Республики Башкортостан // Главное управление МЧС России по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://02.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/1504527 (дата обращения: 14.04.2026).

5. Пожарная охрана республики в годы войны // Главное управление МЧС России по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://02.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/vse_novosti/1503735 (дата обращения: 14.04.2026).

6. Тангаев В. Мы – огнеборцы Уфы: история создания пожарной охраны столицы // Общество. С. 164-167.

7. Уразова А.И., Фролова И.В. Уроки Великой Отечественной войны: консолидация советских граждан как условие победы (обзор проекта «Великая Отечественная война как фактор формирования общегражданской

идентичности» // Великая Отечественная война как фактор формирования общегражданской идентичности. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Уфа: РИЦ БГУ, 2020. С. 6-9.

8. Хадимуллин Р.Р., Хадимуллина Э.Д. Великая Отечественная война: вклад учёных-медиков Башкирии в победу // Модернизация высшего образования в России: опыт истории и векторы развития. Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения первого ректора Башкирского Государственного Университета Чанбарисова Шайхуллы Хабибулловича. 2016. С. 285-291.

9. Ямалов М.Б. Башкортостан в годы Великой Отечественной войны: некоторые вопросы историографии // Вестник Академии наук РБ. 2019. Т. 31. № 2(94). С. 72-79.

© Гимаева Р.Ф., 2026

УДК 94(574).02

Д.И. Калимуллина
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

D.I. Kalimullina
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate prD.Iofessor Yu.S. Usova

ТАТАРСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ЭПОС, СКАЗКИ, БАИТЫ

TATAR FOLKLORE AS A SOURCE OF HISTORICAL MEMORY: EPICS, FAIRY TALES, BAITS

Аннотация. В статье рассматривается роль устного народного творчества татар в формировании и трансляции исторической памяти. На материале эпоса «Идегей», лиро-эпических баитов и народных сказок рассматриваются механизмы сохранения исторического опыта, способы его художественного переосмысления и связь с реальными событиями.

Abstract. This article examines the role of Tatar oral folklore in the formation and transmission of historical memory. Using the epic poem "Idegei", lyrical-epic baits, and folk tales, it explores the mechanisms for preserving historical experience, methods for artistically reinterpreting it, and its connection to real events.

Ключевые слова: татарский фольклор, историческая память, эпос «Идегей», баиты, сказки, устное народное творчество, межкультурные контакты.

Keywords: Tatar folklore, historical memory, “Idegey epic”, baits, folk tales, oral folklore, intercultural contacts.

Историческая память народа существует не только в виде архивных документов, летописей и научных исследований, но и в устном народном творчестве. Сказки, легенды, эпические поэмы и лирические песни сохраняют то, что не всегда попадало на страницы официальных хроник. Использование в

исторических исследованиях фольклора открывает новые возможности в исследованиях, в частности – позволяет выявить скрытые смыслы действий и практик, дает возможность описать древнюю традиционную материальную и духовую культуру народа [7] [8].

Татарский фольклор представляет собой уникальную культуру, в котором органично соединились древние тюркские традиции, исламское влияние и взаимодействие с соседними народами. Эпос «Идегей», лиро-эпические баиты и многообразные сказочные сюжеты не просто развлекали слушателей — они выполняли важнейшую функцию сохранения и передачи исторического опыта. Цель данной статьи – показать, каким образом фольклорные жанры выступают в роли носителей исторической памяти татарского народа, как в них отражаются реальные события и межкультурные контакты.

Эпический дастан «Идегей» является одним из центральных произведений татарского фольклора. Сформировавшийся в среде ногайских племён в XV–XVI вв., он повествует о событиях конца XIV столетия – времени распада Золотой Орды, междоусобной борьбы и крушения единого государства. В центре повествования – противостояние хана Токтамыша и его бывшего соратника, бека Идегея, чьи личные амбиции и взаимная непримиримость приводят к гибели обоих [3].

Как отмечает академик М. Усманов, эпос «Идегей» отличается глубокой трагичностью как по своему сюжету, так и по истории своего бытования в культуре [5]. Это произведение, прошедшее долгий путь сохранения в устной традиции, представляет собой ценнейший памятник тюркского эпического наследия. Особую роль в фиксации и сохранении эпоса сыграл выдающийся фольклорист Наки Исанбет. В 1941 г. он опубликовал сводный текст «Идегея», собрав десятки версий и вариантов, бытовавших в разных регионах. Памятник был сохранён для будущих поколений и получил возможность для полноценного научного осмысления [2].

Содержание эпоса обращается к вечным темам, близким многим культурам мира. идея – «Идегея» размышление о пагубности раздоров и важности согласия. Сказитель показывает, как внутренние распри и борьба за власть могут ослаблять государство, и призывает к мудрости и единству. Особую поэтическую силу несёт сцена ухода хана Токтамыша: из его головы течёт не кровь, а молоко, и он произносит: «Тело моё под твоей стопой, но голова моя – над тобой». Голова правителя здесь выступает символом государственности, а молоко – знаком духовной природы власти, которая сохраняется вне зависимости от внешних обстоятельств.

Многогранен и образ самого Идегея. Он предстаёт как сильная личность, стремящаяся к справедливости, однако автор эпоса избегает его упрощённой идеализации. Идегей показан сложным, живым персонажем: его путь непрост, а решения порой суровы. Умирающий великан Кара-Тиин обращается к нему со словами: «Жестокое сердце бьётся в тебе... Ты теперь одинок». Эта сцена подчёркивает важную мысль: отсутствие милосердия и мягкости может вести к духовному одиночеству.

«Идегей» представляет собой не просто героическое повествование, а глубокое философское размышление. Эпос продолжает жить в культуре, вдохновляя новые поколения читателей и исследователей на осмысление вечных ценностей.

Если эпос рассказывает об истории широко и образно, то баиты – это в большей степени личные истории. Баит – это песня-плач, которая рождается как прямой отклик на беду: нападение врага, пожар, смерть близкого человека или несправедливость. В отличие от эпоса, здесь почти нет выдумки; баит – это «живое слово», сохранённое в стихах [1].

Баиты были особенно популярны в XVIII–XIX веках, хотя их корни уходят в более ранние времена, включая период Золотой Орды. Их исполняли под аккомпанемент струнных инструментов (курай, мандолина) в простой крестьянской и ремесленной среде. Исследователи считают баиты важным историческим источником, потому что они показывают события «изнутри» – глазами обычного человека, его семьи и деревни [6].

Большую группу составляют баиты о социальной несправедливости: о тяжёлой жизни бедняков, о любви. В этих произведениях отразились народные представления о добре и зле, о том, что честно, а что – нет. Они помогают понять, как жили и что чувствовали люди в прошлом.

Интересно, что баиты показывают и связи между разными культурами. В них можно найти общие черты с русскими историческими песнями, казахскими жырами. Это говорит о том, что народное творчество развивалось не в изоляции. Баиты – это не просто песни-плачи. Это уникальный источник, который позволяет услышать голос простого человека из прошлого, понять его чувства, ценности и взгляд на мир.

Татарская сказка – наиболее древний и устойчивый пласт фольклора. В ней сохранились элементы мифологических представлений, уходящих корнями в доисламскую эпоху. Волшебные сказки населены пари (духами гор и воды), дэвами (злыми великанами), дивами (сверхъестественными помощниками). Эти персонажи восходят к древнетюркским верованиям и демонстрируют, как исламская культура впитала и переосмыслила более ранние пласты.

Сюжеты волшебных сказок часто строятся как путешествие героя в иной мир, где он проходит испытания, добывает волшебные предметы и возвращается с победой. География этих странствий (Волга, Кама, Уральские горы) привязывает фантастическое повествование к реальному пространству, а мотивы дальних дорог и торговых путей отражают реальные исторические контакты. Как отмечают исследователи, в татарских сказках можно проследить влияния персидской и арабской традиций, что связано с многовековыми связями татар с мусульманским Востоком.

Сказки о животных и бытовые сказки выполняют иную функцию. Они аккумулируют народную мудрость, этические нормы, представления о социальной справедливости. Эти сюжеты универсальны и имеют параллели в фольклоре многих народов, что свидетельствует об общих механизмах народного мировосприятия.

Татарский фольклор – эпос, баиты, сказки – представляет собой сложную систему сохранения исторической памяти. Эпос «Идегей» даёт пример философского осмысления трагических страниц истории, предостерегая от междоусобиц и жестокости. Баиты фиксируют непосредственные эмоциональные реакции на события, выступая как уникальный источник «народной истории». Сказки же сохраняют архаические пласты мировоззрения и отражают многовековые межкультурные контакты.

Благодаря деятельности учёных (в первую очередь Наки Исанбета) и внутренней устойчивости самой народной традиции фольклор сохранил свою ценность. Изучение его как источника исторической памяти позволяет не только реконструировать события прошлого, но и понять, как эти события осмыслялись самим народом – его ценностные ориентиры, представления о справедливости и исторические уроки, извлечённые из пережитого опыта.

Литература:

1. Баширов Р.И. Татарские баиты как исторический источник // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 4.

2. Исанбет Н. Татарские народные сказки. Казань: Татарское книжное издательство, 1963.

3. Татарское народное творчество в 15 т. Т. 5. Предания и легенды. Казань: Татарское книжное изд-во, 2015. 383 с.

4. Татарское народное творчество в 15 т. Т. 9. Баиты. Казань: Татарское книжное изд-во, 2022. 479 с.

5. Усманов М. О трагедии эпоса и трагедиях людских // Идегей: Татарский народный эпос. Казань: Татарское книжное издательство, 1990.

6. Усманов М.А. Историческая память в произведениях эпического фольклора татар периода Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3.

7. Шагапова Г.Р., Тухватуллин Р.Р. Роман «Униженные» Зайнаб Биишевой как историко-этнографический источник // Проблемы востоковедения. 2025. № 2 (108). С. 64-69.

8. Шагапова Г.Р. Этнокультурные контакты предков хантов и манси по материалам игровой культуры // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 748-758.

© Калимуллина Д.И., 2026

УДК 94(415)"1801/1900"

А.А. Лазарев
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю. С. Усова

A.A. Lazarev
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Yu. S. Usova

АРТУР УЭЛСЛИ НА ПЕРЕПУТЬЕ ЭПОХ: АКТУАЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА «ЖЕЛЕЗНОГО ГЕРЦОГА» ДЛЯ БРИТАНИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА

ARTHUR WELLSLEY AT THE CROSSROADS OF THE EPOCHS: THE RELEVANCE OF THE IRON DUKE'S POLITICAL COURSE FOR EARLY 19TH-CENTURY BRITAIN

Аннотация: Данная статья посвящена анализу политической деятельности 1-го герцога Веллингтона Артура Уэлсли на посту премьер-министра в период с 1828 по 1830 и 1832, а именно его актуальности как государственного деятеля для Великобритании начала XIX века.

Abstract: This article focuses on the political activities of the 1st Duke of Wellington, Arthur Wellesley, as Prime Minister from 1828 to 1830 and again in 1832, and his relevance as a statesman for early 19th-century Britain.

Ключевые слова: Артур Уэлсли, Веллингтон, избирательная реформа, католическая эмансипация, Великобритания

Keywords: Arthur Wellesley, Wellington, electoral reform, Catholic emancipation, Great Britain

Образ Артура Уэлсли, первого герцога Веллингтона, прочно ассоциируется с победным завершением наполеоновских войн, особенно с битвой при Ватерлоо, которая затмила все остальные аспекты его долгой карьеры. Тем не менее, в 1828 г., когда он стал премьер-министром, Европа уже тринадцать лет не знала масштабных конфликтов, а Великобритания столкнулась с совершенно иными вызовами. Эпоха героических военных походов, линейной тактики и великих побед сменилась эпохой хлебных законов, острых религиозных споров и индустриальных изменений, которые кардинально трансформировали социальные устои. На фоне этих не менее взрывоопасных, хотя и более прозаичных проблем фигура национального героя, известного как железный герцог, чья харизма базировалась на военной дисциплине и пренебрежении к парламентской риторике, казалась почти анахронизмом. В связи с этим возникает ключевой вопрос, требующий анализа: действительно ли страна нуждалась в таком государственном деятеле – человеке, чей непоколебимый авторитет позволял принимать непопулярные, но стратегически важные решения, на которые не решались профессиональные политики или же его деятельность только усугубила ситуацию и ничего путного не принесла. Именно вопрос актуальности Уэлсли как политического деятеля для

Великобритании первой половины XIX века и является целью данного исследования.

Для понимания значимости Веллингтона важно рассмотреть политическую обстановку в Англии в 1815–1832 гг. Победа при Ватерлоо не привела к внутреннему спокойствию. Напротив, демобилизация армии, снижение цен на сельскохозяйственную продукцию и принятие Хлебных законов 1815 г. вызвали всплеск народного негодования. В эти годы происходило «постепенное падение цен, которое было несколько завуалировано уменьшением количества серебра в монетах, следовательно, и реальная заработная плата рабочих оставалась высокой и имела тенденцию повышаться» (6, с. 120). События 16 августа 1819 г. стали ярким примером разрыва между властью и населением. Власти Манчестера, опасаясь ухудшения ситуации направили войска на митингующих. «Шестеро человек были растоптаны насмерть, еще четыреста получили различные увечья. В народе это событие – по мрачной аналогии с Ватерлоо – получило название бойня при Питерлоо» [5, с. 303]. В то же время усиливалось движение за парламентскую реформу, объединявшее вигов, радикалов и некоторых представителей промышленной буржуазии. Система была коррумпирована и не отражала реальной расстановки сил. Они требовали перераспределения мест в парламенте и отмены так называемых «гнилых местечек», так как новые крупные промышленные центры такие как Манчестер и Лидс не имели своего голоса [1, с. 86-87]. В эти годы ирландское движение под руководством О'Коннела радикализируется, создаётся Католическая ассоциация (1823), а победа на выборах в графстве Клэр (1828) ставит правительство перед выбором: допустить католиков в парламент или развязать гражданскую войну. К этому добавляются экономические трудности 1825–1826 годов, банковский кризис и рост безработицы в промышленных центрах, что усугубляет ситуацию.

Что же касается Артура Уэлсли, то исследование речей и действий Веллингтона, позволяет выделить основную черту его политического подхода: он всегда ставил интересы государственной стабильности выше любых идеологических разногласий. Уже в молодости, выступая в ирландском парламенте в 1793 г., он активно защищал парламентские привилегии от «нападений черни». В 1808 г., следуя армейской дисциплине, он встал на сторону принца-регента. В 1819 г. Веллингтон решительно отвергал идею католической эмансипации, утверждая, что «реформатская религия была навязана силой», и допущение католиков к власти представляет угрозу для «учреждений, созданных революцией». Этот подход можно охарактеризовать как классический торийский консерватизм, основанный на глубоком страхе перед любыми переменами в обществе.

К 1829 г. взгляды Веллингтона претерпели изменения. Он утверждал, что католики не способны выполнять обязанности присяжных, и предпочитал «один месяц гражданской войны любой ценой». Почему это произошло? Как опытный военачальник, Веллингтон оценил расклад сил. Он осознал, что сопротивление эмансипации может вызвать вооружённое восстание в Ирландии, которое Англия, обременённая финансовыми трудностями и

социальной нестабильностью, не сможет быстро подавить. Поэтому он преодолел сопротивление короля Георга IV и добился одобрения билля палатой лордов. Это было не проявление либерализма, а стратегическое решение: «отступление с наименьшими потерями».

В 1832 г. повторилась ситуация, но уже с парламентской реформой. Веллингтон, который был противником расширения избирательных прав и в 1830 г. заявил, что не поддержит никаких реформ в этой сфере, столкнулся с угрозой создания правительством Грея множества новых пэров, что могло бы подорвать авторитет палаты лордов. Веллингтон, как опытный военный стратег, осознал, что в данном случае противостояние будет бесполезным. Он убедил лордов пойти на компромисс, сказав, что «лучше принять часть законопроекта, чем весь, но вместе с разрушением конституции». Это не являлось отступлением от его принципов — это было признание неизбежного. Как подчёркивает Леонард, Веллингтон был способен признавать поражение и отступать ради сохранения армии, а в политике он действовал на благо государства [3, с. 153].

Что же касается очень болезненного вопроса, а именно Хлебных законов, то здесь Уэлсли обосновывал необходимость пошлин не только экономическими, но и политическими аргументами. Он утверждал, что процветание джентри являлось фундаментом для работы правительства и внутреннего управления. Веллингтон заявлял: «Правительство заинтересовано в поддержании их (джентри) благополучия, поскольку всегда получало от них поддержку» [4, с. 152]. Предложенная им скользящая шкала пошлин являлась не компромиссом с фритредерами, а техническим усовершенствованием, направленным на сохранение концепции протекционизма после неудачи с полным запретом 1815 г. Веллингтон признавал, что система полного запрета оказалась неэффективной и вынудила правительство «нелегально» открывать порты в сложные времена.

Веллингтон воплощал собой образ аристократа из доиндустриальной эпохи. Его аскетизм, презрение к популизму и подчеркнутая отстраненность от «толпы» выглядели архаично в период становления новой политической культуры, которая требовала от лидеров умения взаимодействовать с массами, использовать средства массовой информации и парламентскую риторику. Уже в 1820-х гг. набирали силу такие политики, как Каннинг, умерший в 1827 г., и будущий премьер-министр Грей, гораздо лучше Веллингтона ощущавшие пульс времени. Веллингтон же оставался «человеком армии», не способным к тонкой парламентской игре. Его премьерство, продлившееся с 1828 по 1830 гг., было омрачено постоянными конфликтами с палатой общин, неловкими высказываниями и растущей непопулярностью. Инцидент «Дней мая» 1832 г., когда толпа атаковала его дом, показал, что народ воспринимал его как противника реформ. В этом контексте его политический стиль был неуместен – он не отвечал требованиям гибкости и диалога. В ином, более значимом аспекте, Веллингтон стал не просто актуальным, а критически важным. Без его влияния и решимости два кризиса – ирландский и конституционный – могли обернуться катастрофой. Только человек с его боевым опытом и репутацией

«победителя Наполеона» мог осуществить католическую эмансипацию, не столкнувшись с обвинениями в измене королю и церкви. Лишь он мог убедить палату лордов пойти на уступки по реформе, поскольку его слово «отступление» имело вес среди аристократии, привыкшей подчиняться его приказам. Веллингтон действовал как полководец, готовый пожертвовать одной позицией ради успеха всей кампании. Он спас государство, отказавшись от своих принципов.

Реформа 1832 г. стала ограниченной победой промышленной буржуазии, однако она также предотвратила возможность революции. Веллингтон, не желая того, стал «могильщиком» старого торийского порядка, открыв дорогу для либеральных преобразований. Его роль была в том, что он взял на себя бремя непопулярных решений, которые никто другой из тори не осмелился бы принять. Если бы его место занял более гибкий, но менее авторитетный политик, например, Пиль, который в 1832 г. ещё не обладал таким весом, кризис мог бы перерасти в вооружённое противостояние.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Веллингтон был необходимым, но устаревшим политиком. Его политические взгляды, консервативные, иерархические и ориентированные на военные ценности, были во многом неуместны для Британии 1828–1832 гг., когда на первый план выходили либеральные идеалы, парламентская борьба и массовая политика, когда “не джентльмены, знавшие толк в лисьей охоте, а «капитаны индустрии» определяли ход развития истории» [7, с. 21]. Веллингтон не умел завоевывать популярность, презирал демагогию и плохо адаптировался к новым реалиям. Однако именно эти черты – военная дисциплина, умение трезво оценивать соотношение сил и готовность к стратегическим компромиссам – сделали его единственной фигурой, способной провести католическую эмансипацию через парламент и уступить в реформе, не разрушая конституционные институты. Он был необходим как «громоотвод» в процессе перехода от старого порядка к новому. Таким образом, его политическая карьера служит ярким примером того, как архаичная по форме фигура может оказаться крайне востребованной в условиях системного кризиса. Без Веллингтона Великобритания могла бы столкнуться с гражданской войной в 1830-е гг. вместо реформы.

Литература:

1. Введение во всеобщую историю. Учебное пособие по дисциплине «История (История России, Всеобщая история)» для неисторических специальностей и направлений подготовки / отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.

2. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

3. Leonard D. Nineteenth Century British Premiers: Pitt to Rosebery. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. 354 с. [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/mywor/Downloads/[Dick_Leonard]_Nineteenth_Century_Premiers_Pitt_t(libcats.org).pdf (дата обращения: 05.04.2026).

4. Wellington A. The Speeches of the Duke of Wellington in Parliament. Collected and arranged by the late Colonel Gurwood, C.B., K.C.T.S. London : John Murray, 1854. Vol. I. 760 p. [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/mywor/Downloads/The_Speeches_of_the_Duke_of_Wellington_i.pdf (дата обращения: 05.04.2026).

5. Дэниел, К. Англия. История страны / Кристофер Дэниел; пер. с англ. М.: Эксмо. СПб.: Мидгард, 2007. 480 с.: [Электронный ресурс]. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/ZR87cRLUpzbjZNP_yPe-YqHMQfVj8Y_-v4nL252V-Io0lBmoPSKkr3LbcjwXiKnJ0hlwlE4IALAgpl12L-EanLY6xQChoXM2VRZtWMvyVefuKVbxngCbtA/Deniel_K_Anglia_Istoria_strany_-_M_Exmo_2007.pdf (дата обращения: 05.04.2026).

6. Мортон А.Л. История Англии = A People‘s History of England / пер. с англ. Н. Чернявской; ред. и вступ. ст. А. Самойло. М.: Издательство иностранной литературы, 1950. 463 с. [Электронный ресурс]. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/5K0LFMYVL0gBMZ0pSK4x9ZzZY1iwd8BTrgH-aw129JKYbBlSS3JcncSm1-usc_5WEGmbdr4QRu56BwwYxy7gxC6W_FD9a3FVDTAnwOG2rlVxhqjUsMgung/Morton_A_L_Istoria_Anglii_-_M_Inostrannaya_literatura_1950.pdf (дата обращения: 05.04.2026).

7. Куриев М.М. Артур Уэллесли, герцог Веллингтон // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 144-168.

© Лазарев А.А., 2026

УДК 94(470.57)"18/19"

Д.В. Лебедев
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Н. Рахимов

D.V. Lebedev
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R. N. Rakhimov

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОРОДСКИХ ГАРНИЗОНОВ И ГОРОЖАН НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА УФЫ)

THE RELATIONSHIP BETWEEN URBANGARRISONSANDCITIZENSAT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF UFA)

Аннотация: Помимо формальных отношений с городскими властями, Уфимский гарнизон как социальный организм был плотно вплетен в повседневную жизнь Уфы, находясь в постоянном контакте с её жителями. Эти взаимодействия создавали особый пласт исторических свидетельств, зачастую менее регламентированный, но не менее информативный. Настоящая статья посвящена анализу источников, позволяющих реконструировать эту многогранную и неформальную сторону жизни гарнизона, раскрывающих восприятие военных горожанами и, насколько это возможно, отношение самих служивых к городскому социуму.

Abstract: In addition to formal relations with the city authorities, the Ufa garrison as a social organism was tightly woven into the daily life of Ufa, being in constant contact with its residents.

These interactions created a special layer of historical evidence, often less regulated, but no less informative. This article is devoted to the analysis of sources that make it possible to reconstruct this multifaceted and informal side of garrison life, revealing the perception of the military by the townspeople and, as far as possible, the attitude of the servicemen themselves to urban society.
Ключевые слова: Уфа, Златоустовский резервный батальон, гарнизон, горожане.
Keywords: Ufa, Zlatoust reserve battalion, garrison, townspeople.

Помимо формальных отношений с городскими властями, Уфимский гарнизон как социальный организм был плотно вплетен в повседневную жизнь Уфы, находясь в постоянном контакте с её жителями. Эти взаимодействия создавали особый пласт исторических свидетельств, зачастую менее регламентированный, но не менее информативный. Настоящая статья посвящена анализу источников, позволяющих реконструировать эту многогранную и неформальную сторону жизни гарнизона, раскрывающих восприятие военных горожанами и, насколько это возможно, отношение самих служивых к городскому социуму.

Применение комплексного источниковедческого подхода позволит не только охарактеризовать каждый источник, но и выявить их взаимодополняемость, реконструировав на их основе целостную картину взаимодействия. В данной статье будут проанализированы два вида источников – газетные публикации и источники личного характера – для выявления взаимоотношений как между гарнизоном и городским социумом в целом, так и между отдельными лицами в частности.

Взаимодействие строилось, например, через участие горожан в праздниках, устраиваемых Уфимским гарнизоном в памятные для него даты. Наглядным примером этому служит праздник по случаю вручения батальону нового знамени в 1890 г. Вот, как это описывают Уфимские Губернские ведомости:

«Так, 8 июня в 12 часов дня, в присутствии Начальника 22 местной бригады, Генерал-Лейтенанта Пушкарева, в г.Уфе, происходило освящение знамени, высочайше пожалованного Уфимскому Резервному пехотному батальону. Богослужение совершал соборный Преосвященный Епископ Уфимский и Мензелинский Дионисий... По совершении чина освящения знамени, происходила торжественная церемония передачи знамени батальону. По окончании освящения, знамя было вынесено на середину... перед фронтом, командиром батальона была прочитана грамота о пожаловании батальону знамени, а затем всеми чинами батальона принесена присяга, Торжество освящения закончилось церемониальным маршем, а затем обществом офицеров батальона был предложен обед в офицерской столовой лагеря, Согласно «Уфимским губернским ведомостям» на нём«присутствовали Преосвященный Дионисий, Начальник бригады, Губернатор, Председатель губернской земской управы, Городской голова и другие почетные лица города Уфы...» [8, с. 1].

Данный репортаж, опубликованный в официальных «Уфимских Губернских ведомостях», выполнял не только информационную, но и важную репрезентативную функцию. Присутствие высших гражданских и духовных лиц на военном ритуале было призвано публично демонстрировать единство государства, армии и общества.

Если первый пример иллюстрирует внутрикорпоративный праздник гарнизона, на который в качестве почетных гостей приглашается городская элита, то второй случай раскрывает иную, но столь же важную модель. Здесь гарнизон уже выступает не как хозяин события, а как активный участник общегородского, сакрального действа — праздника Крещения. Это показывает двусторонность связей: гарнизон не только принимает город “у себя в гостях” (на лагерном празднике), но и сам включается в ключевые события городского календаря, выполняя в них специфическую ритуальную функцию (салют). Оба источника, таким образом, демонстрируют разные грани публично-церемониального каркаса взаимоотношений.

Взаимодействие происходило не только через важные даты, но и через общее участие горожан и солдат гарнизона в религиозных праздниках. Вот как в «Уфимских Епархиальных ведомостях» описывается Крещение в 1909 г:

Так, 6 января Его Преосвященство совершил божественную литургию в Благовещенском женском монастыре, после чего торжественно совершил крестный ход на Иордань, устроенную на реке Белой, и чин водоосвящения. После водоосвящения при ружейных салютах Златоустовского батальона Преосвященный окропил воинское знамя. Согласно «Уфимским Епархиальным ведомостям» «народу было до 10 тысяч» [1, с.149-150].

Описание в “Уфимских Епархиальных ведомостях” подчеркивает массовый и сакральный характер события, где гарнизон, в лице Златоустовского батальона, выступает как неотъемлемая часть общенародного религиозного торжества. Указание на численность и ружейный салют как элемент чина водоосвящения указывает на публичную интеграцию воинского ритуала в церковно-гражданский праздник. Это важный маркер того, как армия вписывалась в символический и духовный ландшафт города.

Третий, мобилизационный тип публично-церемониального взаимодействия раскрывается также в «Уфимских Епархиальных ведомостях», но уже в контексте военного времени. В номере от 1 октября 1904 г. подробно описывается напутственный молебен, отслуженный епископом Христофором для Златоустовского полка, отправлявшегося на Русско-японскую войну.

Так, 18 сентября 1904г. на поле близ кадровых казарм «Его Преосвященством, Преосвященнейшим Христофором, в сослужении всего городского духовенства» [6, С.1270] был отслужен напутственный молебен с водосвятием перед войсками по случаю отправки Златоустовского пехотного полка на Дальний Восток. Войска начали собираться к молебну к 11 часам утра. Здесь они построились четырёхугольником вокруг поставленной тут же походной церкви, против которой была устроена архиерейская кафедра.

К 12 часам вокруг расположенных войск собралась огромная толпа народа всех слоёв Уфимского населения, а также многие депутации.

Далее началось молебное пение с коленопреклонением и возглашением многолетия Царствующему Дому и Христолюбивому воинству.

По окончании молебна Преосвященный Христофор обратился к чинам Златоустовского полка с напутственным словом, после чего благословил полк иконой Архистратига Михаила.

По окончании речи Преосвященный прошел по всем рядам полка, окропляя их Святою водою; солдаты в это время пели тропарь Св. Кресту.

Совершение напутственного молебна под открытым небом, в присутствии массы войск и многочисленного народа «навсегда сохранится в памяти и сердце уфимцев» [6, с.1272].

Это событие демонстрирует иную модель: гарнизон становится объектом общегородской поддержки и сакрального напутствия. Ритуал, объединивший всё градское духовенство, войска и жителей города, выполнял мощную интегративную и идеологическую функцию. Речь епископа, благословение иконой Архистратига Михаила и массовое молебное пение конструировали образ «священной войны» и сакрализовали военный долг. Таким образом, проводы полка представляют собой третий, кризисный тип взаимодействия, где город и Церковь выступают как единое целое, оказывая духовную и моральную поддержку армии.

Обращение за помощью на строительство храма и последующее сообщение об его освящении раскрывают ещё один, практический и материальный пласт взаимоотношений. Так, в 1905 г. на страницах «Уфимских Епархиальных ведомостей» было опубликовано «Воззвание о пожертвованиях на устройство гарнизонной церкви в г. Уфе» [2, с.682-683], в котором солдаты уфимского гарнизона просили о пожертвованиях и помощи в обустройстве домовой церкви гарнизона.

В свою очередь из хроникальной записки, опубликованной в «Уфимских Епархиальных ведомостях» в 1908г. становится известно, что 27 января 1908г. «было торжественно совершено Его Преосвященством, Преосвященнейшим Христофором, в присутствии Его Превосходительства господина Начальника губернии и других высокопоставленных лиц, освящение нового домового храма во имя святого великомученика Георгия Победносца при казармах Уфимского военного гарнизона» [7, с.265].

Воззвание 1905 г., опубликованное в «Уфимских Епархиальных ведомостях», демонстрирует, как гарнизон, сталкиваясь с бытовой проблемой отсутствия своей церкви, напрямую апеллирует к гражданскому обществу. Этот источник уникален своей просительной, диалогической природой: военные не просто принимают город у себя или участвуют в его событиях, но и активно вовлекают его в решение своих внутренних нужд. Это свидетельствует о глубоком вплетении гарнизона в социально-экономическую ткань города.

Краткая хроникальная заметка 1908 г. об освящении домового храма св. Георгия фиксирует успешный итог этой общественной инициативы. Присутствие на освящении епископа и губернатора переводит частный, “гарнизонный” успех в публично-церемониальную плоскость, вновь демонстрируя единство светской, военной и духовной власти. Создание собственного храма стало важным этапом в консолидации гарнизона как сообщества не только служебного, но и духовного, окончательно вписав его в религиозный ландшафт Уфы.

Оба источника, таким образом, демонстрируют разные грани публично-церемониального каркаса взаимоотношений, дополняя её измерением

повседневной, материальной и институциональной кооперации между армией, Церковью и городским социумом [4].

Взаимодействие между солдатами гарнизона и городскими жителями строилось не только на основе совместных праздников и взаимопомощи, но и в поле социальных конфликтов, особенно обострявшихся в периоды социальной напряженности.

К 1907 г. обстановка в Уфе накалилась, что было связано с расстрелом демонстрации златоустовских рабочих в 1903г. и последовавшим за ним убийством уфимского губернатора Богдановича, а также активным участием рабочих города в событиях революции 1905-1907гг. Это обострение социальной ситуации в городе перевело к учащению возникновения конфликтов между солдатами и горожанами. Об одной из таких ситуаций, переросшей в системную проблему и потребовавшей официального вмешательства властей, свидетельствует предписание исполняющего обязанности уфимского губернатора А.П. Толстого уфимскому полицеймейстеру от 15 июня 1907 г.

Так, 6 июня 1907г. командир уфимского гарнизона сообщил уфимскому губернатору, что часовые при Уфимской городской тюрьме часто подвергаются оскорблениям со стороны гражданских лиц, собирающихся около тюрьмы, и при этом просил «во избежание могущих быть случаев употребления часовыми в дело оружия с печальным исходом, об учреждении вблизи тюрьмы хотя бы одного полицейского поста, на обязанность которого возложить наблюдение за подозрительными лицами, пытающимися путем оскорбления отвлечь внимание часовых от своих прямых обязанностей и задержании их для передачи в руки правосудия» [5, с.132-133].

Этот документ прямо указывает на ухудшение отношений в момент социального кризиса: часовые у городской тюрьмы, по словам начальника гарнизона, «часто подвергаются оскорблениям со стороны гражданских лиц». Опасения военного командования, что инциденты могут привести к применению оружия, и их просьба к гражданским властям создать полицейский буфер между солдатами и горожанами красноречиво говорят о глубоком взаимном раздражении и утрате элементарного доверия.

Однако подлинную глубину и прочность установившихся связей раскрывают не официальные репортажи, а личные письма офицеров и солдат Златоустовского полка, отправленные с фронта Русско-японской войны городскому голове Уфы.

Эти документы личного характера являются уникальным источником, показывающим обратную, «внутреннюю» сторону взаимоотношений. В письмах капитана А.А. Гранникова и полковника А.А. Оглоблева Уфа неизменно предстает как «родной город» [3; 9, с. 1], эмоционально поддержавший полк при отправлении. Офицеры делятся с городским головой подробностями боёв и быта, а нижние чины собирают деньги «на свечу Святому Великомученнику Георгию» [9, с. 1] в уфимскую Успенскую церковь, прося передать их через того же представителя города. Это свидетельствует о сложившейся системе персональных, доверительных отношений, выходящих

далеко за рамки формальностей. Городской голова выступает здесь как ключевая фигура, связующая фронт и тыл, а сам факт такой переписки говорит о глубокой интеграции гарнизона в социальную ткань города, восприятии его жителей как «своих».

Таким образом, проведённый анализ источников позволяет сделать вывод о том, что взаимоотношения Уфимского гарнизона и горожан на рубеже XIX–XX вв. носили многогранный и далеко не исчерпывающийся формально-служебными рамками характер. Официальные репортажи в периодических изданиях фиксировали публично-церемониальный каркас этих связей, демонстрируя участие военных в религиозных и общегородских торжествах, а горожан — в армейских ритуалах и проводах полка на войну. Документы делопроизводства, напротив, обнажают теневые стороны сосуществования, фиксируя конфликтные ситуации в периоды социального напряжения. Наиболее же глубокий и содержательный пласт взаимодействия раскрывают источники личного происхождения: письма офицеров и солдат с фронта свидетельствуют о формировании прочных эмоциональных связей, восприятии Уфы как «родного города», а её жителей — как сообщества, с которым военнослужащие сохраняли духовную и моральную связь даже на войне. В совокупности изученные материалы позволяют реконструировать целостную картину, в которой гарнизон предстаёт не обособленной структурой, а органичной частью социального, культурного и даже эмоционального ландшафта дореволюционной Уфы.

Литература:

1. Архиерейские служения // Уфимские Епархиальные ведомости. № 3. 1909. С. 149-150.

2. Воззвание о пожертвованиях на устройство гарнизонной церкви в г. Уфе. // Уфимские Епархиальные ведомости. № 9. 1905. С. 682 -683.

3. НА РБ. Ф.И-339. Оп.1. Д.8.

4. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.

5. Предписание исполняющего обязанности уфимского губернатора А. П. Толстого уфимскому полицеймейстеру об установлении полицейского поста возле городской тюрьмы. 15 июня 1907 г. // Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894—1922). Уфа, 2016. С. 132-133.

6. Служение Его Преосвященством напутственного молебна для чинов Златоустовского полка при отправлении его на Дальний Восток. // Уфимские Епархиальные ведомости. № 19. 1904. С. 1270 -1272.

7. Хроника // Уфимские Епархиальные ведомости. № 5. 1908. С.265.

8. Шушпанов С. Письма с далекой войны (К 90-летию русско-японской войны) // Отечество. №13. 1994. С. 1

9. Шушпанов С. Письма с далекой войны (К 90-летию русско-японской войны) // Отечество. №14. 1994. С. 1.

© Лебедев Д.В., 2026

УДК 93/94

Д.Р. Мазитов
магистрант УУНиТ, г. Уфа
И.А. Тетенькин
магистрант УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – д. филос. н., доцент Р.Х. Лукманова

D.R. Mazitov
master's student, UUST, Ufa
I.A. Tetenkin
master's student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – d. of ph. s., associated professor R. Kh. Lukmanova

ТЕОРИЯ НАСИЛИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МЫСЛИ В XX В.: СОРЕЛЬ, БЕНЬЯМИН, АГАМБЕН

THEORY OF VIOLENCE IN EUROPEAN INTELLECTUAL THOUGHT IN THE TWENTIETH CENTURY: SOREL, BENJAMIN, AGAMBEN

Аннотация: Основным объектом изучения в данной статье становится дискурсивный сдвиг в отношении насилия, произошедший в европейской интеллектуальной культуре на протяжении XX в. На примере творчества Ж. Сореля, В. Беньямина, Дж. Агамбена прослеживается постепенной развитие идеи «божественного» насилия, запускающее ход истории. На основе этого делается вывод, что под влиянием кардинальных перемен, происходивших на протяжении всего XX в., насилие перестаёт восприниматься исключительно как средство достижения политических целей, но приобретает особую роль в ходе исторического процесса.

Abstract: The main object of study in this paper is the discursive shift in relation to violence that occurred in European intellectual culture during the 20th century. On the example of the works of J. Sorel, V. Benjamin, J. Agamben traces the gradual development of the idea of "divine" violence, which launches the course of history. On the basis of this, it is concluded that under the influence of cardinal changes that took place throughout the 20th century, violence ceases to be perceived exclusively as a means of achieving political goals, but acquires a special role in the course of the historical process

Ключевые слова: теория насилия, Ж. Сорель, В. Беньямин, Дж. Агамбен.

Keywords: theory of violence, J. Sorel, W. Benjamin, J. Agamben.

Европейская интеллектуальная культура в XX в. претерпела серьезные изменения в связи с теми вызовами, что в лице тоталитаризма и мировых войн были брошены всему человечеству. Старые представления о политике как сфере, исключающей из себя всякое насилие, также подверглись пересмотру. Более того, парадоксальным образом, насилие и политики оказываются включены друг в друга, взаимодополняя и существуя вместе. Такие авторы как В. Беньямин, Ж. Сорель и Дж. Агамбен являются теми исследователями, что разработали собственную теорию, которая могла бы объяснить тот всплеск революционного насилия XX в., которое до сих пор оказывает влияние на нашу историю и повседневность.

Иллюстрацией наших размышлений и стартером дискуссии может послужить творчество советского писателя Андрея Платонова, автора

социально-философского романа «Чевенгур». В своём произведении он описывает сцену расстрела чекистами чевенгуровских «буржуев». Интерес для нас представляет не столько сама казнь, сколько её последствия и то дискурс осмысления насилия, в котором эта сцена может быть рассмотрена.

Расстрел чевенгурской буржуазии отнюдь не был беспристрастным, однако в нём нельзя найти типичной для описаний подобных событий ненависти к классовым врагам, напротив, имеет место своеобразное братание, удивляющее своей откровенностью: «Чекист понял и заволновался: с пулей внутри буржуи, как и пролетариат, хотели товарищества, а без пули – любили одно имущество» [4, с. 297].

Платонов не останавливается на этой мысли, высказывая её как бы мимоходом, но тут важен акцент на чувстве товарищества, возникающем лишь как следствие казни тела, более того, экзистенциального врага пролетариата – представителя класса капиталистов.

Именно здесь мы сталкиваемся с проблемой: возможно ли существование такого насилия, способного найти свой смысл в новой этической или внеэтической реальности, насилия, не ограничивающего себя категориями средств, а являющегося самой целью.

Одним из первых европейских мыслителей, предпринявших попытку поставить насилие во главу угла стал Жорж Сорель. Со второй половины XX в. о Сореле вспоминают почти исключительно как идейного вдохновителя «русского большевизма» и «итальянского фашизма» [7, с. 8]. В то же время его вклад в европейское осмысление феномена насилия часто остается незамеченным. Хотя во многом именно главная работа Сореля знаменует собой тот самый дискурсивный сдвиг в отношении насилия в европейской интеллектуальной мысли.

На формирование взглядов Сореля в разное время оказали влияние П.-Ж. Прудон, К. Маркс, Дж. Вико, А. Бергсон [7, 231-232]. Их интеллектуальное влияние прослеживается в главной работе Сореля «Размышления о насилии», выпущенной в 1906 г.

В ней Сорель, руководствуясь виталистской философией А. Бергсона, рассматривает насилие – в частности, пролетарское – в качестве основного инструмента обновления общества. По мнению Сореля, с момента национальной катастрофы 1870-1871 гг. французская буржуазия оказалась подвержена влиянию декадентства, в то время как пролетариат виделся им как носитель новой морали – морали производителя. В столкновении двух классов Сорель видел потенциал для ревитализации – обновлении общества – на принципиально новых началах. Вне зависимости от того, кто выйдет из этой борьбы победителем, Сорель считал, что новое общество будет построено на совершенно отличных началах.

Высшей формой чистого пролетарского насилия Сорелю виделась всеобщая пролетарская стачка. Об этом он пишет как в «Размышлениях», так и в статье «Апология насилия» выпущенной вскоре после выхода его основной работы. Развивая идеи, изложенные в «Размышлениях», Сорель подчеркивает, что «социальная революция есть продолжение войны, в которой каждая крупная

стачка является одним из эпизодов» [6, с. 268]. Говоря о пролетарской стачке, Сорель обращается к теме мифа как выражении самых сильных убеждений класса. Это наполняет всеобщую пролетарскую стачку эсхатологическим содержанием: «Социализм для них сводится к идее, к ожиданию, к подготовке всеобщей стачки, которая, подобно наполеоновской битве, полностью уничтожит обреченный режим» [6, с. 268]. Работы Сореля заложили основы для изменения европейской интеллектуальной традиции в отношении насилия.

Немецкий философ Вальтер Беньямин в 1921 г. развивает мысль Сореля и пишет эссе «К критике насилия». Разграничивая насилие, устанавливающее закон (называемое мифическим), и насилие, закон отвергающее, Беньямин наделяет рабочий класс правом на восстание, формой которого является забастовка [2, с. 70].

Всеобщая пролетарская забастовка, как форма насилия, противостоит забастовке политической, где последняя не производит переворота в форме господства или в том, кто господствует. Государство ничего не потеряет от своей силы, даже если победят умеренно социалистические политики. Напротив, пролетарская забастовка «совершенно определенно демонстрирует свое безразличие к материальной стороне завоеваний, заявляя, что она хочет уничтожить государство» [5]. Беньямин определяет Стачку Сореля как ненасильственное, чистое средство, ненасильственное постольку, поскольку радикально изменяет характер труда и присвоения результатов труд, освобождает его от государственного принуждения.

Важное отличие от виталистской концепции Сореля заключается в подключении теологического измерения. Категория божественного насилия вводится В. Беньямином через ссылку на библейскую историю о Кореевых сыновьях. Божественный суд отличается от мифического: «Если мифическое насилие правоустанавливающее, то божественное – правоуничтожающее; если первое устанавливает пределы, то второе их беспредельно разрушает; если мифическое насилие вызывает вину и грех, то божественное действует искупляюще; если первое угрожает, то второе разит; если первое кроваво, то второе смертельно без пролития крови». [2, с. 90].

Можно заметить перекличку между оппозициями политической/пролетарской забастовок и мифического/божественного насилия, что позволяет атрибутировать последнее как революционное, противостоящее государственной монополии мифического насилия.

Схожие теологические коннотации мы обнаруживаем у А. Платонова в вышеназванном романе, где чевенгуровские большевики буквально занимаются декретированием второго пришествия: советская власть предоставляла буржуазии всё небо, взамен реквизируя всё вещественное и земное. В конце приказа устанавливалась дата второго пришествия, «которое в организованном безболезненном порядке уведет буржуазию в загробную жизнь». [4, с. 296] Происходящее кажется парадоксальным, если только не вспомнить увлечение писателя философской концепцией христианского космиста Николая Фёдорова, для которого одной из приоритетнейших задач стояло «воскрешение отцов», т.е., всех когда-либо бывших на земле. В этом жесте расстрела с последующим

переселением на небо Платоновым снимается оппозиция друзей и врагов. Вражда классов оказывается вторичной перед лицом «организации вечного блаженства» и братства, пусть и в последний миг жизни буржуазии.

Попытки осмыслить пределы насилия и возможные формы его существования тесно связаны с социальными и историческими потрясениями: для Сореля и Беньямина это были Первая мировая война и Октябрьская революция, когда для представителя следующего поколения, итальянского мыслителя Джорджо Агамбена, таким потрясениям стала «постоянная угроза собственного мгновенного уничтожения» посредством ядерного оружия. Ключевой вопрос, вынесенный в начало его статьи 1970 г. «Пределы насилия»: возможно ли насилие в-себе и для-себя, не нуждающееся в оправдании.

Для Агамбена насилие, разрушающее старый социальный порядок, подобно майевтике, ровно как для Маркса революционное переустройство является «повивальной бабкой каждого старого общества, беременного новым». Однако, как он отмечает, проблема заключается в определении меры справедливости. Агамбен производит решительный разрыв с вульгарным марксистским детерминизмом, т.е. господством механистической необходимости, отказываясь от оправдания насилия как такового, поскольку «человеческое насилие может быть названо справедливым только для тех, кто верит, что история – это неуклонное продвижение по предопределенному маршруту линейного времени» [1, с. 56].

В противовес ложному дарвинизму социального процесса и государственному насилию должно быть представлено нечто иное. Проектам Сореля и Беньямина он находит очень важное дополнение, которое имплицитно закладывалось этими мыслителями, но не проговаривалось: революционное насилие – это перезапуск творения. Такое насилие он также называет сакральным, приводя пример народов древности, проводящих жестокие ритуалы, что были необходимы для разрушения гомогенного потока профанного времени и воскрешения первобытного хаоса, в котором люди могли бы быть сотрапезниками богов [1, с. 58].

Это насилие – разрыв, описанный у Сореля [7, p. 231], разрыв, как пространство действия, и подрыв континуума истории, о котором писал Беньямин в своём неоконченной работе «О понятии истории». В ней рассказывается об инциденте, когда во время Июльской революции в Париже революционеры спонтанно, не сговариваясь, в разных частях города обстреляли циферблаты башенных часов. Таким образом описанное выше насилие предстаёт не только как разрушение старого порядка, но и в качестве манифестации совершенного нового отношения ко времени и пространству: это творческий процесс, изменяющий бытие на самом базовом уровне [3, 247].

Рассмотрев творчество трех авторов, живших в разные периоды XX в., мы можем прийти к выводу о том, что постепенный сдвиг дискурса в отношении насилия, начатый Ж. Сорелем, привел к тому, что в европейской интеллектуальной мысли насилие перестает рассматриваться исключительно как средство достижения цели. Сорель, Беньямин и Агамбен видят в насилии нечто большое – феномен, заново запускающий течение времени. Их влияние

мы можем найти в современных работах; например, в творчестве Славоя Жижека и других.

Литература:

1. Агамбен Дж. О пределах насилия (пер. с итал. Сергея Ермакова) // Новое Литературное Обозрение, 2023, №6.
2. Беньямин В. К критике насилия // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 65–100.
3. Беньямин В. О понятии истории // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 237–254.
4. Лукманова Р.Х., Фролова И.В., Сиразетдинова М.Ф., Фролов К.А. Солидарное общество: от дискурсивного анализа – к социальной практике/ Коллективная монография. Уфа, 2024.
5. Платонов А. Чевенгур: [роман]. М.: Издательство АСТ, 2021. 544 с.
6. Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: Фаланстер. 2013. 293 с.
7. Сорель Ж. Апология насилия // Размышления о насилии М.: Фаланстер. 2013. С. 268-270.
8. Jack J. Roth. Georges Sorel: on Lenin and Mussolini // Contemporary French Civilization. Volume 2, Number 2, pp. 231-252.
9. Talmon Jacob L. Myth of the Nation and Vision of Revolution. The Origin of Ideological Polarization in the Twentieth Century. Berkeley: University of California Press, 1981. 632 p.

© Мазитов Д.Р., Тетенькин И.А., 2026

УДК 94(41/99)

А.А. Мустафина
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Тухватуллин

A.A. Mustafina,
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Tukhvatullin

«РОЖДЕНИЕ НАЦИИ» Д.У. ГРИФФИТА: РОЖДЕНИЕ МИФА О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ США ЧЕРЕЗ КИНЕМАТОГРАФ

D.W. GRIFFITH'S “THE BIRTH OF A NATION”: THE BIRTH OF THE MYTH OF THE U.S. CIVIL WAR THROUGH CINEMA

Аннотация: В статье анализируется фильм Д.У. Гриффита «Рождение нации» (1915) как механизм превращения мифа «проигранное дело» (Lost Cause) в массовый нарратив о Гражданской войне США и Реконструкции. Показано, что кино придало мифу новую силу благодаря выразительности, охвату и иллюзии достоверности. Рассмотрены идеологические искажения фильма, общественная реакция. Делается вывод, что фильм стал важнейшим инструментом мифологизации памяти о Гражданской войне США.

Abstract: The article analyzes D.W. Griffith's film «The Birth of a Nation» (1915) as a mechanism for transforming the Lost Cause myth into a mass narrative about the US Civil War and

Reconstruction. It shows that cinema gave the myth new power through its expressiveness, reach, and illusion of authenticity. The film's ideological distortions and the public reaction are examined. It concludes that the film became a crucial tool for mythologizing the memory of the US Civil War.

Ключевые слова: Д.У. Гриффит, «Рождение нации», Гражданская война в США, историческая память, кинематограф, Lost Cause, Реконструкция.

Keywords: D.W. Griffith, «The Birth of a Nation», U.S. Civil War, historical memory, cinema, Lost Cause, Reconstruction.

Американский кинематограф играет особую роль в жизни общества и выступает в различных «ипостасях». Кинематограф – это способ и средство формирования ценностей и воздействия на поведение людей, своего рода «зеркало», отражающее события, происходившие в стране, лекарство от отчаяния и жестокой реальности [5, с. 55-58], механизм социализации и интеграции личности в общество, инструмент публичной дипломатии США [7].

Обращение к фильму Д.У. Гриффита «Рождение нации» остается актуальным потому, что речь идет не только о классике раннего американского кино, но и об одной из самых влиятельных форм культуры, сформировавших массовое восприятие американского прошлого. Как считает Г.У. Галлахер, представления большинства американцев о Гражданской войне формируются не столько академической историографией, сколько кино, телевидением и другими формами популярной культуры [9, с. 52]. Именно в этом отношении фильм «Рождение нации» оказывается уникальным явлением так как его признают одновременно и поворотным моментом в истории кинематографа, и одним из наиболее противоречивых творений американской культуры.

Цель статьи показать, каким образом «Рождение нации» превратило идеологему «проигранное дело» (Lost Cause) в массовый миф о Гражданской войне США через кинематограф.

Фильм Д.У. Гриффита был снят на основе произведения Т. Диксона «Человек клана: исторический роман о Ку-клукс-клане» (The Clansman: An Historical Romance of the Ku Klux Klan) 1905 г. Изначально в этом тексте мы можем проследить идею мифа «проигранное дело» (Lost Cause). Так, например, в этой книге война трактуется как трагедия, автор представляет Старый Юг благородным, Ку-клукс-клан героизирует как силу, которая в его представлении якобы восстанавливает порядок [8, с. 357]. То есть, автор четко опирается на готовую идеологему, созданную в рамках ревизионистской южной памяти, представленной в историографии США [2, с. 65-66]. Однако именно кинематограф придал этому представлению невиданную прежде убедительность. Фильм дал рождение кино как индустрии, культурной и общественной силе, а также закрепил формулу эпического киноповествования для последующего американского кино. Эстетический масштаб, монтажные решения, чередование массовых сцен и крупного плана, ритм эмоционального нарастания и музыкальное сопровождение создали эффект большой национальной драмы, претендующей на правдивое воспроизведение истории. Именно в этом соединении художественной новизны и идеологической тенденциозности заключается особая опасность фильма.

Не менее важно, что огромный финансовый успех (прибыль 10 млн при бюджете 110 тыс. долларов) укрепил мифотворческий потенциал фильма. Его характеризуют как первый крупный блокбастер Голливуда, самый длинный и самый прибыльный из ранее созданных фильмов, который закрепил будущее полнометражного кино и восприятие кинематографа как серьезного искусства [1, т. 50, с. 419]. Иначе говоря, речь шла не о маргинальном произведении для ограниченной публики, а о культурном событии национального масштаба. Чем шире был охват аудитории, тем глубже фильм встраивался в коллективную память и тем сильнее его идеологические схемы воспринимались как самоочевидная версия прошлого. Переход от романа к экрану означал не простую смену носителя, а качественное усиление идеологического воздействия. Фильм действовал через монтаж, мизансцену, ритм, телесность актера и зрелище массового движения. Благодаря этому идеологема Lost Cause перестала быть только текстом, а превратилась в чувственно переживаемое зрительское событие [3, т. 27, с. 37]. То есть, кино не просто распространило миф, а изменило сам способ его восприятия.

Сюжет картины строится вокруг судеб двух семей – северян Стонеманов и южан Кэмеронов, что позволяет представить войну как общенациональную трагедию братского раскола [10]. На первый взгляд такая композиция создает видимость баланса. Однако реальный центр тяжести фильма смещен в сторону южного взгляда на события. Рабство не становятся в нем ключом к объяснению конфликта; вместо этого зрителю навязывается идея, что главная катастрофа наступила после войны, в период Реконструкции, когда федеральная власть и освобожденные рабы якобы разрушили естественный порядок. Как отмечает, Г.В. Галлахер, в таком прочтении Гражданская война перестает быть борьбой за судьбу рабства и политическое устройство страны и превращается в пролог к драме «оскорбленного Юга» [10, с. 115].

Миф действует в картине не только через сюжет, но и через противопоставление. Гриффит строит повествование на противопоставлениях Севера и Юга, войны и мира. При этом мир, домашний уют и «естественная» гармония последовательно ассоциируются с Югом, тогда как агрессия, вторжение и политическое насилие с Севером и Реконструкцией [10]. Такая композиция незаметно для зрителя переносит моральный центр рассказа на сторону Конфедерации: южный порядок оказывается нормой, а всякое вмешательство в него отклонением. Исторический конфликт тем самым переводится из социально-политической плоскости в плоскость моральной и почти семейной драмы.

Особенно показательна экранная трактовка Реконструкции. В логике фильма она представлена не как сложный и противоречивый этап послевоенного переустройства, а как время насилия, коррупции и морального разложения. Афроамериканцы изображаются либо инфантильными и зависимыми, либо опасными, помимо этого многие роли при этом исполнены белыми актерами в блэкфейсе [11]. Политическая активность чернокожего населения подается как узурпация власти, а республиканская политика как искусственное насилие над «естественным» порядком Юга. Такой подход соответствует

историографическому понятию Lost Cause: он снимает ответственность с рабовладельческой системы и переносит источник кризиса в сферу праведной борьбы за права штатов.

Ключевой механизм мифологизации в фильме связан с образом Ку-клукс-клана. В «Рождении нации» клан выступает не террористической расистской организацией, а спасительной силой, защищающей семью, женскую честь, местное сообщество и саму нацию [11]. Гриффит фактически национализирует южный миф: локальный нарратив о «спасении Юга» превращается у него в нарратив о спасении Америки. Именно поэтому финальные сцены конного шествия клана приобретают значение политического и почти сакрального акта. Позже образ всадника в белом плаще с капюшоном, закрепленный популярностью фильма и его рекламных материалов, стал важной частью символического языка «возрожденного» клана. Следовательно, фильм не просто интерпретировал прошлое, но и поставлял знаки, образы и эмоциональные сценарии для праворадикальной политики настоящего.

Не случайно финал фильма организован как акт «правильного» рождения нации. Спасение белых героев кланом, а затем двойная свадьба между представителями северной и южной семей символизируют национальное примирение, основанное не на признании свободы бывших рабов, а на восстановлении белого консенсуса [11]. В логике картины подлинная Америка рождается не в результате победы Союза и не в результате расширения гражданских прав, а после подавления чернокожего политического присутствия и возвращения власти белым. Именно поэтому фильм столь важен для истории памяти: он предлагает не просто сюжет о прошлом, а полноценную модель того, какой нация якобы должна помнить саму себя. Тем самым «Рождение нации» не просто использует миф Lost Cause, но и визуализирует его в наиболее действенной форме как проект белого национального примирения, из которого исключены бывшие рабы и их гражданские притязания. Исторический спор о гражданских правах и Реконструкции власти подменяется эмоционально более простым и сильным сценарием защиты семьи и «чести». Так мы понимаем, почему картина воздействовала на зрителя сильнее, чем текст. Миф в кино работает как тщательно выстроенная эмоциональная последовательность: кому сочувствовать, кого бояться, кто носитель порядка. Такой механизм особенно важен для массовой культуры, поскольку он снимает необходимость исторического анализа и заменяет его переживанием. Важнейшим результатом картины стало превращение ревизионистской южной памяти в продукт общенационального потребления так как кино изменило масштаб. Поэтому проблема не только в изображении истории, но и в роли фильма в культурной борьбе за память о Гражданской войне.

Современники распознали политический подтекст фильма сразу. Как отмечает С. Вайнбергер, выход «Рождения нации» спровоцировал Национальную Ассоциацию содействия прогрессу цветного населения (NAACP) на протестную кампанию: организация добивалась либо полного запрета ленты, либо вырезания самых вопиющих сцен [12, т. 45, с. 78-79]. Формально этой цели достичь не удалось, но протест дал важные плоды так как

он вывел NAACP на общенациональный уровень, расширил её присутствие в регионах [4, с. 124-125]. Сам размах борьбы доказывает, что фильм расценивался не как невинная забава, а как сознательное вторжение в общественные представления о расе, праве на насилие и том, кто достоин гражданства.

Не менее значимо и то, как картина повлияла на светлый образ клана с его новой волной популярности в массовой культуре. После премьеры «Рождения нации» Ку-клукс-клан пережил мощное второе рождение [6, с. 101]. Конечно, фильм не был первопричиной мифа Lost Cause и не создал клан с нуля. Однако он стал одним из главных каналов, через которые старая память Конфедерации перетекла в новую политику массового превосходства белых. Именно эта лента легитимизировала саму возможность воспринимать расистское насилие как форму национального единства и общественного спасения.

При этом устойчивость фильма в американской культурной памяти объясняется его двойственной природой. С одной стороны, он остается объектом киноведческого интереса как произведение, повлиявшее на язык большого исторического кино. С другой стороны, его невозможно рассматривать вне идеологического содержания. В этом и состоит его особое место: картина демонстрирует, что художественная форма не нейтральна по отношению к историческому смыслу. Чем совершеннее средство выражения, тем сильнее может оказаться эффект исторической подмены.

Таким образом, «Рождение нации» Д. У. Гриффита следует рассматривать как событие не только кинематографической, но и интеллектуально-политической истории США. Фильм превратил уже существовавший миф Lost Cause в масштабный и эмоционально действенный национальный нарратив о Гражданской войне и Реконструкции. Он сместил внимание с рабства на тему «жертвенности Юга», героизировал клан и придал ревизионистской версии прошлого зрелищную убедительность. Именно в этом состояла его историческая функция: не просто репрезентировать память, а производить ее, закрепляя через экран те смыслы, которые позднее продолжали влиять на американские дискуссии о расе, нации и прошлом. Следовательно, поставленная в статье цель достигнута: анализ показал, что кинематограф в случае «Рождения нации» выступил мощным инструментом рождения и распространения мифа о Гражданской войне США.

Литература:

1. Беда В.Г. Сопряжение идейного и художественного в кинематографе США первой половины XX века // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2025. Т. 50. № 2. С. 417-426.

2. Кирчанов М.В. Историческая политика, политика памяти и война с памятниками в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 12. С. 63-75.

3. Кирчанов М.В. Память о Гражданской войне в США в историческом воображении общества потребления // Вестник ВолГУ. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 2. С. 32-44.

4. Ленниг А. Миф и факт: Восприятие фильма «Рождение нации» // История кино. 2004. Т. 16. № 2. С. 117-141. [Электронный ресурс]. URL: https://www.jstor.org/stable/3815447?read-now=1&seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 06.04.2026).

5. Петрова Д.В. Отображение «Великой депрессии» в США в американском кинематографе 1930-х гг. // Мир Евразии: от древности к современности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения советского и российского историка-германиста, доктора исторических наук, профессора, декана исторического факультета Ивана Дмитриевича Чигрина (1945–1999) (г. Уфа, 17 апреля 2025 г.) / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин [Электронный ресурс] / Уфимск. ун-т науки и технологий. Уфа: Уфимский университет, 2025. 303 с.

6. Поподько В.А. Кланистское движение в США в 1920-е – начале 1930-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 1. С. 101-107.

7. Салимов В.А. Голливуд и его влияние на политику США // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2025. Т. 9. № 3. С. 384-393.

8. Dixon T. The Clansman: An Historical Romance of the Ku Klux Klan. // New York: Doubleday, Page & Company, 1905. 374 p.

9. Gallagher G.W., Nolan A.T. The Myth of the Lost Cause and Civil War History // Bloomington: Indiana University Press, 2000. 231 p. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/mythoflostcausec0000unse (дата обращения: 07.04.2026).

10. Gallagher G.W. Causes Won, Lost, and Forgotten: How Hollywood and Popular Art Shape What We Know about the Civil War. // Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2008. 274 p. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/causeswonlostfor0000gall/page/158/mode/2up (дата обращения: 02.04.2026).

11. The Birth of a Nation / реж., прод., сцен., монтаж Д.У. Гриффит; сцен. Ф.Е. Вудс; опер. Б. Битцер; композ. Д.У. Гриффит, Дж.К. Брил, К. Эльвин; прод. Г.Е. Эйткен. – США: David W. Griffith Corp.: Epoch Producing Corporation, 1915. (193 мин): ч.-б., нем., с титрами. [Электронный ресурс]. URL. https://archive.org/details/TheBirthOfANation19151080p (дата обращения: 30.03.2026).

12. Weinberger S. The Birth of a Nation and the Making of the NAACP // Journal of American Studies. 2011. Vol. 45. No 1. P. 77-93.

© Мустафина А.А., 2026

УДК 94(410)"1837/1901"

Ч.И. Мухаметова
студентка УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

C. I. Mukhametova
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Yu.S. Usova

ВИКТОРИАНСКАЯ МОДА КАК ИНСТРУМЕНТ ИНДЕНТИФИКАЦИИ И СТАТУСА

VICTORIAN FASHION AS A TOOL OF IDENTIFICATION AND STATUS

Аннотация: В данной работе рассматривается модные тенденции при правлений одной из известнейших правительниц Европы – королевы Виктории. Её период правление гордо носит её имя – Викторианская эпоха. На основе литературы было рассмотрено изменение предпочтений в одежде разных слоёв населения в рамках этого периода британской истории.

Abstract: This paper examines fashion trends during the reign of one of Europe's most famous rulers, Queen Victoria. Her reign proudly bears her name—the Victorian Era. Using literature, the changing clothing preferences of different social classes during this period of British history were examined.

Ключевые слова: Викторианская эпоха, викторианская мода, женская мода, модные тенденции, одежда, мужской костюм

Keywords: Victorian era, Victorian fashion, women's fashion, fashion trends, clothing, men's suits.

Викторианская эпоха, получившая свое название в честь английской королевы Виктории, охватывает период с 1837 по 1901 гг. – время глубоких изменений и преобразований в английском обществе [1]. Сегодня, в XXI в., определить социальный статус человека по одежде почти невозможно: глобализация, массовая культура и масс-маркет стерли визуальные границы между слоями населения и даже жителями разных стран [3]. Но в предшествующие эпохи, и особенно в викторианский период, одежда выполняла не только эстетическую функцию – она служила четким индикатором социального положения, достатка, профессии и принадлежности к определенному сословию [4].

Этот феномен исследовали, например, в работе Джона Нанна «История костюмов 1200–2000», в ней автор прослеживает эволюцию моды с эпохи Средневековья и до современности, включая изменения в одежде детей и мужчин [1]. В работах Питера Чипса [4] и Каролин Колдторп [5] авторы уделяют особое внимание специфике викторианской моды и ее тенденциям развития, а также роли королевы Виктории как законодательницы стиля на том этапе.

Правление королевы Виктории совпало с индустриальной революцией, что существенно повлияло на моду. Появление фабрик, массовое производство швейных машин с 1850-х гг. и изобретение синтетических красителей, таких как мовеин в 1856 г., удешевили изготовление одежды и сделали модные ткани доступными [6]. Стремительный рост среднего класса во всех индустриальных

странах, быстрое развитие торговли привели к формированию новых стандартов потребления, а строгие нормы викторианской морали диктовали правила внешнего вида, особенно для женщин [5].

Сама королева Виктория придавала огромное значение моде и истории костюма. Так при её правлении было организовано три костюмированных бала посвящённых истории [7]. Так же Виктория уделяла особое внимание своим нарядам во время дипломатических поездок, она отдавала предпочтение платьям английского производства.

За годы правления королевы Виктории сменилось несколько стилей женской одежды. В ранний период (1837–1850-е гг.) в моде английской аристократии преобладали пышные рукава, узкая талия и юбки до пола, вдохновленные эстетикой романтизма. Силуэт подчеркивался корсетом, который шнуровался до бедер, создавая эффект тонкой талии. Постепенно рукава становились менее массивными и укорачивались, плечи сужались, а юбка-колокол удлинялась и набирала объем: под верхнюю ткань надевали множество слоев накрахмаленных юбок. К концу 1840-х гг. на смену тяжелым накрахмаленным юбкам пришел кринолин – ярусный каркас из стальных обручей или конского волоса, позволявший создавать юбки шириной до двух метров [2].

Королева Виктория популяризировала белый цвет для свадебных нарядов: на свою свадьбу с принцем Альбертом в 1840-м г. она надела кремово-белое платье из спифантийского атласа с хоннитонским кружевом, положив начало традиции белых свадеб [7]. После смерти своего супруга в 1861 г. Виктория до конца жизни носила траур, что сделало черный цвет частью повседневного гардероба и породило так называемый «викторианский культ смерти». В моду вошли строгие фасоны, а траурные платья стали обязательным элементом гардероба женщин всех сословий.

В средний период (1850-1860-е гг.) фасоны женской одежды стали проще, а в поздний (1870 – 1900-е гг.) кринолин сменился турнюром – подкладкой в области поясницы, создававшей S-образный силуэт с акцентом на задней части платья. К 1880-м гг. женская одежда почти полностью скрывала тело: короткие рукава и декольте допускались только в вечерних туалетах, тогда как дневные лифы закрывали кожу от кистей рук до подбородка. В этот же период распространились клетчатые и полосатые ткани, а также шахматный рисунок [2].

Гардероб аристократки включал в себя множество нарядов для разных случаев: утренние платья с высоким вырезом и длинными рукавами, домашние wrapper свободного кроя, вечерние платья с низким (часто квадратным) вырезом и короткими рукавами, бальные наряды с обилием кружев и вышивки, платья для приемов. Полный ежедневный ансамбль женщины состоял из корсета со вставками из китового уса, льняной сорочки, панталон, нижней юбки, лифа, кринолина или турнюра, чулок, самого платья и перчаток. Прически к 1840-м гг. предполагали приглаженные от пробора к вискам волосы, собранные сзади в узел, украшенные перьями, лентами или цветочными венками, а пожилые дамы носили чепцы [4]. Бальные туфли были на плоской подошве, узкие и квадратные, хотя к концу века каблук также стал набирать популярность [4].

Мужской костюм менялся медленнее и был более унифицированным: рубашка, жилет, парадный мундир (укороченный фрак), брюки, ботфорты или туфли, цилиндр и галстук. Распространенные цветы – черный и темно-синий, прическу – короткие стрижки с пробором посередине, усы, бакенбарды. К концу столетия установился классический костюм-тройка из брюк, жилета и пиджака [2]. Брюки эволюционировали от облегающих к более свободным фасонам, а пиджаки – от квадратный форм без центрального шва к приталенным моделям с швом над карманами.

Социальное расслоение отчетливо проявлялось в одежде. Аристократия шила наряды из дорогих тканей – шелка, бархата, атласа – украшала их вышивкой, кружевами и бантами, дополняла украшениями, туфлями на высоком каблуке [2]. Средний класс подражал элите, но использовал более дешевые материалы и упрощенные фасоны, нередко приобретая старую одежду аристократов и перешивая ее. Рабочие и бедняки носили практичную одежду из грубой ткани: мясники – синие пиджаки, ремесленники и торговцы – белые фартуки, работники канализации – высокие сапоги. Обитатели трущоб зачастую довольствовались лохмотьями и трудились в работных домах [2].

Распространение фотографии и карикатур позволяло широким массам следить за модными тенденциями элиты. Карикатуристы высмеивали крайности викторианского стиля, например, огромные кринолины или сложные прически, а журналы вроде «Годиз Лейдиз Бук» (Godey’s Lady’s Book) публиковали выкройки и советы по шитью, делая моду доступнее. Развитие полиграфии и появление модных журналов открыли путь массовому потреблению: теперь даже жительницы отдаленных городов могли следовать столичным трендам в силу своих возможностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что сама по себе викторианская мода стала не просто сменой фасонов, а отражением социальных процессов эпохи: она демонстрировала статус, адаптировалась к индустриальным изменениям и выражала культурную идентичность. Влияние личности королевы Виктории и развитие технологий создали уникальную систему, которая и сегодня вдохновляет дизайнеров, напоминая о времени, когда одежда говорила без слов и каждый элемент наряда имел свое значение – от ширины юбки до цвета ленты на шляпе.

Литература:

1. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

2. Нанн, Дж. История костюмов. 1200–2000 / Дж. Нанн. Москва : АСТ, 2003.

3. Усова, Ю. С. Особенности культурного самоопределения населения Новой Англии и Британской Вест-Индии в 1620–1689 гг. / Ю. С. Усова, Е. К. Франк // Общество: философия, история, культура. 2025. № 8(136). С. 156–161.

4. Chrips, P. The Victorian Age. London : Bailey Publishing Associates Ltd, 2005. 64 p.

5. Coldthorpe, C. From Queen to Empress. Victorian Dress 1837–1877 / C. Coldthorpe. New York : The Metropolitan Museum of Art, 1988. 87 p.
6. Steely, V. Fashion and Eroticism: Ideals of Feminine Beauty from the Victorian Era to the Jazz Age / V. Steely. New York : Oxford University Press, 1985. 327 p.
7. The Victorian Obsession with Costume Balls. [Электронный ресурс]. URL: https://www.eternalgoddess.co.uk/posts/eslsapx62mtasoluupj7wpaz4p3mkm (дата обращения: 12.04.2026).

© Мухаметова Ч.И., 2026

УДК 94(430).086

И.Р. Насыров
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент А.О. Целищев

I.R. Nasyrov
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor A.O. Tselishchev

ТОТАЛИТАРНЫЕ ЧЕРТЫ НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ НАРОДНОЙ ПАРТИИ

TOTALITARIAN TRAITS OF THE GERMAN NATIONAL PEOPLE'S PARTY

Аннотация: В данной статье рассмотрены некоторые черты идеологии и практики Немецкой национальной народной партии (НННП) периода Веймарской республики, Выделены два этапа истории партии в данный период. Показано, что НННП и её лидеры сохраняли национал-традиционалистские взгляды и установки, но в завершающий период деятельности партии в нее проникали некоторые тоталитарные идеи, которые сблизили её с НСДАП.

Abstract: This article examines some of the ideology and practices of the German National People's Party (DNVP) during the Weimar Republic. Two stages in the party's history are distinguished during this period. It demonstrates that the DNVP and its leaders maintained national-traditionalist views and attitudes, but in the final period of the party's activity, some totalitarian ideas permeated it, bringing it closer to the NSDAP.

Ключевые слова: Веймарская республика, НННП, консерватизм, тоталитаризм, нацизм, НСДАП.

Keywords: Weimar Republic, DNVP, conservatism, totalitarianism, Nazism, NSDAP.

Германский консерватизм в период Веймарской республики (1919–1933) был главным противником умеренной демократии, продвигая традиционалистские идеи. В то же время реваншизм и революции в соседних государствах возвысили влияние таких радикальных течений как социализм и фашизм, которые подкреплялись идеями коллективизма и, впоследствии, тоталитаризма. В рамках настоящей статьи нас интересует переход умеренной консервативной партии Немецкой национальной народной партии (НННП) на сторону Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). Актуальность

данного вопроса заключается в том, что некоторые исследователи, в частности А. Шильдт, рассматривали данную партию как постоянную союзницу нацистов не только в политическом, но и идеологическом плане [9].

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы раскрыть, какие основные тоталитарные черты проникли в идеологии и практики данной партии. Для достижения поставленной цели предстоит решить следующие задачи: во-первых, проследить историю развития консерватизма в Веймарской республике через призму Партии Центра и НННП; во-вторых, изучить идеи, разделяемые последним председателем НННП Альфредом Гугенбергом; в-третьих, раскрыть отношения НННП с партией Гитлера.

Немецкая национальная народная партия (НННП) была образована в ноябре 1918 года, когда провозгласили республику. Как отмечает К. Гейден, партия возникла тогда, «когда мода на социализм, пришедшая вместе с революцией, уже проходила» [7, с. 113]. Рождение партии связано с объединением базы «Всегерманского национального союза» и Немецкой консервативной партии, которая в имперский период играла заметную роль как партия правительства, партия кайзера. При этом ей противостояла чуть более либеральная партия Католического Центра, которая в Германском рейхе позиционировала себя как т.н. «монархическую оппозицию». Данная организация представляла из себя союз недовольных монархов Южной Германии. После Ноябрьской революции данная сила стала на путь центризма, не проявляя серьезного оппозиционного отношения к Берлину и пользуясь южногерманским электоратом в целях получения большего количества голосов на выборах.

Что касается НННП, то её путь в Веймарской республике можно условно разделить на два этапа: традиционно-консервативный (1918–1928), когда партия уверенно продвигала идеи восстановления монархии и трактовала кайзеровский период как самый стабильный и правильный в истории Германии, и радикально-правый (1928–1933) – в период председательства Альфреда Гугенберга, который решает пойти на союз с Гитлером и привносит в партию тоталитарные черты, включающие в себя антисемитизм и милитаризм.

При этом, стоит отметить, что до 1928 г. НННП сохраняла национал-традиционалистские взгляды, сильнее всех ратовала за возвращение монархии, о чем говорится в программе партии. Немецкие националисты считали, что данная «форма правления соответствует особенностям и историческому развитию Германии» [3, с. 343]. Партия ратовала за сильную власть, стремилась к правлению одного человека, вокруг которого формируется своеобразный культ личности руководителя. Монарх должен был стать связующим звеном всей политической государственной системы и, в принципе, символом существующего. Кайзер имел бы значимые законодательные полномочия, в частности, право на созыв и роспуск существовавшего рейхстага.

Таким образом, консервативное направление НННП уже включало такую тоталитарную черту, как культ личности вождя, потому что она, прежде всего, стремилась восстановить монархический строй, который существовал в Германии на протяжении веков.

Представители НННП продолжили исповедовать идеи национального империализма, корни которого уходят в конец XIX в. Откуда, собственно говоря, возник германский империализм? Истоки восходят к концу XIX в., к представителям крупного капитала, к которым относился и Альфред Гугенберг. Рейнхард Опитц отметил, что германский империализм возник не сразу после объединения страны. Пангерманские настроения набирали популярность в начале 1890–х годов, когда умеренно-консервативная политика Бисмарка уходила в прошлое вместе с ним. В это время вышеупомянутый Гугенберг и его знакомый Карл Петерс основали «Пангерманский Союз», распространявший идеи захвата новых земель Германией. Р. Опитц отмечает, что с помощью таких идей и организаций германские промышленники порождали исключительный национализм, естественно, в целях роста собственного капитала [6, с. 58]. Политическая доктрина Бисмарка выступала за достижение благоприятного баланса на внешнеполитической арене, в то время как последующие консервативные политики всё больше говорили об экспансионизме и исключительности германского государства.

Исключительность в данном случае смешивается с идеями Дарвина, ставшими очень популярными во второй половине XIX в. Социал-дарвинизм перенес идеи учёного из биологического мира в мир человеческий. Здесь стоит отметить то, что некоторая часть консервативных элит еще до Первой Мировой войны обратила внимание на идеи антисемитизма. По мнению того же Опитца, эти идеи добавляли в число сторонников их партий простых рабочих фабрик, которыми владел и руководил крупный капитал. Антисемитизм до появления нацизма трактовался как борьба за христианское оправдание власти феодальной аристократии и крупной буржуазии [6, с. 65]. Крупный капитал использовал антисемитизм как подпитку для борьбы с мелкой и средней промышленностью в период «краха грюндерства» [6, с. 66]. Из этого Опитц пришел к выводу, что антисемитизм использовался, в первую очередь, для решения проблем легитимизации власти и, самое главное, для извлечения выгоды со стороны крупных промышленников.

В итоге некоторые черты тоталитаризма, а конкретно, германского нацизма, были сформулированы ещё в идеологии национал-консерваторов еще во второй половине – конце XIX в. Крупный промышленный капитал, который был лицом пангерманского движения, преследовал свои собственные идеи, продвигая империализм как будущее германской нации. Это же касается и антисемитизма, потому что его идеи способствовали борьбе с еврейской частью мелкой и средней буржуазией. Данные идеи после 1928 г. стали проявляться все сильнее, что сблизило НННП и НСДАП, а вскоре, когда Гитлер пришел к власти, многие члены немецких консервативных партий оказались в партии национал-социалистов.

В то же время интересно посмотреть, как данные партии взаимодействовали друг с другом, возникали ли между ними какие-нибудь противоречия? Разумеется, было всё – и противостояние, и сотрудничество. НННП на протяжении времени колебалась между соперничеством с более радикальной, агрессивной и плебейской НСДАП и союзничеством в различных

националистических инициативах [1, с. 178]. Последний председатель ННННП Альфред Гугенберг с недоверием относился к нацистскому лидеру. Многие члены партии испытывали неудобство в коалиционном правительстве, ощущая грубость и демагогию НСДАП. Однако Гугенберг быстро успокоился, когда нацистское руководство предложило ему контроль над ключевыми министерствами в правительстве Гитлера.

В 1931 г. был образован т.н. «Гарцбургский фронт» – союз консерваторов и национал-социалистов [10, с. 87]. Стоит рассмотреть интересную концепцию, которую привел Аксель Шмидт. Данная концепция – одна из стратегий сдерживания национал-социалистического движения в целях реставрации консервативных идей. Популярность «коричневой» партии должна была играть сдерживающую роль, являться опорой для масс и средством борьбы с коммунистической угрозой на улицах. В свою очередь представители ННННП заняли бы руководящие посты [7, с. 190]. Однако, в итоге, большинство деятелей консервативного блока было отодвинуто от власти после 1933 г., а все консервативныепартии были расформированы. Как отметила Т. В. Евдокимова, к концу 1932 г. стало понятно, что консервативные силы потеряли и силу, и «собственное лицо». Умеренная реформаторская часть лишилась электората на выборах 1932 г., а радикальная пронацистская часть и вовсе прекратила своё существование в условиях однопартийной системы [2, с. 39].

Таким образом, ННННП практически была поглощена НСДАП, а программа партии стала максимально схожей с идеями нацистов, хотя изначально партия начинала классическую консервативную линию с возможностью реставрации монархии. Как отмечал видный деятель Католической Партии Центра Ф. фон Папен: «Если бы нам было позволено сохранить институт монархии, никогда бы не возникло ничего подобного режиму Гитлера» [2, с. 35]. Однако если отметить взгляды последнего председателя ННННП, консервативная альтернатива была невозможна из-за совпадения взглядов Гугенберга и Гитлера в вопросах империализма и антисемитизма. История показала, к чему это привело: к полному разгрому консервативных сил и их поглощению НСДАП.Также можно отметить, что нацисты продолжили дело консервативной революции: борьбу с коммунизмом и либеральной демократией, а также возродили культ личности вождя [5, с. 85].

Почему консерваторы в лице ННННП исчезли с политической арены в отличии от НСДАП, хотя программы и идеи в какой-то степени совпадали? Дело в народной поддержке, ведь население смотрело на нацизм как на третий путь, в то время как консерваторы были призраком прошлого, который развязал Великую войну, в которой Германия проиграла. Консерваторы надеялись, что электорат будет с радостью смотреть на прошлое, а нацисты предложили взглянуть на будущее. Неслучайно, что большинство поддержало более молодое и радикальное политическое движение. На наш взгляд, стоит рассматривать ННННП как независимую консервативную силу, которая впоследствии встала на путь национал-социализма и примкнула к партии Гитлера.

Литература:

1. Боннел Э.Дж. Германские элиты и захват власти нацистами в 1933 г. (в пер. с анг. А. С. Огановой) // Берегиня.777. Сова. 2014. № 4 (23). С. 173–182.

2. Евдокимова Т.В. Партийно-государственное руководство Веймарской республики между традициями и новациями: модификация консервативных идей // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. М, 2016. № 5. С. 29–43.

3. История Германии: учебное пособие в 3 томах. Том 3 / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. М, КДУ, 2008. 592 с.

4. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

5. Кутарев О.Ю. Трансформация элиты германской «консервативной революции» в процессе становления национал-социалистического режима // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки.2009. № 6. С. 82–86.

6. Опитц Р. Фашизм и неофашизм. М, Прогресс, 1988. 280 с.

7. Турыгин А.А. От «великодушной поддержки» до «стороннего наблюдения»: к вопросу о тактиках взаимодействия Пангерманского союза Класса с националистами Гугенберга (НННП) в период консервативной революции // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. М, 2016. № 5. С. 112–127.

8. Целищев А.О. Массовое общество и тоталитарные режимы в Европе в 1920–1940 гг. Сборник планов семинарских занятий и методические указания для студентов, обучающихся по основной образовательной программе «Социокультурная история» по направлению подготовки 46.03.01 История. Уфа: УУНиТ, 2026. 78 с.

9. Шильдт А. Консерватизм и национал-социализм – иллюзорные надежды и фундаментальная вражда // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. М, 2016. № 5. С. 187–193.

10. Яхлов А.В. Веймарская республика: партийная система. Политические силы и их программы // ПОЛИТЭКС. 2005. № 3. С. 80–89.

© Насыров И.Р., 2026

УДК 94(430)1945

А.Э. Нугаева
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

A. E. Nugaeva
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Yu. S. Usova

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД КАНЦЛЕРСТВА А. МЕРКЕЛЬ

SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF GERMANY DURING THE CHANCELLORSHIP OF A. MERKEL

Аннотация: В статье анализируются ключевые тенденции социокультурного развития Германии в период канцлерства Ангелы Меркель (2005–2021 гг.). Особое внимание уделяется влиянию миграционного кризиса 2015 г. на общественные настроения, приведшего к росту социальной поляризации и усилению правопопулистских движений. В статье показана эволюция национальной идентичности: от дискуссий о Leitkultur в начале 2000-х гг. к утверждению постнациональной, гражданской модели, базирующейся на конституционном патриотизме и ценностном плюрализме.

Abstract: The article analyzes the key trends in the socio-cultural development of Germany during the chancellorship of Angela Merkel (2005–2021). Special attention is paid to the impact of the 2015 migration crisis on public sentiment, which led to increased social polarization and the rise of right-wing populist movements. The article shows the evolution of national identity: from discussions about Leitkultur in the early 2000s to the establishment of a post-national, civic model based on constitutional patriotism and value pluralism.

Ключевые слова: Германия, Ангела Меркель, социокультурная политика, миграционный кризис, национальная идентичность, мультикультурализм, Leitkultur, Willkommenskultur, социальная поляризация, правый популизм, интеграция.

Keywords: Germany, Angela Merkel, socio-cultural policy, migration crisis, national identity, multiculturalism, Leitkultur, Willkommenskultur, social polarization, right-wing populism, integration.

Период канцлерства Ангелы Меркель (2005–2021 гг.) стал эпохой фундаментальных социокультурных преобразований для Федеративной Республики Германия [3]. Начавшись в условиях, когда страна только начинала осознавать себя «страной иммиграции», этот период завершился кардинальным изменением общественного облика Германии, которая к середине 2020-х гг. превратилась в одно из самых многоэтничных и плюралистичных обществ Европы [8].

Трансформации затронули ключевые аспекты национальной идентичности, ценностные ориентиры и основы государственной политики в сфере интеграции, что позволяет говорить о формировании новой социокультурной парадигмы [9].

Начало XXI в. стало для Германии переходным этапом. Правительство Герхарда Шрёдера (1998–2005 гг.) заложило структурные основы будущих изменений. Масштабные социально-экономические реформы в рамках Agenda

2010 не только модернизировали рынок труда, но и способствовали трансформации общественных установок, смещая акцент с модели социального патернализма на концепцию активного гражданства. В миграционной сфере ключевым достижением этого периода стало принятие в 2000 г. нового закона о гражданстве, который упростил процедуру натурализации и ввел принцип «права почвы» для детей иммигрантов. Это ознаменовало постепенный отход от этнонационального понимания принадлежности к нации в пользу гражданской модели идентичности. Однако именно в эти годы в общественном дискурсе начали формироваться противоречия, связанные с ростом культурного разнообразия, что выразилось в дискуссиях о концепции Leitkultur как возможном ответе на вызовы мультикультурализма [1].

Приход к власти Ангелы Меркель в 2005 г. ознаменовал институционализацию интеграционной политики. Правительство инициировало проведение «Интеграционных саммитов», а в 2007 г. был принят Национальный план интеграции, включавший более 400 конкретных мер [2]. Этот план предусматривал широкий комплекс шагов – от языковых курсов до программ профессиональной подготовки для мигрантов – и отражал переход от пассивного мультикультурализма к продуманной интеграционной политике, основанной на диалоге между государством и гражданским обществом [4].

Несмотря на эти усилия, к 2010 г. стало очевидно, что проблемы интеграции, особенно в отношении крупнейшей турецкой диаспоры, сохраняются [5]. В этом контексте резонансное заявление А. Меркель о «провале» политики мультикультурализма, сделанное в октябре 2010 г., сигнализировало о смене приоритетов в пользу более активной ассимиляции иммигрантов, которые должны были не только соблюдать законы, но и принимать «немецкую ведущую культуру» [6].

Кульминационным моментом социокультурной трансформации Германии стал миграционный кризис 2015 г. [7]. Решение правительства А. Меркель открыть границы для беженцев из Сирии и других охваченных войной стран привело к беспрецедентному притоку мигрантов: в 2015 г. страна приняла около 890 тыс. человек, а в последующие годы – более 1,2 млн. Политика «открытых дверей» и концепция Willkommenskultur (гостеприимная культура) стали символами гуманитарного подхода Германии [10].

С одной стороны, это принесло стране моральный капитал и способствовало мобилизации гражданского общества: тысячи волонтеров включились в процесс помощи и адаптации новоприбывших. С другой стороны, быстрый приток мигрантов создал колоссальную нагрузку на инфраструктуру и спровоцировал глубокий социокультурный раскол.

Миграционная повестка стала катализатором роста правопопулистских настроений. Уже в 2014 г. в Дрездене возникло движение PEGIDA («Патриотические европейцы против исламизации Запада»), а партия «Альтернатива для Германии», изначально фокусировавшаяся на евроскептицизме, к 2015 г. радикально сместила акцент на антииммиграционную риторику.

Электоральный успех АдГ стал наиболее ярким политическим выражением протеста: на выборах в Бундестаг 2017 г. партия набрала 12,6% голосов, получив 94 места и став третьей по величине фракцией. Социологические опросы фиксировали устойчивую поляризацию общественного мнения: примерно половина населения оценивала последствия миграции негативно, видя угрозу безопасности и социальному государству, тогда как другая половина поддерживала гуманитарный курс. Особенно сильны были антииммигрантские настроения в восточных землях, что подчеркивало сохраняющийся разрыв в политической культуре между западной и восточной частями страны.

Процессы, происходившие в период канцлерства А. Меркель, привели к глубокому переосмыслению немецкой идентичности. Дискуссии 2000-х гг. о Leitkultur, которые велись преимущественно в консервативных кругах и апеллировали к сохранению культурной гегемонии, к концу 2010-х гг. уступили место более сложной, постнациональной модели. Эта модель, во многом созвучная идеям «конституционного патриотизма» Ю. Хабермаса, базируется на приверженности демократическим ценностям, закрепленным в Основном законе ФРГ, и не требует отказа от этнокультурной идентичности. Эмпирические исследования свидетельствуют о сдвиге массового сознания: владение немецким языком и уважение к конституции стали восприниматься как более важные критерии принадлежности к нации, чем этническое происхождение или вероисповедание.

Президент К. Вульфф в 2010 г. провозгласил, что «ислам теперь тоже принадлежит Германии», что стало важным символическим жестом признания нового культурного многообразия. Хотя хронологические рамки канцлерства А. Меркель завершаются в 2021 г., заданные ею социокультурные тренды продолжили свое развитие в 2020-е гг.

Внешние факторы – пандемия COVID-19, ускоренная цифровизация, геополитические конфликты (включая войну на Украине) – наложились на внутренние процессы, такие как ценностная поляризация и демографические сдвиги. Культурная динамика этого периода характеризуется одновременным усилением глобальной взаимосвязанности и ростом запросов на защиту локальной идентичности. Согласно данным опросов, доверие к государственным институтам и традиционным СМИ в Германии значительно снизилось, что создало питательную среду для альтернативных каналов информации и усилило фрагментацию публичной сферы.

Социокультурное развитие Германии в период канцлерства Ангелы Меркель представляет собой уникальный исторический опыт адаптации национального государства к вызовам глобализации и массовой миграции.

Наследие этого периода неоднозначно: с одной стороны, была создана институциональная основа для интеграции миллионов новых граждан, а немецкое общество стало более открытым и плюралистичным; с другой – миграционные вызовы привели к глубокой поляризации и росту правого популизма, что поставило под вопрос устоявшиеся модели общественного консенсуса. Ключевым итогом «эпохи Меркель» стала трансформация

национальной идентичности от этнокультурной к гражданской, постнациональной модели, что, однако, не сняло, а лишь перевело в новую плоскость дискуссии о границах культурного разнообразия, социальной сплоченности и будущем немецкого общества в глобализированном мире.

Литература:

1. Арзаманова Т.В. Правый популизм в Германии: нишевая «пария» в ловушке западногерманской политической культуры? // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4. С. 196–210.

2. Аршин К.В. Миграционная система Германии: интеграционный аспект // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных сетях. 2021. № 3. С. 112–118.

3. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

4. Надеждин А.Е. Наблюдение современных миграционных процессов в националистической безопасности Германии: дис. ... канд. полит. наук : 5.5.4 Надеждин Александр Евгеньевич. Москва, 2021. 189 с.

5. Пикель С. Стена в сознании – переосмысление устойчивых различий в политической культуре Западной и Восточной Германии / С. Пикель, Г. Пикель // Немецкая политика. 2023. Т. 32, № 1. С. 20–42.

6. Погорельская С. В. Германия и мультикультурализм // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 4. С. 79–116.

7. Эпштейн Д.М. Германия и вызовы глобализации: адаптация к новым условиям / Д. М. Эпштейн // Современная Европа. 2024. № 3. С. 51–62.

8. Усова Ю.С. Проблемы энергетической безопасности Индии в первой четверти XXI в. // Мир в эпоху перемен: вызовы и возможности для международного сотрудничества: сборник материалов международной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения выдающегося советского дипломата, уроженца Башкортостана Карима Абдрауфовича Хакимова, Уфа, 05 декабря 2025 года. Уфа: Аэтерна, 2026. С. 293-296.

9. «Reunification» / S. Volk // Journal of Genocide Research. 2022. Vol. 24, No. 2. P. 276–287.

© Нугаева А.Э., 2026

УДК 94(571)"18/19"

В.Ю. Петрова
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Тухватуллин

V.Y. Petrova
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Tukhvatullin

ВЛИЯНИЕ ДЖОРДЖА КЕННАНА НА КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА СИБИРИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ И ТРАВЕЛОГАХ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ

THE INFLUENCE OF GEORGE KENNAN ON THE CONSTRUCTION OF THE IMAGE OF SIBERIA IN ANGLO-AMERICAN JOURNALISM AND TRAVELOGUES AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY

Аннотация: В статье анализируется трансформация образа Сибири в англо-американских травелогах рубежа XIX-XX вв. под влиянием Джорджа Кеннана. Показано, как созданный им образ «земли каторжников» уточнялся и вытеснялся представлением о регионе как о «Новой Америке» с богатым экономическим потенциалом.

Abstract: The article examines the transformation of the image of Siberia in Anglo-American travelogues at the turn of the 20th century under the influence of George Kennan. It is shown how the image of the "land of convicts" he created was refined and gradually replaced by the perception of the region as a "New America" with rich economic potential.

Ключевые слова: Джордж Кеннан, Сибирь, травелог, имажинальная география, образ региона, политическая ссылка, Транссибирская магистраль, российско-американские отношения, Общество друзей русской свободы, рубеж XIX-XX веков.

Keywords: George Kennan, Siberia, travelogue, imaginal geography, image of the region, political exile, Trans-Siberian Railway, Russian-American relations, Society of Friends of Russian Freedom, turn of the 20th century.

Изучение образа России в западных травелогах давно находится в поле зрения историков. Современные методы имажинальной географии позволяют рассматривать эти сочинения как ценный источник для моделирования историко-географических образов и изучения межкультурных коммуникаций [2, с. 101]. Рубеж XIX-XX столетий отмечен резким ростом интереса английских и американских путешественников к Сибири [7, с. 48]. Из трудов на английском языке, оставленных путешественниками, посетившими Россию в 1895-1904 гг., Сибири и Транссибирской магистрали посвящено почти треть [8, с. 109].

Ключевую роль в формировании начальных представлений иностранцев о Сибири сыграли сочинения и публичные выступления американского журналиста Джорджа Кеннана (1845-1924). Его деятельность не только создала устойчивый образ «Сибири – земли каторжников», но и спровоцировала мощное общественное движение в США и Великобритании. Целью настоящей работы является комплексный анализ трансформации образа Сибири в англо-американских травелогах рубежа XIX-XX вв., эволюции взглядов самого Дж.

Кеннана, а также влияния созданного им нарратива на общественное мнение Запада.

К концу XIX в. образ Сибири как земли, где отбывают наказание ссыльные и заключённые, прочно закрепился в общественном мнении Англии и США. Огромную роль в его формировании сыграли сочинения и лекции Джорджа Кеннана. В 1885-1886 гг. он совершил путешествие по северо-востоку России и Сибири с целью изучить систему русской ссылки. Его публикации получили широчайший резонанс и послужили толчком к созданию в Англии (1890) и США (1891) «Общества друзей русской свободы», выступавшего за прекращение политических репрессий в Российской империи [8, с. 112].

Однако сам Дж. Кеннан первоначально вовсе не был настроен оппозиционно к российскому правительству. Его первое знакомство с Сибирью состоялось в 1865-1867 гг. в составе российско-американской экспедиции. Результатом стала книга «Кочевая жизнь в Сибири» (1870), проникнутая симпатией к России. В феврале 1882 гг., выступая с лекцией «Сибирь – место ссылки», Кеннан отстаивал тезис о том, что с ссыльными хорошо обращаются [6, с. 104]. Эта позиция вызвала резкую критику со стороны российской революционной эмиграции, в частности П.А. Кропоткина [5, с. 5] и С.М. Степняка-Кравчинского [10, т. 1, с. 204].

Решающим фактором, изменившим взгляды Кеннана, стала его вторая поездка в Сибирь (1885-1886) по заказу журнала «Century Magazine». Пользуясь поддержкой местных администраций, Кеннан и художник Дж. Фрост смогли беспрепятственно ознакомиться с условиями содержания заключённых, включая Карийские каторжные рудники. Непосредственные контакты с политическими ссыльными открыли перед Кеннаном совершенно иную картину. В молодых людях он увидел не «безумных фанатиков», а искренне преданных идее народной свободы людей, чьи взгляды «в Америке или даже Западной Европе сочли бы весьма умеренными» [4, т. 1, с. 290]. Кеннан пришёл к выводу, что терроризм в России является прямым следствием правительственного произвола: «Если вы несправедливы к человеку... в конце концов он возьмётся за оружие и будет бросать бомбы» [4, т. 1, с. 237].

Особое впечатление на журналиста произвело посещение Минусинска в январе 1886 г. – одного из центров политической ссылки. Осмотр коллекций Минусинского музея, каталог которого был подготовлен политическими ссыльными, дал Кеннану повод для саркастического замечания в адрес официальной пропаганды, называвшей революционеров «недоучками» [4, т. 2, с. 269]. Пребывание в Минусинске окончательно убедило его в порочности российской системы. Покидая город, он писал, что такие люди, как Волховский, Клеменц, Белоконский, «представляют собой цвет русской молодёжи» и он «гордился бы ими, будь они моими братьями» [4, т. 2, с. 305].

Как отмечает историк Д.С. Фоглесонг, на подачу материала Кеннаном сильно повлияли его пуританское воспитание и мессианские устремления [11, с. 108-118]. В Сибири он обрёл «новую религию» – гуманизм – и был обращён в «антицаристскую веру» [12, с. 890-893]. Вернувшись в США, Кеннан

публиковал десятки статей и читал сотни лекций, иногда выходя на сцену в кандалах для усиления эффекта [9, с. 113].

Успех Кеннана объяснялся апелляцией к чувству национальной гордости американцев, породив «крестовый поход» за обновление России [13, с. 172]. Организационным центром стало Американское общество друзей русской свободы, созданное в Бостоне в 1891 г. при участии С.М. Степняка-Кравчинского [9, с. 113]. Общество издавало журнал «Free Russia», сравнивая книгу Кеннана с «Хижиной дяди Тома» для сибирской ссылки [1, с. 178].

Хотя большинство авторов травелогов рубежа веков хотели показать «другую Сибирь», обойти тему преступности и тюрем они не могли. Посетив тюрьмы Иркутска и Томска, путешественники корректировали свои представления. Джордж Линч отмечал, что получение разрешения на осмотр тюрьмы не составило труда, и связывал это с тем, что «посещение, вероятно, изменило бы к лучшему предвзятое представление». Авторы травелогов утверждали, что количество политзаключённых и тяжесть их положения были преувеличены. Джон Фрайзер оценил санитарные условия Александровской каторжной тюрьмы намного выше, чем в иркутской гостинице, и восхищался наличием в тюрьме театра и библиотеки [8, с. 110].

Авторы травелогов активно пытались сместить акцент с ссыльной системы на экономические возможности региона. Путешественники постоянно отмечали неисчерпаемые запасы полезных ископаемых Сибири и плодородные почвы. Все сходились во мнении, что через несколько поколений, с внедрением иностранных технологий, Сибирь «даст своё изобилие остальному миру». Сибирь сравнивали с Австралией, которая тоже долгое время считалась землёй каторжников, но после «золотой лихорадки» стала стремительно развиваться [8, с. 111].

Анализ английских и американских травелогов рубежа XIX-XX вв. а также публицистической деятельности Джорджа Кеннана позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, образ Сибири в сознании западных путешественников претерпел существенную трансформацию. Первоначальный образ «земли политических ссыльных», сформированный сочинениями Кеннана конца 1880-х - начала 1890-х гг., в ходе реальных поездок был уточнён. Путешественники убедились, что условия содержания заключённых не столь ужасны, как они представляли, а политические ссыльные встречаются редко. При этом образ криминогенного региона активно вытеснялся новым образом Сибири как богатой ресурсами российской колонии – «Новой Америки» или «Новой Австралии», обладающей огромным экономическим потенциалом. Через призму Сибири трансформировалось и отношение к российской власти: описание усилий правительства по освоению региона постепенно начинало преобладать над тезисом о «русской тирании».

Во-вторых, Джордж Кеннан сыграл ключевую роль в формировании устойчивого негативного образа Российской империи как «страны-тюрьмы» в американском общественном сознании. Его эволюция от русофила до обличителя царизма была обусловлена как личными впечатлениями от встреч с

политическими ссыльными, так и глубинными религиозно-мессианскими установками, характерными для американского протестантизма.

В-третьих, созданное при участии Кеннана Американское общество друзей русской свободы заложило основы долгосрочных идеологических противоречий в российско-американских отношениях. «Крестовый поход за свободную Россию» способствовал интернационализации американского реформизма и утверждению идеи о необходимости преобразования «варварской» империи в «свободную Россию» по американскому образцу.

Таким образом, рубеж XIX-XX вв. стал периодом формирования сложного, многослойного образа Сибири, в котором сочетались представления о регионе как о месте ссылки и каторги, с одной стороны, и как о земле огромных экономических возможностей, с другой. Этот двойственный образ оказал значительное влияние на последующее восприятие России в западном мире.

Литература:

1. Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы, 1881-1914. Москва: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2012. 1140 с.

2. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов / Российская академия наук, Ин-т географии. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. 331 с.

3. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

4. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: в 2 ч. / перевод с английского И.Н. Кашинцева; вступительная статья Ф. Волховского; редакция Ф. Дедова [и др.]. Санкт-Петербург: В. Распопов, 1906. 286 с.

5. Кропоткин П.А. Тюрьмы, ссылка и каторга в России / перевод с английского Вл. Кауфмана. Санкт-Петербург: тип. В. Мильштейна, 1906. 60 с.

6. Милевский О.А. Джордж Кеннан и минусинские политические ссыльные // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (36). С. 103-109.

7. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX - начала XX века. Новосибирск: Издательство НГПУ, 2006. 343 с.

8. Сенюхин А.А. Образы Сибири в английских и американских травелогах рубежа XIX-XX вв. // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 6. С. 107-115.

9. Спартак С.А. Влияние Джорджа Кеннана на формирование образа России в американском обществе на рубеже XIX-XX вв. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4 (57). С. 112-116.

10. Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей // Степняк-Кравчинский С. М. Сочинения: в 2 т. Москва: Художественная литература, 1987. Т. 1. 575 с.

11. Фоглесонг Д.С. Истоки первого американского крестового похода за Свободную Россию // Россия XXI. 2002. № 5. С. 100-133.

12. Kennan G. The Russian Police / G. Kennan // Century. 1889. April. P. 890-893.
13. Travis F. F. George Kennan and the American-Russian Relationship, 1865-1924. Athens : Ohio University Press, 1990. 433 p.

© Петрова В.Ю., 2026

УДК 94(410):323.32

Б. Полисина
студент СПбГУ, г. Санкт-Петербург
Н.В. Ашмарина
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

B. Polisina
student, St. Petersburg State University, St. Petersburg
N.V. Ashmarina
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Yu.S. Usova

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ЕЛИЗАВЕТЫ II В УКРЕПЛЕНИИ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА БРИТАНСКОЙ МОНАРХИИ

THE ROLE OF ELIZABETH II'S PERSONALITY IN STRENGTHENING THE POSITIVE IMAGE OF THE BRITISH MONARCHY

Аннотация: В представленной статье авторы рассмотрели период правления Елизаветы II. Особое внимание акцентировалось на том, как королева Великобритании смогла проявить себя в качестве дипломата и грамотного политика. Были изучены мероприятия, доказывающие весомую роль личности Елизаветы II в укреплении позитивного имиджа британской монархии во второй половине XX в. По итогу исследования сделаны выводы о том, что благодаря деятельности Елизаветы II британская монархия закрепила за собой статус устойчивого и стабильного института в политической системе Великобритании.

Abstract: In this article, the authors examined the reign of Elizabeth II. Particular attention was paid to the Queen's ability to demonstrate her diplomatic and political skills. They examined events that demonstrated the significant role of Elizabeth II in strengthening the positive image of the British monarchy. The study concludes that, thanks to Elizabeth II's leadership, the British monarchy cemented its status as a stable and enduring institution within the British political system.

Ключевые слова: Елизавета II, британская монархия, дипломатические визиты, Великобритания, Содружество наций.

Keywords: Elizabeth II, British monarchy, diplomatic visits, Great Britain, Commonwealth of Nations.

Елизавета II считается наиболее известной и значимой фигурой в новейшей мировой истории. Она проявила себя в качестве дипломата и грамотного политика, поддерживала традиционный баланс власти и короны со всеми премьер-министрами, а также смогла завоевать любовь и уважение британского и мирового сообщества. Современные политические деятели выделяют ее весомую роль в сохранении преемственности и единства британской нации. За годы своего правления Елизавета II стала свидетелем крупнейших военных

действий, значимых научных открытий, экономических и политических преобразований на мировой арене [3, с. 245-246]. Также ей удалось установить самый продолжительный в истории Великобритании рекорд пребывания на троне – 70 лет. В течение всего этого времени Елизавета принимала активное участие в поддержании авторитета британской монархии на высоком уровне.

Будущаая королева родилась в 1926 г. в семье герцога и герцогини Йоркских. Изначально ее родители планировали вести размеренную жизнь без выполнения королевских обязательств [11, с. 30]. Ряд событий изменил их планы. Во-первых, необходимо отметить публичный скандал в королевской семье, произошедший в 1936 г. Король Эдуард VIII отрекся от короны, чтобы заключить брак, противоречащий законам британской королевской семьи. Такой поступок был критически воспринят общественностью и значительно ослабил авторитет британской королевской семьи.

В результате этих событий следующим королем Великобритании стал отец Елизаветы – Георг VI. Его правление совпало с началом Второй Мировой войны. Королевская семья в это время продолжала оставаться в Лондоне, несмотря на постоянную угрозу воздушных атак противника. За период введния военных действий Георгу VI и Елизавете приходилось много раз выступать с видеообращениями к своим подданым [11, с 31]. Также король осуществлял дипломатические визиты в США и Канаду для заключения официальных договоренностей по военным вопросам. Елизавета в годы Второй мировой войны проходила службу в армии, где выполняла обязанности по обслуживанию санитарных военных автомобилей. На сегодняшний день сохранились видеофрагменты, являющиеся свидетельством того, что будущая королева ответственно осуществляла свою работу [12].

Георг VI скончался в 1952 г. из-за продолжительной болезни верних дыхательных путей, вызванной постоянным курением. Елизавета узнала об этой новости во время своего дипломатического визита в Кению. Сразу же после ее возвращения в Лондон начались подготовительные мероприятия к коронации.

Коронация состоялась в 1953 г. и стала медийным событием мирового масштаба [10]. Впервые население Великобритании смогло наблюдать восшествие своего монарха на престол с экранов телевизоров. Изначально Елизавета сомневалась в организации коронации в таком формате, так как считала некоторые обряды сакральными [6, с. 57]. Но супруг королевы – Филипп, герцог Эдинбургский настоял на масштабной трансляции мероприятия. Данное событие способствовало популяризации монархии среди британской и мировой общественности.

Для того, чтобы доказать весомую роль Елизаветы II в укреплении позитивного имиджа британской монархии, рассмотрим более подробно период ее правления.

Первой серьезной проблемой молодой королевы стал скандальный роман ее младшей сестры Маргарет Роуз с отставным полковником Питером Таунсендом. Он противоречил религиозныи нормам англиканской церкви, запрещающим наследникам престола заключать брак с разведенными лицами.

Ситуация требовала незамедлительного реагирования из-за инцидента, ставшего причиной отречения Эдуарда VIII. Изначально Елизавета не вмешивалась в их отношения [1, с. 215]. Однако многочисленные обсуждения и публикации в периодической печати начали значительно подрывать авторитет королевской семьи. Также статус главного защитника англиканской веры обязывал Елизавету принять участие в урегулировании этой проблемы. Совместно с правительством Елизавета создала препятствия для дальнейшего развития отношений и заключения брака [1, с. 216]. В результате в 1955 г. в прессе появились новости об их официальном расставании. Многие исследователи утверждают, что в данном инциденте Елизавета II дейстовала исключительно в интересах монархии, так как подобные ситуации ставили под вопрос необходимость существования данного института.

Обычно каждый день Елизаветы был полностью посвящен выполнению королевских обязанностей. Он начинался с чтения прессы и просмотра последних новостей. Весомую часть своего времени Елизавета уделяла чтению писем, исходящих как от представителей органов государственной власти, так и обычных граждан. На некоторые из них она давала личный ответ. Важнейшим мероприятием, где Елизавета выступала ключевой фигурой являлась инвеститура – торжественная церемония вручения наград и знаков отличия за особые достижения в научной, творческой, общественной деятельности. Она начиналсь в 11 часов дня. На протяжении всей церемонии Елизавета лично общалась с ее участниками и выражала им глубогую признательность за вклад в развитие страны.

Представление Великобритании на международной арене входит в число основных обязанностей монарха [6, с. 25]. Ее реализация происходит через возможность принимать в своей резиденции дипломатических представителей и руководителей государств, а также осуществление государственных визитов в различные страны мира. Важно отметить, что дипломатические визиты британского монарха и представителей королевской семьи носят не политический, а формальный характер [6, с. 26]. Например, их присутствие может использоваться правительством в качестве гарантии экономических и торговых сделок. Благодаря этому происходит укрепление дипломатических отношений.

Подобные мероприятия активно контролируются правительством и министерством иностранных дел. Следовательно, они являются одним из ключевых элементом реализации внешнеполитической стратегии страны. За годы правления Елизаветеа посетила значительную часть планеты, а также познакомилась с различными народоми и их этнокультурными особенностями. Список государственных визитов Елизаветы II включает в себя около 120 стран [9, с. 81].

Интересен тот факт, что у королевы Великобритании никогда не было паспорта для осуществления заграничных поездок. Подготовка к любому государственному визиту начиналась за несколько месяцев до выезда. Обычно составлялся подробный график мероприятий, которые королева планировала посетить [9, с. 82]. Для государственных визитов использовались различные виды транспорта. Важнейшим из них является королевская яхта Britannia,

ставшая после окончания срока эксплуатации музеем в Шотландии. Для того, чтобы доказать значимую роль личности Елизаветы II в укреплении позитивного имиджа британской монархии на международной арене рассмотрим следующие дипломатические визиты.

Российскую Федерацию Елизавета II посетила в 1994 г. Отметим, что королева в период советской власти систематически получала приглашения приехать в СССР с государственным визитом. Но она отвечала отказом, так как была недовольна решением большевиков о расстреле представителей российской императорской семьи [2, с. 905]. Виндзоры и Романовы являлись дальними родственниками, поэтому отклонение приглашения до распада СССР было вполне логичным. В рамках визита Елизавета и герцог Эдинбургский посетили Москву и Санкт-Петербург. В обеих городах они почтили память участников Второй мировой войны. Королева приняла активное участие в семинаре по вопросу расширения британских инвестиций в российскую экономику. Также СМИ запечатлели приезд Елизаветы II и принца Филиппа в московскую школу с углубленным изучением английского языка. Очевидцы события отметили, что запомнили встречу с корололевой Великобритании на всю жизнь [2, с. 906].

Приезд Елизаветы II способствовал развитию экономического сотрудничества России и Великобритании, а также дальнейшему развитию дипломатических отношений между ними. Например, в декабре 1994 г. в Эдинбурге был подписан протокол о сотрудничестве в области культуры. Он устанавливал возможность организации молодежных стажировок между российскими и британскиими университетами [2, с. 907]. Помимо этого, началось активное взаимодействие в области экономики. На территории Российской Федерации в 1990-е гг. открывались филиалы известных британских компаний.

Большую известность получил визит Елизаветы II в Ирландию, предпринятый в 2011 г. Данная поездка была довольно рискованна из-за угрозы терактов. Также отметим, что британский монарх не приезжал в Ирландию с 1911 г. За время пребывания в стране Елизавета посетила памятные места в Дублине, связанные с Кровавым воскресеньем 1920 г. Визит стал символом нормализации англо-ирландских отношений [2, с. 912]. Он имел большое политическое значение, так как после его окончания был заключен ряд торговых договоров между английскими и ирландскими бизнесменами.

Елизавета смогла поддержать позитивный имидж британской монархии благодаря статусу Главы Содружества наций. Внутри себя данная международная организация объединила страны, связанные общим колониальным прошлым в составе Британской империи. За годы ее существования Елизавета II принимала активное участие в укреплении и развитии историко-культурных связей между участниками [7, с. 215]. Также она осуществляла многочисленные дипломатические визиты в страны Содружества. Общественность особенно ценила обращения королевы в период экономических, политических и социальных кризисов, так как они способствовали поднятию морального духа населения. В 2013 г. известный британский журналист П. Оброн опублковал статью, подчеркнув, что только

Елизавета II понимает истиное значение Содружества для реализации британской внешнеполитической стратегии [7, с. 217].

Резюмируя представленные тезисы, мы можем сделать следующие выводы. Исторические условия, в которых проходило становление личности Елизаветы II способствовали формированию у нее чувства ответственности за сохранение и укрепление института британской монархии. Представленные примеры подверждают значимую роль личности Елизаветы II в поддержании позитивного имиджа британской королевской семьи на международной арене. Она принимала личное участие в урегулировании кризисных ситуций, связанных с деятельностью института монархии. Многочисленные государственные визиты стали важнейшим инструментом внешней политики страны. Личное присутствие Елизаветы II и представителей королевской семьи выступало гарантом выполнения Великобританией обязательств в рамках развития дипломатических отношений. Благодаря деятельности Елизаветы II британская монархия закрепила за собой статус устойчивого и стабильного института в политической системе Великобритании.

Литература:

1. Брэдфорд С. Елизавета II. Биография Ее величества. М.: Вагриус-Захаров, 1998. 544 с.

2. Золина О.М. 2023. Российско-британские отношения и британская королевская семья // История. Политология. 2023. № 4. С. 901-914. [Электронный ресурс]. URL: http://dspace.bsuedu.ru/bitstream/123456789/62798/1/Zolina_Rossiusko_23.pdf?ysclid=mge2hi6ehr375279305 (дата обращения: 05.11. 2025).

3. История (история России, всеобщая история): учеб. пособ. / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

4. Лэйсли Р. Корона. Официальный путеводитель по сериалу. Елизавета II и Уинстон Черчилль / пер. с англ. Е. Н. Кручин. М.: Бомбора, 2022. 400 с.

5. Макланов В.В. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учебное пособие. М.: Инфротопик, Медиа, 2012. 640 с.

6. Полякова А.А. Британская монархия в конце XX - начале XXI века. М.: Маска, 2015. 309 с.

7. Степанова Н.А. Великобритания в Содружестве наций: прошлое, настоящее, будущее // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 4(37). С. 214-221. [Электронный ресурс] URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=22304752&ysclid=mgewtlrxh1478726210 (дата обращения: 05.11.2025).

8. Усова Ю.С. Развитие идеи единой Европы в 1939-1945 гг. // Борьба народов СССР против фашизма и нацизма: современная рефлексия второй мировой войны: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (30 ноября 2023 г., Уфа), посвященной 100-летию со дня рождения профессора, историка-германиста, педагога, ветерана Великой

Отечественной войны Якова Васильевича Зайцева / ответственный редактор Р.Р. Тухватуллин. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2024. С. 37-41.

9. Хардман Р. Елизавета II. Королева мира. Монарх и государственный деятель / пер. с англ. Л. А. Борис. М.: АСТ, 2023. 640 с.

10. A speech by The Queen on her Coronation Day, 1953 // The Royal Archives. [Электронный ресурс] URL: https://www.royal.uk/coronation-day-speech-2-june-1953 (дата обращения: 21.10.2025).

11. Hardman R. Her majesty: Queen Elizabeth II and her court. N.Y.: Pegasus Books, 2012. 356 p.

12. Queen Elizabeth_ The Mechanic - Aiding The War Effort // Королевская семья Великобритании. [Электронный ресурс]. URL: https://vkvideo.ru/playlist/-55047093_1/video-55047093_456242667?linked=1 (дата обращения: 21.10.2025).

© Полисина Б., Ашмарина Н.В., 2026

УДК 94:271-4(394)“11/12”

Е.В. Розмысл
магистрант ГрГУ им. Я. Купалы, г. Гродно, Беларусь
Научный руководитель – д. и. н., профессор А.Н. Нечухрин

E.V. Rozmysl
master's student, GrSU, Grodno, Belarus
Scientific supervisor – d. of h. s., Professor A.N. Nechukhrin

ВОЕННО-МОНАШЕСКИЕ ОРДЕНА НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ: ЗНАЧЕНИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

MILITARY MONASTIC ORDERS IN THE HOLY LAND: MEANING AND GENERAL CHARACTERISTICS

Аннотация: на основании данных историографии, раскрывается значение деятельности военно-монашеских орденов на территории Утремера в период Крестовых походов (1096 – 1270 гг.). Отмечаются военно-тактические характеристики воинов-монахов, их деятельность в условиях постоянной войны: быстрая мобилизация, грамотное взаимодействие войск, строительство крепостей. В заключении подчеркивается ключевая роль орденов в жизнестойкости христианских государств Леванта, в условиях исламского окружения.

Abstract: based on the data of historiography, the significance of the activities of military monastic orders in the territory of Outremer during the Crusades (1096-1270) is revealed. The military-tactical characteristics of monk warriors and their activities in conditions of constant war are noted: rapid mobilization, competent interaction of troops, and the construction of fortresses. In conclusion, the key role of the orders in the resilience of the Christian states of the Levant in an Islamic environment is emphasized.

Ключевые слова: Крестовые походы, Утремер, военно-монашеский орден, стратегия и тактика, постоянная война.

Keywords: Crusades, Outremer, military monastic order, strategy and tactics, constant warfare.

Существование латинских государств на Ближнем Востоке в период Крестовых походов (1096–1270 гг.) во многом определялось их умением реагировать на внешние угрозы. Находясь в окружении мусульманских

государств, христианские правители стремились адаптировать европейскую военную систему под сложившиеся обстоятельства. Одним из инструментов этого были военно-монашеские ордена.

«Они с головы до ног закованы в панцирь, сделанный из множества железных колец, и обеспечивали им столь прочную защиту, что удары от них просто отскакивали» – писал один мусульманский автор о франкских рыцарях [1, с. 391]. Самыми сильными латниками были тамплиеры. Епископ Акры Жак де Витри, характеризуя тамплиеров, отметил: «Они вступали в бой и продолжали биться отважно и смело, сохраняя боевой порядок и не поддаваясь искушению вступить в беспорядочную схватку с противником, так что, первыми начав битву, отступали последними» [2, с. 8].

В уставе ордена тамплиеров отмечено снаряжение рыцаря: кольчуга, кожаные доспехи, шлем или железный шишак, наплечники, обувь, гербовая котта поверх кольчуги, щит. Наступательное оружие состояло из копья, меча, «турецкой палицы», кинжала. «Пусть каждый, кто держит рыцарский фьеф, имеет кольчугу, шлем, щит и копье» [3, с. 80].

Идеал тамплиеров – подчинение воинской и монашеской дисциплине – сразу же стал пользоваться успехом: увеличились не только пожертвования со стороны знати, пожелавшей участвовать в духовных деяниях ордена, но и приток новобранцев [3, с. 89]. Организация соединяла профессиональные военные навыки и религиозную идею. Европейские правители стали жаловать ордену щедрые пожертвования, что сделало его силой, с которой нужно было считаться. Тамплиеры играли большую роль в политике Иерусалима. Так, Балдуин II (1118–1131 гг.) способствовал появлению дисциплинированной тяжелой кавалерии, заметно превосходящей отряды, основанные на непостоянной личной преданности сеньору и вере [4, с. 438; 5, с. 112; 6, с. 41].

В военных действиях участвовали как рыцари, так и простой служилый люд – сержанты. При необходимости последние могли выполнять функции пехоты, оружие и доспехи у них и у рыцарей были схожими, и они никогда не использовались в качестве легкой кавалерии, какая встречалась у мусульман. Оба конных формирования были постоянными членами ордена [7, с. 103].

Храмовник, чтобы освоиться с тяжестью кольчуги, обязан был носить ее ежедневно. За всю историю не было случая, чтобы тамплиер бежал с поля боя. Попав в плен, они с презрением смотрели в лицо врага и смерти [8, с. 329].

Военно-монашеские ордена воплотили в жизнь идею непрерывной военной деятельности. Представляя собой постоянную армию, они принимали участие во всех войнах, полевых сражениях Крестовых походов. Армии военных орденов если и не внедряли новшества, то приспосабливались к условиям боя, новым для западноевропейцев. Развитие легкой кавалерии туркополов из местных христиан в рамках орденов было новшеством по сравнению с армиями Запада и ответом на боевую тактику тюрок, которые с курдами составляли главную силу мусульманских войск: их главным приемом были беспокоящие войско стычки и притворное бегство. Тамплиеры и госпитальеры не всегда умели или могли избегать ловушек, но пытались найти ответ на проблемы, которые создавала эта тактика, дававшая преимущество легкой кавалерии [9, с.

216–217]. В сфере оружия и снаряжения Ордена умели сочетать западную военную традицию с местными. Главным родом войск оставалась тяжелая конница из рыцарей, одетых в кольчуги. Однако они активно использовали и лучников. Необходимость держать гарнизоны и адаптироваться к приемам противника привели к широкому использованию арбалета [9, с. 219–220]. К урокам тактики Орденов относились овладение маневрами засады и окружения, применение легкой кавалерии для разведки и прикрытия и, самое главное, осознание важности координации действий пеших и всадников [10, с. 109].

Престиж тамплиеров на Востоке был столь велик, что арабы неоднократно обращались к ним за поручительством при договорах, которые они подписывали с латинянами. В них в полной мере воплощались дух приключения и рвение, направленное против ислама [11, с. 44–45].

Крестоносцы, прибывшие на Восток, хорошо сражались на протяжении одного или двух сезонов, но затем возвращались домой. В рыцарские ордена постоянно вступали преданные и умелые воины, содержание которых ничего королю не стоило и которые были достаточно богаты, но все же не могли себе позволить строительство и содержание замков в масштабах, доступных очень ограниченному кругу нецерковных сеньоров. Без их помощи государства крестоносцев пали бы гораздо раньше. В 1158 г. в походе в Египет госпитальеры отправили 500 рыцарей и соответствующее количество представителей других слоев общества, а в походе 1187 г. участвовало около 300 рыцарей-тамплиеров [8, с. 329]. К 1180 г. ордена совместно могли выставить на поле боя почти 600 рыцарей, равные общему числу рыцарей королевства, а их владения неуклонно расширялись [12, с. 15; 13, с. 18].

Войско крестоносцев было более боеспособным, а мобилизация проводилась легче и быстрее, чем в Европе. Однако слабой стороной христианских государств были их небольшие размеры и растянутость вдоль побережья. Всего в войске Иерусалима было 670 рыцарей и несколько тысяч пехотинцев. Часть этих сил составляла гарнизоны цитаделей и крепостей, сокращая число солдат в полевых войсках. Это объясняет важную роль храмовников в защите королевства. Ордена могли собрать армию, по численности не уступающую силам правителя Иерусалима. Они находились в состоянии постоянной готовности к войне, в то время как вооруженные силы королевства мобилизовались только в минуту опасности, а сама процедура была не быстрой [14, с. 290].

Помимо определенных преимуществ, ордена имели и недостатки. Король не мог их контролировать, так как единственным своим сюзереном они считали понтифика. В отношении переданных им земель действовало право мертвой руки, и они не должны были выполнять какие-либо обязанности по отношению к государству: не позволяли арендаторам своих земель платить церковную десятину и сражались в составе армии короля как добровольцы [8, с. 330].

Во время сражения, когда братья-рыцари вступали в бой, маршал отдавал приказ сформировать эскадроны – eschielles. В уставе ордена говорилось, что «когда формируются эскадроны, братья не должны переходить из одного эскадрона в другой», если только это не произошло в результате смешения на поле боя. Братья не имели права покидать строй и атаковать без разрешения.

Единственным исключением была попытка спасти христианина, которому угрожала смерть или плен. Туркополы формировали свои эскадроны, а сержанты строились вместе с братьями-рыцарями. Братья-сержанты строились за рыцарями и должны были в бою поддерживать их действия. Маршал должен был вести орден в бой, но если присутствовал магистр, то командование переходило к нему. Каждый командор эскадрона имел флаг цветов ордена, свернутый вокруг копья и находившийся под охраной десяти рыцарей. В случае гибели маршала командор рыцарей принимал на себя общее командование. Если и он оказывался раненым или убитым, то один из командоров подразделения распускал свое знамя и занимал его место. Если во время сражения конь увлекал тамплиера в ряды сарацин, он должен был устремиться к ближайшему флагу ордена, который был виден на поле битвы, вне зависимости от того, принадлежал рыцарь или нет к его эскадрону. Даже в случае поражения, под угрозой исключения из орденских рядов навсегда, нельзя было бросать знамя.

Один из паломников, посетивших между 1167 и 1187 гг. Святую Землю, оставил описание атаки тамплиеров: «Их двухцветный штандарт, который они называют baucant (пестрый) выдвинулся в первые ряды. Они пошли в атаку, соблюдая порядок и не производя лишнего шума. Они горели желанием первыми вступить в бой и были энергичнее прочих. Они первыми начинали движение и последними отступали. Прежде чем действовать, ждали приказа магистра. Когда решали, что имеет смысл вступить в бой, трубы подавали сигнал к атаке. Они брали копья на перевес и устремлялись на врага. Как одно целое с неистовой яростью врубались в боевые порядки противника и не отступали до тех пор, пока противник не оказывался разбит или они сами не гибли. Они последними выходили из боя и следовали в арьергарде, прикрывая основные силы. Если же кто показывал спину противнику или действовал не решительно, или поднимал оружие на христиан, того ждало суровое наказание» [15, с. 184; 16, с. 33].

Стратегия и тактика зависели от дисциплины и послушания ордену. Эти требования серьезно не воспринимались в феодальных армиях. Только жесткая дисциплина и безоговорочное следование приказам делали из тамплиеров серьезного противника. Военной подготовкой занимались каждый день. Поэтому ордена стали хранителями воинских традиций и опыта [14, с. 294].

Армиям крестоносцев приходилось соблюдать три обязательных требования: не слишком глубоко проникать в ряды противника, не давать отрезать себя от основных сил, не предоставлять неприятелю возможности разобщить пехотинцев и всадников. Под защитой пехотинцев, стойко выдерживающих вражеский обстрел, рыцарям приходилось ждать, порой часами, удобного момента, чтобы сокрушить противника внезапным броском. Одержать победу в таких обстоятельствах мог только опытный военачальник. В 1170 г. при Таране король Иерусалима Амори I (1163–1174 гг.) столкнулся с мусульманской армией, обладавшей значительным численным перевесом. Он построил своих всадников и пехотинцев на холме и удерживал их там целый день, ни разу не позволил спровоцировать себя на бой [17, с. 128].

Конные тамплиеры в боевом снаряжении были грозным зрелищем. Изначальный устав был дополнен множеством новых положений. Они регулировали все, что касалось военной службы на равнинах и горных перевалах Сирии и Палестины. Туркопольер отвечал за вербовку и организацию наемной легкой сирийской конницы. Смотритель одежд руководил снабжением, следя за тем, чтобы рыцари и сержанты были должным образом оснащены оружием, доспехами, одеждой, постелями, всем, что нужно, чтобы разбить лагерь, и необходимым в походе [18, с. 93].

В итоге, военно-манашеские ордена были основной, а в XIII в. едва ли не единственной военной силой в государствах крестоносцев. На протяжении существования Утремера ордена обеспечивали постоянное присутствие в Святой Земле армии и флота [20, с. 259].

Таким образом, формирование в первой половине XII в. военно-монашеских орденов тамплиеров и госпитальеров стало ответом на враждебное окружение Утремера мусульманскими государствами. Военная организация, твердая дисциплина, жизнь в условиях непрерывной войны, собственная политика мобилизации и строительство крепостей в скупе с религиозным аскетизмом и мужеством на поле боя – вот ключевые факторы, позволившие христианским государствам Леванта удержаться в регионе в течении двух столетий.

Литература:

1. Морис К. Рыцарство. М.: Научный мир, 2000. 520 с.
2. Барбер М.К. Процесс тамплиеров. СПб.: Алетейя, Энигма, 1998. 216 с.
3. Контамин Ф. Война в Средние века. СПб.: Ювента, 2001. 416 с.
4. Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян; Ин-т всеобщ. Истории РАН. М.: Наука, 2012. Т. 2. 894 с.
5. Захаров В.А., Чибисов В.Н. Орден госпитальеров. СПб.: Алетейя, 2009. 464 с.
6. Майорова Е.И. Женщины в эпоху Крестовых походов. М.: Вече, 2012. 384 с.
7. История крестовых походов / под ред. Р.-С. Джонатана. М.: Крон-Пресс, 1998. 216 с.
8. Рансимен С. Завоевания крестоносцев. Королевство Балдуина I и франкский Восток. М.: Центрполиграф, 2020. 520 с.
9. Демурже А. Рыцари Христа. Военно-монашеские ордены в средние века, XI–XVI вв. СПб.: Евразия, 2008. 542 с.
10. Все войны мировой истории по Харперской энциклопедии военной истории Р.Э. Дюпюи и Т.Н. Дюпюи: в 3 т. СПб.: Полигон, 2004. Т. 2. 520 с.
11. Фо Ги Л.М. Трагедия ордена тамплиеров. М., СПб.: Вече; Евразия, 2007. 320 с.
12 Сьюард Д. Монахи войны. История военно-монашеских орденов от возникновения до XVIII века. М.: Центрполиграф, 2004. 148 с.
13. Печникова Р.Ю. Мальтийский орден в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1990. 172 с.
14. Правер Дж. Королевство крестоносцев. Два века правления европейских рыцарей на древних библейских землях. От взятия Иерусалима до падения Акры. М.: Центрполиграф, 2019. 582 с.

15. Бордонов Ж. Повседневная жизнь тамплиеров в XIII в. М.: Молодая гвардия, 2004. 243 с.
16. Рыцари ордена тамплиеров 1120–1312 / ред. В.И. Киселёв // Военно-исторический альманах «Новый солдат». Артемовск: Книга, 2002. № 82. С. 33.
17. Демурже А. Жизнь и смерть ордена тамплиеров. 1120–1314. СПб.: Евразия, 2008. 391 с.
18. Джонс Д. Тамплиеры. Рождение и гибель великого ордена. М.: «Альпина Диджитал», 2017. 242 с.
19. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
20. Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001. 412 с.

© Розмысл Е.В., 2026

УДК 94(510)

Э.Р. Садыкова
студентка УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

E.R. Sadykova
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – associate professor Yu. S. Usova

ИСТОРИЯ ЦАРСТВА ЧУ НА ЗАКАТЕ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГРОБНИЦЫ УВАНДУНЬ)

HISTORY OF THE KINGDOM OF CHU AT THE DECLINE OF THE STATE (USING THE EXAMPLE OF THE WUWANDUN TOMB)

Аннотация: В статье приводятся новые исследования гробницы царства Чу в Уваньдуне, являющейся на данный момент самой сложной и объемной гробницей данного периода и царства. В работе анализируется эпоха заката царства Чу через призму имеющихся находок и устройства самой гробницы, что дает новые представления об устройстве царства Чу.

Abstract: This article presents new research on the Chu Dynasty tomb in Wuwandong, currently the most complex and extensive tomb of its period and kingdom. The work analyzes the decline of the Chu Dynasty through the lens of existing finds and the structure of the tomb itself, providing new insights into the structure of the Chu Dynasty.

Ключевые слова: гробница Увандунь, царство Чу, эпоха Сражающихся царств, Каоли, артефакты, династия Цинь.

Keywords: Wuwangdun Tomb, Chu State, Warring States Period, Kaoli, artifacts, Qin Dynasty.

Китай богат на археологические артефакты, что неудивительно, так как история данной страны, действительно, многовековая [7]. Каждый год что-либо находят, раскапывают и совершают многочисленные открытия. Так, начатые в 2020 г. раскопки гробницы Увандунь в Хуайнане дают представление о возможном устройстве быта правителя царства Чу в его последние годы правления, а именно конец периода Сражающихся царств или Чжаньго (475-221

гг. до н.э.), как некогда могущественного царства. Данная гробница является самой масштабной, структурно сложной из всех, что были раскопаны на сегодняшний день из царства Чу.

Актуальность выбранной темы исследования объясняется тем, что, во-первых, погребение принадлежит к позднему этапу периода Сражающихся царств, перед тем, как Чу было взято под контроль царством Цинь, что позволяет судить на основе найденных артефактов о его устройстве и быте в данный период времени и разъяснить некоторые противоречия насчет истории вассальных царств Древнего Китая в период Чжаньго. Во-вторых, данный объект является самым многоуровневым, сложным и объемным среди гробниц, что когда-либо были найдены в настоящее время из царства Чу.

Комплекс Увандунь, расположенный в Хуайнане включает в себя кладбище, окружённое рвом, площадью около 1,5 квадратных километров. Гробница квадратная, ее длина по стороне составляет около 50 метров. С восточной стороны гробницы находится наклонный погребальный коридор длиной около 42 метров. Комплекс можно разделить на несколько частей: основная часть – гробница №1, к которой примыкают остальные гробницы. Также в комплексе находятся ямы для колесниц и жертвенных предметов. Гробница №1 имеет квадратную форму и один проход, что является привычной схемой для гробниц царства Чу. Например, мы это можем увидеть на найденных кладбищ близ деревни Дэнчэн в Сянъяне, они имеют прямоугольную форму, один вход, а также расположена рядом с захоронениями - яма с колесницей и лошадьми. Кладбища также датируются периодом Сражающихся царств и находятся на территории царства Чу [1]. Это отличает их от гробниц из царства Цинь, где часто можно встретить два и более прохода.

Сама гробница имеет девять погребальных камер: восемь боковых и в центре одна. Такое крестообразное расположение камер очень редкое явление для гробниц династии Чу, что доказывает сложность комплекса и одновременно его высокий уровень. Внутри гробницы найдено множество артефактов: музыкальные инструменты, различного рода фигурки, таблички с языком характерным для чусцев, утварь, бамбуковые циновки и так далее. Благодаря современным методам изучения древних надписей удалось понять по табличкам, что каждая камера имела свое определённое назначение. Был найден набор огромных бронзовых сосудов, который скорее всего использовался для ритуальных целей. Также был найден когда-либо самый большой дин (круглый бронзовый треножник) из царства Чу, который мог использоваться для ритуалов [4, с. 288].

Стоит отметить, что в гробнице присутствует 21 уровень ступеней, утопленных внутрь и ведущих ко дну. По словам Гун Сичэна, директора Аньхойского провинциального института культурных реликвий и археологии и руководителя проекта, наличие ступеней в захоронениях – это частая практика среди гробниц царства Чу, и, как правило, чем выше социальный статус владельца гробницы, тем большее количество ступеней старались строить. Отсюда можно сделать вывод, что наличие такого большого количества ступеней может служить доказательством того, что эта гробница принадлежит высокопоставленному человеку. Также еще одним доказательством этой теории

является место, где расположена гробница. Она расположена на возвышенности, где в то же время присутствуют все благоприятные условия для загробной жизни, что и показывает высокий социальный статус [2, p. 349]. Поэтому многие исследователи сходятся во мнении, что эта гробница может принадлежать чускому королю – Каоли [2, p. 346]. Об этом царе известно немногое, о том, что он существовал можно узнать из «Исторических записок» Сыма Цяня.

Царь Каоли (или Као-ле-ван [5, с.63-64]) правил с 262 до 238 гг. до н.э. в царстве Чу в конце последнего периода существования династии Чжоу, которая впоследствии сменилась династией Цинь. На данном этапе царство Чу оставалось одним из сильнейших государств среди остальных царств, благодаря своему географическому потенциалу, так как территория данного государства имела внушительные размеры. Чу простиралось по долине реки Хань, среднему течению реки Янцзы и по долине реки Хуай. Климат царства Чу был проблемным для жителей региона из-за повышенной влажности, но благодаря передовым технологиям это превратилось в достоинство царства [3, p. 597]. Поэтому неудивительно, что гробница сохранилась хорошо, как и многие артефакты, так как исследователи говорят о герметичности захоронения.

Но несмотря на это, Чу заметно ослабло в борьбе против царства Цинь. В период правления отца Каоли – Цин-сян-вана произошло очередное столкновение Чу с Цинь. В 281 г. до н.э. Цин-сян-ван заключил союз с чжоухоу (обобщенное название китайской знати эпохи Чжоу) против Цинь. Борьба продолжалась до 272 г. до н.э., которая привела к перемирию между двумя этими царствами, однако в царство Цинь был отправлен царь Каоли в качестве заложника. Уже в первый год своего правления, а именно в 262 г. до н.э. Каоли пытался поддерживать мир с Цинь, но в 241 г. до н.э. напал на них и потерпел поражение. Впоследствии при последних двух правителях Чу, царство ликвидируется [5, с. 64]. Таким образом, можем сделать вывод, что гробницы были важным элементом культуры, так как даже в период упадка данного царства чусцы смогли соорудить такое масштабное, сложное по структуре захоронение.

Сам же период Сражающихся царств или Чжаньго в Древнем Китае охватывает примерно 475-221 гг. до н.э. Это стало последним этапом правления династии Чжоу, которая впоследствии сменилась династией Цинь. Этот период характерен борьбой семи основных царств – Цинь, Чу, Ци, Янь, Хань, Вэй и Чжао [3, p. 593-597], что говорит о раздробленности Древнего Китая в то время. Однако конец этому периоду положил основатель династии Цинь – Цинь Шихуанди в 221 гг. до н.э., объединив под своим правлением все царства. Период Чжаньго характеризируется множественными военными столкновениями, вступлением в железный век, что привело к росту производительности труда, продуктивности сельского хозяйства, а также к эволюции в военном деле. Колесницы остались в прошлом, вместо этого главной военной силой стала конница и пехота. В данный период государство опиралось на идеи легизма. Большую роль в этом сыграл Шан Ян, который внедрял реформы легистского типа, следуя своему принципу – уделять

внимание двум вещам: сельскому хозяйству и военному делу [6, т. 1, с. 130]. Именно данная политика привела к усилению царства Цинь, а позже дипломатия царства привела к окончательному установление династии Цинь.

К концу периода Чу ослабло, но оставалось главным противников Цинь, поэтому неудивительно, что погребение в Увандуне, которое датируется поздним этапом существования Чу, было по своим масштабам огромным, сложным и имел большое количество вещей.

Литература:

1. Archaeology News Online Magazine Warring States period cemetery and artifacts unearthed in China. Dario Radley [Электронный ресурс] URL: https://archaeologymag.com/2024/03/warring-states-period-cemetery-unearthed-in-china/ (дата обращения: 12.04.2025)
2. Beini Lu. Environmental Context and Site Selection of the Wuwangdun. Tomb: A Brief Study on Chu Culture. Nanjing: Transactions on Environment, Energy and Earth Sciences, 2024. 345-350 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/387065752_Environmental_Context_and_Site_Selection_of_the_Wuwangdun_Tomb_A_Brief_Study_on_Chu_Culture/link/675e78b2ebc8f97970348995/download?_tp=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIn19 (дата обращения: 12.04.2026).
3. Lewis M.E. Warring States Political History // The Cambridge History of Ancient China. Cambridge University Press, 1999. P. 587-650.
4. Анашина М.В. Ритуально-символический смысл сосудов-дин в китайской философии и культуре // Материалы II-ой Международной научной конференции «Chinese Studies in the 21st Century» / сборник по ред.: Л. Л. Ветлужской. Улан-Удэ: Издательство Бурятского университета, 2022. 318 с.
5. Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 3. М.: Восточная литература, 2006. 679 с.
6. Васильев Л.С. История Востока. Т. 1. М.: Высшая школа, 1994. 568 с.
7. История (история России, всеобщая история): учебное пособие Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

© Садыкова Э.Р., 2026

УДК 93/94

М.А. Струева
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – д. филос. наук, профессор И.В. Фролова

M.A. Strueva
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – d. of philos. s., professor I.V. Frolova

ОСОБЕННОСТИ ОТОБРАЖЕНИЯ БАШКИРСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ БАССР

FEATURES OF THE REPRESENTATION OF THE BASHKIR WOMAN IN THE ART OF THE BASSR

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей изображения башкирской женщины в изобразительном искусстве Башкирской АССР. Изучение особенностей отображения башкирской женщины в изобразительном искусстве Башкирской АССР приобретает особую значимость в контексте современных процессов возрождения и сохранения национальной идентичности, культурного многообразия и исторической памяти. В работе анализируются ключевые произведения живописи XX в., в которых раскрывается образ башкирки как носительницы национальных традиций, семейных ценностей и культурного наследия. Рассматриваются работы ведущих художников республики, выявляются характерные стилистические приёмы, символика и тематические акценты, отражающие изменения в статусе и роли женщины в башкирском обществе.

Abstract: The article is devoted to the study of the features of the depiction of the Bashkir woman in the visual arts of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic. The study of the features of the depiction of the Bashkir woman in the visual arts of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic is particularly important in the context of modern processes of revival and preservation of national identity, cultural diversity, and historical memory. The article analyzes key works of art from the 20th century that depict the Bashkir woman as a bearer of national traditions, family values, and cultural heritage. The article examines the works of leading artists of the republic and identifies characteristic stylistic techniques, symbolism, and thematic accents that reflect changes in the status and role of women in the Bashkir society.

Ключевые слова: башкирская женщина, женский образ, живопись, национальное самосознание, традиции, художественное наследие, искусство Башкортостана.

Keywords: bashkir woman, female image, painting, national identity, traditions, artistic heritage, and the art of Bashkortostan.

Формирование профессиональных направлений в изобразительном искусстве, как на территории Башкирии, так и в других республиках Советского Союза, носило выраженный национальный характер. Это происходило на фоне общего идейного единства, присущего многонациональной советской культуре. Уникальные природные ландшафты, самобытные черты народных персонажей, национальные традиции и культура предоставляли башкирским художникам источник вдохновения, основанный как на наблюдении за реальностью, так и на художественно-эстетических представлениях.

Сохранение региональных традиций представляет собой ключевой фактор в эволюции изобразительного искусства Башкирии в период его становления. Одним из хранителей традиций выступает В.С. Сыромятников. В конце 1920-х г. Сыромятников, будучи сотрудником художественного музея в Уфе, совместно с художниками Ю.Ю. Блюменталем, К.С. Девлеткильдеевым и А.Э. Тюлькиным, совершал поездки в населенные пункты юго-восточных районов Башкортостана, в частности, в села Белорецкого района. Экспедиции обогатили творчество художника, породив ряд самобытных произведений. Эти работы ценны не только своим художественным исполнением, но и служат материалом для изучения культуры башкирского народа [13, с. 116-131].

В каждом из этих произведений В.С. Сыромятникова можно наблюдать детальное изображение элементов традиционного быта: национальные костюмы, включающие платья, украшения, аппликации на обуви, головные повязки и образцы вышивки. Также отражено убранство жилищ, представленное деревянной посудой и сундуками. Одной из картин отображающий национальный башкирский костюм является «Девушка-башкирка Давлекановского района». Это произведение привлекает внимание своим уникальным цветовым решением, особенно если принять во внимание период его создания – 1920-е годы XX в.

Интерес к этнографии появился у художника еще до революции, когда он создал портрет «Женщины-башкирки в праздничной одежде». На этом полотне, помимо изображений национальной одежды, представлен фрагмент городской застройки с избами, двускатными кровлями и местной мечетью. Интересно отметить, что башкирка, изображенная на картине «Девушка-башкирка Давлекановского района», возможно, является тем же персонажем (за исключением некоторых деталей), что и на другом произведении художника – «Гости на женской половине». Это демонстрирует разносторонность таланта В.С. Сыромятникова, сумевшего с удивительной точностью запечатлеть элементы одежды и быта.

«Картина является своего рода наглядным пособием для изучения деталей башкирской женской одежды. Здесь художник очень правдиво и документально изображает не только всю обстановку и интерьер башкирской избы, но и женские праздничные костюмы своих героинь. Хозяйка дома, являясь как бы символом достатка и благополучия, одета в праздничный головной убор кашмау и нагрудник сакал, которые являются самыми красивыми частями праздничного башкирского женского костюма» [1, с. 57-77].

Одним из первых башкирских художников советского времени являлся К.С. Девлеткильдеев. В 1928 г., в ходе одной из своих поездок, он создал одно из наиболее выдающихся произведений в своей карьере. В селении Усман-Гали его внимание привлекла девушка-подросток, и он предложил ей стать моделью. Этот момент положил начало созданию акварельного полотна, названного «Девочка-башкирка в голубом» [8, с. 100-105]. Произведение поражает своей подлинной глубиной и одухотворенностью, с реалистичной точностью отображая национальные особенности и повседневную жизнь, демонстрируя при этом виртуозное владение техникой акварельной живописи.

Ю.Б. Тютченко отмечает, что К. С. Девлеткильдеев подходит к написанию своих картин как к исполнению высокого долга, стремясь сохранить образы людей и их красоту, предвидя их скорое исчезновение. Особое значение для него имеет работа «Девушка-башкирка в оранжевом», где центральный образ является отражением его матери. Это суровая, непривлекательная женщина, хозяйка своего дома, чуждая миру сказок и не знающая любви, является олицетворением сказки. Мать ушла, «но можно уберечь от небытия это, подсвеченное закатным платьем сердитое лицо. Лицо матери» [11, с. 51-67].

В целом для творчества башкирских художников были характерны этнографизм, отражение народных традиций и идей коллективизма – в противовес западноевропейскому индивидуализму. Они активно искали самобытные выразительные средства, позволяющие передать национальный колорит и особенности местной культуры.

В середине XX в. в башкирской живописи намечается новое прочтение образа женщины. Если раньше акцент ставился на национальный колорит, с акцентом на физической и душевной красоте, то теперь художники обращаются к внутреннему миру женщины, ее индивидуальности, духовным поискам, к более глубокой психологической проработке характеров. В последующие десятилетия усилилась камерность портретного жанра: в центре внимания художников оказались темы дома и семьи. Это нашло отражение в произведениях «Моя семья» А.Т. Платонова, «Женский портрет» А.Ф. Лутфуллина, «Утро. Семья» Ф.А. Кащеева, «Материнство» П.П. Салмасова [3, с. 14-22]. Многие художники Башкортостана стремились избежать излишней официозности в своем творчестве, уделяя внимание искреннему и глубокому раскрытию образов. Так, в 1957 г. Ф.А. Кащеев представил на Всесоюзной выставке в Москве работы «Девочка» и «Портрет матери», которые продемонстрировали его приверженность к портретному и жанровому направлениям. Особое место в его творчестве занимали образы сельских жителей – художник подчеркивал их душевную открытость, спокойствие и доверчивость, что отчетливо проявилось в полотне «Доярка».

В то же время, в творчестве башкирских художников воспроизводятся характерные для советской живописи традиции соцреализма. В качестве примера можно привести картину Р.М. Нурмухаметова «Лыжница. Светлана на прогулке» (1957), в которой художник воплощает идеал здоровой и энергичной советской спортсменки. Произведение служит характерным образцом портретного искусства советской эпохи: его ключевая задача – утверждение реальной действительности и популяризация позитивных жизненных примеров. Подобные женские образы активно использовались в целях формирования общественных ценностей того периода. Это подтверждают работы «Портрет доярки Рыскуловой» Р.М. Нурмухаметова (1964), «Портрет колхозницы-башкирки» М.А. Назарова и другие.

С середины 1960-х гг. заметный вклад в развитие башкирской живописи начал вносить А.Ф. Лутфуллин. Он написал ряд значимых работ, посвященных башкирской женщине – «Мать-героиня Ишмурзина», «Мать погибшего героя», «Семья», «Портрет старухи в черном», «Портрет матери» и другие. На

формирование его художественного мировоззрения оказали влияние произведения К.А. Девлеткильдеева, при этом мастер оставался в рамках традиционного портретного жанра [2, с. 6-18].

В 1969 г. художник проявил интерес к национальным традициям через воспроизведение исторического или исторически-бытового сюжета в своей работе «Три женщины». На полотне запечатлены три женщины в национальных костюмах, участвующие в традиционной церемонии чаепития. Обстановка помещения скромная, без признаков роскоши. На столе присутствуют простые угощения: чай, хлеб и молоко. Выражения лиц женщин сдержанны, улыбки отсутствуют, однако в их облике читается готовность радушно принять гостя. Образ женщин воплощает идею домашнего очага, тепла и уюта: зрителю интуитивно понятно, что здесь его накормят и напоят. Примечательно цветовое решение национальных костюмов – в них доминируют красные оттенки. Этот цвет традиционно ассоциируется с огнём и теплом, а в мусульманской культуре он имел сакральное значение, символизируя божественную силу и жизненную энергию [8, с. 300–305]. Появляются более сложные психологические портреты, сцены из повседневной жизни, где женщина – личность со своими переживаниями, надеждами и сомнениями. Например, в картине «Ожидание. Год 1941» (1970) А.Ф. Лутфуллин показывает, как женщины разных поколений ожидают весточек с фронта [6, с. 98–103].

В 1970–1980-е г. новаторские тенденции стали определяющими для большинства жанров изобразительного искусства, включая живопись, графику, скульптуру, монументально-декоративное и театрально-декорационное искусство. Несмотря на жесткие идеологические ограничения и агитационно-пропагандистский характер советского искусства, художники сохраняли творческую самобытность и возможность выбирать формы художественного осмысления действительности даже в условиях строгого контроля.

При всем при этом, стоит отметить, что у некоторых художников образ женщины не сильно меняется, например, это характерно для А. Лутфуллина. Если сравнить его работы 60-х – конца 80-х гг. XX в., то в них по-прежнему большую роль играет образ матери [5, с. 55-77]. В 1974 г. была написана картина «Старуха у окна». Этот портрет обладает глубокой художественной значимостью: произведение передаёт жизненную правду, сочетая суровость с пронзительно нежной эмоциональной интонацией. Живописное исполнение работы отличается высокой эстетической ценностью. Примечательно, что на полотнах, посвящённых образу матери, женское лицо не выражает радости. В «Портрете матери» художник раскрывает черты сильной, значимой личности в новой художественной интерпретации. По сравнению с более ранними работами этот вариант отличается большей строгостью как в психологической характеристике образа, так и в колористическом решении. Центральную часть композиции занимает фигура немолодой крестьянки-труженицы с непростой судьбой. Она изображена в профиль, в повседневной одежде; масштаб изображения намеренно укрупнён, благодаря чему фигура практически заполняет все пространство холста.

Образ женщины в живописи Башкирии 1970 – 1980-х гг. эволюционировал от героизированных образов тружениц к более лирическому, психологическому портрету. Художники (А.Д. Бурзянцев, Б.Ф. Домашников, Ф.А. Кащеев) сочетали советский соцреализм с национальным колоритом, изображая башкирок как сильных, но женственных, часто в контексте сельского быта, семьи или труда, подчеркивая их внутреннюю красоту и связь с родной землей. Образы становятся мягче, внимание смещается на внутренний мир, материнство, домашний уют. Усиливается интерес к национальной башкирской эстетике, костюму и традициям.

В 1980-е г. в башкирской живописи сформировалась творческая группа «Сары бия» («Жёлтая кобыла»), объединившая художников Д. Ишемгулова, М. Назарова, М. Кузнецова, С. Лебедева, Н. Пахомова и других. Мастера работали в эстетике примитива, акцентируя в своих произведениях идею здорового народного духа как фундамента национального бытия. [4, с. 100–111]. Женским образам посвящена работа М. Назарова «Женщины войны», где художник-примитивист обращается к истории Великой Отечественной, символически изображая вдов, поднимавших на своих плечах разрушенное войной хозяйство.

Новый этап в развитии современного искусства Башкортостана намечается в позднесоветский период. Он связан с созданием в 1990 г. независимой художественной организации «Чингисхан». Ее идеолог и лидер – Н. Латфуллин (1952–1992), а в состав вошли Р. Ахметвалиев, Н. Байбурин, Р. Гарифуллин, Ф. Ергалиев, В. Ханнанов, Р. Харисов и другие художники. Ключевой принцип их творчества – опора на национальные традиции. Стиль группы отличался многоплановостью и многогранностью, но при этом объединён эстетикой национального романтизма и развивается в едином содержательном направлении. Основная задача участников – осмысление исторической судьбы народа: его прошлого, настоящего и перспектив будущего. В то же время, как признавался Р. Ахметвалиев, художник не рисует конкретных женщин, а создает образы, обозначая ими красоту и тайну Вселенной.

80 – 90-ые г. XX в. несмотря на наличие социального заказа о труженицах БАССР ознаменованы также возвращением к национальным традициям и изображениям женщины с учетом культуры Башкирии [6, с. 98-103].

Таким образом, художники Башкортостана в интерпретации женских образов стремились комплексно раскрыть их сущность, подчеркнуть национальную идентичность и продемонстрировать не только внешнюю привлекательность, но и богатство внутреннего мира. На протяжении истории искусства внешний облик женского образа неоднократно трансформировался. При этом его глубинная суть оставалась неизменной – он неизменно воплощал вечные ценности: материнство, нежность, кротость, доброту, жизнерадостность и внутреннюю красоту. Эти качества отчётливо прослеживаются и в творчестве башкирских мастеров. Этнические черты, присущие женским образам в большинстве произведений местных художников, придают их творчеству самобытность и способствуют сохранению культурных традиций - как отдельных этносов, так и региона в целом.

Литература:

1. Ахмедьянова И.Д. Мифологические аспекты изобразительного искусства Башкортостана: К интерпретации символического языка культуры Южного Урала от древности до двадцатого века: Дис. ... канд. исторических наук: 17.00.09 / Рос. ин-т культурологии. Москва, 2002. 260 с.
2. Ахмадиева Н.В. Преемственность и новаторство в изобразительном искусстве Башкирии 1950 – 1970-х гг. // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2020. № 3 (30). 128 с.
3. Ахмадиева Н.В. Изобразительное искусство Башкирии второй половины XX в. как часть историко-культурного наследия Евразии // Историко-культурное наследие Евразии. Материалы Международной научной конференции. Уфа: УФИЦ РАН, 2025. 155 с.
4. Бондаренко Л.В. Классик башкирской живописи (К.С. Девлеткильдеев) // Уфа: Ватандаш. 2002. №9. С. 101–111.
5. Галлямова Л.Г. Краски Башкирии: очерки [о художниках]. Уфа: Китап, 1997. 103 с.
6. Калабухова Е.В. Женский образ в изобразительном искусстве как отражение советской исторической эпохи // Система ценностей современного общества. 2015. № 43. С. 98-103. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskiy-obraz-v-izobrazitelnom-iskusstve-kak-otrazhenie-sovetskoy-istoricheskoy-epohi (дата обращения: 09.04.2026).
7. Мавлетов В.С. История и культура Башкортостана: хрестоматия / В.С. Мавлетов. Уфа: ГУП УППК, 2003. 383 с.
8. Нигматуллина З.Ф. Башкирские национальные традиции в изобразительном искусстве // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2024. № 3. С. 300-305. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bashkirskie-natsionalnye-traditsii-v-izobrazitelnom-iskusstve (дата обращения: 10.04.2026).
9. Рахматуллина З.Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ): монография. Уфа, 2000. 304 с.
10. Султангужина Г.Ю. Социальный статус женщины в семье Башкирии в первое десятилетие советской власти // Вестник КИГИ РАН. 2021. №3. С. 458-465. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-status-zhenschiny-v-semie-bashkirii-v-pervoe-desyatiletie-sovetskoy-vlasti (дата обращения: 10.04.2026).
11. Тютченко Ю.Б. Образ художника и принцип сюжетных оппозиций в повести С. Чураевой «ниже неба: акварели» // Научно-практические исследования 2021. № 1-7 (36). 144 с.
12. Фролова И.В. Гендерное измерение социума: проблемы отображения в вузовских учебниках// Гендерные режимы современного общества: мозаика сценариев маскулинности и феминности. сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2019. С. 59-66.

13. Шитова С.Н. Башкирское искусство: монография / С.Н. Шитова. Уфа: Демиург, 2002. 360 с.

© Струева М.А., 2026

УДК 94(47).083

Е.Р. Хазиханов
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Р. Н. Рахимов

E.R. Khazikhanov
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.N. Rakhimov

«ПОЛУДИКИЕ», «ПОЧТИ РУССКИЕ» И «НАБОЖНЫЕ МАГОМЕТАНЕ»: ПРИЁМЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ НАРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА В РАБОТЕ О. В. МИРОНОВОЙ «ГЕОГРАФИЯ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ» (1907)

"SEMI-WILD", "ALMOST RUSSIAN" AND "DEVOUT MOHAMMEDANS": TECHNIQUES OF CONSTRUCTING IMAGES OF THE PEOPLES OF THE SOUTHERN URALS IN THE WORK OF O. V. MIRONOVA "GEOGRAPHY OF UFA PROVINCE" (1907)

Аннотация: В статье анализируются приёмы конструирования этнических образов народов Южного Урала (башкир, русских, татар, чуваш, марийцев, мордвы, удмуртов и др.) в справочном издании О. В. Мироновой «География Уфимской губернии» 1907 г. Показано, что работа отражает имперскую оптику начала XX века, где русская культура выступает негласным эталоном.

Abstract: The article analyzes the techniques of constructing ethnic images of the peoples of the Southern Urals (Bashkirs, Russians, Tatars, Chuvash, Mari, Mordvins, Udmurts, etc.) in the reference work of O. V. Mironova "Geography of Ufa Province" (1907). It is shown that the work reflects the imperial optics of the early 20th century, in which Russian culture acts as an implicit standard.

Ключевые слова: О.В. Миронова, Уфимская губерния, этнические образы, башкиры, татары, чуваши, марийцы, мордва, удмурты, исторический источник, краеведение.

Keywords: O.V. Mironova, Ufa province, ethnic images, Bashkirs, Tatars, Chuvash, Mari, Mordvins, Udmurts, historical source, local history.

Работа О.В. Мироновой «География Уфимской губернии» вышла в Уфе в 1907 г. и представляет собой частное справочное издание краеведческого характера, напечатанное в местной типолитографии. К моменту публикации в России была формально отменена предварительная цензура (1905 г.), однако в Уфимской губернии, как и во многих других регионах, действовало «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» в режиме усиленной охраны. Несмотря на это, книга Мироновой не привлекла внимания цензуры, поскольку была аполитична и лояльна империи: автор подчёркивала добровольное подданство башкир, положительную роль русской колонизации и не затрагивала острых политических вопросов. Таким образом, Миронова могла выражать свой

«взгляд изнутри», опираясь на личные знания и ценности своего социального класса (русской образованной провинциальной интеллигенции), а не на прямые правительственные директивы. Её труд был ориентирован на местных русских читателей: чиновников, учителей, путешественников, которым требовался краткий справочник о населении, хозяйстве и географии губернии.

Переходя к описанию методов, стоит отметить, что одним из ключевых приёмов Мироновой становится развёрнутый исторический нарратив, который выполняет не только справочную, но и оценочную функцию. При описании башкир автор называет их «древнейшими обитателями» и одновременно «независимым полудиким народом», жившим грабежами [2, с. 21]. Такое помещение народа в доисторическое или раннеисторическое «дикое» состояние создаёт контраст с последующим переходом под власть Русского государства. Далее Миронова излагает версию добровольного подданства 1556 г. и просьбы башкир о строительстве русских городов [2, с. 21]. В результате формируется образ народа, который не только принял власть, но и инициировал собственное включение в имперское пространство. Исторический нарратив у Мироновой выстраивается линейно: от «полудикости» через монгольское завоевание к русскому подданству, которое подаётся как выход из междоусобиц и внешних угроз.

При этом автор допускает несколько существенных упрощений и неточностей. Во-первых, она пишет, что после падения монгольского владычества башкиры «платили татарам дань до падения царств Казанского и Астраханского», тогда как на самом деле различные башкирские роды находились под влиянием не только Казанского и Астраханского, но также Сибирского и Ногайского ханств [1, с. 244], и эта зависимость не была единообразной. Во-вторых, Миронова утверждает, что в 1556 г. башкиры «решились признать над собою власть Русского правительства» и отправили послов с просьбой о принятии в подданство. В действительности процесс вхождения башкирских земель в состав России растянулся на несколько десятилетий, сопровождался переговорами, военными столкновениями и не был полностью добровольным: часть родов признала власть Москвы, другие сопротивлялись или переходили под власть сибирских и ногайских правителей. В-третьих, Миронова полностью исключает из своего повествования башкирские восстания XVII–XVIII вв. (например, восстания 1662–1664, 1681–1684, 1705–1711, а также крупнейшее восстание 1735–1740 гг. и участие башкир в Пугачёвском бунте). Эти события, вызванные захватом земель и непомерными поборами, не вписывались бы в создаваемый автором образ добровольного и гармоничного подданства. Таким образом, исторический нарратив Мироновой оказывается избирательным и включает элементы, работающие на легитимацию имперского порядка, и опускает всё, что могло бы поставить этот порядок под сомнение. Такой метод типичен для краеведческой литературы своего времени и служит скрытым обоснованием существующего положения.

Наряду с историческим нарративом автор последовательно применяет хозяйственно-культурную классификацию, оценивая народы по степени оседлости и характеру занятий. Кочевое прошлое башкир описывается как препятствие для успешного земледелия: «обрабатывают землю плохо,

небрежно, а потому живут бедно» [2, с. 25]. При этом даже переход к оседлости не снимает «врожденной привычки к кочевой жизни», что проявляется в весенних откочёвках, которые автор характеризует как время, проводимое «большею частью праздно и попивая кумыс» [2, с. 25]. Ключевой образный элемент здесь праздность, которая противопоставляется трудовой этике земледельца и промышленника. Напротив, русские характеризуются через занятие горнозаводской промышленностью: «занятие исключительно русского населения» [2, с. 25]. Мещеряки получают положительную оценку именно за усердие в хлебопашестве: «более трудолюбивы, чем башкиры», «усерднее занимаются хлебопашеством, более опрятны в домашнем быту, а потому и живут зажиточнее башкир» [2, с. 28–29]. Таким образом, хозяйственная деятельность становится у Мироновой не просто описательной категорией, а инструментом ранжирования народов: чем ближе к оседлому земледелию и фабричному труду, тем выше место в негласной иерархии.

С этим тесно связан метод сравнительного описания, при котором русский культурный стандарт превращается в точку отсчёта. Миронова часто использует сравнение одного народа с другим или с русскими. Мещеряки «более трудолюбивы, чем башкиры», «более опрятны», «живут зажиточнее башкир» [2, с. 29]. Мордва «живет чище башкир и чуваш», «по образу жизни, обычаям и занятиям ближе других инородцев подходит к русским» [2, с. 30]. Высшая оценка для инородца является его неотличимость от русского: «При первом взгляде на мордвина его трудно или даже совсем нельзя отличить от русского» [2, с. 31]. Черемисы, напротив, описываются как «с русскими скрытны и робки» [2, с. 35], что подчёркивает дистанцию. Татары, хотя и получают положительные характеристики чистоплотность, сметливость, не удостаиваются похвалы «почти как русские» из-за крепкого сохранения ислама и бытовых отличий многоженство, затворничество женщин. Сравнение работает и внутри групп: горные башкиры «более смелы, вспыльчивы, более горды и независимы, чем степные» [2, с. 26], что связывается с их внешностью приближением к кавказскому типу.

Особое внимание Миронова уделяет антропологическим признакам, причём описание лица и телосложения часто сопровождается моральными или поведенческими выводами. Степные башкиры «монгольского типа»: плоское лицо, вдавленный нос, низкий лоб [2, с. 26]. Горные «приближаются к кавказским народам»: длиннолицы, горбоносы [2, с. 26]. Им же приписана большая смелость и гордость. У чувашей «слабое телосложение», и они «почти все страдают глазными болезнями» из-за курных изб [2, с. 30]. Здесь физический недостаток связывается с неопрятностью быта. Вотяки описаны как «сутуловаты», с «широким веснущатым лицом», «вздернутым с большими ноздрями носом» [2, с. 36], что создаёт образ непривлекательный, а затем автор добавляет, что «по развитию вотяки стоят невысоко» [2, с. 36]. Внешность становится у Мироновой не просто антропологической фиксацией, а средством конструирования целостного образа, где телесные черты коррелируют с уровнем культурности.

Важным критерием и маркером инаковости выступает религиозная принадлежность. Миронова разделяет народы по религиозному признаку, но не ограничивается констатацией. Примечательно, что автор нигде не объясняет догматов православия, не описывает церковную иерархию или обряды, и это знак того, что текст рассчитан на русскую православную культурную среду, где такие пояснения излишни. Напротив, исламу уделяется значительное внимание: Миронова подробно рассказывает о Коране, муллах, ахунах, муфтии, о постах (в частности, что пост состоит в воздержании от пищи днём, а ночью есть можно), о мечетях и медресе [2, с. 33–34]. Тем самым автор знакомит русского читателя с основами мусульманского вероучения, подчёркивая его «чуждость» и необходимость объяснения. Этот контраст в подаче религий напрямую отражается и в характеристиках конкретных народов. Башкиры являются магометанами, но «к религии относятся довольно равнодушно» [2, с. 27], что подаётся как смягчающее обстоятельство. Татары, напротив, «набожны и тверже других своих единоверцев соблюдают обряды и посты» [2, с. 34], что делает их более чуждыми в глазах православного автора. Чуваши, черемисы и вотяки являются христианами, хотя и с остатками язычества, однако их христианство оценивается как неполноценное: «мало знакомы с истинами веры Христовой», «почти не исполняют христианских обрядов» [2, с. 36]. Мордва же «очень набожны» [2, с. 31], и это подаётся как положительная черта, особенно потому, что набожность проявляется в православных практиках: крестные ходы, посещение святых мест. Религиозный метод Мироновой включает шкалу от истинного православия (русские, мордва) через терпимое магометанство (башкиры) и ревностное магометанство (татары) к языческим пережиткам (чуваши, черемисы, вотяки). При этом языческие обряды описываются с этнографической подробностью: заповедные рощи (кереметь), жертвоприношения [2, с. 35], что усиливает образ архаичного другого.

Параллельно с этим автор широко использует приём этнографической детализации, давая подробные перечни предметов одежды, пищи, украшений, жилищ. Для башкир: тюбетейка, бешмет, ичиги, салма, бишбармак, кумыс, кожаный пояс с ножом, кольчуги предков [2, с. 26–28]. Для татар: чалма, ичиги с галошами, фикусы на подоконниках, нары, занавески [2, с. 32–34]. Для мордвы: «род хвоста» на поясе, бисерные привески, особые лапти [2, с. 31]. Эта детализация сама по себе нейтральна, но в контексте работы она выполняет две функции. Во-первых, она удовлетворяет просветительский интерес читателя к необычному. Во-вторых, избыточная детализация быта тех народов, которые оцениваются как менее развитые (башкиры, чуваши, черемисы), создаёт эффект музейного экспоната, фиксации того, что уходит в прошлое или находится на периферии цивилизации. Для сравнения, русские описываются без подобной экзотизации и их быт признаётся нормой, не требующей подробного перечисления.

Наконец, в организации материала прослеживается принцип отбора информации в зависимости от численности и значимости народов. Как показало сопоставление с переписью 1897 г., объём описания народов у Мироновой в целом коррелирует с их реальной численностью [3, с. 54]. В анализируемом

фрагменте (страницы 21–36, всего 16 страниц) башкиры, составляющие 40,98% населения, получают около 38% всего этнографического текста, что соответствует примерно 2,5 страницам. Русские, доля которых 37,97%, описаны всего на 12%, то есть менее чем на одной странице. Татары (8,41% населения) занимают примерно 18% текста, около 1,5 страницы. Малые же народы описываются компактнее: марийцы (3,69%) – около 9% текста (0,8 страницы), чуваши (2,76%) – около 7% (0,6 страницы), мордва (1,69%) – около 6% (0,5 страницы), удмурты (1,02%) – также около 6% (0,5 страницы). Однако объём не всегда равен глубине оценочных суждений. Так, мордва, которой посвящено всего полстраницы (6% текста), получает исключительно положительные характеристики, сопоставимые по оценочной нагрузке с описанием башкир, занимающих в пять раз больше текста (38%), но содержащих как положительные, так и резко отрицательные оценки. Это говорит о том, что Миронова руководствовалась не только статистической репрезентативностью, но и дидактической задачей: показать примеры «хорошей» ассимиляции (мордва, мещеряки) и «проблемных» народов (башкиры, чуваши, вотяки) [4].

Таким образом, совокупность применённых Мироновой методов создаёт иерархизированную систему образов. В этой системе каждый народ получает устойчивые характеристики. Эти образы являются результатом применения перечисленных методов, которые в совокупности отражают имперскую оптику начала XX века, где русская культура служит универсальным измерителем, а все инородцы располагаются на воображаемой лестнице от дикости к цивилизации.

Литература:

1. Иванов В.А. Башкирский юрт Золотой Орды (1236–1437). Уфа: Китап, 2021. 271 с.

2. Миронова О.В. География Уфимской губернии: краткое описание Уфимской губернии в физическом, этнографическом, промышленном и административном отношениях. Уфа: Электрическая типолитография т-ва Ф. Г. Соловьев, Г. И. Кузнецов и К°, 1907. 96 с.

3. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: в 89 кн. / Под ред. Н.А. Тройницкого. Санкт-Петербург: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. Кн. 45: Уфимская губерния. Тетр. 2, 1904. 189 с.

4. Полякова Е.В. Специфика учебных и научных изданий Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. №2. С. 439-443.

© Хазиханов Е.Р., 2026

УДК 94(430).086

Е.Р. Хазиханов
А.А. Сиразетдинов
студенты УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент А. О. Целищев

E.R. Khazikhanov
A.A. Sirazetdinov
students, UUST, Ufa
Scientific advisor – c. of h. s., senior lecturer A. O. Tselischev

АНТРОПОЛОГИЯ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА: ЗАДУМКИ И ВОПЛОЩЕНИЕ

ANTHROPOLOGY OF NATIONAL SOCIALISM: IDEAS AND IMPLEMENTATION

Аннотация: В статье анализируется процесс формирования и реализации антропологической доктрины национал-социализма в период 1918-1945 гг. Исследуются идейные истоки концепции «нового человека» (арийца), сформировавшиеся до прихода НСДАП к власти в 1933 г. Основное внимание уделяется институциональному воплощению этой концепции через ключевые государственные и партийные структуры, включая политику в сфере детства и молодежи (Гитлерюгенд, «Лебенсборн»), элитарно-репрессивный аппарат. Делается вывод о проекте тотальной социальной инженерии, в котором теория «нового человека» стала основой для практического переустройства общества.

Abstract: The article analyzes the process of the formation and implementation of the anthropological doctrine of National Socialism during the period 1918–1945. It explores the ideological origins of the concept of the "New Man" (Aryan), which took shape before the Nazi Party came to power in 1933. The main focus is on the institutional implementation of this concept through key state and party structures, including policies in the sphere of childhood and youth (Hitler Youth, Lebensborn), the elite-repressive apparatus of the SS, and the instruments of interaction with religious institutions. The conclusion is drawn about a project of total social engineering in which the theory of the "New Man" became the basis for the practical restructuring of society.

Ключевые слова: антропология национал-социализма, «новый человек», Volksgemeinschaft, институты Третьего рейха, Гитлерюгенд, СС, биополитика.

Keywords: anthropology of National Socialism, "New Man", Volksgemeinschaft, institutions of the Third Reich, Hitler Youth, SS, biopolitics.

Период Веймарской республики в Германии характеризовался идейным плюрализмом и кризисом традиционных ценностей. На фоне триумфа секуляризма, либеральных трактовок человеческой природы и распространения психоаналитических концепций Зигмунда Фрейда, предлагавших рациональное исследование внутреннего мира, в маргинальных слоях общества вызревали радикально иные, мифологизированные антропологические проекты. В них кризис современности интерпретировался не как социально-политическая проблема, а как метафизическая, расово-космическая война.

Особое место здесь занимали ариософские и гностически окрашенные учения, такие как концепция Йорга Ланца фон Либенсфельса, разделявшего человечество на «арийцев-богочеловеков» и «обезьянолюдей» (Affenmenschen), или учение Альфреда Шулера, видевшего в германцах носителей искры истинного божества, а в евреях – демонических «детей Сатаны» [8, с. 32]. Адольф Гитлер в «Майн кампф» (внесено в Федеральный список экстремистских материалов) публично отмежевывался от подобной «схоластики», подчеркивая приоритет политической борьбы и «научного» расизма. Однако нельзя игнорировать тот факт, что будущий фюрер был в общих чертах знаком с этими идеями в венский период жизни. Более того, структурное сходство их базовых постулатов: о существовании высшей и низшей рас, об их извечной борьбе, о необходимости защиты «арийской крови» от «порчи», с последующей официальной доктриной и практикой Третьего рейха является очевидным.

Формирование нацистского антропологического идеала было прямым ответом на глубокий кризис немецкой идентичности, вызванный поражением в Первой мировой войне, Версальским договором и нестабильностью Веймарской республики. Проект «нового человека» возник не на пустом месте, а стал радикальным антиподом либеральным, гуманистическим и пацифистским тенденциям эпохи, синтезировав в себе мифологизированную расовую теорию, воинский культ и тотальное отрицание «врага». Поражение в войне было воспринято нацистскими идеологами не как военный провал, а как симптом глубокого духовного и расового упадка. Легенда об «ударе ножом в спину» (Dolchstoßlegende) стала краеугольным камнем их мировоззрения: Германия была предана изнутри: марксистами, либералами, пацифистами и, прежде всего, евреями. Такой диагноз требовал и радикального «лечения» [6, с. 453].

Качества «нового человека» выводились не из образования или личных заслуг, а из предполагаемых биологических истоков. Ключевой стала концепция «нордической» или «арийской» расы, популяризированная такими авторами, как Ханс Ф.К. Гюнтер. В его работах «нордический человек» описывался через набор физических (высокий рост, светлые волосы и глаза, удлиненный череп) и, что важнее, психических характеристик: честность, чувство справедливости, решительность, аскетизм, готовность к самопожертвованию и неукротимая воля.

Исходя из травмы поражения и требований будущего реванша, центральным качеством «нового арийца» стала воинственность. Идеалом был не философ или художник, а политический солдат. Этот образ культивировался в ранних военизированных формированиях НСДАП – штурмовиках СА, а позже в СС. Их риторика и эстетика прославляли жестокость, стойкость, дисциплину, повиновение и товарищество (Kameradschaft).

В программной книге Альфреда Розенберга «Миф XX века» (внесено в Федеральный список экстремистских материалов) борьба провозглашалась высшим законом бытия, а мир – лишь паузой между войнами. Адольф Гитлер в «Майн кампф» (внесено в Федеральный список экстремистских материалов) постоянно использовал военную лексику, описывая политику как форму войны,

а жизнь как непрерывную борьбу за существование рас. Следовательно, «новый человек» должен был воспринимать мир через призму конфликта и вести перманентную войну на два фронта: внешнюю – за жизненное пространство (Lebensraum), и внутреннюю – против расовых и идеологических врагов.

В радикальном отличии от либеральной антропологии, где предельным злом является внешний посягатель на права и свободы автономного индивида, и от психоанализа Фрейда, переносящего конфликт внутрь психики (борьба «Оно» и «Сверх-Я»), нацистская доктрина предлагала иное решение. Секуляризация обеднила мир, лишив его высшего, героического смысла. Нацизм предложил псевдодуховную компенсацию: он возвёл на пустующий метафизический пьедестал сугубо материальные категории: кровь, расу, почву и войну. Это создавало мощную мифологическую основу для идентичности. Враг теперь был не абстрактным «нарушителем прав» или внутренним импульсом, а конкретным, расово очерченным абсолютным злом (евреем, большевиком). А рядовой сторонник движения из «гражданина» или «невротика» превращался в героя грандиозной космической саги защитника расы, современного Зигфрида или Нибелунга, участвующего в борьбе за судьбу мира [2, с. 17].

С приходом нацистов к власти в 1933 г. абстрактные расовые идеи и мифологизированные идеалы стали программой тотального государственного действия. Антропологическая доктрина была инкорпорирована в законодательство, систему воспитания, кадровую политику элиты и стратегию территориальной экспансии, превратившись из теории в инструмент социальной инженерии.

Правовой фундамент был заложен Нюрнбергскими законами 1935 г. («Закон о гражданстве рейха» и «Закон об охране немецкой крови и немецкой чести»). Они легализовали биологическое определение нации, разделив население на «граждан рейха» (лиц «германской или родственной крови») и «подданных», лишённых политических прав [3]. Брак и сексуальные отношения между евреями и немцами карались как «расовое преступление» (Rassenschande). Эти законы трансформировали мистическую концепцию «крови» в юридическую категорию, создав основу для последующей сегрегации, экспроприации и, в конечном итоге, уничтожения [9, с. 64].

«Гитлерюгенд» и «Союз немецких девушек» стали главным инструментом формирования «нового человека» с детства. С принятием закона 1936 г. о государственной молодёжи, фактически упразднившего альтернативные союзы, членство в нацистских молодежных объединениях стало обязательным. Целью было не образование, а физическое и идеологическое форматирование немецкой молодежи. Акцент делался на закалке тела, спортивных соревнованиях, походах. Военная подготовка, включая стрельбу и тактические учения, готовила будущих солдат. Идеологическое воспитание строилось на принципах «крови и почвы», преданности фюреру, культе силы и готовности к жертве. Коллективные ритуалы, марши и лагеря подавляли индивидуальность, заменяя её чувством растворения в «народном сообществе». Как отмечает историк культуры Дж.Л. Моссе, это создавало особый тип личности:

фанатичного, не рефлексирующего «политического солдата», чьей высшей добродетелью было повиновение.

Созданная в 1935 г. по личному распоряжению Генриха Гиммлера организация «Лебенсборн» поддерживала рождение «расовоценных» детей и осуществляла на оккупированных территориях программу насильственной «германизации» детей, соответствовавших нордическому типу. Это воплощало принцип, что тело арийца – собственность государства.

СС, начавшаяся как личная охрана Гитлера, превратилась при Гиммлере в институциональное воплощение идеала «нового человека». Кандидаты проходили строгий антропологический осмотр для подтверждения «нордического» происхождения. Требовалось предоставить «свидетельство о происхождении» (Ahnenpass), доказывающее арийскую родословную до 1800 г. Помимо военной подготовки, эсэсовцы проходили интенсивную идеологическую обработку, основанную на культе предков, крови и почвы. Их объявляли «новой аристократией», обязанной вести расовую борьбу [1, с. 22].

Концепция «жизненного пространства на Востоке», изложенная Гитлером в «Майн кампф» (внесено в Федеральный список экстремистских материалов), была продолжением антропологической доктрины. Завоевание территорий представлялось как биологическая необходимость для роста и процветания «высшей расы». Эта экспансия напрямую связывалась с «расовой гигиеной»: на новых землях предполагалось не колониальное управление, а полное замещение «низших» славянских народов немецкими поселенцами. Планы, подобные «Генеральному плану Ост», предусматривали массовые депортации, онемечивание небольшой части населения и обрекали миллионы на вымирание или рабский труд. Таким образом, война на уничтожение на Восточном фронте была логичным итогом антропологии, делившей человечество на полноценных людей и «унтерменшей», не имевших права на землю и саму жизнь.

Война, развязанная нацистской Германией, была не просто борьбой за ресурсы или территорию. Война против СССР с самого начала планировалась и велась как антинарратив к обычной войне. Её идеологической основой стал не просто национализм, а биологический расизм. Ключевые документы, такие как «Приказ о комиссарах» (июнь 1941 г.), предписывавший расстрел политруков Красной Армии на месте, и «Директива о поведении войск на Востоке», санкционировавшая любые насильственные действия против гражданского населения как носителей «иудобольшевистской» угрозы, легализовали геноцид. Целью была не только победа, но и «очищение» жизненного пространства для будущей германской колонизации, что прямо вытекало из «Генерального плана Ост». Как отмечает историк Кристиан Герлах, война на Востоке с самого начала была войной на уничтожение (Vernichtungskrieg), в которой идеологические установки напрямую определяли военную тактику [4, с. 11].

Историк Кристофер Браунинг в своём фундаментальном исследовании «Обычные мужчины: 101-й резервный полицейский батальон и «окончательное решение» в Польше» подробно анализирует, как обычные, неидеологические фанатики граждане превращались в убийц. Комбинация идеологического

клише, давления группы, приказа начальства и привыкания к насилию делала массовые расстрелы «работой» [5, с. 289].

Воспоминания самих эсэсовцев, как, например, командира айнзацгруппы Отто Олендорфа на Нюрнбергском процессе, холодно-технически описывают механику убийств. Они говорят о «еврейском вопросе», «акциях», «ликвидации», демонстрируя полную подмену моральных категорий бюрократическим и расовым жаргоном. Это был «новый человек» в действии: эффективный, безэмоциональный технолог смерти, видящий в своих жертвах лишь «биологический материал», подлежащий утилизации.

Итак, антропология национал-социализма прошла полный цикл: от маргинальных идей в годы Веймарской республики через их системную институционализацию в государстве (1933-1939) до тотальной реализации в горниле «расовой войны» (1941-1945). Проект создания «нового арийского человека», основанный на мифологии крови, воинском культе и отрицании общечеловеческой морали, привёл не к возрождению, а к тотальному разрушению. Он обернулся Холокостом, миллионами жертв на оккупированных территориях и глубокой моральной катастрофой для немецкого общества.

Литература:

1. Аникеев А.А. Роль НСДАП в идеологической и экономической подготовке Второй мировой войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №3. С. 18-24.

2. Борозняк А.И. Германский опыт преодоления последствий кризиса в конце 1920-х– начале 1930-х гг. // Мировой экономический кризис конца 1920-х-начала 1930-х гг.: история и современность: материалы круглого стола 20 апреля 2009 г. М.: Изд-во Института всеобщей истории РАН (ИВИ), 2009. С 15-21.

3. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

4. Мокшанцев Л.В. Феномен национал-социализма // Гуманитарный вестник. 2014. №6 (20). С. 1-12.

5. Пленков О.Ю. Государство и общество в Третьем рейхе: проект национал-социализма. СПб.: Владимир Даль, 2017. 762 с.

6. Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916-1931 годы / пер. с англ. А. Гуськова; под научн. ред. Е. Антоновой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 637 с.

7. Целищев А.О. Массовое общество и тоталитарные режимы в Европе в 1920–1940 гг. Сборник планов семинарских занятий и методические указания для студентов, обучающихся по основной образовательной программе «Социокультурная история» по направлению подготовки 46.03.01 История. Уфа: Уфимский университет, 2026. 78 с.

8. Шульц Э.Э. Пропаганда НСДАП и ожидания общества поздней Веймарской республики // Наука. Общество. Оборона. 2024. №4 (41). С. 31-40.

9. Шульц Э.Э. Социология нацизма: формирование основных подходов в историографии // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия «Социология». 2014. № 2. С. 61-72.

© Хазиханов Е.Р., Сиразетдинов А.А., 2026

УДК 930

Л.И. Хусниярова
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Н.А. Бессилин

L.I. Khusniarova
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor N.A. Bessilin

ОБРАЗ РИЧАРДА III В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ОТ «ЗЛОДЕЯ» К «РЕАБИЛИТИРОВАННОМУ МОНАРХУ»

THE IMAGE OF RICHARD III IN RUSSIAN AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY: FROM «VILLAIN» TO «REHABILITATED MONARCH»

Аннотация: Статья анализирует эволюцию образа Ричарда III (1452-1485) в русскоязычной исторической литературе с XVIII по начало XXI вв. Показано, что до 1970-х гг. отечественные медиевисты почти не занимались фундаментальным изучением личности и правления последнего Йорка, опираясь преимущественно на обобщающие труды и воспроизводя тюдоровский миф. В отличие от британской историографии, где пересмотр образа начался уже в XVII в., в России процесс «реабилитации» идёт значительно медленнее. Особое внимание уделяется влиянию театральной традиции, политического контекста, современных научных открытий и закреплению стереотипов в школьном образовании.

Abstract: The article analyzes the evolution of the image of Richard III (1452-1485) in Russian-language historical literature from the 18th to the early 21st century. It shows that until the 1970s, Russian medievalists did not conduct a fundamental study of the personality and reign of the last Yorkist, relying primarily on generalizing works and reproducing the Tudor myth. Unlike British historiography, where the revision of the image began in the 17th century, the process of "rehabilitation" in Russia has been much slower. Special attention is paid to the influence of theatrical tradition, political context, modern scientific discoveries, and the reinforcement of stereotypes in school education.

Ключевые слова: Ричард III, тюдоровский миф, Война Роз, историографические образы, мифологизация истории, Шекспир, Ланкастеры, Йорки.

Keywords: Richard III, the Tudor myth, the Wars of the Roses, historiographical images, the mythologization of history, Shakespeare, the Lancasters, and the Yorks.

Интерес к личности Ричарда III не угасает уже пять столетий. Причина не только в трагической судьбе последнего Плантагенета, но и в том, что его образ стал полем битвы между пропагандой, искусством и наукой. В британской истории трудно найти другого монарха, о котором было бы написано столько взаимоисключающих оценок [например: 12, с. 86]. Во многом это – заслуга У. Шекспира, создавшего в своей хронике «Ричард III» неповторимый образ

законченного злодея; его имя стало на протяжении столетий школьно-хрестоматийным олицетворением зла и всяческих преступлений. Однако историческая наука, особенно в последние десятилетия, всё настойчивее предлагает более взвешенный взгляд. В статье сопоставляются две традиции – западная (прежде всего, британская), где пересмотр начался рано, и российская, где Ричард долго оставался персонажем театра и вскользь упоминался в учебниках.

Первая попытка «очистить» Ричарда от тюдоровских наслоений принадлежит Джорджу Баку. В 1619 г. он издал «Историю короля Ричарда III». Буквально через несколько десятилетий после смерти Шекспира Бак заявил: драматург создал чудовище, которое не могло существовать в реальности. Сам антиквар служил при дворе Якова I и имел доступ к архивам. Он обратил внимание, что многие обвинения – в убийстве Генриха VI, принца Эдуарда, а позже и племянников – появились только при Генрихе VII Тюдоре [17, с. 14-15]. В середине XVIII в. Гораций Уолпол в «Исторических сомнениях» пошёл дальше: он доказал, что Ричард не был ни физическим уродом, ни тираном. Уолпол связал негативный образ с целенаправленной пропагандой новой династии, которой было выгодно очернить предшественника. В начале своей работы он задаёт конкретный вопрос: «Какое значение для любого ныне живущего человека имеет то, был ли он на самом деле столь плох, каким его изображают? Ни один благородный род от него не ведет свое начало». Тут же он даёт понять, что его образ – выдумка: «Я лишь хочу сказать: даже, если он и был столь чудовищен, как о нем говорят, у нас практически нет оснований в это верить. (All I mean to show, is, that though he may have been as execrable as we are told he was, we have little or no reason to believe so)» [18, p. 2].

В XIX в. в Англии развернулась настоящая историографическая битва. С одной стороны, выходили труды, повторявшие тюдоровскую версию (Т. Карте, Д. Юм). С другой, появлялись работы, полностью оправдывавшие Ричарда. Каролина Хелстед, жена викария, сумела найти и издать неизвестные ранее документы, из которых следовало, что король проводил судебную реформу, покровительствовал церкви и пользовался любовью на севере Англии. Её книгу критиковали за недостаточную строгость, но она сыграла роль катализатора [3, с. 234-235]. К концу века сложились два лагеря: традиционалисты (Дж. Гэрднер, К. Маркем) и ревизионисты (Ф. Лэнгдон, Дж. Бакли). В 1924 г. было создано «Общество Ричарда III», которое поставило целью пересмотр традиционного образа. Кульминацией реабилитации стало обнаружение останков короля в 2012 г. под автостоянкой в Лестере. Антропологическая экспертиза подтвердила сколиоз (искривление позвоночника), но не горб и не «усохшую руку». Это нанесло серьёзный удар по шекспировскому образу.

В России знакомство с Ричардом III началось не с архивов, а со сцены. В 1759 г. в Санкт-Петербурге поставили шекспировского «Ричарда III» в переводе А.П. Сумарокова. Весь XVIII в. для русской публики король оставался театральным персонажем – властолюбивым злодеем. Первое упоминание о реальном Ричарде появилось лишь в 1802 г. в переводной французской компиляции, где характеристика была противоречивой, но, в целом, негативной. На протяжении XIX - начала XX вв. русскоязычный

читатель черпал информацию из учебников и энциклопедических словарей. Повсеместно повторялся шекспировский штамп: «уродливое телосложение», «кровавая жестокость», «вероломство».

Классическое описание, которое на долгие годы определило восприятие Ричарда III в России, дано в «Исторических хрониках» Уильяма Шекспира [13]. В трагедии последний Йорк предстаёт «горбатым, сухоруким, хромым карликом, который убедил своего отца начать гражданскую войну против законного короля Генриха VI Ланкастера». Сам монолог Ричарда в начале пьесы стал хрестоматийным:

«Меня природа лживая согнула
И обделила красотой и ростом.
Уродлив, исковеркан и до срока
Я послан в мир живой; я недоделан, -
Такой убогий и хромой, что псы,
Когда пред ними ковыляю, лают.» [16, с. 11].

Исключением стал Т.Н. Грановский. В лекциях по истории Средневековья (1846-1850) он заявил: «Но, в сущности, большая часть обвинений на него несправедлива. Этими обвинениями в особенности придал много весу поэтический авторитет Шекспира» [8, с. 671]. Однако Грановский не был последовательным реабилитантом. О судьбе племянников он писал: «Племянников, сыновей Эдуарда IV, действительно он предал смерти» [8, с. 29]. Тем не менее, он подчёркивал, что король пользовался любовью простого народа и реже других монархов прибегал к казням, ссылаясь на работы английских ревизионистов, включая Хелстед. Взгляд Грановского не прижился – лекции вышли посмертно, а в николаевской России пересмотр устоявшихся схем встречал настороженность.

В советской историографии ситуация почти не изменилась. Марксистская традиция рассматривала Войну Роз как столкновение феодальных кланов, а Ричарда – как одного из хищников. Даже во «Всемирной истории» (1957) ему посвящено только несколько строк [6, с. 29]. Первые серьёзные исследования появились только в конце 1960-х - начале 1970-х гг. благодаря работам Е.В. Гутновой и М.А. Барга. Позже к теме обратилась Е.Д. Браун, которая в ряде монографий и статей проанализировала формирование тюдоровского мифа и его отражение в отечественной историографии. Тем не менее, до сих пор фундаментальных трудов о Ричарде III в России немного, большинство публикаций носит обзорный характер.

Два главных обвинения против Ричарда – узурпация трона и убийство племянников – требуют отдельного разбора. Н. Беспалова справедливо замечает, что даже в самом нелестном для Ричарда случае едва ли стоит именовать его узурпатором. Его власть имела два источника легитимности. Если верна история о тайном браке с Элеонорой Батлер, Ричард был королём по праву рождения; если нет – он всё же являлся избранным парламентом лидером нации. Что касается принцев в Тауэре, то королём Ричарда признали при живых племянниках. Ему не требовалось убивать их для получения короны. Мать принцев Елизавета Вудвилл после переворота получала от Ричарда содержание, свободно передвигалась по

Лондону и не поднимала тревоги. Слухи о гибели мальчиков возникли позже и по большей части вдали от столицы. Генрих VII, свергнув Ричарда, объявил его тираном, но не стал сразу предъявлять обвинение в убийстве племянников. Оно появилось только спустя двадцать лет на основании показаний казнённого Джеймса Тирелла. Всё это заставляет относиться к традиционной версии с осторожностью [2, с. 87, 91, 92, 93].

Историографические стереотипы закрепляются не только в научной, но и в учебной литературе. В популярном учебнике Е.В. Агибаловой и Г.М. Донского для 6 класса Ричард III не представлен вообще, сказано только о Войне Роз: «Война длилась тридцать лет и отличалась большой ожесточенностью. Родственники погибших мстили семьям своих врагов, убивая даже детей...» [1, с. 119]. Аналогичный лаконичный подход сохраняется и в новых учебниках под редакцией В.Р. Мединского [10]. Школьные пособия транслируют традиционный тюдоровский нарратив широкой аудитории, что объясняет устойчивость «злодейского» образа в массовом сознании.

В XXI в. ситуация в российской историографии меняется медленно. Помимо Е.Д. Браун, отдельные аспекты темы затрагивает Ю.Г. Тамбиянц. В своей работе он даёт социологическую характеристику правления Ричарда III, в основном ссылаясь на ошибки Эдуарда IV и на внутреннюю политику Ричарда: «...он уделял недостаточно внимания созданию прочной опоры собственной власти среди правящего класса» [14, с. 53]. Автор также упоминает излишне сентиментальные исследования женщин, которые идеализировали образ последнего Йорка.

Н.С. Креленко в своей работе проанализировала сочинение Х. Уолпола «Исторические сомнения относительно жизни и правления короля Ричарда Третьего». Креленко рассматривает труд Уолпола как первую попытку реабилитации Ричарда III, основанную на критике тюдоровских источников. Уолпол показал, что образ короля сфабрикован пропагандой Генриха VII, а обвинения в убийствах не имеют прямых доказательств. Книга вызвала отторжение в научных кругах, что подтвердило силу шекспировского стереотипа [9, с. 5-7]. К.А. Гасюкова в своём исследовании также анализирует историографию, однако принципиально новых фактов или интерпретаций её работа не содержит [7].

Если переходить к теме острых академических дискуссий, подобных британским, то в России их нет. Процесс «реабилитации» Ричарда III остаётся незавершённым. Сравнение двух традиций показывает, что политический заказ, художественная литература и национальные особенности восприятия могут на столетия задерживать объективное изучение прошлого. В Англии ревизия началась уже в XVII в., в России – только во второй половине XX в. Изучение эволюции образа Ричарда III позволяет лучше понять механизмы формирования исторической памяти в разных культурных средах.

Литература:

1. Агибалова Е.В., Донской Г.М. История Средних веков. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций. М.: Просвещение, 2014.

2. Беспалова Н. Два образа Ричарда III // Наука и техника. 2013. № 9. С. 86-93.
3. Браун Е.Д. Войны Роз: История. Мифология. Историография. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 208 с.
4. Браун Е.Д. Образ Ричарда III в информационном пространстве отечественной историографии // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 10(43). С. 54-67.
5. Браун Е.Д. Ричард III в историографии, гравюрах и книжной миниатюре XVII-XVIII вв.: конфликт образов // Память и идентичность. Вып. 3: Историк и его аудитория. М., 2021. С. 164-183.
6. Всемирная история. Т. III. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.
7. Гасюкова К.А. Образ Ричарда III как отражение влияния политики на историю // Преподавание истории в школе. 2022. № 2. С. 88-90.
8. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1986. 432 с.
9. Креленко Н.С. «Исторические сомнения» Х. Уолпола в характеристике Ричарда III // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20. Вып. 3. С. 337-343.
10. История. Всеобщая история. История Средних веков: 6 класс: учебник / под общей редакцией В.Р. Мединского. М.: Просвещение, 2023. 271 с.
11.История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
12. Мор Т. История Ричарда III / Пер. с лат. // Мор Т. Утопия; Эпиграммы; История Ричарда III. М.: Наука, 1998. С. 235-346.
13. Петросьян А.А. Ричард III - миф и реальность // Вопросы истории. 1992. № 11/12. С. 179-184.
14.Тамбиянц Ю.Г. Драма правления Ричарда III: взгляд социолога // Теория и практика общественного развития. 2017. № 4. С. 45-52.
15. Хаммонд П. Ричард III и битва при Босворте / Пер. с англ. М.В. Степанова. СПб., 2014.
16.Шекспир У. Ричард III / Пер. с англ. (любое издание).
17. Buck G. The History of the Life and Reigne of King Richard the Third. London, 1647.
18. Walpole H. Historic Doubts on the Life and Reign of King Richard III. London, 1768.

© Хусниярова Л. И., 2026

УДК 94(420)"1837/1901"

М.М. Юсупова
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

M.M. Yusupova
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Y.S. Usova

УЛИЧНЫЕ ПРОФЕССИИ ДЕТЕЙ В ВИКТОРИАНСКУЮ ЭПОХУ

STREET CHILDREN'S OCCUPATIONS IN THE VICTORIAN ERA

Аннотация: в данной статье анализируется детский уличный труд в Викторианскую эпоху на примере чистильщиков обуви, продавцов спичек и разносчиков газет. Рассматриваются экономические и социальные причины эксплуатации детей, условия их повседневной работы, а также реакция общества и первые попытки улучшить положение детей.

Abstract: this article analyzes child street labor in the Victorian Era, focusing on shoeblacks, match sellers, and newsboys. It examines the economic and social causes of child exploitation, the conditions of their daily work, as well as society's reaction and the first attempts to improve the situation of these children.

Ключевые слова: Викторианская эпоха, детский труд, уличные дети, чистильщики обуви, продавцы спичек, разносчики газет, Ragged Schools.

Keywords: Victorian Era, child labor, street children, shoeblacks, match sellers, newsboys, Ragged Schools.

Проблема беспризорности детей и вовлечения их в трудовую деятельность, остается актуальной и в современном мире, несмотря на все меры предотвращения этого явления. Согласно статистике МВД, на конец 2025 года в сотрудники полиции выявили в России 57,4 тысячи беспризорных и безнадзорных детей, многие из которых втянуты в уличную работу – от мытья автомобилей, сбора металлолома и раздачи рекламных листовок до более криминализированных форм заработка. Эта работа носит нестабильный, часто опасный характер и практически не оставляет ребенку времени на образование и нормальную социализацию. Более того, длительное пребывание в маргинальной среде повышает риски вовлечения детей в мелкую преступность, как это случалось с беспризорниками бесчисленное количество раз на протяжении всей истории человечества.

Наиболее остро такая же проблема была отражена в период правления королевы Виктории в Англии, когда индустриализация и урбанизация достигли своего пика, а государство еще не выработало эффективных механизмов защиты детства. Чтобы глубже изучить проблему современности, необходимо проанализировать то, как жили беспризорные дети в прошлом, рассмотрев повседневную жизнь, условия труда и стратегии выживания уличных детей того времени.

Викторианская эпоха (1837–1901) стала периодом промышленного роста и урбанизации Великобритании [4]. Однако экономический прогресс имел и

обратную сторону: детский труд часто становился единственным способом выживания для беднейших семей. Тысячи детей проводили свои дни на улицах Лондона, пытаясь заработать несколько пенсов чисткой обуви, продажей спичек или газет [6].

Промышленная революция привела к массовой миграции населения в города в поисках работы. Однако фабричный труд не всегда был наиболее подходящим выбором, так как являлся работой с установленными владельцем фабрики рабочими часами, а болезни и несчастные случаи, которые происходили со взрослыми, часто оставляли семьи без кормильца. Таким образом, даже самые маленькие члены семьи были вынуждены вносить вклад в семейный бюджет.

Стоит также отметить, что на широкое распространение детского труда влияло отсутствие нормального образования. Школьное образование еще не стало обязательным, дети не были заняты учебой и были свободны для «помощи семье» посильным финансовым вкладом [6].

Несмотря на нормализацию привлечения детей к работе в целом, общество Викторианской Англии неоднозначно относилось именно к уличным работающим детям. С одной стороны, они вызывали сострадание, с другой – их воспринимали как потенциальную угрозу общественному порядку. Одновременно существовало две нации, которые настолько не осведомлены о привычках, мыслях и чувствах друг друга, словно они живут в разных концах земли. Для имущих классов уличный ребёнок был не столько человеком, сколько частью городского пейзажа – досадной, пугающей, но привычной.

Именно это двойное существование – роскошь одних и выживание других – делало викторианский детский уличный труд не просто экономической, но и глубокой моральной проблемой, которую общество долгое время предпочитало не замечать. Дети бродили по улицам без присмотра, без воспитания и являлись опасностью в зародыше – очень часто такие дети с прошествием времени уходили в преступность, потому что им некуда было податься [1, с. 10].

Чтобы выжить в этом хаосе, дети вынуждены были осваивать уличную экономику с ранних лет, часто с пяти-шести лет. Рабочий день такого ребенка мог длиться по 12–14 часов без выходных и праздников, а его заработок редко превышал несколько пенсов в день – сумму, на которую сегодня можно было бы купить лишь буханку хлеба [2, с. 76].

Несмотря на кажущуюся свободу от фабричной дисциплины, уличные профессии были жестко регламентированы негласными правилами: каждый перекресток, каждый оживленный вход в метро или театр имели своего «хозяина» из числа старших мальчишек, который мог отобрать выручку или избить новичка за вторжение на его территорию. Тем не менее, даже такая полуголодная и полная опасностей жизнь на улице часто была предпочтительнее каторжного труда в закрытых мастерских или на фабриках, где за малейшую провинность можно было лишиться пальцев или зрения.

Обратимся к одной из ключевых профессий из числа тех, в которые подавались дети – чистильщик обуви. Данная профессия имела доиндустриальные корни. В крупных викторианских домохозяйствах

существовала специальная должность молодого слуги, который был занят исключительно уходом за обувью хозяев. Однако именно в середине XIX в. чистка обуви стала массовой уличной профессией.

Работа чистильщика обуви была тяжелой и унизительной. Дети работали на улицах в любую погоду. Их клиентами были прохожие, которые часто относились к ним с пренебрежением. Тем не менее, эта профессия давала определенную независимость по сравнению с фабричным трудом, где рабочий день диктовался не самим работником, а начальством.

Продажа спичек была одной из немногих уличных профессий, доступных девочкам [6]. Спички были товаром повседневного спроса, и их можно было продавать поштучно, что требовало минимальных начальных вложений. Девочки покупали несколько дюжин спичек, а затем перепродавали их с небольшой наценкой. Эта профессия считалась одной из самых низкооплачиваемых и опасных.

С развитием прессы во второй половине XIX в. профессия разносчика газет стала массовым явлением. Эти мальчики (и реже девочки) закупали газеты у издательств или в киосках оптом и перепродавали их в розницу на улицах, у вокзалов и пабов, перекрикивая друг друга и расхваливая сенсационные заголовки.

Работа разносчика была сопряжена с жесткой конкуренцией. Чтобы продать больше, дети выходили на работу рано утром, часто еще затемно, и работали до позднего вечера. Доход был нестабильным и зависел от погоды, новостей и удачи. Образ разносчика газет стал культовым в викторианской культуре и по сей день часто используется в фильмах и сериалах, отражающих эпоху.

На рубеже веков газетчики стали рассматриваться как общественная проблема. Их даже привлекали к суду за «громкие выкрики и шум» на улицах, а также за использование вымышленных заголовков для привлечения покупателей.

Несмотря на то, что мы выделяли и преимущества данных профессий перед работой на фабрике, существовали и очевидные минусы. В отличие от фабричного ребенка, чей труд оплачивался пусть и мизерной, но регулярной зарплатой, уличный продавец или чистильщик обуви зависел от случайных прохожих и капризов погоды.

Такая работа порождала у детей специфические предпринимательские навыки: умение оценить покупательский спрос, управлять крошечным капиталом, достаточным для покупки партии спичек или нескольких газет, и быстро реагировать на изменения городской среды. Однако оборотной стороной этой кажущейся свободы становилась полная незащищенность: ни трудового договора, ни больничных, ни права на отдых у уличного ребенка не было, он полностью зависел от собственных же усилий.

Состояние здоровья уличных детей, которое было прямым следствием антисанитарной городской среды, также является важным фактором для рассмотрения анализируемой темы. Как свидетельствуют парламентские документы середины XIX в., промышленные города поражали перенаселённостью, отсутствием дренажа, грязными отбросами и

фальсификацией продуктов питания – молока и хлеба. В таких условиях дети, проводящие весь день на улице, оказывались наиболее уязвимы перед эпидемиями: коклюш, скарлатина, брюшной тиф и сыпной тиф «косили» рабочих кварталы, а уровень детской смертности в Ливерпуле достигал 62% среди детей рабочих в возрасте до пяти лет.

Особую опасность представляла практика использования опийных препаратов (например, «микстуры Годфри»), которыми работающие матери поили детей, чтобы те не плакали и не мешали. Уличные дети, лишённые даже такого минимального присмотра, нередко сами прибегали к дешёвым наркотикам для подавления голода и холода, что вело к физиологической деградации, раннему истощению и смерти, часто не достигая и 25 лет. Таким образом, уличная работа была не только социальным, но и острейшим медико-демографическим явлением, которое незаметно, но неумолимо уничтожало целое поколение городских низов [2, с. 75-78].

И все же дети учились жить в том положении, в котором оказались, многие из них демонстрировали поразительную изобретательность, самостоятельность и даже своеобразную гордость. Дети учились договариваться, делиться информацией о безопасных ночлежках и защищать друг друга от взрослых грабителей. Конечно, эта свобода была иллюзорной и чаще вела в тупик, чем вверх по социальной лестнице, но именно она позволяла ребёнку сохранить ощущение, что он сам, пусть и в ничтожных пределах, распоряжается своей жизнью.

Стоит сказать, что детская уличная занятость была прямым следствием промышленной революции, урбанизации и политики невмешательства государства в социальную сферу. Однако к середине XIX в. общественное мнение начало меняться. Публикации Чарльза Диккенса, журналистские расследования Генри Мэйхью и фотографии Джона Томпсона сделали жизнь уличных детей видимой для среднего класса.

Одним из главных ответов викторианского общества на проблему уличных детей стало создание т.н. «Рэггед Скулз» (Ragged Schools) – «школ для бедных» [9]. Эти учебные заведения, возникшие по инициативе филантропов, предлагали бесплатное образование, одежду и питание самым бедным детям.

Важным этапом стало принятие в 1870 г. Закона об образовании, который обязал местные власти создавать школы и сделал образование более доступным. В 1880 г. было введено обязательное начальное образование для детей до 13 лет [7, p. 114].

После 1870 г. ситуация начала постепенно меняться. К 1900 г. уровень неграмотности среди мужчин снизился до 5% по сравнению с 30% в 1850 г. Однако эти реформы имели ограниченный эффект для самых обездоленных детей, многие из которых продолжали работать на улицах, так как, даже несмотря на обязательность образования, оставались единственными кормильцами для себя или для семьи [7, p. 176].

Уличные профессии детей в Викторианскую эпоху представляют собой сложный социальный феномен, в котором переплелись экономическая необходимость, социальная стигматизация и первые попытки реформаторов улучшить положение наиболее уязвимых членов общества.

Опыт Викторианской эпохи показывает, что эффективное решение проблемы детского уличного труда требует не только законодательного регулирования, но и системной социальной поддержки семей, а также изменения общественного сознания. «Рэггед Скулз» (Ragged Schools), благотворительные общества и первые законы об образовании стали важными шагами на этом пути, результаты которого мы наблюдаем и сегодня.

Литература:

1. Андрианова В.А., Рокина Г.В. «Плохая Англия» – обратная сторона викторианского общества второй половины XIX века // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки», 2017. С. 5-17.

2. Склярова Е.К. Урбанизация и социальное положение детей и женщин Великобритании в XIX веке // Гуманитарные и социально-экономические науки, 2011. С. 73-79.

3. Усова Ю.С., Франк Е.К. Особенности культурного самоопределения населения Новой Англии и Британской Вест-Индии в 1620-1689 гг. // Общество: философия, история, культура. 2025. № 8(136). С. 156-161.

4. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

5. Davin A. Crowing Up Poor: Home, School and Street in London 1870-1914. London: Rivers Oram Press, 1996. 289 p.

6. London Labour and the London Poor. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gutenberg.org/files/55998/55998-h/55998-h.htm?ref=re-working.co.uk (дата обращения: 13.04.2026)

7. Mair L.A Ragged School Literacy in the Mid-Nineteenth Century. // Journal of Victorian Culture, 2019. P. 18-32.

8. London Labour and the London Poor. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gutenberg.org/files/55998/55998-h/55998-h.htm?ref=re-working.co.uk (дата обращения: 13.04.2026)

9. Mair L.A Ragged School Literacy in the Mid-Nineteenth Century // Journal of Victorian Culture, 2019. P. 18-32.

© Юсупова М.М., 2026

Секция: «Формирование и сохранение исторической памяти: исторические нарративы и коммеморативные практики»

УДК 32.019.5

А.М. Дмитриев, Р.А. Хакимов
студенты УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Э.Ю. Шиляев

A. M. Dmitriev, R.A. Khakimov
students, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor E.Y. Shilyaev

СОХРАНЕНИЕ ВОЕННО-МЕМОРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

PRESERVATION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR MILITARY-MEMORAL HERITAGE IN THE SOUTHERN URALS

Аннотация. В представленной статье исследованы военно-мемориальные объекты на территории Южного Урала, посвященные Великой Отечественной войне на примере мемориального комплекса «Братские могилы советских воинов, умерших в госпиталях Оренбурга от ран в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» в Оренбурге, памятника «Добровольцам-танкистам» в Челябинске, Монумента «Тыл - фронту» в Магнитогорске Челябинской области, мемориального ансамбля и памятника «Думы солдата» в городе Октябрьский Республики Башкортостан. Были изучены формы и методы их сохранения, определены их место и роль в формировании исторической памяти в общероссийском дискурсе. В результате работы сделаны выводы о социокультурном значении сохранения исторической памяти и особенно военно-мемориального наследия.

Abstract: The presented article investigates military memorial sites in the Southern Urals dedicated to the Great Patriotic War, using as examples the "Mass Graves of Soviet Soldiers Who Died in Orenburg Hospitals from Wounds During the Great Patriotic War of 1941–1945" memorial complex in Orenburg, the "Volunteer Tankmen" monument in Chelyabinsk, the "Home Front to the Front" Monument in Magnitogorsk, Chelyabinsk Oblast, and the memorial ensemble and "Soldier's Thought" monument in the city of Oktyabrsky, Republic of Bashkortostan. The forms and methods of their preservation were studied, and their place and role in shaping historical memory within the all-Russian discourse were determined. The work concludes with findings on the socio-cultural significance of preserving historical memory, and particularly military memorial heritage.

Ключевые слова: военно-мемориальное наследие, военно-мемориальная культура, феномен культуры, воинское захоронение, защитники Отечества, памятник, мемориальный комплекс.

Keywords: military memorial heritage, military memorial culture, cultural phenomenon, military burial, defenders of the Fatherland, monument, memorial complex.

В современной научной парадигме феномен исторической памяти всё чаще интерпретируется как канал трансляции нарративов о прошлом последующим поколениям, а также как механизм идентификации личности с государством и социумом. Коллективная память о минувшем, базирующаяся на общепринятых большинством репрезентациях прошлого, представляет собой форму фиксации

исторического опыта, которая имеет особое значение для конституирования и интеграции социальных групп в настоящем [11].

Образы прошлых событий, аккумулируемые памятью в форме стереотипов, символов и мифов, предоставляют индивидам, социальным общностям и обществу в целом мировоззренческие ориентиры. Историческая память выступает значимым фактором, обеспечивающим идентификацию различных социальных, этнических и конфессиональных групп, формирование у них чувства общности [3, с. 10; 6]. Политика в обозначенной сфере приобретает приоритетное значение на современном этапе.

В рамках настоящей статьи под военно-мемориальным наследием предлагается понимать совокупность архитектурных и скульптурных сооружений (памятников), содержащих либо не содержащих прах военнослужащих, возведённых с целью сохранения памяти о событиях и участниках военной истории как ценностно-значимых для актуальной культуры. К объектам военно-мемориального наследия относятся, в частности: Храм Христа Спасителя, воздвигнутый в честь победы в Отечественной войне 1812 г. над войсками Наполеона; триумфальные арки у Ильинских и Мясницких ворот в Москве; многочисленные отечественные монументальные комплексы («Родина-мать» в Волгограде, Памятник затопленным кораблям в Севастополе и др.); стелы, бюсты, одиночные и братские воинские захоронения; объекты, имеющие правовой статус «объектов культурного наследия монументального искусства» и «памятников Великой Отечественной войны», посвящённые российским военно-историческим событиям [5; 10, с. 57].

Первым памятником для анализа является «Добровольцам-танкистам» - он расположен на пересечении улиц Коммуны и Кирова в городе Челябинске, относящийся к Бульвару Славы, - мемориалу, посвящённому советским воинам, участвовавшим в Великой Отечественной войне, и воинам-интернационалистам. Представленный монумент увековечивает память добровольцев – участников Уральского добровольческого танкового корпуса, сформированного в 1943 г. на основе личного состава, добровольно мобилизованного из Свердловской, Челябинской и Молотовской областей. Именно с Мясной площади, на месте которой в настоящее время расположен памятник, 9 мая 1943 г., после оглашения Наказа, вручённого в ходе областного митинга жителями Челябинской области, и принятия клятвы о его неукоснительном исполнении, направлялись к театру военных действий военнослужащие и командный состав 63-й Челябинской добровольческой танковой бригады (первоначальное наименование – 244-я Челябинская танковая бригада), входившей в состав данного корпуса. Следовательно, данный памятник выступает в качестве символического выражения взаимосвязи и единства фронта и тыла в годы войны [4, с. 15]. Фигура добровольца, стоящего у люка танка, выполнена из бронзы. Из бронзы отлита и стилизованная башня танка. Она изображает рабочего-танкостроителя, на котором уже надет танковый шлем и сапоги, и который взмахом руки зовёт в бой. Высота фигуры – 5 метров. Она установлена на постаменте высотой 3 метра, облицованном чёрным доломитом.

На объекте культурного наследия регионального значения (в рамках реставрации, проведённой в начале октября 2024 г.) полностью заменена гранитная облицовка постамента памятника, очищена скульптура, на которую нанесено специальное защитное покрытие [1].

Памятник «Тыл – фронту» (другое название – «Тыл и фронт») – монумент памяти Великой Отечественной войны в городе Магнитогорске. Материал – бронза, гранит. Монумент открыт 28-29 июня 1979 г.

Памятник представляет собой двух фигурную композицию рабочего и воина, стоящих на фоне Магнитогорского металлургического комбината. Индустриальная панорама являлась органической частью художественной монументального ансамбля. Рабочий ориентирован на восток, в сторону металлургического комбината. Воин — на Запад, в сторону, где во время войны находился враг. В изначальном проекте предполагалось создание аллеи скульптурных портретов уральцев, удостоенных звания Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда, которая должна была протянуться до центральной площади города, где планировалось установить вечный огонь [7, с. 6].

9 мая 2005 г. состоялось открытие дополнения, выполненного в виде двух треугольных секций, симметрично заполненных возвышениями из гранита, на которых высечены имена магнитогорцев, погибших в Великой Отечественной войне (всего более 14 000 фамилий). Банк России 6 мая 2022 г. выпустил в обращение монету с изображением монумента из недрагоценного металла номиналом 10 рублей «Магнитогорск», серии «Города трудовой доблести» [2]. В апреле 2025 г. администрация г. Магнитогорска объявила аукцион на реставрацию данного памятника, однако дальнейший ход событий в медиа-поле не освещён, отчего напрашивается вывод, что ремонта проведено не было.

Мемориальный ансамбль «Думы солдата», в городе Октябрьский, Республика Башкортостан, открыт в 1970 г., в честь 25-летия Победы в Великой Отечественной войне. Центральный памятник представляет из себя бронзовую скульптуру солдата, сидящего в задумчивой позе, выполненную на гранитном постаменте. При реконструкции в 1984 г. ансамбль дополнен пятью стелами, показывающими число погибших в войне людей, ушедших на фронт из соцгорода и посёлков Муллино, Нарышево, Туркменево, Заитово, Московка. В 1989 г. в западной части мемориала установлены две пушки. Ансамбль расположен в ландшафтном образовании – парке Победы. В 2015 г. ансамбль дополнится Аллеей Героев: перед памятником были установлены бюсты Героев Советского Союза – Шакирьяна Гатиатуллина, Николай Дегтяря, Алексея Кортунова, Талипа Нуркаева, Ивана Никитина; и полных кавалеров Ордена Славы - Поликарпа Анпилогова и Виктора Зотова. На подходе к памятнику на постаментах были установлены боевые машины БМП-1 и БМД-1. В 2016 г. слева от памятника был установлен Памятник труженикам тыла и детям войны. В 2023 г. проводятся работы по обновлению прилегающей территории [7]. Мероприятия по реставрации самого памятника в медиа-поле не освещены.

Мемориальный комплекс «Братские могилы советских воинов, умерших в госпиталях Оренбурга от ран в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» – мемориальный комплекс в Оренбурге, посвящённый оренбуржцам,

павшим в годы Великой Отечественной войны, и тяжелораненым воинам, погибшим в эвакогоспиталях города. Комплекс состоит из обелиска, аллеи, братских могил и мемориала «Оренбург – Фронту». Расположен на проспекте Победы. В 1960-х гг. на территории, прилегающей к некрополю, располагалась стела-памятник с мемориальной табличкой следующего содержания: «Воинам, отдавшим жизнь за свободу и независимость Родины в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». В 1967 г. данный монумент был демонтирован и заменён 15-метровым обелиском. 9 мая того же года в ходе многотысячного митинга у подножия обелиска состоялось возложение Вечного огня, размещённого в центре пятиконечной звезды. Авторами проекта выступили архитекторы В.Г. Ременный и В.И. Карпачев [6, с. 53]. В 1985 г. памятник подвергся реконструкции. В верхней его части была установлена композиция из листовой кованой меди, включающая символические элементы, отсылающие к событиям Великой Отечественной войны: плащ-палатку, каску, автомат и лавровую ветвь. Доставка данной сложной конструкции к месту установки – на проспект Победы – и последующий монтаж осуществлялись с применением вертолёта.За обелиском, образуя полукруг, размещена стела, на оконечностях которой закреплены барельефы из кованой меди, изображающие Знамя Победы, а также обозначены годы «1941» и «1945». На мраморных плитах, расположенных в промежутке между ними, высечены имена Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы. Таким образом был сформирован мемориальный комплекс. Его авторами являются скульптор Н. А. Ишмухаметов, архитекторы А. И. Агафонов и В. Е. Литвиненко. В 1992 г. справа и слева от обелиска по аллее были установлены треугольные в плане стелы с именами оренбуржцев, погибших в Великой Отечественной войне. В 1995 г. к 50-летию Великой Победы две аллеи Славы, расходящиеся от Вечного огня, вдоль которых расположены стелы, были реконструированы. К ним добавилась вторая линия тумб с нанесенными на них фамилиями оренбуржцев, умерших от ран, а на противоположной стороне проспекта Победы, напротив Вечного огня, появился мемориал «Оренбург – фронту», который был открыт 7 мая 1995 г. [9].

На основе проведённого анализа военно-мемориальных объектов Южного Урала и их роли в формировании исторической памяти можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, рассмотренные памятники и мемориальные комплексы выполняют не только репрезентативно-коммеморативную функцию, но и выступают в качестве значимых социокультурных маркеров, обеспечивающих трансляцию нарративов о Великой Отечественной войне между поколениями. Они служат материализованными формами единства фронта и тыла, фиксируя вклад регионов Южного Урала в Победу.

Во-вторых, анализ практик сохранения (реставрационные работы 2024 г. в Челябинске, аукцион 2025 г. в Магнитогорске, поэтапные реконструкции в Октябрьском и Оренбурге) свидетельствует о неоднородности процессов поддержания мемориальных объектов. При этом систематическое обновление и дополнение ансамблей новыми элементами (Аллея Героев, памятники

труженикам тыла, стелы с именами погибших) подтверждает востребованность данных объектов в локальном и общероссийском дискурсах памяти.

В-третьих, военно-мемориальные объекты Южного Урала выступают узловыми точками коллективной идентификации для различных социальных, возрастных и профессиональных групп. Их включённость в официальные практики коммеморации (митинги, возложение цветов, выпуск памятных монет Банком России) и повседневное городское пространство закрепляет за ними статус неотъемлемых элементов историко-культурного ландшафта региона.

В-четвёртых, поддержание в надлежащем состоянии и дальнейшее развитие мемориалов является необходимым условием для противодействия фальсификации истории, укрепления общероссийского гражданского самосознания и передачи ценностно-смыслового ядра Победы будущим поколениям. Фиксация фактов реставрации и модернизации объектов (или их отсутствия в медиа-поле) демонстрирует как достижения, так и лакуны в государственно-общественной системе управления мемориальным наследием.

Таким образом, сохранение военно-мемориального наследия Южного Урала представляет собой не только культурно-охранную, но и социально-консолидирующую задачу, от решения которой зависит устойчивость исторической памяти в общероссийском масштабе.

Литература:

1. Администрация города Челябинска. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://cheladmin.gov74.ru/cheladmin/view/news.htm?id=11600120 (дата обращения: 13.04.2026).

2. Банк России. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/cash_circulation/memorable_coins/coins_base/ShowCoins/?cat_num=5714-0082 (дата обращения: 13.04.2026).

3. Баранов А.В., Касьянов В.В., Самыгин П.С. Историческая память в российском обществе: основные проблемы формирования в контексте реализации государственной политики в области исторического просвещения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 2 (83). С. 9–19.

4. Гороховские чтения: материалы шестой региональной музейной конференции / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2015. 696 с.

5. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.

6. Мансуров И.З., Скутин И.Я. Оренбург. Путеводитель-справочник. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1977. 204 с.

7. Октябрьский нефтяник. [Электронный ресурс]. URL: https://okt-neft.ru/articles/common_material/2023-05-17/park-pobedy-preobrazhaetsya-3261929 (дата обращения: 13.04.2026).

8. Победоносный чудо-меч // Известия: газета. 1975. № 39 (17882). С. 6.

9. Рубин В.А., Рябуха А.С. Ради жизни на земле! Свод объектов культурного наследия монументального искусства, воинских захоронений, памятников и мемориальных сооружений, увековечивающих память погибших защитников

Отечества, участников войн и военных конфликтов. Оренбургская область: электронное научно-справочное издание. Оренбург, 2025. 399 с.

10. Рубин В.А., Спиридонова Е.В., Шуб М.Л. Сущностные параметры военно-мемориального наследия как феномена культуры // Культура и искусство. 2020. № 9. С. 55-67.

11. Фролова И.В., Уразова А.И. Политика памяти и историческая наука: научные итоги года, посвященного столетию Республики Башкортостан //Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 4. С. 1019-1031.

© Дмитриев А.М., Хакимов Р.А., 2026

УДК 621.039

М.В. Елесин
студент МГТУ им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск
Научный руководитель – д. и. н., профессор М.Н. Потёмкина

M.V. Elesin
student, of Nosov MSTU, Magnitogorsk
Scientific advisor – d. of h. s., professor M.N. Potyomkina

ПОЛИТИКА ВЛАСТИ ПО МЕМОРИАЛИЗАЦИИ ПАМЯТИ ОСНОВАТЕЛЕЙ АТОМНОЙ ОТРАСЛИ (НА ПРИМЕРЕ Е.П. СЛАВСКОГО)

GOVERNMENT POLICY TO MEMORIALIZE THE MEMORY OF THE FOUNDERS OF THE NUCLEAR INDUSTRY (USING THE EXAMPLE OF E.P. SLAVSKY)

Аннотация: В данной работе проводится анализ влияния властных структур на конструирование исторической памяти о ветеранах атомной отрасли, на примере Е.П. Славского. Исследование прослеживает эволюцию представлений о нем в разные исторические периоды. Это позволило сделать вывод о комплексном характере процессов, формирующих историческую память.

Abstract: This paper analyzes the influence of power structures on the construction of historical memory about nuclear industry veterans, using the example of E.P. Slavsky. The study traces the evolution of perceptions about him in different historical periods. This allowed us to conclude that the processes that shape historical memory are complex.

Ключевые слова: Е.П. Славский, мемориализация, атомная отрасль, Госкорпорация «Росатом».

Keywords: E.P. Slavsky, memorialization, nuclear industry, Rosatom State Corporation.

Историческая память – это ценности и действия общества по символическому восстановлению прошлого, подтверждающие коллективную идентичность и единство через общую историю. Исследование основано на концепции «культурной памяти» Якова Ассмана, формируемой властными дискурсами, и «местах памяти» Пьера Нора, созданных для сохранения памяти о личностях и событиях.

В основу исследования легли такие источника как памятник, мемориальные доски, документальные фильмы, награды и названия улиц. Благодаря этим источникам мы можем проследить как формирует локальный социум и государство «места памяти».

Нужно отметить, что количество исследований о Е.П. Славском резко увеличились связи с развитием атомной промышленности. Монографии и статьи ветерана атомной промышленности Н.П. Петрухина [20] и социолога Д.А. Сизова освещают его биографию и роль в этой сфере. Локальная историография – работы историков краеведов Н.П. Сёмина [24], Т.Ю. Лобынцевой [14], Б.И. Израилева [9] – увековечивает память о нем через изучение истории городов и учебных заведений. Исследования историка Е.С. Чеджемова [30] фокусируются на отдельных этапах его жизни. Иследователи Е.В. Мерзлова и М.Н. Семиколенова изучают его связь с развитием туризма в родном регионе.

В данной работе исследуется, как государственная власть конструирует историческую память о ветеранах атомной промышленности, используя личность Е.П. Славского. Политика власти по мемориализации памяти об Е.П. Славского представляет собой сложное многоаспектное явление. Оно неразрывно связано как с личным жизненным путем ученого, так и с динамикой изменений в обществе и атомной отрасли в целом. В ходе исследования были выделены два периода в трансформации исторической памяти Е.П. Славского в России:

1. С момента установки мемориальной плиты на могиле Е.П. Славского в 1991 г. и до появления в России первого «места памяти» о нем в 1998 г., наблюдался период забвения [23]. Этот период был обусловлен конфликтом Е.П. Славского с высшим руководством и кризисом атомной отрасли после распада СССР [20, с. 260].

2. Период мемориализации, который начинается с появления первого «места памяти» на территории России, в городе Рыбнинск в 1998 г. и заканчивая нашим времени. В данный период происходит возрождение интереса к личности Е.П. Славского. Это связано с развитием атомной промышленности в России и деятельностью Госкорпорации «Росатом», инициировавшей системную работу по сохранению его наследия.

Изначально мемориализация проходила на родине Е.П. Славского и в городах, связанных с его деятельностью. Начавшись с инициатив местного уровня и отдельных предприятий, интерес к Е.П. Славскому получил новый импульс в связи с реорганизацией и активным развитием российской атомной промышленности в XXI в. [7]. «Места памяти» о нем, такие как улицы, абережные, памятники и мемориальные кабинеты, стали символами преемственности и отражением его ключевой роли в становлении и развитии одной из главных отраслей страны.

Современная политика Госкорпорации «Росатом» по мемориализации Е.П. Славского, включая учреждение знака отличия, популяризацию в образовательных программах и сохранение его рабочего кабинета, свидетельствует о признании его вклада и формировании устойчивой

исторической памяти [8, с. 22]. История Е.П. Славского, ключевой фигуры в становлении атомной отрасли СССР, обретает новые формы в различных регионах России. Его наследие тесно связано с развитием ключевых отраслей, от г. Макеевки до г. Краснокаменска [7]. Хотя в некоторых регионах, например на Южном Урале, его память была затемнено коллегой И.В. Курчатовым, она активно возрождается в местах, где его деятельность оставила наиболее значимый след [27].

Современные медиа также способствуют популяризации его жизни и достижений. Документальный фильм «Ефим Славский. Титан атомного века» наглядно демонстрирует, как можно донести информацию о выдающемся государственном деятеле молодому поколению, подчеркивая его значимость в обеспечении ядерного паритета, развитии технологий и становлении атомной отрасли СССР [11].

В ходе исследования было выяснено, что разнообразные формы сохранения памяти, включая мемориалы и медиапроекты, делают Е.П. Славского не только частью истории страны, а также позволяют понять как разные факторы (политика государства, местный социум, роль личности в истории) влияют на формирование исторической памяти о человеке.

Литература:

1. Восточный Казахстан: известные имена, Славский Е.П. [Электронный ресурс]. URL: https://esimder.pushkinlibrary.kz/ru/pochetnyegrazhdane/920-.html (дата обращения: 29.02.2024).

2. Больший Ефим не боялся ничего. Коммерсантъ, 28.10.1998, № 201, [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/207696 (28.10.1998)

3. Гриневский О. Как начиналось ядерное разоружение // Россия XXI. 2011. № 3, с. 88-119.

4. Памятник трижды герою социалистического труда Ефиму Славскому открыли в СКГМИ [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/aMRsEHau8Vlvv6Y1?ysclid=mlqz76wfyi341311914 (дата обращения: 12.09.2025).

5. Емельяненков А. «Поющий источник»: на фестивале в Лермонтове родилась песня, посвященная министру Славскому [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2023/11/05/poiushchij-istochnik-na-festivale-v-lermontove-rodilas-pesnia-posviashchennaia-ministru-slavskomu.html (дата обращения: 05.11.2023).

6. Емельяненков А. Метод обогащения урана времен СССР оказался самым эффективным [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2021/09/23/reg-cfo/metod-obogashcheniia-urana-vremen-sssr-okazalsia-samym-effektivnym.html (дата обращения: 23.09.2023).

7. Емельяненков А. Славский имя на карте мира и объектах «Росатома» [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/articles/slavsky125/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 23.09.2023).

8. Ингард Ш. Росатом история успеха. Москва: Б.С.Г.-Пресс, 2017. 228 с.

9. Израилев Б.И. Близкие судьбы. Руководители оборонной промышленности Урала и атомной отрасли СССР. Санкт-Петербург: XVI научно-практический семинар по истории почты, филателии и филокартии, 2025. 5 с.

10. Ефим Павлович Славский (1898–1991) Трижды Герой Социалистического Труда, директор Уральского алюминиевого завода в годы Великой Отечественной войны, участник советского атомного проекта [Электронный ресурс]. URL: https://историческийбагаж.рф/post/efim-pavlovich-slavskiy-1803 (дата обращения: 12.04.2026).

11. Кабисова З. Титан атомного века [Электронный ресурс]. URL: https://sevosetia.ru/society/tpost/1f38lg8ac1-titan-atomnogo-veka?ysclid=mlqz78t0gd142004647 (дата обращения: 12.09.2025).

12. Кудряшев, Н.А. Е.П. Славский. Мемориальный кабинет. Альбом каталог. Москва: Бослен, 2021. 312 с.: ил.

13. Памятник Ефиму Славскому в Москве [Электронный ресурс]. URL: https://litart.ru/pamyatnik-efimu-slavskomu-v-moskve/ (дата обращения: 12.04.2026)

14. Лобынцева Т.Ю. Сохранение исторической памяти и преемственности работе поколений в работе учреждения дополнительного образования «Донецкий республиканский центр туризма и краеведения учащейся молодёжи». Санкт-Петербург: Колпинские чтения по краеведнию и туризму, 2022.

15. В Ессентукском санатории открыли памятник руководителю советской атомной промышленности. [Электронный ресурс]. URL: https://essentuki.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_2286.html (дата обращения: 15.10.2025).

16. Назаров А.Г. Общественные советы и их роль в эколого-природоохранной деятельности (на примере атомной отрасли) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2022. М.: ИИЕТ РАН, 2022. С. 107-110.

17. Насонов В.П. Славский Е.П. Творцы атомного века. Москва: Словодело, 2013. 456 с.

18. Новосёлов Р. В Лермонтове на Ставрополье открыли памятник «отцу» атомной промышленности СССР [Электронный ресурс]. URL: https://sevkavportal.ru/news/v-lermontove-na-stavropole-otkryli-pamyatnik-ottsu-atomnoj-promyshlennosti-sssr/ (дата обращения: 29.01.2021).

19. Памятник Е. П. Славскому [Электронный ресурс]. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g1643562-d23617273-r953696997-Monument_to_E_P_SlavskyBelokurikha_Altai_Krai_Siberian_District.html (дата обращения: 07.07.2023).

20. Е.П. Славский. Уранодобывающие предприятии отечественной отрасли / автор-составитель Н.П. Петрухин. Москва: Атлант-С, 2018. 287 с.

21. В Краснокаменске установили памятный знак атомному министру Ефиму Славскому [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20160830/1475617471.html (дата обращения: 30.08.2016).

22. Славский Ефим Павлович [Электронный ресурс]. URL: https://www.biblioatom.ru/persons/slavskiy_efim_pavlovich/ (дата обращения: 07.07.2023).

23. Три смертельных дозы: почему «атомного» министра Ефима Славского в 1986 г. отправили в отставку [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/XyPlcmSBiDUMrRZF (дата обращения: 31.07.2020).

24. Сёмина Н.Б. Места памяти Кавказских минеральных вод (заметки о монументальной скульптуре последних лет) // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация. Материалы V Международной научной конференции. Москва: Московский художественно-промышленный институт, 2021. С. 605-609.

25. Сизов Д. А. Деятельность руководителей предприятий оборонно-промышленного комплекса Южного Урала в условиях научно-технический революции 1945–1965 гг. // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4. С. 164–167.

26. Тернер С. Ефим Славский. Титан атомного века [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video-131845999_456239736 (дата обращения: 15.10.2025).

27. Трякин П.И. «Курчатов и Славский: о памяти и памятнике» [Электронный ресурс]. URL: https://www.libozersk.ru/pbd/ozerskproekt/memorials/tryakin1.html (дата обращения: 15.10.2025).

28. Как это было: открытие памятника легендарному министру среднего машиностроения Е. П. Славскому [Электронный ресурс]. URL: https://m.ok.ru/group/53275766095996/topic/152123080655740 (дата обращения: 20.10.2020).

29. Цыканов В.А. Курчатовцы и НИИАР. Димитровград: ГНЦ НИИАР, 2021. 110 с.

30. Чеджемов С.Р. Ефим Павлович Славский. Владикавказский этап биографии // Известия вузов. Цветная металлургия. 2022. № 28(4). С. 84-89.

© Елесин М.В., 2026

УДК 351.852.12

А.В. Ефимов
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – д. и. н., доцент Б.В. Бурангулов

A.V. Efimov
student, UUST, Ufa
Scientific advisor – d. of h. s., associate professor B.V. Burangulov

ПУБЛИКАЦИЯ РАССЕКРЕЧЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ

PUBLICATION OF DECLASSIFIED DOCUMENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR FROM THE CENTRAL ARCHIVE OF THE MINISTRY OF DEFENSE: HISTORICAL, LEGAL, AND INFORMATION ASPECTS

Аннотация: В статье рассматривается процесс становления Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) как ключевого хранилища документов периода Великой Отечественной войны. Анализируется нормативно-правовая база рассекречивания архивных материалов, созданных в 1939–1945 гг. Характеризуются основные интернет-ресурсы, созданные на основе оцифрованных рассекреченных документов («Мемориал», «Подвиг народа», «Память народа»).

Abstract: The article examines the process of formation of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF) as a key repository of documents from the period of the Great Patriotic War. The legal and regulatory framework for declassification of archival materials created in 1939-1945 is analyzed. The main Internet resources created on the basis of digitized declassified documents (Memorial, People's Feat, People's Memory) are characterized.

Ключевые слова: Центральный архив Министерства обороны РФ, Великая Отечественная война, рассекречивание архивных документов, военно-историческое наследие, архивные документы, военный архив.

Keywords: Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Great Patriotic War, declassification of archival documents, military-historical heritage, archival documents, military archive.

Военно-исторические архивы в России начали формироваться еще в XVIII–XIX вв. и ими был пройден достаточно тернистый и сложный путь развития. Благодаря сохранности фондов таких архивов в наше время можно реконструировать историю многих военных конфликтов прошлого. В современной России главным военным архивом является Центральный архив Министерства обороны, который расположен в городе Подольске Московской области.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что ЦАМО обладает значительным массивом архивных материалов по Великой Отечественной войне. Интерес к данной теме в Российской Федерации достаточно высок, а в отдельные периоды демонстрирует тенденцию к росту. Великая Отечественная

война для российского общества является одной из тем, которая формирует систему ценностей гражданского общества [2, с. 11-20]. С детских лет многие граждане получают информацию об этом периоде через различные каналы – уроки в школе, военные фильмы, митинги, историческую память поколений и другие.

История Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации начинается в 1936 г., когда он был создан как структурное подразделение Народного комиссариата обороны, а именно – отдел архивов. Во время Великой Отечественной войны архив был эвакуирован в г. Бузулук Оренбургской области, во время эвакуации работники архива занимались сбором документов действующей армии. В соответствии с требованиями приказа Народного комиссара обороны СССР от 30 августа 1941 г. «Об отборе и сдаче на хранение архивных дел и материалов» сотрудники архива во время войны неоднократно выезжали на фронт и осуществляли плановый прием архивных документов от войсковых частей [1, с. 152-156]. В 1946 г. он был переведен в г. Подольск. В послевоенный период функционировал как ведомственный архив военных министерств СССР. С марта по июнь 1992 г. являлся Центральным архивом Объединённых Вооруженных Сил СНГ, в дальнейшем получил современное название: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

В настоящее время на хранении ЦАМО находится более 20 млн архивных дел, из которых 11 млн относятся к периоду Великой Отечественной войны. В открытом доступе представлен ряд интернет-проектов, базирующихся на оцифрованных документах ЦАМО, что позволяет Министерству обороны предоставлять значительный массив материалов исследователям и широкой аудитории.

Документы времен Великой Отечественной войны длительное время оставались недоступными. Процесс рассекречивания регулировался несколькими ключевыми нормативно-правовыми актами.

Во-первых, приказ Министра обороны РФ «О рассекречивании архивных документов, содержащих сведения о военнослужащих, погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» от 23 октября 2004 г. № 328 [6]. Данный документ предписывал рассекретить дела, содержащие информацию о потерях личного состава. Приложение к приказу включало подробный перечень таких документов.

Во-вторых, приказ Министра обороны РФ «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» № 181 от 8 мая 2007 г. [7]. Этим актом были сняты грифы секретности с документов, хранящихся в ЦАМО РФ, Центральном военно-морском архиве (ЦВМА) и других ведомственных архивах. Рассекречиванию подлежали фонды Генерального штаба, фронтов, армий, соединений, кадровых органов и военных госпиталей.

В-третьих, приказ Министра обороны Российской Федерации от 12 ноября 2020 г. № 589 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота периода Второй мировой войны» [8]. Этот акт расширил временные

рамки рассекречивания с 1939 по 1945 г., что позволило ввести в научный оборот ранее недоступные материалы, датированные 1939–1941 гг.

По инициативе Министерства обороны РФ на основе рассекреченных дел был реализован ряд крупных интернет-порталов и банки данных, содержащих копии документов ЦАМО.

Первым по хронологии стал обобщенный банк данных «Мемориал», который был создан по инициативе Министерства обороны Российской Федерации в 2007 г. По данным, заявленным на официальном сайте проекта, он содержит почти 17 млн цифровых документов о безвозвратных потерях и 20 млн именных записей о потерях Красной Армии [3]. Поиск документов производится по фамилии, имени, отчеству, месту рождения и другим параметрам. Основной массив данных представляет собой документы по личному составу, которые отражают потери, награждения, ранения, выбытие и другие вопросы, касающиеся боевого состава.

Вторым по важности является банк данных «Подвиг народа» [5], разрабатывавшийся с 2010 г. Его целью было введение в общий оборот документов по награждениям за военные подвиги, которые включали информацию не только о факте награждения, но и о конкретных подвигах, за которые присвоена награда. В настоящий момент работа сайта приостановлена, а весь массив данных интегрирован в информационную систему «Память народа».

Ресурсом, который объединил представленные выше банки данных, является информационная система «Память народа» [4]. Данный проект объединяет в себе данные «Мемориала» и «Подвига народа». На портале представлены массивы материалов о боевых операциях и сражениях: боевые донесения, схемы наступлений, карты боевых действий, доклады и рапорты армий. Ресурс предоставляет комплексную информацию об отдельных участках фронта.

Работа над приведенными выше проектами была проделана российской ИТ-компанией «ЭЛАР», более подробное описание по созданию проектов представлено в статье Виктора Иосифовича Тумаркина – технического руководителя проекта, разработчика ОБД «Мемориал» и «Подвиг народа». В исследовании подробно расписаны различные сложности и проблемы, которые возникали при работе с архивными источниками. Как было выделено автором, возникают вопросы с законодательными актами, а именно с законами о персональных данных [9].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. История ЦАМО РФ демонстрирует эволюцию учреждения от ведомственного архива к главному хранителю военно-исторического наследия до периода Великой Отечественной войны. Ключевым изменением в деятельности архива стала политика масштабного рассекречивания, реализованная через серию нормативно-правовых актов Министерства обороны. В результате сняты грифы секретности с миллионов архивных дел о личном составе, что обеспечило их введение в научный и общественный оборот. Оцифрованные и опубликованные в открытых интернет-системах документы доступны как для профессиональных историков, так и для широкой аудитории, желающей получить достоверную информацию об участии своих предков в Великой Отечественной войне.

Литература:

1. Бакшаев А.А. Государственные, муниципальные и ведомственные архивы России: учебное пособие. Екатеринбург, 2024. С. 152-156.

2. Касьянов В.В., Самыгин П.С., Попов М.Ю. Историческая память о событиях Великой Отечественной войны и современное российское общество // История. Культурология. Политология. 2025. №. 1. С. 11-20.

3. Официальный сайт ОБД «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: https://obd-memorial.ru/html/about.htm (дата обращения: 12.04.2026).

4. Портал «Память народа» [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/?utm_source=podvig_lnk (дата обращения: 12.04.2026).

5. Портал «Подвиг народа» [Электронный ресурс]. URL: https://podvignaroda.ru/?#tab=navHome (дата обращения: 12.04.2026).

6. Приказ Министра Обороны РФ «О рассекречивании архивным документов, содержащих сведения о военнослужащих, погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» от 23 октября 2004 г. № 328 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=375424#UDn9mDVYdDUVkjN3 (дата обращения: 12.04.2026).

7. Приказ Министра обороны РФ от 08.05.2007 № 181 (ред. от 30.05.2009) «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 05.06.2007 N 9589) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68799/ (дата обращения: 12.04.2026).

8. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 12 ноября 2020 г. № 589 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота периода Второй мировой войны» [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/1141800/2021-03-24/v-minoborony-poiasnili-otmenu-prikazov-o-rassekrechivanii-voennykh-dokumentov (дата обращения: 12.04.2026).

9. Тумаркин В.И. Опыт создания публичных электронных банков архивных документов в Министерстве обороны России (ОБД «Мемориал», «Подвиг народа», «Память народа») // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии. 2021. №. 3. С. 170-181.

© Ефимов А.В., 2026

УДК 93/94

А.И. Сайфуллина
студентка УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

A.I. Saifullina
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Yu. S. Usova

ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК В РОССИИ, ГЕРМАНИИ И ЯПОНИИ

THE MEMORY OF THE SECOND WORLD WAR: COMPARATIVE ANALYSIS OF COMMEMORATIVE PRACTICES IN RUSSIA, GERMANY AND JAPAN

Аннотация: Данная работа представляет собой сравнительное исследование коммеморативных практик, связанных с Второй мировой войной, в России, Германии и Японии. На основе анализа основных коммеморативных нарративов и конкретных исторических примеров выявляются ключевые различия в подходах к осмыслению и увековечиванию памяти о войне. Особое внимание уделено политизации памяти, роли мемориалов и законодательным ограничениям.

Abstract: This work is a comparative study of commemorative practices related to the Second World War in Russia, Germany and Japan. Based on the analysis of the main commemorative narratives and specific historical examples, key differences in approaches to understanding and perpetuating the memory of the war are revealed. Special attention is paid to the politicization of memory, the role of memorials and legislative restrictions.

Ключевые слова: Вторая мировая война, коммеморативные практики, историческая память, Россия, Германия, Япония, Великая Отечественная война, Холокост, Ясукуни, Нюрнбергский процесс.

Keywords: World War II, commemorative practices, historical memory, Russia, Germany, Japan, Great Patriotic War, Holocaust, Yasukuni, Nuremberg Trials.

Коммеморативные практики, как важный аспект культурной и социальной жизни общества, играют значительную роль в формировании национального самосознания и межгосударственных отношений [8, с. 583]. Они представляют собой систему ритуалов, памятных мест, календарных дат и законодательных актов, направленных на сохранение памяти о значимых исторических событиях [6]. В контексте исторических травм, таких как войны и геноцид, коммеморативные практики становятся не только способом увековечения, но и инструментом преодоления коллективной боли. Историческая травма часто проявляется в виде коллективного горя, утраты и чувства несправедливости, сохраняясь в культуре и влияя на современное общество [3].

Актуальность исследования обусловлена политизацией памяти, когда в условиях глобализации государства активно используют исторические нарративы для консолидации обществ, что нередко приводит к манипуляции коллективной памятью. Кроме того, цифровая эпоха, включая социальные сети

и виртуальные мемориалы, ускоряет распространение альтернативных нарративов, усложняя диалог между странами.

На примере Второй мировой войны, которая продолжалась с 1939 по 1945 гг. и унесла, по разным оценкам, от 70 до 85 миллионов жизней, что составило около трех процентов населения планеты, отчетливо видно, как одно событие отражает уникальные исторические траектории каждой из вовлеченных стран. Советский Союз потерял 26,6 миллиона человек, Германия – около 7,4 миллиона, из которых 5,3 миллиона приходится на военнослужащих, а Япония – 2,7 миллиона, включая жертв атомных бомбардировок и боевых действий на Тихом океане [7].

В России, где война известна как Великая Отечественная и охватывает период с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г., доминирует нарратив о героической борьбе советского народа против нацизма и решающей роли СССР в освобождении Европы. Победа является ключевым элементом российской национальной идентичности, а День Победы, отмечаемый 9 мая, самым главным и почитаемым праздником. Акцент делается на огромных жертвах, понесенных советским народом, среди которых особенно выделяется блокада Ленинграда, длившаяся с 8 сентября 1941 г. по 27 января 1944 г. и унесшая, по разным данным, от шестисот тысяч до полутора миллионов жизней. Память об этих событиях увековечена в мемориалах, таких как Пискарёвское кладбище в Санкт-Петербурге и «Дорога жизни», а также в монументальных комплексах, подобных Мамаеву кургану в Волгограде, где статуя «Родина-мать зовет!» высотой 85 метров символизирует перелом в Сталинградской битве, крупнейшем сухопутном сражении в истории.

Коммеморативные практики в России включают масштабные военные парады, которые с 2008 г. вновь проводятся с демонстрацией тяжелой техники, а также массовое гражданское движение «Бессмертный полк», зародившееся в 2012 г. и собиравшее в 2019 г. более 10 миллионов участников. Важнейшую роль играет и законодательное закрепление памяти: с 2014 г. в Уголовном кодексе РФ действует статья 354.1, запрещающая реабилитацию нацизма и отрицание решений Нюрнбергского трибунала, а в 2020 г. в Конституцию была внесена поправка о защите исторической правды о подвиге народа. При этом в обществе ведутся дискуссии о предвоенном периоде, в частности, о пакте Молотова-Риббентропа 1939 г., однако официальный нарратив сохраняет героический фокус [2].

В Германии память о Второй мировой войне прошла сложный путь от отрицания и вытеснения в первые послевоенные годы до глубокого чувства вины и ответственности, которое сегодня является центральным элементом национального самосознания. Отправной точкой здесь стал Нюрнбергский процесс 1945–1946 гг., на котором Международный военный трибунал признал руководство нацистской Германии преступной организацией, что создало юридическую основу для последующей коммеморации. Ключевым понятием немецкой культуры памяти является «Vergangenheitsbewältigung», то есть преодоление прошлого, которое с 1960-х гг. реализуется через обязательное изучение истории нацизма в школах и широкую сеть мемориалов. Особое

значение придается признанию Холокоста – убийства 6 миллионов европейских евреев, а также геноцида цыган, уничтожения около 3,3 миллиона советских военнопленных и пациентов психиатрических клиник. Ярким символом раскаяния стал жест канцлера Вилли Брандта, который в 1970 г. встал на колени перед памятником жертвам Варшавского гетто. В современном Берлине действует целая сеть мемориалов: Мемориал убитым евреям Европы, открытый в 2005 г. и представляющий собой поле из 2712 бетонных стел, Мемориал цыганам (2012 г.) и Мемориал гомосексуалам (2008 г.). На местах бывших концентрационных лагерей, таких как Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен и Аушвиц-Биркенау на территории Польши, созданы музеи под открытым небом. Музей-мемориал «Концлагерь Дахау» расположен вблизи города Дахау, на территории бывшего завода по изготовлению боеприпасов. Он был открыт в 1955 г. по инициативе выживших заключенных этого концлагеря. В музее представлены постоянные и специальные выставки, рассказывающие о жизни и смерти узников Дахау. Днем памяти жертв национал-социализма в Германии является 27 января – дата освобождения Аушвица в 1945 г., когда проходят официальные церемонии в бундестаге. Законодательство ФРГ, в частности параграф 130 Уголовного кодекса, строго запрещает отрицание Холокоста и демонстрацию нацистской символики.

В Германии создано и действует множество мемориалов, посвященных событиям Второй мировой войны. Среди них Мемориал павшим советским воинам в Трептов-парке (Берлин). Это крупнейший мемориал за пределами бывшего СССР. Этот мемориал посвящен 80 000 красноармейцев, которые пали в боях за Берлин. Другим памятным местом в Берлине является Мемориал павшим советским воинам в Тиргартене. Он был открыт в ноябре 1945 г., представляет собой колоннаду со статуей советского воина, по обеим сторонам от которой стоят танки Т-34 и пушки-гаубицы. На мемориальных досках увековечены имена погибших солдат и офицеров советской армии. Следующий важный мемориальный комплекс Германии расположен в Бранденбурге (70 км восточнее Берлина) – Мемориальный комплекс «Зееловские высоты». Здесь похоронены более 30 000 человек, известны имена 193 из них. Над захоронениями возвышается скульптура советского солдата, работы скульпторов В. Е. Цигаля и Л. Е. Кербеля.

Еще одним важным местом памяти является музей «Топография террора» в Берлине. Это музей на месте бывших зданий гестапо и СС. Экспозиция этого музея включает в себя документы и экспонаты, связанные с нацистским режимом.

Также в Германии работает ряд музеев, посвященных Второй мировой войне и преступлениям нацистов. В первую очередь необходимо упомянуть германо-российский музей «Берлин-Карлсхорст». Он был открыт в здании, где 8 мая 1945 г. был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. В экспозиции представлены материалы о войне на Восточном фронте и советско-германских отношениях, включая стол, за которым был подписан ант о безоговорочной капитуляции, форма и личные вещи солдат обеих армий.

Если говорить о коммеморативных практиках отдельных германских земель, необходимо отметить «неделю памяти», которую проводят в Дрездене. Эту неделю приурочивают к годовщине бомбардировок города в ходе Второй мировой войны. Важнейшей целью данного мероприятия является призыв к рефлексии о произошедшем. Также, согласно Договору об объединении от 1990 г. ФРГ взяла на себя обязательства по уходу за захоронениями советских солдат, военнопленных, цвангсарбайтеров и узников концлагерей, погибших во время войны [9].

Важно отметить, что в ГДР память была иной: акцент делался на антифашистской борьбе, а еврейские жертвы долгое время оставались на периферии. После объединения Германии в 1990 г. доминирует общегерманский нарратив ответственности, хотя опросы показывают, что около 40 процентов немцев считают, что пора «перевернуть страницу», государственная политика продолжает линию покаяния [4].

Таким образом, важно подчеркнуть, что коммеморативные практики в Германии направлены не только на сохранение памяти о прошлом, но и на формирование критического осмысления истории, предотвращение повторения подобных трагедий в будущем. Они играют важную роль в процессе денацификации и построении демократического общества в настоящем.

Наиболее противоречивой и политизированной память о Второй мировой войне является в Японии. Доминирующий здесь нарратив сосредоточен на страданиях японского народа, прежде всего на атомных бомбардировках Хиросимы 6 августа 1945 г., унесших около 140 тысяч жизней, и Нагасаки 9 августа 1945 г., где погибло около 70 тысяч человек, а также на ковровой бомбардировке Токио 10 марта 1945 г., жертвами которой стали до 100 тысяч человек. При этом ответственность Японии за развязывание войны и совершенные ею военные преступления, включая Нанкинскую резню 1937–1938 гг. и создание системы «станций утешения», где в сексуальное рабство были обращены от 50 до 200 тысяч женщин из оккупированных стран, часто затушевывается или прямо отрицается. Ключевым яблоком раздора является храм Ясукуни в Токио, основанный в 1869 г., где почитаются души 2,5 миллиона погибших за Японию, включая 14 военных преступников класса «А», казненных по приговору того же Нюрнбергского трибунала, среди которых премьер-министр военного времени Хидэки Тодзё. Регулярные посещения этого храма японскими премьер-министрами, происходившие в 2001, 2004, 2013 и 2021 гг., вызывают резкие дипломатические протесты со стороны Китая, Южной Кореи и России. В противовес этому в Хиросиме и Нагасаки созданы Парки Мира с Атомным куполом, который является объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО, и ежегодно 6 и 9 августа проходят церемонии с возложением списков погибших, акцентирующие внимание на ядерном разоружении, но не на японской агрессии. Особую остроту проблеме придает содержание японских школьных учебников истории, в которых консервативные издательства, такие как «Фукуродзя», неоднократно смягчали или вовсе отрицали факты Нанкинской резни и существование «станций утешения». В

2021 г. правительство Японии утвердило учебники, называющие эти события спорными, что вызвало новый дипломатический скандал.

В отличие от России и Германии, в Японии отсутствуют законы, запрещающие отрицание военных преступлений, зато существует культ национальных героев войны, а принятый в 2014 г. закон о защите государственной тайны ограничивает доступ к архивам императорской армии. День окончания войны, отмечаемый 15 августа в годовщину капитуляции 1945 г., проводится как государственная церемония, но для соседних стран он остается днем памяти жертв японского милитаризма. В самом японском обществе существует раскол: действуют пацифистские движения, например, ассоциации хибакуся – переживших атомные бомбардировки, и одновременно сильны правые группы, отрицающие агрессию. Опросы показывают, что лишь около пятнадцати процентов японцев считают, что их страна вела несправедливую войну [1].

Таким образом, коммеморативные практики, посвященные Второй мировой войне в России, Германии и Японии, являются прямым отражением их разного исторического опыта, политических целей и национальных идентичностей. Россия строит свою память вокруг героической победы и патриотизма, Германия- вокруг чувства вины и ответственности за Холокост, а Япония- вокруг образа жертвы, особенно ядерной, без полного и искреннего признания собственной агрессии. Эти практики нацелены на формирование новых поколений граждан, и сегодня наиболее остро стоит вопрос о сохранении этой памяти не только как дани уважения прошлым трагедиям, но и как инструмента для избегания повторения подобной трагедии в настоящем и будущем. Несмотря на осознание своих ошибок в прошлом, в странах бывшей «оси» существует заметная тенденция сгладить воспоминания о преступлениях прошлых поколений, что может негативно сказаться на возрождении милитаристских и нацистских идей.

Литература:

1. Hirschberger G. Collective trauma and the social construction of meaning / Gilad Hirschberger // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. P. 1441.

2. Большакова О.В. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953 / РАН, Ин-т рос. истории. М.: РОССПЭН, 2000. 230 с.

3. Коваленко Л.Г. Некоторые особенности политики памяти в свете глобальных событий современности // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2020. № 36. С. 11–17. [Электронный ресурс]. URL: https://ashpi.asu.ru/prints/pdf/dn36.pdf#page=11 (дата обращения: 09.04.2026).

4. Лёзина Е.В. Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 3 (103). [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-izmeneniya-ofitsialnoy-kollektivnoy-pamyati-na-primere-poslevoennoy-frg (дата обращения: 12.04.2025).

5. Мегилл А. Историческая эпистемология / пер. М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимонина. М.: Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.

6. Нора П. Франция-память. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. 328 с.

7. Оверманс Р. Вторая мировая война: людские потери / Р. Оверманс // Демоскоп Weekly. 2005. № 211–212. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0211/analit04.php (дата обращения: 12.04.2025).

8. Тухватуллин Р.Р., Шаяхметов Ф.Ф. Политика памяти и коммеморативные практики в консолидации российского общества в условиях современных вызовов (на примере Республики Башкортостан) // Евразийский юридический журнал. 2024. № 12 (199). С. 582-584.

9. Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik über die Herstellung der Einheit Deutschlands (Einigungsvertrag) [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/einigvtr/EinigVtr.pdf (дата обращения: 12.04.2026).

© Сайфуллина А.И., 2026

УДК 94(510)

А.И. Сайфуллина, А.А. Гарипова
студентки УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

A.I. Saifullina, A.A. Garipova
students, UUST, Ufa
Scientific supervisor – associate professor Yu. S. Usova

ОБРАЗ «ВЕКА УНИЖЕНИЙ» В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ: КАК ОПИУМНЫЕ ВОЙНЫ СТАЛИ СИМВОЛОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАВМЫ И ИНСТРУМЕНТОМ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ

THE IMAGE OF THE "AGE OF HUMILIATION" IN MODERN CHINESE MEMORY POLICY: HOW THE OPIUM WARS HAVE BECOME A SYMBOL OF NATIONAL TRAUMA AND AN INSTRUMENT OF LEGITIMATION OF POWER

Аннотация: В статье анализируется роль образа «века унижений» (1840–1949 гг.) в современной политике памяти Китайской Народной Республики. На примере опиумных войн как нарративного фокуса рассматриваются механизмы конструирования национальной травмы и её использование в целях легитимации власти.

Abstract: The article analyzes the role of the image of the "Century of Humiliation" (1840-1949) in the modern memory politics of the People's Republic of China. Using the Opium Wars as a narrative focus, the article examines the mechanisms of constructing national trauma and its use for the purpose of legitimizing power.

Ключевые слова: «Век унижений», опиумные войны, политика памяти, национальная травма, легитимация власти, культурная память, Китай, патриотическое воспитание, исторический нарратив, Коммунистическая партия Китая.

Keywords: Century of Humiliation, Opium Wars, memory politics, national trauma, legitimation of power, cultural memory, China, patriotic education, historical narrative, Chinese Communist Party.

В современном Китае историческая память превратилась в один из ключевых ресурсов политической легитимации. Особое место в этой системе занимает нарратив о «столетии унижений», периоде с 1840 по 1949 гг., который в официальной историографии определяется как время национального упадка, иностранной агрессии и утраты суверенитета. Центральным событием, открывающим этот период, стали опиумные войны (1840–1842 и 1856–1860 гг.) [6, с. 154-155], которые в современной политике памяти КНР выполняют функцию нарративного фокуса, конденсирующего весь комплекс представлений о внешней угрозе и необходимости национального возрождения.

Официальный нарратив о «веке унижений» получил свое нормативное закрепление в преамбуле действующей Конституции КНР 1982 г. (с поправками 2018 г.). Предшествующие конституции (1954, 1975 и 1978 гг.) также содержали исторические преамбулы, однако именно Конституция 1982 г. является действующим основным законом, и именно в ней в окончательном виде сформировалась та формула исторической памяти, которая воспроизводится в современной политике памяти [7]. Этот текст, имеющий не только юридическое, но и символическое значение, задает фундаментальные параметры исторической памяти. В нем утверждается, что после 1840 г. Китай «постепенно превратился в полуколониальное, полуфеодальное государство», а китайский народ «один за другим поднимал героическую борьбу» [7]. Преамбула выполняет несколько ключевых функций: во-первых, она устанавливает хронологическую рамку, маркируя 1840 г. как точку отсчета национального упадка; во-вторых, вводит оценочную категорию «полуколониального, полуфеодального», формулу, заимствованную из советской историографии, которая закрепляет представление о тотальной внешней и внутренней эксплуатации; в-третьих, выстраивает телеологическую структуру истории, в которой движение от унижения к возрождению становится возможным только под руководством Коммунистической партии Китая [7; 10].

Эта конституционная основа получила дальнейшее развитие в Законе о патриотическом воспитании, принятом 24 октября 2023 г. и вступившем в силу 1 января 2024 г. Данный нормативный акт знаменует собой переход от идеологической работы к правовой обязательности единого исторического нарратива [5; 11]. Закон определяет патриотическое воспитание как «дело всего народа, обязанность всех граждан» и требует включения патриотического компонента в национальную систему образования. Статья 12 устанавливает, что «историческое просвещение должно подчёркивать значение борьбы китайского народа за национальную независимость и освобождение» [5]. Важно отметить, что, хотя опиумные войны прямо не названы в тексте закона, отсылка к «борьбе за национальную независимость» неизбежно актуализирует именно этот нарратив, начинающийся с 1840 г.

Особое значение имеет институциональный аспект закона: он предписывает создание патриотических баз (музеев, мемориалов, памятных мест) и их использование для воспитания, а также предусматривает ответственность за «действия, оскорбляющие национальные символы, отрицающие героические подвиги» [5]. Как отмечают исследователи, данный закон превращает память о «веке унижений» из идеологического конструкта в юридически обеспеченную норму, нарушение которой влечет административные или уголовные последствия [11]. В контексте политики памяти это означает, что альтернативные интерпретации периода 1840–1949 гг. оказываются не просто исторически спорными, но юридически маргинализированными.

Для анализа китайской политики памяти продуктивной представляется теоретическая рамка, предложенная Яном и Алейдой Ассманами. В рамках их подхода различаются два типа памяти: коммуникативная, передающаяся в неформальном общении в пределах трех поколений, и культурная, институционализированная, канонизированная память, закрепленная в текстах, ритуалах и памятниках [3]. Культурная память имеет тенденцию к «фигуративности», то есть сведению сложной исторической реальности к ярким образам, которые становятся носителями коллективных смыслов.

Алейда Ассман, развивая эту теорию, акцентирует внимание на феномене травмы как результате разрыва между опытом поколения и его символической обработкой. Травматические события, согласно ее подходу, могут использоваться для консолидации группы, но характер этой консолидации зависит от того, осуществляется ли «проработка» прошлого или же травма постоянно актуализируется для поддержания мобилизационного режима [3].

Применительно к Китаю ассмановская оптика позволяет выявить несколько ключевых характеристик. Во-первых, опиумные войны в официальном нарративе превращаются из сложного исторического события (с участием различных акторов, с противоречивыми последствиями) в фигуру памяти, символ абсолютного унижения, внешней агрессии и национальной слабости. Во-вторых, государство выступает монопольным носителем культурной памяти, определяя, что входит в канон, а что подлежит забвению. В-третьих, политика памяти в Китае ориентирована не на «проработку» травмы, а на её постоянную актуализацию для поддержания мобилизационного режима.

Однако следует учитывать, что модель Ассманов разработана на материале западных политик памяти (прежде всего немецкой и израильской). В китайском контексте отсутствуют институции публичного столкновения разных версий прошлого, что делает «культурную память» в ассмановском смысле синонимом государственной монополии, а не результатом общественного консенсуса [1; 12].

Опиумные войны занимают особое место в китайском историческом нарративе. Первая опиумная война (1840–1842) завершилась подписанием Нанкинского договора, по которому Китай уступил Великобритании Гонконг, открыл для иностранной торговли пять портов и согласился на выплату крупной контрибуции. Вторая опиумная война (1856–1860) привела к еще более тяжелым последствиям: разграблению и сожжению императорского дворца и подписанию новых неравноправных договоров [10].

В современной политике памяти эти события выполняют функцию нарративного фокуса. Как отмечается в исследованиях, «100 лет национального унижения» – это концепция, определяющая исторический характер современного Китая на протяжении столетия после опиумных войн. Она отсылает к «великому унижению, которое китайский народ пережил в современной китайской истории от опиумных войн до основания Китайской Народной Республики, когда он был вынужден подписывать неравноправные договоры под давлением империалистического капитала и вооруженного вторжения, что повлекло ущемление значительной части национальных интересов и государственного суверенитета» [4; 10].

Механизмы трансформации исторического события в травму включают несколько уровней. На уровне образования исторический нарратив интегрируется в школьные программы и учебники, где опиумные войны представлены как начало «столетия унижений». В музеях и на мемориальных объектах эти события визуализируются и эмоционализируются, превращаясь из сухих фактов в переживаемый опыт. В кинематографе и литературе опиумные войны становятся сюжетной основой для формирования национальной идентичности [9]. Как показывает анализ романа Ребекки Куанг «Опиумная война», современные художественные интерпретации этого события намеренно помещают проблематику реального мира в вымышленную вселенную, что позволяет завуалированно переработать актуальные общественные проблемы и осмыслить вопросы памяти и травмы китайского народа [9].

Особое значение в этом процессе придается понятию «неравноправный договор», которое является «ядром концепции национального унижения, ясно подчеркивающим несправедливость нарушения национального суверенитета» [9]. С 1842 по 1943 гг., как отмечается в исследованиях, было подписано более тысячи неравноправных договоров, соглашений и хартий с западными державами [4; 10]. Эта цифра создает ощущение систематического и длительного угнетения, которое не могло быть преодолено без радикальной смены политической системы.

Центральная функция нарратива о «веке унижений» – легитимация власти Коммунистической партии Китая. В официальном историческом нарративе выстраивается жесткая бинарная оппозиция: период с 1840 по 1949 гг. определяется как время упадка и унижения, а основание КНР в 1949 г. – как точка начала национального возрождения. Ключевым звеном в этой конструкции является утверждение, что только Коммунистическая партия смогла прервать «век унижений» и восстановить суверенитет страны [7; 10].

Этот нарратив имеет несколько аспектов. Во-первых, он дискредитирует предшествующие политические силы, прежде всего Гоминьдан, который в официальной историографии изображается как коррумпированный и неспособный защитить национальные интересы. Во-вторых, он создает образ КПК как единственной силы, способной консолидировать нацию и противостоять внешним угрозам. В-третьих, он формирует телеологическую перспективу, в которой современная история Китая предстает как поступательное движение от слабости к возрождению.

Особое значение эта легитимационная функция приобретает в контексте концепции «китайской мечты», выдвинутой Си Цзиньпином. В рамках этой концепции окончание «столетия унижений» связывается с приходом КПК к власти в 1949 г., а современная история Китая рассматривается как путь к «великому возрождению китайской нации». Это позволяет представить текущую политическую систему не как один из возможных вариантов развития, а как закономерный итог исторического процесса, в котором КПК выступает единственным агентом национального возрождения [4; 10].

Как отмечается в исследованиях, «национальное унижение» обладает двойственной природой: это одновременно самокритика (осознание собственной слабости в прошлом) и внешнее сопротивление (противостояние иностранной агрессии). Именно эта двойственность делает нарратив особенно эффективным инструментом легитимации: он позволяет мобилизовать общество вокруг образа внешнего врага, одновременно внушая мысль о необходимости сильной централизованной власти [10].

Нарратив о «веке унижений» активно используется и во внешнеполитическом дискурсе. Опиумные войны и последовавшая за ними эпоха неравноправных договоров создают исторический контекст, в котором любые современные территориальные споры или международные конфликты могут быть представлены как продолжение «столетия унижений». Это позволяет интерпретировать современную внешнюю политику Китая как «недопущение повторения унижений» и «защиту национального суверенитета», что придает ей моральную легитимность в глазах внутренней аудитории [4; 10].

Особенно отчетливо эта логика проявляется в территориальных спорах в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, а также в отношениях с Японией и США. Историческая память об опиумных войнах и других формах иностранного вмешательства актуализируется в дипломатической риторике, создавая образ «враждебного окружения» и необходимости поддержания сильной централизованной власти для защиты национальных интересов.

Важно отметить, что «национальное унижение действует как движущая сила национализма в ситуации, когда оно остается исторической памятью, а не продолжающимся процессом» [10]. Это означает, что актуализация травматического прошлого служит не столько отражением реальных угроз, сколько инструментом мобилизации, позволяющим консолидировать общество вокруг политического руководства.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что образ «века унижений» в современной китайской политике памяти выполняет три основные функции: легитимационную, консолидирующую и мобилизационную.

Легитимационная функция реализуется через утверждение тезиса о том, что только Коммунистическая партия Китая смогла прервать «столетие унижений» и восстановить национальный суверенитет. Консолидирующая функция связана с созданием образа общей травмы, который объединяет китайское общество вокруг единой исторической идентичности. Мобилизационная функция проявляется в актуализации травматического прошлого для обоснования

внешнеполитических позиций и мобилизации населения в поддержку государственной политики.

Особенность китайского кейса заключается в том, что травма «века унижений» не подлежит «проработке» в ассмановском смысле, а постоянно актуализируется для поддержания мобилизационного режима. Это превращает историческую память из объекта академического исследования в инструмент политического управления, эффективность которого определяется не столько исторической достоверностью, сколько способностью обеспечивать лояльность населения и легитимность существующей политической системы.

Литература:

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / перевод с немецкого Б. Хлебникова. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / перевод с немецкого М.М. Сокольской. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

3. Ассман Я. Интервью о культурной памяти; беседовал П. Горелов // Экономический обозреватель. 2015. 11 декабря.

4. Горбачева Д.А. Синергия государственных и учебных структур в укреплении патриотических ценностей в вузах Китая // Вестник Западно-Казахстанского университета. 2023. № 4. С. 35–40.

5. Закон Китайской Народной Республики о патриотическом воспитании: [принят 24 окт. 2023 г.; вступ. в силу 1 янв. 2024 г.]. // Сайт Национального народного конгресса КНР. [Электронный ресурс]. URL: http://www.npc.gov.cn (дата обращения: 06.04.2026).

6. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

6. Конституция Китайской Народной Республики: [принята 4 дек. 1982 г.] : преамбула. Редакция от 11.03.2018. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_КНР_(1982) / Редакция_11.03.2018 (дата обращения: 06.04.2026).

7. Куликов Е.А. Восток реальный и вымышленный в романе Р. Куанг «Опиумная война» // МНКО. 2022. № 6 (97). [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vostok-realnyy-i-vymyshlennyy-v-romane-r-kuang-opiumnaya-voyna (дата обращения: 06.04.2026).

8. Усова Ю.С., Франк Е.К. Особенности культурного самоопределения населения Новой Англии и Британской Вест-Индии в 1620-1689 гг. // Общество: философия, история, культура. 2025. № 8(136). С. 156-161.

9. Kim S. National Humiliation and the Politics of Memory in Modern China // Journal of Chinese Studies. 2024. № 86. P. 281–297. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/neverforgetnatio0000wang (дата обращения: 06.04.2026).

10. RFI. Китай законодательно вводит патриотическое воспитание // RFI. 2023. 29 июня. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rfi.fr/ru/ (дата обращения: 06.04.2026).

11. Vergangenheitsbewältigung in der VR China: Die Aufarbeitung der Hungersnot im Großen Sprung nach vorn. // Institut für Asienkunde Hamburg. 2007. 45 S.

© Сайфуллина А.И., Гарипова А.А., 2026

Секция: «Войны, конфликты и сотрудничество в Евразии»

УДК 94+327(47+597)

Д.В. Агеев
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ф.Ф. Шаяхметов

D.V. Ageev
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor F.F. Shayakhmetov

ПОМОЩЬ СССР И КИТАЯ СЕВЕРНОМУ ВЬЕТНАМУ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1965-1975

USSR AND CHINA AID TO NORTH VIETNAM DURING THE 1965-1975 WAR

Аннотация: Данная статья посвящена военно-политической поддержке Северного Вьетнама со стороны СССР и Китая во время Вьетнамской войны. Рассматриваются ключевые формы их военной и экономической помощи, а также дипломатической поддержки Вьетнама на международной арене. Утверждается, что, несмотря на политико-идеологические разногласия, СССР и КНР оказали Вьетнаму огромную помощь и сыграли важную роль в победе вьетнамского народа в войне против агрессии США.

Abstract: This article is devoted to the military and political support of North Vietnam by the USSR and China during the Vietnam War. The key forms of their military and economic assistance, as well as diplomatic support for Vietnam in the international arena, are considered. It is argued that, despite their political and ideological differences, the USSR and the PRC provided significant assistance to Vietnam and played an important role in the Vietnamese people's victory in the war against US aggression.

Ключевые слова: Вьетнамская война, Вьетнам, США, СССР, Китай, вооружение, дипломатия.

Keywords: Vietnam War, Vietnam, USA, USSR, China, weapons, diplomacy.

Актуальность темы данной статьи обусловлена необходимостью обновленного осмысления роли СССР и Китая во Вьетнамской войне, ставшей ключевым эпизодом противостояния двух военно-политических блоков во главе с США и СССР во время холодной войны. Изучение помощи СССР и Китая Вьетнаму позволяет глубже понять, как внешние факторы влияли на ход конфликта и победу вьетнамского народа в важнейшей для страны войне за свободу и независимость. Особого внимания заслуживает политика СССР и Китая, которые, несмотря на глубокие противоречия в двусторонних отношениях, приведшие к ослаблению единого социалистического блока, продолжали оказывать помощь воюющему Вьетнаму. Помощь союзников, а также подъем пацифистского движения в самих США и во всем мире сыграли важную роль в победе вьетнамского народа в войне против иностранной агрессии, свободу и независимость.

Данная тема сохраняет актуальность, поскольку она позволяет провести параллели с текущими геополитическими вызовами и угрозами безопасности и

миру, исходящими от тех же США и других стран Запада. Сегодня мы наблюдаем новую волну геополитического соперничества, где крупные державы активно используют инструменты мягкой и жёсткой силы для расширения влияния. Опыт прошлого показывает – внешняя поддержка (военная, экономическая, инфраструктурная и др.) стране, ставшей жертвой агрессии США, и мировое общественное мнение остаются мощным инструментом противостояния экспансионистской политике стран западного мира. Изучение того, как СССР и Китай даже в условиях конфронтации в двусторонних отношениях были способны на оказание помощи Вьетнаму, способствует прогнозированию последствий современных геополитических кризисов и угроз.

Изучение данной темы также имеет практическую значимость для анализа современных отношений между Россией и Вьетнамом, развивающих стратегическое партнёрство. Анализ исторического опыта советской и китайской помощи также помогает лучше понять логику внешней политики Вьетнама в современном мире, а также выявить перспективы развития и проблемные сферы в трёхстороннем сотрудничестве между Россией, Китаем и Вьетнамом в условиях современной геополитической турбулентности.

Ключевым тезисом нашего исследования в данной статье является то, что разносторонняя помощь Демократической Республике Вьетнам (ДРВ) в войне против американской агрессии со стороны СССР и Китая не только стала важным фактором военной победы вьетнамского народа и последующего объединения Вьетнама, но и заложила основы послевоенного устройства международного положения в Восточной и Юго-Восточной Азии, сохранявшегося вплоть до окончания холодной войны.

Идеологическое противостояние с США выступало ключевым фактором советской поддержки Северного Вьетнама и было направлено на сдерживание американского влияния в регионе. Москва, рассматривая себя в качестве признанного лидера международного коммунистического движения, помимо моральной поддержки, оказало всестороннюю военную и иную помощь воюющему Вьетнаму. Война во Вьетнаме стала мощным катализатором и одновременно сложным узлом в отношениях внутри «стратегического треугольника» США – КНР – СССР, сформировавшегося в условиях глобального противостояния в эпоху холодной войны [3]. Вьетнамская война превратила этот регион в «поле битвы» трёх держав, где каждая пыталась продвинуть свои интересы, одновременно играя на стратегических противоречиях своих оппонентов. В выигрыше оказались вьетнамские патриоты, которые использовали противоречия между СССР и Китаем для получения помощи и достижения великой победы в войне против США.

Стратегическая помощь Вьетнаму рассматривалась в советской политике как инструмент расширения геополитического присутствия в Юго-Восточной Азии. Москва стремилась укрепить свою позицию в регионе и ограничить свободу действий не только США, но и Китая. Этот подход был направлен на формирование баланса сил в регионе без непосредственного масштабного вовлечения в военный конфликт.

Как и в предыдущие эпохи, Китай рассматривал весь Индокитай, включая Вьетнам, в качестве важнейшей буферной зоны стратегической безопасности, прикрывающей южные границы страны. В условиях беспрерывных войн в Индокитае, развернувшихся сразу после Второй мировой войны, руководство КНР было крайне заинтересовано в срыве планов США по проникновению в регион в качестве покровителя марионеточного правительства Южного Вьетнама. Поддержка Вьетнама воспринималась как необходимая мера для защиты собственных рубежей от США, которые в случае успеха в Вьетнамской войне могли установить контроль над южными границами Китая по линии Индокитай – Гонконг – Тайвань.

Помимо защиты от американской угрозы, Китай проводил политику идеологического проникновения в страны «третьего мира», оказывая поддержку антиимпериалистическим движениям. Дискредитируя политику СССР как ревизионистскую, Китай стремился ослабить влияние Москвы как ведущего авторитета в постколониальных странах. Следует сказать, что активная политика Китая на мировой арене отражалась не только в «третьем мире», но и в странах Запада, в которых как одна из наступательных форм левых идеологий маоизм получил довольно широкое распространение, успешно конкурируя с такими зарождавшимися левыми идеологиями, как «новые левые» и неомарксизм.

После Тонкинского инцидента – нападения на американский эсминец Мэддокс (Maddox), осуществленном, якобы, северовьетнамскими военными катерами в Тонкинском заливе 2 и 4 августа 1964 г. и срочного принятия 7 августа Конгрессом США «Тонкийской резолюции» – американский президент получил полное право «принять все необходимые меры» для защиты интересов США в регионе [4, с. 119]. Эта резолюция стала основой для резкого наращивания американского военного присутствия и полномасштабного участия США в боевых действиях во Вьетнаме без формального объявления войны.

Активное вовлечение США в вьетнамский конфликт стало фактором для начала оказания активной военно-экономической помощи и поддержки Вьетнаму со стороны СССР и Китая. СССР обеспечивал Северный Вьетнам разнообразными видами вооружений, прежде всего, зенитно-ракетными комплексами, авиацией, танками, стрелковым оружием, включая автоматы Калашникова. В числе поставок СССР Северному Вьетнаму были новейшие средства вооружений – истребители МиГ-21 и ЗРК СА-75 «Двина» [6, с. 79], позволившие вьетнамцам создать эффективные средства борьбы с американской авиацией.

Китайская Народная Республика оказывала Северному Вьетнаму значительную военную помощь, которая включала поставки легкого пехотного вооружения, боеприпасов и инженерного оборудования. Эти поставки были критически важны для оснащения многочисленных пехотных подразделений Вьетнамской народной армии. Характер китайской помощи отличался от советской, сосредоточившись на обеспечении базовых потребностей пехоты. В целом, военные поставки СССР и Китая позволили Северному Вьетнаму

эффективно противостоять массированным бомбардировкам американской авиации и сохранять боеспособность.

После 1968 г. наблюдалось сокращение объемов китайской экономической поддержки Северному Вьетнаму. Это изменение было обусловлено еще большим ухудшением советско-китайских отношений, что привело к переориентации Пекина на внутренние проблемы и изменению внешнеполитических приоритетов. Данный фактор оказал влияние на общую динамику иностранной помощи, получаемой Вьетнамом, хотя и не прекратил ее полностью.

Советский Союз активно использовал дипломатические каналы, включая ООН и различные международные форумы, для формирования общественного мнения в пользу Вьетнама. СССР легитимизировал борьбу Вьетнама за независимость на мировой арене, подчеркивая ее освободительный характер. Американская администрация признавала значимость влияния СССР на Ханой, рассматривая его как потенциального посредника в мирных переговорах [5]. Однако переговоры между США и Северным Вьетнамом при посредничестве СССР не привели к успеху во время правления американского президента Л. Джонсона.

После прихода в США к власти Р. Никсон 25 июля 1969 г. на пресс-конференции на острове Гуам выступил с инициативой, вошедшей в историю как Гуамская доктрина [1]. Доктрина была направлена на постепенный вывод американских войск из Вьетнама и передачи функций ведения военных действий армии Южного Вьетнама при военно-технической поддержке со стороны США. «Вьетнамизация» войны во Индокитае стала следствием тяжелых последствий для США политики установления своей гегемонии в Юго-Восточной Азии [2, с. 314].

Последовавшая победа Вьетнама в войне против США стала результатом синергии героизма, патриотизма и общенационального подъема вьетнамского народа, объединившегося за свободу и независимость, и полученной помощи со стороны СССР и Китая. Эта война стала яркой демонстрацией того, как региональные конфликты становятся ареной непрямого соперничества великих держав, формируя многополярные модели влияния, актуальные для анализа современных конфликтов.

Литература:

1. Гуамская доктрина Ричарда Никсона. [Электронный ресурс]. URL: https://ushistory.ru/populjarnaja-literatura/460-guamskaja-doktrina-richarda-niksona (дата обращения: 09.12.2025).

2. Даутов О.Ф., Тухватуллин Р.Р., Шаяхметов Ф.Ф. Политика США в Восточной Азии: конец XX – начало XXI вв. // Политика и практика системной трансформации общественного устройства: построение «социализма с китайской спецификой» и преобразования в СССР и современной России: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: Мир печати, 2018. С. 312-318.

3. Евсеев С.А. «Стратегический треугольник»: Геополитические противоречия США – КНР – СССР в Восточной Азии в конце 1960-х – конце

1970-х гг. // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: гуманитарные науки. 2007. Т. 53. № 14. С. 162-173.

4. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986 гг.). М.: Автор, 1996. 688 с.

5. Зусманович Д.Д. Начало прямой военной интервенции США во Вьетнаме и советско-американские отношения (1964-1965 гг.) // Вестник Моск. ун-та. Серия 8. История. 2013. №2. С. 91-95.

6. Иванов В.В. Советско-вьетнамское сотрудничество и позиция КНР в 1965-1967 годах // Россия и АТР. 2010. №4. С. 66-76.

7. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

© Агеев Д.В., 2026

УДК 327.8

А.В. Акентьева
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Тухватуллин

A.V. Akentyeva
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Tukhvatullin

РОЛЬ И ФУНКЦИИ ПРОГРАММЫ ФУЛБРАЙТА КАК ИНСТРУМЕНТА МЯГКОЙ СИЛЫ США В РОССИИ

THE ROLE AND FUNCTIONS OF THE FULBRIGHT PROGRAM AS AN INSTRUMENT OF U.S. SOFT POWER IN RUSSIA

Аннотация: В статье рассматривается программа Фулбрайта как один из наиболее значимых инструментов «мягкой силы» США на российском направлении. На основе концепции Дж. Ная, официальных документов программы и современной историографии анализируются нормативные основания, институциональная логика и основные функции программы Фулбрайта в России. Показано, что программа выполняла коммуникативную, имиджевую, сетевую, нормативно-ценностную и экспертно-элитную функции. Сделан вывод о том, что эффективность данного инструмента определялась не только академическим престижем США, но и общим состоянием российско-американских отношений.

Abstract: The article examines the Fulbright Program as one of the most significant instruments of U.S. soft power in Russia. Drawing on Joseph Nye’s concept, official program documents, and modern historiography, the study analyzes the normative basis, institutional logic, and key functions of the Fulbright Program in Russia. It is shown that the program performed communicative, image-building, networking, normative-value, and expert-elite functions. The article concludes that the effectiveness of this instrument depended not only on the academic prestige of the United States, but also on the overall state of Russian-American relations.

Ключевые слова: мягкая сила, программа Фулбрайта, США, Россия, публичная дипломатия, образовательные обмены, международные отношения.

Keywords: soft power, Fulbright Program, United States, Russia, public diplomacy, educational exchanges, international relations.

Актуальность обращения к программе Фулбрайта как к инструменту «мягкой силы» США в России обусловлена тем, что в условиях кризиса российско-американских отношений особое значение приобретает анализ невоенных и недирективных способов международного влияния [15, с. 320-321]. Если «жесткая сила» опирается на принуждение, то образовательные и культурные обмены действуют иначе: они формируют долговременные каналы коммуникации, создают устойчивые профессиональные и ценностные связи, влияют на восприятие государства через личный опыт обучения, исследований и повседневного контакта. Программа Фулбрайта занимает здесь особое место, поскольку является старейшим и наиболее узнаваемым американским механизмом академического обмена, на протяжении десятилетий присутствовавшим в советско-американском, а затем и российско-американском гуманитарном взаимодействии [3; 4].

Теоретической основой исследования выступает концепция «мягкой силы» Дж. Ная. В книге ««Обязанность лидировать: меняющаяся природа американской власти» ученый ввел в научный оборот само понятие «мягкая сила», а в работе «Мягкая сила: путь к успеху в мировой политике» системно раскрыл его содержание как способность добиваться желаемых результатов через привлекательность, а не через принуждение и оплату [1; 2]. В логике Ная источниками такой силы выступают культура, политические ценности и внешняя политика государства, если они воспринимаются как легитимные и привлекательные для внешней аудитории [2]. В российской историографии и политологической литературе данная проблематика разрабатывалась, в частности, Е.П. Пановой, рассматривавшей высшее образование как ресурс «мягкой власти» государства [8], Е.А. Антюховой, проанализировавшей образование как один из инструментов политики «мягкой силы» [9], М.В. Братерским и А.С. Скрибой, исследовавшими место «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США [10], а также Н.А. Цветковой, обобщившей теории публичной дипломатии США и показавшей связь образовательных обменов с внешнеполитическими задачами [11; 12]. В англоязычной историографии существенное значение имеют работы У.А. Джеймса о становлении программы Фулбрайта в СССР [5], М. Бетти о ее месте в американской публичной дипломатии [6] и М. Лалли, показавшей, что в официальных оценках эффективности программы наряду с идеей взаимопонимания устойчиво присутствуют и геополитические обоснования [7].

Целью статьи является выявление роли и функций программы Фулбрайта как инструмента «мягкой силы» США в международных отношениях на российском направлении. Для достижения этой цели представляется необходимым, во-первых, соотнести официально декларируемые задачи программы с концепцией «мягкой силы»; во-вторых, определить, какие именно функции программа выполняла в России; в-третьих, установить пределы ее эффективности и зависимость от общего состояния двусторонних отношений.

Нормативно-правовая и институциональная основа программы показывает, что Программа Фулбрайта изначально задумывалась не как узкоспециализированная академическая инициатива, а как часть

внешнеполитической архитектуры США. Так в Законе о взаимном образовательном и культурном обмене 1961 г. (Fulbright–Hays Act of 1961) зафиксировано, что целью акта является укрепление международных отношений Соединенных Штатов путем развития лучшего взаимопонимания между народами мира через образовательные и культурные обмены, содействие международному сотрудничеству и развитие дружественных и мирных отношений [3]. Подписывая этот закон, Дж. Кеннеди прямо назвал образовательные и культурные программы составной частью внешних связей США [4]. Уже на уровне целей видно, что программа совмещает гуманитарную и политическую логику: она декларирует взаимопонимание, но одновременно встроена в систему внешнеполитического действия. Современная организационная модель также подтверждает государственный масштаб программы: её администрирует Бюро по вопросам образования и культуры Государственного департамента США при участии Совета по зарубежным стипендиям Фулбрайта, двусторонних комиссий и посольств. Ежегодно присуждается около 9 тыс. грантов, а всего с 1946 г. в программе приняли участие более 400 тыс. человек из более чем 160 стран [13; 14]. Такой охват превращает Программу Фулбрайта в сеть длительного как профессионального, так и символического присутствия США в мировом образовательном пространстве.

С точки зрения концепции Дж. Ная Программа Фулбрайта представляет собой классический механизм конвертации привлекательности в влияние. Ее действие строится не на прямом навязывании, а на добровольном включении иностранных студентов, аспирантов, преподавателей и исследователей в американскую академическую и культурную среду. Здесь важны не только знания, полученные участниками, но и сама форма опыта: знакомство с университетской инфраструктурой США, научной этикой, принципами академической автономии, системой экспертных коммуникаций и практиками открытой дискуссии. Поэтому Программа производит долговременный эффект не через одноразовый информационный посыл, а через формирование лояльных или, по меньшей мере, заинтересованных в диалоге профессиональных сообществ. В этом смысле она действует как инструмент притяжения, а не принуждения, то есть соответствует базовой логике «мягкой силы» [2].

При этом важно подчеркнуть, что программа Фулбрайта не сводится к пропаганде в узком смысле слова. Как убедительно показывает М. Бетти, в истории программы постоянно существовало напряжение между ее образовательно-культурной миссией и функциями публичной дипломатии [6]. Иными словами, государство использовало обмены как часть внешней политики, но эффективность программы во многом зависела именно от того, насколько она сохраняла академическую достоверность, престиж и относительную автономию от грубо идеологизированного дискурса. Если участники обмена воспринимают программу как инструмент прямого политического давления, её привлекательность снижается; если же она обеспечивает реальные исследовательские и образовательные возможности, то ее влияние, напротив, возрастает. Следовательно, парадокс Программы

Фулбрайта состоит в том, что её внешнеполитическая результативность основана именно на доверии к её академической природе.

На российском направлении особое значение имеет историческая глубина программы. У.А. Джеймс отмечал, что программа Фулбрайта с СССР, созданная в 1973–1974 учебном году, постепенно расширялась по числу участников, дисциплин и географии и в значительной степени зависела от общего состояния советско-американских отношений [5]. Уже этот вывод позволяет увидеть важную особенность: образовательный обмен функционирует как чувствительный индикатор политического климата. В постсоветский период программа получила новые возможности, поскольку исчезли многие административные и идеологические барьеры, а академическая мобильность между Россией и США стала существенно шире. Программа Фулбрайта превратилась в один из наиболее заметных каналов гуманитарного присутствия США в России, обеспечивавший устойчивые связи между университетами, исследовательскими центрами и экспертными сообществами. Даже в период «перезагрузки» российско-американских отношений официальный российско-американский диалог рассматривал Программу Фулбрайта как действующий и подлежащий расширению механизм обменов [15].

Рассматривая функции программы Фулбрайта как инструмента «мягкой силы» США в России, прежде всего следует выделить коммуникативную функцию. Программа создавала относительно устойчивый канал контактов между представителями научного и образовательного сообщества двух стран даже тогда, когда официально-политический диалог испытывал серьезные затруднения. Общение между исследователями, преподавателями, студентами и администраторами образования формировало пространство, в котором происходило не только знакомство с иным обществом, но и выработка практики профессионального взаимодействия. Для «мягкой силы» это принципиально важно: привлекательность государства возрастает тогда, когда оно воспринимается не как абстрактный политический актор, а как совокупность доступных институтов, людей и возможностей. Именно поэтому академический обмен часто переживает дипломатические спады дольше, чем иные формы контакта.

Второй функцией выступала имиджевая функция. Через программу Фулбрайта США представляли себя в России как страну развитой университетской культуры, исследовательских свобод, высокой образовательной конкуренции и открытых карьерных траекторий. Значение этой функции особенно велико для молодых исследователей и преподавателей: в их профессиональном становлении личный опыт соприкосновения с престижными институциями зачастую влияет сильнее, чем любые официальные заявления. Образ США в таком случае формировался не только через медийный дискурс, но и через университетский быт, научные семинары, библиотечные ресурсы, работу научных руководителей, участие в конференциях и междисциплинарных проектах. В терминах Дж. Ная речь идет о производстве привлекательности через культурные и институциональные ресурсы [2].

Третья функция Программы – сетевая. Одним из наиболее значимых результатов программы являлось формирование длительных горизонтальных связей между представителями академических и экспертных кругов. Выпускники Фулбрайта образуют транснациональные сообщества, внутри которых сохраняются контакты, совместные публикационные планы, исследовательские партнерства, экспертные консультации и символический капитал принадлежности к престижной международной программе. Для государства-инициатора это особенно важно, поскольку воздействие переносится из краткосрочного события в долговременную сетевую среду. Участник программы может не разделять всех внешнеполитических позиций США, но при этом оставаться включенным в профессиональные коммуникации, где американские университеты, фонды, академические стандарты и исследовательские практики занимают центральное место. Тем самым создается поле косвенного, но устойчивого влияния.

Четвертая функция – нормативно-ценностная. Образовательный обмен неизбежно связан с передачей не только знаний, но и академических норм: представлений о научной добросовестности, культуре дискуссии, профессиональной автономии, структуре исследовательского проекта, способах организации университетской жизни. Е.П. Панова и Е.А. Антюхова справедливо указывают, что образование в современном мире выходит далеко за пределы подготовки кадров и становится элементом внешнеполитического ресурса государства [8; 9]. В этом смысле программа Фулбрайта выступала в России инструментом мягкой социализации: она не требовала политической лояльности в прямой форме, но погружала участников в среду, где определенные академические и общественные ценности воспринимались как естественные и успешные. Именно такой механизм и составляет одно из наиболее сильных измерений «мягкой силы», поскольку воздействие осуществляется через интериоризацию практик и норм.

Пятая функция – экспертно-элитная. Участниками и выпускниками программы становились люди, которые позже занимали заметные позиции в университетах, научных центрах, культурных учреждениях и экспертных сообществах. Для внешней политики это означает работу не с массовой аудиторией, а с группами, способными влиять на интеллектуальный климат, образовательные приоритеты и общественную интерпретацию международных процессов. В этом отношении программа Фулбрайта была не просто обменом ради обмена, а механизмом долгосрочной работы с потенциальными opinion leaders. М. Лалли, анализируя оценочные документы программы за 1958–2023 гг., показывает, что наряду с идеей взаимопонимания в них просматривается и представление об академических дисциплинах как об источнике геополитического ресурса [7]. Следовательно, использование Фулбрайта как инструмента «мягкой силы» проявлялось не только в культурной репрезентации США, но и в более глубоком формировании сети профессиональных посредников и интерпретаторов.

Вместе с тем эффективность программы имела свои пределы. Во-первых, образовательный обмен не действует автоматически. Сам факт пребывания в

американском университете не гарантирует устойчивой симпатии к американской политике, поскольку участники сохраняют собственные профессиональные и гражданские позиции. Во-вторых, «мягкая сила» всегда зависит от внешнеполитического контекста: привлекательность культуры и институтов может ослабевать под воздействием конфликтов, санкционной политики, взаимного роста недоверия и политизации гуманитарных контактов. В-третьих, в российском случае на программу влияла высокая чувствительность темы внешнего воздействия. Именно поэтому аналитически некорректно сводить Программу Фулбрайта либо к нейтральному академическому обмену, либо к однозначно пропагандистскому инструменту. Его природа двойственна: он сочетает реальную гуманитарную ценность с внешнеполитической функциональностью. Такой вывод согласуется и с подходом Н.А. Цветковой, различающей собственно «мягкую силу» и механизмы ее трансляции через публичную дипломатию [11; 12].

Современное состояние программы подтверждает зависимость её результативности от международной среды. По официальной информации Программы стипендий Фулбрайта (Fulbright Scholar Program), программа для американских ученых в России в настоящее время временно приостановлена [15]. Этот факт показателен не только как административное решение, но и как свидетельство того, что даже наиболее престижные механизмы образовательной дипломатии не существуют вне политических условий. Однако сама многолетняя история программы в России показывает обратное: пока сохранялось хотя бы ограниченное пространство взаимодействия, Фулбрайт выполнял важную компенсаторную функцию, поддерживая каналы профессионального общения в периоды политического охлаждения.

Таким образом, программа Фулбрайта выступала на российском направлении значимым инструментом «мягкой силы» США. Ее роль заключалась не просто в организации академической мобильности, а в формировании устойчивой среды притяжения, где образовательный престиж, институциональная репутация, сетевые связи и ценностные ориентиры американской академической культуры превращались в ресурс международного влияния. Основные функции программы в России состояли в обеспечении коммуникации между профессиональными сообществами, конструировании привлекательного образа США, формировании транснациональных экспертных сетей, передаче академических норм и работе с интеллектуальными элитами. При этом эффективность Фулбрайта напрямую зависела от общего состояния российско-американских отношений: чем выше был уровень политического конфликта, тем уже становилось пространство для действия «мягкой силы». Следовательно, цель статьи может считаться достигнутой: анализ показал, что программа Фулбрайта действительно являлась важным инструментом «мягкой силы» США в России, однако ее влияние было опосредованным, долгосрочным и контекстно зависимым, а потому неотделимым от динамики международной среды, в которой она функционировала.

Литература:

1. Nye J.S. C. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. 307 p.

2. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 191 p.

3. Mutual Educational and Cultural Exchange Act of 1961 // GovInfo. URL: https://www.govinfo.gov/app/details/COMPS-1082 (accessed: 10.04.2026).

4. Kennedy J.F. Remarks Upon Signing the Mutual Educational and Cultural Exchange Act, September 21, 1961 // The American Presidency Project. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-upon-signing-the-mutual-educational-and-cultural-exchange-act (accessed: 10.04.2026).

5. James W.A. A Promising Future: The Fulbright Program with the USSR // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1987. Vol. 491. No. 1. P. 118-125. DOI: 10.1177/0002716287491001011.

6. Bettie M. Ambassadors unaware: the Fulbright Program and American public diplomacy // Journal of Transatlantic Studies. 2015. Vol. 13. No. 4. P. 358-372. DOI: 10.1080/14794012.2015.1088326.

7. Lally M. Geopolitical Implications of Educational Diplomacy: The Fulbright Program, 1958-2023 // Journal of Studies in International Education. 2024. Vol. 28. No. 5. DOI: 10.1177/10283153241275039.

8. Панова Е.П. Высшее образование как потенциал мягкой власти государства // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2(17). С. 157-161.

9. Антюхова Е. А. Образование как «мягкая сила» в современных зарубежных и российских политологических исследованиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 4. С. 197-209. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.4.17.

10. Братерский М.В., Скриба А.С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 130-144.

11. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: теории и концепции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4-1 (54). С. 186-189.

12. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3(42). С. 121-133. DOI: 10.17994/IT.2015.13.3.42.8.

13. FAQ & Contact - Fulbright Program. URL: https://fulbrightprogram.org/about/faq-contact/ (accessed: 10.04.2026).

14. On the Meeting of the Russian-American Presidential Commission // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/en/maps/us/1633679/ (accessed: 10.04.2026).

15. Russia | Fulbright Scholar Program. URL: https://fulbrightscholars.org/country/russia (accessed: 10.04.2026).

16. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
© Акентьева А.В., 2026

УДК 327.7+339.9+332.14

Р.А. Акопян
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Шаяхметов Ф.Ф.

R.A. Akopian
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Shayakhmetov F.F.

КИТАЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ» КАК ВЫЗОВ И ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ ЕВРАЗИИ В XXI ВЕКЕ

THE CHINESE INITIATIVE “ONE BELT, ONE ROAD” AS A CHALLENGE AND FACTOR OF EURASIAN INTEGRATION IN THE 21ST CENTURY

Аннотация: В статье рассмотрена политика китайской инициативы «Один пояс – один путь» в странах Евразийского экономического союза через призму формирования общего евразийского экономического пространства. Показана роль данной инициативы в гармонизации торгового и инфраструктурного законодательства, создании современной транспортно-логистической инфраструктуры для управляемой экономической мобильности, выявлена взаимосвязь функций Евразийского экономического союза и китайской инициативы в обеспечении адаптации экономик, противодействия торговым барьерам и унификации процедур таможенного и инвестиционного учёта.

Abstract: The article examines the policy of the Chinese Belt and Road Initiative in the countries of the Eurasian Economic Union through the prism of the formation of a common Eurasian economic space. It shows the role of this initiative in the harmonization of trade and infrastructure legislation, the creation of modern transport and logistics infrastructure for managed economic mobility, and the interrelation of the functions of the Eurasian Economic Union and the Chinese initiative in ensuring the adaptation of economies, countering trade barriers, and unifying customs and investment accounting procedures.

Ключевые слова: Один пояс – один путь, Евразийский экономический союз, евразийская интеграция, гармонизация законодательства, управляемая мобильность, инфраструктурное развитие.

Keywords: One Belt, One Road, Eurasian Economic Union, Eurasian integration, harmonization of legislation, managed mobility, infrastructure development.

Актуальность исследования связана с современным ростом совокупной мощи Китая и усилением геополитического противостояния с Западом, что повышает значение инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) [3, с. 396] и её сопряжения с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) (до 2030-2045 гг.) для формирования Большого евразийского партнёрства. На фоне попыток Запада дискредитировать ОПОП анализ механизмов устойчивости китайских проектов и адаптации к рискам важен для выявления возможностей сотрудничества для стран ЕАЭС, прежде всего, для России. В литературе китайская инициатива рассматривается в качестве модели инклюзивной

глобализации, которая предполагает участие всех заинтересованных стран в процессе модернизации и развития [9]. Взаимодействие инициативы ОПОП и пространства ЕАЭС часто называется «сопряжением», означающим не слияние двух проектов в один, а попытку их органичной и взаимовыгодной интеграции. ОПОП привносит масштабные инвестиции, растущий экспорт и логистические цепочки для доставки произведенной в Китае самой разнообразной продукции, а ЕАЭС даёт институциональную базу, ресурсы, общий рынок, а также экспорт в Китай продукции стран ЕАЭС.

Главной точкой отсчёта начала сопряжения данной синергии стало Совместное заявление РФ и КНР от мая 2015 г. о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути (сухопутной части ОПОП) [7]. Стороны зафиксировали обоюдную готовность наращивать взаимодействие: формировать общее экономическое пространство, развивать транспортно-логистическую инфраструктуру, углублять торговлю и инвестиции. В 2018 г. стремление к сопряжению была закреплена в Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС (подписана в Санкт-Петербурге) [8].

Согласно Договору о Евразийском экономическом союзе, государства-члены обязались создать открытый общий рынок, обеспечивающий свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы в экономическом пространстве ЕАЭС [1, ст. 1, ст. 4]. Однако растущие процессы интеграции экономик стран ЕАЭС порождают новые вызовы и препятствия, ограничивающие экономическую интеграцию в Евразии. К ним относятся различия в национальном законодательстве, бюрократические препоны и неравномерное экономическое развитие государств-членов. Регулирование общего евразийского рынка осуществляется не только структурами ЕАЭС и национальными правительствами, но и посредством стратегических внешних партнерств [2].

В странах ЕАЭС сотрудничество в рамках китайской инициативы ОПОП действует уже более десяти лет. В контексте интенсивной евразийской экономической интеграции инициатива ОПОП приобретает характер стратегического партнёрства, направленного на построение современной, эффективной и социально ответственной архитектуры континентальных связей [2, с. 4–7]. В 2015 г. Китай и Россия подписали Совместную декларацию о сотрудничестве в строительстве Экономического пояса Шёлкового пути и Евразийского экономического союза, которая заложила основу для согласования двух инициатив и определила ключевые области сотрудничества, включая транспортные коридоры и упрощение процедур торговли в Центральной Азии [7].

Категоричные заявления о противоречии между деятельностью ОПОП и интересами ЕАЭС проистекают из устаревшего понимания рыночных механизмов, которое игнорирует современные парадигмы устойчивого развития [8]. На самом деле Совместная декларация 2015 г. и Договор о ЕАЭС 2014 г. создают единое концептуальное пространство, ориентированное на построение прозрачного, правового и высокоорганизованного Евразийского экономического пространства [1; 7].

Правовое закрепление этого курса отражено в Соглашении об экономическом и торговом сотрудничестве между ЕАЭС и Китайской Народной Республикой, подписанном в мае 2018 г. (вступило в силу в 2019 г.), в котором приоритетными являются не только либерализация, но и всесторонняя защита взаимных инвестиций и упрощение процедур торговли [6].

Ключевой вклад инициативы «Один пояс – один путь» заключается в преобразовании евразийского взаимодействия из стихийного процесса в управляемый стратегический ресурс [4]. Важным элементом правовой базы является Соглашение о сотрудничестве в противодействии незаконной торговле и инвестиционным рискам со стороны третьих стран. Особое значение в этом контексте имеет решение Коллегии ЕАЭС, утверждающее планы по реализации приоритетных направлений экономической политики [7].

Таким образом, китайская инициатива «Один пояс – один путь» выступает не как внешний регулятор, а как конструктивный партнер в построении инновационной модели рынка ЕАЭС [3]. Развитие стратегического партнерства «Один пояс – один путь» и ЕАЭС получает дальнейшее закрепление в решениях Высшего Евразийского экономического совета о внесении изменений в основные направления экономической политики.

Литература:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2024) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru//cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 11.04.2026).

2. Доклад «О функционировании и развитии общего рынка ЕАЭС в 2022–2023 годах». М.: ЕЭК, 2024. 98 с. [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/cd4/Brief_Statistics_Yearbook_2023.pdf (дата обращения: 13.04.2026).

3. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с

4. Концепция экономической политики Российской Федерации на 2025–2035 годы (утверждена Указом Президента Российской Федерации). [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/ (дата обращения: 12.04.2026).

5. О сопряжении планов развития Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс, один путь»/ МИД РФ. 01.07.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767074/ (дата обращения: 10.03.2026).

6. Решение Высшего Евразийского экономического совета «Об Основных направлениях реализации политики в сфере экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза» (принято в г. Ереване 01.10.2019). [Электронный ресурс]. URL: https://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 10.04.2026).

7. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Основных направлений

реализации политики в сфере экономической интеграции» (принято в г. Москве 06.08.2021) [Электронный ресурс]. URL: https://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 14.04.2026).

8. Agreement on Economic and Trade Cooperation between the Eurasian Economic Union and the People's Republic of China (signed in Astana, 17 May 2018) [Электронный ресурс]. URL: https://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 10.04.2026).

9. Liu W., Dunford M. Inclusive globalization: Unpacking China's belt and road initiative // Area Development and Policy. 2016. Vol.1. No.3. P. 323-340. DOI: 10.1080/23792949.2016.1232598. [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1080/23792949.2016.1232598 (дата обращения 15.04.2026).

© Акопян Р.А., 2026

УДК 327

Р.Б. Асанов
магистрант УУНиТ, Уфа
Научный руководитель – к. и. н. доцент Ю.С. Усова

R.B. Asanov
master's student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Y. S. Usova

ВЛИЯНИЕ КОНКУРЕНТНОЙ БОРЬБЫ ЗА ЭНЕРГОРЕСУРСЫ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ИНДИИ

IMPACT OF COMPETITION FOR ENERGY RESOURCES ON INDIA'S ENERGY SECURITY

Аннотация: В статье рассматривается влияние глобальной и региональной конкуренции за энергоресурсы на энергетическую безопасность Индии. Анализируются основные вызовы, связанные с импортом нефти и газа, роль международных энергетических коридоров, а также стратегии Индии по диверсификации поставок и развитию возобновляемой энергетики. Делается вывод, что конкурентная борьба создаёт как риски, так и стимулы для ускорения энергоперехода.

Abstract: The article examines the impact of global and regional competition for energy resources on India's energy security. It analyzes the main challenges related to oil and gas imports, the role of international energy corridors, and India's strategies for supply diversification and renewable energy development. It is concluded that competition creates both risks and incentives for accelerating the energy transition.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, Индия, конкуренция за ресурсы, нефть, газ, диверсификация, возобновляемая энергетика.

Keywords: energy security, India, competition for resources, oil, gas, diversification, renewable energy.

Сегодня энергетическая безопасность является одним из ключевых факторов устойчивого развития любой крупной экономики [2]. Для Индии, которая занимает третье место в мире по объёму потребления первичной энергии и демонстрирует один из самых высоких темпов роста ВВП среди

развивающихся стран, доступ к надёжным, доступным источникам энергоресурсов приобретает стратегическое значение [3]. При этом Индия сталкивается с жёсткой конкурентной борьбой за энергоресурсы – как на глобальном уровне (с Китаем, ЕС, США), так и на региональном (с Пакистаном, Бангладеш, странами Юго-Восточной Азии) [4]. Настоящая статья посвящена анализу того, как эта конкуренция влияет на энергетическую безопасность Индии, какие риски и возможности она порождает.

Индия располагает ограниченными собственными запасами углеводородов. По данным Министерства нефти и природного газа Индии, страна импортирует около 85% потребляемой нефти и более 50% природного газа. Основные поставщики – Ирак, Саудовская Аравия, ОАЭ, Россия (после 2022 г. доля выросла), Нигерия и Венесуэла. Однако на эти же ресурсы претендуют Китай (крупнейший в мире импортёр нефти), Япония, Южная Корея и страны Европы. Конкуренция проявляется в нескольких формах: ценовое давление (премии к спотовым ценам), долгосрочные контракты с условиями «бери или плати», борьба за активы в добывающих странах (Африка, Латинская Америка, Центральная Азия), а также за контроль над транспортными маршрутами (Ормузский пролив, Малаккский пролив, порты Восточной Африки) [5].

Прямым следствием конкурентной борьбы является ценовая волатильность. Когда глобальный спрос растёт (например, после пандемии или в периоды активного промышленного роста), цены на нефть и СПГ резко увеличиваются, что приводит к росту дефицита платёжного баланса Индии [6]. В 2022–2023 гг., после начала конфликта на Украине и введения санкций против России, Индия оказалась в уязвимом положении, но смогла использовать ситуацию, переориентировавшись на закупки российской нефти с дисконтом. Тем не менее, эта тактика временна и зависит от геополитической конъюнктуры. Конкуренция также затрудняет для Индии заключение эксклюзивных долгосрочных контрактов по фиксированным ценам – Китай и другие игроки часто предлагают более выгодные условия добывающим странам (инфраструктурные кредиты, политическая поддержка) [7].

Второй канал влияния – геополитические риски транзита. Индия зависит от морских путей через Индийский океан, Ормузский пролив (через который идёт около 40% мировых поставок нефти) и Малаккский пролив. Конкуренция с Китаем проявляется в развитии китайского проекта «Пояс и путь», включая строительство портов в Пакистане (Гвадар), Шри-Ланке (Хамбантота) и Джибути [8]. Эти инфраструктурные проекты теоретически могут ограничить доступ Индии к маршрутам поставок в кризисной ситуации. Кроме того, конкуренция за энергоресурсы в Южно-Китайском море косвенно влияет на Индию, так как через этот регион проходят потоки СПГ из Австралии и Индонезии. В ответ Индия развивает альтернативные маршруты: порт Чабахар в Иране (совместно с Ираном и Россией), Северный морской коридор (через Арктику в сотрудничестве с Россией), а также продвигает проект «Азия-Африка-рост» как противовес китайскому.

Особый аспект – конкуренция за возобновляемые источники энергии и редкоземельные металлы. Индия активно наращивает мощности солнечной

(штат Гуджарат, проекты в Раджастхане) и ветровой энергетики, а также развивает зелёный водород. Однако для производства солнечных панелей, аккумуляторов и электролизёров необходим литий, кобальт, никель, редкоземельные элементы. Здесь Индия конкурирует с Китаем, который контролирует более 70% мировых мощностей по переработке лития и 80% – по производству солнечных модулей. В 2023–2024 гг. Индия подписала соглашения о разведке лития с Аргентиной, Австралией и Чили, а также активизировала участие в международном альянсе по критическим минералам (с США, ЕС, Канадой). Эта конкуренция, с одной стороны, увеличивает затраты на проекты «зелёного перехода», с другой – подталкивает Индию к технологическому суверенитету и созданию собственной переработки.

Конкурентная борьба также влияет на энергетическую безопасность через институциональные механизмы. Индия состоит в Международном энергетическом агентстве (ассоциированный член), участвует в диалогах формата I2U2 (Индия, Израиль, ОАЭ, США), а также в БРИКС+ и ШОС. В рамках этих объединений Индия пытается согласовывать коллективные закупки, создавать резервные запасы нефти (стратегический нефтяной резерв – 5,3 млн тонн в 2025 г., планируется расширение до 10 млн) и разрабатывать общие транспортные коридоры. Однако жёсткая конкуренция с Китаем внутри БРИКС и с Пакистаном в ШОС снижает эффективность этих механизмов.

Ключевым выводом является то, что конкурентная борьба за энергоресурсы оказывает двойственное влияние на энергетическую безопасность Индии. С одной стороны, она создаёт риски: рост цен, перехват контрактов другими странами, инфраструктурную блокаду, технологическую зависимость. С другой – стимулирует Индию к ускоренной диверсификации (как географической – нефть из России, Африки, Латинской Америки, так и технологической – зелёная энергетика, ядерная энергия (малые модульные реакторы), внутренняя добыча (увеличение добычи газа на шельфе бассейна Кришна-Годавари)). В перспективе до 2030 г. Индия стремится снизить долю импорта нефти до 70% за счёт роста потребления биотоплива, этанола и электромобилей. Однако без преодоления конкуренции со стороны Китая и развитых экономик, а также без формирования устойчивых региональных альянсов, энергетическая безопасность Индии останется уязвимой к внешним шокам.

Таким образом, конкурентная борьба за энергоресурсы не является однозначно негативным фактором – она выступает катализатором структурных реформ в энергетике Индии. Но для превращения вызовов в возможности необходима последовательная внешнеполитическая стратегия, инвестиции в критическую инфраструктуру и развитие собственных технологий в области ВИЭ и ядерной энергетики.

Литература:

1. Бхаскар Р. Энергетическая дипломатия Индии в условиях глобальной турбулентности / пер. с англ. М.: Институт востоковедения РАН, 2025. С. 88-102.

2. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

3. Усова Ю.С. Особенности культурного самоопределения населения Новой Англии и Британской Вест-Индии в 1620-1689 гг. // Общество: философия, история, культура. 2025. № 8(136). С. 156-161.

4. Усова Ю.С. Проблемы энергетической безопасности Индии в первой четверти XXI в. / Ю. С. Усова // Мир в эпоху перемен: вызовы и возможности для международного сотрудничества: сборник материалов международной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения выдающегося советского дипломата, уроженца Башкортостана Карима Абдрауфовича Хакимова, Уфа, 05 декабря 2025 года. Уфа: Аэтерна, 2026. С. 293-296.

5. International Energy Agency. India Energy Outlook 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.iea.org/reports/india-energy-outlook-2024 (дата обращения: 06.04.2026).

6. Ministry of Petroleum and Natural Gas, Government of India. Indian Petroleum & Natural Gas Statistics 2024-25. New Delhi: MoPNG, 2025. P. 45-67.

7. Sharma R., Lee J. Energy Competition in the Indo-Pacific: India vs. China // Asian Geopolitics Review. 2024. Vol. 12. № 3. P. 112-130.

8. Verma A. Geopolitics of Oil Transit Chokepoints and India's Strategic Response // Journal of Maritime Affairs. 2025. № 18(1). P. 55-73.

© Асанов Р.Б., 2026

УДК 323.285

Р.Б. Асанов, А.С. Нуриахметова
магистранты УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

R.B. Asanov, A.S. Nuriakhmetova
master's students, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Yu. S. Usova

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

MODERN METHODS AND MECHANISMS OF COUNTERING TERRORISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: В данной статье рассматривается современная система противодействия терроризму в Российской Федерации. Анализируется роль Национального антитеррористического комитета (НАК), правовые механизмы (включая обновленную Стратегию противодействия экстремизму 2024 года), оперативные результаты работы ФСБ и профилактические меры. Особое внимание уделяется новым вызовам: росту диверсий, использованию интернета для вербовки и внешнему воздействию со стороны иностранных спецслужб. Делается вывод о способности российской системы адаптироваться к меняющейся угрозе и эффективно защищать национальную безопасность.

Abstract: This article discusses the modern system of countering terrorism in the Russian Federation. The role of the National Anti-Terrorist Committee (NAC), legal mechanisms (including the updated Strategy to Counter Extremism 2024), operational results of the work of the FSB and preventive measures are analyzed. Particular attention is paid to new challenges: the growth of sabotage, use of the Internet for recruitment and external influence by foreign intelligence agencies.

The conclusion is drawn that the Russian system can adapt to a changing threat and protect national security effectively.

Ключевые слова: терроризм, последствия, закон, подходы, безопасность, правовые механизмы, профилактические меры.

Keywords: terrorism, consequences, law, approaches, security, legal mechanisms, preventive measures.

Противодействие терроризму является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации [5]. За последние два десятилетия в стране сформирована многоуровневая система борьбы с этой угрозой, включая правовые, организационные, силовые и профилактические механизмы.

Ключевым органом, координирующим антитеррористическую деятельность в России, является Национальный антитеррористический комитет (НАК). Это межведомственный орган, который традиционно возглавляет директор ФСБ, а его заместителем является министр внутренних дел [6]. В 2026 г. Национальный антитеррористический комитет (НАК) отметил 20-летие со дня своего создания – этот орган был учрежден в 2006 г как прямой ответ на трагедию в Беслане [1]. В состав НАК входят представители Администрации Президента, Совета Федерации, Госдумы, Правительства, Совета безопасности, а также руководители МЧС, Росгвардии, Росфинмониторинга и других ведомств [6]. Такая структура обеспечивает комплексный подход к решению проблемы [9].

По данным Секретаря Совета безопасности России Сергея Шойгу, в 2025 г. на территории РФ было совершено 1 830 терактов и диверсий – на 40 % больше, чем в 2024 г. [9]. При этом, как отмечает председатель НАК, директор ФСБ Александр Бортников, значительная часть работы силовиков остается за кадром: в 2025 г. предотвращено 423 преступления террористической направленности, включая 308 терактов [6].

НАК выполняет две основные функции: координация силовых структур при проведении контртеррористических операций; разработка и внедрение профилактических мер, включая ежегодные планы противодействия идеологии терроризма, утверждаемые Президентом РФ [6].

За последние годы правовая база противодействия терроризму и экстремизму в России значительно усовершенствована. Как сообщил заместитель Секретаря совета безопасности РФ Александр Гребенкин, за период действия предыдущей Стратегии было принято около 40 законодательных актов в этой сфере [4].

Ключевые законодательные изменения 2024-2025 гг. 28 декабря 2024 г.: Новая Стратегия противодействия экстремизму. Суть изменений: Акцент на противодействие радикальному украинскому национализму и неонацизму, вовлечению несовершеннолетних в диверсионную деятельность. 28 февраля 2025 г.: изменения в ст. 11 закона «О противодействии терроризму». Суть изменений: Повышение эффективности контртеррористических операций. 15 декабря 2025 г.: поправки в закон о ПОД/ФТ. Суть изменений: Расширение возможностей Росфинмониторинга по контролю за движением денежных

средств. 17 ноября 2025 г.: изменения в УК РФ. Суть изменений: Уточнение ответственности за преступления диверсионной направленности [7].

Также в 2024 г. был принят закон о введении уровней террористической опасности («синий», «желтый», «красный»), которые позволяют гибко реагировать на угрозы в зависимости от их степени [5].

Эффективность оперативной работы подтверждается статистикой, озвученной руководством ФСБ и НАК. Так среди результатов 2025 г.:

- Предотвращено преступлений террористической направленности – 423 [2];
- Из них предотвращено терактов – 308 [6];
- Пресечено законспирированных террористических ячеек – 79 [1];
- Задержано террористов и их пособников – более 2 500 [6];
- Ликвидировано террористов, оказавших вооруженное сопротивление – 27;
- Совершено терактов и диверсий (по данным Шойгу) – 1 830 [9].

Александр Бортников также отметил, что недавно удалось предотвратить подрыв многоквартирного жилого дома, а также покушения на высокопоставленных представителей органов власти, Вооруженных сил и Росгвардии [6]. Помимо этого, предотвращены теракты на транспорте и в местах массового скопления людей. В Челябинской области, например, силами УФСБ в 2025 г. предотвращено 14 терактов и диверсий на стратегических объектах, изъято 60 кг взрывчатки и более 3 000 единиц огнестрельного оружия [1].

Как подчеркнул Александр Бортников, «не допустить преступление всегда проще, чем решать его последствия» [6]. В связи с этим фокус профилактической работы сместился на молодежь – наиболее уязвимую категорию для вербовщиков.

Методы вербовки, выявленные НАК: поиск жертв в социальных сетях и мессенджерах; обещание легкого заработка; последующее использование шантажа и угроз для вовлечения в диверсии [2].

Государство активно финансирует просветительские проекты антитеррористической направленности. Кроме того, с 2025 г. в России действует обновленная Стратегия противодействия экстремизму, которая относит к экстремистским проявлениям «действия, направленные на умышленное искажение истории, реабилитацию нацизма, а также публичные действия, направленные на разжигание ненависти». Особый акцент в новой Стратегии сделан на противодействие радикальному украинскому национализму и неонацизму в связи с проведением специальной военной операции [4].

Современная террористическая угроза в России имеет выраженное внешнее измерение. По словам Сергея Шойгу, против нашей страны действуют разведки 56 стран, которые прямо или косвенно содействуют подрывной деятельности СБУ и ГУР Минобороны Украины [3].

Ключевые тенденции 2024-2026 гг.: рост числа диверсий: в 2025 г. количество терактов и диверсий выросло на 40 % по сравнению с 2024 г [9]; удар по инфраструктуре: целями украинских спецслужб остаются объекты военного назначения, транспорта и топливно-энергетического комплекса [3]; авиаудары: количество авиаударов по инфраструктуре российских регионов

увеличилось почти в четыре раза (с 6 200 в 2024 г. до 23 000 в 2025 г. [9]; информационно-психологическое воздействие: противник активно использует интернет для влияния на маргинальные группы населения [3].

Антитеррористическая работа ведется не только на федеральном, но и на региональном уровне. В Челябинской области, например, ежеквартально отрабатываются сценарии борьбы с терроризмом с применением современных технологий (включая специальных роботов для обезвреживания взрывчатки) [1].

На международном уровне Россия активно сотрудничает с партнерами по ОДКБ. В ноябре 2025 г. на саммите в Бишкеке Президент РФ Владимир Путин заявил о запуске программы по оснащению коллективных сил ОДКБ современными российскими вооружениями, а также о разработке новой антитеррористической стратегии объединения в период председательства России в ОДКБ в 2026 г. [8].

Таким образом, современная российская система противодействия терроризму представляет собой динамично развивающийся комплекс институциональных, правовых, оперативных и профилактических мер. Несмотря на сохраняющийся высокий уровень угрозы и появление новых вызовов, связанных с внешним воздействием, эта система демонстрирует способность адаптироваться и эффективно защищать национальную безопасность Российской Федерации.

Литература:

1. В Челябинской области ежеквартально отрабатываются сценарии борьбы с терроризмом. [Электронный ресурс]. URL: https://gubernia74.ru/news/1139231/ (дата обращения: 08.04.2026).
2. Глава ФСБ Бортников рассказал о предотвращении 308 терактов в 2025 году. [Электронный ресурс]. URL: https://cisatc.org/zh/obstanovka-i-sobytiya/glava-fsb-bortnikov-rasskazal-o-predotvrashchenii-308-teraktov-v-2025-godu (дата обращения: 08.04.2026).
3. За нами следят через уличные камеры? Эксперт объяснил, как организуют теракты в России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kp.ru/daily/27765.4/5223569/ (дата обращения 08.04.2026).
4. Замсекретаря Совбеза России Александр Гребенкин. [Электронный ресурс]. URL: https://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3797/ (дата обращения: 08.04.2026).
5. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
6. Правительство вводит "синий", "желтый" и "красный" уровни террористической угрозы. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/news/view/40805/#part_3 (дата обращения: 08.04.2026).
7. Предотвратили более 300 терактов: как работал НАК в 2025 году. [Электронный ресурс]. URL: https://360.ru/tekst/ukrainian-crisis/predotvratili-bolee-300-teraktov-kak-rabotal-nak-v-2025-godu/ (дата обращения 08.04.2026)

8. Усова, Ю. С. Особенности культурного самоопределения населения Новой Англии и Британской Вест-Индии в 1620-1689 гг. // Общество: философия, история, культура. 2025. № 8(136). С. 156-161.

9. Countering 56 countries waging terror: remarks by Russia's top security official. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.com/politics/2102843 (дата обращения: 08.04.2026).

© Асанов Р.Б., Нуриахметова А.С., 2026

УДК 327

К.Т. Байгузина
магистрант УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Хадимуллин

K.T. Baiguzina
master's student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Khadimullin

ДИНАМИКА И ПРИОРИТЕТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН С РЕСПУБЛИКОЙ КАЗАХСТАН В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (2020–2025 гг.)

DYNAMICS AND PRIORITIES OF COOPERATION BETWEEN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S REGIONAL POLICY IN CENTRAL ASIA (2020-2025).

Аннотация: В статье рассматривается эволюция торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между Республикой Башкортостан и Республикой Казахстан в 2022–2025 гг. Анализируются количественные показатели внешнеторгового оборота, отраслевая структура взаимодействия, ключевые совместные проекты и институциональные механизмы сотрудничества. Особое внимание уделяется роли Башкортостана как одного из ведущих российских регионов в реализации федеральной политики России в Центральной Азии в условиях геополитической турбулентности. Показано, что к 2025 г. Казахстан устойчиво входит в тройку важнейших внешнеторговых партнеров республики, а модель взаимодействия трансформируется от товарного экспорта к промышленной кооперации и совместным производствам.

Abstract: The article examines the evolution of trade, economic, and investment cooperation between the Republic of Bashkortostan and the Republic of Kazakhstan in 2020–2025. It analyzes quantitative indicators of foreign trade turnover, the sectoral structure of interaction, key joint projects, and institutional mechanisms of cooperation. Special attention is paid to the role of Bashkortostan as one of Russia's leading regions in implementing federal policy in Central Asia amid the geopolitical turbulence. It is shown that by 2025, Kazakhstan has consistently entered the top three of the republic's most important foreign trade partners, and the model of interaction is transforming from commodity exports to industrial cooperation and joint production.

Ключевые слова: Республика Башкортостан, Республика Казахстан, региональная политика, Центральная Азия, внешнеэкономическая деятельность, промышленная кооперация, инвестиционные проекты, ЕАЭС.

Keywords: Republic of Bashkortostan, Republic of Kazakhstan, regional policy, Central Asia, foreign economic activity, industrial cooperation, investment projects, EAEU.

Последние годы стали переломными для всей системы международных отношений России. Санкционное давление западных стран, разрыв традиционных логистических цепочек и необходимость переориентации экспортных потоков на новые рынки радикально изменили внешнеэкономическую повестку российских регионов. В этих условиях Центральная Азия, а прежде всего Республика Казахстан как крупнейший торговый партнер Российской Федерации в регионе, приобрела для России стратегическое значение [17, с. 104-108]. Совокупный ВВП Центральной Азии за пять лет (2019–2024 гг.) вырос с 347 млрд до 520 млрд долларов (почти в 1,5 раза), что демонстрирует стремительные темпы экономического роста на 40% выше общемировых. Регион обладает внушающим ресурсным потенциалом [22]. Так, на долю Казахстана приходится более 1,8% мировых запасов нефти (12-е место в мире), а также 14% мировых запасов урана [19]. Эти факторы делают Центральную Азию полем стратегических интересов России, Китая, Турции и других игроков на международной арене.

Республика Башкортостан – один из наиболее экономически развитых субъектов Российской Федерации, обладающий мощным нефтехимическим, машиностроительным и агропромышленным комплексом. Башкортостан традиционно поддерживает тесные связи с Казахстаном. Географическая близость, общие исторические корни, родственные языки и схожесть культур создают благоприятную основу для развития межрегионального взаимодействия.

Для того чтобы рассмотреть место Башкортостана в башкиро-казахстанском сотрудничестве, необходимо изучить общий контекст российской политики в Центральной Азии. После февраля 2022 г. вектор внешнеэкономической деятельности России устремился на центральноазиатское направление, которое впоследствии стало для страны приоритетным. Санкции разрушили традиционные цепочки поставок, что заставило Москву искать новые рынки сбыта и параллельные каналы импорта.

Результатом стало значительное наращивание торговых оборотов. За период 2021–2024 гг. экспорт из Казахстана в Россию вырос более чем на 35% (с 10,6 млрд до 14,5 млрд долларов), из Узбекистана – почти в 2 раза (с 2,8 млрд до 4,9 млрд), из Кыргызстана – в 4,5 раза (с 1,8 млрд до 3,6 млрд) [18].

В то же время доля «дружественных» стран, включая государства Центральной Азии, в российском экспорте за период 2021–2024 гг. увеличилась на 85%. Если до 2022 г. на западные страны приходилось до 46% всего экспорта РФ, то по итогам 2024 г. их доля сократилась до 15% [16].

Центральноазиатский регион стал для России не только рынком сбыта, но и важным транзитным коридором. Через Казахстан и Узбекистан проходит свыше 80% грузопотока в Китай, Южную Азию и на Ближний Восток. Ежегодный товарооборот России со странами Центральной Азии превышает 45 млрд долларов, при этом доля России в торговле отдельных стран достигает 30–

40%. Только за 2024 г. в регион поступило более 14 млрд долларов прямых российских инвестиций.

В этих макрорегиональных процессах Башкортостан занимает особое место. Расположенная на стыке Поволжья и Урала, республика является естественными «воротами» в Центральную Азию для многих российских регионов. Кроме того, наличие в Башкортостане высокотехнологичных производств в нефтехимии, машиностроении и фармацевтике позволяет ему выступать не просто транзитом, но и активным участником промышленной кооперации с казахстанскими партнерами.

В период 2020–2025 гг. Башкортостан последовательно расширял сеть своих представительств при Торговых представительствах Российской Федерации за рубежом. Сегодня республика представлена в трех странах СНГ – Беларуси, Узбекистане и Казахстане – а также в трех странах дальнего зарубежья – КНР, Турции и ОАЭ [9]. За время работы этих представительств в регион привлечены иностранные инвестиции на общую сумму порядка 60 млн долларов США.

На сегодняшний день Представительство Республики Башкортостан при Торговом представительстве Российской Федерации в Республике Казахстан, открытое в 2022 г., является основным механизмом в развитии башкиро-казахстанских отношениях.

Еще одним важным шагом в институционализации взаимодействия стало открытие Торгового дома Башкортостана «Дуслык» в Республике Казахстан. В нем разместились представительства ведущих башкирских предприятий, осуществляющих производственную деятельность на территории Казахстана. Властями Республики Башкортостан перспективным направлением признано реверсивное открытие Торгового дома Казахстана в Уфе. По словам Первого вице-премьера Башкортостана – министра экономического развития Рустама Муратова, это позволит провести наиболее глубокий анализ рынка необходимых товаров, а также расширить номенклатуру товаров, произведенных Казахстаном в российских регионах [15].

Следует отметить и активную конгрессно-выставочную деятельность. Так, в декабре 2025 г. республику посетила делегация Республики Казахстан под руководством вице-министра промышленности и строительства Республики Казахстан Р.Е. Исакулова для участия в «Международной недели бизнеса». Ключевым событием мероприятия стало пленарное заседание на тему: «Стратегия сотрудничества в эпоху глобальных вызовов», где Р.Е. Исакулов выступил в качестве спикера [6].

Кроме того, Представительством Республики Башкортостан при Торгпредстве России в Республике Казахстан в рамках деловой программы форума была организована сессия: «Башкортостан – Казахстан: партнёрство и экспортные возможности», посвященная укреплению двустороннего сотрудничества [1]. В ходе сессии были представлены инструменты поддержки экспорта, в том числе механизмы АО «Экспортно-кредитное агентство Казахстана», включая предоставление отсрочки платежа под страховое покрытие.

Также форум посетила казахстанская деловая делегация под руководством группы экспортной акселерации «QazTrade» Алмас Ихсанов. Центральным событием миссии стала работа объединенного стенда, где представили продукцию 15 казахстанских предприятий от мукомольных комбинатов до производителей геосинтетиков и нефтегазового оборудования. За два дня работы стенд посетили более 600 человек, установлено 50 деловых контактов, 18 крупных компаний и розничных сетей (включая «Ленту», «СоюзПищеПром», «Аркада Фудс») выразили заинтересованность в поставках. В ходе форума были открыты новые возможности в нефтегазовом секторе, промышленная кооперация получила практическое продолжение в сфере ТЭК. Глава Республики Башкортостан Хабиров Р.Ф. отметил, что решения казахстанской компании Petro Gas Tools (электро- и химзащита, комплектующие) могут быть востребованы на объектах ПАО «Башнефть» [20]. Ключевым итогом направления стало подписание трехстороннего соглашения между казахстанской компанией Petro Gas Tools (производство оборудования для электрохимической защиты), Давлекановским нефтегазовым машиностроительным заводом и Торговым домом «Дуслык». Соглашение предусматривает совместную реализацию продукции, локализацию производства в Казахстане и обмен инженерно-техническим опытом.

В сентябре 2025 г. делегация Республики Казахстан под руководством заместителя генерального директора АО «Центр развития торговой политики QazTrade» Б.С. Гайсы приняла участие во Всероссийском инвестиционном сабантуе «Зауралье-2025» в г. Сибай Республики Башкортостан [21]. В рамках форума делегация Республики Казахстан также приняла участие в деловой программе форума. Были подписаны следующие меморандумы:

- Меморандум между Союзом «Оптово-распределительные центры Республики Казахстан» и Союзом «Торгово-промышленная палата Республики Башкортостан» о взаимопонимании;
- Меморандум между Союзом «Оптово-распределительные центры Республики Казахстан» и Министерством торговли и услуг Республики Башкортостан о взаимопонимании [11].

Также немало важным инструментом в развитии башкиро-казахстанских отношений является Дорожная карта. В сентябре 2023 г. в рамках участия официальной делегации Республики Башкортостан в Международной промышленной выставке «ИННОПРОМ. КАЗАХСТАН 2023» Премьер-министр Правительства Республики Башкортостан А.Г. Назаров Министр промышленности и строительства Республики Казахстан К.Б. Шарлапаев подписали План мероприятий по развитию сотрудничества между Правительством Республики Башкортостан Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан на 2023-2024 гг. [13]. Это событие открыло новые возможности для расширения экспортно-импортных отношений между регионами, а также для реализации совместных проектов.

Таким образом, за годы сотрудничества между двумя регионами заключено 18 рамочных соглашений, а общее количество совместных проектов к 2024 г. достигло 135, из которых 38 уже полностью реализованы [9].

Если рассмотреть динамику внешнеторгового оборота, анализ количественных показателей торговли между Башкортостаном и Казахстаном демонстрирует устойчивый рост.

По данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации, по итогам 2024 г. торговый оборот между Башкортостаном и Казахстаном достиг почти 500 млн долларов. Казахстан занимает третье место во внешнеторговом обороте республики с долей 9,2% по итогам 2024 г. [3].

По данным на декабрь 2025 г., доля Казахстана во внешнеторговом обороте Башкортостана выросла до 10,2%, что ставит его на третье место после Китая (17,1%) и Турции (16,2%). Показательно, что «каждый второй доллар внешней торговли республики приходится на тройку ключевых партнеров – Китай, Турцию и Казахстан».

Исходя из вышеуказанного, можно заметить, что товарооборот между Башкортостаном и Казахстаном вырос в 1,5–1,7 раза. Эта тенденция объясняется как общим увеличением объемов российско-казахстанской торговли в контексте импортозамещения, так и целенаправленными усилиями по углублению межрегиональной кооперации.

Если рассмотреть промышленный сектор взаимодействия, регионов, то нефтехимический комплекс является безусловным лидером башкиро-казахстанской кооперации. Флагманским предприятием выступает АО «Башкирская содовая компания» (далее – БСК). БСК взаимодействует более чем с 50 компаниями в Казахстане. Ежемесячные поставки составляют: кальцинированная сода – 18500 тонн, бикарбонат натрия – 480 тонн, каустическая сода – 300 тонн [4].

С 2017 г. БСК реализует инвестиционный проект на территории Казахстана через дочернее предприятие «БСК–Казахстан», которое занимается созданием химико-металлургического комплекса по производству продуктов высокого передела (оксихлорид циркония, диоксид титана, титановые шлаки) на базе казахстанских минерально-сырьевых источников.

Машиностроительная кооперация – одно из наиболее динамично развивающихся направлений. Уральский пружинный завод (один из ведущих мировых производителей упругих компонентов) реализует проект по локализации производства в Костанайской области с объемом инвестиций порядка 5 млн долларов США. Запуск производства состоялся в 2024 г. [5].

ООО НПП «БУРИНТЕХ» открыло свое первое зарубежное представительство в Казахстане, организовав производство долот с матричным корпусом для бурения твердых пород [8]. Результатом стало повышение механической скорости бурения и сокращение сроков строительства скважин на казахстанских месторождениях.

Крупнейшее стекольное предприятие республики – «Салаватстекло» – имеет на территории Казахстана более 40 партнеров, включая компании «Стекломир», «Стеклоцентр», Стеклопакетная компания. Только за январь–сентябрь 2024 г. «Салаватстекло» реализовало в Казахстан 50 тыс. тонн стекла на сумму более 1,5 млрд рублей.

Совместно с казахстанскими партнерами реализуется проект по производству медицинской мебели и оборудования на территории Республики Казахстан. Башкирский завод ООО «Медстальконструкция» учредил компанию ТОО ТПК «ZTM». В ближайшее время будет запущено производство операционных столов, медицинских кроватей, гинекологических кресел. Объем инвестиций – около 40 млн рублей [14].

Что касается взаимодействия в сельском хозяйстве и пищевой промышленности, то в 2024 г. Республика Башкортостан экспортировала в Казахстан более 95 тыс. тонн продукции агропромышленного комплекса на общую сумму свыше 29 млн долларов США [12]. Номенклатура включает биопрепараты, удобрения, племенные инкубационные яйца, мясо, зерновые и масличные культуры. В 2024 г. АНО «Алтын Солок» заключила соглашение о сотрудничестве с Казахским НИИ животноводства и кормопроизводства в области пчеловодства и обмена опытом.

Помимо этого, Центром поддержки экспорта регулярно организуются многоотраслевые бизнес-миссии в Республику Казахстан. В период с 2021 по 2024 г. Министерством внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан совместно с Центром поддержки экспорта Республики Башкортостан было организовано 4 бизнес-миссии в Казахстан. По их итогам заключено 25 экспортных контрактов [2].

Стоить отметить еще один амбициозный совместный проект – строительство железнодорожной линии «Сибай – Подольск – Новорудная» протяженностью более 160 км. Объем инвестици состовляет 116 млрд руб. В настоящее время совместно с компанией «ИнфраВЭБ» ведется работа над определением финансовой модели проекта. Реализация железной дороги создаст прямую связь восточных районов Среднего и Северного Урала с Казахстаном, Средней Азией, Китаем, регионами Нижней Волги и Кавказа. Логистическое плечо до приграничных пунктов пропуска «Орск» и «Сагарчин» (Оренбургская область) сократится на 250 км [6]. Данный инфраструктурный проект носит не только региональный, но и общефедеральный характер, поскольку вписывается в стратегию развития транспортных коридоров «Север–Юг» и «Восток–Запад».

Не менее важным измерением двусторонних связей является образовательная кооперация. В текущем учебном году (2025–2026 гг.) в высших учебных заведениях Башкортостана обучается около 287 казахстанских студентов [7]. Между вузами и научными организациями двух регионов подписаны десятки соглашений о сотрудничестве, включая программы академической мобильности и совместные научные исследования.

Анализ динамики сотрудничества позволяет выделить несколько факторов, обеспечивающих успешное развитие башкиро-казахстанских связей:

1. Географическая близость и развитая транспортная инфраструктура, включая автомобильные и железнодорожные пути сообщения.

2. Отраслевая комплементарность экономик двух регионов: Башкортостан обладает мощностями по производству соды, стекла, нефтехимической продукции, в то время как Казахстан располагает минерально-сырьевой базой и растущим рынком сбыта.

3. Институциональная поддержка на уровне правительств обоих регионов, включая работу профильных министерств, представительств и торговых домов.

4. Этнокультурная общность, облегчающая коммуникацию и способствующая формированию доверия между бизнес-партнерами.

5. Адаптация к новым геополитическим условиям после 2022 г., включая переориентацию логистических цепочек и поиск новых форматов кооперации.

Однако сохраняются определенные проблемные зоны, требующие дальнейшего внимания: недостаточная информированность бизнеса о мерах государственной поддержки экспорта, сохраняющиеся логистические издержки на отдельных направлениях, а также необходимость дальнейшей гармонизации технических регламентов и стандартов в рамках ЕАЭС.

Проведенный анализ динамики и приоритетов сотрудничества Республики Башкортостан с Республикой Казахстан за период 2020–2025 гг. позволяет сделать следующие выводы:

1. Вопреки внешним вызовам торгово-экономическое взаимодействие между двумя регионами не только сохранилось, но и значительно усилилось. К 2025 г. товарооборот достиг почти 500 млн долларов, а Казахстан закрепился на третьем месте среди внешнеторговых партнеров Башкортостана с долей 10,2%.

2. Сотрудничество вышло за рамки традиционной товарной торговли. Приоритетом стали промышленная кооперация и совместные инвестиционные проекты – от локализации производства «Уральского пружинного завода» в Костанае до создания совместных предприятий в медицинской промышленности и нефтегазовом машиностроении.

3. Башкортостан последовательно реализует линию федерального центра на углубление интеграции с государствами Центральной Азии в рамках ЕАЭС. Республика выступает не просто «проводником» федеральных интересов, но и самостоятельным актором, способным генерировать и реализовывать крупные инвестиционные и инфраструктурные проекты.

4. Ключевыми задачами на ближайшую перспективу являются: завершение текущих инвестиционных проектов, включая открытие ответного Торгового дома Казахстана в Уфе и дальнейшее расширение перечня взаимных поставок

Таким образом, опыт Республики Башкортостан представляет собой образцовую модель межрегионального сотрудничества в рамках российско-казахстанских отношений, которая может быть тиражирована на другие субъекты Российской Федерации, заинтересованные в углублении связей с государствами Центральной Азии.

Литература:

1. Ватандаш «Башкортостан – Казахстан: партнёрство и экспортные возможности» [Электронный ресурс]. URL: https://vatandash.ru/news/novosti/2025-12-05/bashkortostan-kazahstan-partnyorstvo-i-eksportnye-vozmozhnosti-4495188?ysclid=mpmbrhhrb2312200227 (дата обращения: 21.05.2026).

2. Инвестиционный портал Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://investrb.ru/ru/press-center/news/sovokupnyy-tovarooborot-

bashkortostana-so-stranami-sng-na-78-7-sostoyal-iz-eksporta/ (дата обращения: 21.05.2026).

3. Информационно-новостной портал «Горобзор» [Электронный ресурс]. URL: https://gorobzor.ru/203366 (дата обращения: 21.05.2026).

4. Информационное агентство «Башинформ» [Электронный ресурс]. URL: https://www.bashinform.ru/news/economy/2021-09-29/bsk-ukreplyaet-pozitsii-v-sredney-azii-2538350 (дата обращения: 21.05.2026).

5. Информационное агентство «Башинформ» [Электронный ресурс]. URL: https://www.bashinform.ru/news/economy/2023-11-11/proizvodstvennuyu-ploschadku-uralskogo-pruzhinnogo-zavoda-v-kazahstane-zapustyat-v-2024-godu-3513833 (дата обращения: 21.05.2026).

6. Информационное агентство «Башинформ» [Электронный ресурс]. URL: https://www.bashinform.ru/news/politics/2025-12-05/premier-ministr-rasskazal-gostyam-kak-bashkiriya-spravlyaetsya-s-vyzovami-4495044 (дата обращения: 21.05.2026).

7. Информационное агентство «Башинформ» [Электронный ресурс]. URL: https://www.bashinform.ru/news/social/2026-01-26/v-bashstate-soobschili-studenty-iz-kakih-stran-uchatsya-v-vuzah-bashkirii-4550436 (дата обращения: 21.05.2026).

8. НПП «Буринтех» [Электронный ресурс]. URL: https://burintekh.ru/company/history/?ysclid=mpmiucnp3k501594952 (дата обращения: 21.05.2026).

9. Сайт Министерства внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://foreign.bashkortostan.ru/presscenter/news/598580/ (дата обращения: 21.05.2026).

10. Сайт Министерства внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://foreign.bashkortostan.ru/ (дата обращения: 21.05.2026).

11. Сайт Министерства торговли и услуг Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://trade.bashkortostan.ru/presscenter/news/751879/ (дата обращения: 21.05.2026)

12. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://mcx.gov.ru/press-service/regions/ilshat-fazrakhmanov-na-vystavke-zolotaya-osen-2024-rasskazal-o-razvitii-eksporta-produktsii-apk-bash-105106/?ysclid=mpmj4b486787588630 (дата обращения: 21.05.2026).

13. Официальный сайт Правительства Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://pravitelstvorb.ru/news/21822/ (дата обращения: 21.05.2026).

14. РБК «В создание комплекса БСК в Казахстане инвестируют $930 млн» [Электронный ресурс] .URL: https://ufa.rbc.ru/654de7ca9a79473b7e7e0c56 (дата обращения: 21.05.2026).

15. РБК «Власти объявили о создании торгового дома «Башкортостан — Казахстан» Достигла ли их доля в поставках максимальной планки»

[Электронный ресурс]. URL: https://ufa.rbc.ru/ufa/24/01/2024/65b0e3e09a7947f9681ee118 (дата обращения: 21.05.2026).

16. РБК «Россия перенаправила в дружественные страны почти четверть экспорта» Достигла ли их доля в поставках максимальной планки» [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/10/02/2023/63e2411a9a794730042580a5?ysclid=mpkqhs6a85678004341 (дата обращения: 21.05.2026).

17. Хадимуллин Р.Р. Интеграционные процессы России и Казахстана // Евразийская интеграция – диалог исследователей и экспертов. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. 2016. С. 104-108.

18. Ekonomist «Экспорт из Центральной Азии в Россию вырос в 4 раза благодаря санкциям» [Электронный ресурс]. URL: https://ekonomist.kz/editor/eksport-iz-ca-v-rossiyu-vyros/?ysclid=mpkqctvc8r857166397 (дата обращения: 21.05.2026).

19. Inbusiness/kz: «Какое место в мировой нефтегазовой иерархии занял Казахстан?» [Электронный ресурс]. URL: https://inbusiness.kz/ru/news/kakoe-mesto-v-mirovoj-neftegazovoj-ierarhii-zanyal-kazahstan?ysclid=mpkp2bwryv216200021 (дата обращения: 21.05.2026).

20. QazTrade «Казахстан и Башкортостан начали промышленную кооперацию в экспорте» [Электронный ресурс]. URL: https://qaztrade.org.kz/rus/kazahstan-i-bashkortostan-nachali-promyshlennwyu-kooperaciyu-v-eksporte/ (дата обращения: 21.05.2026).

21. QazTrade «QazTrade договорился о строительстве торгового дома казахстанской продукции в Башкортостане» [Электронный ресурс]. URL: https://qaztrade.org.kz/rus/qaztrade-dogovorilsya-o-stroitelstve-torgovogo-doma-kazahstanskoj-produkczii-v-bashkortostane/ (дата обращения: 21.05.2026).

22. UZA. «Инициативы Президента и региональное пробуждение: формат, ознаменовавший новый этап развития Центральной Азии» [Электронный ресурс]. URL: https://uza.uz/ru/posts/iniciativy-prezidenta-i-regionalnoe-probuzhdenie-format-oznamenovavshiy-novyy-etap-razvitiya-centralnoy-azii_794130 (дата обращения: 21.05.2026).

© Байгузина К.Т., 2026

УДК 327(100)"20"

Р.Р. Батталов
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ф.Ф. Шаяхметов

R.R. Battalov
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor F.F. Shaiakhmetov

БРИКС В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ XXI В.

BRICS IN THE CONTEXT OF THE 21ST CENTURY GLOBAL CONFLICTS

Аннотация: В статье роль объединения БРИКС в условиях трансформации международных отношений в первой четверти XXI в. Главной целью статьи является исследование места и роли БРИКС в системе международных отношений как альтернативной площадки для диалога и координации позиций государств глобального Юга. Рассматриваются особенности взаимодействия стран-участниц в условиях сохраняющихся противоречий внутри объединения и, прежде всего, со странами Запада. Утверждается, что БРИКС, несмотря на то, что не является военно-политической организацией, играет важную роль в обеспечении баланса сил в современной системе международных отношений.

В статье рассматривается роль БРИКС как альтернативного центра влияния в условиях кризиса международной системы в XXI в. и фрагментации мирового порядка. Анализируются механизмы координации стран-участниц по вопросам безопасности, взаимовыгодного экономического сотрудничества и реформирования международных институтов. Особое внимание уделяется стратегиям снижения зависимости от западных финансово-экономических инструментов, выстраиванию устойчивых механизмов сотрудничества и развития логистических систем взаимодействия. Подчеркивается роль объединения в формировании сбалансированной и многополярной системы международных отношений.

Abstract: The article examines the role of BRICS as an alternative center of influence amid the crisis of the international system in the 21st century and the fragmentation of the world order. It analyzes the coordination mechanisms employed by the member countries on issues of security, mutually beneficial economic cooperation, and the reform of international institutions. Particular attention is paid to strategies for reducing dependence on Western financial and economic instruments, building sustainable cooperation mechanisms, and developing logistics systems for interaction. The paper highlights the association’s role in shaping a balanced and multipolar system of international relations.

Ключевые слова: БРИКС, международные отношения, многополярный мир, глобальная политика, геополитика, санкции.

Keywords: BRICS, international relations, multipolar world, global politics, geopolitics, sanctions.

XXI в. ознаменовался беспрецедентным ростом числа и разнообразия международных конфликтов. Если традиционная конфликтология XX в. оперировала преимущественно категориями военного противостояния между государствами, то современная конфликтность включает гибридные войны, санкционные кампании, кибератаки, экономическое давление и информационные операции [1, с. 45]. На фоне этих тенденций мировое сообщество столкнулось с системным кризисом институтов глобального

управления, в первую очередь, ООН и «Большой семёрки», которые во всё большей степени воспринимаются незападными странами как инструменты закрепления однополярного доминирования. Именно в этом контексте формирование и эволюция БРИКС приобретают особое значение. Объединение, возникшее в 2009 г., постепенно трансформировалось в платформу, претендующую на роль голоса глобального Юга в вопросах международного мира и безопасности. При этом сам БРИКС не является ни военным альянсом, ни организацией коллективной безопасности, что обусловливает уникальность его места в системе международных отношений.

Для понимания роли БРИКС в современной системе глобальных конфликтов необходимо, прежде всего, охарактеризовать природу этих конфликтов. Во-первых, произошла фрагментация конфликтов, – так, на смену межгосударственным войнам пришли гражданские и «прокси»-конфликты, в которых великие державы участвуют опосредованно, поддерживая различные стороны противостояния. Такую модель наглядно демонстрируют войны в Сирии и Ливии (с 2011 г.), на Украине (с 2014 г.), Йемене (с 2015 г.), превратившиеся в арены соперничества внешних игроков. Во-вторых, обострилась конкуренция в информационном пространстве. Нарратив о «российском вмешательстве» в западные выборы, кампании когнитивного влияния, связанные с Китаем, и контрнарративы со стороны незападных стран свидетельствуют о том, что информационная среда стала полноценным инструментом и одновременно площадкой для современных конфликтов. В-третьих, продолжаются «замороженные» и тлеющие конфликты, которые периодически обретают горячую фазу: противостояние в Нагорном Карабахе (2020 г, 2023 г.), приграничные столкновения Индии и Китая в Ладакхе (2020 г.). Все эти тенденции создают сложный контекст для функционирования БРИКС, поскольку участники объединения занимают различные позиции по большинству из перечисленных конфликтов [6, с. 16-23].

Уникальность БРИКС проявляется в формировании и сохранении различающихся позиций и реакций членов БРИКС на военной-политические конфликты. Так, одной из наиболее проверяемых характеристик БРИКС является принципиальный отказ от коллективных военно-политических позиций. Это не слабость, а осознанная модель, позволяющая объединять государства с диаметрально противоположными геополитическими интересами [5, с. 6].

На момент вторжения США в Ирак формат БРИКС ещё не был институционализирован, однако все основные учредители объединения – Бразилия, Россия, Индия и Китай – в рамках ООН выступили против данной военной операции. Россия и Китай использовали свои права постоянных членов Совета Безопасности (СБ) ООН для блокирования санкционирования войны. Это стало первым свидетельством совпадения позиций четырёх крупных незападных держав по ключевому вопросу международной безопасности.

После начала гражданской войны в Ливии СБ ООН 17 марта 2011 г. принял резолюцию № 1973, санкционировавшую бесполётную зону и меры по защите мирного населения. Бразилия, Россия, Индия и Китай воздержались при голосовании, не поддержав, но и не заблокировав документ. Когда операция

НАТО вышла за рамки мандата и фактически привела к смене режима Каддафи, все страны БРИКС подвергли действия альянса критике. Этот эпизод способствовал формированию концепции «ответственности при защите» (RwP), предложенной Бразилией в качестве альтернативы западной доктрине «ответственности по защите» (R2P).

После начала Сирийского конфликта Россия и Китай трижды – в 2011, 2012 и 2017 гг. – накладывали вето в СБ ООН на резолюции, направленные против сирийского правительства. Бразилия, Индия и ЮАР занимали более осторожные позиции, как правило, воздерживаясь при голосовании. Несмотря на различие подходов, общая линия стран БРИКС сводилась к неприятию внешнего вмешательства под гуманитарными предлогами во внутренние дела суверенных государств.

Эскалация израильско-палестинского конфликта в октябре 2023 г. вновь обозначила линии разногласий внутри БРИКС. Бразилия, ЮАР и Россия выступили с осуждением военных действий Израиля в Газе, тогда как Индия заняла более сдержанную позицию, стараясь не обострять отношения с Тель-Авивом. Тем не менее, на уровне БРИКС было принято совместное заявление в поддержку создания независимого Палестинского государства – позиция, консолидировавшая большинство участников объединения.

Одним из важнейших направлений деятельности БРИКС в условиях глобальных конфликтов стало формирование альтернативной архитектуры международных финансов, способной снизить уязвимость стран-участниц перед санкционным давлением. В 2014 г. страны БРИКС учредили Новый банк развития (НБР) с уставным капиталом 100 млрд долл. США, а также Пул условных валютных резервов (ПВР) объёмом 100 млрд долл. США. Создание этих институтов ознаменовало переход БРИКС от дискуссионного формата к реальному строительству международных финансовых институтов объединения. Принципиально важно, что оба института функционируют вне системы МВФ и Всемирного банка, что теоретически снижает зависимость стран-участниц от западных финансовых рычагов [4, с. 155].

После введения масштабных санкций против России в 2022 г. тема дедолларизации и расчётов в национальных валютах переместилась в центр повестки БРИКС. На саммите в Йоханнесбурге в 2023 г. была поставлена задача изучения возможности создания общей расчётной единицы БРИКС. По данным Банка международных расчётов, доля доллара в мировых валютных резервах снизилась с 71% в 1999 г. до 58% в 2023 г., что отражает объективную тенденцию к диверсификации резервных валют [4, с. 157]. Вместе с тем создание реальной альтернативы доллару в рамках БРИКС остаётся долгосрочной и крайне сложной задачей ввиду конкурирующих интересов стран-участниц.

Взаимная торговля стран БРИКС устойчиво возрастает как в абсолютном выражении, так и в относительном – в доле мировой торговли. Это свидетельствует о постепенном формировании интенсивного внутреннего рынка объединения, снижающего зависимость его участников от западных экономических партнёров.

Говоря о противоречиях внутри БРИКС на фоне конфликтов, было бы некорректно представлять БРИКС как монолитный блок с согласованными позициями по международным конфликтам. Объединение включает в себя государства, между которыми сохраняются острые противоречия. Наиболее серьёзным источником напряжённости является китайско-индийское соперничество. Столкновения в долине Галван в Ладакхе в июне 2020 г., унёсшие жизни 20 индийских и не менее 4 китайских военнослужащих, поставили под вопрос саму жизнеспособность БРИКС, ведь два крупнейших участника объединения фактически вели боевые столкновения. Тем не менее, Индия не вышла из БРИКС, и в 2021 г. приняла участие в саммите в формате видеосвязи. Пограничный конфликт был урегулирован дипломатическими средствами, хотя двусторонняя напряжённость сохраняется [3, с. 115-119].

Российско-украинский конфликт создал иное измерение внутренних противоречий БРИКС. Индия и Бразилия, наращивая торговлю с Россией (прежде всего импорт нефти), одновременно дистанцировались от поддержки её военных действий. Президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва неоднократно критиковал как Россию, так и НАТО, предлагая посреднические усилия. Подобная картина внутреннего многообразия свидетельствует о том, что БРИКС функционирует не как военно-политический блок с единой командной структурой, а как форум, на котором государства с различными интересами ищут точки соприкосновения. Именно эта модель обеспечивает объединению устойчивость, так оно не требует от участников жертвовать национальными интересами ради коллективной позиции.

Историческим поворотным пунктом стал саммит в Йоханнесбурге в августе 2023 г., где было объявлено о принятии шести новых членов: Аргентины (впоследствии отказавшейся от вступления при новом правительстве), Египта, Эфиопии, Ирана, ОАЭ и Саудовской Аравии, вступивших в силу с 1 января 2024 г. В 2024 г. к БРИКС+ присоединились ещё тринадцать государств в статусе партнёров.

На сегодняшний день БРИКС охватывает около 45% населения Земли, 35% мирового ВВП по паритету покупательной способности и более 40% мировой добычи нефти с учётом вхождения Саудовской Аравии, России и ОАЭ. Примечательно, что в состав расширенного БРИКС вошли страны, находящиеся под западными санкциями (Россия, Иран), а также государства, являющиеся традиционными партнёрами США (ОАЭ, Саудовская Аравия). Это подтверждает тезис о том, что членство в БРИКС воспринимается, прежде всего, как инструмент диверсификации внешнеполитических связей, а не как декларация антизападного курса [4, с. 159].

С точки зрения международной безопасности расширение БРИКС имеет несколько значимых последствий. Во-первых, включение ключевых стран Ближнего Востока создаёт потенциальную платформу для урегулирования региональных конфликтов с участием незападных посредников. Во-вторых, вхождение Эфиопии – страны, пережившей жестокую гражданскую войну в 2020-2022 гг., – открывает перспективы для более активного участия БРИКС в африканской безопасности. В-третьих, рост политического веса объединения

создаёт давление на западные страны к поиску компромиссных решений в рамках многосторонних институтов.

Было бы ошибочным переоценивать роль БРИКС в управлении глобальными конфликтами. Объединение сталкивается с рядом структурных ограничений. Прежде всего, отсутствие механизмов принуждения означает, что БРИКС не может заставить своих членов соблюдать коллективные решения. Ни один из конфликтов XXI в. не был урегулирован благодаря прямому посредничеству БРИКС как институции. Конкурирующие интересы участников нередко блокируют выработку единой позиции. Индия и Китай наращивают политику по укреплению стратегического влияния в Южной Азии и Индийском океане. Россия и Бразилия занимают диаметрально противоположные позиции по ряду вопросов латиноамериканской политики. Наконец, расширение БРИКС, увеличивая политический вес объединения, одновременно осложняет достижение консенсуса, ведь с ростом числа участников возрастает гетерогенность интересов и позиций. Тем не менее, данные ограничения не отменяют значимости БРИКС как фактора международных отношений. Объединение функционирует не как замена традиционных механизмов международной безопасности, а как дополнительная площадка, расширяющая пространство для дипломатического манёвра.

Сегодня БРИКС является одним из ключевых элементов формирующегося многополярного мироустройства. В условиях глобальных конфликтов XXI в. объединение выполняет несколько взаимодополняющих функций: обеспечивает площадку для диалога государств с различными геополитическими интересами, формирует альтернативную финансовую архитектуру, снижающую эффективность санкционного давления, и транслирует позицию глобального Юга по ключевым вопросам международной безопасности [7, с. 22]. Принципиальный отказ БРИКС от статуса военно-политического блока, нередко воспринимаемый как слабость, на деле является источником его устойчивости – отсутствие обязывающих обязательств позволяет объединять Индию и Китай, Россию и Бразилию, ОАЭ и Иран под одной институциональной крышей. Расширение БРИКС в 2023-2024 гг. ещё более усилило этот потенциал, превратив объединение в подлинно глобальный форум с представительством всех ключевых регионов мира [2, с. 5-9].

Перспективы БРИКС в сфере управления конфликтами во многом определяются способностью объединения перейти от декларативной дипломатии к реальным механизмам медиации и постконфликтного восстановления. Реализация этого потенциала потребует преодоления внутренних противоречий между участниками и выработки более последовательной коллективной позиции по принципиальным вопросам международного порядка.

Литература:

1. Алексеева Р.А. Перспективы расширения БРИКС: проблемные аспекты и прогнозы // Журнал политических исследований. 2025. Т. 9, № 4. С. 146–159.

2. Антонова В.С. Развитие финансовых институтов БРИКС: новый банк развития и Пул условных валютных резервов // Время научного прогресса: Сборник научных трудов по материалам VIII Международной конференции, Волгоград, 06 декабря 2022 года. Волгоград: Сфера, 2022. С. 45-58.

3. Зеленков М.Ю. Международные конфликты XXI века: Учебник. М.: Издательство Инфра-М, 2024. 362 с.

4. Морозкина А.К. Без доллара? // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5. С. 153-160.

5. Непарко М.В. Многополярный мир в условиях создания новой экономической системы БРИКС // Вестник Калужского университета. 2024. № 4(65). С. 5-9.

6. Нестеров А.О. Наиболее серьёзные противоречия государств БРИКС и способы их преодоления // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2014. № 1(38). С. 115-119.

7. Тухватуллин Р.Р., Шаяхметов Ф.Ф., Кудашев У.Н. Перепутье мира: от кризиса либерального миропорядка к многополюсному миру // Евразийский юридический журнал. 2025. № 12 (211). С. 21-22.

8. Шагалов В.А. Роль БРИКС в урегулировании современных конфликтов // БРИКС: сотрудничество в целях развития: материалы IV Международной научной конференции. Москва: Российский университет дружбы народов, 2014. С. 6.

9. Зыков А.В. Войны XXI века и угрозы национальной безопасности в современной геополитической обстановке // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур 2021. № 4. С. 16-23.

© Батталов Р.Р., 2026

УДК 327.7:061.1

Э.И. Валиева
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ф.Ф. Шаяхметов

Valieva E.I
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor F.F. Shaiakhmetov

КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ШОС КАК ВЫЗОВ И ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРАЗИИ

CHINA-RUSSIAN COOPERATION IN THE SCO AS A CHALLENGE AND A FACTOR IN THE FORMATION OF A NEW SECURITY SYSTEM

Аннотация: В статье анализируется роль российско-китайского взаимодействия в рамках ШОС в условиях тектонических сдвигов в архитектуре международных отношений 2020-х гг. Рассматривается расширение повестки организации от антитеррористической до макроэкономической и логистической кооперации на фоне санкционного давления Запада и обострения региональных конфликтов. Раскрыты основные направления партнёрства: военно-политическое измерение, сопряжение ЕАЭС и «Пояса и пути», трансформация

логистических коридоров, научно-техническое и гуманитарное сотрудничество. Сделан вывод, что российско-китайский тандем выступает драйвером полицентричного мироустройства, однако сталкивается с асимметрией потенциалов и внешним противодействием.

Abstract: The article analyzes the role of Russian-Chinese interaction within the SCO in the context of tectonic shifts in international relations in the 2020s. It examines the expansion of the SCO agenda from counter-terrorism to macroeconomic and logistics cooperation amid Western sanctions and escalating regional conflicts. The main directions of partnership are disclosed: the military-political dimension, the alignment of the EAEU and the Belt and Road Initiative, the transformation of logistics corridors, and scientific, technical and humanitarian cooperation. The conclusion is drawn that the Russian-Chinese tandem acts as a driver of a polycentric world order but faces asymmetry of potential and external counteraction.

Ключевые слова: ШОС, Россия, Китай, евразийская безопасность, многополярность, логистические коридоры, сопряжение ЕАЭС и «Пояса и пути», научно-техническое сотрудничество.

Keywords: SCO, Russia, China, Eurasian security, multipolarity, logistics corridors, alignment of EAEU and BRI, scientific and technical cooperation.

После 2022 г. международные отношения вступили в фазу радикальной и необратимой фрагментации. Кризис вокруг Украины и последовавшее за ним резкое ухудшение отношений России с коллективным Западом, сопровождающееся беспрецедентным санкционным давлением [2, с. 12], совпали с обострением ситуации на Ближнем Востоке (эскалация конфликта в Газе и рост напряжённости вокруг Ирана) и затяжным кризисом доверия к глобальным институтам управления [4, с. 45]. Евроатлантическая модель безопасности, десятилетиями навязываемая как универсальная, продемонстрировала свою неспособность обеспечить равную и неделимую безопасность для всех государств Евразии. НАТО де-факто превратилось в инструмент ведения прокси-войны, а ОБСЕ окончательно утратила функциональность [5, с. 89].

В этих геополитических условиях единственным значимым институциональным противовесом и центром кристаллизации новой системы безопасности становится Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Ключевым драйвером развития ШОС и архитектором новой евразийской реальности выступает российско-китайское стратегическое партнёрство. Актуальность исследования обусловлена тем, что именно взаимодействие Москвы и Пекина в формате ШОС сегодня определяет контуры будущего миропорядка: от военно-политической координации и создания альтернативных логистических маршрутов до построения независимой финансовой и научно-технологической инфраструктуры. Цель данной работы — комплексно раскрыть как интеграционный потенциал, так и внутренние вызовы китайско-российского тандема в ШОС в период с 2022 по 2026 г.

Прежде чем анализировать многосторонний формат ШОС, необходимо выделить фундамент, на котором строится евразийская безопасность, – двустороннее взаимодействие РФ и КНР. Оно вышло далеко за рамки политических деклараций и охватывает практически все сферы жизни двух государств.

Экономическое и ресурсное сотрудничество. С 2022 г. произошла кардинальная переориентация российских экспортных потоков с Запада на Восток. Китай стал ключевым потребителем российских углеводородов. В 2024-2025 гг. объём двусторонней торговли преодолел психологическую отметку в $240 млрд, причём значительная доля расчётов переведена в национальные валюты (юань и рубль) [6]. Помимо энергоресурсов, активно развивается кооперация в сфере сельского хозяйства и продовольственной безопасности: Россия наращивает экспорт зерновых и мяса в КНР, что стабилизирует продовольственные рынки ШОС [7].

В условиях технологических санкций Запада против России и Китая (в области полупроводников, авиастроения, ИИ) научно-техническое сотрудничество приобрело критическое значение. Создаются совместные лаборатории в области квантовых вычислений, биотехнологий и новых материалов. В рамках ШОС эти наработки транслируются на пространство Центральной Азии, где реализуются проекты цифровизации на базе китайского оборудования и российского программного обеспечения [4, с. 115].

По гуманитарному направлению Москва и Пекин координируют усилия по продвижению общего культурно-исторического нарратива, противостоящего западной монополии на историческую правду. Увеличивается квота на обучение студентов по обмену, активно работает Университет ШОС, проводятся перекрёстные годы культуры. Гуманитарное сотрудничество служит социальной опорой для интеграционных процессов, снижая риски межнациональной напряжённости и радикализации молодёжи [5, с. 34].

Обострение ситуации вокруг Украины и Ирана стало катализатором углубления взаимодействия РФ и КНР по линии безопасности в рамках ШОС. Хотя ШОС не является военным блоком, военная координация России и Китая на её площадке нарастает. Совместные антитеррористические учения «Мирная миссия» трансформировались в манёвры, демонстрирующие способность сторон отражать широкий спектр гибридных угроз, включая угрозы дестабилизации в Центральной Азии из-за ситуации в Афганистане или потенциального конфликта вокруг Ирана [1, с. 67]. Региональная антитеррористическая структура (РАТС) ШОС под фактическим руководством РФ и КНР стала ключевым хабом обмена разведданными о передвижении боевиков ИГИЛ и других радикальных группировок с Ближнего Востока в Афганистан и далее в ЦА [10].

Вступление Ирана в ШОС в качестве полноправного члена в 2024 г. кардинально изменило геополитический ландшафт организации. Для России и Китая Тегеран – это стратегический партнёр в противодействии однополярному миру и важный узел транспортного коридора «Север-Юг». Конфронтация Ирана с Израилем и США создаёт для ШОС новую реальность – организация вынуждена вырабатывать консолидированную позицию по ближневосточному урегулированию, отличную от западноцентричной. РФ и КНР координируют дипломатические усилия в СБ ООН, чтобы не допустить военной эскалации против Ирана, что напрямую влияет на стабильность южных рубежей СНГ и китайских инвестиций в регионе [13, p. 93].

В ответ на санкционное давление и блокировку традиционных западных путей Россия и Китай форсируют развитие альтернативной транспортной инфраструктуры на пространстве ШОС. Это направление является ключевым материальным воплощением новой системы безопасности.

Развитие МТК «Север-Юг». Международный транспортный коридор «Север-Юг», соединяющий Россию через Каспий и Иран с Индией и портами Персидского залива, становится приоритетным проектом. С 2023 г. началось масштабное строительство недостающих железнодорожных участков в Иране (Решт-Астара) при финансовом участии РФ и технологическом содействии КНР. Это снижает зависимость торговли от Суэцкого канала и Балтийских портов, обеспечивая ШОС собственной логистической артерией.

Продолжается работа над Соглашением о торгово-экономическом сотрудничестве между Китаем и ЕАЭС. Китайские инвестиции в модернизацию Транссиба, БАМа и строительство скоростной автомагистрали «Меридиан» создают единый транспортный каркас от Шанхая до Санкт-Петербурга. Это не только экономическая кооперация, но и фактор «связности» безопасности: инфраструктура служит для быстрой переброски гуманитарных грузов и сил реагирования в случае кризисов [14, p. 211].

Несмотря на высокий уровень кооперации, российско-китайское лидерство в ШОС сталкивается с рядом структурных вызовов. КНР является экономическим гегемоном организации. Доля Китая в совокупном ВВП стран ШОС превышает 70%. Это создаёт риск того, что страны Центральной Азии будут рассматривать ШОС исключительно как механизм доступа к китайским кредитам и инвестициям в рамках «Пояса и пути», что может вступать в противоречие с российскими интересами сохранения традиционного влияния в сфере безопасности и языка [13, p. 88].

Включение Индии и Пакистана в ШОС в 2017 г. на саммите в Астане, а затем Ирана (2023 г.) и Беларуси (2024 г.) значительно изменило баланс сил внутри организации. Индия последовательно блокирует китайскую инициативу «Пояс и путь» (из-за проекта CPEC в Кашмире), рассматривая ШОС как поле для сдерживания Пекина [15, p. 55]. Пакистан, напротив, лоялен Китаю, но имеет острые противоречия с Индией. Балансирование между этими центрами силы требует от Москвы и Пекина сложного дипломатического маневрирования.

Страны Центральной Азии испытывают колоссальное давление со стороны США и ЕС, требующих соблюдения санкционного режима против России и сокращения взаимодействия с Китаем. Формат «С5+1» (США + Центральная Азия) пытается составить конкуренцию ШОС. В этих условиях РФ и КНР вынуждены предлагать более привлекательные условия кооперации, что повышает стоимость интеграционного проекта [12, p. 180].

Таким образом, китайско-российское сотрудничество в Шанхайской организации сотрудничества в период 2024-2026 гг. превратилось из ситуативного партнёрства в системообразующий фактор формирования новой архитектуры евразийской безопасности. В условиях затяжного кризиса на Украине, эскалации вокруг Ирана и разрыва отношений с Западом, Москва и

Пекин демонстрируют способность консолидировать вокруг себя значительную часть незападного мира. Важными показателями трансформации современного миропорядка стали активизация деятельности не только ШОС, но и БРИКС с участием в них все большего количества стран Глобального юга [8, с. 21].

Об эффективности китайско-российского сотрудничества и взаимодействия свидетельствуют достигнутые качественные сдвиги в военно-технической сфере, в создании независимых логистических маршрутов (МТК «Север-Юг») и сопряжении экономических потенциалов ЕАЭС и «Пояса и пути». Однако долгосрочная устойчивость ШОС как центра силы будет зависеть от способности России и Китая гармонизировать свои интересы в научно-технической и финансовой сферах, а также предложить странам Центральной Азии, Индии и Ирану такую модель отношений, при которой выгоды от членства в организации перевешивают риски вторичных санкций и внешнего давления. ШОС становится не просто региональной структурой, а полигоном для создания и тестирования дееспособности принципиально иного – полицентричного мироустройства.

Литература:

1. Винокуров Е.Ю., Цукарев Т.В. Международный транспортный коридор «Север-Юг»: экономический потенциал и влияние санкций // Вопросы экономики. 2025. № 4. С. 195-215.
2. Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5. С. 84-102.
3. Кашин В.Б. Военно-политическое взаимодействие РФ и КНР на фоне украинского кризиса // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. № 2. С. 63-78.
4. Лузянин С.Г. ШОС в новом геополитическом измерении: итоги 2024 года // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 1. С. 20-35.
5. Маслов А.А. Россия – Китай 2025: стратегическое партнёрство в условиях турбулентности // Азия и Африка сегодня. 2025. № 3. С. 2-11.
6. Петровский В.Е. Научно-технологический суверенитет Большой Евразии: вызовы и перспективы ШОС // Международная жизнь. 2024. № 11. С. 110-125.
7. Сафронова Е.И. Гуманитарное измерение ШОС: современное состояние и потенциал // Китай в мировой и региональной политике. 2025. Т. 27. С. 28-42.
8. Тухватуллин Р.Р., Шаяхметов Ф.Ф., Кудашев У.Н. Перепутье мира: от кризиса либерального миропорядка к многополюсному миру // Евразийский юридический журнал. 2025. № 12 (211). С. 21-22.
9. Хафизова К.Ш. Китай в Центральной Азии: экономическая экспансия или взаимовыгодное сотрудничество? // Вестник МГИМО-Университета. 2025. № 2. С. 105-122.
10. Bordachev T. The Eurasian Security Framework: From Theory to Practice // Russia in Global Affairs. 2025. Vol. 23. № 1. P. 9-27.
11. Clarke M. The SCO's Counter-Terrorism Role after the US Withdrawal from Afghanistan // The RUSI Journal. 2025. Vol. 170. № 1. P. 34-49.

12. Cooley A. Central Asia's Multi-Vectorism under Pressure: Between Beijing, Moscow, and the West // Survival. 2025. Vol. 67. № 2. P. 173-192.
13. Ehteshami A. Iran and the Shanghai Cooperation Organization: Strategic Hedging in a Multipolar Context // Middle East Policy. 2025. Vol. 32. № 2. P. 88-105.
14. Gabuev A. The Great Game 2.0: Eurasia's Infrastructure Battles // Foreign Affairs. 2024. Vol. 103. № 6. P. 205-221.
15. Ikenberry G.J. The End of the Liberal International Order? // Foreign Affairs. 2024. Vol. 103. № 3. P. 42-57.
16. Singh P. India within the SCO: Hedging or Balancing? // Asian Security Review. 2024. Vol. 12. № 1. P. 40-58.

© Валиева Э.И., 2026

УДК 94:338.47

К.К. Валиханова
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ф.Ф. Шаяхметов

K.K. Valikhanova
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor F.F. Shaiakhmetov

ОТ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ К НОВЫМ ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНЫМ КОРИДОРАМ: ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СВЯЗЕЙ

FROM THE GREAT SILK ROAD TO NEW TRANSCONTINENTAL CORRIDORS: THE EVOLUTION OF EURASIAN CONNECTIONS

Аннотация: В статье рассматривается эволюция евразийских транспортных связей от Великого шёлкового пути до современных транспортных логистических маршрутов XXI в. Показана историческая роль Шёлкового пути как первого глобального маршрута между Востоком и Западом. Особое внимание уделяется новым проектам: «Один пояс – один путь», МТК «Север – Юг», Транскаспийскому коридору, Северному морскому пути, а также роли ЕАЭС. Проведено сравнение древнего и новых маршрутов по скорости, масштабам, экономической эффективности и воздействию вызовам. Актуальность тепы статьи обусловлена геоэкономической конкуренцией, санкциями, переориентацией мировой торговли после 2022 г. и формированием многополярного мира с ключевой ролью Евразии.

Abstract: This article examines the evolution of Eurasian transport links from the Great Silk Road to modern 21st-century transport logistics routes. It explores the Silk Road's historical role as the first global route between East and West. Particular attention is paid to new projects: the Belt and Road Initiative, the North-South International Transport Corridor, the Trans-Caspian Corridor, the Northern Sea Route, and the role of the Eurasian Economic Union (EAEU). The ancient and new routes are compared in terms of speed, scale, economic efficiency, and impact. The relevance of this article is determined by geoeconomic competition, sanctions, the reorientation of global trade after 2022, and the emergence of a multipolar world with Eurasia playing a key role.

Ключевые слова*:* Великий шёлковый путь, Один пояс — один путь, Север — Юг, Транскаспийский коридор, Северный морской путь, ЕАЭС, евразийская интеграция

Keywords: Great Silk Road, Belt and Road Initiative, North–South Corridor, Trans-Caspian Corridor, Northern Sea Route, EAEU, Eurasian integration

Актуальность исследования обусловлена растущей геоэкономической конкуренцией, необходимостью диверсификации логистических маршрутов в условиях глобальных санкций и переориентации торговых потоков после 2022 г., а также стремлением к формированию многополярного мира, где Евразия стала играть ключевую роль в международной торговле и интеграции. Особую значимость приобретает анализ новых трансконтинентальных коридоров (включая Северный морской путь) как инструментов сопряжения интересов России, Китая и других евразийских государств.

Великий Шёлковый путь возник во II в. до н.э. благодаря усилиям китайского императора У-ди и его посланника Чжан Цяня. Это была сеть караванных троп, соединявших Китай через Центральную Азию, Ближний Восток со Средиземноморьем. Шёлковый путь сыграл огромную роль в развитии Евразии, обеспечивая не только обмен товарами (шёлк, специи, фарфор, золото, шерсть), но и распространение культурных ценностей, технологий и религий [2]. Для древних государств это был «мост» между цивилизациями. Документальные свидетельства (китайские хроники династии Хань) и археологические находки подтверждают интенсивный культурный и торговый обмен [20].

Экономическое значение Великого шёлкового пути трудно переоценить. По оценкам историков, в период расцвета (VI-XIII вв.) по нему ежегодно перевозилось до 10–15 тысяч тонн товаров. Города-оазисы вдоль маршрута – Самарканд, Бухара, Мерв, Хотап – превратились в крупнейшие торговые и культурные центры своего времени. Именно через шёлковый путь в Европу попали бумага, порох, компас, а также медицинские и астрономические знания. В обратном направлении распространялись буддизм, несторианство, ислам. Таким образом, к XI-XII вв. сформировалась единая евразийская коммуникационная система, не имевшая аналогов в мировой истории.

К XV-XVI вв. Великий шёлковый путь постепенно утратил значение. Главные причины – открытие морских путей португальцами и испанцами. В 1498 г. Васко да Гама обогнул Африку, что сделало морскую торговлю между Европой и Азией быстрее и дешевле сухопутной караванной [4, с. 90-91]. Кроме того, Османская империя после захвата Константинополя в 1453 г. установила контроль над ключевыми участками сухопутных маршрутов, введя высокие пошлины для европейских купцов. Последующая эпоха Великих географических открытий окончательно переориентировала мировые торговые потоки на океанские пути.

В XIX-XX вв. Евразия оказалась разделена идеологическими и политическими барьерами. Российская империя в конце XIX в. построила Транссибирскую магистраль (1891–1916 гг.) – первую трансконтинентальную железную дорогу, соединившую Москву с Владивостоком. Однако в советский период транспортная система СССР была ориентирована преимущественно на внутренние связи и страны социалистического лагеря, а не на глобальную евразийскую интеграцию. После распада СССР в 1991 г. появились новые независимые государства Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизия, Таджикистан), которые начали активно искать своё

место в мировой торговле и транспортной системе. Именно в 1990-е гг. впервые заговорили о возрождении «Шёлкового пути» уже на современной технологической основе – с железными дорогами, автомобильными магистралями, портами и контейнерными терминалами.

В XXI в. Евразия переживает настоящий «транспортный ренессанс». Китай в 2013 г. запустил инициативу «Один пояс — один путь» (Belt and Road Initiative, BRI). Это глобальный проект, который включает «Экономический пояс Шёлкового пути» (сухопутный) и «Морской шёлковый путь XXI века» (морской). Китай инвестирует в дороги, порты, железные дороги, энергетику и цифровую инфраструктуру по всей Евразии и за её пределами. К 2024-2025 гг. в проекте участвуют более 150 стран, объём инвестиций превысил 1 триллион долларов США. Для России участие в BRI – это возможность сопряжения с проектами ЕАЭС, привлечения инвестиций в инфраструктуру Дальнего Востока и Сибири, а также усиления своей роли как транзитного моста между Китаем и Европой [3; 4; 13].

Международный транспортный коридор «Север – Юг» (МТК Север – Юг) соединяет Россию, Азербайджан, Иран, Индию и страны Персидского залива. Грузы из Индии и портов Персидского залива идут через Иран и Каспийское море в Россию, а далее – в страны Северной и Восточной Европы. Это прямая альтернатива Суэцкому каналу: путь занимает на 10-14 дней меньше, а стоимость перевозки – на 15-20% ниже. По оценкам Евразийского банка развития, потенциальный грузопоток коридора составляет 14,6-24,7 млн тонн в год. После 2022 г., в условиях санкций и ухода западных логистических операторов, МТК «Север – Юг» получил мощный импульс развития: начато строительство железнодорожного участка Решт – Астара (Иран – Азербайджан), модернизируются порты Астрахань, Оля, Махачкала и Лагань [5; 8; 10; 18].

Средний (Транскаспийский) международный транспортный маршрут (ТМТМ / Middle Corridor) проходит через Китай, Казахстан, Каспийское море (порты Актау и Курык), Азербайджан (порт Баку), Грузию, Турцию и далее в страны Европы. Это «обходной» маршрут, менее зависимый от контроля России и от рисков на Черном море. После событий 2022 г. объёмы перевозок по Транскаспийскому коридору выросли в 2-3 раза, достигнув 2-3 млн тонн в 2024 г., и продолжают расти. Основные операторы – Казахстан и Азербайджан – активно модернизируют портовую инфраструктуру и паромное сообщение [5; 6].

Ещё одна перспективная артерия – Северный морской путь (СМП). Он проходит вдоль северного побережья России от Мурманска до Владивостока и соединяет Европу с Азией кратчайшим морским путём. Расстояние от Санкт-Петербурга до Иокогамы через СМП составляет около 14 000 км, тогда как через Суэцкий канал – почти 23 тыс км. Благодаря изменению климата и развитию российского атомного ледокольного флота (включая новейшие ледоколы проекта 22220) СМП становится круглогодичным маршрутом. Грузопоток по СМП вырос с 4 млн тонн в 2014 г. до 36 млн тонн в 2023 г., а к 2030 г. планируется достичь 150-200 млн тонн. СМП рассматривается не только как внутренний российский маршрут, но и как важнейший элемент евразийской

транспортной архитектуры, открытый для международного транзита и сопряжения с китайской инициативой «Один пояс – один путь». В 2024 г. через СМП прошли первые контейнерные суда китайских компаний, что подтверждает растущий интерес к этой арктической трассе [19].

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) играет важную роль в интеграции транспортных проектов на постсоветском пространстве. ЕАЭС объединяет Россию, Беларусь, Казахстан, Армению и Киргизию и обеспечивает свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы на единой таможенной территории. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем (подписано в 2018 г., вступило в силу в 2019 г.) стало правовой основой для координации проектов в области транспорта, цифровой экономики и инвестиций [1; 6; 10; 11]. В «Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» сопряжение с китайской инициативой «Один пояс — один путь» закреплено как один из приоритетов [3].

Сравнение древнего Шёлкового пути и современных коридоров выявляет как сходства, так и принципиальные различия. В древности путь занимал от 6 до 12 месяцев, товары были дорогими и доступными только для элиты, главным было культурное и цивилизационное общение. Риски – разбойники, природные условия, болезни. Сегодня контейнерный поезд из Чэнду (Китай) в Дуйсбург (Германия) проходит 7 тыс км за 12-18 дней, перевозя сотни типов товаров – от электроники до автозапчастей. Экономика и эффективность выходят на первый план. Но появляются и новые вызовы: санкционное давление, геополитическая конкуренция (между США, ЕС, Китаем и Россией), экологические нормы (углеродный след транспорта), кибербезопасность цифровых логистических платформ. Однако общее неизменно: Евразия остаётся центром мировых связей, а контроль над транспортными маршрутами – одним из ключевых факторов глобального влияния [1; 2; 19].

К дополнительным современным вызовам можно отнести необходимость стандартизации цифровых документов (электронные накладные, транзитные декларации) и синхронизации технических параметров железных дорог (ширина колеи: 1 520 мм на постсоветском пространстве и 1 435 мм в Европе и Китае). В рамках BRI и ЕАЭС ведутся пилотные проекты по цифровой таможне и автоматизированному обмену данными, что постепенно снимает эти ограничения.

Эволюция евразийских связей демонстрирует переход от древних караванов к современным трансконтинентальным коридорам, работающим в режиме 24/7 и управляемым цифровыми технологиями. «Один пояс – один путь», МТК «Север – Юг», Транскаспийский коридор, Северный морской путь и проекты ЕАЭС – это не просто транспортные артерии, а инструменты формирования мультиполярного мира, в котором ни одна страна или блок не имеют монополии на транзит и торговлю. Для России активное участие в сопряжении этих проектов, развитие собственной инфраструктуры и поддержание культурного диалога вдоль исторических маршрутов Шёлкового пути открывают возможности как для экономического роста, так и для укрепления международного авторитета.

Литература:

1. Вискова А.Ю. Международный транспортный коридор «Север – Юг» // Социальная и экономическая география. 2019. № 3 (18). С. 19-23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyi-transportnyi-koridor-sever-yug?ysclid=msgghhi012370038848 (дата обращения: 15.04.2026).

2. Гусевская Н.Ю. Великий шёлковый путь: история и современность // Политическая наука и социология. 2015. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/velikiy-shelkovyy-put-istoriya-i-sovremennost (дата обращения: 10.04.2026).

3. Забазнова Н.М., Мурадова И.Ю., Дементьева М.С. Великий Шёлковый путь и инициатива «Один пояс и один путь» как новая модель международного сотрудничества // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2024. Т.20. №4.

4. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

5. Китаев И.В. Транскаспийский международный транспортный маршрут: состояние, перспективы развития и роль Китая // Постсоветские исследования. 2025. Т.8. №6. С. 728-737.

6. Кудьярова Ж.Т. Транскаспийский международный транспортный маршрут и его влияние на международную логистику // Наука, техника и образование. 2016. №4 (22). С. 1-5.

7. Небречнин А.С., Небречнин С.М. Перспективы участия РФ в китайском геоэкономическом проекте «Один пояс – один путь» // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. С. 282-287.

8. Понька Т.И., Чмыхова Е.А., Неточенко Е.А. Развитие проекта «Новый шелковый путь» через Прикаспийский регион и его влияние на энергетические отношения с Россией // Международные отношения. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.2.74110 EDN: MAQSTB. URL: https//nbpublish.com/Hbrary_read_article.ptp?id=74110 (дата обращения: 10.04.2026).

9. Саматов Г., Сарвирова Н., Арифжанова Н. «Великий шёлковый путь» – надёжный мост между Азией и Европой // Транспорт шёлкового пути. 2021. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/velikiy-shelkovyy-put-nadezhnyy-most-mezhdu-aziey-i-evropoy?ysclid=msgfrxue8658041440 (дата обращения: 10.04.2026).

10.Федулов И.В. Международный транспортный коридор «Север – Юг» в новых геополитических условиях: современное состояние и перспективы // Восточная аналитика. 2023. № 14(3). С. 81-97. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-transportnyy-koridor-sever-yug-v-novyh-geopoliticheskih-usloviyah-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy (дата обращения: 10.04.2026).

11.Федулов И.В. Транспортные коридоры – долгий путь от политических заявлений до практической реализации // Социальная и экономическая география. 2024. № 3. С. 50-70. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transportnye-koridory-dolgiy-put-ot-politicheskih-zayavleniy-do-prakticheskoy-realizatsii?ysclid=msgg56y6p182065770 (дата обращения: 10.04.2026).

12.Щербанин Ю.А. Международный транспортный коридор «Север – Юг»: что получилось // Социальная и экономическая география. 2018. № 6 (79). С. 3-6. URL: https://ijournal-as.com/jour/index.php/ijas/article/view/284 (дата обращения: 10.04.2026).

13.Derudder B. et al. Connectivity Along Overland Corridors of the Belt and Road Initiative. World Bank, 2018. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/264651538637972468/pdf/Connectivity-Along-Overland-Corridors-of-the-Belt-and-Road-Initiative.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

14.Embassy of India, Astana. Seminar on “Reimagining Connectivity – India-Kazakhstan Trade-Role of INSTC” // Embassy of India, Astana. 2025. URL: https://www.indembastana.gov.in/section/press-releases/dthe-embassy-of-india-astana-in-association-with-maqsut-narikbayev-university-mnu-organized-a-seminar-titled-reimagining-connectivity-india-kazakhstan-trade-role-of-instc-with-a-special-focus-on-the-international-north-south-transport-corridor-on-11-march-2025/ (дата обращения: 10.04.2026).

15.Eurasian Transport Network: Projects Observatory and Interactive Map // Eurasian Development Bank. 2025. 31/7. URL: https://eabr.org/en/analytics/all-publications/eurasian-transport-network-projects-observatory-and-interactive-map/ (дата обращения: 10.05.2026).

16.Hansen V. The Silk Road: A New History. Oxford University Press, 2012. 320 p.

17.Iran, Russia, and Azerbaijan agree to stabilize rates on North–South Corridor // Pars Today. 2025. URL: https://parstoday.ir/en/news/world-i240812-iran_russia_and_azerbaijan_agree_to_stabilize_rates_on_north_south_corridor (дата обращения: 10.04.2026).

18.Kenderdine T., Bucsky P. Middle Corridor – Policy Development and Trade Potential of the Trans-Caspian International Transport Route // Asian Development Bank Institute. 2021. May. № 1268. https://www.adb.org/sites/default/files/publication/705226/adbi-wp1268.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

19.Likhachev A. Number of ship voyages along Northern Sea Route up 20% in 2025 // TASS. 2025. URL: https://tass.com/economy/2029239 (дата обращения: 10.04.2026).

20.Vinokurov E. et al. The International North–South Transport Corridor: Promoting Eurasia's Intra- and Transcontinental Connectivity. Almaty, Moscow: Eurasian Development Bank. 2021. 21/5. 119 p. URS: https://vinokurov.info/wp-content/uploads/2021/12/edb_2021_report-5_instc_eng.pdf (дата обращения: 12.04.2026).

© Валиханова К.К., 2026

УДК 327.8

И.А. Васильев
магитрант УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. филол. н., доцент И.Р. Саитбатталов

I.A. Vasilev
master's student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. philol. s., associate professor I.R. Saitbattalov

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ КОГНИТИВНЫХ ОПЕРАЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

SOCIAL NETWORKS AS A TOOL OF COGNITIVE OPERATIONS IN INTERNATIONAL RELATIONS

Аннотация: Статья посвящена социальным сетям как инструменту когнитивных операций в международных отношениях. В статье раскрывается сущность когнитивных операций в социальных сетях, описываются инструменты ведения когнитивной войны в социальных сетях, рассматривается реакция международного сообщества на растущую угрозу и описываются возможные меры для противодействия когнитивной войне в социальных сетях.

Abstract: This article examines social media as a tool for cognitive operations in international relations. It explores the nature of cognitive operations on social media, describes the tools for waging cognitive warfare on social media, examines the international community's response to this growing threat, and outlines possible measures to counter cognitive warfare.

Ключевые слова: когнитивная война, социальные сети, дезинформация, информационная война, цифровая среда, манипуляция общественным мнением, алгоритмы рекомендаций, информационные пузыри, политическая поляризация, кибербезопасность, фейковые новости, когнитивные искажения, геополитическое влияние, медиаграмотность.

Keywords: cognitive warfare, social media, disinformation, information warfare, digital environment, public opinion manipulation, recommendation algorithms, information bubbles, political polarization, cybersecurity, fake news, cognitive biases, geopolitical influence, media literacy.

Социальные сети в настоящее время играют центральную роль в проведении операций когнитивной войны. Когнитивная война в социальных сетях представляет собой поле битвы, где информация используется стратегически для влияния на восприятие и поведение, формируя цифровую среду в пользу определенных акторов, будь то государства, организации или отдельные лица [4, с. 5] [3, с. 4, 18]. Когнитивная война влияет на общественное мнение, усиливает социальное разделение и вызывает общественные дебаты, способствуя радикализации и поляризации. Когнитивная война стремится влиять на умы населения противника и лиц, принимающих решения в государстве, нацеливаясь на изменение их решений и действий, использует социальные сети для изменения их когнитивного процесса, эксплуатируя ментальные предвзятости, чтобы вызвать искажения мышления на индивидуальном, так и на групповом уровнях [4, с. 5, 8]. Комбинация перегруженной информационной среды, ограниченное критическое мышление

пользователя и система рекомендаций платформ, которая дает приоритет эмоциональному контенту, создали идеальную почву для распространения дезинформации и поляризующих нарративов [5, с. 15-16].

Когнитивная война возникает как долгосрочная геополитическая стратегия, которая направлена на влияние на политическую сферу и создание устойчивых последствий для общества. В политической сфере когнитивная война с помощью социальных сетей используется как инструмент для вмешательства в выборы, манипуляции политическими повестками и дестабилизации правительств. В контексте безопасности когнитивные операции в социальных сетях могут быть использованы для распространения ложной информации, которая ставит под угрозу национальную безопасность, направленную на дискредитацию государственных институтов, поскольку манипуляция информацией также может использоваться для вызова хаоса, дестабилизации обществ и достижения геополитических целей [4, с. 6, 11].

Таблица 1. Инструменты ведения когнитивной войны в социальных сетях

Инструмент	Описание
Таргетированная реклама	Собирая данные пользователей, когнитивная война использует их для отображения рекламы определенному кругу людей, тем самым влияя на их поведение.
Система рекомендаций [4, с. 10] [5, с. 11]	Алгоритмы платформ отображают контент на основе потребляемого контента пользователя, тем самым способствуя распространению определенных нарративов и попаданию пользователя в «информационный пузырь».
Дезинформация и фейковые новости [4, с. 9] [5, с. 8]	Преднамеренное распространение ложной или вводящей в заблуждение информации используется для создания путаницы, дезориентации и влияния на общественное мнение населения противника.
Фейковые аккаунты и боты [4, с. 6]	Массовое создание фейковых аккаунтов, чтобы влиять на тренды, лайки, комментарии, создавая видимость общественной поддержки определенной позиции.
Лидеры общественного мнения [2, с. 25]	Специально отобранные и купленные блогеры, стримеры, экспертные лица используются для распространения заранее заданной повестки в «человеческом» и неформальном стиле.

Учитывая силу информации влиять на массы при помощи социальных сетей, возникло растущее обсуждение относительно их широкого использования и влияния на общества, а также необходимости установить механизмы контроля и проверки. В 2017 г. была принята Совместная декларация о свободе выражения мнения и «фейковых» новостях, дезинформации и пропаганде, разработанная авторитетными международными организациями в ответ на резко усилившуюся роль информации как инструмента политической борьбы и международного влияния. Этот документ стал реакцией на глобальные процессы, связанные с ростом социальных сетей, цифровых платформ и трансграничного распространения информации, что привело к появлению новых форм манипуляции общественным мнением, включая организованные кампании дезинформации. Декларация гласит, что любые меры по борьбе с дезинформацией должны строго соответствовать международным нормам свободы выражения мнения и не превращаться в инструмент политического

контроля. Вместо репрессивных мер декларация предлагает поднимать медиаграмотность населения, поскольку долгосрочная устойчивость общества к дезинформации, по мнению авторов, зависит не от запретов, а от способности граждан самостоятельно критически оценивать информацию. Значительная часть декларации посвящена роли цифровых платформ, которые стали ключевыми посредниками в распространении информации. Отмечается, что такие платформы должны действовать более прозрачно, особенно в отношении алгоритмов распространения контента и политики модерации [1].

В отчете о глобальных рисках 2025 г. Всемирный экономический форум подчеркивает риск, связанный с информацией, особенно в форме дезинформации и вводящего в заблуждение контента как ключевую проблему в рамках двухлетнего горизонта рисков. Отчет также подчеркивает, как эта угроза подрывает способность отдельных лиц, бизнеса и правительств различать истину и ложь. Более того, он указывает на то, что угрозы социальной и политической поляризации усиливаются в среде, созданной социальными медиа, из-за алгоритмов платформ и ранжирования контента на основе пользователей и актуальных тем [5, с. 6].

Таблица 2. Возможные меры для противодействия когнитивной войне в социальных сетях

Мера	Описание
Образование и медиаграмотность [4, с. 12] [5, с. 11]	Продвигать цифровое образование и медиаграмотность, чтобы пользователи могли идентифицировать и противостоять дезинформации.
Проверка фактов и верификация информации [4, с. 12] [5, с. 11]	Реализовать и укрепить механизмы проверки фактов для борьбы с распространением фейковых новостей.
Прозрачность и регулирование алгоритмов [4, с. 12] [5, с. 11]	Требовать прозрачности и регулирования алгоритмов социальных сетей, чтобы предотвратить распространение определенных нарративов.
Повышение кибербезопасности [4, с. 12]	Инвестировать в кибербезопасность для защиты социальных сетей от атак, направленных на получение данных пользователей.

Борьба с когнитивной войной в социальных сетях уже сейчас является необходимостью для безопасности государств, поскольку она стремиться подорвать доверие населения к государственным институтам. Однако, противодействие когнитивной войной в социальных сетях поднимает этические и правовые вопросы, связанные с конфиденциальностью, свободой слова и регулированием контента.

Литература:

1. Совместная декларация о свободе выражения мнения, а также «фейковых» новостях, дезинформации и пропаганде [Электронный ресурс]. URL: https://rfom.osce.org/ru/node/302796 (дата обращения: 10.04.2026).

2. Уралов С. Украинская трагедия. Технологии сведения с ума. СПб.: Лира, 2023. 384 с.: ил.

3. Cognitive warfare [Электронный ресурс]. URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (дата обращения: 09.04.2026).

4. Cognitive warfare on social networks: threats, challenges and implications for society [Электронный ресурс]. URL: https://periodicos.newsciencepubl.com/arace/article/view/4023 (дата обращения: 09.04.2026).
5. Social Media as Weapons of Mass Influence and the Need for a Doctrine of Information [Электронный ресурс]. URL: https://www.defensa.gob.es/documents/2073105/2320887/las_redes_sociales_como_armas_de_influencia_masiva_2025_dieeeo68_eng.pdf/b3f9e385-fbdc-34b6-80e7-a99185a25372?t=1757405101784 (дата обращения: 10.04.2026).
© Васильев И.А., 2026

УДК 327

Д.М. Дихина
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Н.А. Бессилин

D.M. Dikhina
master's student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor N.A. Bessilin

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ ОРУЖИЕМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ДО И ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

INTERNATIONAL ARMS TRADE IN THE MIDDLE EAST BEFORE AND AFTER THE ARAB SPRING

Аннотация: В статье на основе данных Стокгольмского международного института исследования проблем мира анализируется трансформация международной торговли оружием на Ближнем Востоке в период до и после событий «арабской весны» 2011 года. Сопоставление динамики поставок за 1999-2008, 2004-2008, 2006-2010, 2011-2015 гг. позволяет выявить ускорение темпов роста регионального импорта вооружений и смену ведущих импортеров. Также внимание уделено изменению географии поставок, а также диверсификации источников вооружений новыми региональными лидерами.

Abstract: Based on data from the Stockholm International Peace Research Institute, the article analyzes the transformation of the international arms trade in the Middle East in the period before and after the events of the Arab Spring in 2011. A comparison of supply dynamics for 1999-2008, 2004-2008, 2006-2010, and 2011-2015 reveals an acceleration in the growth rate of regional arms imports and a change in leading importers. Attention is also paid to changing the geography of supplies, as well as the diversification of arms sources by new regional leaders.

Ключевые слова: торговля оружием, экспорт оружия, импорт оружия, Ближний Восток, «арабская весна».

Keywords: arms trade, arms exports, arms imports, the Middle East, the Arab Spring.

«Арабская весна» стала одним из ключевых переломных моментов в сфере международной торговли вооружениями на Ближнем Востоке, поскольку массовые протесты, смена режимов и последующие вооруженные конфликты существенно трансформировали региональную архитектуру безопасности и спрос на вооружения. Политическая нестабильность в ближневосточных

странах усилила внутренние и межгосударственные противоречия, что привело к росту военных расходов и расширению импорта вооружений ведущими государствами региона [9]. По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (далее – СИПРИ) уже в посткризисный период наблюдался значительный рост поставок оружия в регион: например, в 2016-2020 гг. импорт вооружений странами Ближнего Востока увеличился на 25% по сравнению с 2011-2015 гг., причем наибольший рост продемонстрировали Саудовская Аравия, Катар и Египет [1]. Подчеркивается, что после 2011 г. регион не только сохранил статус одного из крупнейших мировых рынков вооружений, но и усилил свою роль в глобальной системе военно-технического сотрудничества, поскольку государства стремились укрепить обороноспособность на фоне затяжных конфликтов в Сирии, Ливии и Йемене. В более долгосрочной динамике доля стран Ближнего Востока в мировом импорте вооружений превысила четверть глобальных поставок, что подтверждает устойчивость факторов спроса на вооружения даже после завершения активной фазы вооруженных событий [2]. Следовательно, сопоставление периода до и после «арабской весны» позволяет выявить изменения в географии поставок и политико-экономических мотивах импорта вооружений, что делает исследование данного периода важным для понимания эволюции международной торговли оружием и ее влияния на региональную безопасность.

Для начала необходимо отметить, что с 1999 г. по 2008 г. поставки оружия на Ближний Восток увеличились на 34% [3]. Основные причины – вторжение США в Афганистан, война в Ираке, израильско-палестинский конфликт, развитие ядерной программы Ирана. Данный рост поставок оружия можно рассматривать как фактор, обострivший региональную напряженность и гонку вооружений, что создало «благоприятную среду» для быстрой эскалации, когда политические кризисы 2011 г. переросли в вооруженные столкновения. Однако сама по себе он не стал основной причиной «арабской весны». Именно конфликты стали главным основанием дальнейшего роста военных расходов и импорта оружия в регионе, что признается и аналитиками СИПРИ.

Основными поставщиками оружия на Ближний Восток в период с 2004 по 2008 гг. были США: на их долю приходилось 53% от общего объема поставок основных видов обычного вооружения [3]. В период с 2004 по 2008 гг.четко прослеживается распределение оружейных потоков – крупнейшие поставщики оружия «западного блока» США, Франция, Германия отпускали значительную часть товара Израилю, ОАЭ, Египту, Саудовской Аравии, Турции и др., а другой крупнейший поставщик в лице России, находившимся под санкциями, – Ирану, Ираку, а также Сирии [10].

Можно заметить и высокую степень концентрации экспорта оружия у определенных игроков. Например, три страны – Израиль, ОАЭ, Египет – поглощали 81,1% всех американских поставок в регион, 99,5% французского экспорта приходилось на ОАЭ и Саудовскую Аравию, Турция занимала 92,6 % всех поставок оружия Германии, а в Иран уходило около 59% оружия из России [3]. Оружейный рынок в эти годы показывает малое количество

покупателей с огромной долей приобретенного вооружения. Это создавало уязвимую ситуацию, при которой возможная переориентация одного из основных получателей могла значительно изменить баланс сил среди экспортеров.

Кроме того, следует выделить фигуру Израиля в этот период – при очень высокой импортной зависимости от США (99% импорта основных вооружений), Израиль являлся 11-м в мире по экспорту вооружений, в частности, мировым лидером по экспорту БПЛА [3].

Единственным крупным экспортером основных видов обычного вооружения в ближневосточном регионе являлась Турция, однако в 2004-2008 гг. объем ее поставок составлял лишь десятую часть от израильского [3]. Двойной статус Турции как крупнейшего импортера (от Германии) и растущего экспортера (в Албанию, Ирак и Пакистан) показывает, что она стремилась к технологическому трансферу и реэкспорту (часть экспорта составляло подержанное оборудование).

Что касается российских поставок оружия, Иран и Сирия значительно зависели от России [3]. Это означало, что любое политическое давление со стороны Запада автоматически лишало эти страны альтернативных источников вооружений. Например, в 2010 г. Россия, являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, проголосовала за резолюцию №1929, которая вводила новые санкции против Ирана, включающие расширение эмбарго на торговлю оружием [4]. После этого российское правительство приняло решение приостановить выполнение контракта на поставку Ирану зенитно-ракетных комплексов С-300 [5]. Контракт на миллиарды долларов был заморожен на 5 лет, а поставки системы ПВО, крайне необходимые Ирану для защиты ядерных объектов, были отложены.

Таким образом, анализ поставок основных видов вооружения в 2004-2008 гг. позволяет выделить несколько ключевых характеристик того периода. Во-первых, сложилась четкая модель распределения потоков. Во-вторых, рынок выделялся высокой концентрацией спроса. Эта картина позволяет увидеть исходную структуру регионального рынка вооружений до «арабской весны».

Чтобы проанализировать динамику торговли оружием на Ближнем Востоке после событий 2011 г., обратимся к данным информационного листа СИПРИ 2016, где рассмотрены темпы роста поставок оружия с 2006-2010 гг. по 2011-2015 гг. Главный количественный показатель – импорт оружия государствами Ближнего Востока вырос на 61% в указанный период [6]. Если сравнивать с периодом 2004-2008 гг., темпы роста ускорились почти вдвое.Этот скачок значительно превышает темпы роста мирового экспорта (США нарастили поставки лишь на 27%), что иллюстрирует прямую зависимость между ростом политической нестабильности в регионе после 2011 г. и ускорением наращивания военных закупок.

Что касается крупнейших экспортеров в регион, США остались ведущим поставщиком, однако география их поставок изменилась – 41% всего американского оружия был направлен на Ближний Восток, то есть почти половина вооружений, покидающих США, поступала в регион, охваченный

конфликтами [6]. При этом состав крупнейших получателей изменился: вместо Израиля, ОАЭ и Египта на первое место вышла Саудовская Аравия, за которой следуют ОАЭ и Турция [6]. Зависимость ближневосточных стран от американского оружия не только сохранилась, но и усилилась в абсолютном выражении, а Вашингтон стал активно формировать военный потенциал нового центра силы в регионе – саудовской коалиции, участвующей в йеменской интервенции.

В структуре регионального импорта произошли значительные сдвиги. Саудовская Аравия стала вторым крупнейшим импортером оружия в мире, поглощая 27% от всех поставок в регион, что было обусловлено ееинтервенцией в Йемен в 2015 г. [6]. Катар также продемонстрировал масштабный рост покупки вооружения (на 279%) [6], стремясь диверсифицировать военные коалиции, например, через сотрудничество с Турцией, которая разместила в Катаре военную базу и помогала в подготовке личного состава и создании инфраструктуры [7].

Важнейший качественный сдвиг, зафиксированный СИПРИ состоит в том, что высокий уровень импорта вооружений в Египет, Катар, Саудовскую Аравию и ОАЭ стал непосредственным условием для начала военной интервенции в Йемене в 2015 г. [6]. Если в предшествующий период оружие служило преимущественно инструментом сдерживания и защиты, то после «арабской весны» оно начинает использоваться для коалиционных военных операций за пределами национальных границ.

Иран, напротив, выпал из числа значимых импортеров из-за эмбарго ООН и других международных ограничений: уровень его закупок в 2011-2015 гг. оценивается как очень низкий, что контрастирует с 2004-2008 гг., когда Иран получал 59% российских поставок в регион. Следовательно, после «арабской весны» Иран оказался в оружейной блокаде, что подтолкнуло его к развитию собственного ВПК (что косвенно подтверждается последующими данными о поставках дронов в Россию). Также Израиль в данном отчете не фигурирует среди крупнейших получателей американского оружия, что свидетельствует о перераспределении региональных потоков в пользу стран Персидского залива.

В период 2011-2015 гг. уже не наблюдается ранее выявленная особо высокая степень концентрации экспорта оружия у определенных поставщиков: например, на долю трех ведущих импортеров региона – Саудовской Аравии, ОАЭ и Турции – приходится 25,4% американских поставок. При этом Саудовская Аравия заказала 150 боевых самолетов и тысячи ракет из США, 14 самолетов из Великобритании, а также бронетехнику из Канады с башнями из Бельгии, что является примером «многосторонней сборки» вооружений из разных стран [6]. Исходя из этого, можно понять, что, во-первых, расширился круг покупателей, например, США стали поставлять оружие значительно большему числу стран – как минимум в 96 государств. Во-вторых, параллельно с этим страны регионаначали активно диверсифицировать источники вооружений, что обусловлено стремлением к технологическому суверенитету, готовностью обратиться к альтернативным поставщикам для получения лучших условий и снижением зависимости от одного источника.

Важным моментом стало выделение роли негосударственных акторов в сфере поставок оружия. СИПРИ выявлено «восемь повстанческих группировок, которые в 2011-2015 гг. импортировали основные виды оружия, но ни на одну из них не приходилось более 0,02% от общего объема поставок» [6]. Кроме того, большая часть вооружения иракских вооруженных сил было захвачено или уничтожено террористической группировкой ИГИЛ (запрещен в РФ) в 2014 г., однако, импорт оружия в Ирак вырос на 83% [6].

Отдельно стоит отметить, что в 2008-2012 гг. начинают укрепляться позиции Китая как экспортера оружия: он занял пятое место в списке крупнейших поставщиков [8]. Китай позиционирует себя как альтернатива западным поставщикам, что в долгосрочной перспективе может изменить баланс сил в регионе.

Проведенный анализ международной торговли оружием на Ближнем Востоке на основе данных СИПРИ в период до и после «арабской весны» показал, что регион пережил определенную трансформацию: изменилась география поставок и спроса, произошла смена лидеров-импортеров, а импортируемые вооружения стали не только средством обороны, но и инструментом прямого военного вмешательства в региональные конфликты.

Литература:

1. International arms transfers level off after years of sharp growth; Middle Eastern arms imports grow most, says SIPRI. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sipri.org/media/press-release/2021/international-arms-transfers-level-after-years-sharp-growth-middle-eastern-arms-imports-grow-most (дата обращения: 05.04.2026).

2. Recent trends in international arms transfers in the Middle East and North Africa. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sipri.org/commentary/topical-backgrounder/2025/recent-trends-international-arms-transfers-middle-east-and-north-africa (дата обращения: 05.04.2026).

3. SIPRI Background Paper. Arms transfers to the Middle East. [Электронныйресурс]. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/files/misc/SIPRIBP0907.pdf (дата обращения: 05.04.2026).

4. Текст Резолюции 1929 (2010), принятой Советом Безопасности на его 6335-м заседании 9 июня 2010 года. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/content/document/file/124011/1929.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

5. Россия подтвердила, что заморозит поставку Ирану С-300. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/politics/11/06/2010/5703db0b9a79470ab5021ace (дата обращения: 07.04.2026).

6. SIPRI Fact Sheet. Trends in international arms transfers, 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRIFS1602.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

7. Кожемяк Н. Современное состояние армии Катара. [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennoe-sostoyanie-armii-katara/ (дата обращения: 09.04.2026).

8. Ежегодник СИПРИ 2013. Вооружения, разоружение и международная безопасность (перевод ИМЭМО РАН). [Электронный ресурс]. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/sipri-yearbook-2013-in-russian.pdf (дата обращения: 09.04.2026).

9. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

10. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.

© Дихина Д.М., 2026

УДК 327

А.М. Имамеев
магистрант УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

A.M. Imameev
Master's student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Y. S. Usova

ОРМУЗСКИЙ ПРОЛИВ – ГЛАВНАЯ БОЛЕВАЯ ТОЧКА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

THE STRAIT OF HORMUZ IS THE MAIN PAIN POINT OF THE GLOBAL ECONOMY

Аннотация: Статья посвящена анализу уникальной геостратегической уязвимости Ормузского пролива. В отличие от других ключевых морских артерий, его перекрытие не имеет жизнеспособных альтернатив, что создает системный риск для глобальной энергетической безопасности. Автор детально рассматривает объемы транспортировки нефти и, что особенно важно, сжиженного природного газа (СПГ), делая акцент на критической роли Катара как ведущего поставщика гелия — стратегического ресурса для высоких технологий. В контексте эскалации конфликта между Ираном, США и Израилем исследуется сценарий не просто блокады, а целенаправленного уничтожения энергетической инфраструктуры, способного вызвать долгосрочный коллапс мировой экономики.

Abstract: The article analyzes the unique geostrategic vulnerability of the Strait of Hormuz. Unlike other key maritime chokepoints, its closure has no viable alternatives, creating a systemic risk to global energy security. The author examines in detail the volumes of oil and, crucially, liquefied natural gas (LNG) transit, highlighting the critical role of Qatar as a leading supplier of helium—a strategic resource for high-tech industries. Within the context of escalating conflict between Iran, the USA, and Israel, the study explores a scenario not merely of blockade, but of targeted destruction of energy infrastructure capable of causing a long-term collapse of the global economy.

Ключевые слова: Ормузский пролив, мировая экономика, энергетическая безопасность, сжиженный природный газ (СПГ), гелий, Катар, Иран, геополитический риск, морские узкие места.

Keywords: Strait of Hormuz, global economy, energy security, liquefied natural gas (LNG), helium, Qatar, Iran, geopolitical risk, maritime chokepoints.

Мировая экономика, подобно живому организму, пронизана системой артерий – морских путей, по которым ежедневно циркулируют потоки сырья, товаров и капитала [1]. Такие узкие места, как Суэцкий и Панамский каналы, Малаккский или Баб-эль-Мандебский проливы, периодически становятся очагами напряженности, вызывая временные сбои в логистике и рост страховых ставок [3]. Однако у каждого из этих маршрутов, пусть и с издержками, существует альтернатива. Суда могут пойти вокруг Африки, избрать иные проливы или сухопутные коридоры [4]. Ормузский пролив, узкая полоса воды между Ираном и Аравийским полуостровом, стоит в этом ряду особняком. Его потенциальное перекрытие – это не логистическая неудобство, а «отключение сердца» современной индустриальной цивилизации, не имеющее быстрого медицинского аналога [5]. Это делает его не просто важным маршрутом, а главной болевой точкой планетарного масштаба, давление на которую способно парализовать целые континенты.

Значение Ормузского пролива традиционно ассоциируется с нефтью, и эти ассоциации имеют под собой железобетонное статистическое основание. Ежедневно через этот коридор шириной в самых узких точках менее 40 километров проходит около 21 миллиона баррелей «черного золота». Это составляет почти 21% мирового потребления нефти и около 30% всей морской транспортировки сырой нефти. География поставок делает эти цифры еще более тревожными [6]. Основными экспортерами, чья экономическая и политическая стабильность напрямую зависит от свободного судоходства, являются страны Персидского залива. В порядке убывания объемов, проходящих через пролив, это: Саудовская Аравия, Ирак, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Иран и Катар. Для некоторых из них, в частности для ОАЭ и Кувейта, Ормузский пролив является единственным морским путем для экспорта нефти. Попытки создать альтернативные трубопроводы, такие как нефтепровод из ОАЭ в порт Фуджайра на берегу Оманского залива, лишь частично решают проблему, отводя лишь часть потока и не меняя общей картины катастрофической зависимости региона от одной точки на карте [2, с. 89].

Однако сосредоточение исключительно на нефти – это взгляд в прошлое. Подлинная стратегическая ценность Ормузского пролива в XXI в. все больше смещается в сторону природного газа, а точнее – сжиженного природного газа (СПГ) и сопутствующих ему редких элементов. Катар является не просто одним из крупнейших в мире экспортеров СПГ, он – мировой монополист в поставках гелия, газа, не имеющего аналогов в критически важных отраслях. Ежегодно через пролив проходит более 110 миллиардов кубометров СПГ, что составляет около 20% глобальной торговли этим ресурсом. Катар, чьи гигантские месторождения Северного и Южного Парса, являются источником этого потока, построил свою экономику на превращении газа в сжиженное состояние и его отправке танкерами по всему миру [1, с. 36].

Именно здесь кроется системный риск нового качества. Гелий, побочный продукт при переработке природного газа, является незаменимым элементом. Он обладает самой низкой температурой кипения среди всех элементов, что делает его жизненно необходимым для:

- высоких технологий: производства полупроводников и оптического волокна, без которого немыслима современная микроэлектроника и интернет.

- науки и медицины: работа магнитно-резонансных томографов (МРТ), охлаждение сверхпроводящих магнитов в Большом адронном коллайдере и других исследовательских установках.

- аэрокосмической отрасли: очистка баков ракетного топлива, создание инертной среды при сварке [3, с. 66].

Катар контролирует около 30% мирового рынка гелия, а с учетом его доли в резервах – более 50%. Альтернативные источники в США, Алжире или России не могут компенсировать потерю катарского гелия в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе из-за сложности его добычи, хранения и логистики. Остановка СПГ-заводов в Катаре из-за блокады пролива приведет к немедленному коллапсу цепочек поставок в микроэлектронике, медицинской диагностике и фундаментальной науке, замедлив технологическое развитие на годы [4, с. 25].

Географическое положение Ирана превращает его из потенциального сторожа пролива в держателя уникального инструмента геополитического шантажа. Тегеран неоднократно заявлял о готовности перекрыть Ормузский пролив в случае прямой военной агрессии со стороны США или Израиля. Однако в современном контексте простой блокады может оказаться недостаточно для достижения максимального эффекта. Иранская военная доктрина в регионе предполагает асимметричные действия. В случае полномасштабного конфликта целью станут не только танкеры в проливе, но и критическая инфраструктура по обе его стороны [5].

Речь идет о целенаправленных ударах крылатыми ракетами и дронами по нефтяным терминалам Рас-Таннура в Саудовской Аравии, островным перевалочным хабам в ОАЭ, нефтеперерабатывающим заводам в Кувейте и, что самое разрушительное, по гигантским СПГ-заводам на побережье Катара, таким как промышленный город Рас-Лаффан. Уничтожение этих объектов, представляющих собой сложнейшие технологические комплексы, – это не временное нарушение поставок. Это гарантированное выведение из строя ключевых активов мировой энергетики на многие месяцы, а возможно, и годы. Восстановление подобных заводов требует не только миллиардов долларов, но и уникального оборудования, высококвалифицированных специалистов и времени. Открытие пролива через неделю или месяц после такой атаки уже не решит проблему: экспортировать будет нечего [6].

Чтобы наглядно продемонстрировать уникальность рисков, связанных с Ормузским проливом, обратимся к сравнительному анализу.

Таблица 1. Сравнительная характеристика ключевых мировых морских узкостей

Название узкости	Основной грузопоток	Суточный объем (приблизительно)	Наличие альтернатив
Ормузский пролив	Нефть, СПГ, гелий	21 млн барр. нефти, 0.3 млрд м³ СПГ	Практически отсутствуют (трубопроводы покрывают <10%)
Малаккский пролив	Контейнеры, нефть в Китай	16 млн барр. нефти	Возможен объезд через проливы Зондский, Ломбок, Макасарский (удлинение пути)

Суэцкий канал	Контейнеры, нефтепродукты	5-6 млн барр. нефти	Маршрут вокруг мыса Доброй Надежды (удлинение на 7-14 дней)
Баб-эль-Мандебский пролив	Нефть в Европу, СПГ из Катара	4.8 млн барр. нефти	Трубопроводы через Саудовскую Аравию (нефть)
Панамский канал	Контейнеры, зерно, СПГ из США	0.5 млн барр. нефтепродуктов	Сухопутные перевозки через США, маршрут через Суэц или вокруг мыса Горн

Вывод из таблицы очевиден: только для Ормузского пролива альтернативы носят символический характер. Его значение усугубляется концентрацией не просто сырья, а стратегических ресурсов (СПГ, гелий), критичных для функционирования постиндустриальной экономики.

Таким образом, Ормузский пролив представляет собой не просто географическую точку на карте, а фундаментальную уязвимость в архитектуре глобализации. Его уникальность заключается в смертельной комбинации трех факторов: беспрецедентных объемов энергоносителей, отсутствия реальных альтернатив для их транспортировки и наличия регионального игрока – Ирана, – который обладает как мотивацией, так и военно-техническими возможностями для реализации сценария тотального разрушения. Перекрытие пролива станет не локальным кризисом, а каскадным коллапсом, который запустит цепную реакцию: взлет цен на энергоносители до невиданных высот, паралич высокотехнологичных отраслей из-за нехватки гелия, политическую дестабилизацию в странах-импортерах и глобальную рецессию. В этом контексте любые дипломатические и военные усилия, направленные на снижение напряженности в Персидском заливе, являются не региональной политикой, а страховкой для будущего всей мировой экономики. Игнорирование этой болевой точки может оказаться самой дорогой ошибкой современной геополитики.

Литература:

1. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

2. Колотуша В. В. Стратегические морские коммуникации в современной геополитике // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 4. С. 89-110.

3. Усова Ю.С. Особенности культурного самоопределения населения Новой Англии и Британской Вест-Индии в 1620-1689 гг. // Общество: философия, история, культура. 2025. № 8(136). С. 156-161.

4. Усова Ю.С. Проблемы энергетической безопасности Индии в первой четверти XXI в. // Мир в эпоху перемен: вызовы и возможности для международного сотрудничества: сборник материалов международной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения выдающегося советского дипломата, уроженца Башкортостана Карима Абдрауфовича Хакимова, Уфа, 05 декабря 2025 года. Уфа: Аэтерна, 2026. С. 293-296.

5. Global Energy Security and the Strait of Hormuz / Ed. by M. A. Smith. London: Routledge, 2022. 280 p.

6. The Strait of Hormuz: Chokepoint of Global Energy / Report by the U.S. Energy Information Administration (EIA). 2023. 45 p.

© Имамеев А.М., 2026

УДК 327

А.М. Имамеев, А.И. Саитов
магистранты УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

A.M. Imameev, A.I. Saitov
master's students, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Y. S. Usova

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ – АРЕНА БУДУЩЕЙ СХВАТКИ ЕВРОПЫ И РОССИИ

THE BALTIC SEA IS THE ARENA OF THE FUTURE BATTLE BETWEEN EUROPE AND RUSSIA

Аннотация: Статья исследует уникальное сочетание факторов, которые превращают Балтийское море в возможную арену будущего противостояния между Россией и странами НАТО. Рассматривается военно-стратегическое значение Калининградского анклава как «непотопляемого авианосца» РФ, экономическая уязвимость России из-за зависимости от балтийских нефтегазовых терминалов, а также исторические прецеденты морской блокады, которые могут быть применены в современном контексте. Особое внимание уделяется хрупкости прибалтийских государств, которые могут стать первыми жертвами в случае эскалации, и оперативной возможности НАТО установить контроль над акваторией, превратив Балтику во «внутреннее море» Альянса. Анализ приводит к выводу, что географическая замкнутость и высокая концентрация военных сил делают регион пороховой бочкой, способной детонировать по воле политических элит, ищущих быстрого пути к конфронтации.

Abstract: This article examines the unique combination of factors that are turning the Baltic Sea into a potential arena for future confrontation between Russia and NATO countries. It explores the military-strategic significance of the Kaliningrad exclave as Russia's "unsinkable aircraft carrier," Russia's economic vulnerability due to its reliance on Baltic oil and gas terminals, and historical precedents of naval blockade that could be applied in a modern context. Particular focus is placed on the fragility of the Baltic states, which could become the first casualties in the event of escalation, and NATO's operational ability to establish control over the sea area, turning the Baltic into an "internal sea" of the Alliance. The analysis concludes that geographical confinement and the high concentration of military forces make the region a powder keg, capable of detonating at the behest of political elites seeking a fast track to confrontation.

Ключевые слова: Балтийское море, военно-стратегическое противостояние, морская блокада, энергетическая безопасность, нефтеналивные терминалы, НАТО, российские вооружения, Прибалтийские государства.

Keywords: Baltic Sea, military-strategic confrontation, naval blockade, energy security, oil terminals, NATO, Russian armaments, Baltic states.

Балтийское море в течение многих веков являлось и является перекрестком государственных интересов, торговых путей и культур. Россия в XVIII в. предприняла огромные усилия, чтобы закрепится на его берегах [3, с.122-125].

На первый взгляд, Балтийское море в XXI в. со своими неглубокими водами и изрезанными берегами кажется периферийным европейским театром. Однако под этой кажущейся безмятежностью скрывается сложнейший узел военных, экономических и геополитических противоречий, способный в любой момент

превратиться в арену прямого столкновения интересов России и объединенного Запада. Уникальность Балтики заключается в ее почти полной «интернализации» в зону ответственности НАТО после вступления Финляндии и Швеции в альянс. Фактически, за исключением российского побережья у Калининграда, Санкт-Петербурга и Кронштадта, весь периметр моря контролируется странами-членами блока. Это создает для России ощущение стратегической осады, а для НАТО – соблазнительную возможность оперативного контроля над ключевыми для Москвы коммуникациями.

Для Российской Федерации балтийское направление остается критически важной экономической артерией. Именно здесь расположены мощнейшие терминалы по экспорту энергоресурсов, обеспечивающие значительную часть валютных поступлений. Порт Усть-Луга – это не просто точка на карте, а настоящий энергетический хаб, откуда идет отгрузка как нефти, так и сжиженного природного газа (СПГ). Рядом с ним действует терминал в Приморске, специализирующийся на нефтеналивных операциях. Вместе они формируют альтернативный Черноморскому (Новороссийск) маршрут экспорта сырья в Европу. Любое нарушение работы этих портов парализует целые цепочки поставок и нанесет колоссальный ущерб российской экономике [1, с. 14].

Однако эта жизненно важная аорта предельно уязвима. Акватория Балтики узка, судоходные пути хорошо известны и легко отслеживаются. В случае кризиса установление морской блокады не потребует от флотов НАТО титанических усилий. Историческая параллель здесь напрашивается сама собой. В годы Великой Отечественной войны немецкому и финскому флотам, несмотря на отчаянные попытки советских подводников, удалось практически полностью заблокировать выход из Финского залива, в том числе с помощью грандиозных противолодочных сооружений – сетей и минно-артиллерийских позиций. Проблема была решена лишь после вывода Финляндии из войны. Современные технологии – развертывание мобильных мин, постоянное патрулирование авиацией и надводными кораблями, контроль со стороны Швеции и Финляндии над архипелагами – делают задачу изоляции российских портов на Балтике технически еще более осуществимой.

Центром любого балтийского кризиса неминуемо станет Калининградская область. Этот российский анклав, отделенный от основной территории государства странами НАТО, является одновременно и самой большой головной болью для альянса, и самым слабым звеном для самой России. С одной стороны, область превращена в мощнейшую крепость. Ее насыщенность современными ракетными комплексами «Искандер», средствами ПВО С-400 и радиолокационными системами такова, что Калининград справедливо называют «непотопляемым авианосцем» России. Отсюда под прицелом оказывается практически вся Центральная и Восточная Европа [2, с. 36].

С другой стороны, географическое положение делает анклав идеальным объектом для быстрой и демонстративной блокады в рамках «горячей» фазы гипотетического конфликта. Сухопутные коммуникации через Литву и Польшу (транзитный коридор «Санкт-Петербург – Калининград») могут быть перерезаны в считанные часы. Морские пути – заблокированы, как описано

выше. Таким образом, регион, предназначенный для устрашения, сам может оказаться в стратегических «клещах», требующих от Москвы немедленной и крайне рискованной реакции для его спасения.

В гипотетическом сценарии быстрого развязывания конфликта страны Балтии – Литва, Латвия и Эстония – оказываются в трагически уязвимой позиции. Их территории неизбежно станут передним краем обороны НАТО и, соответственно, первым объектом ответного удара со стороны группировок войск в Калининграде и под Санкт-Петербургом. Это создает парадоксальную ситуацию: для европейских и американских элит, стремящихся к силовой конфронтации с Россией, Балтийский регион является «удобным» плацдармом. Конфликт здесь можно локализовать, а возможные потери на территории небольших и отдаленных от ключевых центров Европы государств могут быть сочтены «приемлемым ущербом» в большой геополитической игре. Историческая отчужденность Западной Европы от Прибалтики лишь усиливает этот холодный расчет [4, с. 28].

Конфликт в Балтийском море с высокой вероятностью начнется не с пуска ракет, а с действий в «серой зоне», направленных на подрыв критической инфраструктуры. Регион буквально опутан подводными кабелями связи и энергомостами, такими как «NordBalt» (Швеция-Литва) или «Estlink» (Эстония-Финляндия). Их повреждение или уничтожение может быть представлено как «несчастный случай» или действие «неустановленных третьих сил», но приведет к коллапсу энергосистем и коммуникаций в странах Балтии, сея панику и проверяя на прочность статью 5 Североатлантического договора. Для России же уязвимостью является морская часть «Северного потока-2», даже будучи законсервированной. Ее возможная провокационная диверсия может быть использована как казус белли для ужесточения режима санкций или введения «морского карантина» под предлогом экологической угрозы. Таким образом, дно Балтики становится полем для превентивной и трудно доказуемой войны, где каждая сторона будет искать возможности нанести ущерб противнику, не переходя красную черту открытого столкновения [5, с. 19].

Уникальная гидрология Балтийского моря – его затрудненный водообмен с Атлантикой – превращает его в гигантскую экологическую чашу Петри. Любой масштабный конфликт с применением обычных вооружений, сопровождающийся потоплением десятков судов, разрушением портовой и прибрежной промышленности, приведет к катастрофическому загрязнению. Разливы нефти и химикатов, затопленные боеприпасы и техника создадут долговременную зону экологического бедствия, последствия которой будут ощущаться десятилетиями. Это знание действует как сдерживающий фактор, но также может быть использовано в пропагандистских целях: любая авария или инцидент будут немедленно представлены как преднамеренная «эко-агрессия» противника. Угроза экологического коллапса добавляет морально-этическое измерение будущему конфликту, потенциально мобилизуя общественное мнение Европы сильнее, чем абстрактные геополитические аргументы [6, с. 45].

Замкнутость театра военных действий накладывает жесткие ограничения на возможности флотов. Крупные надводные корабли (такие как эсминцы или крейсеры) России в Балтийском море превращаются в «сидячих уток» из-за угрозы с воздуха и от береговых противокорабельных комплексов НАТО (например, норвежских NSM или немецких ракет). Основная ставка делается на малые ракетные корабли, подводные лодки проекта 636.3 «Варшавянка» и, что важнее всего, на береговые ракетные комплексы «Бастион» и «Бал». Со стороны НАТО ключевую роль играют не американские авианосные группы, которые здесь просто не развернуться, а мобильные силы быстрого реагирования, патрульная авиация (БПЛА, самолеты P-8 Poseidon) и, прежде всего, вооруженные силы прибрежных государств – Финляндии, Швеции и Польши, чьи флоты идеально адаптированы к местным условиям. Это создает парадокс: в регионе сконцентрированы огромные силы, но возможности для их масштабного маневренного применения крайне ограничены. Сдерживание строится не на угрозе победы в классическом морском сражении, а на гарантии взаимного гарантированного колоссального ущерба в первые же часы конфликта.

Балтийское море сегодня – это не просто водоем, а гигантская, заполненная военной техникой и экономическими интересами ловушка. Его географическая замкнутость, завершившаяся после расширения НАТО, экономическая зависимость России от балтийских портов и изолированная мощь Калининградского анклава создают уникальный по своей опасности микс. Этот регион легче других поддается милитаризации и эскалации. Для сторонников жесткой линии в западных столицах Балтика предлагает «быстрый» сценарий втягивания в конфликт с Россией, где можно продемонстрировать решимость, не рискуя немедленным ударом по Берлину, Парижу или Риму. Однако подобная игра с огнем на таком тесном и насыщенном пространстве чревата мгновенным переходом к полномасштабной войне, последствия которой будут катастрофическими для всех без исключения прибрежных государств. Балтика стала тихой заводью, где тревожное будущее европейской безопасности просвечивает сквозь воду уже сегодня.

Литература:

1. Бартенев В.И. Геополитика Балтийского моря: история и современность. СПб.: Издательство СПбГУ, 2020. 418 с.
2. Григорьев М.С. Стратегическая нестабильность: Калининградский анклав в системе безопасности Европы. М.: Российский совет по международным делам, 2022. 178 с.
3. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.
4. Кокошин А.А. Балтийский флот в военно-политическом противостоянии XXI века. М.: Ленанд, 2019. 304 с.
5. Лукин А.В. (ред.) «Северный поток-2» и энергетическая безопасность Европы: экономика, политика, право. М.: Международные отношения, 2021. 265 с.

6. Нордстрем Л. Балтика — внутреннее море НАТО? Стратегия альянса в регионе после 2022 года // Журнал европейских и атлантических исследований. 2024. № 1. С. 45–78.

© Имамеев А.М., 2026

УДК 327

А.Е. Кардашова
магистрант УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Хадимуллин

A.E. Kardashova
master's student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Khadimullin

КОСОВСКИЙ КОНФЛИКТ И ЕГО СОСТОЯНИЕ В ПЕРИОД ЮГОСЛАВСКИХ ВОЙН

THE KOSOVO CONFLICT AND ITS STATUS DURING THE YUGOSLAV WARS

Аннотация: Статья посвящена всестороннему историческому и документальному анализу косовского конфликта как одного из ключевых очагов напряжённости на Балканах и в системе международных отношений. На основе привлечения документальных материалов и литературных источников рассматриваются события, связанные с военным конфликтом на территории Косово в период югославских войн. В работе раскрывается процесс зарождения конфликта, его предпосылки (как внутренние, так и внешние), достижение им точки эскалации, а также переход к деэскалации. Особое внимание уделяется роли международных акторов – НАТО, ООН, Европейского союза, России, США и Китая – в развитии и урегулировании конфликта, а также восприятию военно-исторических событий в обществе. В статье представлены основные способы урегулирования конфликта и сложности, которые возникают при попытке воплотить их на практике в условиях противоречивых позиций ключевых международных игроков.

Abstract: The article is devoted to a comprehensive historical and documentary analysis of the Kosovo conflict as one of the key sources of tension in the Balkans and in the system of international relations. Based on the use of documentary materials and literary sources, the article examines the events related to the military conflict in Kosovo during the Yugoslav Wars. The article reveals the process of the conflict's emergence, its prerequisites (both internal and external), its escalation, and its subsequent de-escalation. Special attention is paid to the role of international actors — NATO, the United Nations, the European Union, Russia, the United States, and China — in the development and resolution of the conflict, as well as to the perception of military-historical events in society. The article presents the main ways of resolving the conflict and the difficulties that arise when trying to implement them in practice, given the conflicting positions of key international players.

Ключевые слова: Косово, Сербия, югославские войны, НАТО, операция «Союзная сила», международные отношения, урегулирование конфликта.

Key words: Kosovo, Serbia, Yugoslav Wars, NATO, Allied Force, international relations, conflict resolution.

Балканы на протяжении многих веков остаются регионом с высокой степенью нестабильности, где сталкиваются интересы разных народов и государств. В этом контексте югославский кризис, и особенно этап, связанный

с войной в Косове (1998–1999 гг.), продолжает привлекать пристальное внимание исследователей и экспертов. Международное сообщество до сих пор пытается разобраться в истоках и деталях сербско-албанского вооруженного противостояния, которое послужило поводом для повторного вмешательства сил НАТО на Балканы (впервые альянс вступил в конфликт в Боснии и Герцеговине в 1991–1995 гг.). Ситуация дополнительно обостряется тем, что многие противоречия, возникшие после распада Югославии, до сих пор не нашли своего разрешения.

Балканы до сих пор не могут успокоиться из-за ситуации вокруг Косово. Именно этот край сегодня является главным источником нестабильности в регионе. Еще в феврале 2008 г. местные депутаты сами, без согласия Белграда, объявили о создании собственного государства. Через два года в ООН подтвердили: с точки зрения международного права это допустимо. Но Сербия с таким положением дел не смирилась. Для нее Косово и Метохия – не отдельная страна, а своя же территория, пусть и с особым статусом. Хотя по факту влиять на происходящее там Белград перестал уже много лет назад. К тому же независимость этого края не признают ни Москва, ни Пекин, ни Тель-Авив, ни Тегеран, ни Мадрид, ни Афины – и это далеко не полный список. В итоге сложилась ситуация затяжного конфликта низкой интенсивности между Белградом и Приштиной. Характерный пример – ноябрь 2018 г., когда власти Косово ввели стопроцентные ввозные пошлины на продукцию из Сербии, Боснии и Герцеговины, что де-факто стало началом торговой войны.

Несмотря на то, что военная фаза осталась в прошлом, а бомбардировки и этнические чистки прекратились, проблема далека от окончательного решения. Вероятность новых столкновений сохраняется, а потому именно глубокий и непредвзятый анализ минувших событий способен стать залогом предотвращения подобных трагедий в будущем. Корни косовского конфликта уходят вглубь XX в. Еще в 1918 г., при создании Королевства сербов, хорватов и словенцев, наметились противоречия между сербами и другими народами, включая албанцев. В 1944–1945 гг. Народная армия Югославии подавила албанское сопротивление в Косове, но Тито, стремясь к стабильности, запретил возвращение изгнанных сербов и предоставил краю автономию. В 1960-е г. жесткий контроль Службы госбезопасности при Александре Ранковиче сдерживал албанский национализм, однако после отставки Ранковича начался рост антисербских настроений. Конституция 1963 г. усилила протесты, а в 1968 г. прошли первые открытые митинги с требованием придать Косову статус республики.

В 1971 г. Тито жестко пресек движение, известное как «Хорватская весна», а также ограничил влияние сербских сторонников реформ. После этого была инициирована масштабная конституционная реформа. В результате принятия Конституции 1974 г. Косово фактически вышло из-под контроля Сербии: автономный край получил полномочия, практически равные республиканским. Это стало мощным стимулом для развития албанского национального движения, в частности, появления «Движения за национальное освобождение Косова». В то же время начался массовый отток сербского и черногорского населения: за период с

1961 по 1980 г. Косово покинули свыше 90 тысяч сербов и около 20 тысяч черногорцев. Одновременно наблюдался значительный приток албанцев в регион.

Смерть Тито в мае 1980 г. стала поворотным моментом. Уже в 1981 г. Косово охватили вооруженные беспорядки с лозунгом «Косово – республика», погромами и сожжением монастыря в Печской патриархии. Армия подавила выступления, но кризис нарастал. В апреле 1987 г. Слободан Милошевич, новый глава сербских коммунистов, после стычки сербов с албанской милицией произнёс: «Никто не смеет вас бить», – став для сербов национальным защитником. К 1989 г. он отменил автономию Косова, что вызвало погромы и гибель 24 человек. В Словении и Хорватии тем временем набирал силу национализм, а в 1990 г. к власти в четырех республиках пришли националистические партии.

На международной арене Югославия в начале 1990-х имела все шансы войти в Европейское сообщество: она была членом ООН, СЭВ, Движения неприсоединения и лидировала по численности населения на Балканах. Однако крушение социалистической системы и ухудшение глобальной конъюнктуры наложились на внутренние противоречия. Точкой невозврата стал «Матч ненависти» в мае 1990 г. – массовая драка сербских и хорватских болельщиков в Загребе. Вслед за этим началась антисербская кампания в Хорватии, сербы провозгласили автономию в Краине, и конфликт перешел в горячую фазу.

Парижские переговоры, проходившие в 1999 г., завершились безрезультатно. В ответ на это Великобритания и Соединенные Штаты выдвинули собственный план по урегулированию кризиса. Этот документ предусматривал предоставление Косову полной политической самостоятельности, размещение на его территории воинского контингента НАТО и вывод оттуда подразделений югославской армии и министерства внутренних дел. Албанская сторона согласилась на предложенные условия, тогда как сербы восприняли их как добровольное отторжение собственных земель. 23 марта 1999 г. югославское руководство заявило о готовности наделить Косово политическим суверенитетом, однако решительно выступило против ввода натовских сил в автономный край. В тот же день вечером альянс отдал приказ о начале военной операции «Союзная сила», целью которой было принуждение Белграда к полному выполнению предложенного плана.

Основное содержание кампании заключалось в массированных воздушных ударах по сербской инфраструктуре – как гражданской, так и военно-стратегической. Целями стали крупнейшие города страны, включая ее столицу Белград. В конфликте приняли участие вооруженные силы 14 государств. Авианалеты длились почти 80 дней – с 24 марта по 10 июня 1999 г. За этот промежуток времени самолеты совершили 35 219 вылетов и сбросили 23 000 ракет и авиабомб. Соединенные Штаты применили 60 крылатых ракет морского базирования и 218 ракет, запущенных с земли; британские силы использовали подводные лодки, выпустив 20 снарядов. Официальная статистика свидетельствует, что жертвами бомбардировок среди гражданского населения стали более 1700 человек. Экономический ущерб, причиненный Югославии, оценивается в 1 млрд долларов; в сербских источниках фигурирует

сумма в 29,6 млрд долларов, из которых 23,25 млрд приходится на потерянный валовой внутренний продукт.

Конфликт в Косове, разгоревшийся в конце XX в., стал одним из самых значимых событий не только для Балкан, но и для всей системы международных отношений. В его основе лежал спор за территорию, который быстро приобрёл черты межэтнического и религиозного противостояния. Албанцы, стремясь установить контроль над регионом, который сербы считают своей исторической родиной, столкнулись с жестким сопротивлением. Североатлантический альянс, руководствуясь собственными интересами, счел необходимым вмешаться в ситуацию извне.

Распад Югославии стал историческим фактом, однако косовская проблема так и не была урегулирована. Противостояние между Белградом и Приштиной продолжается, а Республика Косово признана лишь частично. Ее суверенитет не признают ни Сербия, ни Россия, ни Китай, ни ряд других государств. С точки зрения сербского законодательства, Косово продолжает числиться автономным краем внутри страны, хотя в реальности Белград давно потерял рычаги влияния на эту территорию. В северных районах проживают в основном этнические сербы, которые не желают подчиняться официальной Приштине. Ключевая проблема в поиске выхода из тупика – это восприятие конфликта каждой из сторон как борьбы, где один может победить только за счет другого. Для Белграда утрата Косова будет означать ощутимый геополитический проигрыш. Для косоваров же возвращение под сербскую юрисдикцию (даже с широкой самостоятельностью) – это потеря всего, чего они добились. Поэтому найти взаимовыгодное решение здесь почти нереально. Договориться на равных практически невозможно. Кроме того, среди косовской политической элиты нет единства.

С 2000 г. Белград постепенно уступал Приштине по ряду вопросов. В 2013 г. было подписано Брюссельское соглашение, которое расширило права косовских албанцев. Одной из уступок стало разрешение самостоятельно устанавливать импортные пошлины. Однако руководство Косова продолжает настаивать на полной независимости и использует для этого не только дипломатические, но и силовые методы, включая провокации: убийство лидера косовских сербов Оливера Ивановича, задержания сербских политиков, систематические запугивания.

Перспективы мирного урегулирования во многом зависят от позиции ведущих мировых держав. Проблема в том, что такие международные игроки, как Россия, США, Китай и страны Европы, которые должны быть нейтральными посредниками, на деле выступают как заинтересованные стороны. Москва и Пекин занимают сторону Белграда и отказываются признавать Косово в качестве независимого государства. В то же время большинство западных стран (включая США, Францию, Германию, Великобританию и Италию) уже давно признали суверенитет Косова и поддерживают Приштину. Чтобы переговорный процесс принес реальные результаты, этим мировым игрокам предстоит прийти к общему знаменателю – точно так же, как и самим конфликтующим сторонам.

Одним из предлагаемых выходов из сложившейся ситуации часто называют территориальный раздел: северные области, где большинство составляют сербы, можно было бы передать Белграду, а на остальной части Косова провозгласить независимое государство. Но у такого сценария есть серьезный риск – он способен дать толчок к воплощению идеи «Великой Албании», то есть сбору всех албанских земель под единым флагом. Это неизбежно повлечет за собой смену баланса политических сил в регионе. Вот почему данное решение вряд ли осуществимо на практике и к тому же неприемлемо для многих сторон, особенно для Сербии.

Когда-то Югославия считалась одним из ведущих европейских государств и служила общим домом для самых разных народов и вероисповеданий. Однако в начале 1990-х гг. она превратилась в арену жесточайших межэтнических столкновений, которые в конечном счете и разрушили ее изнутри. Глубинные противоречия, заложенные при создании многонационального государства, удавалось сдерживать только благодаря жесткой политике Иосипа Броз Тито. После его смерти начался необратимый процесс дезинтеграции: национализм вышел из-под контроля, а экономический кризис и неравенство между республиками усугубили ситуацию. Казалось, что к концу 1995 г. вооруженное противостояние пошло на спад. Однако всего через три года, в 1998-м, оно разгорелось вновь – на этот раз из-за требований косовских албанцев о расширении прав и независимости. И сегодня этот конфликт так и не удалось урегулировать. О каком-либо скором решении говорить не приходится. Приштина твёрдо стоит на позиции полного суверенитета, в то время как Белград отказывается признавать независимость края: это означало бы не только потерю территории, но и угрозу для проживающих там сербов, а также создавало бы почву для реализации идеи «Великой Албании». Международные посредники расходятся во мнениях, а политические элиты обеих сторон внутренне неоднородны. Урегулирование косовской проблемы – ключевое условие для мира на Балканах и во всей Европе.

Литература:

1. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001.
2. Гуськова Е.Ю. Третья Югославия и косовский вопрос // Югославия в XX веке: очерки политической истории / К.В. Никифоров (отв. ред. А.И. Филимонова, А.Л. Шемякин и др. М.: Индрик, 2011. 888 с.
3. Гуськова Е.Ю. Югославская федерация в 1960-е годы // Югославия в XX веке: очерки политической истории / К.В. Никифоров (отв. ред. А.И. Филимонова, А.Л. Шемякин и др. М.: Индрик, 2011. 888 с.
4. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
5. Конституция Югославии 1974 // Конституции государств (стран) мира [Электронный ресурс]. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=781 (дата обращения: 05.04.2026).
6. Резолюция от 10 июня 1999 года №S/RES/1244 (1999) // Совет Безопасности ООН [Электронный ресурс]. URL:

https://www.refworld.org/cgibin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=492e7a072 (дата обращения: 08.04.2026).

© Кардашова А.Е., 2026

УДК 323.285

А.С. Нуриахметова
магистрант УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

A. S. Nuriakhmetova
master's student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Yu. S. Usova

КРУПНОМАСШТАБНЫЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ АКТЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ХРОНИКА И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

LARGE-SCALE TERRORIST ATTACKS IN THE RUSSIAN FEDERATION: A CHRONICLE AND SOCIO-POLITICAL CONSEQUENCES

Аннотация: Проблема терроризма является одной из наиболее острых угроз национальной безопасности Российской Федерации на протяжении последних трех десятилетий. Начиная с 1990-х годов, страна столкнулась с волной масштабных террористических атак, которые унесли тысячи жизней мирных граждан, пошатнули общественно-политическую ситуацию и потребовали от государства разработки новых подходов к обеспечению безопасности. В данной статье будет рассмотрена хронология главных терактов в России, а также к каким социальным и политическим последствиям они привели.

Abstract: The problem of terrorism has been one of the most acute threats to the national security of the Russian Federation over the past three decades. Since the 1990s, the country has faced a wave of large-scale terrorist attacks that have claimed thousands of civilian lives, shaken public and political conditions, and required the state to develop new approaches to security. This article will consider the chronology of major terrorist attacks in Russia, as well as the social and political consequences they led to.

Ключевые слова: Россия, терроризм, террористические акты, последствия, безопасность.

Keywords: Russia, terrorism, terrorist acts, consequences, law, approaches, security.

1990-е гг. стали периодом, когда террористическая угроза в России приобрела комплексный характер, особенно в связи с событиями на Северном Кавказе [3, с. 283]. Так, 14 июня 1995 г. группа чеченских боевиков во главе с Ш. Басаевым захватила более 1 500 заложников в больнице Буденновска. В результате теракта погибли 129 человек, 317 получили ранения. Этот теракт впервые продемонстрировал уязвимость гражданского населения перед лицом террора и вынудил федеральное правительство пойти на переговоры, позволившие боевикам покинуть место преступления [7].

Кульминацией десятилетия стала серия взрывов жилых домов в сентябре 1999 г. 4 сентября в Буйнакске (Дагестан) взрыв унес жизни 64 человек. 8 сентября на улице Гурьянова в Москве погибли 100 человек, 13 сентября на Каширском шоссе

– 124 человека. Взрывы, организованные, по версии следствия, чеченскими сепаратистами, создали атмосферу страха и паники, что, по мнению ряда аналитиков, способствовало объединению общества вокруг власти [5].

Начало 2000-х гг. ознаменовалось исключительной по жестокости серией атак, самыми громкими из которых стали захваты заложников. С 23 по 26 октября 2002 г. в Москве в Театральном центре на Дубровке террористы удерживали 912 зрителей мюзикла «Норд-Ост». Операция по освобождению, проведенная с применением газа, привела к гибели, по официальным данным, 130 заложников [5].

Социально-политическим последствием стала реакция на теракты, что последовало ужесточением законодательства. После терактов 1999 г. началась вторая чеченская кампания. После «Норд-Оста» и Беслана были пересмотрены правила применения спецназом «нелетального» оружия и проведения штурмов. После «Крокуса» Госдума приняла пакет «антимигрантских» законов: упрощение высылки нелегалов, отказ во въезде при непредоставлении биометрии, уголовная ответственность за организацию незаконной миграции (сроки выросли до 8-15 лет). Въезд в РФ за 2024 г. был запрещен почти 267 000 мигрантов [1, с. 83-96].

Следующим и самым страшным актом стал захват школы № 1 в Беслане (Северная Осетия) 1-3 сентября 2004 г. Более 1 100 человек, большинство из которых дети и их родители, оказались в заложниках. Трагедия, произошедшая в День знаний, унесла жизни 334 человек, включая 186 детей. Беслан стал не только символом жестокости терроризма, но и точкой глубокого социально-политического разлома [1, с. 83-96].

Социально-политическое последствие теракта в Беслане спровоцировал серьезный политический кризис. Общественное недовольство и обвинения в некомпетентности, звучавшие в адрес республиканской власти Северной Осетии, вылились в митинги с требованиями отставки высших должностных лиц. Как указано в исследовании С.А. Бигулова, опубликованном в «Известиях СОИГСИ» в 2025 г., прямое следствие бесланских событий – отставка правительства, включая федеральных чиновников республиканского уровня, формирование Федеральной комиссии по Северному Кавказу, а также отмена губернаторских выборов по всей России и ликвидации статуса президента в Северной Осетии [1, с. 83-96].

В 2010-е гг. тактика террористов сместилась в сторону использования террористок-смертниц в транспорте. 29 мая 2010 г. две женщины-смертницы привели в действие взрывные устройства на станциях московского метро «Лубянка» и «Парк культуры», убив 41 человека. Этот теракт показал, что угроза сохраняется, несмотря на официальное завершение контртеррористической операции на Северном Кавказе в 2009 г. [5].

22 марта 2024 г. в концертном зале «Крокус Сити Холл» в подмосковном Красногорске произошло нападение вооруженных людей, сопровождавшееся расстрелом зрителей и поджогом здания. Жертвами стали 146 человек, 550 пострадали. Ответственность взяло на себя афганское отделением ИГИЛ – «Вилаят Хорасан». Этот теракт стал самым крупным в России за последние 20 лет по числу

жертв, подтвердив сохранение высокого уровня террористической угрозы и ее транснациональный характер. Социально-политическое последствием стал всплеск ксенофобии (неприязнь, страх или враждебное отношение к кому-либо или чему-либо чужому, незнакомому или непривычному). После «Крокуса» мигранты из Центральной Азии столкнулись с открытой неприязнью, включая поджоги их магазинов и избиения. Член СПЧ Кирилл Кабанов, комментирую ситуацию, заявил о необходимости предоставления ФСБ и Росгвардии дополнительных полномочий для досмотра выходцев из Средней Азии и Закавказья, отметив, что «гуманность» властей в этом вопросе создает риски [4].

Хронология крупномасштабных терактов в России демонстрирует эволюцию террористической угрозы от локальных чеченских бандформирований до транснациональных джихадских сетей. Каждый цикл террора приводил к объединению общества и власти в краткосрочной перспективе, но имел долгосрочные негативные последствия: ограничение гражданских свобод, ужесточение миграционной политики и рост межнациональной напряженности.

Как показывают данные академических исследований, теракты в Беслане стали катализатором системных политических реформ, включая отмену выборов губернаторов и создание новых структур безопасности. Трагедия «Крокуса» привела к радикальному пересмотру миграционной политики и усилила ксенофобские настроения в обществе.

Эти данные показывают: меры, направленные исключительно на усиление усилительных мер, без решения социальных проблем, не гарантируют полного уничтожения угрозы. Память о жертвах терактов и извлеченные уроки остаются важнейшими инструментами в профилактике экстремизма и формировании устойчивой системы национальной безопасности РФ.

Литература:

1. Бигулов С.А. Социально-политические последствия теракта в Беслане // Известия СОИГСИ. 2025. Выпуск 56 (95). С.83-96. DOI: 10.46698/VNC.2025.95.56.003

2. В гостях или в неволе: как в России изменилось отношение к приезжим после теракта в «Крокусе» и какие последствия ждут экономику. [Электронный ресурс]. URL: https://incrussia.ru/understand/v-gostyah-ili-v-nevole/?ysclid=mnpnh0voyt786143042 (дата обращения: 08.04.2026).

3. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.

4. Почему угрозу терактов в России не снизит даже публичная казнь. [Электронный ресурс]. URL: https://ura.news/amp-articles/1036290391 (дата обращения: 08.04.2026).

5. Путин и теракты в России: от серии взрывов жилых домов до "Крокуса". [Электронный ресурс]. URL: https://www.currenttime.tv/a/putin-terakty-rossia-vzryvy-zhilyh-domov-beslan-kislovodsk-nordostnord-ost-krokus/33140262.html (дата обращения: 07.04.2026).

6. Усова Ю.С. Особенности культурного самоопределения населения Новой Англии и Британской Вест-Индии в 1620-1689 гг. // Общество: философия, история, культура. 2025. № 8(136). С. 156-161.
7. Хронология крупнейших терактов в РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/incidents/52480583-hronologiya-krupneyshih-teraktov-v-rf/ (дата обращения: 07.04.2026).

© Нуриахметова А.С., 2026

УДК 327

А.С. Нуриахметова, А.М. Имамеев
магистранты УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Хадимуллин

A.S. Nuriakhmetova, A.M. Imameev
master's students, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Khadimullin

КАЗАХСТАН НА ПЕРЕПУТЬЕ ЗАПАДА И ВОСТОКА

KAZAKHSTAN AT THE CROSSROADS OF WEST AND EAST

Аннотация: В статье рассматривается эволюция геополитического и экономического положения Казахстана с момента обретения независимости до наших дней. Автор анализирует исторические предпосылки формирования текущей зависимости от иностранных инвестиций, роль образовательных инициатив в смене элит и неизбежность выбора между глобальными блоками в условиях сужения пространства для многовекторной политики.

Abstract: The article examines the evolution of Kazakhstan's geopolitical and economic position from independence to the present day. The author analyzes the historical background of reliance on foreign investment, the role of educational initiatives in elite-building, and the inevitability of choosing between global blocs as the space for multi-vector policy narrows.

Ключевые слова: Казахстан, многовекторная политика, иностранные инвестиции, геополитика, энергетический сектор, Центральная Азия, Россия, Китай, Запад.

Keywords: Kazakhstan, multi-vector policy, foreign investment, geopolitics, energy sector, Central Asia, Russia, China, West.

Путь независимого Казахстана начался в 1990-е гг. с парадоксальной ситуации: обладая колоссальными запасами природных ресурсов, молодая республика столкнулась с острейшим дефицитом квалифицированных кадров. В советский период ключевые производственные мощности и нефтегазовые активы обслуживались специалистами из РСФСР, массовый отток которых после распада СССР создал критический вакуум в управлении недрами [6, с. 104-108]. Чтобы не допустить полной остановки экономики, руководство страны пошло по пути широкого привлечения западного капитала. Именно в этот период в республику зашли гиганты энергетического сектора, такие как «Эни» (Eni), «Шелл» (Shell), «Бритиш Петролеум» (British Petroleum) и «Шеврон» (Chevron). Эти компании не просто предоставили технологии и капитал, но и фактически взяли под контроль добывающие активы через

систему соглашений о разделе продукции. Сегодня это привело к тому, что значительная часть стратегических богатств страны находится в руках транснациональных корпораций, что создает мощный рычаг влияния на внутреннюю повестку государства со стороны стран Запада [1, с. 19].

Возвращаясь к истокам формирования современной экономики Казахстана, важно понимать, что приватизация недр в девяностые годы была продиктована не только отсутствием квалифицированных кадров, но и острой нехваткой ликвидности. Приход западных корпораций и консорциумов позволил Казахстану быстро интегрироваться в мировой энергетический рынок и получить доступ к «быстрым деньгам». Однако это создало долгосрочную ловушку «ресурсного проклятия». Западные компании, оперируя соглашениями о разделе продукции (СРП), зачастую выводили значительные объемы прибыли, оставляя республике лишь налоговые отчисления и рабочие места низшего звена [2, с. 38].

Это привело к тому, что суверенитет страны оказался размыт инвестиционным правом. Попытки властей Казахстана в последующие десятилетия пересмотреть условия контрактов (через создание нацкомпании «КазМунайГаз» и усиление контроля над месторождениями) до сих пор сталкиваются с яростным сопротивлением юридических департаментов ТНК в международных арбитражах. Таким образом, экономический сектор стал своеобразным «щитом» для Запада: влияя на нефтедобычу, США и Европа фактически держат руку на пульсе государственного бюджета Астаны.

Одной из важнейших точек трансформации стала государственная образовательная политика, инициированная Нурсултаном Назарбаевым. Масштабная программа подготовки управленцев в ведущих университетах США и Европы была призвана создать новую элиту, способную интегрировать Казахстан в мировую финансовую систему. Однако побочным эффектом этой инициативы стало изменение самого вектора политического мышления казахстанских чиновников. Взращенные на западных моделях управления, представители элиты все чаще ориентируются на стандарты развития, диктуемые Вашингтоном или Лондоном. Это создает внутреннее напряжение между прозападным вектором элит и традиционно тесными, исторически обусловленными связями с Россией и Китаем, которые обеспечивают не только торговый баланс, но и региональную безопасность [4, с. 45].

Программа «Болашак», безусловно, была прогрессивным инструментом модернизации страны, направленным на создание национального интеллектуального капитала. Однако, как показывает практика, обучение высшего звена управленцев в ведущих западных вузах создало прослойку элиты, которая ментально тяготеет к англосаксонским институциональным моделям. Это порождает внутренний конфликт: пока старшее поколение, сформировавшееся в советской системе, видит в России естественного гаранта безопасности, «новые управленцы» часто рассматривают сотрудничество с ЕАЭС как обременительную формальность, тормозящую их евроинтеграционные устремления [3, с. 21].

Этот социокультурный раскол в элитах – не просто идеологические разногласия. Это угроза национальной стабильности. Если политическая

верхушка страны начнет рассматривать российское влияние как архаичное, а западное – как «прогрессивное», риск дестабилизации страны по сценариям «цветных революций» возрастает многократно. Западные НПО и культурные фонды, активно работающие в Казахстане под прикрытием «демократизации», успешно используют эту образованную прослойку для продвижения своих интересов, постепенно выталкивая Россию из медийного и образовательного пространства республики.

Роль Казахстана как транзитного узла между Китаем и Европой делает его территорию объектом борьбы за влияние. В условиях глобального разделения мира на блоки пространство для маневра, называемое «многовекторной политикой», неуклонно сжимается. После 2022 г. этот процесс принял необратимый характер. США и Великобритания, проявляя повышенный дипломатический интерес к Астане, стремятся оторвать республику от российского орбитального влияния, используя при этом экономические рычаги и дипломатическое заискивание. В то же время, Россия остается ключевым стратегическим партнером, с которым Казахстан связан не только тысячами километров общей границы, но и логистическими цепочками, энергетической инфраструктурой и общей историей.

Казахстан сегодня – это «сердце» евразийского транзита. Проекты Китая в рамках «Одного пояса – одного пути» немыслимы без казахстанской территории. С другой стороны, Россия, будучи важнейшим торговым партнером, заинтересована в стабильности транспортного коридора «Север-Юг». Именно здесь Казахстан занимает наиболее уязвимую позицию. Он вынужден постоянно балансировать между санкционным режимом Запада и необходимостью транзита товаров в Россию и из Китая [5, с. 22].

После 2022 г. этот транзит стал предметом давления на Астану со стороны Вашингтона. Угроза вторичных санкций заставляет казахстанский бизнес и правительство проявлять излишнюю осторожность. Вместо того чтобы стать мостом, Казахстан рискует превратиться в «заграждение», если продолжит следовать западным директивам в ущерб своим стратегическим партнерам. Российская Федерация, в свою очередь, видит в этом попытки Астаны уйти от обязательств союзнического характера, что крайне чувствительно для Москвы, учитывая общую протяженность границ и критическую зависимость в сфере безопасности (ОДКБ).

Приведенная ниже таблица демонстрирует основные векторы влияния на Казахстан и соответствующие им риски/выгоды в текущей геополитической реальности.

Таблица 1. Векторы глобального влияния на Казахстан

Вектор	Экономическая опора	Политический интерес	Риски
Запад (США, ЕС)	Инвестиции (нефть, ГМК)	Отрыв от РФ и Китая	Потеря суверенитета над ресурсами
Россия	Логистика, ВПК, миграция	Стратегическая безопасность	Экономическая изоляция (санкции)
Китай	Инфраструктурные проекты	Транзит товаров, ресурсы	Долговая зависимость

Данные в таблице отражают структуру интересов внешних игроков, где Россия выступает гарантом безопасности и стабильности границ, Запад контролирует финансовые потоки, а Китай обеспечивает инфраструктурное развитие логистических коридоров.

В сложившейся ситуации перед Казахстаном стоит экзистенциальный вызов. Период «сидения на двух стульях» подходит к концу, так как геополитические реалии требуют четкой идентификации позиции. Для России Астана является стратегически важным союзником; нестабильность на этом направлении может привести к серьезным дестабилизирующим последствиям для всего евразийского пространства. Попытки Запада навязать альтернативную повестку противоречат объективной реальности: экономика Казахстана критически завязана на линии взаимодействия Россия – Казахстан – Китай. Рано или поздно Астане придется сделать окончательный выбор, и от того, насколько он будет взвешенным, зависит не только экономическое будущее страны, но и сохранение её государственной целостности в мире, который вновь разделился на противоборствующие блоки.

Мир, который движется к формированию жестко очерченных блоков, не оставляет места для «многовекторности». Рано или поздно Казахстану придется выбирать. Если Астана сделает выбор в пользу Запада, она неминуемо столкнется с противодействием со стороны Китая и России, для которых Казахстан – это буферная зона стратегического значения. Потеря доступа к российскому рынку и логистике будет для Астаны экономическим самоубийством, которое нивелировать западными инвестициями будет практически невозможно – Запад дает технологии, но не может обеспечить продовольственную и энергетическую безопасность региона так, как это делает евразийская интеграция.

Казахстан подошел к историческому перепутью не по своей воле, а под давлением глобальных процессов. Попытка усидеть на стульях Запада и Востока истощает ресурсы страны и вносит раздор в общество. Роль России как важнейшего союзника становится безальтернативной, так как именно с Москвой связаны не только границы, но и будущее национальной идентичности Казахстана. Астане необходимо более отчетливо продемонстрировать свою лояльность стратегическим партнерам, чтобы не стать жертвой того самого выбора, который мир навязывает всем странам Центральной Азии. В эпоху блокового противостояния нейтралитет – это иллюзия, и будущее Казахстана зависит от того, насколько быстро элита страны поймет бесперспективность заискивания перед теми, для кого Центральная Азия – лишь поле боя с Россией и Китаем.

Литература:

1. Ауэзов М.М. Казахстан в современном геополитическом пространстве. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 312 с.

2. Кузьмин А.И. Нефть и геополитика: энергетическая безопасность стран Центральной Азии. М.: Наука, 2015. 240 с.

3. Лавров С.В. Россия и Казахстан: стратегическое партнерство и союзничество. М.: Весь Мир, 2021. 192 с.
4. Назарбаев Н.А. Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства. Алматы: Казахстан, 1992. 256 с.
5. Сейтказинов Е.К. Роль Центральной Азии в новых логистических коридорах Евразии // Вопросы экономики и международного сотрудничества. 2023. № 4. 112 с.
6. Хадимуллин Р.Р. Интеграционные процессы России и Казахстана // Евразийская интеграция – диалог исследователей и экспертов. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Уфа: Аэтерна, 2016. С. 104-108.
7. Хадимуллина Э.Д., Хадимуллин Р.Р., Габдрахманова Н.И. Потенциал торгово-экономической интеграции. Шанхайская организация сотрудничества // Взаимодействие регионов стран-участниц ШОС: проблемы, тренды, перспективы. Modern History: партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Р.Р. Тухватуллин. Уфа, 2019. С. 128-131.
© Нуриахметова А.С., Имамеев А.М., 2026

УДК 327

Э.С. Потапова
магистрант УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Хадимуллин

E.S. Potapova
master's student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Khadimullin

ВЛИЯНИЕ НАТО НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКУЮ СТРАТЕГИЮ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

NATO'S INFLUENCE ON CONTEMPORARY TURKEY'S FOREIGN POLICY STRATEGY

Аннотация: В статье автор анализирует динамику взаимодействия НАТО и его воздействия на формирование современной внешней политики Турецкой Республики. В настоящее время Организация Североатлантического договора сталкивается с периодом нестабильности и трудностей в своем развитии. Основным фактором этого являются усиливающиеся разногласия и напряженность среди членов Альянса. Настоящее исследование ставит своей целью проанализировать влияние НАТО на внешнюю политику современной Турции.

Abstract: In this article, the author analyzes the dynamics of NATO's interaction and its impact on the formation of Turkey's current foreign policy. Currently, the North Atlantic Treaty Organization is facing a period of instability and challenges in its development. The main factor contributing to this is the increasing disagreements and tensions among the Alliance's members. This study aims to analyze the influence of NATO on Turkey's current foreign policy.

Ключевые слова: Турция, НАТО, США, Ближний Восток, внешняя стратегия.

Key words: Turkey, NATO, USA, Middle East, foreign strategy.

Турция официально вошла в состав НАТО 18 февраля 1952 г., спустя три года после формирования самого альянса. Данное решение Анкары было предопределено многолетними тенденциями в сторону укрепления связей с западными государствами и стремлением предотвратить расширение коммунистического влияния в близлежащих регионах [7, с. 86-89]. Ключевым импульсом для переориентации внешнеполитического вектора Турецкой Республики стали ухудшающиеся отношения с Советским Союзом. Заявления, прозвучавшие из Москвы, относительно возможного изменения норм Конвенции Монтрё (которая регулирует правовой режим проливов Босфор и Дарданеллы), а также обозначенные планы по возврату к границам между Россией и Турцией в их конфигурации образца 1914 г., вызвали серьезную обеспокоенность у турецкого руководства [2]. Западные государства расценили эти шаги как непосредственную угрозу своим интересам. Кроме того, подобная позиция Москвы создавала риск дальнейшего наращивания ее влияния в регионе Ближнего и Среднего Востока [8, с. 27]. Одним из первых практических шагов в направлении нового внешнеполитического курса стало участие турецких солдат в боевых действиях Корейской войны в составе объединенной западной коалиции, противостоящей силам Северной Кореи. Таким образом, вступление Турции в ряды НАТО обеспечило укреплению южной зоны обороны альянса, а сама Турция получила дополнительные гарантии защиты от возможных попыток Советского Союза установить контроль над важнейшими морскими коммуникациями региона.

Финансово-экономическая и военно-политическая поддержка, которую Турция получила от Соединённых Штатов в рамках «доктрины Трумэна» (22 мая 1947 г.) и «плана Маршалла» (4 июля 1948 г.), оказала решающее воздействие на формирование послевоенных внешнеполитических ориентиров Анкары. Оказавшись в зависимости от западноевропейских стран в вопросах экономики, финансов и обороны, турецкое руководство закономерно встало на сторону Вашингтона на фоне стремительной эскалации противостояния между США и СССР. Именно это предопределило позицию Турции в начавшийся вскоре период «холодной войны».

Программа «плана Маршалла» предусматривала два варианта оказания помощи: прямую и косвенную. Прямая помощь заключалась в предоставлении финансовых средств в форме беспроцентных займов или грантов, направленных на приобретение промышленной продукции и оборудования непосредственно в США. Косвенная помощь предполагала аналогичные финансовые ресурсы, предназначенные для покупки товаров в странах Западной Европы. Товары, поступающие в Турцию в качестве подарков от США, передавались соответствующим государственным учреждениям, которые впоследствии реализовывали их внутренним покупателям по рыночным расценкам. Получаемые денежные средства в местной валюте (турецких лирах) аккумулировались в Центральном банке страны. Около 10% от полученных

доходов использовалось американским представительством непосредственно в Турции для покрытия административных нужд.

Реализация программы американской экономической помощи заметно усилила торговые связи между США и Турцией: если в 1946 г. объем двустороннего товарооборота составлял 17%, то к 1948 г. он возрос до 33%. Что касается доли Турции в объеме экспорта США, то в 1945 г. она достигала 44%, а в последующий период (1947–1948 гг.) уменьшилась до 20% [1, с. 94]. Поскольку Турция оказалась в серьезной финансовой, экономической и военно-политической зависимости от ключевых держав Западной Европы, она закономерно поддержала Соединенные Штаты в период обострения конфликта между Вашингтоном и Москвой, который положил начало периода «холодной войны».

В общественном сознании Турции взаимодействие с Соединенными Штатами часто воспринимается как неотъемлемая составляющая отношений с Североатлантическим альянсом. Действительно, моменты охлаждения в американо-турецких контактах нередко сопровождаются параллельными конфликтами между Анкарой и НАТО. Один из наиболее чувствительных моментов в эпоху «холодной войны» произошел в 1964 г., когда президент США Линдон Джонсон отправил Турции письмо, угрожающее лишить ее гарантий коллективной обороны со стороны НАТО в случае гипотетического нападения Советского Союза, мотивированного вмешательством Турции в кипрский конфликт. Спустя десятилетие возникла новая напряжённая ситуация, когда турецкие вооружённые силы предприняли открытое вторжение на территорию Кипра. В ответ на это Соединенные Штаты объявили мораторий на поставки вооружений в Турцию, который оставался в силе с 1975 по 1978 г. Такие инциденты способствовали росту антиатлантических настроений в обществе Турции.

Хотя Турция формально оставалась частью системы НАТО, ее внешнеполитический курс оказался вынужденно подчинен интересам внешних игроков, что отрицательно сказалось на её отношениях с арабским миром. Предоставляя свою территорию для размещения американских военных объектов и соглашаясь на привилегированное положение США, ущемляющее национальную самостоятельность, Турция постепенно утрачивала свободу выбора в вопросах внешней политики. Главным фактором, серьезно ослабившим взаимное доверие между турецким руководством и странами НАТО, стала недостаточно решительная реакция западных союзников на путч 2016 г. в Турции. К числу дополнительных раздражителей относятся затяжные территориальные разногласия с Грецией по поводу зон юрисдикции в Эгейском море и восточном Средиземноморье. Существенно обострило обстановку и давление США: Вашингтон настойчиво призывал Анкару прекратить военно-техническое сотрудничество с Россией и отказаться от использования российских зенитных ракетных систем С-400. Исключение Турции из проекта по созданию истребителей пятого поколения F-35, а также применение против нее односторонних ограничительных мер в соответствии с законом CAATSA заставили усомниться в прочности союзнических связей внутри блока [1, с. 8].

Вместе с тем турецкая сторона продолжает активно участвовать в миротворческих операциях под флагом НАТО. Турецкие военнослужащие привлекались к выполнению задач в бывшей Югославии, а также в ходе первой войны в зоне Персидского залива. Части вооружённых сил Турции входили в состав Международных сил содействия безопасности в Афганистане (ISAF), а турецкая авиация была задействована в ливийской кампании альянса.

Турция входит в число пяти государств-членов НАТО (наряду с Бельгией, ФРГ, Италией и Нидерландами), на чьей территории размещены запасы тактического ядерного оружия. Авиабаза Инджирлик на юге страны, неподалеку от сирийской границы, служит местом хранения 70 американских термоядерных авиабомб модели B61-12 (в 2001 г. этот арсенал насчитывал 90 единиц). Примерно 10–20 из этих боеприпасов могут быть применены турецкими ВВС: для этого в составе национальных военно-воздушных сил сформирована 142-я эскадрилья истребителей-бомбардировщиков F-16A/B. Планировалось, что к 2017 году устаревшие модификации бомб сменят обновлённые версии B61-3/4. Остальные 50 зарядов остаются под управлением США [6, с. 22]. Показательно, что американские летательные аппараты, постоянно базирующиеся в Инджирлик, не оснащены для транспортировки ядерного оружия – в случае необходимости Пентагону пришлось бы перебрасывать специальные машины с других аэродромов. Правительство Турции намеренно не разрешило размещение самолётов-носителей ядерных боеприпасов на этой базе, стремясь избежать полного подчинения ее командования структурам НАТО, что является нетипичной практикой для альянса.

В мае 2022 г., в разгар боевых действий России на украинской территории, Финляндия и Швеция официально запросили присоединение к НАТО. Анкара взяла паузу в начале переговорного процесса, выдвинув условие: Хельсинки и Стокгольм должны прекратить любую поддержку Рабочей партии Курдистана (РПК) и аффилированных с ней сирийских курдских групп. Это обстоятельство дало новый импульс внутритурецким дискуссиям о нынешнем состоянии отношений с Североатлантическим альянсом [9, с. 12].

Тщательное изучение комплекса связей между Турцией и НАТО приводит к выводу, что для Анкары сохраняет острую актуальность выработка самостоятельной и эффективной стратегии обеспечения национальной безопасности. Ближневосточная линия Турции в обозримом будущем будет во многом зависеть от способности властей находить разумный баланс: с одной стороны, поддерживать кооперацию с западными странами, с другой — развивать контакты с восточными партнерами, включая Россию, а также государства мусульманского, арабского и тюркского мира. Именно такая многовекторная и сбалансированная политика рассматривается турецким руководством как необходимое условие для упрочения региональных лидерских позиций страны.

Литература:

1. Абрегова А.А. Американо-турецкие отношения (1945–1952 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 4 (69). С. 92-97.
2. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
3. Кайгусуз Д., Рыжов И.В. Доктрина Трумэна, план Маршалла и их влияние на советско-турецкие отношения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 37–42.
4. Коняхина Т.В., Хэррис Д. Беспокойный союз. Турецко-американские проблемы в исторической перспективе 1945–1971 // Народы Азии и Африки. 1975. № 2. С. 193.
5. Мошкин С.В. «Рука Москвы» в истории вступления Турции в НАТО // Международные политические процессы. 2009. Том 5. № 4. С. 243-251.
6. Поцхверия Б.М. Внешняя политика Турции после Второй мировой войны. М., 1976. 312 с.
7. Хадимуллин Р.Р., Шаяхметов А. Трансформация политики коллективной безопасности ЕС и НАТО после окончания «холодной войны» // Студенческая историческая наука. Сборник студенческих научных статей. Уфа, 2012. С. 86-89.
8. Углубление российско-турецких отношений: Доклад 41/2018. М.: РСМД, 2018. 128 с. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/papers/Russia-Turkey-Report41-Rus.pdf (дата обращения: 06.04.2026).
9. NATO ve Türkiye'nin Güncel NATO Konularına İlişkin Görüşleri // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/ii_-nato-ve-turkiye_nin-guncel-nato-konularina-iliskin-gorusleri.tr.mfa (дата обращения 31.03.2026).
10. Raport annuel du secrétaire général 2017. OTAN division diplomatie publique. 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_03/20180315_SG_AnnualReport_fr.pdf (дата обращения 30.03.2026).
11. Sarınay Y. Türkiye'nin Nato'ya Girişi // Tarih tarih kütüphanesi [Электронный ресурс]. URL: https://www.tarihtarih.com/?Syf=26&Syz=354664&/Türkiyenin-Natoya-Girişi-/-Yrd.-Doç.-Dr.-Yusuf-Sarınay (дата обращения 04.04.2026).
12. Schmid D. La Turquie, alliée de toujours des Etats-Unis et nouveau challenger // Diploweb. 2011. [Электронный ресурс]. URL: https://www.diploweb.com/La-Turquie-alliee-de-toujours-des.html (дата обращения 02.04.2026).
13. Strategic weapon systems in the Turkey-Russia-US triangle // EDAM. 16.01.2019. [Электронный ресурс]. URL: http://edam.org.tr/wp-content/uploads/2019/01/EDAM_Patriot-F35-S400-assessment-1.pdf (дата обращения: 29.03.2026).

14. Türkiye, NATO'dan uzaklaşıyor mu? // Evrensel. 21.07.2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.evrensel.net/haber/285712/turkiye-natodan-uzaklasiyor-mu (дата обращения: 02.04.2026).

© Потапова Э.С., 2026

УДК 316.722

А.А. Сиразетдинов
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ф. Ф. Шаяхметов

A.A. Sirazetdinov
student, UUST, Ufa
Scientific advisor – c. of h. s., senior lecturer F. F. Shaiakhmetov

ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В АРКТИКЕ: ГЕОПОЛИТИКА И РАЗВИТИЕ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ

GLOBAL INTERESTS IN THE ARCTIC: GEOPOLITICS AND THE DEVELOPMENT OF THE NORTHERN SEA ROUTE

Аннотация: В представленной статье автор исследовал роль глобальных интересов в Арктике через призму геополитики и развития Северного морского пути. Рассматривались такие ключевые объекты, как сам Северный морской путь, порт Сабетта, проекты Ямал СПГ и Арктик СПГ 2, ледокольный флот России, а также контейнерные рейсы китайских судов. В результате работы автор пришёл к выводу, что Арктика обладает значительным потенциалом для активизации экономического сотрудничества между государствами, однако развитие региона сопровождается геополитическими разногласиями по вопросам правового статуса маршрутов и доступа к ресурсам.

Abstract: In the presented article, the author investigated the role of global interests in the Arctic through the prism of geopolitics and the development of the Northern Sea Route. The author considered such key objects as the Northern Sea Route itself, Sabetta port, the Yamal LNG and Arctic LNG 2 projects, the Russian icebreaker fleet, and container voyages of Chinese vessels. As a result of the work, the author came to the conclusion that the Arctic has significant potential to activate economic cooperation between states, however, the development of the region is accompanied by geopolitical disagreements on the legal status of routes and access to resources.

Ключевые слова: Арктика, геополитика, Северный морской путь, международная конкуренция, природные ресурсы, морское право, транспортные коридоры, Арктический совет.

Keywords: Arctic, geopolitics, Northern Sea Route, international competition, natural resources, law of the sea, transport corridors, Arctic Council.

Актуальность темы объясняется превращением Арктики в один из наиболее динамично развивающихся и стратегически важных регионов мира. Изменение климата ведёт к увеличению частоты и скорости таяния льда, открывая новый перспективный сектор для морского судоходства, освоения полезных ископаемых и создания инфраструктуры. Северный морской путь становится всё важнее в качестве альтернативного пути из Европы в Азию и обратно, позволяя значительно сократить продолжительность и стоимость морских перевозок [4, с. 93].

При этом нарастает геополитическое противоборство за маршруты, ресурсы и территории. В условиях милитаризации Арктики и растущего внимания Китая изучение глобальных интересов в Арктике становится актуальным вопросом. Тема имеет важное значение для анализа дальнейших ходов в системе международных отношений, обеспечения национальных интересов России и прогнозирования хода мировой торговли [9, с. 40].

XXI в. является эпохой активизации процессов изменения климата Арктики. Ледяной покров начинает быстро таять, открывая новое поле для работ. Центр внимания – Северный морской путь. Он протянулся от Карских Ворот до Берингова пролива вдоль северных берегов России и уже выполняет одну из ключевых ролей в системе глобальной логистики и геополитики [8, с. 133].

Ресурсный потенциал Арктики колоссален. Геологическая служба США (USGS) отмечает, что в этом регионе находится около 22% неразведанных мировых запасов нефти и примерно 30% мировых запасов природного газа. Однако помимо углеводородов интерес представляет и наличие редкоземельных металлов, золота, алмазов, никеля, меди, платиновых металлов, а также богатство биологических ресурсов [1, с. 5]. Возможность доступа к этим ресурсам влияет на энергонезависимость стран и становится одной из составляющих их стратегии [6, с. 51].

Северный морской путь (СМП) протяженностью около 5600 км значительно уменьшает перевалочный путь между портами Северной Европы и Восточной Азии на 30-50 % по сравнению с обходным путем через Суэцкий канал. Он позволяет экономить от 10 до 15 дней, а также сокращать расходы на топливо и количество выбросов углекислого газа [4, с. 97]. Для России СМП является не только важнейшей транспортной зоной, но и инструментом экономического развития арктической территории и в том числе элементом национальной безопасности [9, с. 43].

Три основные темы геополитики Арктики – контроль за судоходными маршрутами, природные ресурсы и военные формирования. Россия рассматривает значительную часть акватории Северного ледовитого океана в качестве своих внутренних вод и вводит жесткие ограничения для иностранного судоходства, вплоть до обязательного сопровождения ледоколами [3, с. 150]. США и некоторые европейские страны требуют международный режим прохода и полной свободы навигации. Эти противоречия продолжаются уже десятки лет и с каждым годом становятся все более острыми по мере улучшением ледовой обстановки [13, с. 11].

Однако спор об увеличении континентального шельфа остается важным и острым. В ООН идет подача жалоб со стороны таких стран как Россия, Канада, Дания (Гренландия) и других, с претензиями на значительные территории за пределами 200 морских миль. Это касается также горных хребтов Ломоносова и Менделеева, богатых углеводородами [10]. При всех рекомендациях комиссии, споры по вопросам территорий остаются актуальными, и их последствия могут быть значительны для будущего этих ресурсов. Важную роль сыграли бы США, ратифицировав UNCLOS 1982 г. [7, с. 82].

На данный момент Россия реализует большие инфраструктурные проекты. Один из таких проектов – это порт Сабетта на Ямале, который является важным пунктом по экспорту сжиженного природного газа. Он был построен в 2017 году для поставок газа в Азию и Европу. Такой же масштабный проект как «Арктик СПГ 2» расположен на полуострове Гыданский и уже функционирует, имея большие возможности для дальнейшего развития [6, с. 54]. Эти проекты помогают осуществлять грузовые перевозки по Северному морскому пути, обеспечивая поступления в бюджет и развивавая смежные отрасли.

Для обеспечения круглогодичной длительной навигации важным является атомный ледокольный флот России. Так, на 2025 г. эксплуатация проводилась восьмью атомными ледоколами, среди которых универсальные суда последнего проекта 22220 «Арктика», «Сибирь», «Урал», «Якутия» и прочие. Строительство новых ледоколов проходит активно, и к 2035 г. их число возрастет до 14-17 единиц [4, с. 96]. Это позволит существенно расширить навигационное окно, повысить уровень безопасности судоходства в трудных ледовых условиях и увеличит пропускную способность маршрута.

Стоит отметить, что современные статистические данные не только свидетельствуют о больших достижениях, но и отражают конкретные трудности в развитии маршрута. Например, в 2024 г. грузооборот составил 37,9 млн тонн, а уже в следующем году уменьшился до 37 млн тонн или на 2,3%. Одним из основных факторов, который повлиял на этот показатель, является введение западными странами санкций, ограничений по доступу к внешней технологии, судам, финансированию и страхованию [11]. Также транзит оценивается в 3,2 млн тонн по 103 рейсам. Углеводороды занимают большую часть всех перевозимых товаров, хотя можно наблюдать увеличение контейнерных и генеральных грузов [12].

Китай стал более настойчивым при выставлении своих требований о праве на Арктику. Страна заявляет о себе как о «приарктическом государстве» и делает СМП частью своей идеи Полярного Шёлкового пути, в состав которого он включает проект «Один пояс – один путь». Китайские корпорации CNPC и CNOOC уже владеют существенными долями в таких проектах, как Ямал СПГ и Арктик СПГ 2 [4, с. 100]. В 2025 г. в китайский контейнеров «Istanbul Bridge» прошел путь между портами Нинбо-Чжоушань и Филикстоу через Северный морской путь, что явственно подтвердило экономическую эффективность такого пути [12].

На усиление военного присутствия со стороны стран НАТО в Арктике, в частности со стороны США, приходится большое количество больших учений, расширение баз в Аляске и Норвегии, а также создание военной инфраструктуры. Теперь после вступления Финляндии и Швеции в состав альянса восемь арктических стран уже стали членами НАТО, поэтому можно говорить, что происходит еще большая милитаризация региона и рост геополитической напряженности [11].

Экологические риски являются наиболее значимым вызовом для всех сторон. Возможность возникновения разливов нефти или других жидкостей, проблемы с уникальной экосистемой Арктики, опасностью которой выступают

белые медведи, моржи и мигрирующие птицы, а также увеличением глобальной температуры воздуха требует отдельного внимания и международного сотрудничества. Арктический совет является необходимой платформой для обмена опытом и сотрудничества в области исследования Арктики, несмотря на геополитическую напряженность [2, с. 149].

Хотя и возникает всё большая конкуренция между странами, элементы практического сотрудничества сохраняются. Россия и Китай входят в число стран, реализующих различные энергетические и транспортные проекты, проводящих совместные учения и экспедиции [2, с. 133]. О наличии интереса к СМП также заявляют Япония, Республика Корея, Индия и прочие азиатские страны, которые рассматривают этот маршрут как потенциальную альтернативу классическим морским маршрутам.

Таким образом, глобальные интересы в Арктике сосредоточены на контроле над ресурсами и транспортными коридорами. Россия остается лидером по развитию Северного морского пути, однако внешние санкции и геополитические вызовы становятся серьезными препятствиями в этом. Перспективы региона во многом зависят от способности государств найти разумный баланс между национальными интересами, экономическим сотрудничеством и экологической безопасностью. При сохранении конструктивного диалога Арктика способна стать зоной устойчивого развития, взаимовыгодного международного партнёрства и важным звеном глобальной транспортной системы будущего.

Литература:

1. Анянова Е.С. Перспективы развития Арктики. Экономические, юридические, экологические аспекты // Иннов: электронный научный журнал. 2017. №3 (32).

2. Вылегжанин А.Н. Введение // Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды, сохранения и рационального управления биологическими ресурсами в Северном Ледовитом океане: матер. Междунар. науч. симпоз. (Москва. 4 сент. 2012 г., РСМД) под ред. А.С. Иванова. М., 2012.

3. Гаврилов В.В. Правовой статус Северного морского пути Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. №2 (218).

4. Зефиров В.И., Тимошилова П.С. Морская логистика Северного морского пути // Вестник Академии знаний. 2023. №2 (55).

5. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.

6. Князев К.Д. Экономический потенциал Северного морского пути // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2023. №4 (7).

7. Тодоров А.Д. Правовой спор между Россией и сша о Северном морском пути и похожий вопрос о Северо-Западном морском пути // АиС. 2017. №29.

8. Ципоруха М.И. Россия и русские в Арктике. М.: Издательство Патриот, 2012. 256 с.

9. Чернега В.С. Проблемы обеспечения национальных интересов России в контексте развития международных морских коммуникаций в Арктике // Вестник государственного и муниципального управления. 2018. №2.

10.Grau L. Canada Makes Additional Claims to Arctic Territory Claimed by Russia. [Электронный ресурс]. URL: https://oe.t2com.army.mil/product/canada-makes-additional-claims-to-arctic-territory-claimed-by-russia/ (дата обращения: 12.04.2026).

11.Humpert M. Northern Sea Route Traffic Slips in 2025 as Sanctions Constrain Russia's Arctic Ambitions [Электронный ресурс]. URL: https://gcaptain.com/northern-sea-route-traffic-slips-in-2025-as-sanctions-constrain-russias-arctic-ambitions/ (дата обращения: 12.04.2026).

12.Main Results of NSR Transit Navigation in 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://chnl.no/news/main-results-of-nsr-transit-navigation-in-2025/ (дата обращения: 12.04.2026).

13.Rossi C.R. The Northern Sea Route and the Seaward Extension of Uti Possidetis (Juris) // Nordic Journal of International Law, 2014, №83, p. 476–508.

© Сиразетдинов А.А., 2026

УДК 327.82:008(470.57)

Л.А. Хамматова
магистрант УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Тухватуллин

L.A. Khammatova
master's student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Tukhvatullin

МЕЖДУНАРОДНОЕ ФЕСТИВАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

INTERNATIONAL FESTIVAL MOVEMENT AS A TOOL OF CULTURAL DIPLOMACY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Аннотация: В статье анализируется роль международных фестивалей в реализации культурной дипломатии Республики Башкортостан. На примере Всемирной фольклориады CIOFF (2017, 2021), Международного фестиваля оперного искусства «Шаляпинские вечера» и фестиваля «Башкирская юрта» рассматриваются механизмы продвижения культурного имиджа региона. Обосновывается вывод о том, что фестивальное движение становится эффективным каналом международного сотрудничества, способствующим развитию туризма и укреплению позитивного образа региона в условиях современных геополитических вызовов.

Abstract: The article analyzes the role of international festivals in the implementation of cultural diplomacy of the Republic of Bashkortostan. Using the examples of the World Folkloriada of CIOFF (2017, 2021), the International Festival of Opera Art "Shalyapin Evenings" and the festival "Bashkir Yurt", the mechanisms for promoting the cultural image of the region are examined. It is concluded that the festival movement is becoming an effective channel of international cooperation,

contributing to the development of tourism and strengthening the positive image of the region in the context of modern geopolitical challenges.

Ключевые слова: культурная дипломатия, международные фестивали, Республика Башкортостан, фольклориада, Шаляпинские вечера, мягкая сила, международное сотрудничество.

Keywords: cultural diplomacy, international festivals, Republic of Bashkortostan, Folkloriada, Shalyapin Evenings, soft power, international cooperation.

В современном мире культурная дипломатия становится одним из важнейших инструментов внешней политики регионов и государств. В условиях геополитических изменений и пересмотра концепции «мягкой силы» в российской официальной риторике региональные субъекты Российской Федерации ищут новые формы международного культурного присутствия, не связанные с прямым инструментальным пониманием культуры. Республика Башкортостан, обладая уникальным этнокультурным разнообразием (более 100 национальностей) и богатым фестивальным опытом, выстраивает собственную модель культурной дипломатии, центром которой становится международное фестивальное движение.

Согласно Основам государственной культурной политики Российской Федерации [1], международное культурное сотрудничество рассматривается как средство формирования положительного образа России за рубежом. Закон Республики Башкортостан «О культуре» [2] закрепляет полномочия региона по развитию международных и межрегиональных культурных связей. Министерство культуры Республики Башкортостан ежегодно утверждает План международных мероприятий, где фестивали занимают центральное место [3].

Ключевым событием в истории культурной дипломатии Башкортостана стала VI Всемирная фольклориада, прошедшая в Уфе в 2017 г. под эгидой Международного совета организаций фольклорных фестивалей (CIOFF), аккредитованного ЮНЕСКО. В фольклориаде приняли участие творческие коллективы из 68 стран. В 2021 г. Башкортостан принимал II Детскую фольклориаду. По данным Министерства культуры РБ, эти мероприятия привлекли в регион более 5 000 иностранных участников, а общее число зрителей превысило 200 000 человек [4]. Фольклориада позволила Уфе войти в сеть городов ЮНЕСКО по креативным индустриям (номинация «Музыка»).

Другим значимым проектом является Международный фестиваль оперного искусства «Шаляпинские вечера в Уфе». Проводимый с 1991 г., фестиваль носит имя великого певца Федора Шаляпина, который начинал свою карьеру в Уфе. За 30 лет в фестивале участвовали солисты ведущих оперных театров мира – Ла Скала, Метрополитен-опера, Венской оперы. В 2024 г. XVII фестиваль собрал артистов из Италии, Франции, Германии, Китая и Турции [3]. Фестиваль не только популяризирует оперное искусство, но и продвигает имя Шаляпина как «визитную карточку» региона.

Особого внимания заслуживает Международный фестиваль народного творчества «Башкирская юрта», который, в отличие от предыдущих, проводится за рубежом – в турецкой Анталье, казахстанской Астане, а в 2025 г. – в китайском Сиане [5]. Проект, инициированный Всемирным курултаем башкир, демонстрирует

башкирскую культуру (музыку, танцы, ремесла, кухню) в местах компактного проживания башкирской диаспоры. Такой формат работает как прямая культурная дипломатия «снизу», без участия федеральных структур.

Фестивальная деятельность создаёт три основных эффекта для культурной политики региона. Первый – имиджевый. Международные фестивали формируют образ Башкортостана как открытого, толерантного и культурно насыщенного региона. По данным мониторинга Министерства культуры РБ, в 2023–2024 гг. о фестивалях Башкортостана вышло более 200 публикаций в 25 странах [3]. Второй – туристический. По оценке Госкомитета РБ по туризму, культурный туризм растёт на 15–20% ежегодно, причём до 40% иностранных туристов посещают регион именно в период проведения крупных фестивалей [6]. Третий – экономический. Фестивали стимулируют развитие смежных отраслей: гостиничного бизнеса, общественного питания, транспорта, сувенирного производства. Во время Всемирной фольклориады 2017 г. загрузка уфимских отелей достигала 100%, а дополнительные доходы бизнеса оценивались в 1,2 млрд рублей [7].

Однако существуют и серьёзные вызовы для развития фестивального движения. С 2022 г. участие европейских артистов и коллективов сократилось из-за визовых и логистических трудностей, а также давления на культурные обмены со стороны недружественных стран. В ответ регион переориентируется на сотрудничество со странами БРИКС, ШОС и СНГ. В 2024–2025 гг. основной прирост иностранных участников фестивалей дают Китай, Турция, Иран, Казахстан, Узбекистан, Азербайджан [8].

Таким образом, международное фестивальное движение Республики Башкортостан представляет собой успешную модель культурной дипломатии, позволяющую региону самостоятельно выстраивать международные культурные связи. В условиях санкционного давления и критики концепции «мягкой силы» фестивальный формат оказывается устойчивым: он делает ставку не на пропаганду, а на живое взаимодействие, творческий обмен и признание универсальной ценности народной и профессиональной культуры. Дальнейшее развитие фестивальной инфраструктуры и включение новых партнёров из незападных стран может стать приоритетом культурной политики Республики Башкортостан до 2030 г.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208 (дата обращения: 11.04.2026).

2. Закон Республики Башкортостан от 16.12.2021 № 315-з «О культуре». [Электронный ресурс]. URL: https://npa.bashkortostan.ru (дата обращения: 11.04.2026).

3. Министерство культуры Республики Башкортостан. Отчет о реализации плана международных мероприятий за 2024 год. Уфа, 2025. 45 с.

4. Министерство культуры Республики Башкортостан. Итоги проведения Всемирной фольклориады CIOFF 2017 и Детской фольклориады 2021. Уфа, 2022. 38 с.

5. Всемирный курултай башкир. Отчет о проведении Международного фестиваля «Башкирская юрта» в г. Сиань (КНР). Уфа, 2025. 15 с. [Электронный ресурс]. URL: https://kurultay.ru (дата обращения: 11.04.2026).

6. Государственный комитет Республики Башкортостан по туризму. Анализ туристических потоков в Республике Башкортостан за 2023–2024 гг. Уфа, 2024. 62 с.

7. Эксперт РБ. Фольклориада-2017: экономические итоги // Эксперт-Урал. 2018. № 3. С. 14–17.

8. Жильцова Е.Н. Культурная политика регионов России: механизмы и практики // Культура и образование. 2023. № 4 (43). С. 55–67.

9. Lukmanova R.Kh., Frolova I.V., Stoletov A.I Social solidarity of students: university practices and fashioning tools//Perspectives of Science and Education. 2024. № 5 (71). С. 30-44.

© Хамматова Л.А., 2026

УДК 327.7

А.Р. Чанышева
магистрант УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. филол. н., доцент И.Р.Саитбатталов

A.R. Chanysheva
master's student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of philol. s., associated professor I.S. Saitbattalov

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТУРА: РОССИЯ, ШОС И БРИКС В ЭПОХУ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

FORMATION OF A NEW INTERNATIONAL CONTOUR: RUSSIA, THE SCO, AND BRICS IN THE ERA OF SANCTIONS

Аннотации: В статье рассматриваются изменения во внешней политике Российской Федерации в эпоху санкционных ограничений и становления нового миропорядка. Фокус исследования сосредоточен на роли международных объединений – Шанхайская организация сотрудничества и БРИКС – как ключевых площадок для выстраивания новых форматов международного сотрудничества и укрепления геополитических позиций Российской Федерации.

Abstract: The article examines the changes in the foreign policy of the Russian Federation in the era of sanctions restrictions and the emergence of a new world order. The focus of the study is on the role of international organizations, such as the Shanghai Cooperation Organization and BRICS, as key platforms for building new formats of international cooperation and strengthening the geopolitical position of the Russian Federation.

Ключевые слова: ШОС, БРИКС, санкционные ограничения, геополитика, международные отношения, Российская Федерация, миропорядок.

Keywords: SCO, BRICS, sanctions restrictions, geopolitics, international relations, Russian Federation, world order.

Современная геополитическая обстановка обладает неким принципом нестабильности и изменчивости. Это, в свою очередь, ведет к образованию

новых глобальных системных кризисов и эскалации международных и иных конфликтов [6]. Необходимо отметить, что данное явление обладает принципом взаимозависимости: действия суверенных государств и их объединений не только отражают, но и активно формируют геополитическую обстановку, зачастую усугубляя ее и способствуя росту числа международных конфликтов.

Одним из ключевых инструментариев современных международных отношений стали санкционные меры. Данный инструмент подтвердил свою практическую применимость и эффективность в руках ряда государств, которые руководствуются им в своей внешней политике для прямого и непосредственного воздействия на иное государство, с целью получения политических, экономических, социальных и иных выгод.

Российская Федерация одна из стран, что столкнулась с беспринципным количеством санкционных ограничений, возложенных на нее рядом недружественных стран, в числе которых страны Европейского Союза и Соединенные Штаты Америки. Данные ограничения направлены на снижение потенциала развития национальной экономики, дезорганизацию и подрыв устойчивости финансовой и производственной систем Российской Федерации, ограничение доступа к современным технологиям, выключение страны из мировой торговли, снижение доходов государственного бюджета и сокращение национального богатства [1]. Подобная тенденция стала платформой для изменения вектора внешней политики Российской Федерации на восток. В данном контексте новую силу обретают процессы формирования и укрепления международных связей и сотрудничества с международными структурами, в первую очередь с Шанхайской организацией сотрудничества (далее – ШОС) и БРИКС. Необходимо отметить суть понятия «международные структуры». Международные структуры изначально создавались как институты глобального управления, наделенные полномочиями регулировать ключевые сферы: экономику, коллективную безопасность и защиту прав человека [2, с. 220]. Однако, современная практика доказывает, что подобным структурам не хватает инструментария для выполнения их изначальных целей, в том числе, данные структуры нередко имеют «фаворитов» среди суверенных стран, чьи политические идеи поддерживаются и выдвигаются на передний план, что противоречит основам международного права.

Взаимодействие Российской Федерации с ШОС началось в 1996 г., а с БРИКС в 2006 г. Изначально ШОС ориентировалась на вопросы региональной безопасности и борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Однако, с течением времени ее мандат расширился, включив с себя культурное, экономическое и научно-техническое сотрудничество. Необходимо отметить, что страны-участницы ШОС также столкнулись с санкционными мерами, которые были применены к ним странами Коллективного Запада. Данный фактор сыграл на принципиальное укрепление сотрудничества и дружбы между странами-участницами. По данным Российского экспортного центра объем торговли России со странами ШОС с 2022 г. по 2024 г. вырос в 1,5 раза, превысив 400 млрд долларов США [4]. В свою очередь, БРИКС выступавший как неформальное объединение быстроразвивающихся экономик,

трансформировался в более структурированный межгосударственный союз. Российская Федерации в рамках заседания БРИКС в 2023 г. предприняла шаги по расширению организации, что качественно изменило роль и значимость объединения на международной арене. В рамках БРИКС Российская Федерация проводит политику диверсификации экспортных рынков, привлечения инвестиционных поступлений в инфраструктурные проекты и создания новых логистических цепочек. В частности, необходимо отметить важность создания Нового банка развития БРИКС, что стало важным шагом к уменьшению зависимости от международных финансовых институтов, подверженных политическому влиянию.

Ключевыми игроками в рамках данных объединений являются Российская Федераций, Китайская Народная Республика и Республика Индия. Сотрудничество между данными странами также претерпело изменений в связи с санкционными ограничениями, наложенными на эти государства. Эти государства стали ключевыми партнерами России в областях энергетики, торговли, технологического развития и инвестиций, способствуя нивелированию негативных последствий санкционного давления.

Энергетическое партнерство стало одним из приоритетных направлений сотрудничества России с Индией [7]. После 2022 г. наблюдается существенное наращивание индийского импорта российской нефти: по итогам 2022 г., объемы увеличились примерно в 22 раза по сравнению с предыдущим годом [3]. К началу второго квартала 2024 г. ежедневный экспорт российской нефти в Индию достиг отметки 1,96 млн баррелей, обеспечив долю России около 40% в общем импорте нефти в эту страну. Это позволило Российской Федерации компенсировать утрату европейских рынков.

Тем не менее, данное сотрудничество сопряжено с определенными рисками. Ввиду угрозы применения вторичных санкций, индийские покупатели стремятся к минимизации потенциальных негативных последствий. Российская сторона, в свою очередь, активно развивает так называемый «теневой флот» – танкерные перевозки, которые затрудняют идентификацию груза как российского, что позволяет избежать нарушения ценового потолка и связанных с ним ограничительных мер. В целом, товарооборот демонстрирует динамику роста.

Структурные проблемы включают дисбаланс в торговле: оплата за нефть индийскими рупиями при относительно небольшом объеме российского импорта привела к аккумулированию рублевых средств в России. Для решения данного вопроса предлагаются схемы с привлечением третьих стран. Дополнительным вызовом является давление со стороны западных государств, требующих от Индии сокращения закупок российской нефти.

Сотрудничество с Китаем характеризуется усилением энергетического взаимодействия. В 2023 г. Китай увеличил импорт российской нефти на 24%, до 107 млн тонн, заняв позицию крупнейшего импортера [5]. Экспорт российского природного газа в Китай также демонстрирует рост: в 2023 г. «Газпром» поставил более 22,5 млрд кубометров, что в 1,5 раза превышает показатели 2022 г.

Товарооборот между Россией и Китаем в 2023 г. достиг рекордной отметки в 240 млрд долларов США, с прогнозируемым приближением к 300 млрд долларов к

2025 г. Российский экспорт в Китай включает углеводороды, металлы, лесоматериалы и сельскохозяйственную продукцию, в то время как Китай поставляет машины, оборудование, электронику и потребительские товары.

Развитие технологического сотрудничества охватывает IT-сектор, где китайские компании «Huawei» и «ZTE» заняли ниши ушедших западных поставщиков. Ведется работа над созданием совместного программного обеспечения и использованием китайских процессоров. В космической сфере планируются проекты, включая создание лунной станции и совместные спутниковые системы. Активно происходит переход на расчеты в национальных валютах, с целью совершенствования финансовой инфраструктуры для бесперебойного проведения платежей.

Ключевые проблемы включают риск вторичных санкций, который заставляет китайские компании проявлять осторожность, а также структурную асимметрию в торговле, где Россия выступает в основном как поставщик сырья. Логистические сложности, связанные с поиском новых маршрутов и методов расчетов, также являются актуальным вызовом.

Партнерство России с Индией и Китаем в условиях санкций направлено на диверсификацию экономических связей и снижение зависимости от западных рынков. Ключевыми векторами являются энергетика, торговля, технологии и инвестиции. Основные вызовы связаны с угрозой вторичных санкций, торговыми дисбалансами и необходимостью адаптации к изменяющимся финансовым и логистическим условиям.

Подводя итоги, необходимо отметить успешную политику Российской Федерации по смене политического вектора на сотрудничество со странами востока и международными структурами. В свою очередь, это образует совершенно новый международный контур и приведет к изменениям в геополитической обстановке в мире.

Литература:

1. Вякина И. В. Санкции как проявление системного кризиса, связанного с фазовой структурной перестройкой мировой экономики и геополитики // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16, № 6. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80545608 (дата обращения: 29.03.2026).

2. Сучкова А. Г. Приоритетные направления сотрудничества КНР и РФ в рамках ВТО, БРИКС и ШОС // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VIII Международной научной конференции. Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. С. 219-221. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=64679014 (дата обращения: 29.03.2026).

3. ТАСС Новости. Новак сообщил, что Россия в 2022 году нарастила поставки нефти в Индию в 22 раза. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/17384209 (дата обращения: 29.03.2026).

4. ТАСС Новости. Объем торговли РФ со странами ШОС с 2022 года по 2024 год вырос в 1,5 раза. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/24449815 (дата обращения: 29.03.2026).

5. ТАСС Новости. Поставки нефти из России в Китай в 2023 году выросли на 24%. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/19774429 (дата обращения: 29.03.2026).

6. Тухватуллин Р.Р., Шаяхметов Ф.Ф., Кудашев У.Н. Перепутье мира: от кризиса либерального миропорядка к многополюсному миру // Евразийский юридический журнал. 2025. № 12 (211). С. 21-22.

7. Усова Ю.С. Проблемы энергетической безопасности Индии в первой четверти XXI в. // Мир в эпоху перемен: вызовы и возможности для международного сотрудничества: сборник материалов международной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения выдающегося советского дипломата, уроженца Башкортостана Карима Абдрауфовича Хакимова, Уфа, 05 декабря 2025 года. Уфа: Аэтерна, 2026. С. 293-296.

© Чанышева А.Р., 2026

УДК 327

А.Р. Чанышева, К.Т. Байгузина
магистранты, УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Н.А. Бессилин

A.R. Chanysheva, K.T. Baiguzina
master's students, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor N. A. Bessilin

РАЗВИТИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН И РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (2024–2026 гг.)

DEVELOPMENT OF COOPERATION BETWEEN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AND THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN AT THE PRESENT STAGE (2024–2026)

Аннотация: В статье анализируется динамика межрегионального сотрудничества между Республикой Башкортостан и Республикой Узбекистан в период 2024–2026 гг. На основе официальных документов, статистических данных и экспертных оценок рассматриваются ключевые направления взаимодействия: торгово-экономическое, инвестиционное, промышленно-кооперационное и гуманитарное. Особое внимание уделяется реализации дорожной карты на 2024–2026 гг., созданию совместного технопарка «Бекабад» как инновационной модели кооперации, а также роли миграционного фактора и культурно-языковой общности в углублении двусторонних связей. Автор приходит к выводу, что взаимодействие Башкортостана и Узбекистана представляет собой успешную модель межрегионального измерения стратегического партнёрства России и Узбекистана, демонстрирующую высокий уровень институционализации, диверсификации и устойчивости к внешнеполитическим вызовам.

Abstract: The article analyzes the dynamics of interregional cooperation between the Republic of Bashkortostan and the Republic of Uzbekistan in the period 2024–2026. Based on official documents, statistical data and expert assessments, the paper examines key areas of interaction: trade, economic, investment, industrial cooperation and humanitarian ties. Special attention is paid to the implementation of the roadmap for 2024–2026, the creation of the joint Bekabad technopark as an innovative model of cooperation, as well as the role of migration and cultural-linguistic

affinity in deepening bilateral relations. The author concludes that the interaction between Bashkortostan and Uzbekistan represents a successful model of the interregional dimension of the strategic partnership between Russia and Uzbekistan, demonstrating a high level of institutionalization, diversification and resilience to foreign policy challenges.

Ключевые слова: Республика Башкортостан, Республика Узбекистан, межрегиональное сотрудничество, дорожная карта, технопарк «Бекабад», инвестиционные проекты, культурно-гуманитарные связи, «ИННОПРОМ. Центральная Азия 2026».

Keywords: Republic of Bashkortostan, Republic of Uzbekistan, interregional cooperation, roadmap, Bekabad technopark, investment projects, cultural and humanitarian ties, INNOPROM Central Asia 2026.

В современной системе международных отношений наблюдается устойчивый тренд на «регионализацию» внешнеэкономических и внешнеполитических связей. Субъекты федераций и региональные образования всё чаще выступают самостоятельными акторами международного сотрудничества, дополняя и конкретизируя договорённости, достигнутые на центральном уровне. В этом контексте взаимодействие Республики Башкортостан, как одного из наиболее экономически развитых субъектов Российской Федерации и Республики Узбекистан, как ключевого государства Центральной Азии, представляет собой показательный пример успешной межрегиональной интеграции [12].

Отношения между Башкортостаном и Узбекистаном имеют глубокие исторические корни, общие культурно-языковые и религиозные основы (тюркские народы, исламская традиция). Однако именно в период 2024–2026 гг. это сотрудничество выходит на качественно новый уровень институционализации и практической реализации. Если ранее взаимодействие носило преимущественно эпизодический характер, то к 2025–2026 гг. формируется комплексная, многоуровневая система отношений, охватывающая промышленную кооперацию, инвестиционное партнёрство, научно-образовательный обмен и трудовую миграцию.

Цель данной статьи – выявить основные направления, механизмы и результаты развития взаимодействия между Республикой Башкортостан и Республикой Узбекистан в 2024–2026 гг., а также определить перспективы дальнейшего углубления связей.

Фундаментом успешного взаимодействия выступает разветвлённая договорно-правовая база, сформированная как на межгосударственном, так и на межрегиональном уровнях. На верхнем уровне стратегический контекст задают российско-узбекские соглашения. 26 мая 2024 г. в ходе официального визита Президента России В.В. Путина в Ташкент был подписан пакет из 27 документов, включая Совместное заявление глав государств и Программу сотрудничества в культуре на 2024–2026 гг. [1]. Ещё более значимым стал 2025 г.: по итогам 26-го заседания Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству между Узбекистаном и Россией (декабрь 2025) был зафиксирован беспрецедентный рост товарооборота — к концу 2025 г. взаимная торговля превысила $13 млрд, увеличившись в два раза за пять лет [2]. На заседании 26-й Межправительственной комиссии Первый заместитель

Председателя Правительства России Денис Мантуров и Заместитель Премьер-министра Республики Узбекистан Жамшид Ходжаев отметили, что в Узбекистане работает свыше 3 тыс. предприятий с российским участием (около 20% всех компаний с иностранным капиталом в стране) [2].

На региональном уровне – в октябре в рамках Совета регионов России и Узбекистана между Республикой Башкортостан и Республикой Узбекистан были подписаны межправительственные соглашения о сотрудничестве с руководителями Бухарской, Наманганской, Ташкентской, Ферганской областей и Республики Каракалпакстан [3].

Ключевым документом является «дорожная карта» торгово-экономического сотрудничества между Башкортостаном и Узбекистаном на 2024–2026 гг., подписанная Главой Башкортостана Радием Хабировым и узбекской стороной. Этот документ включает 89 конкретных мероприятий: по состоянию на февраль 2025 г. 25 из них уже реализованы, 64 находятся в стадии выполнения [4]. В июле 2025 г. на встрече с заместителем министра иностранных дел Узбекистана Олимжоном Абдуллаевым Хабиров заявил о намерении актуализировать и дополнить эту дорожную карту, подчеркнув её «живой», а не формальный характер.

3 декабря 2025 г. в рамках Межправительственной комиссии заместителем Премьер-министра Республики Узбекистан Жамшидом Абдухакимовичем Ходжаевым и Главой Республики Башкортостан была переподписана Дорожная карта между Республикой Башкортостан и Республикой Узбекистан [5].

Важным институциональным достижением стало открытие Предстательства Республики Башкортостан при Торговом представительстве Российской Федерации в Республике Узбекистан. Размещение структуры при Торговом представительстве РФ позволило не только сократить бюрократические процедуры, но и обеспечить оперативное сопровождение инвестпроектов на всех этапах.

Узбекистан занимает седьмое место во внешнеторговом обороте Башкортостана с долей 4,2–4,3% [6]. При этом структура торговли свидетельствует о растущей взаимодополняемости экономик: импорт из Узбекистана в 2024 г. вырос на 68%, что указывает на повышение конкурентоспособности узбекской продукции (текстиль, плодоовощная продукция, химические товары) на рынке Башкортостана. В ответ Башкортостан наращивает поставки продукции нефтехимии, машиностроения и сельхозтехники.

В рамках участия в промышленной выставке «ИННОПРОМ. Центральная Азия 2026» делегации Республики Башкортостан стала одной из крупнейших среди российских регионов (более 30 компаний и организаций). На коллективном стенде республики были представлены предприятия машиностроительного комплекса («Промтех», «Гидравлика»), нефтехимической отрасли («Башкирская содовая компания», «Уфаоргсинтез»), а также IT-решения для промышленности. Стенд был представлен главам делегаций сторон – первому заместителю Председателя Правительства Российской Федерации Денису Мантурову и заместителю Премьер-министра

Республики Узбекистан Жамшиду Ходжаеву и получил высокую оценку нашего сотрудничества с Республикой Узбекистан.

По итогам участия Башкортостана в «ИННОПРОМ. Центральная Азия 2026»: подписано 13 новых соглашений о сотрудничествес узбекскими партнёрами на общую сумму около 2,4 млрд руб., согласован график первого этапа запуска технопарка «Бекабад» (III квартал 2026 г.) и достигнута договорённость о приоритетном размещении в технопарке резидентов от Башкортостана.

Таким образом, «ИННОПРОМ. Центральная Азия 2026» мощным импульсом для следующего этапа сотрудничества на 2027–2030 гг.

Наиболее значимым прорывом анализируемого периода следует считать переход от торговой к производственно-инвестиционной модели сотрудничества. Ключевым проектом здесь выступает создание совместного узбекско-башкирского технопарка «Бекабад» (Ташкентская область). Соглашение о сотрудничестве между Корпорацией развития Республики Башкортостан и хокимиятом Бекабадского района было подписано в апреле 2025 г. на полях выставки «ИННОПРОМ. Центральная Азия». Технопарк предполагает локализацию производств российских и узбекских компаний, ориентированных на масштабирование бизнеса и выход на новые рынки. Радий Хабиров рассказал, как продвигается совместный проект по строительству технопарка «Бекабад» в Ташкентской области: «Разработан мастер-план технопарка. Создана и зарегистрирована управляющая компания. Мы видим живой интерес бизнеса – пять потенциальных инвесторов готовы заходить в проект с объёмом инвестиций более 13 млн долларов», – сообщил он, пояснив, что технопарк станет якорной точкой для размещения производств и выхода компаний Башкортостана на рынки Центральной Азии [7].

Помимо технопарка «Бекабад», в портфеле совместных проектов числятся:

– создание технопарка «Толпар», ориентированного в том числе на кооперацию с узбекскими предприятиями (уже определены потенциальные резиденты с участием предпринимателей из Узбекистана);

– открытие 21 апреля 2026 г. в Бостанлыкском районе Ташкентской области в рамках выставки «ИННОПРОМ. Центральная Азия» Центра народной медицины и апитерапии [8];

– открытие магазина текстильной продукции узбекистанской компании AishaHomeTextile;

– реализация проекта по созданию оптово-распределительного центра (торгового дома) для узбекистанских предприятий. Проект предполагает создание комплекса торговых площадей для реализации овощей и фруктов, текстильной продукции, постельного белья, полотенец, детской одежды и обуви.

Большое значение придается расширению гуманитарных обменов, реализации программ партнёрства в области науки и образования.

В Республике Башкортостан действует Евразийский научно-образовательный центр – это объединение ведущих университетов, научных институтов и промышленных предприятий региона. Центр создан для

интеграции науки, образования и промышленности, внедрения прикладных разработок и подготовки кадров для высокотехнологичных отраслей.

В рамках взаимодействия с Узбекистаном уже открыты бренд-классы башкирских вузов в Намангане и Чусте, создано представительство ЕНОЦ в Бухаре [10]. Реализуются программы академических обменов и стажировок студентов и преподавателей. В вузах Башкортостана обучается более тысячи граждан Узбекистана.Реализуются программы двойных дипломов по лесному делу и логопедии, подписаны десятки межвузовских соглашений.

В 2025 г. с большим успехом прошли Дни узбекской культуры в Уфе, гастроли театров [10]. Прорабатывается проведение Дней узбекского и башкирского кино. Более 220 предприятий Башкортостана заявили потребность в 1446 вакансиях для граждан Узбекистана, идёт работа по заключению соглашений через Миграционное агентство Узбекистана.

С 2019 г. в Уфе действует региональная общественная организация Узбекский национальный культурный центр «Евразия», входящая в состав Ассамблеи народов Республики Башкортостан.

В Узбекистане, где проживает более 30 тысяч башкир, действуют национальные общественные организации, в частности, в Ташкенте, Бухаре, Фергане, Самарканде, Карши. Самый крупный – Башкирский общественно-культурный центр создан в Ташкенте в 1992 г. [2].

В Республике Башкортостан сформированы эффективные площадки для делового диалога и выстраивания прямых контактов между компаниями. В республике ежегодно проводятся специализированные выставки и отраслевые мероприятия – «Агрокомплекс», «Молочная страна», «Наш бренд», международный инвестиционный сабантуй «Зауралье» и Международная неделя бизнеса.

Анализ динамики 2024–2026 гг. с учётом итогов «ИННОПРОМ. Центральная Азия 2026» позволяет выделить несколько факторов, обеспечивающих устойчивость и перспективность башкирско-узбекского взаимодействия:

1. Политическая воля на высшем уровне. В рамках шестого заседания Совместной комиссии на уровне глав правительств РФ и Узбекистана была поставлена цель довести двусторонний товарооборот до $30 млрд. Межрегиональное сотрудничество рассматривается как важнейший инструмент достижения этой цели [11].

2. Экономическая взаимодополняемость. Башкортостан обладает развитым нефтехимическим и машиностроительным комплексом, Узбекистан — растущим аграрным сектором и ёмким рынком сбыта (35 млн населения). Создание транспортно-логистических хабов позволяет преодолеть инфраструктурные ограничения.

3. Социокультурная близость. Наличие более 30 тыс. башкир, проживающих в Узбекистане, общие языковые корни и религиозная традиция снижают барьеры для деловой коммуникации и инвестиций.

4. Институциональная зрелость.Созданные структуры (Представительство РБ при Торгпредстве РФ в Республике Узбекистан, Корпорация развития РБ,

рабочие группы) обеспечивают непрерывность и оперативность взаимодействия.

Таким образом, период 2024–2026 гг. стал этапом качественной трансформации отношений между Республикой Башкортостан и Республикой Узбекистан. От разрозненных торговых сделок и протоколов о намерениях стороны перешли к системному, институционализированному партнёрству с чёткими «дорожными картами», совместными инвестиционными проектами и технологическими альянсами (технопарк «Бекабад»).

Ключевыми достижениями стали: рост товарооборота; реализация 25 из 89 пунктов дорожной карты; создание постоянно действующих институтов сотрудничества; формирование гуманитарной экосистемы, включающей образование, культуру; участие в «ИННОПРОМ. Центральная Азия 2026», где Башкортостан выступил одним из лидеров межрегиональной повестки, подписав соглашений на 2,4 млрд руб. и подтвердив запуск технопарка «Бекабад» в 2026 г.

Взаимодействие Башкортостана и Узбекистана может служить эталонной моделью для других регионов России и стран Центральной Азии, демонстрируя, как сочетание политической воли, экономической рациональности и культурной близости позволяет достигать конкретных, измеримых результатов в условиях турбулентной международной обстановки. Перспективы дальнейшего развития связаны с завершением строительства технопарка «Бекабад», расширением номенклатуры поставляемой продукции и углублением научно-технической кооперации в рамках утверждённой до 2030 г. совместной программы. Выставка «ИННОПРОМ. Центральная Азия» из разовой акции превратилась в постоянно действующий механизм промышленной интеграции.

Литература:

1. «ТАСС: «По итогам визита Путина в Узбекистан подписали 27 документов». [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/politika/20914667 (дата обращения: 24.04.2026).

2. Информационное агентство «АА»: «Денис Мантуров провёл очередное заседание российско-узбекской межправительственной комиссии». [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/news/57166 / (дата обращения: 24.04.2026).

3. Информационное агентство «Башинформ». Новые горизонты: Башкирия расширяет сотрудничество с Узбекистаном. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bashinform.ru/articles/detalno/2026-04-20/novye-gorizonty-bashkiriya-rasshiryaet-sotrudnichestva-s-uzbekistanom-4652759 (дата обращения: 24.04.2026).

4. Официальный сайт Правительства Республики Башкортостан. // URL: https://pravitelstvorb.ru/ (дата обращения: 24.04.2026).

5. Официальный сайт Главы Республики Башкортостан. [Электронный ресурс]. URL:https://glavarb.ru/ru/news/event/na-zasedanii-rossiysko-uzbekskoy-mezhpravkomissii-podpisali-dorozhnuyu-kartu-po-razvitiyu-sotrudnichestva-mezhdu-regionami-uzbekistana-i-bashkortostanom-84705/ (дата обращения: 24.04.2026).

6. Информационное агентство «Башинформ». Восточный колорит: Башкирия расширяет сотрудничество с Узбекистаном. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bashinform.ru/articles/analytics/2025-12-04/vostochnyy-kolorit-bashkiriya-rasshiryaet-sotrudnichestvo-s-uzbekistanom-4492547 (дата обращения: 24.04.2026).

7. Информационное агентство «Башинформ». Башкирия реализует крупный проект в Узбекистане, создала парк года. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bashinform.ru/news/politics/2026-04-27/bashkiriya-realizuet-krupnyy-proekt-v-uzbekistane-sozdala-park-goda-4653303 (дата обращения: 27.04.2026).

8. Официальная страница ГАУ «БНИЦ ПО ПЧЕЛОВОДСТВУ И АПИТЕРАПИИ» в ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/gau_bnic?w=wall-108305037_2742 (дата обращения: 27.04.2026).

9. Информационное агентство «Башинформ». [Электронный ресурс]. URL: https://www.bashinform.ru/articles/detalno/2026-04-20/novye-gorizonty-bashkiriya-rasshiryaet-sotrudnichestva-s-uzbekistanom-4652759 (дата обращения: 24.04.2026).

10. Официальный сайт Уфимской детской филармонии. 17 сентября в агропарке «Евразия» прошёл масштабный и красочный праздник «Дни культуры Республики Узбекистан в Республике Башкортостан». [Электронный ресурс]. URL: https://xn--d1a3ae.xn--p1ai/dni-kultury-respubliki-uzbekistan-v-respublike-bashkortostan/ (дата обращения: 24.04.2026).

11. Информационное агентство «Башинформ». Новые горизонты: Башкирия расширяет сотрудничество с Узбекистаном. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bashinform.ru/articles/detalno/2026-04-20/novye-gorizonty-bashkiriya-rasshiryaet-sotrudnichestva-s-uzbekistanom-4652759 (дата обращения: 24.04.2026).

12.История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

© Чанышева А.Р., Байгузина К.Т., 2026

УДК 327

А.И. Шайдуллин
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Хадимуллин

A.I. Shaidullin
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Khadimullin

РОССИЙСКО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ «ТАЛИБАНА»: ОТ НАБЛЮДЕНИЯ ДО ПРАГМАТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

RUSSIAN-AFGHANISTAN RELATIONS AFTER THE TALIABAN'S TAKEOVER: FROM OBSERVATION TO PRAGMATIC COOPERATION

Аннотация: В статье рассматривается эволюция российско-афганских отношений в период с 2020 до 2026 гг.: от подписания американо-афганского Соглашения по достижению мира в Афганистане до признания Исламского Эмирата Афганистана и развития отношений с ним. Показаны причины эволюции позиции Российской Федерации по отношению к режиму Талибан – от осторожного наблюдения до прагматического взаимодействия и официального признания.

Annotation: The article examines the evolution of Russian-Afghan relations between 2020 and 2026: from the signing of the US-Afghan Agreement on achieving peace in Afghanistan to the recognition of the Islamic Emirate of Afghanistan and the development of relations with it. The reasons for the evolution of the Russian Federation’s position towards the Taliban regime are shown — from cautious observation to pragmatic interaction and official recognition.

Ключевые слова: Российская Федерация, Исламский Эмират Афганистан, российско-афганские отношения, дипломатическое признание.

Key words: the Russian Federation, the Islamic Emirate of Afghanistan, Russian-Afghan relations, diplomatic recognition.

Отношения СССР/России и Афганистана прошли за последние полвека достаточно сложный путь, который был проложен между идеологией, прагматизмом, военным противостоянием и попытками найти точки соприкосновения. Формально можно выделить достаточно интересную их особенность, а именно – непостоянство. Отношения этих двух стран – это своего рода маятник, который колеблется от союзничества к конфронтации и обратно.

Во второй половине 1990-х гг. власть в Афганистане захватило движение «Талибан» и установило жесткий исламистский режим. Напряжение в отношениях между Российской Федерацией и властями Афганистана росло в связи с международной деятельностью режима [3, с. 256-258]. В 2003 г. «Талибан» был внесен в список террористических организаций в России [10].

Современный этап российско-афганских отношений связан, в частности, с тем, что 28 февраля 2020 г. в Дохе (Катар) между Соединенными Штатами Америки и «Талибаном» было подписано Соглашение по достижению мира в Афганистане [11]. Ключевым условием Соглашения стал вывод американских войск с территории Афганистана в обмен на гарантии «Талибана» не

предоставлять убежища террористам, а также начать мирные переговоры с официальными властями Кабула. В 2021 г. на фоне вывода американских войск талибами было начато широкое наступление. Афганская армия, в связи с лишением поддержки тылового обеспечения и авиации США, практически бросила попытки сопротивления, тем самым массово сдавая территории [2].

После выхода американских войск из Афганистана и установления контроля над страной движением «Талибан» Россия, по мнению исследователей, столкнулась с новыми вызовами безопасности. Укрепление исламского фундаментализма могло создать прямые риски для государств Центральной Азии. Москва на тот момент усилила помощь в укреплении обороноспособности приближенных к Афганистану стран, так, например, на российскую военную базу, которая расположена на территории Таджикистана, был дополнительно направлен личный состав и вооружение, а именно 100 единиц бронетанковой техники, включая 30 танков Т-72 БЗ [2].

Существенным шагом, который показал готовность Российской Федерации на взаимодействие с новым правительством Афганистана, стало решение оставить посольство РФ на территории государства. Важно понимать, что такой шаг не являлся официальным дипломатическим признанием, данное действие, в первую очередь, опиралось на соображения безопасности, экономической выгоды и для поддержания каналов связи с фактической властью.

Начавшаяся в 2022 г. специальная военная операция вызвала геополитическое напряжение вокруг России, что выразилось в усилении давления со стороны западных стран. По большому счету это дало дополнительный импульс к поиску новых торговых партнеров, и тем самым Афганистан стал одним из направлений продвижения внешнеэкономической связей Москвы. Важным аспектом налаживания отношений стало приглашение талибов на Петербургский международный экономический форум. Формально данное мероприятие является демонстрацией готовности России к международному сотрудничеству.

Если говорить про экономические отношения, то мы можем наблюдать в них взаимодействия между формально непризнанным государством и державой, которая старается укрепить свои региональные позиции в регионе. С одной стороны, Россия настороженно относится к «Талибану», сохраняя опасения по поводу неспособности талибов контролировать экстремистские группировки, которые впоследствии могут дестабилизировать Центральную Азию, а с другой, она находит возможности для продвижения экономических интересов в Афганистане и за его пределами. Важно понимать, что Афганистан обладает, по сути, значительными неразработанными запасами стратегически полезных ископаемых, которые включают в себя редкоземельные металлы, медь и пр.

Уже в 2023 г. страны перешли от эпизодических контактов к регулярному диалогу. Как отмечает Х. Рахматулла в исследовании, опубликованном в Вестнике Финансового университета, в этот период оформился «базовый тренд проводимой обеими странами политики – стремление к суверенитету», причем для России и Афганистана это сопряжено с «обострением противостояния с США и их странами-партнерами по военно-политическим и экономическим союзам» [4].

В марте 2024 г. Российская Федерация начала юридическую подготовку к изменению статуса «Талибана» [6]. Значительно вырос товарооборот между РФ и Афганистаном. Вице-премьер правительства РФ А. Оверчук отметил, что по итогам 2024 г. товарооборот между двумя странами составил 323 млн. долл. [Ком] По словам руководителя Российского делового центра в Афганистане Рустама Хабибуллина: «Товарооборот между Россией и Афганистаном растет высокими темпами. Например, если в 2022 году он составлял порядка 170 миллионов долларов, то сейчас уже перешагнул отметку в один миллиард долларов» [9]. Структура двусторонней торговли оставалась асиметричной: Россия поставляла нефтепродукты, газ, пшеницу, а взамен получала аграрную продукцию и, в ограниченных объемах, сырье.

В апреле 2025 г. Верховным судом Российской Федерации был приостановлен запрет на деятельность «Талибана», который с 2003 г. находился в российском списке террористических организаций. Данный шаг формально создал юридическую основу для полноценного дипломатического признания. В июле 2025 г. власти России официально признали Исламский Эмират Афганистан, а также заместитель министра иностранных дел Андрей Руденко принял копии верительных грамот у посла ИЭА [7]. Министр иностранных дел Афганистана Амир Хан Муттаки оставил следующий комментарий по этой теме: «Прежде всего хочу выразить глубокую благодарность Российской Федерации за принятое решение признать правительство Исламского Эмирата Афганистан. Я лично от себя выражаю особую признательность за ваши усилия в этом направлении. Я знаю, что вы сыграли историческую роль в развитии отношений с Афганистаном, проявив к этому искренний интерес» [5].

В этом же месяце Россия провела первые официальные переговоры с правительством талибов. На этих переговорах обсуждались вопросы безопасности, экономического сотрудничества и дальнейшего развития двусторонних связей. В дальнейшем, в январе 2026 г. президентом РФ Владимиром Владимировичем Путиным были приняты верительные грамоты от посла талибов, тем самым Российская Федерация стала первым в мире государством, официально признавшим новое правительство Афганистана.

Таким образом, российско-афганистанские отношения за пятилетний срок демонстрируют последовательную трансформацию от осторожности к прагматическому ангажированию, вышей точкой которого стало официальное признание правительства «Талибана». Это может обуславливаться такими факторами как, например, стремление Российской Федерации использовать талибов как противовес более радикальным группировкам – это может поспособствовать стабилизации южных рубежей России и Центральной Азии. Следующий фактор связан с попыткой дипломатической блокады со стороны западных стран, в настоящее время наша страна ищет различные пути и способы для расширения своих отношений и связей с незападным миром.

Литература:

1. Бубнова Н. И. Вывод американских войск из Афганистана и политика Вашингтона: что пошло не так? // Россия и современный мир. 2022. №. 3 (116). С. 72-93.

2. Зинчук М. Г. Последствия для стран СНГ прихода к власти движения" Талибан" в Афганистане // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. №. 1. С. 50-56.

3. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

4. Рахматулла Х. Динамика приоритетов и геополитической конъюнктуры в системе национальных интересов России и Афганистана // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. № 15 (2). С. 83-98. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2025-15-2-83-98

5. Глава МИД Афганистана: Кабул навсегда благодарен России за решение о признании [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/25270729 (дата обращения: 03.04.2026).

6. МИД РФ заявил о проработке снятия с "Талибана" статуса террористической организации [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/politika/20412217 (дата обращения: 03.04.2026).

7. Новый посол Афганистана вручил копии верительных грамот замглавы МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.vesti.ru/article/4579549 (дата обращения: 03.04.2026).

8. Россия и Афганистан обсуждают вопрос торговли в нацвалютах https://www.kommersant.ru/doc/7734261 (дата обращения: 06.04.2026).

9. Товарооборот между Россией и Афганистаном достиг миллиарда долларов [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20240515/tovarooborot-1946047248.html (дата обращения: 03.04.2026).

10. Что известно о "Талибане" и его запрете в РФ https://tass.ru/info/23710983 (дата обращения: 06.04.2026).

11. Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America February 29, 2020. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-BringingPeace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf (дата обращения 03.04.2026).

© Шайдуллин А.И., 2026

УДК 327

А.Н. Шарафутдинова
магистрант УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Тухватуллин

A.N. Sharafutdinova
master's student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Tukhvatullin

РОЛЬ СОВМЕСТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ И ПРЕОДОЛЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

THE ROLE OF JOINT EDUCATIONAL PROGRAMS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE FORMATION OF GENERAL CULTURAL COMPETENCIES AND OVERCOMING ETHNIC STEREOTYPES AMONG YOUNG PEOPLE

Аннотация: В статье рассматривается влияние совместных образовательных программ между российскими вузами и высшими учебными заведениями стран Центральной Азии на формировании общекультурных компетенций и уменьшение этнических стереотипов среди молодёжи. Показаны статистика студенческих потоков, роль подразделений международного сотрудничества в вузах, практика совместных конференций и летних школ, а также эффект совместной публикационной активности. В работе выделяются основные барьеры: языковые и финансовые ограничения, асимметрия ресурсов, краткосрочный характер ряда обменов и политические трудности.

Abstract: The article examines the impact of joint educational programs between Russian universities and higher education institutions in Central Asian countries on the development of general cultural competencies and the reduction of ethnic stereotypes among young people. It presents statistics on student flows, the role of international cooperation departments in universities, the practice of joint conferences and summer schools, as well as the effect of joint publication activity. The paper identifies the main barriers: language and financial limitations, resource asymmetry, the short-term nature of some exchanges, and political difficulties.

Ключевые слова: Российская Федерация, Центральная Азия, совместные образовательные программы, университет, академическая мобильность, общекультурные компетенции.

Keywords: Russian Federation, Central Asia, joint educational programs, university, academic mobility, general cultural competencies.

Совместные образовательные программы между российскими университетами и вузами стран Центральной Азии (ЦА) выполняют не только академическую и профессиональную функцию, но также они создают устойчивые межкультурные связи, содействуют профессиональной мобильности и поддерживают региональное сотрудничество. Эти программы объединяют государственные инициативы (квоты и стипендии), межвузовские соглашения, сетевые проекты и неформальные образовательные форматы - и именно сочетание формальной и неформальной составляющих определяет их

вклад в формирование общекультурных компетенций и снижение уровня этнических стереотипов среди молодёжи, ведь для них такие программы часто становятся первым опытом длительного контакта с непривычной для них культурой: совместная учёба, проживание и проектная деятельность можно сказать изменяют стереотипы быстрее, чем формальные коммуникации [1].

В практике взаимодействия есть несколько реальных, хорошо заметных примеров. Например, российско-кыргызский славянский университет (РКСУ) в Бишкеке – это классический пример института, созданного в формате двустороннего сотрудничества; он действует как образовательный и научный центр, где российская академическая традиция переплетается с местным кадровым потенциалом и культурной средой. Другой пример – активность Россотрудничества, которое через свои культурно-образовательные центры и программы поддерживает языковые курсы, летние школы и научные контакты в странах Центральной Азии, способствуя не только академическим обменам, но и культурной интеграции участников. Университеты России регулярно организуют летние школы и тематические интенсивы с участием студентов и преподавателей из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизстана; один из видов таких инициатив это международные летние школы и научно-образовательные форумы, проводимые в РУДН (Российском университете дружбы народов) и других федеральных вузах, где сосредоточены межрегиональные программы и программы русского языка.

Государственные механизмы поддержки (квоты для иностранных студентов, стипендии, целевые программы подготовки кадров) остаются важной основой притока студентов из стран ЦА в российские вузы. Министерство науки и высшего образования РФ и профильные ведомства стран-партнёров координируют квотирование и стипендиальные направления, что делает обучение в России доступным для большого числа центральноазиатских студентов и тем самым увеличивает потенциал межкультурного обмена. Эти институциональные решения демонстрируют, как уровень государства формирует возможности для академического взаимодействия и тем самым влияет на формирование общекультурных компетенций [5].

Реализация программ обмена студентов и преподавателей - один из самых действенных инструментов. При качественной реализации обмены создают не просто академические связи, но и ситуацию длительного личного контакта, совместной учебно-проектной работы и проживания в поликультурной среде. То есть, студенты живут в другой стране несколько месяцев или год, учатся в смешанных группах и вместе делают практические проекты - это создает длительные личные контакты и реальное взаимопонимание. Обмен преподавателями и приглашённые лекционные курсы способствуют трансляции методик и академической культуры, а совместные магистерские программы и двойные дипломы укрепляют институциональные связи между вузами (практика двусторонних магистратур и совместных программ развита в ряде ведущих российских и центральноазиатских университетов). Совместные научные гранты и проекты, финансируемые на двусторонней основе или в рамках международных фондов, стимулируют публикационную активность и дают молодым

исследователям платформу для совместной работы над региональными проблемами – от миграции и экономики до вопросов безопасности и экологии [4].

Летние школы и конференции, организуемые совместно российскими и центральноазиатскими вузами, оказываются особенно эффективны в плане деконструкции стереотипов. Интенсивные программы с проживанием, междисциплинарными кейс-задачами и публичными презентациями помогают участникам «пережить» оппонента не как абстрактную категорию, а как коллегу и партнёра по проекту.

В качестве примеров таких инициатив можно привести регулярные молодёжные форумы и летние школы, где студенты работают в межнациональных командах над практическими кейсами – от урбанистики до разработки социальных стартапов; эти мероприятия зачастую сопровождаются публикациями сборников работ и рекомендаций по региональной политике.

Совместные исследования и публикации – это не только академическое достижение, но и способ закрепления совместного опыта. Статьи, сборники конференций и двуязычные издания делают видимыми общие методологические подходы и способствуют профессиональной интеграции [7, с. 368-369]. Для молодых исследователей совместные публикации с зарубежными научными руководителями повышают конкурентоспособность и способствуют формированию региональной экспертной сети [3].

По разным источникам, поток студентов из Казахстана в российские вузы в начале 2023 г. оценивался примерно в 60–62 тыс. человек, что делает Казахстан одним из крупнейших источников иностранных студентов для России. При этом общее число иностранных студентов в России росло в 2022–2024 гг. и к концу 2024 г. превышало 400 тыс. человек, что указывает на устойчивый приток зарубежной молодёжи в российскую образовательную среду. Эти показатели стоит рассматривать как сигнал о потенциале для межкультурного взаимодействия, однако они не означают, что интеграция обязательно будет успешной. Многое определяется тем, какие форматы программ реализуются и насколько эффективно оказывается поддержка студентам [2].

Казахстан здесь выступает как яркий и актуальный пример: высокий поток студентов из Казахстана в российские вузы и активность казахстанских университетов в двусторонних проектах иллюстрируют потенциал сотрудничества. Взаимодействие крупных вузов (например, университетов в Алматы и Астане с РУДН, МГУ и другими российскими учреждениями) показывает, как институциональные связи плюс государственная поддержка могут масштабировать обмены и делать их более содержательными. При этом опыт Казахстана также указывает на необходимость более длительных программ, языковой подготовки и паритетного управления проектами.

Несмотря на позитивные практики, есть очевидные барьеры. Языковой уровень и разная подготовка студентов и преподавателей зачастую препятствуют глубокой академической интеграции. Асимметрия ресурсов, т.е. ситуация, когда одни вузы обладают большим финансированием и инфраструктурой, а партнёры меньшими возможностями, создаёт риск «одностороннего» сотрудничества. Краткосрочные форматы дают знакомство,

но не обеспечивают длительных изменений в установках. Наконец, административные препятствия (визы, квоты, нестабильность финансирования) снижают доступность программ.

Для того чтобы совместные образовательные программы действительно формировали общекультурные компетенции и снижали стереотипы, нужно делать ставку на длительные форматы (семестр, год) в сочетании с интенсивными летними модулями, обязательную предвъездную языковую и межкультурную подготовку, проектную работу с публичным результатом и системный мониторинг эффектов (опросы «до/после», публикация отчётов). Управления международного сотрудничества должны стремиться к созданию паритетных партнерств и к развитию совместной публикационной активности, чтобы опыт переводился в знания и практики, доступные широкой аудитории.

В целом, совместные образовательные программы между Россией и странами Центральной Азии обладают реальным потенциалом для формирования общекультурных компетенций и уменьшения этнических стереотипов в молодёжной среде. Для достижения устойчивого эффекта требуется сочетание институциональной поддержки, качественной подготовки участников и продуманных форматов взаимодействия. Казахстан как современный пример демонстрирует, что при согласованных усилиях вузов и государственных структур такие программы могут стать платформой для долгосрочного регионального сотрудничества и взаимопонимания.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 06.04.2026).

2. Концепция развития высшего образования и науки в Республике Казахстан на 2023–2029 годы [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000248 (дата обращения: 06.04.2026).

3. Ефремова Л.И. Экспорт образования: глобальные тенденции будущего // Научно-практическая конференция «Экспорт российского образования: вызовы и достижения». М.: РУДН, 2021. 18 с.

4. Канунникова А.М., Мога И.С. Повышение международной конкурентоспособности высшего образования России // Вестник Евразийской науки. 2022. Т. 14, № 2.

5. Рыбакова Е.В., Рыбаков Д.Г. Образование как культура международной интеграции // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. 2023. № 5. С. 95-100.

6. Хамматова Л.А., Шарафутдинова А.Н. Стратегия развития международного сотрудничества УУНиТ: приоритеты и механизмы реализации // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей LIII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2026. С. 227–231.

7. Шарафутдинова А.Н. Стратегия развития международного сотрудничества УУНиТ: приоритеты и механизмы реализации // Мир Евразии: от древности к современности: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения советского и российского историка-германиста, доктора исторических наук, профессора, декана исторического факультета Ивана Дмитриевича Чигрина (1945-1999), Уфа, 17 апреля 2025 года. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. С. 296-299.

© Шарафутдинова А.Н., 2026

УДК 327

Д.Д. Юзыкаева
студентка УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ю.С. Усова

D.D. Yuzykaeva
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – associate professor Yu. S. Usova

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЕС: РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ-ЧЛЕНАМИ И ПОИСК ОБЩЕЙ СТРАТЕГИИ

EU ENERGY SECURITY: MEMBER STATE DIVERGENCES AND THE PURSUIT OF A COMMON STRATEGY

Аннотация: В статье анализируется состояние энергетической безопасности Европейского союза на фоне эскалации конфликта в Персидском заливе (апрель 2026 г.). Рассматриваются исторические основы зависимости ЕС от российского газа, раскол между государствами-членами, проявившийся в ходе кризиса 2022–2026 гг., а также текущие данные по поставкам, потреблению и уровню заполнения хранилищ. Особое внимание уделяется различиям в фискальных возможностях и энергетических структурах стран ЕС, препятствующим выработке единой стратегии. Делается вывод о переходе ЕС от зависимости от России к зависимости от СПГ США и о сохранении структурных уязвимостей.

Abstract: The article analyzes the state of energy security of the European Union against the backdrop of the escalation of the conflict in the Persian Gulf (April 2026). It examines the historical foundations of the EU's dependence on Russian gas, the rift between member states that emerged during the crisis of 2022–2026, as well as current data on supplies, consumption and storage levels. Particular attention is paid to the differences in fiscal capacities and energy structures of EU countries, which hinder the development of a common strategy. It is concluded that the EU is moving from dependence on Russia to dependence on US LNG, while structural vulnerabilities persist.

Ключевые слова: энергетическая безопасность ЕС, российский газ, СПГ, энергетический кризис, диверсификация поставок, REPowerEU, государства-члены ЕС, геополитика, хранилища газа, Ормузский пролив.

Keywords: EU energy security, Russian gas, LNG, energy crisis, supply diversification, REPowerEU, EU member states, geopolitics, gas storage, Strait of Hormuz.

По состоянию на апрель 2026 г. Европейский союз находится на критическом этапе своего многолетнего пути к энергетической безопасности. Военный конфликт между США, Израилем и Ираном длится уже более месяца, а ситуация в Ормузском проливе напрямую нарушает глобальные поставки нефти и газа. Будучи регионом, сильно зависящим от импорта ископаемого топлива, Европа серьезно пострадала от проблем с цепочками поставок энергии; официальные медиа ЕС и представители евробюрократии сообщили, что только за один месяц после начала конфликта дополнительные расходы Европы на импорт ископаемого топлива достигли €14 млрд – почти повторение энергетического кризиса 2022 г. Этот кризис служит стресс-тестом для энергосистемы Европы, обнажая как прогресс, достигнутый с 2022 г., так и сохраняющиеся уязвимости. ЕС отреагировал на эту новую волну энергетических потрясений медленно и осторожно, не сумев предложить единой и эффективной стратегии. Значительные различия в фискальном потенциале, энергетической структуре и внутреннем политическом давлении среди государств-членов привели к разрозненным мерам: Испания запустила пакет помощи в €5 млрд (почти 80 мер), Германия сосредоточилась на регулировании цен на заправочных станциях, Италия предупредила о налогообложении сверхприбылей компаний. Между тем собственный энергопереход ЕС уже запланирован и имеет обязательную юридическую силу: в январе 2026 г. Совет ЕС принял регламент, запрещающий импорт как СПГ, так и трубопроводного газа из России, планируя полностью отказаться от него к концу 2027 г. Понимание того, как ЕС оказался в этой точке и почему подходы стран продолжают расходиться, требует анализа исторических основ европейской энергобезопасности, возникших противоречий и текущих данных о поставках, закупках и потреблении энергоресурсов.

На протяжении примерно трех десятилетий до начала войны на Украине в 2022 г. энергобезопасность ЕС опиралась на стабильный и относительно недорогой трубопроводный газ из России. До кризиса ЕС зависел от России примерно на 45% от импорта природного газа, 25% от импорта нефти и 44% от импорта каменного угля. В 2021 г. импорт российского ископаемого топлива стоил ЕС примерно $150 млрд. Доля России в импорте трубопроводного газа в ЕС в 2021 г. составляла около 40%. Однако эта совокупная зависимость скрывала глубокие расхождения между странами-участницами евроинтеграции. В 2021 году Австрия и Польша импортировали более 80% природного газа из России, Германия – более 50%, тогда как Франция и Испания – менее 8%. Страны вроде Германии и Нидерландов особенно трудно перестраивались, поскольку не создали достаточного потенциала диверсификации в предыдущие десятилетия. Эта система с долгосрочными контрактами и стабильными ценами лежала в основе энергоснабжения европейских промышленных гигантов, включая Германию и Италию.

Начало специальной военнй операции России на Украине в феврале 2022 г. фундаментально изменило подход ЕС к энергобезопасности. Природный газ стал геополитическим бременем, что подтолкнуло Евросоюз к радикальной смене курса. Однако путь к диверсификации выявил давние противоречия. Наиболее

остро проявилось противоречие между коллективной риторикой энергосолидарности и разными государственными реалиями. Германия построила свою промышленную модель на дешёвом российском газе; страны Центральной и Восточной Европы не имели альтернативной инфраструктуры; западные государства с терминалами СПГ столкнулись с иными ограничениями. Ответом ЕС стал план REPowerEU (май 2022 г.) с трёхсторонним подходом: экономия энергии, диверсификация поставок и развитие чистой энергетики. План был нацелен на сокращение импорта российского газа на две трети к концу 2022 г. и полную независимость от российского ископаемого топлива задолго до 2030 г.

Резкие изменения на газовом рынке привели к беспрецедентной волатильности. После десятилетия стабильности цены начали расти с 2021 г., достигли пика летом 2022 г., а затем стабилизировались на уровне примерно на 50% выше, чем до начала конфликта на Украине. Конечная цена газа для домохозяйств в столицах ЕС выросла с 8,5 центов евро/кВт·ч (октябрь 2021 г.) до 16,5 центов евро/кВт·ч (сентябрь 2022 г.) – почти вдвое. Цена на электроэнергию выросла на 29,5%. Наибольший рост зафиксирован в Амстердаме (+76%), Риме (+74%), Вильнюсе (+64%); в Мадриде – небольшое снижение (-0,4%). Как отмечают эксперты, «рынки, зависимые от ископаемого топлива (Нидерланды), столкнулись с большей волатильностью», тогда как высокая доля ВИЭ в Испании снизила её уязвимость.

Даже при коллективном прогрессе в снижении российской зависимости разногласия между странами ЕС сохранились и углубились. В марте 2026 г. на заседании Совета министров энергетики ЕС в Брюсселе министр Греции Ставрос Папаставру и министр Швеции Эбба Буш столкнулись по вопросам централизации планирования общеевропейских электросетей. Швеция выступила против чрезмерной централизации, настаивая на учёте национальных особенностей. Греция указала на «стену цен на электроэнергию» между Юго-Восточной и Северной Европой, что подрывает единство рынка. Еврокомиссар Дан Йоргенсен предупредил, что отсутствие общей стратегии – «как попытка собрать пазл, не зная итоговой картинки».

К 2025 г. ЕС кардинально перестроил портфель импорта газа. Крупнейшим поставщиком стала Норвегия (почти треть всего импорта). Доля России в трубопроводном газе упала с 40% (2021) до ~6% (2025). С учётом СПГ доля России составила около 13%. Импорт СПГ резко вырос: в 2025 г. – более 140 млрд куб. м, причём США обеспечили почти 58% от этого объёма (импорт из США утроился по сравнению с 2021 г.). Крупнейшие импортёры СПГ в ЕС – Франция, Испания, Италия, Нидерланды, Бельгия. По данным МЭА, импорт СПГ в Европу достиг рекордных 175 млрд куб. м в 2025 г. По трубопроводу: Норвегия – 55% импорта (первая половина 2025 г.), Алжир – 19%, Россия (через Турцию) – 10%. Доля Алжира выросла с 6% (2022) до 17,7% (2025). Ожидается рост импорта из Азербайджана с 13 млрд куб. м (2025) до 20 млрд куб. м (2028).

Спрос ЕС на природный газ снизился более чем на 19% в 2021–2024 гг. После стабильного уровня 334 млрд куб. м в 2022 г., в 2023 г. он упал до 290 млрд куб. м благодаря добровольным мерам Еврокомиссии и эффекту высоких цен.

По данным ENTSOG, на 1 апреля 2026 г. запасы газа в ЕС составляли 28% (314 ТВт·ч / ~29 млрд куб. м) – ниже, чем за три предыдущих года, и на уровне предкризисного 2021 г. (30,5%). Это значительно ниже 35%, зафиксированных в апреле 2025 г. ENTSOG подчёркивает: «крайне важно начинать закачку газа уже в апреле и продолжать до ноября». Анализ на зиму 2026/27 гг. показывает, что при существующих мощностях можно достичь целевого уровня выше 30% к концу зимы, но только при гарантированных поставках. Однако конфликт в Персидском заливе ограничивает доступность СПГ и возможность пополнения хранилищ.

В январе 2026 г. Совет ЕС принял регламент о запрете импорта как СПГ, так и трубопроводного газа из России с 18 марта 2026 г. (с переходными периодами для действующих контрактов). К концу 2027 г. весь импорт российского газа будет запрещён. Страны ЕС обязаны к 1 марта 2026 г. представить нацпланы диверсификации с поэтапным отказом от прямого и косвенного импорта российского газа и нефти.

Снижение зависимости от России не привело к фундаментальной энергонезависимости: ЕС лишь сместил зависимость на СПГ из США. В 2025 г. ЕС по-прежнему импортирует 60% энергии (90% газа, 97% нефти). Исторически низкий уровень запасов и конфликт в Ормузском проливе создали ценовое давление: TTF вырос с ~€30/МВт·ч до ~€45/МВт·ч (пики выше €60). Фьючерсы предсказывают цены на 50% выше уровня 2024 г. и вдвое выше довоенных (до 2022 г.). Различия в фискальном потенциале, энергобалансе и политической ориентации подрывают коллективные действия. В 2026–2027 гг. выборы в Испании, Франции, Италии могут подтолкнуть правительства к популистским краткосрочным мерам (субсидии, ценовые потолки), которые ослабляют рыночные сигналы и отвлекают инвестиции. Замещение российского трубопроводного газа требует новых терминалов СПГ, регазификационных мощностей и улучшения внутриевропейских связей. При этом ЕС должен совмещать безопасность поставок с политикой декарбонизации. Цель полного отказа от российского газа к октябрю 2027 года сохраняется, несмотря на возможное сопротивление Венгрии и Словакии. ЕС намерен отказаться от всего российского газа к концу 2027 года, одновременно лавируя в непредсказуемой обстановке с участием России, Китая и США. Энергобезопасность теперь тесно связана со стабильностью цепочек СПГ, развитием ближневосточного конфликта и будущим трансатлантических отношений.

Таким образом, по результатам проведенного исследования, автор пришел к следующим выводам. Поиск ЕС общей стратегии энергетической безопасности остаётся незавершённым. Достигнуты реальные коллективные успехи в снижении российской зависимости (которая, однако, частично сменилась зависимостью от США) и ускорении энергоперехода, но сохраняющиеся разногласия между государствами-членами, отражающие разные экономические структуры, политические приоритеты и историческое наследие, ограничивают эти успехи. Задача ЕС – перейти от фрагментированных краткосрочных мер к действительно интегрированному подходу, который

устранит уязвимости, вскрытые энергетическим шоком 2026 г., и проведёт структурные реформы для долгосрочной устойчивости.

Литература:

1. Al Jazeera. How much of Europe's oil and gas still comes from Russia? // Al Jazeera. — 03.10.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.aljazeera.com/news/2025/10/3/how-much-of-europes-oil-and-gas-still-comes-from-russia (дата обращения: 12.04.2026).
2. Council of the EU. Where does the EU's gas come from? // European Council. — 24.03.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/where-does-the-eu-s-gas-come-from/ (дата обращения: 12.04.2026).
3. ENTSOG. ENTSOG publishes its 2026 outlooks // CEEnergyNews. — 13.04.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://ceenergynews.com/oil-gas/entsog-publishes-its-2026-outlooks/ (дата обращения: 12.04.2026).
4. European Commission. REPowerEU: A plan to rapidly reduce dependence on Russian fossil fuels and fast forward the green transition // European Commission. — 18.05.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://malta.representation.ec.europa.eu/news/repowereu-plan-rapidly-reduce-dependence-russian-fossil-fuels-and-fast-forward-green-transition-2022-05-18_en (дата обращения: 12.04.2026).
5. Eurointegration. ЕС окончательно одобрил поэтапный запрет импорта российского газа // Eurointegration. — 26.01.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2026/01/26/7229812/ (дата обращения: 12.04.2026).
6. MarketScreener. EU Energy Commissioner Jorgenson: Iran war has added 14 billion euros to EU fossil fuel import bill so far // MarketScreener. — 31.03.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://uk.marketscreener.com/quote/currency/EURO-RUSSIAN-ROUBLE-23723600/news/Eu-Energy-Commissioner-Jorgenson-Iran-War-Has-Added-14-Billion-Euros-To-Eu-Fossil-Fuel-Import-Bill-47949312/ (дата обращения: 12.04.2026).
7. NewsBase. How Europe has weaned itself off Russian gas in the last three years // NewsBase. — 22.04.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://newsbase.com/story/how-europe-has-weaned-itself-off-russian-gas-in-the-last-three-years (дата обращения: 12.04.2026).
8. ProtoThema. Heated exchange between Papastavrou and Sweden's energy minister over European power grids // ProtoThema. — 16.03.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://en.protothema.gr/2026/03/16/heated-exchange-between-papastavrou-and-swedens-energy-minister-over-european-power-grids/ (дата обращения: 12.04.2026).
9. Reuters. Five EU countries call for windfall tax on energy companies amid Iran war // Reuters. — 04.04.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://www.reuters.com/business/energy/five-eu-countries-call-windfall-tax-energy-companies-amid-iran-war-2026-04-04/ (дата обращения: 12.04.2026).

10. Ember Energy. Latest energy shock reminds Europe of its risky gas reliance // Ember. — 13.03.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://ember-energy.org/latest-energy-shock-reminds-europe-of-its-risky-gas-reliance/ (дата обращения: 12.04.2026).

© Юзыкаева Д.Д., 2026

Секция: «Россия – Запад – Восток: исторические, политические и культурные взаимодействия»

УДК 94(470)"17"

Э.Р. Габбасова
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – д. и. н., профессор Б.А. Азнабаев

E.R. Gabbasova
Student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – d. of h. s., professor B.A. Aznabaev

РОЛЬ МАКСЮТА ЮНУСОВА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИИ ФЛОРИО БЕНЕВЕНИ 1718-1725 ГГ.

THE ROLE OF MAKSUT YUNUSOV IN THE IMPLEMENTATION OF THE DIPLOMATIC MISSION OF FLORIO BENEVENI 1718-1725

Аннотация: В данной статье анализируется роль башкирского купца Максюта Юнусова в обеспечении связи и разведывательной деятельности в ходе миссии дипломатического агента Флорио Беневени в Бухару в 1718-1725 гг. Описываются происхождение Максюта Юнусова, его действия в ходе разведки, сложности экспедиции и значение дипломатической миссии для внешней политики Российской империи со Средней Азией.

Abstract: This article analyzes the role of Bashkir merchant Maksyut Yunusov in providing communications and intelligence during the mission of diplomatic agent Florio Beneveni to Bukhara in 1718–1725. It describes Maksyut Yunusov's origins, his actions during the reconnaissance mission, the difficulties of the expedition, and the significance of the diplomatic mission for the foreign policy of the Russian Empire with Central Asia.

Ключевые слова: Флорио Беневени, Максют Юнусов, Петр I, дипломатия, Бухарское ханство, разведка, башкиры, каракалпаки, казахский Младший жуз, Коллегия иностранных дел.

Keywords: Florio Beneveni, Maksyut Yunusov, Peter I, diplomacy, Bukhara Khanate, intelligence, Bashkirs, Karakalpaks, Kazakh Junior Zhuz, College of Foreign Affairs.

Одной из задач внешней политики России в XVIII в. становится усиление влияния в Средней Азии, интерес к которой был связан как с экономическими, так и политическими факторами [4]. Дипломатическая миссия Флорио Беневени в Бухару (1718–1725 гг.) представляет собой один из наиболее ярких примеров совмещения дипломатической и разведывательной деятельности в период правления Петра I. Официально в его задачи входило укрепление дружественных связей с Бухарским ханством. Однако, негласным образом ему предписывалось проверить сведения о золотоносных реках Средней Азии, вести военно-политическую разведку, а также оценить возможность создания оборонительного союза против Хивы и изучить торговые пути.

До недавнего времени в историографии основное внимание уделялось личности самого Беневени и его донесениям. Однако сохранившиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) документы позволяют по-

новому взглянуть на роль дипломатических агентов из числа башкирского населения, без которых стабильная и продуктивная работа посольства были бы невозможны. Ключевой фигурой среди них стал Максют Юнусов – башкир из Уфимского уезда, купец, выполнявший функции дипломатического курьера, переводчика и политического посредника [1, с. 148].

После неудачной экспедиции князя А. Бековича-Черкасского в Хиву (1717 г.) Пётр I изменил тактику: вместо военной демонстрации была избрана дипломатическая. При этом Флорио Беневени должен был действовать весьма осторожно, так как был обязан совмещать официальную миссию с тайной агентурой. Однако уже в начале 1720-х гг. Беневени оказался в критическом положении: дороги перекрыты междоусобными войнами, его курьеры перехвачены и убиты, местная знать подозревает в нём шпиона. В реляции от 4 марта 1723 г. он пишет с отчаянием о том, что не знает какие действия совершать в сложившейся ситуации.

Именно в этой обстановке и появляется Максют Юнусов. В реляции Беневени он назван торговым человеком по прозвищу Амремзей, из Уфимского уезда. В протоколах Коллегии иностранных дел был записан как башкирский татарин мола Максуд Юнюсов Армемзей, сын Юнуса-ахуна, известного религиозного деятеля. Осенью 1722 г. Максют прибыл в Бухару с частными торговыми целями и для поиска пленных. Здесь он установил контакт с Беневени. После пяти месяцев проверки Флорио Беневени доверил ему секретные реляции к Петру I. Путь обратно оказался смертельно опасным. В апреле–мае 1723 г. на караван Максюта напали казахи. Несмотря на разграбление, Максют сумел сохранить письма Беневени и доставить их в Москву в ноябре 1723 г. Коллегия иностранных дел, получив долгожданные сведения, приняла решение отправить его обратно с царским указом (рескриптом от 5 декабря 1723 г.).

В декабре 1723 г. Максюту было поручено сопровождение рескрипта, предписывавшего Беневени возвращаться в Россию. Ему выделили 100 рублей жалованья, подводы и требовали от башкир выделить 10 провожатых. Однако, башкиры во главе с Коскилдой Урузбаевым отказались, сославшись на опасность. И Максюту Юнусову отправился почти в одиночку. В 1724 г. он был задержан каракалпаками. Именно здесь проявились его дипломатические способности. Благодаря тому, что Максют организовал тайную пересылку указа, Беневени смог выехать из Бухары [2, с. 59].

Находясь в плену у каракалпаков, Максют Юнусов вступил в переговоры с их биями и казахским ханом Абулхаиром. Согласно его отчёту он, не имея формальных полномочий и прямого указа от императора обещал военную помощь Российской империи против джунгар в обмен на лояльность и освобождение пленных [3, с. 28-30]. Результатом переговоров стало первое казахское посольство Койбагара Кобякова, которое в январе 1726 г. прибыло в Петербург в сопровождении башкирского купца. Несмотря на то, что Коллегия иностранных дел отказалась в тот момент принимать Младший жуз в Российское подданство в связи назреванием конфликта с Джунгарским ханством, сам факт проведения переговоров говорит о самостоятельной

политической роли Максюта, а также о исключительном положении башкирских купцов в разведывательной деятельности Российской империи.

Стоит отметить, что ввиду своего сословного происхождения, Максют Юнусов преследовал и личные цели. Присоединение Младшего Жуза к Российскому государству исключило бы набеги казахов на Уфимские земли, тем самым предотвратив потери, что привело бы к более спокойной торговле.

Выполняя государственные поручения, Максют Юнусов понёс огромные личные убытки. В прошении 1729 г. он указывает, что общая сумма разграбленного товара достигла 3000 рублей – это достаточно весомая сумма для рядового купца того времени. Кроме того, его сын Рахматулла оставался в плену. За службу Коллегия иностранных дел выплатила ему всего 200 рублей, то есть по 100 за каждую поездку. В 1729 г. он подал три челобитные на имя Петра II, где просил взыскать с ослушавшихся башкир денежную подмогу, назначить его сборщиком ясака с татар и башкир Уфимского уезда, дать официальный статус, власть и охранную грамоту. Однако, как следует из архивных дел, положительного решения добиться не удалось.

Таким образом, мы можем прийти к следующему выводу: миссия Флорио Беневени является важной дипломатической поездкой в Среднюю Азию четверти XVIII века. Политические договора с Бухарой заключены не были, но был собран ценный разведывательный материал о золоте, армии и внутренней слабости ханств. Однако, без участия Максюта Юнусова её итог мог быть достаточно плачевным: связь с центром прервалась бы, а сам Флорио Беневени остался бы без указа об отзыве. Максют Юнусов в ходе дипломатической миссии проявил себя эрудированный дипломатический курьер, способный вести переговоры с другими народами: он договаривается с каракалпакскими биями, инициирует переговоры с казахским ханом, рискует жизнью и состоянием ради сохранения дипломатической переписки. Его деятельность демонстрирует следующее: в имперской политике России в Средней Азии ключевая роль часто принадлежала не столько официальным дипломатам, сколько представителям местных групп.

Литература:

1. Гайсин А.М. Посол белого падишаха. Наследие Юнуса-ахуна и документы АВПРИ о дипломатических поездках Максюта-муллы. 2-е изд., переработанное и дополненное. Уфа: государственное автономное учреждение науки Республики Башкортостан «Башкирская энциклопедия», 2019.

2. Джурабаев Дж.Х. Исследование истории Бухарского эмирата русскими и европейскими авторами XVIII XIX вв. // Вестник ТГУПБП. 2013. №4 (56). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-istorii-buharskogo-emirata-russkimi-i-evropeyskimi-avtorami-xviii-xix-vv-kratkiy-obzor-istochnikov (дата обращения: 05.04.2026).

3. Игдавлетов И.С. Дипломатическая деятельность Максюта Юнусова и Мендияра Бекчурина в юго-восточной политике России в XVIII в // Теория и практика общественного развития. 2014. №13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diplomaticheskaya-deyatelnost-maksyuta-yunusova-

i-mendiyara-bekchurina-v-yugo-vostochnoy-politike-rossii-v-xviii-v (дата обращения: 07.04.2026).

4. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

5. Фролова И.В., Газизова Л.И. Роль личности дипломата в развитии международных политических отношений: историческая ретроспектива и современные реалии // Россия и арабский мир: история и современность. материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: БАГСУ. 2012. С. 180-183.

© Габбасова Э. Р., 2025.

УДК 339.5

Ф.А. Грубов
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ф.Ф. Шаяхметов

F.A. Grubov
student, UUST, Ufa
Scientific supervisior – c. of h. s., associate professor F.F. Shayakhmetov

АРАБСКАЯ МИГРАЦИЯ В СТРАНЫ ЕВРОПЫ ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»: ОСОБЕННОСТИ, РЕАКЦИЯ, ТЕНДЕНЦИИ.

ARAB MIGRATION TO EUROPEAN COUNTRIES AFTER THE ARAB SPRING: CHARACTERISTICS, REACTIONS, TRENDS.

Аннотация: В данной статье рассмотрены особенности арабской миграции в европейские страны в связи с событиями «арабской весны», а также приёма мигрантов в отдельных европейских государствах, затронут вопрос реакции этих государств и обществ на миграционные проблемы, и обозначены некоторые современные тенденции арабской миграции в Европу.

Abstract: This article examines the characteristics of Arab migration to European countries in connection with the events of the Arab Spring, as well as the reception of migrants in individual European states, touches upon the issue of the reaction of these states and societies to migration problems, and outlines some modern trends in Arab migration to Europe.

Ключевые слова: «арабская весна», миграция, безработица, беженцы, Германия, Италия, Россия.

Keywords: Arab Spring, migration, unemployment, refugees, Germany, Italy, Russia.

«Арабская весна» стала результатом деструктивных процессов, охвативших в разной степени страны Ближнего Востока и наиболее серьезно затронувших Ливию, Сирию и Йемен [5, с. 292].

С начала 2010 гг. продолжается активная арабская миграция в Европу. В европейских странах появились многомиллионные арабские диаспоры, которые создают серьёзную нагрузку на экономику и социальную сферу большинства крупных государств Европы. Сейчас, в условиях экономического кризиса в Европе, обострения там националистических конфликтов после начала гражданской войны на Украине в 2014 г., эскалации множества конфликтов на

Ближнем Востоке и роста популярности правых, антииммиграционных партий в Европе продолжающаяся арабская эмиграция в Европу может кардинальным образом изменить жизнь во многих европейских странах, спровоцировав новые конфликты. В этом заключается актуальность данной статьи.

Начиная с 2015 г., арабская миграция в страны ЕС резко усилилась. В 2015 г. больше всего мигрантов приняли такие страны как Германия, Венгрия, Турция, Франция и Швеция [2, с. 55].

Одной из стран, наиболее сильно затронутых арабской миграцией, является Германия. Абсолютное большинство арабских мигрантов в Германии представляют сирийцы. Согласно данным МВД ФРГ, к концу октября 2024 г. в стране проживало 974 136 сирийских граждан. Из них: 321 444 человека имело статус беженца; 329 242 человека пользуются дополнительной защитой; остальные находятся в стране по другим основаниям, таким как воссоединение семей [6].

Ограничительные меры по отношению к мигрантам в Германии начали предприниматься уже вскоре после «арабской весны». Так, в 2016 г. правительство Ангелы Меркель ужесточило миграционную политику, выступив за равномерное перераспределение беженцев и мигрантов по отдельным странам ЕС. Этот подход был поддержан правительствами Италии и Греции, больше других страдающих от наплыва беженцев и нелегальной миграции. В 2018 г. канцлер ФРГ предложила для сокращения притока новых мигрантов создать в ряде стран Ближнего Востока центры временного содержания мигрантов; но правительства Ливии, Алжира, Туниса, Марокко и Египта, к которым было обращено это предложение, не поддержали его [1, с. 70].

После свержения режима Б. Асада в декабре 2024 г. вопрос приёма сирийских мигрантов встал особенно остро. Практически сразу было приостановлено рассмотрение заявок на предоставление политического убежища сирийцам. Политика Германии по отношению к сирийским мигрантам в целом стала значительно более скептической. Этому поспособствовали следующие факторы:

Во-первых, в стране существует большая социальная напряжённость, связанная с миграционным вопросом. Уровень безработицы сирийских беженцев на 2025 г. составлял 37 % (при среднем уровне безработицы по Германии примерно в 5,9%) [8, с. 129]. Энергетический кризис и деиндустриализация Германии после начала конфликта на Украине в 2022 г. усугубляют данную проблему.

Во-вторых, в Германии, как и по всей Европе, набирают популярность правые партии, в данном случае – «Альтернатива для Германии», негативно относящиеся к нынешней миграционной волне из стран Ближнего Востока.

Таким образом, вопрос сирийской миграции в Германии продолжает становиться всё более острым. Всё большее количество немцев недовольно миграционным кризисом в стране, что чревато ростом социальной напряжённости в германском обществе.

Францию нынешняя волна миграции в Европу столь же серьезно как Германию не задела. Одна из главных причин этого – социальные условия в республике хуже, чем в Германии, Австрии, Великобритании и Швеции, куда и

устремляются в основном ближневосточные мигранты. Но серия чудовищных терактов в Париже, осуществленных ИГИЛ 13 ноября 2015 г. и унесших жизни 129 человек, усилила негативные настроения в отношении мигрантов [1, с. 70].

Арабская миграция продолжает оставаться актуальной проблемой для Франции. Так, по состоянию на 2024 г. только из Алжира во Францию прибыло около 2 млн чел. [12, p. 23].

Немаловажным фактором, притягивающим трудовую миграцию в Швецию, может служить то, что принятые условия труда в этой стране значительно легче, нежели в странах исхода. Например, трудовая неделя в Швеции за период с 2008 по 2013 гг. в среднем составляла 27-27 ч. для женщин и 33-34 ч. для мужчин, а по другим данным, в 2017 г. – 36 ч, в том числе 38 ч в промышленности и 34 ч в ресторанно-гостиничном секторе, тогда как в странах Ближнего Востока этот показатель был гораздо выше: в Египте – 44 ч. (в том числе 48 ч. в промышленности и 51 ч. в ресторанно-гостиничном бизнесе), а в Турции – 46 ч. (в том числе 48 ч. и 55 ч. в указанных секторах) [8, с. 98]. Кроме того, в Швеции один из наиболее высоких уровней развития социальной политики государства в Европе, Швеция неоднократно признавалась одной из наиболее счастливых стран мира, что также притягивало арабских мигрантов.

Особенность Швеции как страны назначения иммигрантов с Ближнего Востока заключается в том, что там уже многие десятилетия существует развитая диаспора ближневосточных христиан из Ирака, Сирии, Ливана. Вопрос самоидентификации (ассоциирует ли данная группа мигрантов себя как часть арабской нации) остается неоднозначным [8, с. 100].

Стоит отметить, что в Швеции наблюдается постепенная доля уменьшения беженцев среди арабских мигрантов. Если в 2016 г. в страну въехало 2656 женщин и 2803 мужчины из этой категории мигрантов, то в 2019 г. – 1 296 женщин и 1 353 мужчины, а в 2020 г. – всего 565 женщин и 644 мужчин [10].

Другим популярным для мигрантов государством стала Австрия. За первую половину 2015 г. в эту страну было подано около 27 тыс. прошений о предоставлении убежища. Основная масса беженцев прибывает сюда из Сирии, Афганистана и Ирака. Как и в ряде других стран ЕС, резко увеличившееся число мигрантов стало для Австрии одной из самых актуальных политических проблем. Австрийское правительство намерено при необходимости принуждать федеральные районы принимать новых беженцев, несмотря на категоричное недовольство местного населения, протесты которого начали носить ксенофобский характер. В свою очередь другая часть населения Австрии стремится поддержать беженцев, предоставить им места для размещения на период ожидания решения о предоставлении убежища. Часть отелей и пансионатов переделываются в центры приема беженцев [2, с. 56].

Тем не менее, миграционная политика Австрии носит двоякий характер и не является абсолютно либеральной. Так, в 2018 г., во время шестимесячного председательства Австрии в Европарламенте канцлер Себастьян Курц неоднократно упрекал ЕС в бездействии и неэффективном подходе к решению мигрантского кризиса [1, с. 71].

Ещё более жёсткую миграционную политику, чем Австрия, проводит Италия. После «арабской весны» в Италию прибыло более 70 тыс. мигрантов [1, с. 70], преимущественно из Ливии – бывшей колонии Италии, где широко распространён итальянский язык. Достаточно высокая осторожность Италии в миграционной политике объясняется несколькими факторами.

Во-первых, необходимо учитывать специфику социально-экономического развития Италии. На юге страны традиционно значительно большую, чем на севере, роль играет аграрный сектор экономики и, напротив, меньше развиты сферы услуг и промышленности – то есть те, которые в первую очередь являются потенциальной сферой работы для мигрантов. Тем не менее, из-за близости юга Италии к странам арабского мира именно в этом регионе концентрация мигрантов наибольшая. Так, до 2014 г. года 70% беженцев размещалось в трёх южных регионах Италии: Апулия, Сицилия, Калабрия [3, с. 189]. Значительное их число было занято в сельском хозяйстве, что может создать множество социальных проблем наподобие массовой сезонной безработицы мигрантов, их конкуренции с местными фермерами, внутренней миграции населения юга Италии в северные области страны.

Во-вторых, в Италии традиционно пользуются популярностью правые политические партии, скептически относящиеся к массовой миграции. Победившая в 2018 г. на выборах и считающаяся правопопулистской коалиция в составе «Движения пяти звезд» (ДПЗ) и «Лиги Севера» (ЛС) предложила собственный подход к решению мигрантской проблемы: свои основные усилия она направила на урегулирование ливийского миграционного кризиса, остро актуальной для электората ДПЗ и ЛС [1, с. 70]. С 2022 г. у власти в Италии находится правоцентристский блок во главе с Джорджей Мелони.

В-третьих, в Средиземном море неподалёку от берегов Италии периодически при переправке мигрантов происходили несчастные случаи вследствие непогоды. Множество человек тонуло. В 2019 г. министр внутренних дел Италии Маттео Сальвини инициировал принятие закона о закрытии портов для судов неправительственных организаций, которые спасали мигрантов в Средиземном море, однако вскоре, после смены правительства, закон был отменён [3, с. 186].

Многие средиземноморские страны разделяют скептическую позицию Италии по миграционному вопросу. Так, в попытке выступить единым фронтом в области управления миграцией пять средиземноморских стран (Италия, Испания, Греция, Мальта и Кипр), наиболее пострадавшие от миграционного кризиса, в 2020 г. создали объединение Mediterranean 5 (MED5) [3, с. 185]. В 2019 г. Греция, Кипр и Испания отказались присоединиться к Мальтийской декларации о спасении мигрантов в Средиземном море [3, с. 186].

Другой страной с жёсткой относительно других европейских государств миграционной политикой является Швейцария. Так, только в период с июля по октябрь 2016 г. на южных границах Швейцарии было задержано 24 200 незаконных мигрантов. Кроме того, в том же году на границы Швейцарии было направлено несколько тысяч военных для оказания помощи в миграционном контроле [9, p. 50]. Несмотря на это, наплыв арабских мигрантов в Швейцарию,

благодаря высокому уровню жизни и большой доли мигрантов среди населения в стране, а также широкому распространению французского и итальянского языков, был достаточно высок. Так, в период с 2013 по 2016 гг. только от несовершеннолетних мигрантов было подано 5858 заявок на предоставление убежища [8, p. 48]. Наплыв мигрантов в 2016 г. объясняется улучшением погодных условий в Средиземном море.

Арабская миграция также затронула и Россию, пусть и в гораздо меньшей степени, чем страны ЕС и США. По данным Всероссийской переписи населения 2021 г., в РФ проживает 16 329 лиц арабской национальности [4, т. 5, табл. 1].

Стоит отметить, что, как и в предыдущих случаях, в Россию иммигрируют граждане в первую очередь тех арабских стран, с которыми у РФ налажены наиболее крепкие исторические и культурные связи. Так, в России проживало 2907 граждан Египта, 1068 граждан Сирии, 578 граждан Ирака [4, т. 4, табл. 3]. Вышеупомянутые страны имеют давнюю историю партнёрства с СССР и Россией, их граждане положительно относятся к РФ и её населению, некоторые знают русский язык. Кроме того, в Ираке, Сирии и Египте проживало значительное число христиан, в т.ч., православных. Этот фактор стал играть значительную роль после начала Арабской весны, обострения религиозных противоречий в арабском мире, активизации ИГИЛ и других исламских фундаменталистов. Таким образом, можно отметить, что российская модель арабской иммиграции имеет некоторые сходные черты со шведской: высокая доля сирийцев и иракцев среди иммигрантов и, следовательно, высокий процент христиан.

Стоит отметить, что большая арабская диаспора сконцентрировалась в русском Черноземье. Так, в Воронежской области к началу 2020 гг. проживало 389 лиц арабской национальности, в Тамбовской области – 411, в Белгородской – 319 чел. при численности арабов в Москве в 2185 чел. [4, т. 5, табл. 1], причём численность граждан некоторых арабских стран в субъектах Черноземья превышало таковую в Москве примерно в 3 раза. Например, в Белгородской области проживало 52 палестинца при 17 в Москве, 365 граждан САР при 121 в Москве. [4, т. 4, табл. 4]. Этот феномен может объясняться активным привлечением арабских студентов высшими учебными заведениями Черноземья. Так, брат нынешнего президента Сирии Махер Хусейн аш-Шараа получил высшее медицинское образование в Воронеже.

На сегодняшний день Ближний Восток продолжает оставаться главным источником мигрантов в мире [11, p. 75]. Несмотря на то, что вопрос арабской миграции продолжает оставаться чрезвычайно актуальным, в её процессе в последние годы наметились новые тенденции и существенные изменения.

Во-первых, арабские эмигранты всё чаще избирают местом иммиграции не европейские, а азиатские страны. Например, из Сирии в Турцию за 2024 г. прибыло около 4 млн чел. [11. p. 23]. К 2022 г. Турецкая Республика уже седьмой год подряд оставалась страной с наибольшим количеством принятых беженцев в мире [11, p. 44].

Во-вторых, арабские страны сами зачастую становятся местом иммиграции. [11, p. 23]. К примеру, к концу 2022 г. каждый седьмой житель Ливана и каждый

шестнадцатый житель Иордании был беженцем [10, p. 75]. После начала очередного витка палестинского конфликта к 2023 г. это число выросло, поскольку обе страны расположены рядом с Газой и Западным берегом реки Иордан. Кроме того, страны Персидского Залива, например, ОАЭ и Кувейт, активно привлекают мигрантов из Южной Азии и Украины. В ряде случаев большое число мигрантов в странах Персидского Залива приводит к ужесточению миграционной политики и репрессивным мерам. Например, с января по апрель около 300 мигрантов были депортированы из Омана в Йемен [10, p. 75].

Подводя итог, следует сказать, что в вопросе миграции Европа всегда была разделена на два лагеря. Один состоит из государств, проводящих активную миграционную политику, в частности, Франции и Германии. Другой, из стран, более скептически относящихся к миграционному вопросу, например, Швейцарии, Италии и Греции. Промежуточную позицию по миграционному вопросу занимала Австрия.

Однако в последние годы ситуация с арабской миграцией в Европе начала резко изменяться. Всё больше стран, в частности, Германия ужесточают миграционную политику. В Европе набирают популярность правые, антимигрантские партии. Миграционный вопрос становится всё более острым.

«Арабская весна» и последовавшая за ней волна миграции вызвала серьёзные социально-экономические и политические перемены в Европе. Данные процессы затронули в, т.ч., и Россию, пусть и в гораздо меньшей форме. Можно утверждать, что последствия «арабской весны» в дальнейшем продолжат серьёзно влиять на жизнь большинства европейских стран.

Литература:

1. Володина М.А., Малышева Д.Б. Ближневосточные мигранты в Евросоюзе // Свободная мысль. 2019. №4. С. 60-72.

2. Лебедева О.С. Влияние «Арабской весны» на миграционные процессы в 2011–2015 гг. // Ученые записки Института Африки РАН, 2018. № 4 (45). С.52-59.

3. Шогунц А. Горизонтальное сотрудничество в управление миграцией в Евросоюзе на примере современной Италии // Современная Европа. 2022. № 5. С. 183–194.

4. Итоги ВПН-2020. Росстат, 2021. [Электронный ресурс]..URL: https://www.rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 02.04.2026).

5. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

6. Сирийцы в Германии: заморожено 347 000 заявлений на убежище // Московский комсомолец. 09.12.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mknews.de/social/2024/12/09/siriycy-v-germanii-zamorozheno-347-000-zayavleniy-na-ubezhishhe.html (дата обращения: 25.12.2024).

7. Ткачев А.О. Сирийские беженцы в Германии: политический анализ современной ситуации // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, No 4. С. 119–132.

8. Сарабьев А.В. Трудовые мигранты с арабского Востока в Швеции: изменение парадигмы // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 4. С. 95—110.

9. Migration Report 2016. State secretariat for migration (SEM). 60 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sem.admin.ch/sem/en/home.html (дата обращения: 03.04.2026)

10. Population size, number of deaths, immigrants, emigrants and average population size by region of birth, sex and age. Year 2021—2120 // Statistics Sweden (SCB), September 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/START__BE__BE0401__BE0401A/ BefProgOsiktDetNb/table/tableViewLayout1 (дата обращения: 03.04.2026).

11. World migration report 2024. International Organization for Migration (IOM), 2024, 376 p. [Электронный ресурс]. URL: https://securesustain.org/wpcontent/uploads/2024/11/World-Migration-Report-2024-OIM_compressed.pdf (дата обращения: 03.04.2026).

© Грубов Ф.А., 2026

УДК 327

А.Е. Кардашова, Э.С. Потапова
магистранты УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Тухватуллин

A.E. Kardashova, E.S. Potapova
master's students, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Tukhvatullin

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ФАКТОР ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

LABOR MIGRATION FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES AS A FACTOR OF DOMESTIC POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA

Аннотация: В статье рассматривается влияние трудовой миграции из государств Центральной Азии на законодательные, институциональные и общественно-политические процессы в Российской Федерации. Рассмотрена эволюция миграционного законодательства России в связи изменениями в подходах к миграционной проблеме.

Abstract: The article examines the influence of labor migration from Central Asian countries on legislative, institutional, and socio-political processes in the Russian Federation. The evolution of Russian migration legislation is considered in connection with changes in approaches to the migration problem.

Ключевые слова: трудовая миграция, Центральная Азия, Россия, миграционная политика, ЕАЭС, законодательство, общественные настроения, демография.

Keywords: labor migration, Central Asia, Russia, migration policy, EAEU, legislation, public sentiment, demography.

Трудовая миграция из государств Центральной Азии давно превратилась для России не просто в хозяйственный феномен, но и в устойчивый раздражитель внутриполитической жизни страны. Масштаб явления таков, что оно неизбежно затрагивает законотворчество, перестраивает государственные институты и меняет общественные настроения. В пиковые годы, в 2013-2014 гг., число

трудовых мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана в России достигло 4,4 млн человек (Узбекистан – 2,5 млн, Таджикистан – 1,2 млн, Кыргызстан – 0,7 млн) [6, с. 521]. По данным МВД РФ, за 2019-2022 гг. свыше 61% от общего числа мигрантов в России приходилось именно на граждан этих трёх республик [7, с. 84].

Главная движущая сила потока - разрыв в уровне экономического развития. В 2023 г. ВВП на душу населения в России составлял около 13 тыс. долл. США, тогда как в Кыргызстане – 1,9 тыс., Таджикистане – 1,36 тыс., Узбекистане – 2,5 тыс. долл. [7, с. 84]. Российский рынок труда при этом хронически недоукомплектован: к 2025 г. численность населения трудоспособного возраста, по оценкам, сократится до 14 млн человек, уровень безработицы в июне 2023 г. снизился до исторического минимума – 3,1% [5, с. 277]. Нехватка «синих воротничков» затрагивает строительство, транспорт, промышленность и добычу сырья: только в июле 2022 года Минстрой России оценивал потребность отрасли в 2-3 млн рабочих [9, с. 136].

Осознание этой зависимости повлекло за собой последовательные законодательные изменения. С 1 января 2012 г. вступило в силу Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей, а 1 января 2015 г. его сменил Договор о Евразийском экономическом союзе, в котором были закреплены основные положения о свободном перемещении рабочей силы внутри союза [6, с. 521]. С той же даты, согласно требованиям российского миграционного законодательства, иностранные граждане при обращении за разрешением на временное проживание, видом на жительство, разрешением на работу либо патентом обязаны подтвердить владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации [5, с. 280]. Для граждан Узбекистана и Таджикистана, не входящих в ЕАЭС, покупка трудового патента стала обязательным условием законного пребывания в стране сроком свыше трёх месяцев.

В Федеральном законе № 115-ФЗ [1] и Договоре о ЕАЭС установлены нормы, которые определяют правила перемещения людей из Центральной Азии. Для граждан стран, которые входят в союз, действуют упрощенные правила, а для остальных установлена система патентов. По этой причине в регионах России изменяется количество доступных рабочих мест и сохраняется спокойное состояние общества. С Узбекистаном [4] и Таджикистаном [2] действуют соглашения, которые описывают порядок организованного набора работников, и в 2024 г. был принят закон, который утверждает изменения в этих документах. Так органы власти в России отвечают на требования граждан, которые хотят, чтобы государство более строго проверяло работу иностранных граждан в течение ограниченного времени.

Стоимость патента ежегодно растёт, и это само по себе становится политическим инструментом. В 2021 г. средняя его цена по регионам составляла 4 993 руб. (67,66 долл. США), в 2022 году – 5 439 руб. (80,48 долл.), в 2023 году – 6 363 руб. (77,41 долл.). За период с 2021 г. по вторую половину 2023 г. граждане Таджикистана и Узбекистана приобрели около 11 млн патентов, совокупный вклад которых в экономику России составил около 60,8 млрд руб., или 820,79 млн

долл. [7, с. 87]. Вклад трудовых мигрантов в бюджет Москвы в 2022 г. достиг 32 млрд руб. только в виде налоговых платежей, а за 2015-2022 гг. поступления в городской бюджет от патентов превысили 145 млрд руб., что составило около 2% от сборов по налогу на доходы физических лиц [7, с. 87].

Таблица 1 - Основные экономические и миграционные показатели стран Центральной Азии по отношению к России

Страна	Отношение денежных переводов к ВВП (2022 г.)	Число мигрантов в России в пиковый период	Миграционный статус в ЕАЭС
Таджикистан	50,9%	1,2 млн чел.	Не член
Кыргызстан	27,9%	0,7 млн чел.	Член с 2015 г.
Узбекистан	20,8%	2,5 млн чел.	Наблюдатель
Казахстан	Незначительна	страна-реципиент	Член-основатель

Принятие и корректировка миграционного законодательства в России в немалой степени диктуются политической логикой. В 2015 г. российское правительство выпустило новые миграционные правила, введя региональный подход к въезду и выезду иностранцев: гражданам стран СНГ, не входящих в ЕАЭС, запретили пересекать границу по внутренним паспортам [5, с. 280]. Тогда же, в 2013-2016 гг., была ужесточена практика депортации за административные правонарушения, а въезд закрыт для более чем 1,8 млн иностранных граждан, из которых около 400 тыс. были высланы принудительно [7, с. 89]. Следствием этих мер стало сокращение числа центральноазиатских мигрантов в России к 2016 году до 3,4 млн человек – на 21% по сравнению с пиковым значением [7, с. 89].

Законодательные сигналы отражают сложившуюся двойственность: власть одновременно нуждается в мигрантах как рабочей силе и использует их правовой статус как рычаг давления. Среди факторов, побуждающих мигрантов оставаться ориентированными на Россию даже в условиях санкций и новых альтернатив, можно выделить следующие: отсутствие безвизового режима между большинством стран ЦА и альтернативными направлениями; экономическая зависимость Таджикистана и Кыргызстана от российских денежных переводов, достигших 50,9% и 27,9% ВВП соответственно; исторически сложившиеся миграционные сети и языковая доступность; нарастающий дефицит кадров внутри России, повышающий шансы трудоустройства; заинтересованность самой России в сохранении миграционных потоков как инструмента влияния в регионе; условия членства в ЕАЭС, обеспечивающие гражданам Кыргызстана признание дипломов и равные трудовые права [7, с. 84].

Институциональная реакция на присутствие мигрантов проявляется не только в изменениях нормативной базы. Россия и страны Центральной Азии заключили межправительственные соглашения об организованном наборе трудовых мигрантов - прежде всего с Узбекистаном и Таджикистаном [8, с. 80]. В рамках Евразийского экономического союза ведётся работа по созданию электронного рынка труда, упрощению процедур трудоустройства и унификации систем

социального обеспечения. Кыргызстан, вступив в ЕАЭС в 2015 г., обеспечил своим гражданам свободный доступ на российский рынок без разрешения на работу и добился признания дипломов во всех государствах-членах союза [5, с. 280].

События последних лет показали, что текущая экономическая схема является недостаточно защищенной. Из-за санкций после февраля 2022 г., снижения стоимости рубля на 12 % в 2023 г. относительно 2021 г. и роста цены патентов на 29 % в 2024 г. граждане стран Центральной Азии стали выбирать другие страны для работы. По данным статистики, количество заявок на трудоустройство из Центральной Азии в Польшу увеличилось на 30 % с начала 2022 г. Великобритания предоставила до 40 тысяч виз на шесть месяцев для граждан из бывших союзных республик. За первые две четверти 2023 г. количество работников из стран ЦА в России стало меньше на 2,14 млн человек, если сравнивать со вторым полугодием 2022 г. С появлением новых вариантов для переезда конкуренция за персонал стала сильнее. В связи с этим руководитель Института демографических исследований ФНИСЦ РАН М. Храмова указала, что Россия, Китай, ОАЭ и Евросоюз стали активнее бороться за привлечение граждан из СНГ.

На фоне этих перемен то, как люди относятся к приезжим, становится важным для политики. Исследования показывают, что в российском обществе постоянно присутствуют негативные настроения в отношении миграции. И каждый сложный период, такой как падение курса валюты в 2014-2016 гг., пандемия 2020 г. или вооруженные действия 2022 г., сопровождался недоброжелательным отношением к иностранцам и просьбами ограничить их приезд. Но экономические потребности всегда заставляли государство действовать иначе. Когда иностранные рабочие уехали во время пандемии, оплата труда в строительстве выросла на 9,8% в первой половине 2021 г. и на 15,8% за г. При этом количество свободных рабочих мест в этой сфере увеличилось на 210 %, а количество желающих устроиться – только на 7 %. Из-за нехватки работников услуги и жилье стали дороже для населения.

Для России миграция является способом влияния на другие страны и одновременно фактором нестабильности. В Федеральном законе № 115-ФЗ и Федеральном законе № 273-ФЗ указано, что иностранцы обязаны знать русский язык, что помогает сохранять российскую культуру в соседних странах. Но сложные официальные правила часто заставляют людей работать без документов. Текущая система регулирования стремится к тому, чтобы превратить неконтролируемое перемещение людей в организованный и проверяемый процесс. То, как эта система справится с наличием альтернативных стран для работы и борьбой за кадры из Центральной Азии, будет влиять на обсуждение темы в будущем.

В этих обсуждениях можно выделить несколько противоречий. Для экономики нужен доступный труд мигрантов, но часть общества хочет, чтобы въезд был ограничен. Страны ЦА зависят от денежных переводов из России, но при этом они хотят, чтобы их граждане ездили и в другие регионы. Миграция используется как способ ведения переговоров, но она создает риск получения жалоб от правозащитников. Существуют правила ЕАЭС, которые делают

трудоустройство легким для членов союза, но для граждан Узбекистана и Таджикистана сохраняются преграды. В России число жителей уменьшается, но открытая миграция не находит поддержки у избирателей. Мигрантам нужны программы для встраивания в общество, но у государства нет четкого намерения их создавать.

На государственные решения также влияет демографическая ситуация. С января по август 2022 г. жителей в России стало меньше на 475,5 тысяч человек. С 2020 г. по вторую половину 2023 г. население страны стало больше на 857,5 тысяч человек благодаря приезжим из ЦА. Если бы их не было, количество жителей уменьшилось бы на 1,53% вместо 1 %. В 2020 г. за счет людей из Центральной Азии население выросло на 0,08%, что предотвратило общее сокращение. Данные факты подтверждают, что рабочие из этого региона восполняют нехватку населения, хотя официально об этом говорят редко.

Таким образом, когда люди из стран Центральной Азии приезжают в Россию для работы, это влияет на политику страны разными способами. Из-за этого процесса меняются законы, перестраивается работа государственных органов и трансформируется мнение граждан. В таких отраслях, как строительство, промышленность и транспорт, людей для работы не хватает. По этой причине государство оставляет рынок труда открытым. Но часть общества относится к приезжим отрицательно, и это заставляет власти вводить ограничения. С учетом данных противоречий создано миграционное право. В нем Федеральный закон № 115-ФЗ и Договор о ЕАЭС устанавливают два разных порядка. Для граждан стран – членов союза действуют упрощенные правила. Если же люди приезжают из Узбекистана или Таджикистана, им необходимо получать патенты. Смертность превышает рождаемость, и поэтому зависимость от иностранных работников становится сильнее. Если бы мигранты не приезжали, количество жителей в 2020-2023 гг. сократилось бы на большее число человек [7, с. 84]. Трудовая миграция помогает государству влиять на соседние регионы, но также создает напряженность внутри страны. И именно от того, как будут сочетаться эти два фактора, зависит содержание новых законов в будущем.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

2. Федеральный закон от 23.05.2024 № 138-ФЗ «О ратификации Протокола о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации от 17 апреля 2019 г.» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.05.2026).

3. Договор о Евразийском экономическом союзе: [подписан в г. Астане 29.05.2014] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ (дата обращения: 26.05.2026).

4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации от 17.04.2019 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.05.2026).
5. У Лань. Влияние фактора трудовой миграции на отношения между Россией со странами Центральной Азии // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 7. С. 277-282.
6. Рахимов Д.Е. Роль государственной политики стран Центральной Азии в формировании новых направлений трудовой миграции / // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7, № 5. С. 520-528
7. Рахмонов А.Х. Роль трудовых мигрантов из Центральной Азии в социально-экономическом развитии России в условиях новых глобальных вызовов // Управление. 2024. Т. 12, № 2. С. 82-90
8. Торогельдиева Б.М. Миграционная политика стран Центральной Азии в Российской проекции: единство смыслов и приоритетов // Государство, общество и церковь: единство в многообразии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 23–24 октября 2025 года. Новосибирск: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2025. С. 80-82
9. Ульмасов Р. Миграционные процессы в мире и ее влияние на Центрально-азиатский рынок труда // Экономика Таджикистана. 2024. № 1. С. 135-139.
© Кардашова А.Е., Потапова Э.С., 2026

УДК 94(73)"1945/1991"

Е. С. Коваленко
магистрант УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Р. Р. Тухватуллин

E. S. Kovalenko
master's student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R. R. Tukhvatullin

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В КАРИКАТУРАХ ГЕРБЕРТА БЛОКА В 1980-Е ГОДЫ

THE REPRESENTATION OF THE SOVIET UNION IN HERBERT BLOCK'S CARTOONS IN THE 1980s

Аннотация: Статья посвящена исследованию образа Советского Союза в карикатурах американского художника Герберта Блока в 1980-е годы – периода обострения и трансформации советско-американских отношений. На основе анализа тематического и визуального содержания карикатур выявляются особенности изображения СССР: милитаризм, идеологический упадок, репрессивный характер внутренней политики и фальшивость перестройки. В статье показано, что Герберт Блок создавал сложный,

противоречивый образ Советского Союза, сочетающий критику тоталитарной системы с элементами сочувствия и понимания ее внутреннего кризиса.

Abstract: The article examines the image of the Soviet Union in the cartoons of American artist Herbert Block during the 1980s — a period marked by the escalation and subsequent transformation of Soviet-American relations. Based on the analysis of thematic and visual features of the cartoons, the study identifies the main characteristics of the USSR's representation: militarism, ideological decline, the repressive nature of domestic policy, and the insincerity of perestroika. The article demonstrates that Herbert Block created a complex and ambivalent portrayal of the Soviet Union, combining criticism of the totalitarian system with elements of empathy and an understanding of its internal crisis.

Ключевые слова: холодная война, советско-американские отношения, карикатура, Герберт Блок, образ врага.

Keywords: Cold War, Soviet-American relations, political cartoon, Herbert Block, image of the enemy.

Отношения между Советским Союзом, а позднее – Российской Федерацией, и Соединенными Штатами всегда отличались сложностью и противоречивостью. Ключом к пониманию современных российско-американских отношений является советский период, поскольку именно тогда формировались механизмы взаимодействия и особенности восприятия образов друг друга. Холодная война продемонстрировала сочетание острого идеологического и военно-политического противостояния с необходимостью поиска компромиссов и предотвращения прямого конфликта [15, с.278-279]. В 1980-е гг. отношения между двумя сверхдержавами постепенно трансформировались от открытой конфронтации к ограниченному сотрудничеству – наряду с разрушительной гонкой вооружений предпринимались попытки наладить диалог и смягчить международную напряженность.

Важную роль в культурно-идеологическом противостоянии холодной войны играли визуальные образы, формировавшие наглядные представления о политических процессах и международных отношениях. Особое место среди них занимала политическая карикатура – рисунок, изображающий что-либо или кого-либо в намеренно преувеличенном, смешном, искаженном виде. Ее главным выразительным методом является смех как средство категоризации мира и оценки происходящего. Благодаря иллюстративности, карикатура оказывает более сильное воздействие на аудиторию, чем текстовая информация.

В этом контексте творчество выдающегося американского карикатуриста Герберта Блока представляет собой ценный источник для изучения конструирования образа Советского Союза в американской массовой культуре. Герберт Лоуренс Блок, более известный как Герблок, был американским художником и редактором, чей профессиональный путь начался в 1929 г. в газетах «Чикагр Дейли Ньюс» (Chicago Daily News) и «Ньюспейпер нтепрайз Ассошиэйшен» (Newspaper Enterprise Association). В 1946 г. он присоединился к «Вашмнгтон Пост» (The Washington Post), где проработал до своей смерти в 2001 г., что делает его карьеру одной из самых продолжительных в истории американской журналистики. За время своей деятельности Блок удостоился многочисленных наград, включая четыре Пулитцеровские премии [1].

В карикатурах Герблока Советский Союз изображался с разных сторон – одновременно как военная угроза и мировая держава с имперскими амбициями, как репрессивная система, уязвимая в политическом и технологическом отношении, и как государство, переживающее кризисную трансформацию. Кроме того, художник последовательно подвергал критике и американскую политику – Советский Союз часто показывался в зеркальном отношении к действиям Соединенных Штатов.

Одной из центральных тем в творчестве Герберта Блока на протяжении холодной войны был ядерный вопрос. В первой половине 1980-х гг., в период очередного обострения советско-американских отношений, карикатурист рисовал Советский Союз в виде милитаристской сверхдержавы, вовлеченной в «бессмысленную» гонку вооружений. Но не ограничивался простой демонстрацией советской угрозы – он показывал взаимную вовлеченность двух государств в «смертельную» игру. В ряде работ ракеты и боеголовки изображены буквально участвующими в переговорах, например, в карикатуре «It's amusing that they think of themselves as superpowers» от 29 ноября 1981 г. [2] гигантские боеголовки стоят над крошечными советскими и американскими дипломатами и насмехаются: «Забавно, что они считают себя сверхдержавами» (рис. 1).

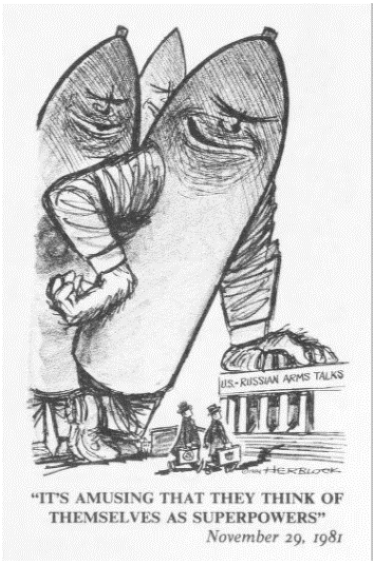

Рис. 1

Основная идея карикатуры заключается в бесполезности переговоров между Соединенными Штатами и Советским Союзом, пока «миром правят» ракеты, а не люди. Противоборствующие стороны показаны симметрично – обе виноваты в том, что допустили напрасную гонку вооружений и теперь являются ее заложниками. В иллюстрации «Yours» от 27 сентября 1983 г. [3] Соединенные Штаты и Советский Союз запечатлены играющими в теннис, но вместо теннисного мяча – ядерное оружие. Подпись «Yours» подчеркивает перекладывание ответственности – ни одна страна не готова остановить процесс, каждая стремится перебросить угрозу сопернику. СССР выступает в качестве равного участника, вовлеченного в абсурдный по своей сути процесс – «игра» превращается в метафору потенциального самоуничтожения. Кроме

того, Герблок акцентировал внимание и на том, что ядерное противостояние двух сверхдержав напрямую угрожает европейским странам. В карикатуре «How's this for scaring Russians?» от 28 октября 1981 г. [4] над Европой в виде испуганного человека нависает огромная ракета с надписью «Nuclear superiority» – «Ядерное превосходство». Иллюстрация критикует стратегию Соединенных Штатов, которая стремится «напугать русских», а не обеспечить безопасность капиталистических стран. Тема ядерного разоружения поднималась и в работах второй половины 1980-х гг. Так, на зарисовке «Arms control proposals versus do-it-yourself» от 13 марта 1987 г. [5] изображен стол с надписью «Предложения по контролю над вооружениями – США / СССР», под которым дети, названные «малыми странами», собирают ядерное оружие – что символизирует ограниченность двухсторонних переговоров.

Таким образом, в карикатурах Герберта Блока, посвященных гонке вооружений, Советский Союз представлен не как односторонняя угроза, а как равноправный участник и жертва ядерного противостояния.

В качестве военной угрозы Советский Союз предстает в карикатурах, изображающих его политику в Восточной Европе и в Афганистане. На зарисовке «Russian bear coming out of cave eating person» от 23 декабря 1981 г. [6] СССР показан в виде огромного злого медведя в военной фуражке с красной звездой, который сидит в яме на территории, обозначенной как Польша, и поедает человека. На переднем фоне двое мужчин, отмеченные как НАТО и США, а на заднем фоне – территории, подписанной как Россия, разбросаны человеческие скелеты. Карикатура изображает Советский Союз в качестве агрессора, удерживающего контроль над соседними странами силой и страхом. На иллюстрации «Solidarity is plotting to turn this into some kind of day for the working class» от 21 апреля 1987 г. [7], посвященной противостоянию польского независимого объединения профсоюзов «Солидарность» с правительством, на втором плане нарисована советская военная техника – давление Советского Союза на внутреннюю политику Польши. Отношение Герберта Блока к войне в Афганистане наиболее очевидно выражено в работе «The afghans sent it to celebrate our third anniversary here» от 28 декабря 1982 г. [8], на которой афганец протягивает торт с взрывчаткой уставшему и смущенному советскому солдату, как бы поздравляя его с третьей годовщиной советского военного присутствия в стране – такой «подарок» является символом ненависти местных к СССР. Осуждение советской военной системы отражено и в карикатуре «Albatross» от 25 сентября 1983 г. [9], связанной с трагедией корейского авиалайнера над Сахалином (рис. 2). Советский Союз в образе военнослужащего с множеством наград стоит с повешенным на шею самолетом – мертвым грузом – символом неизгладимой вины и моральной ответственности за преступление над человечеством.

Таким образом, в карикатурах о советской внешней политике, Советский Союз представлен агрессивным империалистическим государством – источником страха, насилия и ненависти.

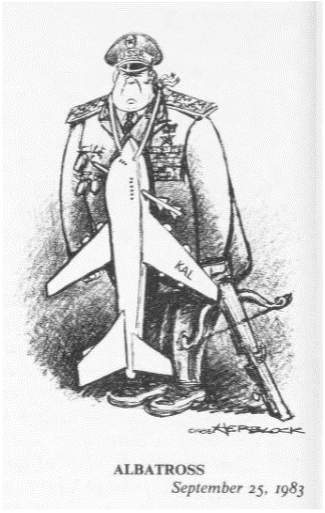

Рис. 2

Герберт Блок также активно воспроизводил советскую внутреннюю политику как репрессивную, закрытую и устаревшую – в первой половине 1980-х гг., и как кризисную, лицемерную – во второй. На карикатуре «Another Nobel prize» от 6 октября 1983 г. [10] изображены явно расстроенные советские чиновники, сидящие с выпивкой за столом, за ними перечеркнутые портреты А. Сахарова, А. Солженицына, Б. Пастернака и огромный флаг с серпом и молотом. Иллюстрация высмеивает раздражение коммунистической власти международным признанием ее критиков, а также подразумевает ее изолированность и бессилие. Отношение советского руководства к диссидентам показано и в работе «Chernenko pushing Sakharovs off cliff» от 22 мая 1984 г. [11], на которой военный собирается сбросить А. Сахарова с обрыва. При этом они связаны между собой цепью – вместе с фигурой Сахарова, олицетворяющего свободу совести, в пропасть устремится и сама репрессивная система – Советский Союз разрушает сам себя, выбрасывая свою репутацию со скалы.

Смену политики в СССР в середине 1980-х годов представляет зарисовка «Those were the good old days» от 29 октября 1985 г. [12], на которой взволнованные американские политики рассматривают портрет М. Горбачева. На главном фоне совместное изображение угрюмых Л. Брежнева, Ю. Андропова, К. Черненко, стоящих над заледеневшим мавзолеем – символом застоя. Карикатурист подчеркнул обеспокоенность американского правительства, привыкшего видеть в Советском Союзе «врага по умолчанию», и отразил грядущую смену советской «застывшей» системы. Но особого оптимизма по поводу перестройки М. Горбачева Герберт Блок не выражал. На карикатуре «The Russians will stop at nothing – now they’ve stolen our most important technology» от 8 октября 1987 г. [13] представлен американец, выбегающий из кабинета администрации по связям с общественностью и восклицающий: «Русские не остановятся ни перед чем – теперь они украли нашу самую важную технологию» – имея в виду технологию формирования положительного образа – искусство пиара. Иллюстрация отражает противоречивость происходящего: с одной стороны, советская власть

демонстрирует стремление к открытости, с другой – возникает вопрос, не является ли это новой формой пропаганды, призванной скрыть отсутствие реальных изменений в системе. Лицемерие и фальшивость политики С. Горбачева показано Блоком в работе «And now some more official information on the accident at Chernobyl» от 5 мая 1986 г. [14], посвященной аварии на Чернобыле. На ней изображена советская семья, слушающая радио, но представленная в виде скелетов – такой образ символизирует гибель людей не только из-за радиации, но и от ожидания правдивой, своевременной информации от правительства.

Таким образом, советскую систему Герберт Блок последовательно раскрывал как закрытую и деградирующую. В его карикатурах Советский Союз показан государством, основанном на репрессиях, цензуре и подавлении свободы. Политику М. Горбачева художник воспринимал скептически, рассматривая перестройку как внешнюю демонстрацию реформ при сохранении прежней сути режима.

Образ Советского Союза в карикатурах Герберта Блока 1980-х гг. – многосторонний, выходящий за рамки традиционной антагонистической риторики холодной войны. СССР изображался государством в состоянии внутреннего кризиса и идеологического истощения, удерживающимся только благодаря репрессиям и пропаганде. В первой половине десятилетия Блок рисовал Советский Союз милитаристской империей, вовлеченной в разрушительную гонку вооружений. СССР в данных работах – не только источник угрозы, но и заложник собственной политики. В визуализации советской внутренней политики Блок концентрировался на темах цензуры, подавлении и изоляции. Карикатуры второй половины 1980-х гг. отразили переход от периода застоя к попыткам реформирования системы. Перестройка и гласность, по интерпретации Герберта Блока, не изменили сущности советской модели, а лишь модернизировали ее внешне.

Репрезентация Советского Союза осуществлялась посредством устойчивых визуальных символов. Основным являлся образ медведя – символизирующий силу, угрозу и неуклюжесть. Часто использовалась военная атрибутика в основном в виде танков и ракет – что подчеркивало милитаристский характер государства. Бюрократы и партийные лидеры изображались безликими и догматичными фигурами – олицетворение уставшей, деградирующей системы. Повседневность советских граждан показана через закрытые пространства, ветхие дома, общую скромность быта.

Таким образом, в карикатурах Герберта Блока 1980-х гг. происходит последовательная эволюция образа СССР – от воплощения тоталитарного зла и военной угрозы к символу вырождающейся, идеологически опустошенной державы, пытающейся сохранить лицо через внешние реформы.

Литература:

1. Herb Block // The Herb Block Foundation: official web-site. URL: https://www.herbblockfoundation.org/herb-block (дата обращения: 30.09.2025).

2. Block H. «It’s amusing that they think of themselves as superpowers» / H. Block // Herblock Through the Looking Glass. New York: W. W. Norton & Company, 1984. P. 155.

3. Block H. «Yours» / H. Block // Herblock Through the Looking Glass. New York: W. W. Norton & Company, 1984. P. 148.

4. Block H. «How's this for scaring the Russians» // Library of Congress: Herbert L. Block collection: official web-site. URL: https://www.loc.gov/item/2012640819/ (дата обращения: 01.10.2025).

5. Block H. «Table with newspaper headlines arms control proposals between US-USSR; underneath table, children (small countries) with nuclear kits» // Library of Congress: Herbert L. Block collection: official web-site. URL: https://www.loc.gov/item/2012641957/ (дата обращения: 01.10.2025).

6. Block H. «Russian bear coming out of cave eating person» // Library of Congress: Herbert L. Block collection: official web-site. URL: https://www.loc.gov/item/2012640857/ (дата обращения: 02.10.2025).

7. Block H. «Solidarity is plotting to turn this into some kind of day for the working class» / H. Block // Herblock Through the Looking Glass. New York: W. W. Norton & Company, 1984. P. 214.

8. Block H. «The afghans sent it to celebrate our third anniversary here» / H. Block // Herblock Through the Looking Glass. New York: W. W. Norton & Company, 1984. P. 215.

9. Block H. «Albatross» / H. Block // Herblock Through the Looking Glass. New York: W. W. Norton & Company, 1984. P. 202.

10. Block H. «Another Nobel prize» / H. Block // Herblock Through the Looking Glass. New York: W. W. Norton & Company, 1984. P. 202.

11. Block H. «Chernenko pushing Sakharovs off cliff» / H. Block // Herblock Through the Looking Glass. New York: W. W. Norton & Company, 1984. P. 202.

12. Block H. «Those were the good old days» // Library of Congress: Herbert L. Block collection: official web-site. URL: https://www.loc.gov/item/2012635102/ (дата обращения: 01.10.2025).

13. Block H. «The Russians will stop at nothing – now they’ve stolen our most important technology» // Library of Congress: Herbert L. Block collection: official web-site. URL: https://www.loc.gov/item/2012641664/ (дата обращения: 01.10.2025).

14. Block H. «And now some more official information on the accident at Chernobyl» / H. Block // Herblock at Large: Let's Go Back a Little...and Other Cartoons Pantheon Books. New York: Pantheon Books, 1987. P. 99.

15. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

© Коваленко Е.С., 2026

УДК 94.084:316.7

И.А. Малинкина
магистрант УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – д-р филос. н., профессор Р.Х. Лукманова

I.A. Malinkina
master's student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – d. of. philos. s., professor R. Kh. Lukmanova

КУХОННЫЕ ДЕБАТЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРИОРИТЕТОВ СОВЕТСКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

THE KITCHEN DEBATES AS A REFLECTION OF SOVIET TECHNICAL PRIORITIES

Аннотация: В данной статье рассматривается знаковый эпизод Холодной войны – «кухонные дебаты» 1959 г. между Н. Хрущевым и Р. Никсоном – как точка столкновения двух векторов технологического развития. В работе проведено сравнительное исследование рекламных стратегий конца 1950-х гг.: от американской журнальной рекламы, формирующей образ потребительского благополучия, до советской «микро-рекламы» на спичечных этикетках и утилитарных бюллетеней, носивших просветительский характер.

Abstract: This article examines a landmark episode of the Cold War – the 1959 «Kitchen Debates» between Nikita Khrushchev and Richard Nixon – as a collision point between two distinct vectors of technological development. The study provides a comparative analysis of advertising strategies from the late 1950s, ranging from American magazine advertisements that shaped an image of consumer prosperity to Soviet «micro-advertising» on matchbox labels and utilitarian bulletins of an educational nature. Special attention is paid to the differing perceptions of progress: the American model of individual comfort versus the Soviet paradigm of collective liberation through the industrialization of domestic life.

Ключевые слова: кухонные дебаты, Холодная война, СССР, США, визуальная культура, реклама.

Keywords: Kitchen Debates, Cold War, USSR, USA, visual culture, advertising.

В июле 1959 г. московский парк «Сокольники» стал площадкой эпизода холодной войны, в котором предметом обсуждения оказались не вооружения и промышленное производство, а бытовая техника и организация повседневной жизни граждан. Американская национальная выставка, проходившая в Москве, включала демонстрационный жилой дом с полностью оборудованной кухней, где состоялся разговор между вице-президентом США Р. Никсоном и председателем Совета министров СССР Н. Хрущёвым. Этот обмен мнениями, вошедший в историю как «кухонные дебаты», показал разные линии понимания технологического развития: для американской стороны технологическое развитие связывалось с повышением качества жизни и облегчением домашнего труда, а советская риторика, напротив, подчеркивала коллективные цели и участие женщин в общественном производстве, а бытовая техника представлялась, скорее, как элемент общего научно-технического развития, чем как показатель индивидуального благополучия.

В ходе обсуждения американская сторона подчеркивала преимущества массового производства бытовых приборов и их доступность для среднего потребителя, тогда как советский лидер акцентировал внимание на приоритетах тяжелой промышленности и научно-технических достижений, связанных прежде всего с развитием оборонной и космической отраслей.

Кухня и бытовая техника оказались символами двух различных моделей прогресса как фон оживленной дискуссии.

Актуальность данного исследования обусловлена возможностью рассмотреть холодную войну через призму повседневности и визуальной культуры. Сопоставление рекламных стратегий США и СССР конца 1950-х гг. позволяет выявить различия в подходах к продвижению бытовой техники. Американская реклама стремилась представить технику как часть желаемого образа жизни, используя эмоциональные и визуальные элементы, тогда как советские материалы носили более информативный и функциональный характер. Рассмотрение этих факторов в совокупности показывает, каким образом предметы домашнего обихода стали элементом идеологического соперничества и как дискуссия о бытовом комфорте заняла заметное место в более широком контексте холодной войны [1; 2].

Одна из фраз Н. Хрущева, как попытка обесценить западный образ жизни через иронию: «А у вас нет машины, которая бы клала еду в рот и проталкивала ее дальше? Вы показываете нам много интересных вещей, но они не необходимы для жизни. От них нет пользы. Это все лишь штучки» [1].

В логике Хрущева настоящий прогресс заключался не в облегчении домашней рутины, а в масштабных достижениях государства, вроде покорения космоса. Таким образом, обычный кухонный комбайн или соковыжималка превращались в символ капиталистического абсурда – вещей, которые человеку на самом деле не нужны.

При анализе рекламных материалов конца 1950-х гг. становится заметным различие не только в визуальном языке, но и в самой функции рекламы в СССР и США. Советская реклама бытовой техники носила преимущественно информативный и просветительский характер, тогда как американская реклама формировала целостный образ желаемой повседневной жизни.

В СССР особым каналом трансляции новых бытовых приборов в рекламе в 1959 г. стала «микро-реклама» на спичечных коробках, которая тиражировала государственные установки в масштабах, недоступных даже массовой периодической печати. Данные этикетки представляли собой уникальный канал массовой коммуникации, совмещавший функции прикладного дизайна, государственной пропаганды и доступного объекта коллекционирования. В условиях отсутствия коммерческого рекламного рынка в западном понимании, спичечный коробок становился «микро-плакатом», который ежедневно находился в руках граждан.

Если журналы формировали сложный дискурс о «рациональном быте», то этикетки этого периода (например, продукция Калужского СНХ) переводили его на язык лаконичных императивов. Лозунги «Пусть будет закрыта дорога к корыту! Шагами большими к стиральной машине!» или рифмованная реклама

пылесоса «Уралец» («...в квартире не стало ни грязи, ни пыли») работали как визуальные триггеры модернизации [4; 5; 7].

Важным отличием советской рекламы конца 1950-х гг., представленной в таких изданиях, как бюллетень «Новые товары» (1958 г.), является её ярко выраженный просветительский характер. В то время как американская журнальная реклама строила свою стратегию на создании «образа жизни», советский подход оставался более утилитарным и информативным. Например, страница в бюллетени, посвященная стиральной машине МИЗ, фокусирует внимание зрителя на самом объекте как техническом достижении, а не на театрализованной сцене домашнего счастья [3].

Если американская реклама продавала «мечту» и социальный статус через демонстрацию женского досуга, то советский бюллетень решал задачу «бытового ликбеза»: он информировал потребителя о появлении новой категории товаров, внедряя в повседневность саму идею механизации домашнего труда.

Такая агитация представляла бытовую технику не просто как товар, а как неизбежный «шаг» в сторону домашнего прогресса, и движении за новую культуру быта. Объявления фактически объясняли назначение техники и раскрывали её практическую пользу, что соответствует общей направленности советской рекламы этого периода.

В рамках политики реклама стремилась формировать умеренные потребительские ожидания и продвигала идею современного и функционального домашнего пространства. Бытовая техника в советских изображениях часто представлялась как часть научно-технического прогресса, связанного с индустриализацией и освоением космоса, а не как элемент индивидуального благополучия.

Для сравнения, американская журнальная реклама того же периода строилась на принципиально иной визуальной логике. В журналах середины 1950-х гг. бытовая техника демонстрировалась в полноценном интерьере современной кухни, где центральное место занимала улыбающаяся домохозяйка, окруженная множеством приборов.

На подобных изображениях техника представлена как часть комплексного образа благополучной жизни. Женщина демонстрирует духовку, стиральную машину, пылесос или другие устройства, при этом акцент делается на удобстве, свободном времени и комфорте. В отличие от советских объявлений, здесь важен не столько сам прибор, сколько образ современной семьи и комфортного домашнего пространства. Визуальная насыщенность, цветовые решения создают ощущение изобилия и технологического прогресса, доступного обычному потребителю, яркий пример реклама пылесосов компании «Эдектролюкс» (Electrolux), на страницах журнала «Лейдиз Хоум Джорнэл» (The Ladie’s Home Journal), как и ряд другой рекламы со схожими тематиками и новыми приборами [8, p. 13-14].

Если советская реклама в бюллетене «Новые товары» за 1958 г. предлагала потребителю единичные технические новинки, такие как стиральная машина МИЗ, то американский рынок середины 1950-х гг. уже оперировал целыми

«экосистемами» комфорта. И страницы журнала «Лейдиз Хоум Джорнэл» (The Ladie's Home Journal) превращались в витрину достижений таких корпораций, как «Дженерал Электрик» (General Electric), «Уэлпул» (Whirlpool) и «Эдектролюкс» (Electrolux), где за каждым названием стояла не просто функция, а обещание престижа [3; 8].

В американской модели владение конкретной маркой, будь то пылесос «Хувер» (Hoover) или холодильник «Фриджидер» (Frigidaire), служило социальным маркером, подтверждающим статус семьи в рамках среднего класса. В то время как для советского гражданина техника оставалась дефицитным инструментом модернизации быта, для американца она была элементом личного успеха, где конкуренция брендов диктовала бесконечную гонку за обновлением домашнего интерьера.

Так можно подвести, что журнальная реклама конца 1950-х гг. демонстрирует два различных подхода к продвижению бытовой техники. Советские объявления подчеркивали рациональность, функциональность и постепенную модернизацию быта, тогда как американские рекламные материалы формировали образ идеальной кухни как символа благополучия и потребительского изобилия. Именно это различие особенно важно в контексте «кухонных дебатов» 1959 г., где предметом идеологического соперничества стали не только технологии, но и представления о повседневной жизни и социальном статусе.

Спор между Р. Никсоном и Н. Хрущевым в Сокольниках обнажил фундаментальный разрыв в понимании прогресса: если американская модель строилась на триумфе индивидуального потребления и превращении кухни в высокотехнологичную витрину семейного статуса, то советская парадигма пыталась противопоставить этому идею коллективного освобождения через индустриализацию быта. Значительный разрыв в доступности техники вынуждал советскую пропаганду маскировать дефицит реального комфорта. Однако именно этот вызов стал отправной точкой для масштабной «бытовой революции» внутри СССР, приведшей к массовому строительству хрущевок и попытке создания собственной, социалистической модели современного дома.

Таким образом, «кухонный фронт» оказался не менее значимым, чем космическая гонка, поскольку именно здесь решался вопрос о легитимности политических систем в глазах обычного человека. История этого противостояния подтверждает, что исход глобального конфликта сверхдержав зависел не только от количества баллистических ракет, но и от способности государства обеспечить достоинство и удобство повседневной жизни, превращая обычное домашнее пространство в индикатор успеха своей социальной политики.

Литература:

1. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

2. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.

3. Новые товары: информационный рекламный бюллетень. № 4. Министерство торговли СССР. М: Госторгиздат, 1958.

4. Пусть будет закрыта дорога к корыту! Шагами большими к стиральной машине! [Изоматериал]: этикетка спичечная. Калужский СНХ; С/М комбинат «Гигант». Калуга: [б. и.], 1959.

5. Пылесос «Уралец» [Изоматериал]: этикетка спичечная. Калужский СНХ; С/М комбинат «Гигант». Калуга: [б. и.], 1959.

6. Стенограмма «кухонных дебатов» Н. Хрущева и Р. Никсона [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20131028195442/http://www.podst.ru/posts/28/(дата обращения: 10.04.2026).

7. Стиральная машина СМ-1,5 [Изоматериал]: этикетка спичечная / Калужский СНХ; С/М комбинат «Гигант». Калуга: [б. и.], 1959.

8. The Ladie's Home Journal. – Philadelphia: Curtis Publishing Company, 1955. Vol. 72, No. 4 April. 224 p.

© Малинкина И.А., 2026

УДК 327.7:061.1

А.И. Саитов
магистрант УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – старший преподаватель К.Р. Габбасова

A. I. Saitov
master's student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – Senior lecturer K.R. Gabbasova

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ, ЗАПАДА, ВОСТОКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И СОВРЕМЕННОСТИ

INTERCIVILIZATIONAL RELATIONS BETWEEN RUSSIA, THE WEST, AND THE EAST IN HISTORICAL RETROSPECT AND MODERNITY

Аннотация: В статье рассматриваются сложные и многогранные взаимоотношения между Россией, Западом и Востоком с акцентом на исторические, политические и культурные аспекты их взаимодействия. Анализируются ключевые этапы в становлении этих связей, начиная с древних времен и до современности, с целью выявления как точек соприкосновения, так и источников напряженности. Особое внимание уделяется исследованию влияния политических режимов и идеологических доктрин на характер взаимоотношений, а также роли культурного обмена в формировании представлений друг о друге. Статья также затрагивает вопросы экономической интеграции и конкуренции, геополитических амбиций и столкновения цивилизационных ценностей. На основе анализа исторического опыта предлагаются перспективы для выстраивания более гармоничных и взаимовыгодных отношений в будущем.

Abstract: The article examines the complex and multifaceted relationships between Russia, the West, and the East, focusing on the historical, political, and cultural aspects of their interaction. It analyzes key stages in the development of these ties, from ancient times to the present day, with the aim of identifying both common ground and sources of tension. Particular attention is paid to the

study of the influence of political regimes and ideological doctrines on the nature of relations, as well as the role of cultural exchange in shaping perceptions of each other. The article also touches on issues of economic integration and competition, geopolitical ambitions, and the clash of civilizational values. Based on an analysis of historical experience, prospects are offered for building more harmonious and mutually beneficial relations in the future.

Ключевые слова: Россия, Запад, Восток, исторические взаимодействия, политические отношения, культурный обмен, идеология, экономика, геополитика, цивилизационные ценности, международные отношения.

Keywords: Russia, West, East, historical interactions, political relations, cultural exchange, ideology, economics, geopolitics, civilizational values, international relations.

Чтобы всесторонне оценить нынешнее положение дел между Россией, Западом и Востоком, необходимо тщательно изучить исторические предпосылки, обусловившие взаимные представления этих цивилизационных центров. Первые контакты, будь то коммерческие предприятия, дипломатические представительства или духовные миссии, заложили основу для дальнейшего развития отношений. Древние торговые пути, такие как знаменитый Шелковый путь, стимулировали не только товарообмен, но и распространение знаний, идей и культурных ценностей, хотя это не всегда гарантировало полное и точное понимание друг друга. В свою очередь, миссионерская деятельность зачастую приносила не только религиозное учение, но и определенные взгляды на «правильное» мироустройство, что могло вызывать как интерес, так и неприятие.

Формирование стереотипов и предрассудков является неотъемлемой частью исторического процесса взаимодействия. Взаимное восприятие часто определялось политическими, экономическими и военными событиями, а также влиянием пропаганды и идеологических установок. В результате возникали упрощенные и зачастую искаженные образы «другого», которые могли служить обоснованием для конфликтов и соперничества. Например, представление о России как о «варварской» стране на Западе или образ «загнивающего» Запада в России обычно усиливались в периоды политической напряженности, искусственно подпитывая взаимное недоверие.

Различные философские школы и религиозные течения также значимо формировали восприятие «другого». Каждая из них предлагала свои системы ценностей и взгляды на мир, которые часто не совпадали, а иногда и противоречили друг другу. К примеру, противопоставление западного рационализма и восточной духовности, или христианства и ислама, нередко становилось причиной разногласий и конфликтов. Влияние этих учений на мировоззрение людей проявлялось в их отношении к политическим институтам, общественным нормам и культурному наследию «других».

Как справедливо отметил крупнейший русский мыслитель Н. Бердяев, «Россия может сознать себя и свое призвание в мире лишь в свете проблемы Востока и Запада» [3, с. 55]. Это объясняется, прежде всего, тем, что и географически, и исторически Россия сочетает в себе Запад и Восток [4, с. 32]. С одной стороны, в России Восток соединяется с Западом, а с другой – они расходятся.

Прежде всего, нужно сказать, что понятия «Запад» и «Восток» – отнюдь не географические. Запад и Восток – это понятия скорее философского плана. Они отражают глубинные характеристики существования и развития общностей людей. Запад рационален, стремится подчинить свою жизнь холодному разуму и строгой логике. Восток душевен, эмоционален, чувствителен, интуитивен, он стремится больше вписаться в естественный природный мир, чем выделиться из него. Восток есть душа мира, Запад – дух человеческий [7, с. 67].

Значимые исторические периоды и события оставили глубокий отпечаток на отношениях между Россией, Западом и Востоком. Участие России в европейских войнах, начиная с эпохи Наполеона и заканчивая мировыми войнами, было многоплановым и противоречивым. С одной стороны, Россия выступала как союзник западных держав в борьбе против общего противника, с другой – становилась объектом их опасений и соперничества. «Восточный вопрос», связанный с упадком Османской империи и борьбой за влияние на Балканах и в Средиземном море, спровоцировал многочисленные конфликты, в которых принимали участие все три стороны [1, с. 76-78]. Холодная война, с ее идеологическим противостоянием и гонкой вооружений, разделила мир на два враждебных блока и привела к глубочайшему расколу в отношениях между Россией и Западом. Этот период оставил после себя наследие взаимного недоверия и подозрительности, которое ощущается и сегодня.

Развитие торговых и экономических связей также оказало немалое воздействие на формирование отношений между Россией, Западом и Востоком. Изучение торговых маршрутов и экономических соглашений помогает понять, как происходил обмен ресурсами, технологиями и знаниями. Влияние экономических кризисов на взаимоотношения проявлялось в обострении конкуренции, усилении протекционизма и возникновении новых конфликтов. Наряду с этим, экономическое соперничество часто сопровождалось сотрудничеством в таких сферах, как энергетика, транспорт и высокие технологии. В современном мире глобализация и интеграция создают новые возможности и вызовы для развития взаимовыгодных связей, но, в то же время, порождают новые формы экономической зависимости и неравенства.

Продолжая анализ исторических аспектов взаимодействия России, Запада и Востока, необходимо перейти к рассмотрению политических факторов, которые оказывают существенное влияние на формирование отношений между этими цивилизационными центрами. Одним из ключевых аспектов является воздействие политических режимов и идеологий на характер взаимоотношений.

Сравнение политических систем и ценностей позволяет выявить как общие черты, так и принципиальные различия в подходах к организации государства и общества. Различия в политических системах, обусловленные историческим развитием, культурными традициями и геополитическими факторами, приводят к разным взглядам на вопросы демократии, прав человека, социальной справедливости и международного порядка. Эти различия могут становиться источником непонимания и конфликтов, особенно в тех случаях, когда одна сторона пытается навязать свои ценности другой.

Идеологические доктрины, такие как коммунизм, либерализм и консерватизм, также оказывают существенное воздействие на формирование внешней политики. Коммунистическая идеология, например, в свое время служила обоснованием для экспансионистской политики Советского Союза, направленной на распространение социалистической революции по всему миру. Либерализм, с его акцентом на индивидуальной свободе и рыночной экономике, определяет политику западных стран, стремящихся к продвижению демократии и свободной торговли. Консерватизм, с его ориентацией на сохранение традиционных ценностей и укрепление национальной идентичности, влияет на политику многих стран, стремящихся к защите своего суверенитета и культурной самобытности.

Влияние политической элиты на формирование внешней политики также является важным фактором, который необходимо учитывать при анализе взаимоотношений между Россией, Западом и Востоком. Политические лидеры, принимая решения о внешней политике, руководствуются не только объективными факторами, такими как геополитические интересы и экономические соображения, но и личными убеждениями, представлениями о мире и амбициями. В периоды смены власти и политических кризисов влияние политической элиты на внешнюю политику может особенно усиливаться, что может приводить к непредсказуемым и радикальным изменениям в отношениях между странами.

Геополитическая конкуренция и сотрудничество являются неотъемлемой частью международных отношений. Окончание холодной войны привело к убеждению на Западе о победе либерального миропорядка во главе с США и усилиям по формированию однополярного мира [5]. Но борьба за влияние в регионах, таких как Ближний Восток, Центральная Азия и Восточная Европа, тем не менее является постоянным источником напряженности между Россией, Западом и Востоком. Участие в международных организациях и альянсах, таких как ООН, НАТО, ШОС и БРИКС, позволяет странам реализовывать свои интересы и укреплять свои позиции на международной арене [6]. Проблемы безопасности и контроля над вооружениями, такие как распространение ядерного оружия, терроризм и киберпреступность, требуют сотрудничества и координации усилий всех заинтересованных сторон.

Современная картина взаимоотношений между Россией, Западом и Востоком определяется целым комплексом вызовов, среди которых выделяются украинский кризис, санкционная политика и новые формы международной коммуникации, такие как цифровая дипломатия. Украинский конфликт стал серьезным испытанием для отношений России и Запада, спровоцировав глубокий кризис доверия, усиление конфронтации и стремление насести России «стратегическое поражение» [5, с. 22]. Экономические санкции и ответные меры оказывают негативное воздействие на торговые связи и политический диалог, затрудняя поиск компромиссных решений. В то же время, развитие цифровой дипломатии открывает новые возможности для взаимодействия и обмена информацией, но и создает дополнительные риски, связанные с кибершпионажем и распространением недостоверных сведений. В целом, политические аспекты

взаимодействия между рассматриваемыми сторонами остаются сложными и требуют пристального внимания экспертов и политиков.

Наряду с политическими факторами, культурные аспекты занимают заметное место в формировании отношений между Россией, Западом и Востоком. Культурный обмен и взаимовлияние способствуют сближению народов и обогащению культурного наследия, но в то же время могут приводить к напряженности и конфликтам на почве различий в ценностях и традициях.

Так, перевод и распространение литературы и искусства играют существенную роль в культурном обмене, предоставляя возможность ознакомиться с творчеством других народов, понять их мировоззрение и систему ценностей. Русская литература, к примеру, оказала огромное влияние на мировую культуру, в то время как произведения западных и восточных авторов, переведенные на русский язык, стали неотъемлемой частью отечественной культуры. Однако следует учитывать, что культурный обмен не всегда является равноправным, существует риск культурной экспансии, когда одна культура доминирует над другими, вытесняя их с культурного пространства.

Развитие науки и образования также вносит вклад в культурный обмен и взаимовлияние. Научные открытия и технологические инновации получают распространение по всему миру, оказывая воздействие на экономику, политику и культуру различных стран. Образование играет большую роль в формировании мировоззрения, представлений о других культурах и народах. Вместе с тем, образовательные системы в разных странах могут придерживаться различных ценностей и идеалов, что потенциально может приводить к непониманию и разногласиям.

Влияние на моду, кухню, музыку и другие сферы жизни является одним из наиболее явных проявлений культурного обмена и взаимовлияния. Западная мода, например, оказала значительное влияние на стиль одежды в России и странах Востока, а восточная кухня получила широкое распространение по всему миру. Однако культурное влияние не всегда носит позитивный характер; существует риск утраты национальной идентичности под влиянием массовой культуры и процессов глобализации.

Сохранение культурной самобытности представляет собой одну из важных задач для каждой страны и каждого народа. Проблемы глобализации и унификации культуры создают угрозу для сохранения уникальных культурных традиций и ценностей. Национальные традиции и ценности призваны сохранить культурную самобытность народа и передать ее будущим поколениям. Для этого используются различные механизмы защиты культурного наследия, такие как охрана памятников истории и культуры, поддержка национальных искусств и ремесел.

Межкультурный диалог и взаимопонимание являются необходимым условием для мирного сосуществования различных культур и цивилизаций. Важную роль в формировании толерантности играют образование и наука, призванные научить уважать другие культуры и понимать их ценности. Развитие туризма и культурного обмена позволяет знакомиться с культурой

других стран и народов, преодолевать стереотипы и предрассудки. Работа по преодолению стереотипов и предрассудков требует усилий со стороны всех заинтересованных сторон, включая политиков, журналистов, ученых и деятелей культуры. Культурные аспекты взаимодействия между Россией, Западом и Востоком сложны и многогранны, требуют глубокого анализа и постоянного внимания. Только посредством уважительного диалога и взаимопонимания возможно построение мирного и процветающего будущего для всех народов.

В заключение, анализ взаимодействия России, Запада и Востока сквозь призму исторических, политических и культурных аспектов позволяет прийти к пониманию сложной и многогранной картины отношений, сформировавшейся на протяжении столетий. История этих взаимосвязей полна как периодов сотрудничества и взаимообогащения, так и эпизодов конфронтации и непонимания. Представления друг о друге складывались под влиянием торговых контактов, войн, религиозных учений и политических идеологий, что порождало как устойчивые стереотипы, так и стремление к более глубокому познанию и диалогу.

Литература:

1. Введение во всеобщую историю. Учебное пособие по дисциплине «История (История России, Всеобщая история)» для неисторических специальностей и направлений подготовки / отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.

2. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.

3. Методические рекомендации по курсу «Человек и общество». В 2 ч. Ч. 2. 11 кл. /Л.Н. Боголюбов, Л.Ф. Иванова, А.Ю. Лазебникова и др.; под ред. Л.Н. Боголюбова. М.: Просвещение, 2000. 270 с.

4. Половникова А.В. Изучение темы «Цивилизация России» в курсе обществоведения // Преподавание истории и обществознания в школе. 2000. № 2. 68 с.

5. Тухватуллин Р.Р., Шаяхметов Ф.Ф., Кудашев У.Н. Перепутье мира: от кризиса либерального миропорядка к многополюсному миру // Евразийский юридический журнал. 2025. № 12 (211). С. 21-22.

6. Тухватуллин Р.Р. Шаяхметов Ф.Ф. Современный геополитический кризис и формирование нового миропорядка // Евразийский юридический журнал. 2023. № 11 (186). С. 545-546.

7. Яковец Ю.В. История цивилизаций. М.: ВЛАДОС, 1997. 352 с.

© Саитов А.И., 2026

УДК 93/94

И.А. Тетенькин
магистрант УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – д-р филос. н., доцент Р.Х. Лукманова

I.A. Tetenkin
master's student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – d. of philos. s., associated professor R. Kh. Lukmanova

ГЕЙМИФИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ НА ПРИМЕРЕ НАСТОЛЬНОЙ ИГРЫ «TWILIGHT STRUGGLE»

GAMIFICATION OF HISTORICAL EVENTS ON THE EXAMPLE OF THE BOARD GAME «TWILIGHT STRUGGLE»

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению современных попыток геймификации исторических событий. На примере настольной игры «Twilight struggle» (рус. – «Сумеречная борьба») авторами рассматриваются основные приемы игрового дизайна, использованные создателями игры для создания исторического нарратива посредством игровых механик. На их примере показано каким образом можно дать игрокам, прежде не знакомым с описанными историческими событиями, основное понимание специфики противостояния двух сверхдержав в XX в.

Abstract: The paper is devoted to the consideration of modern attempts to gamififcation of historical events. Using the example of the board game "Twilight struggle", the authors consider the main game design techniques used by the creators of the game to create a historical narrative through game mechanics. On their example, it is shown how it is possible to give players who are not previously familiar with the described historical events a basic understanding of the specifics of the confrontation between the two superpowers in the 20th century.

Ключевые слова: геймификация, «Сумеречная борьба», игровой дизайн, настольные игры, Холодная война.

Keywords: gamification, Twilight struggle, game design, board games, Cold War.

В современном мире, несмотря на активную цифровизацию информационного пространства, настольные игры продолжают пользоваться огромной популярностью. Наблюдатели говорят о «ренессансе» настольных игр в начале XXI в. [8]; подобные тенденции наблюдаются и в России [6].

Настольные игры стали объектом изучения современных историков и культурологов сравнительно недавно. В связи с этим количество публикаций по этой теме – как на русском, так и на английском языках – сравнительно невелико. Наиболее активным изучением данной проблемы на русском языке занимается Г.В. Шпак. В своих статьях [2, 3] и монографии [4] он рассматривает место настольных игр в распространении знаний об окружающем мире для англичан XVI-XIX вв. Отмечая важность настольных игр как средства распространения знаний об окружающем мире Шпак отмечает, что создатели могли закодировать в них определенные сведения о мире – географическом устройстве, исторических персонажах, современной политике, флоре и фауне, морали и добродетелях, профессиях, знаменитых событиях, туристических объектах и т. д. [4, с. 14].

Наиболее ярко эта тенденция в так называемых historically-structured boardgames (далее – исторические настольные игры).

Исторические настольные игры представляют собой особый интерес для изучения. Если прочие настольные игры формируют свои собственные «игровые пространства, <...> обособленные, выгороженные, освященные территории, где имеют силу свои особые правила» [1, с. 35], то исторические настольные игры являют собой синтез исторического нарратива, дизайна и игрового процесса. Создатели игры должны вплести исторические события в игровой процесс. Одним из наиболее ярких и популярных представителей этого жанра является настольная игра, разработанная Джейсоном Мэтьюзом и Анандой Гуптой «Twilight struggle» (рус. – «Сумеречная борьба»).

Разработка игры берет своё начало в начале 2000-х гг. Мэтьюз и Гупта считали, что популярные на тот момент исторические настольные игры были чрезмерно перегружены правилами — это делало их недоступными для широкого круга игроков. Их первоначальной идеей была разработка настольной игры, посвященной событиям Гражданской войны в Испании, но испанский разработчик-одиночка опередил их, и они подумали: «Никто не справится с этим лучше, чем он, – после чего они переключили своё внимание на период холодной войны» [8].

Существовавшие настольные игры, бравшие за основу этот период, акцентировали своё внимание на гипотетически возможном военном конфликте стран НАТО и Варшавского договора. Гупта и Мэтьюз считали, что такой конфликт неизбежно закончился бы термоядерной войной, что вгоняло их в тоску. Вместо этого они решили сосредоточиться на отношениях между двумя сверхдержавами, стараясь выстроить игровой процесс вокруг ключевых явлений того времени, таких как: «теория домино», гонка вооружений, космическая гонка и другие [8].

Первое издание «Сумеречной борьбы» было выпущено в 2005 г., и игра сразу обрела популярностью. В течение 6 лет она являлась самой высокооцененной игрой по версии пользователей сайта boardgamegeek.com – крупнейшего ресурса, посвященного настольным играм [7, 846]. На сегодняшний день она занимает 14 место в их рейтинге [5].

В ходе игры игроки разыгрывают карты со своей руки для улучшения своей игровой позиции. Всего в игре участвуют 109 карт, разделенных на три колоды: начало, середина и конец войны. Игроки могут разыграть карты «по событию» (если событие относится к их стороне или имеет нейтральный статус) или «по очкам операции» (принадлежность карты не важна). Чаще всего, если карта была разыграна «по событию», то она удаляется из игры навсегда (например, такие события как создание НАТО и ОВД; реализация Плана Маршалла и т. д.), но есть и те карты, которые могут быть разыграны повторно в будущем (например, карта арабо-израильского или индо-пакистанского конфликта).

Рис. 1. Пример игровой карты

По ходу игры новые карты примешиваются ко старым, создавая особый режим времени. С одной стороны, игроки видят явную прогрессию – изменяются приоритеты, противостояние охватывает всё новые и новые регионы и т. д., но, с другой стороны, в игровом процессе остаются и карты более ранних периодов. Так ничего не мешает вспомнить об арабо-израильском конфликте (карта из колоды «начало войны») в этапе конца войны.

Помимо основного игрового процесса на создание общего ощущения того, что действия игроков одновременно имеют и не имеют конкретного временного измерения работает и само игровое поле. Одним из важных элементов дизайна игры является шкала раундов, отражающая игровой и нарративный прогресс. На каждом делении шкалы изображены советские и американские лидеры — от И.В. Сталина (1 раунд) до М.С. Горбачева (10 раунд). Это даёт игрокам определенную точку опоры во времени.

Так, переходя к этапу середины войны, игроки видят изображение Н.С. Хрущева (4 раунд). Это помогает игрокам понять, что со смертью Сталина специфика конфликта начинается меняться (именно в этот раунд в общую колоду вмешиваются карты колоды «середина войны»). Последующие портреты помогают определить временную рамку действий игроков: Дж.Ф. Кеннеди (5 раунд) – первая половина 60-х гг.; Л.И. Брежнев (6 раунд) – вторая половина 60-х гг.; Р.М. Никсон (7 раунд) – первая половина 70-х гг.

Таким образом, в ходе игрового процесса даже те игроки, которые ничего не знают об истории противостояния США и СССР, могут получить понимание того, что некоторые проблемы оставались актуальными на протяжении всей холодной войны, а другие имеют конкретное временное измерение.

Рис. 2. Шкала раундов

Говоря о режиме времени, создаваемом игрой, нельзя не упомянуть о пространственном измерении игры. Игровое поле разделено на шесть регионов: Европа, Азия, Центральная Америка, Южная Америка, Африка и Ближний восток. В каждом регионе есть ключевые и неключевые страны. Так, к примеру, ключевыми странами в Европе считаются: ФРГ и ГДР, Франция и Италия, – к неключевым странам относятся все остальные.

В зависимости от степени присутствия и контроля над регионом игроки получают победные очки, количество которых дифференцируется в зависимости от важности региона в конфликте. Так одним из вариантов победы является установление полного контроля над Европой. Другим элементом, дифференцирующим значимость стран, является шкала уровня DEFCON. Получившая название от аббревиатуры DEFense readiness CONdition (готовность вооруженных сил США к обороне), эта шкала отражает степень эскалации конфликта, где 5 – мирное время, а 1 – термоядерная войны, знаменующая собою конец игры (игрок, в чей ход произошло понижение шкалы до 1, признается проигравшим). В зависимости от степени эскалации конфликта, игрокам запрещаются агрессивные действия в регионах: на 4 уровне – в Европе; на 3 уровне – в Европе и Азии; на 2 уровне – в Европе, Азии и на Ближнем Востоке. Это не только балансирует игровой процесс – почти всегда уровень DEFCON находится ниже 5, что не позволяет игрокам одержать победу за счёт контроля над Европой, – но и на интуитивном уровне доносит информацию о поведении сверхдержав в том или ином регионе.

Пространственное измерение игры находится в тесной связи с внутренним режимом времени. Так на этапе «начало войны» весь фокус внимания игроков сосредоточен на Европе, Азии и Ближнем Востоке. Этому способствует специфика колоды карт, относящаяся к этому периоду, – в ней почти нет карт, влияющих на Латинскую Америку и Африку. Но уже в «середине войны» конфликт охватывает и эти регионы.

Другим важным элементом игры, формирующее у игрока представление о тех или иных событиях, являются очки операций. Очки операций (далее – ОО) – основной ресурс игроков, определяющий количество действий, которые они могут совершить. Игрокам доступны четыре вида действий: размещение жетонов влияния в стране, уменьшение влияния противника, попытка переворота и попытка получения преимущества в космической гонке.

Количество ОО – от 1-го до 4-х – разнится в зависимости от карты. Таким образом, они несут важную игровую функцию, но и при этом сохраняют в себе нарративный элемент.

Так зависимости от важности события, по мнению создателей игры, ему присваивается соответствующее число ОО, где 1-2 – рядовые события или явления, не оказавшие серьезного влияния на ход Холодной войны (например, теология освобождения (2 ОО), «кухонные дебаты» (1 ОО) и т. д.); 3-4 – события или явления, существенно повлиявшие ход Холодной войны (например, американское вторжение во Вьетнам (3 ОО), Исламская революция в Иране (4 ОО) и т. д.).

Основная идея, заложенная в игровой процесс, была сформулирована разработчиками следующим образом: «Советский Союз должен обладать преимуществом в начале игры, и Соединенные Штаты – в конце. Дабы отразить динамику того, что в конечном итоге либеральная демократия и капиталистическая экономика обгоняет социалистическую модель» [10]. Основным способом достижения данной цели стало распределение ОО. Обращаясь к таблицам, составленным сообществом игры [7], мы можем увидеть, что действительно, в начале и, особенно, в середине войны СССР обладает преимуществом по сравнению США, но уже на заключительном этапе это преимущество нивелируется.

Кроме обычных карт событий, в игре присутствует одна особая карта — «Китайская карта», — которая отражает специфику участия Китайской Народной Республики в холодной войне. В начале игры эта карта находится у игрока за Советский Союз, но каждый раз, когда игроки разыгрывают эту карту, она передается сопернику. Авторы в исторических комментариях пишут об этом так: «Китайская Народная Республика сыграла ключевую роль в холодной войне. Собственное влияние КНР было ограничено ближайшими сателлитами, но значение страны для мирового баланса сил невозможно переоценить. Поначалу Китай был союзником СССР, но затем стал противовесом советскому влиянию в Азии на заключительных стадиях холодной войны» [6, 22]. Здесь Китай, хоть и лишен субъектности, продолжает оказывать влияние на ход конфликта.

Подводя итог, мы можем сказать, что «Сумеречная борьба» является ярким и успешным примером того, как исторический нарратив может быть вплетен в игровой процесс. Посредством игровых механик создатели игры смогли, с одной стороны, вынудить игроков действовать в соответствии с общей логикой противостояния двух сверхдержав во второй половине XX в., с другой стороны, создатели не сделали игровую прогрессию строго детерминированной, произошедшими в реальности событиями, оставив пространство для действий игроков. В рамках игрового мира, победу различными способами могут одержать как Западный блок во главе с США, так и Восточный блок во главе с СССР, что делает «Сумеречную борьбу» уникальным примером исторической настольной игры.

Литература:

1. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. 2011. 416 с.

2. Шпак Г.В. Формирование темпорального режима модерна на примере британских образовательных настольных игр XVII-XVIII вв // Диалог со временем. 2023. № 85. С. 216-231.
3. Шпак Г.В. Репрезентация образов прошлого в британских образовательных играх нового времени // Диалог со временем. 2025. № 93. С. 129-140.
4. Шпак Г.В. Наука в настольных играх: учеба и развлечение в Англии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение. 2025. 320 с.
5. Рейтинг сайта boardgamegeek.com [Электронный ресурс] https://boardgamegeek.com/browse/boardgame [дата обращения 03.04.2026]
6. Сумеречная борьба. Правила [Электронный ресурс] https://hobbygames.ru/download/rules/sumerechnaya_borba_rules.pdf [Дата обращения 01.04.2026]
7. Таблицы всех игровых карт [Электронный ресурс] https://twilightstrategy.com/twilight-struggle-card-summary-tables/ [Дата обращения 03.04.2026]
8. Карты в руки: как развивается рынок настольных игр в России и мире [Электронный ресурс] https://trends.rbc.ru/trends/social/68527f0f9a794728f84d392d [Дата обращения 06.04.2026].
9. Ambrosio T., Ross J. Performing the Cold War through the “The Best Board Game on the Planet”: The Ludic Geopolitics of Twilight Struggle // Geopolitics. 2023. Vol. 28. № 2, P. 846-878.
10. Designing The Best Board Game On The Planet [Электронный ресурс] https://fivethirtyeight.com/features/designing-the-best-board-game-on-the-planet/ [Дата обращения 06.04.2026].

© Тетенькин И.А., 2026

УДК 94(470.57)

Я.А. Ткаченко
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – д. и. н., доцент Р.О. Багаутдинов

Y.A. Tkachenko
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – d. of h. s., associate professor R. O. Bagautdinov

ОСОБЕННОСТИ КОЛОНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИИ БАШКОРТОСТАНА РУССКИМ НАСЕЛЕНИЕМ В XVI-НАЧАЛЕ XVII ВЕКОВ

FEATURES OF THE COLONIZATION OF THE TERRITORY OF BASHKORTOSTAN BY THE RUSSIAN POPULATION IN THE 16TH - EARLY 17TH CENTURIES

Аннотация: В статье рассмотрена краткая история появления русского населения на территории Урало-Поволжья. Продемонстрирована взаимосвязь между присоединением башкир в состав русского государства и строительством Уфы. Перечислены первые русские деревни на территории края, а также причины их появления. Также исходя из всего сделаны выводы об особенностях русской колонизации территории Башкортостана, а также ее влиянии на будущее развитие.

Abstract: This article examines a brief history of the arrival of the Russian population in the Ural-Volga region. It demonstrates the connection between the incorporation of the Bashkirs into the Russian state and the construction of Ufa. It lists the first Russian villages in the region, as well as the reasons for their establishment. Based on these findings, conclusions are drawn about the characteristics of Russian colonization of Bashkortostan and its impact on its future development.

Ключевые слова: Башкортостан, население, русские, экономика, деревни, колонизация.

Keywords: Bashkortostan, population, Russians, economy, villages, colonization.

Этнические процессы играют огромную роль в современном мире. Очень часто именно от этнических взаимоотношений зависит положение государства в современном мире. Наша тема является хорошим примером этнических взаимоотношений. Русское и башкирское население – это два совсем разных народа, говорящие на разных языках и исповедующие разные религии. Однако в середине XVI в. они начали активно контактировать друг с другом [1; 4; 9]. Осознание исторического опыта помогает нам не допускать прошлых ошибок, связанных с этническими процессами, а также продемонстрировать как колонизация может повлиять на развитие другого этноса.

Перед началом необходимо понимать, какой смысл мы вкладываем в понятие колонизации. Для нашей темы наиболее точным будет определение колонизации как способа расселения, при котором колонизируемая территория постепенно заселяется, а население попадает под социально-экономическое воздействие со стороны колонизатора.

Основным и практически единственным источник освящающим для нас этот важный период являются археологические памятники, которые позволяют довольно точно определить проследить тенденцию развития и последующие изменения. Русские летописи не описывают проникновение русских в Волго-

Уральский регион, по-видимому, из-за длительного и небогатого яркими событиями процесса. Именно по этой причине часто не удается точно установить точность тех или иные событий, т.к., источников, которые подтверждали бы гипотезы и теории очень мало [3, с. 9-12]. Это является главной спецификой нашей темы. Перед рассмотрение основной части темы, мы считаем необходимым продемонстрировать предысторию событий, описываемых в нашей теме, для того чтобы лучше понимать ее тенденции.

Формирование русского этноса началось примерно в XIV в. [1, 4]. До этого времени речь может идти только о смешанной древнерусской народности, которая не являлась единым и цельным этносом. Именно в этот период, в связи с ростом населения, происходит расселение русских вниз по Волге, проникновение на территорию юга Чувашии, а также Вятского района. Они неизбежно теснили некоторые финно-угорские народы, в частности удмуртов и марийцев на восток [3, с. 12-14].

На территории исторического Башкортостана русских тогда еще вероятно не было. Многочисленные археологические находки, в частности керамика, позволяют археологам сделать вывод о нередком мирном проживании русских с иноэтничным населением, в том числе на территории Волжской Булгарии, что в тех условиях являлось интересным феноменом. Однако иногда проникновение носило и насильственный характер, о чем свидетельствует следы пожаров, обнаруженные при раскопках. Несмотря на это, наличие золотоордынского государства, объединяющего территории Поволжья тормозило эти этнические процессы и миграции, являясь неким стабилизирующим фактором. Русь на тот момент еще была раздроблена и не могла составить конкуренцию Орде во влиянии на Урало-Поволжский регион [2].

К моменту падения Золотой Орды и возникновения на его базе самостоятельных государств, на территории Казанского ханства, многие памятники русского населения, ранее живших среди окружающих их иноязычных народов Поволжья, начинают исчезать. Как например, Мало-Сундырское городище, находящееся на территории современной Республики Марий Эл. Куда ушло русское население остается неясным. Вероятно, оно либо вернулось обратно на территорию Центральной России, либо было уничтожено из-за многочисленных смут и разорений, которые прошли по Урало-Поволжскому региону в течении XV – начале XVI в. [3, с. 14-15].

В связи с укреплением и централизацией Российского государства, начиная с середины XVI в. оно начинает снова проникать на территорию Урало-Поволжья [2]. Однако Казанское ханство являлось серьезным противником и препятствием для освоения восточных земель. После многочисленных попыток взять Казань, она все же была взята в 1552 г. Это событие имело ключевое значение в регионе Поволжья, т. к., именно после этого началось добровольное вхождение башкир в состав русского государства. Башкиры были разорены большими податями Ногайской орде и Сибирскому ханству. Надежда на их ослабление и лояльные условия, предлагаемые русским царем, послужили основными причинами решения башкир. Таким образом, к середине XVI в. территория Русского государства значительно увеличилась, были созданы

предпосылки для активной колонизации всего Урало-Поволжского региона [2, с. 109-111].

С вхождением башкир в состав Русского государства стало понятно, что рано или поздно государство начнет освоение Южного Урала. Для этого необходимо было создать военную крепость, которая бы закрепляла юго-восточные границы и являлась бы опорой власти в новом крае. Такая крепость была построена в 1574 г., назвали ее Уфой, а в 1586 г. после прибытия сюда воеводы Михаила Нагого вместе с войсками и служилыми людьми, она стала называться городом. Первоначальная численность войск неизвестна, но по данным на 1681 г. в Уфимском гарнизоне числилось 165 конных казаков. Первоначально цифра была явно меньше. За службу казаки получали деньги, а также земли вокруг города. В первое время земельный фонд г. Уфы состоял из небольшого количества земель, находящихся на самом уфимском полуострове. Воеводская администрация первоначально не трогала земли за пределами города, ведь они считались вотчинной собственностью башкирских родов. По-видимому, это можно объяснить некой договоренностью между московским правительством и башкирами [5, с. 212-215]. Однако по мере роста населения города, земельный фонд на полуострове истощался и власть начала раздавать уже более дальние земли. Это обстоятельство неизбежно вызвало недовольство башкир, т.к., являлось нарушением изначального договора о неприкосновенности вотчинной территории.

Для обеспечения города хлебом и продуктами необходимо было заниматься земледельческим хозяйством. В условиях того, что вокруг города были башкиры, занимающиеся полукочевым скотоводством, населению города, а именно служилым людям приходилось самим заниматься земледелием. Была создана «государева пашня», расположенная в районе р. Сутолоки. Этот процесс подробно описывается в «Отводной книге по Уфе», опубликованной Н.Ф. Демидовой. Позже, с территории центральных губерний, специально для обеспечения города провиантом, а также для строительства церквей, административных зданий в Уфимский уезд были переведены дворцовые крестьяне. Так начали возникать первые русские деревни [5, с. 218-220].

Постепенно в город прибывало все новое население, в первую очередь русское. Это «дети боярские», стрельцы, пушкари, а также служилые татары и небольшая часть «новокрещеного населения». Постепенно в городе появляются представители купеческого сословия, в том числе из Средней Азии, а также посадские люди, имеющие постоянные места торговли в городе. Уфа становилась не просто военной крепостью и административным центром, но также экономическим и духовным.

В связи с постоянной опасностью набегов калмыцких и ногайских войск в Уфе находился немалый военный гарнизон, что, безусловно, ускоряло политическую и экономическую колонизацию края. В XVII в. для защиты границ от набегов кочевников и башкирских восстаний была создана так называемая «Закамская черта», охватившая северо-запад Башкирии. Там были построены военные крепости Тиинск, Билярск, Старошешминск, а также Бирск, Мензелинск и Табынск. Их население, а это казаки и стрельцы, также начали

получать башкирские земли за службу [1, с. 184-185]. Таким образом на территории Башкортостана была выстроена целая цепь военных крепостей, что означало постепенную утрату той независимости башкир, которая им изначально гарантировалась.

Вместе с тем на Южный Урал постепенно начинает двигаться и крестьянское население, значительная часть которых оседала по пути следования, поселяясь вокруг городов или уходя дальше на север по течению рек, по лесным дорогам и тропам. Причинами их переселения были в первую очередь малоземелье и усиление крепостного гнета. Одной из первых русских деревень являлась Новая Слобода, основанная в начале XVII в. новокрещенцем Иваном Кадомцевым, которую после строительства церкви в 1622 г. стали называть с. Богородское. Находилось оно в районе современного микрорайона Инорс г. Уфы. Многие выходцы из этого села в связи с ростом населения вскоре начали основывать новые деревни, например, Татушево (1628 г.), Государственные Дуванеи (1647 г.). В конце XVI – начале XVII в. в Уфу прибыл Иван Черников, будучи в чине служилого человека. С помощью многочисленных челобитных, он получил землю и основал деревню Черниковка, являющаяся частью современной Уфы. Также одним из старейших является с. Красный Яр (1635 г.), основанное дворцовыми крестьянами, существующее по сей день, и находящееся на берегу р. Белой к северу от г. Уфы.

В «Отводной книге», кроме озвученных, упоминаются также следующие русские деревни, появившиеся вскоре после основания Уфы: Первушино, Гардеево, Асанчюково, Пушкарево, Порошино, Ураково, Максимовка, починок Ново-Савина. Все они находились в территориальной близости от города. Постепенно из числа служилых людей и некоторых башкирских мурз появляются дворяне. Например, в 1591 г. А.Ф. Ураков был пожалован землей близ Соснового озера, что в 10 км от Уфы. С прибытием русского населения в город, росло количество фамилий дворян, которых к концу XVII в. уже было более 100 [5, с. 222-224].

Важное значение в колонизации Башкирии имели и монастыри, которым по р. Белой и Каме были отведены земли для строительства. В самой Уфе, при впадении речки Сутолоки в Белую (ныне ул. М. Горького), возник Успенский мужской монастырь, к которому при царе Михаиле Федоровиче были приписаны с. Чесноковка и д. Государственные Дуванеи. Монастыри активно переводили своих крестьян на новые земли и становились центрами православия среди мусульманского мира.

По Уложению 1649 г. крестьянам было запрещено официально приобретать башкирские земли, однако это не остановило процесс переселения. Именно в этот период начинается активная колонизация края и представителями других национальностей: марийцами, мордвой, удмуртами, татарами, чувашами. Зачастую они бежали в край не только от нехватки земли и закрепощения, но и от насильственной христианизации, проводимой Русским правительством. Таким образом, Башкортостан становился многонациональным краем.

Приведем статистику, демонстрирующую нам некоторые итоги колонизации края. Согласно «Переписной книге» по городу Уфе и Уфимскому уезду 1646 г.

пришлое население, включая служилых людей, посадских, помещичьих и дворцовых крестьян, составляло всего 619 дворов. ВXVII в. все землевладение уфимских помещиков располагалось в 30-верстном радиусе Уфы [6, с. 996]. Это являлось следствием как законодательных мероприятий правительства, так и объективно неблагоприятных политических факторов, а именно опасностью набегами калмыков и восстаниями башкир. По данным 1678 г. в Уфе числилось всего 17 посадских дворов, в Уфимском уезде 431 двор государственных крестьян, 56 дворов монастырских и церковных крестьян, 195 дворов крепостных крестьян. Таким образом мы видим, что примерно за 100 лет колонизация достигла серьезных успехов, однако все равно концентрировалась вокруг военных крепостей, в первую очередь Уфы [4, с. 38].

В заключение хочется подчеркнуть, что возникновение очагов русского населения на территории современного Башкортостана приходится на вторую половину XVI в., с момента вхождения башкир в состав Русского государства, а также возникновения г. Уфы. В последующие десятилетия масштаб колонизации будет только возрастать, что связано с постепенным хозяйственным, экономическим, военным освоением края, а также последующим за этим все большим игнорированием изначального договора с башкирского населения, которое из-за этого поднимет не одно восстание. Первоначально колонизация края началась «сверху», то есть в интересах и по решению государства, впоследствии она сменится колонизацией «снизу», когда крестьяне различных национальностей начнут искать на территории Южного Урала убежище от гнета, а купеческое население будет стремиться в край за новыми богатствами. Колонизация края в конечном итоге оказало большое влияние и на самих башкир. Постоянный контакт с земледельческим населением, а также уменьшения свободной земли для ведения полукочевого скотоводства привели к постепенному «оседанию» башкир на землю и принятию ими нового хозяйственного уклада и традиций. Таким образом, начавшаяся в середине XVI в. политическая колонизация края, уже к XVII в. сменилась социально-экономической и оказала ключевое влияние на его дальнейшее развитие.

Литература:

1. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

2. История международных отношений в раннее Новое время: XVI-XVIII вв.: учебное пособие / Н.А.Бессилин [и др.] /отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: Уфимский университет, 2025. 192 с.

3. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа: Китап, 1996. 520 с.: ил.

4. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.

5. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992. 347 с.

6. Русские Башкортостана. История и культура. Уфа: ГУП УПК. 2003, 384 с.

7. Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала: вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984. 175 с.

8. Усманов А.Н. Добровольное присоединение башкир к Русскому государству. Уфа, 1982. 336 с.

9. Утягулов М.М., Бессилин Н.А. К вопросу о заселении Башкирского края пришлым населением (конец XVI – начало XX вв.) // Народы России в XVII – начале XX века: опыт интеграции в империю. IV Асфандияровские чтения: материалы Всероссийской научно- практической конференции / отв. ред. Р.Н. Рахимов. [Электронный ресурс] / Уфимск. ун-т науки и технологий. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2024. С. 164-172. [Электронный ресурс]. URL: https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2024/097.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

10. Хадимуллин Р.Р. Социально-экономическое развитие западных башкир в XVII – первой половине XIX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Башкирский государственный университет. Уфа, 2007. 221 с.

11. Шайхисламов Р.Б., Азнабаев Б.А. Помещичья колонизация Башкирии// Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 4. С. 987-1000.

© Ткаченко Я.А., 2026

Секция: «Актуальные вопросы истории международных отношений»

УДК 94(560+4)"15"

А.Е. Альшаева
студентка УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ф.Ф. Шаяхметов

A.E. Alshaeva
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor F.F. Shayakhmetov

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ И СТРАНАМИ ЗАПАДА В XVI В.

RELIGIOUS FACTOR IN RELATIONS BETWEEN THE OTTOMAN EMPIRE AND WESTERN COUNTRIES IN THE 16TH CENTURY

Аннотация: Статья анализирует, как влияние религиозных различий между исламом и христианством на дипломатические и политические отношения между Османской империей и западноевропейскими государствами в XVI в. Показано, что религия служила важным политико-идеологическим инструментом, но не препятствовала прагматическим союзам и торговым контактам, когда этого требовали интересы сторон.

Abstract: This article analyzes how religious differences between Islam and Christianity influenced diplomatic and political relations between the Ottoman Empire and Western European states in the 16th century. It is demonstrated that religion served as a significant politico-ideological instrument, yet it did not preclude pragmatic alliances and trade contacts whenever the interests of the parties so required.

Ключевые слова: Османская империя, страны Запада, религиозный фактор, Ислам и Христианство, османо-европейские отношения.

Keywords: Ottoman Empire, Western countries, religious factors, Islam and Christianity, Ottoman-European relations.

XVI в. стал периодом интенсивного взаимодействия между Османской империей и западноевропейскими государствами. Эти отношения формировались на пересечении политических интересов, торговых связей и религиозных различий. Ислам и христианство выступали не только духовными системами, но и важными элементами государственной идеологии, влияя на дипломатические отношения, восприятие «другого» и формирование образов врага и союзника [2, с. 100].

Данная тема актуальна для лучшего понимания современных вызовов, связанных с религией, политикой и межкультурным взаимодействием. Она позволяет лучше понять, как религия влияет на международные отношения, где проходит граница между религиозной идентичностью и государственной политикой, и какой опыт прошлого может быть полезен для построения более толерантного мира.

Османская империя XVI в. представляла собой одно из крупнейших и наиболее влиятельных государств исламского мира, чья политическая и идеологическая идентичность была неразрывно связана с суннитским исламом. Османские султаны

последовательно формировали образ державы, выступающей оплотом истинной веры и защитницей мусульманской общины. Султан в османской политической системе занимал уникальное положение, совмещая функции как верховного правителя, так и религиозного лидера. Хотя титул халифа окончательно закрепился за османскими правителями позднее, уже в эпоху Сулеймана I власть султана понималась как божественно санкционированная. Он рассматривался как хранитель шариата и гарант справедливого порядка, установленного исламским правом. Как отмечает Г. Лэмб в своей работе, посвященной султану Сулейману Великолепному, такое сочетание политической и духовной власти обеспечивало исключительную легитимность правящей династии и позволяло ей претендовать на лидерство в мусульманском мире и даже за его пределами [6, с. 68].

Религия в Османской империи выполняла не только сакральную, но и важную политическую функцию. Она служила инструментом консолидации общества, укрепления власти и обоснования территориальной экспансии [6, с. 87]. Таким образом, религиозный контекст эпохи Сулеймана I создавал фундамент, на котором строилась внешняя и внутренняя политика Османской империи.

Аналогичная ситуация сложилась и в Европе, в которой XVI в. стал временем глубоких религиозных потрясений, носивших поистине революционный характер и коренным образом изменивших политическую карту континента [4, с. 39-53]. Начавшаяся в 1517 г. Реформация привела к расколу западного христианства и формированию двух противостоящих конфессиональных лагерей – католического и протестантского. Этот раскол имел не только духовное, но и ярко выраженное политическое измерение: религиозные конфликты ослабляли европейские государства, подрывали их внутреннюю стабильность и отвлекали ресурсы, необходимые для противостояния внешним угрозам. Религиозная идентичность превратилась в мощный инструмент для мобилизации сторонников и религиозных войн между католиками и протестантами, В свою очередь, на мусульманском Востоке раскол между суннитами, халифом которых себя представлял османский султан, и шиитами, консолидировавшимися в империи Сефевидского Ирана после прихода к власти данной династии в 1501 г., приобрел экзистенциональный характер и привел к продолжительному противостоянию между двумя мусульманскими империями и населявшими их народами [6, с. 74].

Между тем, в своей европейской политике Османская дипломатия умело использовала религиозный раскол в христианском мире, стремясь ослабить своих основных противников. Султан Сулейман I и его советники активно налаживали контакты с протестантскими правителями, видевшими в Османской империи потенциального союзника против габсбургской гегемонии. Наиболее известным примером такого взаимодействия стал союз с Францией, где, несмотря на католическую принадлежность французской короны, король Франциск I также стремился использовать османскую поддержку в борьбе с Габсбургами. Однако и протестантские князья германских земель неоднократно обращались к Стамбулу за дипломатической или военной помощью, рассматривая Османскую империю как противовес императорской власти [1, с. 201].

Религиозный раскол Европы в эпоху Реформации стал важным фактором международной политики XVI в. [3, с. 89]. Османская империя, выступавшая

внешним игроком в европейских конфликтах, сумела превратить европейскую конфессиональную фрагментацию в инструмент собственной дипломатии.

Следует, вероятно, в целом сказать про восприятие Европы в Османской империи XVI в. Восприятие формировалось под влиянием как религиозных представлений, так и практических политических интересов. Европейские государства рассматривались, прежде всего, как «христианские державы», однако османская элита не воспринимала их как единый блок. Напротив, в Стамбуле хорошо понимали, что Европа представляет собой сложное пространство, разделённое династическими конфликтами, религиозными противоречиями и конкурирующими политическими амбициями.

Османская дипломатия умело использовала эту раздробленность. Понимая, что интересы Франции, Габсбургов, итальянских государств или германских князей далеко не совпадают, Порта стремилась играть на этих различиях, заключая временные союзы и поддерживая те силы, которые могли ослабить её основных противников. Такой подход позволял османам эффективно маневрировать в европейской политике и расширять собственное влияние, не вступая в прямое противостояние со всеми западными державами одновременно.

Османский взгляд на Европу в XVI в., в целом, сочетал прагматизм и идеологические представления. Европа воспринималась как религиозно чуждая, но политически раздробленная территория, чьи внутренние противоречия можно было использовать для укрепления позиций Османской империи на международной арене [2, с. 220].

Одним из наиболее ярких и показательных примеров пересечения религиозных и политических интересов в XVI в. стал франко-османский союз 1536 г. Это соглашение, заключённое между Франциском I и Сулейманом I, стало беспрецедентным событием в европейской дипломатической практике: впервые христианская монархия официально вступала в союз с мусульманской державой, причём не из идеологических соображений, а исходя из прагматических геополитических расчётов [7, с. 31].

Франция, оказавшаяся под давлением усиливающейся гегемонии Габсбургов, активно искала внешнего союзника, способного изменить баланс сил в Европе. Для Османской империи союз с Францией также имел важное значение. Порта стремилась ослабить Габсбургов на европейском направлении и рассматривала Францию как удобный противовес их влиянию. Дипломатическое сотрудничество с одной из ведущих европейских держав укрепляло международный престиж Османской империи и расширяло её возможности в европейской политике. Союз включал не только военные договорённости, но и торговые капитуляции, предоставлявшие французским купцам выгодные условия в османских портах.

Франко-османский союз стал важным событием, показавшим, что дипломатия эпохи раннего Нового времени могла выходить за рамки конфессиональных границ. Он стал символом того, как религиозный фактор мог уступать место другим интересам, определяя новые форматы международных отношений.

Религиозный раскол Европы, вызванный Реформацией, также создал для Османской империи новые дипломатические возможности. Протестантские государства, оказавшиеся под давлением католических Габсбургов, всё чаще рассматривали Порту как потенциального союзника, способного изменить баланс сил в Центральной Европе. Османы, в свою очередь, видели в протестантах удобный инструмент для ослабления своего главного противника – Габсбургской монархии [4, с. 78].

Экономические отношения между Османской империей и европейскими государствами в XVI в. также развивались на фоне сложной политической и религиозной ситуации, однако конфессиональные различия не становились препятствием для взаимовыгодного сотрудничества. Одним из ключевых инструментов регулирования этих контактов стали капитуляции – особые торговые привилегии, предоставлявшиеся европейским купцам османским правительством. Эти соглашения обеспечивали иностранным торговцам широкие права, юридическую защиту и благоприятные условия для ведения коммерческой деятельности на территории империи.

Примечательно, что религиозная принадлежность европейских купцов не играла существенной роли в экономическом взаимодействии. Несмотря на конфессиональные различия и политические конфликты, османские власти стремились поддерживать стабильные торговые отношения, руководствуясь прежде всего прагматическими интересами. Это создавало уникальную ситуацию, в которой мусульманская держава активно сотрудничала с представителями католических и протестантских стран, предоставляя им условия, зачастую более выгодные, чем те, что существовали в Европе [1, с. 361].

В крупных городах Османской империи, прежде всего, в Стамбуле, сформировались значительные европейские торговые колонии. Французские, венецианские, генуэзские и позже английские и голландские купцы имели собственные кварталы, склады, церкви и консульства. Эти общины становились важными посредниками в экономических и культурных контактах между Османской империей и Европой, способствуя обмену товарами, знаниями и технологиями [4, с. 206].

Подводя итог всего вышесказанного, следует сказать, что взаимоотношения Османской империи и европейских государств в XVI в. формировались на пересечении религиозных представлений, политических интересов и прагматических расчётов. Несмотря на то что обе стороны активно использовали религиозную риторику для мобилизации населения и легитимации своих действий, конфессиональный фактор редко становился определяющим. Османы и европейцы одинаково стремились к укреплению своих позиций, контролю над стратегическими территориями и расширению сфер влияния.

Религия в османо-европейских отношениях XVI в. выступала не столько причиной конфликтов, сколько инструментом их оправдания. Реальная же динамика взаимодействия определялась логикой международной политики раннего Нового времени, где государственные интересы преобладали над идеологическими барьерами.

Литература:

1. Бальфур Дж. П. Османская империя. От возвышения до упадка. XIV–XX вв. М.: Центрполиграф, 2022. 350 с.
2. Гудвин Дж. Величие и крах Османской империи. Властители бескрайних горизонтов. М.: Азбука-Аттикус, 2012. 512 с.
3. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.
4. История международных отношений в раннее Новое время: XVI-XVIII вв. / Н.А. Бессилин, М.С. Васильев и др. / Отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2025. 192 с.
5. Ихсаноглу Э. История Османского общества, государства, цивилизации / под ред. М.С. Мейера. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. Т. 1. 620 с.
6. Лэмб Г. Сулейман Великолепный. Величайший султан Османской империи. М.: Центрполиграф, 2010. 398 с.
7. Рахманалиев Р. Империя тюрков. Великая цивилизация. М.: РИПОЛ классик, 2009. 560 с.

© Альшаева А.Е., 2026

УДК 94(569.4)+327

С.А. Байсков
студент УУНиТ, г. Уфа
научный руководитель – к. и. н., доцент Ф.Ф. Шаяхметов

S.A. Bayskov
student, UUST, Ufa
scientific supervisor – c. of h. s., associate professor F.F. Shaiakhmetov

РАЗВИТИЕ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В ПАЛЕСТИНЕ: ОТ ДЕКЛАРАЦИИ БАЛЬФУРА ДО АРАБСКОГО ВОССТАНИЯ 1936-1939 ГГ.

THE DEVELOPMENT OF BRITISH POLICY IN PALESTINE: FROM THE BALFOUR DECLARATION TO THE ARAB REVOLT OF 1936-1939

Аннотация: В статье рассматривается британская политика в Палестине в период от Декларации Бальфура до Арабского (Палестинского) восстания 1936-1939 гг. Автор отмечает, что британская система мандатного управления в Палестине, поддержка еврейской иммиграции при официальных декларациях о «сбалансированной» политике стали одной из ключевых причин формирования современного ближневосточного конфликта.

Abstract: This article analyzes British policy in Palestine, spanning the period from the Balfour Declaration to the Arab (Palestinian) Uprising of 1936-1939. The author highlights how the British mandate system in Palestine, alongside its encouragement of Jewish immigration, even while officially proclaiming a «balanced» policy, was a primary driver in the emergence of the contemporary Middle East conflict.

Ключевые слова: британская политика в Палестине, Декларация Бальфура, мандат Лиги Наций, Арабское восстание 1936-1939 гг., «Белые книги», арабо-еврейский конфликт.

Keywords: British policy in Palestine, the Balfour Declaration, the League of Nations mandate, the Arab Uprising of 1936-1939, the White Papers, the Arab-Jewish conflict.

Актуальность темы британской политики в Палестине в 1917-1939 гг. обусловлена тем, что именно в этот период были заложены основы современного ближневосточного конфликта, который продолжает оказывать существенное негативное влияние на международные отношения и глобальную безопасность. События, связанные с Декларацией Бальфура, установлением мандата Лиги Наций и Арабским восстанием 1936-1939 гг., предопределили не только судьбу Палестины, но и весь ход арабо-израильского противостояния после 1948 г. Изучение системы мандатного управления в Палестине позволяет глубже понять механизмы британской колониальной политики, противоречия между имперскими интересами и национальными движениями в Палестине и на Ближнем Востоке в целом, а также последствия непоследовательной политики Великобритании для будущего региона.

Цель исследования заключается в комплексном анализе эволюции британской политики в Палестине в 1917-1939 гг. и выявлении причин её непоследовательности, приведшей к кризису мандатной системы. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: рассмотреть исторический контекст и процесс формирования британской политики в 1917-1922 гг.; проанализировать практику мандатного управления в 1920-е – начале 1930-х гг., включая попытки баланса между общинами и нарастание противоречий; изучить ход Арабского восстания 1936-1939 гг. и реакцию на него британских властей; оценить итоги и упущенные возможности британской политики в рассматриваемый период.

Хронологические рамки исследования охватывают период с ноября 1917 г. (Декларация Бальфура) до мая 1939 г. (опубликование «Белой книги» Макдональда). Методологическую основу работы составляют принципы историзма, объективности и системности. В качестве источников использованы как официальные документы британского правительства («Белые книги» 1922, 1930 и 1939 гг., отчёты королевских комиссий Пиля, Шоу и Хоупа-Симпсона), так и обширный массив российской научной литературы.

В начале XX в. Великобритания еще продолжала занимать ведущие позиции в качестве мировой державы на международной арене. После Первой мировой войны над бывшими ближневосточными владениями Османской империи было установлено мандатное управление «великих держав», подразумевавшее передачу Ирака, Трансиордании и Палестины под контроль Великобритании, Сирии и Ливана – Франции [1, с. 191].

С началом мировой войны ситуация изменилась. В 1915-1916 гг. Великобритания вела активные переговоры с шерифом Мекки Хусейном. В переписке Мак-Магона–Хусейна Лондон обещал поддержку создания независимого арабского государства. Эти обещания дополнялись секретным англо-франко-русским соглашением Сайкса–Пико 1916 г. Согласно ему, Палестина частично отходила под французское влияние на севере, а остальная

её территория, за исключением портов Хайфы и Акры, должна была получить международный статус [2].

Переломным моментом стало принятие Декларации Бальфура от 2 ноября 1917 г. В письме к лорду Ротшильду министр иностранных дел Артур Бальфур заявил, что правительство Его Величества «с благосклонностью рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа». Декларация признавала историческую связь еврейского народа с Палестиной и обязывала Великобританию содействовать созданию такого очага при условии, что не будут ущемлены гражданские и религиозные права общин. Арабское население восприняло её как прямое нарушение обещаний независимости [6].

Военная оккупация Палестины британскими войсками под командованием генерала Эдмунда Алленби в 1917-1918 гг. ознаменовала переход от дипломатии к практическому контролю [3].

Послевоенное урегулирование на Парижской мирной конференции 1919 г. и особенно на конференции в Сан-Ремо в апреле 1920 г. окончательно закрепило британские позиции в регионе. На Сан-Ремо еврейские представители активно поддержали британский мандат, в то время как арабские делегации настаивали на особом статусе Палестины. 25 апреля 1920 г. Великобритания официально получила мандат на управление Палестиной [3].

Первым Верховным комиссаром был назначен сэр Герберт Сэмюэл. Его назначение арабское население восприняло негативно. Сэмюэл создал Консультативный совет, в который вошли представители разных общин, существенно сократил военное присутствие и учредил Верховный мусульманский совет под председательством Хадж Амина аль-Хусейни. Одновременно был сформирован Верховный раввинский совет для еврейской общины. Однако уже в мае 1921 г. в Яффе произошли серьёзные беспорядки, в результате которых погибли десятки человек с обеих сторон. Комиссия, расследовавшая эти события, пришла к выводу, что главной причиной волнений стало политическое и экономическое недовольство арабов быстрым ростом еврейской иммиграции и про-сионистским уклоном британской администрации [4].

В июле 1921 г. министр по делам колоний Уинстон Черчилль подтвердил приверженность Декларации Бальфура, но одновременно призвал к арабо-еврейскому сотрудничеству. Кульминацией раннего этапа формирования политики стала «Белая книга» Черчилля, опубликованная в июне 1922 г. Документ уточнял смысл Декларации Бальфура, подчёркивал, что «национальный очаг» не означает создание еврейского государства, отделял Трансиорданию от Палестины по статье 25 мандата и связывал дальнейшую еврейскую иммиграцию с экономической ёмкостью страны [3].

К июлю 1922 г. Совет Лиги Наций окончательно утвердил текст мандата на Палестину. Палестина под властью британского мандата (1922-1948 гг.), в соответствии с «Декларацией Бальфура» от 1917 г., стала центром расселения еврейских репатриантов [1, с. 192]. Британская администрация активно поддерживала еврейскую иммиграцию, видя в ней инструмент экономического развития и стратегического укрепления позиций империи. Четвёртая алия 1924-1929 гг. значительно увеличила в Палестине еврейское население. Приток

капитала из Европы и Америки позволил еврейской общине (ишуву) создать современную экономику – кооперативы, сельскохозяйственные поселения, промышленные предприятия и банки.

В то же время арабское население, составлявшее большинство, воспринимало такую политику как угрозу своему традиционному укладу. Земельные сделки, в ходе которых крупные арабские землевладельцы продавали участки еврейским организациям, приводили к выселению феллахов и росту безземелья в деревнях.

Однако накопившиеся противоречия вырвались наружу в августе 1929 г., когда вспыхнули масштабные арабо-еврейские беспорядки, известные как «волнения у Стены Плача». Поводом послужил спор вокруг доступа к святым местам в Иерусалиме. Беспорядки охватили несколько городов, включая Хеврон и Сафед, и привели к значительным человеческим жертвам. Эти события стали поворотным моментом, показавшим пределы политики нейтралитета и баланса, провозглашённой в «Белой книге» 1922 г. [8].

В ответ на кризис Лондон создал несколько следственных комиссий. Комиссия Шоу (1929 г.) пришла к выводу, что главной причиной волнений стало недовольство арабов быстрым ростом еврейской иммиграции и земельных приобретений. Рекомендации комиссии были развиты в отчёте Хоупа-Симпсона 1930 г., который прямо указывал на опасность дальнейшего вытеснения арабского населения с земли и предлагал ограничить иммиграцию экономической ёмкостью страны. На основе этих материалов второе лейбористское правительство Великобритании выпустило в октябре 1930 г. «Белую книгу» лорда Пассфилда. Документ подчёркивал принцип равенства двух общин и заявлял, что ни одна из них не должна получать преимущества за счёт другой [4].

Однако «Белая книга» Пассфилда вызвала резкую реакцию сионистских организаций. Под сильным политическим давлением правительство было вынуждено уже в феврале 1931 г. направить «письмо Макдональда» («чёрное письмо»), которое фактически смягчило ограничения и вернуло политику в русло более благоприятное для еврейской иммиграции.

К середине 1930-х гг. Палестина представляла собой территорию с двумя параллельными обществами, каждое из которых развивалось по собственным правилам и всё меньше доверяло мандатной администрации. Политика попыток баланса, проводившаяся в 1920-е – начале 1930-х гг., в конечном итоге лишь отложила неизбежный кризис [3].

К середине 1930-х гг. арабское население окончательно разочаровалось в мандатной администрации, которая, несмотря на декларативные обещания защиты прав большинства, на практике продолжала способствовать массовой еврейской иммиграции и экономическому укреплению ишува. Накопленные противоречия заложили фундамент для начала восстания арабов. Официально общая арабская забастовка началась 22 апреля 1936 г. 25 апреля произошло объединение основных политических партий и глав кланов в Высший арабский комитет (лидером стал муфтий Иерусалима Амин Аль-Хусейни). ВАК постановил продолжать всеобщую забастовку до изменения британской политики.

Требования были тройными: запрет еврейской иммиграции, запрет на передачу арабских земель евреям, создание национального правительства [9].

Ответная реакция Великобритании выразилась в дипломатическом и военном направлениях. Попытка дипломатического урегулирования путём назначения комиссии Пиля не увенчалась успехом. Предложенный план раздела Палестины на арабскую, еврейскую и британскую зоны не был принят ни одной из сторон.

Военное направление стало более значимым. С апреля по сентябрь 1936 г. британский воинский гарнизон был увеличен до 20 тыс. человек, а во время второй фазы восстания (сентябрь 1937 – январь 1939 гг.) – до 42 тыс. человек. В июне 1937 г. британцы ввели смертную казнь за несанкционированное хранение оружия [7].

Основной формой коллективного наказания было уничтожение имущества. Значительную роль в подавлении восстания играли Королевские ВВС и Королевский флот. Однако, несмотря на многостороннее военное вмешательство Великобритании, должным образом минимизировать арабо-еврейскую напряжённость и нормализовать положение на палестинских землях не удалось.

Надвигающаяся угроза мировой войны заставила Соединённое Королевство вновь прибегнуть к дипломатии. 17 мая 1939 г. была опубликована «Белая книга» министра колоний Макдональда. Документ фактически отказывался от идеи превращения Палестины в еврейский национальный очаг и объявлял целью создание в течение десяти лет независимого палестинского государства с арабским большинством. Еврейская иммиграция ограничивалась 75 тыс. человек в течение 5 лет, после чего дальнейший приток должен был зависеть от согласия арабов. Продажа земель евреям вводилась под жёсткий контроль. «Белая книга» 1939 г. была воспринята сионистами как предательство, а арабами — как запоздалое признание их прав. К этому моменту восстание уже было практически подавлено [7].

Последствия арабского восстания 1936-1939 гг. оказались тяжёлыми для всех сторон. Арабское общество понесло значительные человеческие потери. Экономика арабских районов была сильно подорвана длительной забастовкой и репрессиями. Политически арабы потеряли многих лидеров. Еврейская община, напротив, значительно укрепила свои позиции: «Хагана» превратилась в хорошо организованную военную силу. Для Великобритании восстание стало серьёзным ударом: оно продемонстрировало хрупкость мандатной системы, потребовало огромных финансовых и военных затрат и показало, что политика баланса между двумя общинами окончательно провалилась [5].

В долгосрочной перспективе британское мандатное управление в Палестине 1917-1939 гг. можно оценить, как классический пример колониальной политики, которая, преследуя имперские цели, невольно ускорила формирование современных национальных конфликтов. Упущенные возможности достижения компромисса – в 1922 г. при принятии первой «Белой книги», в 1930 г. при попытке пересмотра политики и в 1937 г. при рассмотрении плана Пиля – стали результатом как объективных трудностей

(непримиримость позиций общин), так и субъективных ошибок Лондона: недооценки глубины арабского национализма, чрезмерной зависимости от сионистского лобби и стремления сохранить максимальный контроль при минимальных затратах.

К 1939 г. Палестина подошла не как территория, готовая к независимости, а как пороховой погреб, готовый взорваться при первом удобном случае. Британская политика, начатая с высоких деклараций о справедливости и балансе, закончилась признанием собственного бессилия и передачей проблемы будущим поколениям. Эти итоги во многом предопределили трагические события 1947-1948 гг. и заложили основу современного ближневосточного конфликта, показав ограниченность имперского подхода к решению сложных национальных и религиозных вопросов в колониальных владениях.

Литература:

1. История России: учебное пособие для студентов неисторических специальностей и направлений подготовки / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 315 с.

2. Котлов Л.Н. Национально-освободительное движение в арабских странах (1918-1924 гг.). М.: Наука, 1975. 312 с.

3. Самарская Л.М. Декларация Бальфура и формирование британской политики в Палестине (1917-1922 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. № 2. С. 45-68.

4. Цветянский А.В. Политика британской гражданской администрации в Палестине до принятия мандата (1918-1920 гг.) // Вопросы истории. 2019. № 8. С. 112-129.

5. Чикаидзе Ц.М. Проблема арабского единства и политика Великобритании на Арабском Востоке в первой половине XX в. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. № 12. С. 78-92.

6. Шаповалов М.С. Британская политика в Палестине в 1917-1939 гг.: достижения и упущенные возможности // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. 2019. № 3 С. 78-95.

7. Шаяхметов Ф.Ф. Внешняя политика Советской России/СССР на Востоке: от политики экспорта революции к прагматизму и принципу равенства // СССР в системе международных отношений: сборник материалов Международной научно-практической конференции (2 декабря 2022 г., Уфа) / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 248 с.

8. Щевелев С.С. Арабское восстание в Палестине 1936-1939 годов и политика страны-мандатария // Вестник РУДН. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 1. С. 134-152.

9. Янченко Д.С. Арабское восстание 1936-1939 гг. в сфере внешней политики Великобритании // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 89-104.

© Байсков С.А., 2026

УДК 930.2:94(4)"04/14"

Т.Р. Давлетбаев
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель - к. и. н., доцент Н.А. Бессилин

T.R. Davletbaev
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor - c. of h. s., associate professor N.A. Bessilin

ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ВИЗАНТИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ФРИДРИХА I БАРБАРОССЫ

FEATURES OF SOURCES IN THE STUDY OF THE HISTORY OF RELATIONS BETWEEN THE HOLY ROME EMPIRE AND BYZANTIUM DURING THE REIGN OF FRIEDRICH I BARBAROSSA

Аннотация: В представленной статье рассматривается комплекс источниковедческих особенностей в изучении истории Священной Римской империей и Византией в эпоху правления Фридриха I Барбароссы и отношения между империями. Целью работы является систематизация и сопоставительный анализ латиноязычных нарративных памятников, дипломатических актов и хроник для выявления специфики их интерпретационных моделей. Методология базируется на принципах сравнительно-исторического анализа и герменевтического подхода к анализу текстов. В результате исследования установлено, что полярность восприятия имперского статуса в источниках обусловлена не только политическим противостоянием, но и глубоким концептуальным различием в понимании легитимности императорской власти. Научные выводы статьи позволяют глубже понять механизмы формирования, специфику средневековой дипломатической коммуникации в XII в.

Abstract: The presented article examines a complex of source studies in the study of the history of the Holy Roman Empire and Byzantium during the reign of Frederick I Barbarossa and the relations between the empires. The aim of the work is to systematize and compare Latin-language narrative monuments, diplomatic acts, and chronicles to identify the specifics of their interpretative models. The methodology is based on the principles of comparative historical analysis and a hermeneutical approach to textual analysis. The study has revealed that the polarity of the perception of imperial status in the sources is due not only to political confrontation, but also to a deep conceptual difference in understanding the legitimacy of imperial power. The scientific findings of the article provide a deeper understanding of the mechanisms that shaped, the specifics of medieval diplomatic communication in the 12th century.

Ключевые слова: Священная Римская империя, Византия, Фридрих I Барбаросса, исторический источник, хроники, грамоты, памятник, песнь, отношения.

Keywords: Holy Roman Empire, Byzantium, Frederick I Barbarossa, historical source, chronicles, letters, monument, song, relations.

Актуальность темы обусловлена её значением для понимания политических процессов в средневековой Европе, эволюции имперской власти и взаимодействия христианских государств.

Источники по истории отношений Священной Римской империи и Византии в период правления Фридриха I Барбароссы разнообразны и включают как официальные документы, так и нарративные материалы. Они позволяют

изучить дипломатические, военные и политические аспекты взаимодействия двух государств.

Императорские грамоты Фридриха I – важный источник для изучения его дипломатии. Они содержат информацию о правовых отношениях, социальной структуре придворного окружения, маршрутах перемещений императора и круге его общения. Наиболее полное собрание таких документов издано в серии «Германские исторические памятники». Папские грамоты и частные грамоты (архиепископов, епископов, аббатов, пробстов, князей и глав городов) также имеют значение для анализа отношений между империями. Городские грамоты, особенно ломбардских коммун, позволяют изучить взаимоотношения между имперской властью и новыми общественными силами. Грамоты имперских легатов, действовавших в правление Барбароссы, важны для понимания создания имперской администрации на Апеннинском полуострове. Политические трактаты, хроники и западноевропейские анналы содержат последовательное изложение исторических событий. Например, творение епископа Отто Фрейзингенского «Деяния Фридриха» – главный памятник раннештауфеновской историографии, на котором базируются более поздние работы. Анналы и хроники, созданные современниками событий, содержат известия о крупных событиях имперской истории, включая контакты с монархом, участие в итальянских экспедициях, заседаниях хофтагов и рейхстагов.

В период Третьего Крестового похода Фридрих вёл своё войско через территорию Византии. Посланцы императора Исаака Ангела требовали от Барбароссы заложников и обязательств об уступке части будущих завоеваний. После инцидента с заключением византийскими послами в тюрьму Фридрих прервал переговоры и повёл армию на Константинополь. Несмотря на напряжённость, Фридрих I старался избегать военного противостояния с византийским императором, так как хотел войти в историю как освободитель Иерусалима и избегал сомнительной славы начинателя войны с христианским императором [1; 9].

Специфика монографии «Фридрих I Барбаросса в деяниях, хрониках и анналах Северной Италии» И. В. Кривушина заключается в том, что она фокусируется на итальянском векторе восприятия Барбароссы, который был «узлом», где пересекались интересы всех трех сторон.

Италия была главной ареной столкновения Фридриха I и византийского императора Мануила I Комнина. Североитальянские хроники фиксируют: дипломатическую активность (попытки Византии подкупить ломбардские города и папу римского для борьбы против Фридриха) и претензии на Рим (источники показывают, как Барбаросса защищал идею «Священной империи» от притязаний Мануила, который сам мечтал о восстановлении единства Рима под властью Константинополя).

В отличие от официальных имперских хроник (например, Оттона Фрейзингенского), итальянские анналы часто более прагматичны и критичны. Они позволяют увидеть реакцию итальянцев на византийско-германское соперничество, которое для них было вопросом выживания и автономии.

Источники описывают, как Фридрих I использовал римское право для обоснования своего верховенства, в то время как византийцы считали его лишь «германским королем». В анналах прослеживается эволюция титулатуры и то, как оскорбления в официальной переписке приводили к охлаждению отношений. Монография помогает реконструировать эпизоды, которые редко освещаются в чисто византийских источниках: подготовка к Третьему крестовому походу и связанные с этим опасения Византии; контакты Барбароссы с врагами Константинополя (например, с иконийским султаном), что фиксировалось хронистами как элемент большой геополитической игры.

Особенность этой работы в том, что она дает «третью сторону» обзора. Она показывает отношения Священной Римской Империи и Византии не как двусторонний диалог, а как сложный треугольник, где Италия была и инструментом, и главной целью борьбы двух императоров [2].

Работа Н.Ф. Колесницкого «Феодальное государство (VI–XV вв.)» – это классическое учебное пособие, которое ценно для изучения отношений Священной Римской империи и Византии при Фридрихе Барбароссе прежде всего своим хрестоматийным подходом и подбором ключевых документов.

Колесницкий подбирает документы (отрывки из хроник, переписку), которые ярко иллюстрируют конфликт «двух империй». В центре внимания – претензии Барбароссы на вселенский суверенитет и непризнание Византией титула «императора римлян» за германским правителем.

Автор опирается на труды Оттона Фрейзингенского (дяди Барбароссы) и его продолжателя Рахевина. Особенность здесь в том, что события подаются через призму имперской канцелярии: Византия часто выставляется как «вероломная» или «слабеющая» греческая империя; подчеркивается превосходство латинского рыцарства над византийской дипломатией.

«Деяния Фридриха» Оттона Фрайзингского, современника Барбароссы. Автор, выступая в качестве идеолога Священной Римской империи, включал в своё повествование богословские рассуждения и элементы панегирика. В «Деяниях» император мог изображаться как продолжатель традиций римских императоров и Карла Великого, воплощение идеи «четырёх монархий».

Для периода Барбароссы Колесницкий выделяет документы, касающиеся его похода через византийские земли. Они фиксируют дипломатический кризис 1189 г., когда дело едва не дошло до штурма Константинополя немцами. В переписке Фридриха с Исааком II Ангелом видна разница в титулатуре (Фридрих именует себя «Augustus», а Исаака — лишь «греческим королем»).

Колесницкий рассматривает эти отношения не просто как спор двух монархов, а как столкновение двух типов феодализма. В пособии акцентируется внимание на том, как внутренняя политика Барбароссы (борьба с итальянскими городами и папой) заставляла его искать временные союзы или, наоборот, идти на обострение с Мануилом Комнином [3; 4].

Образ Фридриха I Барбароссы используется в средневековой рыцарской литературе в зависимости от жанра и автора. Император предстаёт как символ имперской власти, крестоносец, идеал рыцарства или объект мифологизации. В этом жанре крестовых песен Барбаросса часто выступает как лидер христианского

воинства, воплощение долга рыцаря перед верой. Данные представления, получившие распространение во время подготовки к Третьему крестовому походу, воспевали его роль в организации похода и вдохновляли рыцарей на участие в нём. В них подчёркивалась идея священной войны под предводительством императора, его миссия как защитника христианских ценностей.

Таким образом, образ Барбароссы в литературе отражает как реальные исторические деяния императора, так и мифологические, политические и культурные проекции его личности в сознании современников и потомков. Образ Фридриха в средневековой рыцарской литературе эволюционирует от исторического правителя (в хрониках и песнях современников) к символу имперского единства и христианского воинства (у поздних поэтов и хронистов). Его личность стала эталоном рыцарского служения и имперской идеи, а легенда о «спящем императоре» закрепила этот образ в народной памяти [5].

«Песнь о Нибелунгах» (конец XII – начало XIII вв.) отражает ключевые аспекты средневековой Германии, её социальные, политические и культурные реалии, а также переходные процессы эпохи. Хотя действие поэмы происходит в V веке, в ней находят отражение тенденции и ценности, характерные для времени её создания – периода развитого феодализма и формирования рыцарской культуры. В поэме детально показаны феодальные отношения с жёсткой социальной иерархией. Общество строго разделено на классы: короли, вассалы, маркграфы и другие категории знати. Вассальная верность - один из центральных этических принципов. При этом между правителями и вассалами возникают сложные взаимоотношения, включая интриги, предательство и борьбу за власть. Отражается становление рыцарской культуры. В произведении присутствуют элементы куртуазной литературы: описания роскошных пиров, нарядов, церемоний и интриг при дворе бургундов. Одежда и ювелирные украшения играют важную роль, определяя социальный статус человека. Эти детали отражают влияние придворной культуры, которая формировалась в эпоху создания поэмы.

Таким образом, «Песнь о Нибелунгах» служит зеркалом эпохи, отражая феодальные структуры, рыцарские идеалы, придворную культуру, социальные трансформации и конфликты, характерные для средневековой Германии. При этом поэма не даёт прямого исторического документального свидетельства, а представляет собой художественное осмысление реальности через призму легенд и мифов [6].

Основным источником, который анализируется в 48-м томе «Византийского временника» в контексте Фридриха I Барбароссы, является эпистолярное наследие – переписка между правителями двух империй и сопутствующие дипломатические документы.

Вот их ключевые особенности как исторического источника: доминирование «Титулярного вопроса», латинские хроники глазами византинистов, документы о «Третьей силе» (Сицилия и Рим), юридическая точность договоров, специфика источниковедческого синтеза. Главная особенность документов в этом томе – фиксация дипломатической войны титулов. Источники показывают, как Фридрих I в своих письмах последовательно лишает

византийского императора титула «римский», заменяя его на «король греков». Это превращает обычную переписку в юридический инструмент оспаривания легитимности Византии.

В сборнике исследуются западные нарративные источники (например, «История похода императора Фридриха» Ансберта), но с особым подходом. Их анализируют не просто как описание похода, а как свидетельство византийско-германских соглашений. Том позволяет увидеть детальные условия прохода войск Барбароссы через Балканы, которые часто опускаются в общих трудах, но критически важны для понимания дипломатии Исаака II Ангела [7; 8].

Таким образом, отношения Священной Римской империи и Византии при Фридрихе I Барбароссе были определены борьбой за имперский престиж, спором о легитимности власти и геополитическим соперничеством, где Италия выступала ключевым регионом. Источники позволяют увидеть не только дипломатические и военные аспекты, но и эволюцию образа императора - от исторического правителя до мифологизированного символа имперского единства.

Литература:

1. Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков [Текст]: учебное пособие для государственных университетов. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1955. 374 с.

2. Фридрих I Барбаросса в деяниях, хрониках и анналах Северной Италии / Пер. с латинского языка и коммент. Д. А. Боровкова. СПб.: Евразия, 2025. 256 с.

3. Колесницкий Н.Ф. Феодальное государство (VI–XV вв.). Москва: Просвещение, 1967. 271 с.

4. Оттон Фрейзингенский. Хроника, или история о двух царствах. Деяния императора Фридриха I. Москва: Директ-Медиа, 2009. 30 с.

5. Пуришев Б. И. Лирическая поэзия средних веков //Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов / сост. Пуришев Б.И.. Москва: Художественная литература, 1974. Т. 23. 348 с.

6. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: «Художественная литература», 1975.

7. Византийский временник / Российская академия наук, Ин-т всеобщей истории. Т. 48 / отв. ред. З. В. Удальцова. Москва: Наука, 1987. 231 с..

8. Ansbertus. Historia de expeditione Friderici imperatoris//Historia de expeditione Friderici imperatoris. Ed. A. Chroust. Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Kaisers Friedrich I. Berlin, 1928, S. 1—115.

© Давлетбаев Т.Р., 2026

УДК 94(564.4)+327

Ю.О. Порываева
студент УУНиТ, г. Уфа
научный руководитель – к. и. н., доцент Ф.Ф. Шаяхметов

U.O. Poryvaeva
student. UUST, Ufa
scientific supervisor – c. of h. s., associate professor F.F. Shaiakhmetov

ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, НА СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

THE IMPACT OF DECISIONS MADE AFTER WORLD WAR I ON CONTEMPORARY CONFLICT IN THE MIDDLE EAST

Аннотация: Статья посвящена анализу влияния решений держав-победительниц и Лиги Наций, принятых после Первой мировой войны, на формирование современных конфликтов на Ближнем Востоке. В работе рассматриваются механизмы послевоенного переустройства региона, включая реализацию положений Сайкса-Пико и деятельность Лиги Наций. Делается вывод о том, что современные конфликты на Ближнем Востоке имеют глубокие исторические корни, уходящие в послевоенное переустройство региона.

Abstract: This article analyzes the impact of decisions made after World War I on the emergence of modern conflicts in the Middle East. The paper examines the mechanisms of the region's postwar restructuring, including the implementation of the Sykes-Picot Agreement and the activities of the League of Nations. It concludes that modern conflicts in the Middle East have deep historical roots dating back to the region's postwar restructuring.

Ключевые слова: Ближний Восток, Первая мировая война, мандатная система, Лига Наций, Соглашение Сайкса-Пико, государственные границы, этноконфессиональные конфликты.

Keywords: Middle East, World War I, mandate system, League of Nations, Sykes-Picot Agreement, national borders, ethno-religious conflicts.

Первая четверть XX в. стала переломным этапом в истории международных отношений, определившим дальнейшее развитие многих регионов мира. Особое значение в этом контексте имеет трансформация политической карты Ближнего Востока после Первой мировой войны, в результате которой произошло крушение Османской империи и перераспределение её территорий между ведущими европейскими державами.

Послевоенное урегулирование сопровождалось реализацией ряда международных соглашений, среди которых ключевую роль сыграло Соглашение Сайкса-Пико, а также введение мандатной системы под эгидой Лига Наций. Данные решения заложили основы нового политико-территориального устройства региона, однако их реализация зачастую не учитывала этническое, религиозное и культурное многообразие Ближнего Востока.

Актуальность исследования обусловлена тем, что многие современные конфликты в таких странах, как Сирия, Ирак, а также в регионе Палестина, имеют глубокие исторические корни, уходящие в период послевоенного переустройства. Анализ этих процессов позволяет выявить причинно-

следственные связи между решениями начала XX в. и современной политической нестабильностью.

Целью данной статьи является исследование влияния послевоенных решений на формирование конфликтного потенциала Ближнего Востока.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть исторические условия распада Османской империи после Первой мировой войны; проанализировать ключевые международные соглашения и решения, определившие послевоенное устройство региона: в частности, Сайкс–Пико, решения Парижской мирной конференции, мандатную систему Лиги Наций; исследовать процесс формирования государственных границ на территории Ближнего Востока в начале XX в.; выявить влияние искусственного характера границ на этноконфессиональные противоречия; установить связь между историческими решениями и современными вооружёнными и политическими конфликтами; оценить роль внешних акторов в эскалации и поддержании нестабильности в регионе.

Источниковую и историографическую базу составили «Соглашение Сайкса-Пико (1916): текст и комментарии», а также труды А. М. Васильева, В.А. Исаева и А.О. Филоника, А.В. Кудрявцева, Д.В. Кузнецова, В.В. Наумкина и Е.М. Примакова, посвящённые истории арабских стран, международным отношениям и политическому развитию Ближнего Востока.

Уже к 1918 г. Османская империя фактически утратила контроль над арабскими территориями, что привело к образованию политического вакуума и усилению конкуренции европейских держав. Распад Османской империи не сопровождался внутренней институциональной трансформацией, а был ускорен внешним военным поражением и вмешательством великих держав. Ближний Восток после Первой мировой войны оказался объектом «перекройки политической карты извне», что предопределило длительную нестабильность региона. Одним из ключевых документов, определивших будущее Ближнего Востока, стало англо-французское соглашение 1916 г. Сайкса-Пико, закрепившее раздел арабских территорий Османской империи на зоны влияния европейских держав. Франция получала контроль над территориями будущих Сирии и Ливана, а Великобритания - над Ираком и частью Палестины. При этом границы определялись не на основе этнокультурных или исторических факторов, а исходя из стратегических интересов колониальных держав. Важно отметить, что соглашение изначально носило секретный характер и противоречило арабским обещаниям Великобритании о поддержке независимости и принципам самоопределения, позднее заявленным В. Вильсоном [8].

После окончания Первой мировой войны решения о будущем Ближнего Востока были закреплены на Парижской мирной конференции 1919 г., а затем институционализированы через систему мандатов Лиги Наций. Конференция стала площадкой столкновения двух подходов: либерального и имперского. В результате был найден компромисс в форме мандатной системы, формально предназначенной для «подготовки народов к самостоятельному управлению», но фактически представлявшей собой продолжение колониального контроля. Мандатная система юридически закрепила неравномерное развитие региона,

поскольку новые политические образования создавались под внешним управлением и без устойчивой внутренней институциональной базы [4].

Границы государств Ближнего Востока носили во многом искусственный характер. При формировании новых государств игнорировались традиционные формы социальной организации, включая племенные союзы, религиозные общины и локальные идентичности. Примером может служить создание Ирака, в состав которого были включены три бывшие османские провинции: Басра, Багдад и Мосул, существенно различавшиеся по этническому и конфессиональному составу. Это привело к объединению в рамках одного государства: шиитского большинства на юге, суннитского населения в центре, курдов на севере. Ближний Восток характеризуется высокой степенью этнического и религиозного разнообразия. В регионе проживают арабы, курды, турки, персы и другие народы, а также представители различных религиозных направлений – сунниты, шииты, христиане, друзы и др.

После Первой мировой войны эта сложная структура не была учтена при создании новых государств [4]. Бывшие ближневосточные провинции прекратившей свое существование Османской империи были переданы под мандатное управление «великих держав»: Великобритании – Ирак, Трансиордания и Палестина, Франции – Сирия и Ливан [2, с. 191].

В результате многие страны оказались внутренне неоднородными, что усиливало конфликтный потенциал. Одним из наиболее ярких примеров последствий послевоенного раздела региона является так называемый «курдский вопрос». Курды – один из крупнейших народов мира, не имеющий собственного национального государства. После распада Османской империи предполагалась возможность создания курдского государства, что было отражено в Севрском договоре 1920 г., но последующие политические изменения, включая Лозаннский договор 1923 г., привели к отказу от этой идеи. В результате курдские территории оказались разделены между несколькими государствами: Турцией, Ираком, Сирией, Ираном [9, с.120].

Построение политической карты Ближнего Востока сопровождалось установлением мандатного управления со стороны Великобритании и Франции. Эти державы не только определяли границы новых государств, но и активно участвовали в формировании их политических систем. Колониальная политика европейских держав строилась на принципе контроля через местные элиты и управляемую политическую систему. Это проявлялось в поддержке лояльных правящих групп, ограничении политической самостоятельности, формировании зависимых административных структур. Формирование политической карты Ближнего Востока после Первой мировой войны носило искусственный и внешне обусловленный характер. Границы государств были проведены без учета этноконфессиональной структуры региона, что привело к созданию внутренне неоднородных и нестабильных политических образований [5, с. 65].

Новые государства формировались в условиях внешнего давления и без наличия устойчивых политических традиций, что существенно затрудняло их развитие. Мандатная система не способствовала формированию самостоятельных и эффективных государственных структур. Политические институты, созданные в

период британского и французского управления, носили зависимый характер и не отражали реальные социальные процессы в регионе [3].

В условиях слабых институтов и высокой внутренней фрагментации во многих странах Ближнего Востока утвердились авторитарные формы правления. Они рассматривались как способ удержания территориальной целостности и подавления конфликтов. Авторитаризм в странах региона во многом стал следствием искусственного государственного строительства, при котором власть концентрировалась в руках узких элит, часто опирающихся на армию или силовые структуры. Границы государств не учитывали сложную структуру населения, что привело к сосуществованию различных групп в рамках единых политических систем. В таких условиях борьба за власть приобретала этноконфессиональный характер, поскольку доступ к политическим ресурсам часто зависел от принадлежности к той или иной группе. Современные кризисы на Ближнем Востоке во многом являются продолжением процессов, начавшихся после Первой мировой войны [3].

В Сирии и Ираке внутренние противоречия, связанные с этноконфессиональной структурой общества, привели к масштабным конфликтам. Распад государственных институтов в этих странах продемонстрировал уязвимость политических систем, сформированных в XX в. Границы, установленные в период мандатной системы, во многом совпадают с линиями современных конфликтов, что свидетельствует о долговременном влиянии исторических решений. Одним из наиболее длительных и сложных конфликтов региона является противостояние между израильтянами и палестинцами. Его истоки напрямую связаны с британским мандатом в Палестине и политическими решениями начала XX в. Отсутствие чёткого и справедливого решения палестинского вопроса в период мандатного управления стало причиной для затяжного конфликта, продолжающегося до настоящего времени [4].

Одним из распространённых подходов в изучении проблем Ближнего Востока является концепция «искусственных границ», согласно которой нестабильность региона обусловлена решениями европейских держав после Первой мировой войны. В российской историографии данная точка зрения получила широкое распространение. Границы, которые сформировались в результате соглашений начала XX в., не отражали реальную структуру общества и во многом способствовали формированию конфликтного потенциала. Ряд исследователей пишут, что значение данного соглашения часто переоценивается. Подчёркивается, что окончательное формирование границ происходило позже - в рамках мандатной системы и последующих международных договоров. Сайкса -Пико следует рассматривать не как окончательный план раздела региона, а как один из этапов формирования ближневосточной политической карты [7].

В современной историографии ведётся активная дискуссия о том, какие факторы играют решающую роль в возникновении конфликтов на Ближнем Востоке – внешние (колониальное наследие) или внутренние (социально-политическое развитие самих государств). Самым продуктивным является

комплексный подход, который может учитывать как историческое наследие, так и современные политические процессы [5].

В последние десятилетия в научной литературе наблюдается тенденция к более взвешенной оценке влияния решений после Первой мировой войны. Исследователи всё чаще рассматривают их не как единственную причину конфликтов, а как один из факторов в этой системе взаимодействий. Понимание и анализ современных конфликтов требует учёта как исторического контекста, так и динамики развития региона в XX-XXI вв. [6].

Проведённое исследование показало, что формирование политической карты Ближнего Востока после Первой мировой войны носило во многом внешне обусловленный характер. Решения европейских держав, закреплённые в системе мандатов, привели к созданию государственных образований, границы которых не учитывали сложную этноконфессиональную структуру региона. Внутренняя неоднородность государств усиливала конфликтный потенциал и способствовала формированию авторитарных режимов как механизма удержания контроля [6].

Анализ также показал, что современные конфликты на Ближнем Востоке во многом связаны с решениями начала XX в., однако их причины не исчерпываются исключительно колониальным наследием. Существенную роль играют внутренние процессы развития государств, а также трансформации политических систем в XX-XXI вв. Таким образом, понимание современных конфликтов на Ближнем Востоке требует учёта как исторических предпосылок, сформировавшихся после Первой мировой войны, так и последующих трансформаций в XX-XXI вв. Перспективы дальнейших исследований связаны с более глубоким анализом взаимодействия внешних и внутренних факторов, а также с изучением механизмов формирования устойчивых политических институтов в условиях высокой социальной и культурной неоднородности.

Литература:

1. Васильев А.М. История Саудовской Аравии. М.: Восточная литература, 2010. 720 с.

2. История России: учебное пособие для студентов неисторических специальностей и направлений подготовки / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 315 с.

3. Кузнецов Д.В. История международных отношений XX века. М.: Юрайт, 2013. № 4. 479 с.

4. Кудрявцев А.В. История арабских стран. М.: Высшая школа, 2012. 352 с.

5. Наумкин В.В. Ближний Восток в мировой политике и культуре. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. 376 с.

6. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами: вторая половина XX – начало XXI века. М.: Российская газета, 2006. 384 с.

7. Примаков Е.М. Россия и мусульманский мир. М.: Наука, 2009. 415 с.

8. Соглашение Сайкса–Пико (1916): текст и комментарии / пер. и публ. Ин-та всеобщей истории РАН. М., 2016. 96 с.

9. Филоник А.О., Исаев В.А. Сирия: политическая эволюция и потенциальные угрозы // Ближний Восток и современность. М.: Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2007. Вып. 31. С. 165-192.
© Порываева Ю.О., 2026

УДК 94(470)"1941/1945

С.Р. Тимербулатов
студент УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – ассистент И.Д. Васютин

S.R. Timerbulatov
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – assistant I.D. Vasyutin

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТЕЛЕГРАММ К.А. УМАНСКОГО И Л. ШТЕЙНГАРДТА)

SOVIET-AMERICAN RELATIONS DURING THE EARLY PHASE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE DIPLOMATIC TELEGRAMS OF K. A. UMANSKY AND L. STEINHARDT)

Аннотация: Статья посвящена анализу советско-американских отношений в начальный период Великой Отечественной войны в условиях формирования антигитлеровской коалиции на основе дипломатических телеграмм Константина Уманского и Лоренса Штейнгардта. Рассматривается динамика взаимодействия сторон, их позиции и процесс формирования сотрудничества в условиях войны. Особое внимание уделяется вопросам оказания помощи СССР и становлению антигитлеровской коалиции.

Abstract: This article analyzes Soviet-American relations during the initial period of the Great Patriotic War during the formation of the anti-Hitler coalition, based on diplomatic telegrams from Konstantin Umansky and Lawrence Steinhardt. It examines the dynamics of interaction between the parties, their positions, and the process of developing cooperation during the war. Particular attention is paid to issues of providing assistance to the USSR and the formation of the anti-Hitler coalition..

Ключевые слова: советско-американские отношения, Великая Отечественная война, ленд-лиз, К.А. Уманский, Л. Штейнгардт.

Keywords: Soviet-American relations, the Great Patriotic War, Lend-Lease, K.A. Umansky, L. Steinhardt.

Вторжение гитлеровской Германии на территорию СССР ранним утром 22 июня 1941 г. стало переломным этапом не только во внутриполитическом курсе страны, но и в отношениях Советского Союза с другими государствами. Прежние страны, проводившие политику умиротворения агрессора, выразили желание оказывать посильную помощь Советской России. Президент США Ф. Рузвельт выступил с речью, где заявил о поддержке СССР со стороны Соединенных Штатов. Америка долгое время находилась на распутье, правительственные круги знали о целях, которые преследует нацистский режим Гитлера, но ничего не

делали, чтобы предотвратить развязывание крупномасштабной войны. Имели место и политики, которые хотели бы видеть, как СССР и нацистская Германия уничтожают друг друга, ослабевая и оставляя последнее слово за США [4, с. 226-227]. Нападение Гитлера на Советский союз стало одним из тех самых поворотных моментов в умах американских политический деятелей, когда стал возникать вопрос: кто станет следующей жертвой экспансионистской политики Третьего Рейха, в случае поражения СССР?

Однако все еще в мышлении кругов, определяющих внешнюю политику США сохранялась инерция предвоенного времени, которая, по мнению отечественного дипломата А.А. Громыко влияла на процесс оформления сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции и в ходе войны [2, с. 94-95]. В настоящей статье будет рассмотрено как развивались отношения между СССР и США от двухстороннего недоверия сторон до полномасштабного сотрудничества в рамках программы kенд-лиз, через изменение настроений администраций двух стран, прошедших путь от идеологической конфронтации до понимания о важности сотрудничества с целью разгромить общего врага. В данном контексте наиболее интересными и ценными представляются телеграммы посла СССР в США К. Уманского и посла США в СССР Л. Штейнгардта, как официальных представителей своих стран.

В отечественной историографии советско-американские отношения периода начала Великой Отечественной войны исследованы достаточно подробно, прежде всего, в контексте формирования антигитлеровской коалиции и становления системы союзнической помощи СССР. Важную роль в понимании сути советско-американских отношений играют мемуары дипломата А.А. Громыко, который передает в своей работе настроения, витавшие в американских кругах в начальный период Великой Отечественной войны [2]. Отдельное направление составляют публикации источников, в частности сборник документов Министерства иностранных дел СССР под редакцией Е.П. Гусарова [3]. Исследование советско-американских отношений начала 1940-х гг. заметно углубилось благодаря работам В.О. Печатнова, где советско-американское взаимодействие рассматривается в широком политико-дипломатическом контексте с привлечением значительного круга источников, включая американские архивные материалы, что позволяет проследить эволюцию позиций сторон [5]. Историк Ф.Ф. Шаяхметов рассматривал предпосылки складывания союза [6]. И.В. Быстрова анализирует личностные контакты между тремя основными государствами, участниц антигитлеровской коалиции: США, СССР, Великобритании и их влияние на характер союзнических отношений, используя при этом материалы из личных фондов Сталина, Молотова, Майского (посла СССР в Великобритании) [1].

В данной статье привлечены источники из зарубежных ресурсов. Среди них важнейшее место занимают публикации официальных документальных источников, прежде всего, серия Международные отношения Соединенных Штатов (Foreign Relations of the United States, FRUS), издаваемая Государственным департаментом США. Данный ресурс представляет собой систематическое собрание рассекреченных дипломатических документов,

включая телеграммы, служебные записки, отчёты о переговорах и переписку американских государственных деятелей. Материалы FRUS позволяют реконструировать позицию американской стороны по ключевым вопросам советско-американских отношений в начальный период Великой Отечественной войны, проследить процесс выработки решений в Вашингтоне и выявить особенности дипломатического взаимодействия с СССР, как на государственном, так и на личностном уровнях [7-16]. Однако следует отметить, что при высокой степени изученности общих политических и экономических аспектов советско-американских отношений, роль конкретных дипломатических представителей К. А. Уманского и Л. Штейнгардта, а также анализ их деятельности через дипломатические телеграммы разработаны в отечественной историографии недостаточно полно, что определяет актуальность настоящей статьи.

В телеграмме от 22 июня в НКИД Уманский проанализировал политические настроения США и указал о наличии двух групп: первая группа была против любой помощи СССР, с которой Рузвельт боролся, но и не мог не считаться, вторая была настроена благоприятно и взяла линию на включение СССР в ленд-лиз. Уманский считал, что Рузвельт займет компромиссную позицию и в связи с этим просит конкретные требования по снабжению по всем видам ресурсов: от авиации до сырья [3, с. 11-13]. Таким образом, советским внешнеполитическим ведомством был взят курс на получение материальной поддержки от США, с учетом их внутриполитических реалий, о чем было сказано, что показательно, уже в первый день войны. Чтобы добиваться наиболее благоприятных условий, послу было поручено узнать отношение американского правительства к этой войне и к СССР. Уже 26 июня Уманский заявил, что США будет оказывать помощь СССР и выразил мнение о как можно скорейшем и точнейшем заявлении о своих нуждах, обусловив это предстоящей большой работой по координации этих самых нужд [3, с. 40]. Позднее, в июле после разговора с Г. Гопкинсом Уманский заверил Кремль, что дела о заказах советского правительства в надежных руках честного антифашиста, который будет делать, все чтобы СССР получил свою поддержку. Впоследствии такая характеристика Гопкинса повлияла на его прием в Москве в конце того же месяца [3, с. 148-149].

У внешнеполитического представительства США в СССР были и иные задачи, помимо налаживания сотрудничества – обеспечить безопасность посольства и понять настроения в охваченной войной стране. 23 июня Штейнгардт сообщил, что посольство было эвакуировано на специально приготовленную для этого дачу и проинформировал Вашингтон о ситуации на фронте в первые часы войны [7]. Штейнгардт опасался аварийного отъезда правительства из столицы без предупреждения дипломатического корпуса и рассматривал вариант о неизбежности падения Москвы, как возможный [8]. Такая насторожённость и подверженность влиянию иностранных дипломатических миссий являлось одной из черт свойственной Штейнгардту и вносила свою лепту, тормозя процесс переговоров. [3, с. 337]. Вообще до успешной контратаки под Москвой американские политики были не уверенны, что Советский Союз выстоит в борьбе с Гитлером, такие настроения были

присущи большинству граждан США и этим, в том числе, правительство обуславливало большие сроки по включению СССР в программу ленд-лиз [2, с. 114-115]. 3 июля американский посол заверил госдепартамент в желании граждан и правительства России биться до победного конца, отдельно отметив эмоциональность речи Сталина [9]. Это заявление Штейнгардта произвело большое впечатление на Белый дом и во многом послужило базой на которой основывался переход от шокового состояния к сотрудничеству [2, с. 97-98].

Американское руководство подходило осторожно к вопросу о материальной помощи СССР. Одной из главных проблем была плохая информированность Белого дома о ситуации на советско-американском фронте, о чем они заявляли Уманскому и напрямую говорили, что уровень осведомлённости может повлиять на решение тех или иных деловых вопросов [3, с. 105], но несмотря на это Штейнгардт все равно считал, что Красная Армия способна оказать сопротивление немецкой военной машине, а так как СССР не давал иностранным специалистам конкретных отчетов по ситуации на фронте, позиция Штейнгардта была одной из ключевых в данном вопросе [11]. Однако уже ко второй половине июля генерал Голиков был направлен в США для переговоров о поставках, а Гопкинс сначала полетел в Великобританию с целью уведомить Лондон, о сокращении поставок в пользу Советского Союза [3, с. 160]. Впоследствии для обсуждения этих поставок Гопкинс прибыл в Москву. Уманский ценил Гопкинса и практически в каждой телеграмме хорошо отзывался об этом политике и был рад, что именно он занимается вопросом о поставках, он видел в нем тот канал, который способен обеспечить помощь Советскому Союзу.

Из телеграмм Штейнгардта, становится известно, что именно этот визит стал переломным моментом. Так, в донесении от 1 августа 1941 г. Штейнгардт отмечал, что миссия Гопкинса произвела крайне благоприятное впечатление на советское руководство и способствовала росту доверия к США. В его телеграммах подчёркивалось, что переговоры приобретают всё более конкретный характер и переходят от общих деклараций к обсуждению практических вопросов поставок и экономической помощи [10]. Уже к середине августа Штейнгардт отмечает особую сердечность Сталина в диалоге с ним и передает в Вашингтон мнение, что отношение высшей партийной номенклатуры к Соединенным Штатам все больше приобретает союзнические и дружественные черты [12]. Однако напряженность еще сохраняется, о чем можно судить по телеграммам Уманского того-же периода. Камнем преткновения явился вопрос о недостаточности поставок материальной помощи [3, с. 243].

Одним из наиболее важнейших этапов в развитии советско-американских отношений стала Московская конференция представителей СССР, США и Великобритании, состоявшаяся в конце сентября-начале октября 1941 г. Её проведение было обусловлено необходимостью перехода от обсуждения вопросов помощи к выработке конкретных механизмов её реализации на фоне усиливающегося давления со стороны Советского Союза, заинтересованного в увеличении объёмов поставок [3, с. 286-287]. Однако на этой конференции выяснилось недовольство Гарримана и Криппса советским послом Уманским. На конференции Сталин лично спросил у Гарримана довольны ли они главой

посольства, на что представитель США дал отрицательный ответ [3, с. 337]. Конкретно про Криппса отчитывался Штейнгардт, говоря, что он заявил протест Молотову касательно участия Уманского в процессе [13]. В дальнейшем это послужило одной из причин смены последнего на этой должности. В Кремле возникло мнение, что Рузвельту бы понравилось, если послом в США станет дипломат, получивший широкую международную известность своей работой в Лиге Наций и в связи с ней. Потому на пост посла СССР в США назначили М.М. Литвинова [2, с. 82].

Результатом конференции стало подписание Московского протокола, закрепившего обязательства союзников по регулярному снабжению Советского Союза, были определенны конкретные цифры. Гарриман выражал удовлетворенность работой Штейнгардта и в целом был доволен итогами конференции, хотя и добавил насколько тяжело будет Великобритании и США осуществлять эти поставки, тем не менее это был заметный прогресс в двусторонних отношениях между государствами [14], однако вместе с советским правительством американскому посольству пришлось покинуть Москву и переехать в Куйбышев [15]. До последнего своего дня пребывания на посту американского посла Штейнгардт верил, что Советский Союз будет биться до победного конца и одержит победу [16]. Такой энтузиазм посла оказывал влияние на Вашингтон, что впоследствии сыграло немалую роль в переговорах об открытии второго фронта.

Таким образом, дипломатические телеграммы Уманского и Штейнгардта отражают постепенную эволюцию советско-американских отношений в 1941 г. от взаимной осторожности и неопределённости к практическому сотрудничеству. Если советская сторона с самого начала стремилась добиться материальной поддержки и активно воздействовала на американскую политику, то США на первых порах занимали осторожную позицию, обусловленную недостатком информации и внутренними ограничениями, но к концу лета-началу осени перешли к системной помощи СССР. В результате к концу1941 г. были заложены основы устойчивого взаимодействия, ставшего важным элементом оформления антигитлеровской коалиции.

Литература:

1. Быстрова И.В. Поцелуй через океан: «большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. 438 с.

2. Громыко, А.А. Памятное. Кн. 1. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990. 512 с.

3. Документы внешней политики СССР. 22 июня 1941 – 1 января 1942. Т. XXIV / Министерство иностранных дел Российской Федерации. М.: Международные отношения, 2000. 632 с.

4. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.

5. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. 752 с.

6. Шаяхметов Ф.Ф. Формирование военно-политического союза СССР, Великобритании и США в начале Второй мировой войны // Вестник

Челябинского государственного университета. 2015. №24 (379). История. Вып. 66. С. 151-159.

7. Document 836: The Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt) to the Secretary of State. [Электронный ресурс]. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1941v01/d836 (дата обращения: 12.04.2026).

8. Document 843: The Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt) to the Secretary of State. [Электронный ресурс]. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1941v01/d843 (дата обращения: 12.04.2026).

9. Document 624: The Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt) to the Secretary of State. [Электронный ресурс]. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1941v01/d624 (дата обращения: 12.04.2026).

10.Document 754: The Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt) to the Secretary of State. [Электронный ресурс]. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1941v01/d754 (дата обращения: 12.04.2026).

11.Document 632: The Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt) to the Secretary of State. [Электронный ресурс]. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1941v01/d632 (дата обращения: 12.04.2026).

12.Document 764: The Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt) to the Secretary of State. [Электронный ресурс]. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1941v01/d764 (дата обращения: 12.04.2026).

13.Document 783: The Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt) to the Secretary of State. [Электронный ресурс]. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1941v01/d783 (дата обращения: 12.04.2026).

14.Document 865: The Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt) to the Secretary of State. [Электронный ресурс]. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1941v01/d865 (дата обращения: 12.04.2026).

15.Document 789: The Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt) to the Secretary of State. [Электронный ресурс]. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1941v01/d789 (дата обращения: 12.04.2026).

16.Document 653: The Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt) to the Secretary of State. [Электронный ресурс]. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1941v01/d653 (дата обращения: 12.04.2026).

© Тимербулатов С.Р., 2026

УДК 93/94

М.Ф. Уаман де Лос Эрос
студент УУНиТ, Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ф.Ф. Шаяхметов

M.F. Huaman de Los Heros
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of. h. s., associate professor F.F. Shaiakhmetov

СССР, БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК В 1920-1930-Е ГГ.: ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

THE USSR, THE NEAR AND MIDDLE EAST IN THE 1920s-1930s: THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF STATE-POLITICAL RELATIONS

Аннотация: В статье рассматриваются основные направления формирования и развития государственно-политических отношений СССР со странами Ближнего и Среднего Востока в 1920-1930-е гг. Показаны особенности советской политики в отношении Турции, Ирана и Афганистана, а также специфика взаимодействия с арабским Востоком, находившимся под мандатным и колониальным контролем.

Abstract: The article examines the main directions in the formation and development of state-political relations between the USSR and the countries of the Near and Middle East in the 1920s and 1930s. It shows the specifics of Soviet policy toward Turkey, Iran and Afghanistan, as well as the features of interaction with the Arab East, which remained under mandate and colonial control.

Ключевые слова: СССР, Ближний Восток, Средний Восток, Турция, Иран, Афганистан, международные отношения.

Keywords: USSR, Near East, Middle East, Turkey, Iran, Afghanistan, international relations.

Первая мировая война и распад Османской империи радикально изменили международно-политическую ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке. Именно в этот период в регионе начали складываться новые государственные образования, тогда как прежние формы полуколониальной зависимости стали сочетаться с мандатной системой и иными механизмами внешнего контроля. Для Советской России, а затем и СССР данный регион имел особое значение как с точки зрения безопасности южных рубежей, так и в связи с противоборством с Великобританией [6]. Важным преимуществом советской линии на Востоке стал демонстративный разрыв с дореволюционной колониальной практикой, что повышало привлекательность Москвы для национальных движений и новых правительств региона [2, т. 2, с. 323-324] [4, с. 215-216].

Одним из важнейших направлений советской политики стала Турция. После капитуляции Османской империи и попыток держав Антанты реализовать раздел страны национально-освободительную борьбу возглавил Мустафа Кемаль. В апреле 1920 г. в Анкаре был созван Великий национальный меджлис, а 16 марта 1921 г. был подписан Московский договор, заложивший основу советско-турецкого сближения. Поддержка со стороны Советской России имела

для кемалистов серьезное значение и в военно-политическом, и в дипломатическом отношении. В 1925 г. отношения были дополнительно укреплены договором о дружбе и нейтралитете, а в 1931 г. стороны подписали протокол по вопросам военно-морских сил на Черном море. В то же время внутренняя эволюция Турции определялась курсом на построение светского национального государства: в 1923 г. была провозглашена республика, в 1924 г. ликвидирован халифат, а в начале 1930-х гг. окончательно оформился курс на этатизм. Турецкая дипломатия в этих условиях проводила осторожную линию, стремясь закрепить результаты модернизации и избежать новых крупных конфликтов [2, т. 2, с. 337-339] [4, с. 204-207] [5, с. 125-126].

Не менее значимое место в советской ближневосточной политике занимал Иран. Англо-иранское соглашение 1919 г. создавало предпосылки для превращения страны в зависимое от Лондона государство, однако советская сторона выступила с иной программой: были провозглашены отказ от англо-русского соглашения 1907 г., аннулирование неравноправных договоров и готовность передать Ирану российскую собственность на его территории. Переломным моментом стал договор от 26 февраля 1921 г., после которого в Тегеране было объявлено о денонсации англо-иранского соглашения 1919 г., а британские войска и советники покинули страну. В 1925 г. к власти окончательно пришел Реза-хан, начавший курс на централизацию и модернизацию государства. В 1927 г. СССР и Иран заключили договор о гарантии и нейтралитете, закрепивший взаимные обязательства неучастия во враждебных союзах и отказа от вмешательства во внутренние дела друг друга. Дополнительное значение имело и то, что в 1928-1929 гг. в Иране была завершена ликвидация режима капитуляций, что укрепляло международно-правовые позиции государства. Однако уже в конце 1920-х - 1930-е гг. в политике шахского правительства обозначился прогерманский крен, что заметно осложнило отношения с СССР [2, т. 2, с. 336-337].

Особую роль в системе региональных связей играл Афганистан. После убийства эмира Хабибуллы в феврале 1919 г. к власти пришел Аманулла-хан, провозгласивший курс на независимость и реформы. В условиях англо-афганского конфликта Советская Россия первой объявила 27 марта 1919 г. о признании полного суверенитета и независимости Афганистана, а в 1921 г. между двумя странами был заключен договор, по которому они обязывались не вступать в соглашения, враждебные одной из сторон. В дальнейшем Москва предоставляла Кабулу материальную помощь и поддерживала его стремление укрепить международные позиции. Вместе с тем внутренняя модернизация Афганистана шла значительно труднее, чем в Турции или Иране: реформаторские замыслы Амануллы столкнулись с сопротивлением традиционного общества и в 1929 г. он был свергнут. В 1926 г. СССР и Афганистан подписали договор о нейтралитете и взаимном ненападении, а в 1930-е гг. Кабул, сохраняя общий курс на нейтралитет, стремился закрепить его и в более широких международных формах, в том числе через участие в Лиге Наций и региональных соглашениях [2, т. 2, с. 328-331] [4, с. 228-229] [5, с. 161-164].

Характерной особенностью советской политики на Ближнем и Среднем Востоке в межвоенный период было соединение антиколониальной риторики с вполне прагматическими задачами внешней безопасности. Москва стремилась создать вдоль своих южных рубежей пояс государств, заинтересованных в сохранении суверенитета и не связанных с враждебными СССР комбинациями. Именно поэтому столь большое значение придавалось договорам о дружбе, нейтралитете и ненападении, развитию торговли, транзита и иных форм официального сотрудничества. В Турции, Иране и Афганистане эта линия давала различный результат, однако в каждом из случаев советская дипломатия пыталась опереться на силы, выступавшие против прямой или косвенной зависимости от Великобритании [2, т. 2, с. 321-322] [2, т. 2, с. 328-339] [4, с. 204-229].

Не менее важным было и то, что государственно-политические отношения СССР со странами региона не ограничивались формальным дипломатическим признанием. В Турции советская помощь на раннем этапе борьбы кемалистов усиливала позиции Анкары не только во внутреннем противоборстве, но и на международных переговорах. В Иране политическое сближение сопровождалось расширением торговых связей и урегулированием вопросов, связанных с ликвидацией иностранно-правовых привилегий. В Афганистане советская поддержка была связана не только с договорной базой, но и с практической помощью в укреплении международного положения страны. Именно сочетание политико-правовых соглашений с экономическими и дипломатическими мерами придавало отношениям СССР с Турцией, Ираном и Афганистаном более устойчивый характер и переводило их из сферы революционной дипломатии в плоскость регулярного межгосударственного взаимодействия [2, т. 2, с. 45-46] [2, т. 2, с. 330-337] [1, с. 275-277] [5, с. 161-164].

Если отношения СССР с Турцией, Ираном и Афганистаном строились на межгосударственной основе, то на Арабском Востоке ситуация была иной. Ирак, Сирия, Ливан, Палестина и Трансиордания после войны оказались включены в систему мандатов и иных форм внешнего управления. В 1920-1930-е гг. здесь основной узел противоречий составляло англо-французское соперничество, а сами политические режимы во многом формировались в рамках мандатной системы. Поэтому возможности для самостоятельных государственных контактов этих территорий с Советским Союзом были заметно ограничены. В арабской части региона СССР чаще выступал как противник колониального порядка и сторонник национального самоопределения, чем как полноценный участник устойчивых двусторонних отношений [4, с. 36] [5, с. 170-172].

Даже там, где в подмандатных странах создавались местные правительства, парламенты и монархические институты, речь чаще всего шла лишь об ограниченном суверенитете. В Ираке после восстания 1920 г. Великобритания пошла на формирование зависимой монархии: в 1921 г. королем был провозглашен Фейсал, а англо-иракский договор 1922 г. закрепил зависимый характер отношений в вопросах внешней и финансовой политики. Формальное провозглашение независимости Ирака в 1932 г. не устранило британского влияния, которое продолжало опираться на договорные механизмы и союз

местной верхушки с колониальной администрацией. Во французской мандатной зоне Сирии и Ливана колониальный режим также сохранял решающее значение: после разделения Сирии на несколько образований и создания государства Великий Ливан борьба против французского контроля приняла устойчивый характер. Восстание 1926-1927 гг., созыв Учредительного собрания в Сирии, конституционные маневры 1928-1930 гг. и последующие уступки 1936 г. свидетельствовали не о полном суверенитете, а о попытках перестроить систему внешнего контроля без отказа от нее [5, с. 174-176].

Наиболее показательной в этом отношении была ситуация в Палестине. Передача Палестины под британский мандат после решений Сан-Ремо и последующее включение в мандатную систему обязательств по созданию «еврейского национального очага» превратили эту территорию в один из наиболее острых очагов напряженности на межвоенном Востоке. В 1920-е гг. арабское движение сохраняло преимущественно антисионистскую направленность, однако уже с конца 1920-х гг. и особенно в ходе восстания 1936-1939 гг. оно приобрело ярко выраженный антиколониальный характер. В этих условиях арабское направление советской политики в значительной степени определялось общей критикой мандатно-колониального устройства региона, а не развитием полноценных межгосударственных связей с местными правительствами [4, с. 36] [5, с. 179-181].

Важным итогом региональной перестройки стало заключение в 1937 г. Саадабадского пакта между Турцией, Ираном, Афганистаном и Ираком. Пакт предусматривал отказ от агрессии, неприкосновенность границ, невмешательство во внутренние дела и проведение консультаций по вопросам, затрагивавшим взаимные интересы. Он не был военным союзом, однако отражал стремление государств региона к координации действий в условиях нараставшего международного кризиса. Для СССР это соглашение имело значение как показатель того, что на Ближнем и Среднем Востоке складывалась более оформленная система межгосударственных отношений, в которой вопросы безопасности занимали все более заметное место [2, т. 2, с. 342] [2, т. 2, с. 486].

Таким образом, в 1920-1930-е гг. отношения СССР со странами Ближнего и Среднего Востока прошли путь от революционно-декларативных контактов первых послереволюционных лет к более устойчивой системе государственно-политических связей. Наиболее прочными они были с Турцией, Ираном и Афганистаном, где совпадали интересы борьбы с колониальным давлением, укрепления суверенитета и обеспечения безопасности. На Арабском Востоке, напротив, мандатный и колониальный режимы существенно сужали возможности прямого взаимодействия с СССР. Тем не менее именно в межвоенный период были заложены основы советской ближневосточной политики, в которой антиколониальная риторика сочеталась с прагматическими задачами внешней безопасности и регионального влияния.

Литература:

1. Говоров Ю. Л., Ипатенко Е. В. История стран Азии и Африки в новейшее время: курс лекций. 2-е изд., испр. и доп. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2017. 363 с.

2. История международных отношений: в трех томах: учебник / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2017. Т. II : Межвоенный период и Вторая мировая война. 496 с.

3. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

4. Новейшая история стран Азии и Африки. XX век: учебник для студентов высших учебных заведений: в 2 ч. / под ред. А.М. Родригеса. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2010. Ч. 1 : 1900-1945. 368 с.

5. Страны Азии и Африки в новейшее время (1918-1945 гг.): пособие / авт.-сост. А. Г. Устюгова. Гродно: ГрГУ, 2006. 262 с.

6. Шаяхметов Ф.Ф. Советская Россия и «поворот на Восток»: от концепции мировой революции к политике государственного прагматизма // Карим Хакимов. Прошлое становится настоящим: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (28 ноября 2024 г., Уфа) / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин, Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: Книга- принт, 2024. С. 18-25.

© Уаман М.Ф., 2026

УДК 327.54

Р.Р. Шарафутдинов
студент УУНИТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ф.Ф. Шаяхметов

R.R. Sharafutdinov
student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor F.F. Shaiakhmetov

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ПРИНЦИПОМ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И РЕАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

CONTRADICTIONS BETWEEN THE PRINCIPLE OF SELF-DETERMINATION AND THE REAL POLITICS OF GREAT POWERS IN THE MIDDLE EAST AFTER THE FIRST WORLD WAR

Аннотация: Статья анализирует противоречия между принципом самоопределения народов и практикой внешней политики ведущих европейских держав на Ближнем Востоке после Первой мировой войны. Рассматриваются особенности формирования мандатной системы и роль Великобритании и Франции в послевоенном переустройстве региона. Показано, что провозглашённые идеалы международной политики во многом уступили геополитическим интересам, что оказало долгосрочное влияние на развитие Ближнего Востока и формирование современных конфликтов.

Abstract: The article examines the contradictions between the principle of national self-determination and the foreign policy practices of leading European powers in the Middle East after the First World War. It explores the formation of the mandate system and the role of Great Britain and France in the postwar reorganization of the region. The study shows that the proclaimed ideals of international politics were largely subordinated to geopolitical interests, which has had a long-term impact on the development of the Middle East and the emergence of modern conflicts.

Ключевые слова: Ближний Восток, Первая мировая война, принцип самоопределения, Лига Наций, мандатная система, Великобритания, Франция, международные отношения
Keywords: Middle East, First World War, principle of self-determination, League of Nations, mandate system, Great Britain, France, international relations

Первая мировая война радикально изменила политическую карту мира, особенно в регионах, где распались старые империи и на их месте возникли новые государственные образования. Одним из ключевых пространств таких изменений стал Ближний Восток – территория, веками находившаяся в центре соперничества великих держав [1, с. 110-111]. После крушения Османской империи именно постосманское пространство превратилось в объект ожесточённой борьбы между странами Запада, стремившимися закрепить своё влияние в регионе [4, с. 124].

Первая мировая война привела также к формированию новых принципов мировой политики. Одним из таких принципов стало право народов на самоопределение, активно продвигаемое президентом США Вудро Вильсоном. В его интерпретации этот принцип предполагал, что народы имеют право самостоятельно определять свою политическую судьбу, включая создание независимых государств [9]. Однако практическая реализация данного принципа оказалась крайне противоречивой. Ближний Восток стал одним из ключевых примеров расхождения между провозглашёнными идеалами и реальной политикой.

Актуальность изучения определяется тем, что противоречия между принципом самоопределения народов и практикой международной политики, сформировавшиеся после Первой Мировой войны, продолжают оказывать влияние на развитие Ближнего Востока до сих пор. Многие современные конфликты в регионе во многом связаны с решениями, принятыми в период послевоенного урегулирования, когда интересы великих держав оказались приоритетнее интересов местного населения. То есть многие современные кризисы в регионе формировались в условиях, когда определяющим фактором оказались стратегические расчёты Франции и Великобритании.

Цель данной статьи заключается в анализе противоречий между заявленным принципом самоопределения и реальной внешней политики ведущих держав на Ближнем Востоке после Первой мировой войны.

Сразу стоит отметить, что Ближний Восток всегда представлял особый интерес в силу своего стратегического положения. Он находился на пересечении важнейших торговых путей, соединяющих Европу, Азию и Африку, а также приобретал всё большее значение в контексте доступа к природным ресурсам, прежде всего нефти.

Принцип самоопределения народов изначально носил сложный и противоречивый характер. В общем виде данный принцип предполагает право народов самостоятельно определять свою политическую судьбу, включая выбор формы государственного устройства и возможность создания независимого государства. Тем не менее, этот принцип не имел чёткого юридического закрепления и существовал, скорее, как концепция.

Особую роль в формировании и распространении идеи самоопределения сыграла позиция Вудро Вильсона, который рассматривал данный принцип как основу справедливого послевоенного устройства мира. В его представлении учёт интересов народов должен был способствовать снижению международной напряжённости и предотвращению новых конфликтов.

Практическая реализация принципа началась в ходе послевоенного урегулирования после Первой мировой войны, прежде всего в рамках Парижской мирной конференции. Именно здесь были предприняты попытки переустройства политической карты мира с учётом национального фактора [5, с. 87]. Выработка послевоенного урегулирования для Ближнего Востока потребовала более длительного периода переговоров и сопровождалась частыми разногласиями между союзниками. Условия урегулирования с Османской империей были окончательно согласованы на конференции в Сан-Ремо (апрель 1920 года) и включены в Севрский договор, который османское правительство неохотно подписало 10 августа 1920 г. При разработке соглашения союзные переговорщики были вынуждены учитывать новый принцип национального самоопределения – однако они применяли его лишь тогда, когда это соответствовало их собственным интересам или симпатиям [3, с. 152].

Ещё в ходе войны арабским лидерам были даны обещания поддержки в создании независимых государств в обмен на выступление против османской власти. Однако представления местных элит о будущем региона расходились с планами европейских держав. Дополнительную сложность ситуации придавало этноконфессиональное разнообразие Ближнего Востока. На одной территории сосуществовали различные национальные и конфессиональные группы, что уже создавало предпосылки для будущих конфликтов.

Одним из наиболее наглядных проявлений противоречий между принципом самоопределения и реальной политикой великих держав стала система договорённостей, сформировавшаяся ещё в ходе Первой мировой войны. Несмотря на публичные заявления о необходимости учитывать интересы народов, ведущие державы изначально выстраивали свою стратегию в регионе, исходя из логики раздела сфер влияния. Ещё в 1916 г. Великобритания и Франция заключили секретное соглашение Сайкс-Пико, которое предусматривало раздел территорий Османской империи между союзниками после войны [8]. Согласно документу, Великобритания должна была получить контроль над Ираком и Палестиной, Франция – над Сирией и Ливаном.

Одновременно с этим в публичной сфере формировалась иная позиция. Представители великих держав заявляли о поддержке права народов на самостоятельное развитие, что, например, заявлялось в Декларации Бальфура [6]. В декларации сочетались обещания содействия созданию национального очага и необходимость учитывать интересы уже проживающего населения. Такая двойственность формулировок не давала однозначного понимания будущего региона. Использование гибких и противоречивых формулировок позволяло великим державам адаптировать свою стратегию в зависимости от изменяющейся обстановки, не связывая себя жёсткими обязательствами.

Одним из основных механизмов оформления нового политического устройства на Ближнем Востоке стала мандатная система, созданная в рамках Лиги Наций. Согласно формулировке устава Лиги, мандаты «населялись народами, ещё не способными самостоятельно существовать в сложных условиях современного мира». Поэтому они должны были находиться под опекой «развитых наций», которые помогали бы им «до тех пор, пока они не смогут стоять самостоятельно». Таким образом, на мандатные державы возлагалась обязанность подготовить эти территории к самоуправлению [3, с. 154].

Мандатная система позволяла Великобритании и Франции обеспечивать свои стратегические интересы на Ближнем Востоке, одновременно формально признавая принцип самоопределения. Однако в отличие от довоенного империализма, мандатная система предполагала, что контроль со временем должен быть прекращён.

В 1920 г. была создана Постоянная мандатная комиссия Лиги Наций. В своей деятельности комиссия стремилась утвердить два принципа: сохранение юридической самостоятельности мандатных территорий и приоритет интересов местного населения. Однако здесь проявлялось главное противоречие системы: территории должны были управляться в интересах их населения, но не самим населением. Предполагалось, что местные народы «не готовы» к самоуправлению – и именно это предположение лежало в основе всей системы и вызывало наибольшие споры [6, с. 47].

Распределение мандатов на Ближнем Востоке фактически закрепило политические договорённости, достигнутые ранее между Великобританией и Францией. Великобритания установила контроль над Ираком и Палестиной, тогда как Франция получила мандаты на Сирию и Ливан. Особенностью мандатного режима стало сохранение значительной зависимости местных территорий от внешних центров принятия решений. Формируемые органы власти обладали ограниченными полномочиями, а ключевые вопросы оставались под контролем европейских администраций. Британская политика в регионе была направлена на обеспечение контроля над путями в Индию и сохранение стратегических позиций в зоне Персидского залива. Франция же стремилась укрепить своё влияние в восточной части Средиземноморья. Практически сразу стало ясно, что заявленный принцип самоопределения уступил место геополитическим интересам двух победивших держав.

Для арабских обществ установление мандатов означало сохранение фактического внешнего управления при формальной риторике о «попечительстве» и поддержке их права на развитие. Уже в 1920-е гг. Сирия, Ирак и Палестина превратились в центры активных антиколониальных движений, направленных против британского и французского присутствия. Мандатная система, задуманная как временный механизм, который должен был подготовить народы к самостоятельному государственному устройству, на деле стала источником нарастающих конфликтов и усилила недоверие к международным структурам, прежде всего к Лиге Наций.

Таким образом, послевоенное переустройство Ближнего Востока формировалось в условиях явного расхождения между нормативными

установками и практикой международной политики. Принцип самоопределения, несмотря на его активное продвижение, не приобрёл универсального характера.

Ключевые решения, определившие политическую ситуацию в регионе, принимались в логике стратегического балансирования интересов ведущих держав. Мандатная система же выступила не столько механизмом подготовки территорий к самостоятельности, сколько формой институционализации внешнего контроля [3, с. 161]. При этом она оказывала влияние не только на внешнеполитический статус территорий, но и на их внутреннее развитие: проведённые границы и созданные политические конструкции зачастую не учитывали сложную этноконфессиональную структуру региона, что предопределило будущие конфликты.

Сформировавшаяся модель управления способствовала накоплению напряжённости, проявившейся уже в первые десятилетия после войны. Их основой стало несоответствие между принципом самоопределения и реальной практикой внешней политики ведущих держав, ориентированной на стратегические и геополитические интересы. Последствия подобного подхода оказались значительно более долговременными, чем предполагалось в рамках концепции «временного» управления, и продолжают оказывать влияние на развитие Ближнего Востока до сих пор.

Литература:

1. Введение во всеобщую историю. Учебное пособие по дисциплине «История (История России, Всеобщая история)» для неисторических специальностей и направлений подготовки / отв. ред. Ф.Ф. Шаяхметов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. 188 с.

2. Шаяхметов Ф.Ф. Внешняя политика Советской России/СССР на Востоке: от политики экспорта революции к прагматизму и принципу равенства // СССР в системе международных отношений: сборник материалов Международной научно-практической конференции (2 декабря 2022 г., Уфа) / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. С. 3-15.

3. Cleveland W.L. A History of the Modern Middle East. Boulder: Westview Press, 2004. 556 p.

4. Fromkin D. A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East. New York: Henry Holt, 1989. 672 p.

5. MacMillan M. Paris 1919: Six Months That Changed the World. New York: Random House, 2002. 624 p.

6. Pedersen S. The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. Oxford: Oxford University Press, 2015. 592 p.

7. Balfour A.J. Balfour Declaration, November 2, 1917. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Balfour_Declaration (дата обращения: 01.04.2026).

8. Sykes–Picot Agreement. 16 May 1916. UNISPAL (United Nations Information System on the Question of Palestine). [Электронный ресурс]. URL:

https://unispal.un.org/pdfs/232358BACBEB7B55852571100078477C.pdf (дата обращения: 01.04.2026).

9. Wilson W. Fourteen Points Speech, January 8, 1918. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Fourteen_Points_Speech (дата обращения: 01.04.2026).

© Шарафутдинов Р.Р., 2026

Секция: «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований»

УДК 94

Н.А. Бессилин
к. и. н., доцент
Россия, Уфа, УУНиТ
М.М. Утягулов
к. и. н., доцент
Россия, Уфа, УУНиТ

N.A. Bessilin
c. of h. s., associate professor
Russia, Ufa, UUST
M.M. Utyagulov
c. of h. s., associate professor
Russia, Ufa, UUST

СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ В МЕМУАРАХ ЭРИХА ФОН МАНШТЕЙНА «УТЕРЯННЫЕ ПОБЕДЫ. ВОСПОМИНАНИЯ ФЕЛЬДМАРШАЛА»

SOVIET PARTISANS IN THE MEMOIRS OF ERICH VON MANSTEIN "LOST VICTORIES. MEMORIES OF A FIELD MARSHAL"

Аннотация: статья посвящена изображению действий советских партизан в мемуарах Эриха фон Манштейна, немецкого фельдмаршала, активного участника войны гитлеровской Германии против СССР. Отображая в своих мемуарах решающие сражения на советско-германском фронте с июня 1941 г. по март 1944 г., он описал и большое влияние на ход вооруженной борьбы советского партизанского движения, ставшего важным фактором нашей Победы. Настаивая, в духе побитых фашистских вояк, на незаконности и жестокости действий партизан, Манштейн, тем не менее, свидетельствует об агрессивной сущности войны Германии против нашей страны, о мужестве и героизме народных мстителей, о широкой социальной базе партизанского движения в Советском Союзе.

Abstract: the article explores the depiction of Soviet partisan actions in the memoirs of Erich von Manstein, a German field marshal and active participant in Nazi Germany's war against the USSR. While chronicling the decisive battles on the Soviet-German front from June 1941 to March 1944, he also describes the significant influence of the Soviet partisan movement on the course of the armed struggle, which became a key factor in our victory. While insisting, in the spirit of defeated Nazi soldiers, on the illegality of partisan actions, Manstein nonetheless testifies to the aggressive nature of Germany's war against our country, the courage and heroism of the people's avengers, and the broad social base of the partisan movement in the Soviet Union.

Ключевые слова: Эрих фон Манштейн, «Утерянные победы», Великая Отечественная война, советские партизаны, Крым, «выжженная земля», международное право, немецкая оккупация.

Key words: Erich von Manstein, "Lost Victories", the Great Patriotic War, Soviet partisans, Crimea, "scorched earth", international law, German occupation

Первые месяцы, навязанной нам немецкими фашистами, войны были особенно драматичными для Красной Армии и советского государства. К декабрю 1941 г. наши войска понесли большие потери и вынуждены были

оставить 8,7% территории страны с 73 млн. (из 190,7 млн.) человек, не успевшего эвакуироваться населения [1, т. 1, с. 509]. На этой территории СССР до войны производились более 60% металлургической продукции и значительный объем промышленных изделий (57% тракторов), а также 54% общесоюзной продукции сельского хозяйства [1, т. 1, с. 509; 6]. Оккупировав значительные территории Советского Союза, гитлеровцы столкнулись с мощным сопротивлением местного населения. Это сопротивление захватчикам осуществлялось в различных формах, в том числе в виде вооруженной борьбы – партизанского движения.

По современным данным, в партизанском и подпольном движении на территории нашей страны принимало участие до 3 млн. человек, главным образом, граждан СССР (из них с оружием в руках сражалось, примерно, половина. Другая половина, около 1,5 млн человек, в связи с нехваткой оружия, составляла резерв партизан). Однако в рядах партизан и подпольщиков были и иностранные граждане: поляки, словаки, чехов, венгры, болгары, испанцы, югославы и представители других народов [1, т. 1, с. 528].

В отечественной исторической литературе была дана высокая оценка действиям советских партизан и подпольщиков [1, т. 1, с. 528; 2, с. 6]. Их борьба с врагом являлась, по сути, «вторым фронтом», важной предпосылкой нашей победы.

Партизанское движение стало заметным военным, политическим и экономическим факторами вооруженной борьбы с сильным врагом. Например, о важном значении партизанской героической деятельности в отражении осеннего немецкого наступления на Москву писал в своих мемуарах маршал Советского Союза Г.К. Жуков, который отмечал большую роль подмосковных партизан в нападениях на немецкие войска осенью 1941 г., расположенные в тыловой зоне и готовящиеся к удару по столице, и их растянутые коммуникации [4, т. 2, с. 194, с. 224]. И в дальнейшем, по словам Георгия Константиновича, партизаны сыграли существенную роль в нашей победе и в 1942 г., оттянув с фронта около 10% сухопутных войск, и в 1943 г., под Курском. Тогда враг для борьбы с партизанами был вынужден, помимо полицейских войск СС и СД, 500 тыс. солдат других вспомогательных частей, снять с фронта 25 дивизий [4, т. 3, с. 12, с. 224].

По подсчетам современных историков, за годы войны действиями партизан и подпольщиков был нанесен существенный урон вооруженным силам противника, потери которого исчисляются одним миллионом человек [1, т. 1, с. 528]. Партизанами уничтожено более 20 тыс. эшелонов, 120 бронепоездов, 17 тыс. паровозов и 171 тыс. вагонов, 12 тыс. железнодорожных и шоссейных мостов, захвачено или приведено в негодность более 65 тыс. автомобилей [1, т. 1, с. 528].

Самоотверженность, мужество и героизм партизан разных национальностей, социального статуса, возраста и пола были отмечены государственными наградами. Всего ордена и медали получили более 300 тыс. человек, среди них звание Героя Советского Союза присвоено 249 наиболее отличившимся партизанам, двоим – С.А. Ковпаку и А.Ф. Фёдорову – дважды. Наряду со взрослыми, в советском партизанском движении участвовали дети и подростки,

тысячи из которых также получили ордена и медали. Четверо из них, Лёня Голиков, Марат Казей, Валя Котик и Зина Портнова стали Героями Советского Союза (посмертно) [1, т. 1, с. 528].

Выше представленный материал по партизанскому движению отражает, так сказать, традиционный исторический подход к его изучению и оценке. Однако, начиная со времени смерти Сталина (1953 г.), в отечественной историографии партизанского и подпольного движения произошли существенные изменения. Во-первых, заметно расширились состав и количество источников. Во-вторых, также возросло количество исследуемых историками проблем. Это особенно стало характерно для историографии периода «оттепели», времени «перестройки» и «постсоветской» России. В-третьих, часть отечественных историков стали практиковать подходы и давать партизанскому движению оценки, прямо противоположные традиционным советским и постсоветским трудам. Они, по сути, близки подходам и оценкам некоторых западных исследователей, во многом солидарных с оценками бывших гитлеровских генералов, оправдывающих террористические акции нацистов по отношению к мирному населению и партизанам [см. 8, с. 260-262; 11; 12].

В западной историографии интерес к партизанскому движению в СССР возник сразу после окончания Второй мировой войны и начала войны «холодной». Особенно это касалось западногерманской историографии. В 1953 г., в Гамбурге вышел коллективный труд отставных немецких генералов, политиков, крупных специалистов и ученых, в котором была сделана попытка обобщить немецкий опыт, накопленный во время Второй мировой войны и сделать практические выводы на будущее [7].

В этом труде статью «Партизанское движение» написал военный преступник, отставной гитлеровский генерал-полковник Лотар Рендулич, признанный военным преступником на Нюрнбергском процессе [7, с. 135-155]. В своей статье Л. Рендулич подчеркнул большую роль партизанского движения в годы Второй мировой войны, к которой Гитлер и его генералы оказались совершенно не готовы. Особенно значимой была партизанская война в России, достигшая больших масштабов [7, с. 146]. По словам немецкого генерала, партизаны оказали колоссальное влияние на немецкие войска, их снабжение и на работу тыла и системы управления оккупированными областями. И со временем, в условиях новых войн, значение партизанского сопротивления будет только возрастать. Отсюда и необходимость его тщательного изучения [7, с. 135, с. 138].

Специальное место в работе автор уделил правовым аспектам партизанской борьбы и пришел к выводу, что «борьба партизан противоречила нормам международного права… Поэтому партизаны были поставлены вне закона. Именно такую правовую ситуацию нужно брать за основу при оценке партизанской войны на любом театре военных действий» [7, с. 137]. Примерно такой же подход Л. Рендулич применяет и для описания действий партизан на оккупированных территориях Советского Союза.

Какие же стороны партизанского движения в Советском Союзе выделил Рендулич? Рендулич утверждал, что партизанская борьба целенаправленно стала частью всей войны и приняла, постепенно развиваясь, массовый характер

[7, с. 146]. Этот массовый характер партизанской борьбы стал проявляться уже «в первые месяцы войны», а с весны 1942 г. партизаны уже «представляли серьезную опасность для тыловых коммуникаций немецкой армии» [7, с. 146].

О значительном влиянии партизанского движения на ход вооруженной борьбы на советско-германском фронте в статье «Опыт войны с Россией» писал генерал-полковник Гейнц Гудериан [7, с. 126]. Он отмечал нарастающую мощь партизанских ударов. По мере того, «как война принимала затяжной характер, а бои на фронте все более упорными, партизанская война становилась настоящим бичом, сильно влияя на моральный дух фронтовых солдат» [7, с. 126]. К числу действий немецких властей, вызывающих недовольство местного населения оккупированных территорий и способствующих росту численности партизанских отрядов, Гудериан называет «жестокие и несправедливые меры», особенно насильственный угон людей на принудительные работы [7, с. 125]. О такой же «неправильной» политике «притеснения народа», которая создавала предпосылки для расширения партизанского движения, пишет и Рендулич [7, с. 149]. Более того, он особенно выделяет «сумасбродную, антинародную политику» на Украине, которую проводил гауляйтер Кох и которая привела здесь к краху всякое сотрудничество оккупантов с местным населением [7, с. 149].

Еще одной особенностью советского партизанского движения является разнообразие форм вооруженной борьбы: нападения на отдельных солдат и офицеров врага и на их мелкие подразделения, уничтожение средств связи, взрывы мостов, железных дорог и других важных объектов немцев [7, с. 125, с. 146]. Через партизан советское командование получало также и ценную разведывательную информацию [7, с. 125, с. 147]. Также Рендулич отмечал и прямое военное взаимодействие крупных партизанских соединений (до 10 тыс. чел.) с Красной Армией [7, с. 147]. Партизанские действия наносили большой экономический урон врагу, который дополнялся сокращением производства сельскохозяйственной продукции и отказом местного населения от выполнения поставок для немецкой армии в результате пропагандистских партизанских акций среди крестьян [7, с. 148].

Говоря о составе партизан, Рендулич отмечает, что «основная масса партизан состояла из добровольцев из местного населения, но были и случаи принудительной записи в партизаны» [7, с. 147]. Командный состав партизан обучался в специальных партизанских школах, который затем перебрасывался за линию фронта. Гудериан выделяет среди партизан, помимо «отчаявшихся и боявшихся трудовой повинности местных жителей, бежавших военнопленных, бойцов «диверсионных и разведывательных групп, сброшенных на парашютах [7, с. 125].

Оба немецких генерала отмечают также ожесточенность борьбы советских партизан, «которая не отмечалась ни на одном другом театре военных действий. Они не считались ни с какими правилами ведения войны и уничтожали пленных» [7, с. 126, с. 148]. Это ожесточенность, по мнению Рендулича, оправдывала репрессивные методы немцев против гражданского населения, поддерживающего партизан и должна была «обеспечить солдату более широкие полномочия и не ограничивать их» [7, с. 155].

Изображение партизанского движения в мемуарах фон Манштейна вполне соответствует тому, что мы увидели в работах Гудериана и Рендуловича, но оно дано более детально.

С ожесточенным сопротивлением партизан Манштейн столкнулся уже в Крыму, в связи с вступлением на должность командующего 11-й армией приказом ОКХ от 12 сентября 1941 г., где «с самого начала развернулось мощное партизанское движение, доставлявшее нам немало хлопот» [9, с. 265; 14, 15]. Более подробно описывая это движение, фельдмаршал отмечал лояльность большинства крымско-татарского населения к немцам, которую он связывал с продовольственной помощью немецких войск местным жителям и с уважением немцами «религиозных обычаев татар» [9, с. 265]. Он говорит и о том, что немцам «удалось даже сформировать из татар вооруженные роты самообороны, задача которых заключалась в охране своих селений от нападений, скрывавшихся в горах Яйлы партизан» [9, с. 265]. А само партизанское движение он относил к борьбе русского населения. «Из них, а также из многочисленных военнослужащих, рассеянных в первых боях частей и рекрутировались преимущественно партизаны» [9, с. 265]. Однако отдельные эпизоды взаимодействия немцев и местного населения, к которому оккупанты, якобы, относились уважительно, изображенные на страницах мемуаров, пожалуй, говорят об обратном. Например, после взятия Крыма Гитлер присвоил Манштейну звание фельдмаршала и учредил знак «Крымский щит». Манштейну посыпались поздравления и подарки. Один подарок сделал ему начальник разведотдела 11-й армии майор Генштаба Айсман, который «ночью выехал в Симферополь. Там он поднял с постели одного татарина, золотых дел мастера, дал ему свои серебряные часы и приказал к утру сделать из серебра, содержащегося в часах, одну пару маршальских жезлов на мои погоны. Когда я 2 июля появился к завтраку, жезлы с тонкой гравировкой лежали на моем месте. Это был трогательный знак привязанности, и именно поэтому он доставил мне большую радость» [9, с. 305]. Надо сказать, что в современных работах отечественных историков, посвященных партизанскому движению в Крыму, отмечается и участие в нем крымско-татарского населения [12; 13].

Сопротивление врагу в Крыму было неплохо организовано и готовилось советскими властями заранее. В труднодоступной горной местности устраивались убежища для партизан, с продовольственными запасами и боеприпасами. Базируясь на них, «они пытались блокировать немногочисленные дороги… Партизаны представляли собой серьезную угрозу. Временами движение по дорогам было возможно только с конвоем» [9, с. 266].

Помимо этого, крымские партизаны, перед выходом из Крыма советских войск, чтобы это не досталось врагу, приводили в негодность или уничтожали промышленные предприятия, мельницы, продовольственные склады [9, с. 265].

Очень большую роль в борьбе с врагом в Крыму сыграли партизаны во время высадки советских войск в Евпатории 5 января 1942 г. Одновременно с высадкой «в городе вспыхнуло восстание, в котором участвовала часть населения, а также просочившиеся, по-видимому, извне партизаны… Особенно упорное сопротивление оказывали повстанцы и партизаны, засевшие в

большом здании» [9, с. 266, с. 267]. С большим трудом и большими потерями, сняв полк с осады Севастополя и подтянув другие части, немцам удалось к 7 января отбить атаку морского десанта и подавить восстание в городе [9, с. 267].

Большую роль в партизанских отрядах Крыма играли военнослужащие Красной Армии, которые после поражений советских войск на Крымском полуострове героически пробивались к партизанам. Например, массовый героизм в заключительных боях под Севастополем проявили советские девушки и женщины: «Противник предпринимал неоднократные попытки прорваться в ночное время на восток, в надежде соединиться с партизанами в горах Яйлы. Плотной массой, ведя отдельных солдат под руки, чтобы никто не мог отстать, бросались они на наши линии. Нередко впереди всех находились женщины и девушки-комсомолки, которые тоже с оружием в руках воодушевляли бойцов» [9, с. 303].

Помимо Крыма, с активными действиями партизан Манштейн столкнулся и в районе г. Витебска, куда был в начале ноября 1942 г. переведен штаб его 11-й армии. Здесь ему, при поездке в войска, пришлось задержаться в одном из корпусов, «так как полотно железной дороги оказалось взорванным партизанами. Из-за действий партизан в этом районе, пишет Манштейн, можно было передвигаться либо в бронированных машинах, либо в специально охраняемых поездах» [9, с. 324]. 21 ноября 1942 г. приказом ОКХ штаб 11-й армии становился штабом группы армий «Дон», а Манштейн – командующим этой группой. Чуть позже, выезжая из Витебска к новому месту службы – командовать группой армий «Дон» на южном крыле советско-германского фронта, поезд Манштейна был также задержан из-за повреждения железной дороги заложенной миной [9, с. 324].

Наконец, описывая ход боев на Украине в марте 1944 г., Манштейн затрагивает и местное партизанское движение. По его мнению, в Западной Украине партизанское движение было более распространенным. Он объясняет это наличием большого количества лесов и политикой гауляйтера Коха. Сами партизаны были трех направлений: советские партизаны, боровшиеся против немцев; украинские партизаны, сражавшиеся с советскими партизанами и лояльно относившиеся к немцам, и партизаны польские, ведущие вооруженную борьбу как с немцами, так и с украинскими партизанами [9, с. 641].

Вообще же партизаны, по мысли Манштейна, как и всюду на Востоке, вели боевые действия с чрезвычайным вероломством и жестокостью. Они не уважали никаких норм международного права. Для защиты «своих войск, а также мирного населения, нам не оставалось ничего другого, как поступать с каждым пойманным партизаном по законам военного времени» [9, с. 266]. Такая лицемерная позиция, можно сказать, характерна и для Манштейна, и для всего гитлеровского генералитета. Вторгаясь на территорию других государств без объявления войны, проводя массовые репрессии против мирного населения, уничтожая миллионы военнопленных в концентрационных лагерях смерти, они требуют от противоположной стороны соблюдения международного права. О том, что ожидало советских граждан в случае победы Германии над СССР можно судить по одному сюжету в мемуарах Манштейна. Как он пишет, 1

июля 1943 г. на совещании в Восточной Пруссии командующих объединениями и командиров корпусов сухопутной армии и воздушного флота, принимающих участие в предстоящей операции «Цитадель», Гитлер заявил, что «теперь нельзя давать обещания отдельным народам Советского Союза ввиду плохого воздействия этого на наших солдат. Наши солдаты должны знать, за что они борются, а именно – за жизненное пространство для своих детей и внуков» [9, с. 531]. Такие захватнические планы фашистского вождя одобрялись и Манштейном, и, практически, всей немецкой военной верхушкой. Они не были приняты только людьми, жившими на своих исторических землях и готовыми защищать это свое право жить на родной земле всеми возможными средствами.

Литература:

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. Основные события войны. Изд. доп. и испр. М.: Кучково поле, 2015. 976 с.
2. Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М.: Политиздат, 1974. 447 с.
3. Вторая мировая война. Краткая история. М.: Наука, 1984. 593 с.
4. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 1-3. 9-е изд. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1988.
5. Иванов В.А., Щербакова В.Р. Дневник Петра Денисовича Дядюшкина – повествование о движении сопротивления на территории оккупированного Крыма в 1941-1944 гг. // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию освобождения Дона и Донбасса (г. Ростов-на Дону, 5-8 июля 2023 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2023. С. 69-77.
6. История России: учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Р.Р. Хадимуллина, Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 318 с.
7. Итоги второй мировой войны. Сборник статей. / Пер. с нем. Л.К. Комоловой. Под ред. ген.-майора И.Н. Соболева. М.: Иностранная литература, 1957. 540 с.
8. Кринко Е.Ф. Сопротивление оккупантам в годы Великой Отечественной войны: основные направления и проблемы изучения // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию освобождения Дона и Донбасса (г. Ростов-на Дону, 5-8 июля 2023 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2023. С. 257-264.
9. Манштейн, Эрих фон. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала: пер. с нем./Эрих фон Манштейн. М.: Астрель, 2012. 828 с.
10. Партизанское движение (по опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). М.: Кучково поле, 2001. 464 с.

11. Пережогин В.А. Солдаты партизанского фронта. М.: Наука, 1996. 238 с.
12. Поляков В.Е. Партизанское движение в Крыму в 1941-1944 гг. Симферополь: ИТ. «АРИАЛ», 2013. 488 с.
13. Поляков В.Е. Партизаннаме. Крымские татары в партизанском движении Крыма 1941-1944 гг. М.: Маска, 2020, 316. с.
14. Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941-1944. М.: Центрполиграф, 2014. 414 с.
15. Романько О.В., Бутовский А.Ю., Ткаченко С.Н. «Ахтунг партизанен». Антипартизанская борьба на Крымском полуострове в 1941-1944 гг. М.: Вече, 2021. 560 с.

© Бессилин Н.А., Утягулов М.М., 2026

УДК 332.1:338.24

З.М. Бикметова
к. э. н., доцент
Россия, Уфа, УУНиТ
Р.Р. Исламов
к. пед. н., доцент
Россия, Уфа, УУНиТ
А.Р. Азнабаев
ассистент
Россия, Уфа, УУНиТ

Z. M. Bikmetova
c. of econ. s., associate Professor
Russia, Ufa, UUST
R. R. Islamov
c. of ped. s., associate professor
Russia, Ufa, UUST
A. R. Aznabaev
Assistant
Russia, Ufa, UUST

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

SOCIO-ECONOMIC CHALLENGES AND MANAGEMENT MECHANISMS FOR THE DEVELOPMENT OF EURASIAN TERRITORIES

Аннотация: В статье проанализированы новые подходы к развитию российских территорий в условиях изменения хозяйственных связей и усиления евразийского направления пространственной политики. Показано, что устойчивость территориального развития зависит от согласования федеральных, региональных и местных решений, от внимания к системе расселения, транспортным связям и опорным населенным пунктам. Обоснована необходимость многомасштабного управления пространственным развитием.

Abstract: The article analyzes new approaches to the development of Russian territories under changing economic ties and the strengthening of the Eurasian vector of spatial policy. It shows that the sustainability of territorial development depends on the coordination of federal, regional and

local decisions, as well as on attention to the settlement system, transport links and anchor settlements. The paper substantiates the need for multi-scale management of spatial development.

Ключевые слова: пространственное развитие, евразийские территории, региональная политика, опорные населенные пункты, территориальная связанность, управление развитием

Keywords: spatial development, Eurasian territories, regional policy, anchor settlements, territorial connectivity, development management

Развитие евразийских территорий в последние годы оказалось в центре особого внимания российской научной и управленческой мысли. Изменение внешнеэкономических связей, перераспределение транспортных потоков, возрастание значения внутренних рынков, восточного и южного направлений сотрудничества, а также необходимость укрепления пространственной связанности страны придали территориальной политике новое содержание. Теперь речь идет не только о выравнивании различий между регионами, но и о выработке такой модели развития, при которой каждый участок страны включается в общую систему расселения, хозяйства и межрегионального обмена на правах значимого участника, а не периферийного придатка [2; 3; 5].

Отечественные исследования последних лет сходятся в том, что пространственное развитие России нельзя описывать прежними схемами, ориентированными главным образом на западные хозяйственные и транспортные связи. Поворот к евразийскому направлению требует иного взгляда на территориальные приоритеты, на роль приграничных и внутренне-континентальных регионов, на значение межрегиональных осей развития, опорных населенных пунктов и узловой инфраструктуры [2]. При этом наиболее плодотворным оказывается подход, в котором пространство понимается не как совокупность изолированных субъектов, а как единая система взаимодействующих территорий, где успех одной части страны зависит от качества связей с другими частями [1; 3].

Важным шагом в обновлении такой политики стало утверждение новой Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года [4]. Документ закрепил представление о пространственном развитии как о согласовании системы расселения, территориальной организации экономики, инфраструктурной обеспеченности и национальных целей развития. Тем самым государственная повестка сместилась от узкого понимания региональной поддержки к более сложной задаче: обеспечить связанность и жизнеспособность всей территории страны, включая малые и средние города, сельские территории, опорные поселения и крупные агломерации [4; 5].

Для евразийского измерения российской политики особенно существенно то, что новая пространственная логика требует многомасштабного управления. Недостаточно принять сильное федеральное решение, если оно не соотнесено с региональными особенностями и не поддержано на местном уровне. Так же недостаточно усилий отдельного субъекта, если его проекты не включены в более широкие межрегиональные и межотраслевые связи. Отсюда вытекает потребность в согласовании решений разных уровней власти, в сопряжении транспортного, промышленного, демографического и социального

планирования, в постоянной оценке того, как территориальные меры отражаются на реальном качестве жизни населения [1; 3; 6].

Особое место в новых условиях занимают населенные пункты. Их значение связано не только с концентрацией населения и услуг, но и со способностью удерживать вокруг себя более широкое пространство: обеспечивать доступ к образованию и здравоохранению, быть местом приложения труда, связывать транспортные маршруты, поддерживать культурную и общественную жизнь. Если такие пункты ослаблены, вокруг них быстро нарастает разрыв между центром и периферией. Если же они укрепляются разумной и последовательной политикой, то становятся точками устойчивости всей территориальной системы. В этом смысле опорный пункт следует рассматривать не как административную категорию, а как узел пространственной жизни [1; 5].

Наряду с этим становится очевидным, что развитие евразийских территорий не может строиться только на хозяйственном расчете. Пространство удерживается и социальными связями: доступностью образования, качеством городской среды, возможностью культурной самореализации, сохранением местной памяти, ощущением справедливой включенности в общенациональное движение. Поэтому управленческие механизмы должны сочетать экономическую целесообразность с заботой о социальной устойчивости. Там, где территория воспринимается людьми как место жизни и будущего, а не как временная площадка извлечения ресурса, возрастает и ее способность к развитию.

Следовательно, современная политика развития евразийских территорий требует отказа от односторонних решений. Нужны согласованная работа федерального центра, субъектов Федерации и муниципалитетов, учет различных масштабов расселения, укрепление транспортной и социальной связанности, поддержка опорных населенных пунктов и внимательное отношение к особенностям каждого макрорегиона. Российская научная литература и новые документы стратегического планирования убеждают в том, что именно такой путь позволяет ответить на социально-экономические вызовы времени и сделать пространственное развитие не набором разрозненных мер, а целостной линией государственного действия [2; 4; 6].

Литература:

1. Антонюк В.С., Сигатова Н.А., Вансович Э.Р. Стратегия пространственного развития России: адаптационный подход и приоритизация задач // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 12 (494). С. 19-28. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-19-28.

2. Безруков Л.А., Дружинин А.Г., Кузнецова О.В., Шупер В.А. Пространственное развитие России в контексте формирования Большой Евразии: факторы, векторы, приоритеты // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 2. С. 18-40. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-2-2.

3. Кузнецова О.В., Дружинин А.Г. К новой стратегии пространственного развития России // Проблемы прогнозирования. 2024. № 4 (205). С. 36-45. DOI: 10.47711/0868-6351-205-36-45.

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/ (дата обращения: 12.04. 2026).

5. Решетников М.Г. Новая стратегия пространственного развития России: основные задачи и приоритеты // Проблемы прогнозирования. 2025. № 4 (211). С. 6-10. DOI: 10.47711/0868-6351-211-6-10.

6. Каранатова Л.Г., Елсуков М.Ю., Шалимов М.Б. Стратегия пространственного развития России: цели, тенденции и противоречия // Управленческое консультирование. 2025. № 3. С. 59–71. EDN YMDYWA

© Бикметова З.М., Исламов Р.Р., Азнабаев А.Р., 2026

УДК 94(47).084.8

И.Д. Васютин
аспирант УУНиТ г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Н. Рахимов

I.D. Vasyutin
Graduate student UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., Associate Professor R.N. Rakhimov

ПОЛИТИКА МИНИСТЕРСТВА ВОСТОЧНЫХ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ НА СОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ В ДОКУМЕНТАХ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

POLITICS OF THE MINISTRY OF EAST-OCCUPIED TERRITORIES IN SOVIET UKRAINE IN THE NUREMBERG TRIAL DOCUMENTS

Аннотация. В данной статье рассмотрены документы Нюрнбергского процесса, раскрывающие политику Министерства восточных оккупированных территорий на Советской Украине. Проанализированы документы, в которых отражены векторы планирования нацистской оккупационной политики. Показан взгляд А. Розенберга, будущего министра восточных оккупированных территорий на колонизацию Украины. Исследованы меморандумы, письма нацистских иерархов, в которых отражена политика министерства Розенберга в период оккупации.

Abstract. This article examines the documentation presented during the Nuremberg Trials, which reveals the policies of the Ministry of Eastern Occupied Territories in Soviet Ukraine. It analyzes domestic and foreign historiography, where authors have studied the occupation policies in Soviet Ukraine based on the materials of the Nuremberg Trials. The article examines documents that reflect the planning of Nazi occupation policies in Soviet Ukraine. It also analyzes the views of Alfred Rosenberg, the future Minister of Eastern Occupied Territories, on the colonization of Ukraine. Memoranda and letters from Nazi hierarchs have been studied, reflecting the policy of the Rosenberg Ministry in Soviet Ukraine during the occupation.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, нацистский оккупационный режим, Альфред Розенберг, министерство оккупированных восточных территорий, национал-социализм, Советская Украина.

Keywords: The Nuremberg Trials, the Nazi occupation regime, Alfred Rosenberg, the Ministry of the Occupied Eastern Territories, National Socialism, and Soviet Ukraine

В ходе Нюрнбергского процесса против отдельных лиц были выдвинуты обвинения в преступлениях против мира, военных преступлениях, преступлениях против человечности. Любое обвинение в суде, строится на основании обвинительного материала. В случае Международного военного трибунала (далее – МВТ (IMT)), речь идет о колоссальном количестве делопроизводственных документов, которые раскрывают преступления нацистов на оккупированных территориях. При обращении к истории оккупационного режима нацистской Германии на территории Советской Украины, нельзя обойти стороной документы связанные с деятельностью Министерства восточных оккупированных территорий на Советской Украине. Историк И.И. Баринов отмечает: «Хотя оккупация этой советской республики и является частным случаем нацистской оккупации, длительная традиция интереса немецких элит к украинским землям, а также нахождение УССР на стыке политических и экономических интересов нацистов усиливают важность предмета рассмотрения» [1, с. 4].

В начале июня 1941 г., на совещании офицеров армии и Абвера в Берлине были определены роли ключевых ведомств Германии в предстоящей военной компании против СССР. Майор военной разведки Иоганн Шмидт фон Альтеншдадт в своем докладе определил сферы компетенции четырех центральных звеньев немецкой оккупационной политики. Вермахт должен был сломить военное сопротивление противника. Г. Гиммлер и его подчиненные из СС отвечали за политико-полицейскую борьбу, как против партизан, так и гражданских лиц. Ведомство Г. Геринга задействовалось в экономической эксплуатации оккупированных территорий. Перед А. Розенбергом и его подчиненными была поставлена задача политической реорганизации оккупированных территорий в Рейсхкомиссариаты.

Среди всех идеологов Третьего Рейха Розенберг был сторонником иного, более «умеренного» подхода к реализации оккупационного режима на Украине [6]. Начало деятельности министерства отсчитывается с указа А. Гитлера «О гражданском управлении в оккупированных восточных областях» от 17 июля 1941 г. Министерство восточных оккупированных территорий возглавил Розенберг, ему, согласно указу, вменялись обязанности определения прав для рейскхомиссариатов.

В отечественной и зарубежной историографии документы МВТ являются одним из основных источников, по изучению нацистского оккупационного режима на территории советских республик. Среди отечественных исследований стоит выделить диссертацию Баринова, которая посвящена оккупационной политике нацистов на Украине. В своей работе автор обращался к документам МВТ, чтобы раскрыть особенности экономической и политической эксплуатации Украины [1]. А.Р. Дюков в своей статье не только впервые опубликовал переведенные на русский язык инструкции Розенберга, об управлении будущими оккупированными территориями, но и проанализировал его взгляд на обращение с украинцами [2]. В зарубежной историографии следует выделить нидерландского историка К. Беркхофа. В своем исследовании,

Берхоф обращался к документам МВТ, чтобы проанализировать комплекс различных мероприятий, проводимых министерством Розенберга на Украине. [8]. Британский историк А. Кей обращался к документам МВТ, чтобы показать основные механизмы формирования оккупационного аппарата. [3]

Большое количество документов было представлено в ходе допроса Розенберга 15–17 апреля 1946 г. Среди них есть как документы, связанные с планированием будущей политики оккупации на Советской Украине, так и документы непосредственно связанные с деятельностью министерства. Важно осветить и документы, которые показывают предпосылки формирования оккупационной политики министерства Розенберга.

В стенограмме допроса А. Розенберга обвинением упоминается его встреча с Гитлером от 2 апреля 1941 г. На ней фюрер назначил Розенберга министром будущих восточных оккупированных территорий [9, p. 476]. В ходе допроса Розенберг упомянул и о деталях встречи, что в ходе разговора с Гитлером, последний настаивал на том, что война между СССР и Германией неизбежна. Вспоминая о встрече Розенберг пытался оправдаться, ссылаясь на то, что он воспринял назначение без энтузиазма, как обычное повышение по службе. Однако на МВТ был представлен важный источник личного происхождения – дневник Розенберга. В дневнике он подводил итог своему назначению следующими словами: «Итак, 20 лет антибольшевистской работы должны принести политические плоды, если угодно войти в мировую историю…» [4, с.292].

Видно, что Розенберг воспринял назначение, как долгожданный триумф, как возможность реализовать все свои планы на практике. В ходе встречи он говорил Гитлеру о борьбе Украины с Москвой, о видении будущей оккупации. Гитлер пообещал финансирование для дальнейшего планирования восточной оккупации.

В архивах Розенберга был найден неподписанный меморандум, датируемый 2 апреля 1941 г., посвященный целям и методам будущей немецкой оккупации Советского Союза. [11, p. 547]. Меморандум с одной стороны содержит характерные для Розенберга идеи о необходимости поощрять украинский национализм в ходе оккупации. С другой стороны, в отдельных строках видно, что Розенберг параллельно следовал одной из целей нацистской оккупационной политики, а именно создания из Украины сырьевой базы для Германии. Розенберг отмечал, что при планировании нужно учесть: «К той территории, которая в СССР рассматривается как чисто украинская, следовало бы прирезать краевые районы из состава коренного русского пространства. Как упомянуто выше, это послужило бы ослаблению Великороссии и в то же время созданию политического противовеса ей. Перевести в состав Украины можно было бы часть территории нынешних Курской и Воронежской областей» [11, p. 551].

И в дальнейшем Розенберг в своих меморандумах будет пытаться следовать типичному нацистскому взгляду на экономическую эксплуатацию Украины, так и идею придания это советской республике особого статуса.

В ходе допроса был также представлено приложение к меморандуму № 2 от 7 апреля 1941 г. о предложении формирования личных составов будущих рейскормиссариатов, где Розенберг отрекомендовал в качестве рейскхомиссара

Центральной России гауйлятера Восточной Пруссии Э. Коха [9, p. 550–551]. Для понимания будущей оккупационной политики нацистов представляют интерес соображения Розенберга о реорганизации советских территорий. Он писал, что оккупация Ленинграда, Москвы должна отличаться от Украины, поэтому необходимо назначить «абсолютно беспощадного человека в отношении военных представлений». Таким человеком считался Кох, который станет рейхскомиссаром, он будет отличаться жестокостью, за что его прозвали «коричневый царь».

Советский прокурор Р.А. Руденко в ходе допроса Розенберга, чтобы доказать агрессивные цели войны Германии против СССР, представил Меморандум Экономического штаба «Ост» от 2 мая 1941 г., который был составлен в результате совещания статс-секретарей министерств и ведомств в Берлине. В стенограмме допроса цитируются следующие строки меморандума:

«1. Война может продолжаться в случае, если все вооруженные силы на третьем году войны будут снабжаться продовольствием из России.

2. Нет никакого сомнения в том, что в результате многомиллионное население погибнет голодной смертью, если мы возьмем от страны то, что нам необходимо» [9, p. 570].

Этот меморандум отражал экономические цели войны Германии против СССР в рамках плана «Барбаросса». Розенберг знал о деталях этой встречи. Это подтверждает следующий документ – Общие инструкции для всех рейхскомиссаров на оккупированных восточных территориях от 8 мая 1941 г. Следуя политическим идеям Гитлера об уничтожении «угрозы на Востоке», Розенберг предписывал создание независимого, союзного Германии украинского государства. В конце Розенберг подчёркивал, что грядущая война против СССР – это борьба Германии за продовольствие и сырье [9, p. 572].

В ходе процесса упоминались выдержки речи Розенберга о политических целях Германии в предстоящей войне против Советского Союза от 20 июня 1941 г. [11, p. 610–627]. Важно, что суду были представлены отрывки, в которых отражались идеи экономической эксплуатации советских республик, в частности Украины. Если обратиться к полной версии выступления Розенберга, то можно проследить идею, которую он выстраивал на протяжении всей своей политической деятельности, о противостоянии русских и украинцев. Говоря об истории украинского народа, он подчеркивал, что они «вели борьбу против евреев и московитов». Когда Розенберг стал министром восточных оккупированных территорий, он отстаивал идею придания украинцам квазинезависимого государства, вместо аннексии Советской Украины в пользу Рейха.

В ходе заседания Розенберг пытался отмежеваться от расправ над евреями в рейскхомиссариате Остланд. Когда его спрашивали об уничтожении евреев Минска он вспомнил, как получал сведения массовых убийствах евреев Киева в 1941 г., но до последнего верил, что это «военные происшествия». То есть Розенберг не отрицал в ходе допроса уничтожение евреев на вверенных ему территориях, а лишь предавал другой статус происходящему заведомо лживый [9, p. 502]. Не отрицал он и депортации евреев.

На процессе была представлена протокольная запись совещания Гитлера с руководителями нацистского Рейха о целях войны против СССР от 16.07.1941 г. Этот документ чрезвычайно важен, так как подчеркивает заведомо агрессивные, экспансионистские планы Гитлера по обращению с захваченными территориями. Важно и то, что в документе отчетливо прослеживается позиция Розенберга: «На Украине мы должны были бы выступить с обещаниями в области культуры, мы должны были бы пробудить историческое самосознание украинцев, должны были бы открыть университет в Киеве и т. п.» [12, p. 86].

Отношение Гитлера к вопросу придания Украине особого статуса среди оккупированных территорий известно: он не хотел идти на уступки украинским националистам. Самим документом защита стремилась представить Розенберга сторонником более умеренной оккупационной политики.

В документах МВТ опубликована т.н. «Коричневая папка», она была подготовлена осенью 1941 г. министерством Розенберга. В ней содержались «принципы гражданского управления в оккупированных восточных районах». Предлагалось рассматривать Советский Союз как распущенный; «вследствие этого» нацистский рейх брал на себя всю полноту власти «в интересах населения», в том числе и на Советской Украине. Она отражает и преступную сущность оккупационных властей, которые в очередной раз подчеркивали неприменимость норм Гаагских конвенций по отношению к оккупированным территориям. «Коричневая папка» – это во многом вариант плана «Ост», от министерства Розенберга [11, p. 592].

Среди документов обвинения есть и постановление «О введении трудовой повинности в оккупированных восточных областях» от 19 декабря 1941 г. Этот документ доказывает практику принудительного труда на территории оккупированной советской Украины. В п. 3, параграфа 1, указывается, что для евреев нужно разработать «специальные правила», что подразумевает иное обращение с еврейским населением. Этот документ стал основополагающим для юридического закрепления принудительного труда на оккупированных территориях. Сторона обвинения также представила суду, письмо Розенберга рейскхомиссарам Украины и Остланда от 6 марта 1942 г., касающееся остарбайтеров. К письму был приложен список промышленных рабочих (247,900 тыс. человек, из которых с территории советской Украины должны быть угнаны 237,900 тыс. человек) и сельскохозяйственных рабочих (380 тыс. человек, из них с территории советской Украины подлежали угону на Запад 290 тыс. человек). Это письмо показывает, что министерство Розенберга спланировало угон на Запад в большинстве своем жителей оккупированной Украины [11, p. 164–165].

Среди документов МВТ есть «Меморандум для фюрера» от 16 марта 1942 г. В документе указаны цели немецкой политики на Украине, изложенные А. Гитлером: «…эксплуатация и мобилизация сырья, немецкое переселение в отдельные регионы, никакого искусственного образования населения в сторону интеллектуальности, но поддержание их рабочей силы; помимо этого, обширное невмешательство во внутренние дела» [10, p. 97–98].

Этот меморандум важен как минимум в двух аспектах. Во-первых, он содержит негативную оценку самим Розенбергом результатов, которых добились нацисты на протяжении предшествующих месяцев оккупации: «Непрерывно наблюдая за ситуацией на оккупированных восточных территориях, я убежден: немецкая политика, конечно, может иметь определенное, возможно, даже пренебрежительное мнение о подчиненных народах, но в задачу немецких политических представителей [на оккупированных территориях] не входит, производить действия и суждения, могущие в конечном итоге привести к полному отчаянию подчиненного населения вместо того, чтобы способствовать продуктивному труду.» [10, p. 97–98]. Во-вторых, этот документ очередной раз подчеркивает личную позицию Розенберга по тактике нацистских оккупационных властей на территории советской Украины.

В документах МВТ есть и меморандум Э. Коха Розенбергу от 16 марта 1943 г. [10, p. 255–287] Он написан в связи с жесткими мерами, принятыми немецкой администрацией на Украине. Этот меморандум хорошо раскрывает особенности взаимоотношений Розенберга и Коха, и одновременно политику министерства Розенберга. Он содержит жалобы Коха на то, что из 6 комиссаров Рейскхомиссариата Украины он имеет стабильную телефонную связь только с тремя. Кох также отмечал, что присланные из Берлина стенографисты и водители не подходят для работы на Востоке. Кох вспоминал и об указе Розенберга от 22 декабря 1942 г., который наделяет Розенберга полномочиями переименовывать на немецкий манер населенные пункты Украины. Писал Кох и об антиеврейской политике, что ему было поручено зарегистрировать и конфисковать еврейское имущество, считавшееся враждебным государству и бесхозным. В третьей части меморандума Кох заявлял, что они с Розенбергом сходятся в стратегии действия с украинским народом: «Политическая работа, помимо прочего, должна быть структурирована таким образом, чтобы подчеркнуть различия между украинским и московским народами, чтобы отделить украинцев от большого славянства» [10, p. 264].

Кох отмечал также, что в его задачи не входит подчеркнуть сходство украинского и немецкого народа, и он считает странными на основании декрета от 22 ноября 1941 г. считать, что украинцы с сильной примесью германской крови. В меморандуме Кох выражает недовольство «сдержанной» политикой Розенберга по отношению к украинцам. Он, в частности, писал: «Я хотел бы привести еще несколько примеров отсутствия сдержанности по отношению к украинцам. Например, мне было сообщено указом от 18 июня 1942 года (I1 6 f 6230), что вы закупите украинские школьные учебники на общую сумму 2,3 миллиона рейхсмарок за счет моего дома, без предварительного согласования со мной. Миллион букварей, миллион листов для чтения, 200 000 учебников, 500 000 учебников по языкам и 200 000 учебников по арифметике должны были быть закуплены в то время, когда немецкие школьники едва имели доступ к самой необходимой бумаге…» [10, p. 265].

В меморандуме Кох описывал инцидент, который произошел с санкции сотрудников оперативного штаба Розенберга Брушвайлера и Зиблера. Они

организовали собрание украинских студентов в Киеве. Зиблер также представлял отдел культурной политики министерства Розенберга. Собрание проводилось на русском, и что особенно разозлило Коха, Зиблер обратился к собравшимся словами: «друзья и коллеги». Собрание было разогнано из-за вмешательства киевского комиссара. Кох упоминает и о проблемах с вербовкой остарбайтеров. Он упоминал указ от 20 мая 1942 г., о применении методов поджога в Северо-Волынском лесу, в случае сопротивлении вербовки. В меморандуме Кох писал о том, что прекращение телесных наказаний по отношению к украинцам может повлиять на его авторитет в Рейскхомиссариате. Своим меморандумом Кох показывал, что, во-первых, он следовал генеральной линии нацистской партии по вопросу оккупации советских территорий. Во-вторых, Кох категорически не принимал взгляд Розенберга на более умеренное обращение с украинцами. Представленный документ на МВТ проливает свет на взаимоотношения двух нацистов, и показывает всю сложность нацистской оккупационной власти, а также ее преступные действия. Будь то антиеврейские акции, борьба за использование насильственного труда, поощрение украинского национализма в ущерб советскому интернационализму.

В ходе допроса Розенберга Р.А. Руденко говорил о секретном письме Розенберга Гиммлеру от 2 апреля 1943 г., касающиеся расстрелов сотен советских граждан в районе Цуман в декабре 1942 г. [10, p. 92–96]. Рейскхомиссар Кох планировал превратить эти охотничьи места в свои личные владения. Были расстреляны сотни людей, «коммунистически настроенных».

Приговор МВТ от 1 октября 1946 г., вынес справедливый вердикт: Розенберг виновен по основным пунктам обвинения. В разделе «Преступления против мира», ему вменялась ответственность за создание и проведение в жизни оккупационной политики на оккупированных восточных территориях. Розенбергу вменялась и активная политика германизации на оккупированных территориях. В разделе отдельно подчёркивалось, что Розенберг принял свое назначение в июле 1941 г., даже несмотря на то, что Гитлер на совещании прямо высказывался о применении безжалостных мер по отношению к оккупированным территориям. Его администрация не препятствовала проведению Холокоста на территории Украины, казням гражданских, военных лиц. В результате плодотворной работы трибунала в обвинительном заключении МВТ, в раздел 1-й, в части F «Использование нацистского контроля для агрессии против иностранных государств», п.6 отдельно посвящен вторжению Германии на территорию СССР, и преступлениям оккупационных властей.

Таким образом, документы МВТ раскрывают политику министерства Розенберга на оккупированной Советской Украине. Они показывают, как предпосылки формирования самого ведомства, и параллельные дискуссионные вопросы, связанные с его функционированием. Документы отражают и последовательную попытку Розенберга продвигать свою идею об использовании украинского фактора в борьбе с советским государством и народом. Материалы МВТ показывают, как министерство участвовало в практиках принудительного труда, угоне остарбайтеров, антиеврейских акциях, нарушало законы военного времени, как его сотрудники в лице Коха и его

подчиненных санкционировали акции немотивированного уничтожения советских граждан, которые можно охарактеризовать как геноцид.

Вся линия защиты Розенберга в ходе процесса заключалась в попытке показать себя, как умеренного политика выполняющего свою работу на оккупированных территориях, и сыграть на противопоставлении со своим подчиненным Кохом. Однако документы Нюрнбергского процесса доказывают обратное, что Розенберг может и пытался выступать против отдельных эксцессов, в целом не стремился прекратить все преступления его подчиненных на территории Советской Украины. Более того, Розенбергу была безразлична судьба евреев, русских, советских военнопленных, которых убивали на территории Советской Украины. Приговор МВТ не осуждает его министерство, как отдельную преступную организацию, наравне с СС, СА, СД. Но с уверенностью можно сказать, что смертный приговор вынесенный Розенбергу навечно осудил и его теоретический проект освоения Востока, и министерство, которым он руководил.

Литература:

1. Баринов И.И. Оккупационный режим нацистской Германии на территории Украины, 1941–1944 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова 2013. 297 с.

2. Дюков А.Р. Свободное украинское государство в тесной связи с великогерманским рейхом: Инструкции А. Розенберга для рейхскомиссаров на оккупированных территориях СССР, май 1941 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 4(19). С. 112–130.

3. Кей А. Эксплуатация, переселение, массовые убийства. СПБ:Питер, 2025. 288 с.

4. Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934–1944 гг. М.: Фонд «Историческая память» Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2015. 448 с.

5. Приговор МВТ от 01.10.1946 Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. / отв. ред. Н. С. Лебедева. М.: Юридическая литература, 1999. С. 561-740.

6. Приказ Гитлера о гражданском управлении во вновь оккупированных восточных областях. 17 июля 1941 г. // Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М., 1985, С. 51–54.

7. Обвинительное заключение МВТ от 06.10.1945 // Р.А. Руденко, И.Т. Никитченко. Сборник материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками в двух томах / главный редактор К.П. Горшенин. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1954. Т. 1. С. 35–91.

8. Berkhoff K.C. Harvest of despair: life and death in Ukraine under Nazi rule. Cambridge (Mass.). London, 2004. 594 p.

9. Trial of the major war criminals before the International Military Tribunal : Nuremberg : 14 November 1945 — 1 October 1946. Official text in the English

language. Vol. XI. Proceedings 8 April 1946 — 17 April 1946. Nuremberg: International Military Tribunal, 1947. 508 p.

10. Trial of the major war criminals before the International Military Tribunal : Nuremberg : 14 November 1945 — 1 October 1946. Official text in the English language. Vol. XV. Proceedings 29 May 1946 — 10 June 1946. Nuremberg: International Military Tribunal, 1948. 668 p.

11. Trial of the major war criminals before the International Military Tribunal : Nuremberg : 14 November 1945 — 1 October 1946. Official text in the English language. Vol. XXVI. Documents and other material in evidence. Numbers 405-PS to 1063(d)-PS. Nuremberg: International Military Tribunal, 1947. 705 p.

12. Trial of the major war criminals before the International Military Tribunal : Nuremberg : 14 November 1945 — 1 October 1946. Official text in the English language. Vol. XXXVIII. Documents and other material in evidence. Numbers 185-L to 1216-RF. Nuremberg: International Military Tribunal, 1949. 746 p.

© Васютин И.Д., 2026

УДК 355.48(470.3)"1941/1945"

К.Р. Габбасова
старший преподаватель
Россия, Уфа, УУНиТ

K.R. Gabbasova
Senior lecturer
Russia, Ufa, UUST

ИСТОРИЯ СТРАНЫ ЧЕРЕЗ ИСТОРИЮ СЕМЬИ

THE HISTORY OF THE COUNTRY THROUGH THE HISTORY OF THE FAMILY

Аннотация: В статье обобщается опыт апробации новой формы самостоятельной научно-исследовательской работы студентов в рамках курса «История России» в Уфимском университете науки и технологий – написание эссе «История страны через историю моей семьи». Автор делится отрывками некоторых их них, своими размышлениями и выводами о возможности использования данного педагогического опыта.

Abstract: The article summarizes the experience of testing a new form of independent research work by students as part of the course "History of Russia" at the Ufa University of Science and Technology – writing an essay titled "The History of the Country through the History of My Family." The author shares excerpts from some of these essays, as well as their reflections and conclusions about the possibility of using this pedagogical experience.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, история семьи, история повседневности.

Keywords: The Great Patriotic War, family history, and everyday life.

Посвящаю тем, кто помнит
и кого помнят…

В начале 2024-2025 учебного года студенты Института информатики, математики и робототехники УУНиТ, изучающие курс «История России» получили задание – написать эссе «История страны через историю моей семьи». Предлагалось, побеседовав с родственниками, членами семьи, рассказать об участии своих родных и близких в значимых событиях нашей Родины.

Вводя в фонд оценочных средств написание эссе «История моей страны через историю семьи», мы ставили несколько целей: вызвать у студентов интерес к истории своей семьи, содействовать укреплению семейных, родственных связей, показать значимость деятельности каждого гражданина в общем благополучии страны, сформировать чувство патриотизма и высокой гражданственности, показать, что история великой страны начинается с истории «маленького» человека.

В общей сложности было написано более 150 работ. В этой статье мы хотим поделиться отрывками некоторых их них, своими размышлениями и выводами о возможности применения подобной формы самостоятельной научно-исследовательской работы студентов.

Самая популярная тема работ – участие родных и близких, членов семьи в Великой Отечественной войне, которая стала героическим и трагическим периодов отечественной истории [1, с. 196]. В процессе исследования студенты использовали открытые источники сети Интернет. Например, информационную систем «Память народа» [3], электронный банк документов «Подвиг народа» [4]. Ребята привлекали архивные материалы, семейные фотографии и воспоминания родных. Прикладывали фронтовые письма, наградные листы, военные билеты, орденские книжки, описания подвигов, маршруты боевого пути, учетные карточки данные. Восстанавливали и анализировали боевой путь предков.

Прадедушка Амира Айчувакова – Аскаров Нуретдин Маликович (ПРО-106Б) прошел всю войну шофером автобата. «Мы держали оборону в семи километрах от Сталинграда. Но вот на него обрушилась целая лавина бомб, снарядов, мин. На моих глазах за три дня город был превращен в пылающие руины. Лавируя среди горящих домов, наши грузовики с кузовами, полными снарядов и патронов, не раз подвергались риску. Воздух был так раскален, что бензобаки машин приходилось обкладывать со всех сторон мокрыми одеялами. Но о себе мы не думали – все силы и все мысли были направлены на то, чтобы успеть вовремя.

И вот получен приказ по автобату: доставлять боеприпасы со станции Калач до переправы на Волге. Этот путь насчитывал всего несколько километров, но именно они и стали последними для многих товарищей рядового Нуретдина Маликовича. Дорога проходила по большой поляне, которая день и ночь обстреливалась и с воздуха, и с другого берега Волги. Несмотря на постоянные бомбежки, шофер на предельной скорости зигзагами, как бы играя с фашистскими «мессерами» в салки, устремлялся к заданной цели. И часто, видя, что от машины товарища осталась только воронка, другой садился за руль своей машины и повторял его путь. Ведь от шоферов автобата, доставляющих боеприпасы с армейских складов, почти всецело зависел бесперебойный огонь наших войск.

Немного легче доставлять грузы было ночью. Враг не мог так преследовать как днем. И машины двигались друг за другом в полной темноте, так как зажигать фары строго воспрещалось по правилам светомаскировки».

Прадеды наших студентов были бойцами легендарной 112-й Башкирской кавалеристской дивизии. Прадед Тимура Ахметова (ПРО-105Б) – Изместьев Андрей Федорович служив военным ветеринарным фельдшером в Башкирской кавалеристской дивизии.

Позволю себе привести выдержку из работы Тимура. «Особенностью кавалерийских частей была их зависимость от лошадей – эти животные использовались не только для атак, но и для перевозки боеприпасов, эвакуации раненых, разведки и связи. Потери среди конного состава были огромны: лошади гибли от вражеского огня, мин, болезней и истощения. Поэтому ветеринарная служба в кавалерии имела стратегическое значение. Мой прадед, Изместьев Андрей Фёдорович, служил военным ветеринарным фельдшером в этой дивизии. Его работа была не менее опасной, чем у бойцов на передовой – часто под обстрелом он оказывал помощь раненым лошадям и солдатам, зная, что от их состояния зависит успех операции.

По официальным данным, через ветеринарные лазареты Красной Армии прошло 3,5 миллиона лошадей, и благодаря самоотверженному труду специалистов 91% из них были возвращены в строй. Помимо лечения, в обязанности ветеринаров входил строгий контроль за качеством мяса и других продуктов животного происхождения, поступавших в войска. В условиях острой нехватки продовольствия это было жизненно важно – испорченная пища могла привести к массовым отравлениям и потере боеспособности целых подразделений.

Наиболее тяжелым испытанием для дивизии стала Сталинградская битва. Кавалеристы действовали на флангах наступающих советских войск, перерезая пути отхода противника. В этих боях особенно ярко проявилась роль ветеринаров – благодаря их работе дивизия сохраняла мобильность даже в условиях ожесточенных боев. Именно тогда, во время одного из боев, мой прадед получил осколочное ранение. Несмотря на это, он продолжал работать, пока не потерял сознание от потери крови. Ранение оказалось серьезным и прадеда отправили в эвакуационный госпиталь. 7 апреля 1943 г. он был комиссован. За свою преданность долгу был награждён медалью «За боевые заслуги» и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Андрей Федорович продолжил службу Родине в мирное время. Став главным ветеринарным врачом Салаватского района, он внес огромный вклад в развитие сельского хозяйства Башкирии. Под его руководством была организована эффективная борьба с опасными заболеваниями животных, что способствовало восстановлению поголовья скота в послевоенные годы.

Вообще, когда речь заходит о героях войны, люди, как мне кажется, в первую очередь думают о лётчиках-истребителях, танкистах, пулемётчиках или снайперах. Несомненно, их роль невозможно переоценить, а их подвиги заслуживают вечной памяти и уважения. Но я думаю, что также нельзя забывать и о тех, кто обеспечивал и поддерживал армию в тылу и на поле боя.

Каждый солдат, каждая лошадь, каждый километр связи - всё это требовало постоянного внимания и заботы специалистов, чья работа часто оставалась «невидимой», но от этого не становилась менее важной. Ветеринарные фельдшеры, связисты, медицинские сёстры – их вклад в Победу неоценим. Именно благодаря их ежедневному, кропотливому труду боевые подразделения могли выполнять свои задачи, имея надёжный тыл и необходимые ресурсы. Поэтому я считаю, что, когда мы говорим о Великой Победе, следует помнить, что она была достигнута не только оружием, но и самоотверженным трудом миллионов людей самых разных профессий.

Я горжусь своим прадедом и считаю его настоящим героем. Его жизнь – пример беззаветного служения Родине, как на фронте, так и в мирное время. Такие люди, как он, своим трудом и преданностью делу создавали тот самый фундамент, на котором держалась наша армия и вся страна в те тяжелые годы. Подвиги людей, подобных моему прадеду, должны оставаться в памяти поколений, напоминая нам о цене Великой Победы и силе человеческого духа. Именно благодаря этому всеобъемлющему единству фронта и тыла, бойцов и тружеников, наш народ смог выстоять и победить в той страшной войне».

Самира Насыпова (ИВТ-ИСУ-102Б) поделилась фронтовым письмом своего дедушки – Муратова Хурматуллы Нургалеевича, которое было написано родным 18 июня 1942 г. Интересно, что письмо было написано латиницей. «…Ничего, мы фашистов победим. Верьте, будем живы – вернемся, а пока до свидания.» 3 марта 1943 г. рядовой Хурматулла Муратов погиб в Смоленской области.

Оскар Вафин (ПРО-105Б) рассказал о боевом пути своего прадеда – Абдула Закиевича Вафина, который был летчиком-истребителем, участником Великой Отечественной войны. За год он совершил 30 боевых вылетов, сопровождая бомбардировщики и сражаясь с немецкими самолетами. Особенно тяжелыми были бои за Харьков, которые он позже назвал своим «настоящим боевым крещением».

Прадедушка Владислава Юрьева (ПРО-105Б) – Петр Андреевич Юрьев воевал в Советском Заполярье. Боевой корабль, на котором Петр Андреевич занимал должность командира поста управления артогнем, конвоировал корабли союзников, на которых в СССР поставлялась военная помощь по программе ленд-лиза. В наградном листе читаем: ««4 марта 1945 года в штормовых условиях с риском для жизни сумел исправить повреждение прицела носового орудия, подвергаясь опасности быть смытым за борт штормовой волной, заливающей полубак. Во всех операциях обеспечивал беспрерывную и надежную связь главного командного пункта с орудиями. В боевой операции 22 апреля 1945 г. при конвоировании отечественных и союзных транспортов при усиленном воздействии подводных лодок противника, обеспечил отличной связью главный командный пункт с орудиями главного калибра, способствуя тем самым своевременному открытию артиллерийского огня по всплывающей подводной лодке противника и ее потоплению. За проявленное при этом мужество и умение в обеспечении связи главного командного пункта удостоен правительственной награды – орденом «Красной звезды». За мужество и героизм также был награжден медалями «Адмирала Ушакова» и «За оборону Советского Заполярья».

Прадедушка Анны Чудиной (ИВТ-ПО-102Б) – Чудин Михаил Степанович в звании лейтенанта участвовал в Великой Отечественной войне. Был награжден орденами Отечественной войны второй и первой степени. Выписка из наградного листа: «Товарищ Чудин за освобождение деревень Жировка, Новая Буда и Журженцы Киевской области от немецких захватчиков, проявил мужество и отвагу. После ранения командира роты принял командование ротой. Наступление проводил умело, был ранен, но с поля боя не ушел. Отбито 4 контратаки противника, лично уничтожил до 10 немецких солдат и офицеров».

Айдар Талипов (ИВТ-ПО-102Б) восстановил военную биографию своего прадеда – Калмурзина Хурмата Тулябаевича, который в качестве связиста участвовал в героической обороне Сталинграда в составе 62-й армии под командованием генерала В.И. Чуйкова. Хурмат Тулябаевич участвовал в освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии и Югославии. Встретил долгожданную Победу в Австрии.

Прадедушка Егора Балашова (ПРО-107) – Мымрин Георгий Павлович ушел добровольцем на фронт в возрасте 19 лет. Он прошел боевой путь солдатом-шофером в составе 614-го автотранспортного батальона 9-го механизированного корпуса 3-й танковой армии от Москвы до Берлина. Участвовал в битве на Курской дуге, освобождении Киева, Правобережной Украины, Польши, Чехословакии, взятии Берлина. Был награжден орденом «Красной звезды», медалями «За взятие Берлина», «За освобождение Праги».

Марк Василенко (ИВТ-ПО-102Б) рассказал о своих родственниках – участниках Великой Отечественной войны. В том числе о прабабушке Хомяковой Анастасии Федоровне, которая в 22 года ушла на фронт медсестрой в составе Уральского добровольческого танкового корпуса.

Некоторые работы поражают деталями боевой повседневности, неприкрытой правдой войны. Рахмангулова Элина (ИВТ-ПО-102Б) пишет: «Мой прадед - Акыл Рахимович Боданбаев рассказывал, как на войне солдаты боялись в бою упасть при ранении «не в ту сторону». То есть, если шли в нападение или оборонялись, нужно было упасть головой вперед. Если после боя солдата находили в положении головой вперед к своим и на животе, считали убегавшим с поля боя и объявляли дезертиром или «врагом народа», и от этого могли пострадать близкие.

Рассказывал прадед и другой случай. Возвращаясь с фронта, он ехал в вагоне с солдатами, которые говорили о том, что по возвращении домой в военкомате не следует говорить о контузиях и ранениях, иначе на работу не возьмут. И он скрыл и неоднократные ранения, и контузии. А у него и на руках, и на ногах были шрамы от пуль и осколков. Осколок времен войны был у него и в черепе. Осколок застрял в кости у виска, и врачи его не тронули, решив, что если начнут его шевелить, то у него может испортиться зрение. В старости так и произошло – прадед практически ослеп. Он умер с эхом войны в голове. Врачебная комиссия признала его инвалидом по зрению только через несколько десятилетий после войны. Врачи были шокированы, сделав ему снимок головы.

До самой глубокой старости, а прадед умер в 84 года, он любил праздновать 9 мая – День Победы. У него в паспорте не было даты рождения, просто год – 1912. Поэтому все дни рождения прадеда отмечались 9 мая».

Несколько работ были посвящены участникам Великой Отечественной войны, которые прошли трагедию плена. Прадед Богдана Колобовникова (ПРО-105Б) – Гареев Мансур Галимзянович оказался в немецком плену в 1942 г. Его спасло знание французского языка. Когда немецкие солдаты начали сортировать пленных, он представился французом. К военнопленным из Франции у немцев действительно было более лояльное отношение – их не расстреливали на месте, как часто поступали с советскими солдатами.

Дедушка Динары Шагабутдиновой (ПРО-107Б) – Вали Минигалеевич Бикташев – участник советско-финляндской, Великой Отечественной войн, узник концлагеря Дахау и автор документальной повести «Мы старше своей смерти». Попав в плен в мае 1942 г. В. М. Бикташев предпринял четыре попытки побега. После каждой попытки его ловили, допрашивали и избивали. За активное сопротивление он был отправлен в концлагерь Дахау — лагерь смерти, основанный в 1933 г. под Мюнхеном. В Дахау, где на длинных бараках с двухъярусными нарами и скудным рационом («баланда» с брюквой, песком и камнями) ежедневно умирали сотни узников, Вали Минигалеевич примкнул к международному подпольному антифашистскому комитету. В апреле 1945 г. он стал одним из организаторов и руководителей восстания узников, в результате которого сотни заключенных смогли бежать из лагеря.

А дед Айваза Исмагилова (ПИ-105Б) – Васьирахман Исмагилов погиб в лагере для военнопленных Шталанг 321 в 1942 г.

Ребята писали о том, как с родными и близкими искали места захоронения своих прадедов, числившихся пропавшими без вести. Иван Волков (ПРО-106Б), используя информационные системы и архивные документы узнал место погребения своего прадеда Пищикова Ильи, который погиб 2 мая 1944 г. и был захоронен в братской могиле в Германии (федеральная земля Саксония, район Плауэн, населенный пункт Каушвитц). Теперь он планирует отправиться в Германию и почтить память погибших советских солдат и офицеров.

Дина Кульсарина (ИБ-107Б) пишет: «Их архивных данных следует, что мой прадед – Кульсарин Сафиулла Сахиулович погиб в кровопролитном бою в Гомельской области в Белорусии и был захоронен в братской могиле. Прошлым летом мой отец и три его брата «перезахоронили» его. Они взяли горсть земли с его родной деревни и поехали в Беларусь. Там они нашли братскую могилу, где захоронен мой прадед и рассыпали возле нее ту землю. После они взяли горсть земли с братской могилы и эту землю уже рассыпали возле могилы его жены».

Победа ковалась не только на фронте, но и в тылу. Дедушка Элеоноры Зайнуллиной (ИВТ-ПО-102Б) – Бакиров Рафик Галиаскарович организовывал эвакуацию Башкирского сельскохозяйственного института в село Миловка в военные годы. Он был назначен директором Учебного комбината, налаживал отношения с местными властями и жителями, сумел убедить их в необходимости выделить земли для создания опытного хозяйства, которое стало не только учебной базой, но и опорой для выживания в тяжелые годы.

Лазарева (Большакова) Ольга Петровна – прабабушка Лазарева Артема (ИВТ-ИВС-102Б) всю войну проработала на Уфимском приборостроительном заводе, где ежедневно ковалась победа для фронта.

Последствиями Великой Отечественной войны стали людские потери (около 27 млн. человек), потеря 1/3 национального хозяйства, разрушение тысяч городов и десяток тысяч деревень. Вся страна поднялась на восстановление хозяйства. Дедушка Хаковой Аделины (ПРО-108Б) – Хаков Мадих Хаматьянович, в послевоенное время разминировал территорию, находившуюся под оккупацией.

Некоторые ребята составляли генеалогические древа рукописно или с помощью специальных компьютерных программ. Формируя родословную, Валееву Данилу (ПРО-106Б) удалось найти информацию о своих родных до 11 поколения. Он узнал, что его предки были муллами, и один из них – Башархафиза Рахмангулов был репрессирован и участвовал в строительстве Беломорканала.

Предок Галеевой Алерии (ИВТ-ПО-102Б) был рекрутом, участником Отечественной войны 1812 г. Во время боевых действий он вывел отряд из окружения и подорвал склад французов с боеприпасами. За этот подвиг императором Александром Первым ему была дана новая фамилия – Дивеев (от слова «диво»). Фамилию Дивеев носило еще много поколений после.

Предок Ирины Московскиной (ПРО-106Б) – Сергей Иванович Карягин – знаменитый астраханский архитектор. Родился в 1865 г. В 1889 г. он окончил Санкт-Петербургскую Императорскую академию художеств со званием классного художника второй степени и работал в Астрахани в качестве архитектора. Его руками были созданы проекты Собора Казанской иконы Божией Матери, колокольня Кремля Кафедрального собора Успения Пресвятой Богородицы и множество других работ.

Прапрадед Даутова Арсена (ПРО-106Б) служил при дворе последнего русского императора Николая II в качестве дозорного, охраняя ворота Зимнего дворца. После революции 1917 г. вместе с группой сослуживцев ему удалось бежать в Англию.

Прадед Сергея Пантелеева (ИВТ-ИСУ-102Б) – Егор Бишев родился в 1910 г. в Поволжье, в одном из немецких поселений, основанных во времена Екатерины II. Эти земли были заселены немцами, приглашенными императрицей для развития сельского хозяйства. После выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР о переселении немцев Поволжья в 1941 г. Егор Биишев вместе с другими советскими немцами был выслан в Сибирь.

Дамир Арсланов (ПРО-106Б) описал жизнь своего прадеда – Шакира Арсланова, который участвовал в гражданской войне в Туркестане, борясь с басмачеством.

Дедушки и бабушки наших студентов были участниками великих строек индустриализации, передовиками производства. Дедушка Савелия Соловьева (ПРО-105Б) – Пискунов Федор Степанович был награжден серебряным знаком ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки» за вклад в выполнение пятилетнего плана развития народного хозяйства. Прадед Ахметовой Миланы (ИВТ-ПО-

102Б) – Резяпов Мухамет Султанович участвовал в становлении энергетической системы БАССР, в том числе проектируя и руководя Уфимской ТЭЦ-2, возглавляя «Башкирэнерго». В память о его выдающихся заслугах Уфимской ТЭЦ-2 было присвоено его имя.

Дедушка Кадырова Романа (ИВТ-ПО-102Б) – Щевелев Александр Сергеевич участвовал в строительстве космодрома «Байконур». Прадед Данила Бычкова (ИВТ-ПО-102Б) – Тихон Константинович Бычков в 1934-1935 гг. был строителем первой очереди Московского метрополитена. В 1941 г. он с эвакуированным заводом прибыл в Уфу и много лет трудился на Уфимском мотостроительном производственном объединении.

С теплотой ребята рассказывали о родителях, бабушках и дедушках, которые на разных должностях и в разных организация честно служили и служат на благо нашего Отечества. Дедушка Латыпова Дениса (ИВТ-ИСУ-102Б) – Шайхайдаров Тимерьян Шайхиярович был знаменитым учителем, директором школы, пропагандистом, председателем колхоза в Илишевском районе РБ. Тимерьян Шайхиярович – ветеран Великой Отечественной войны и заслуженный учитель БАССР.

Дедушка Руслана Баймухаметова (ИВТ-ПО-102Б) – Баймухаметов Тимирьян Минигалеевич родился в д. Термень-Елга в многодетной семье. Однажды в совхоз «Нефтяник» приехала государственная комиссия, которая искала одаренных подростков для набора в Башкирский цирк. Тимирьян был отобран, прошел обучение в Цирковой студии при Московском цирке и вернулся на Родину, где всю жизнь проработал клоуном в уфимском цирке.

Саитов Эмиль (ПРО-107Б) с большой любовью рассказал о своей бабушке. Анвария Магруфовна Ибатова – заслуженный работник культуры РБ, староста деревни Саитово Кушнаренковского района РБ, председатель Совета ветеранов, председатель участковой комиссии. Много лет она занимается общественной и благотворительной деятельностью в своем районе. В 1985 г. Анвария Магруфовна одна из первых в республике создала фольклорный коллектив «Энжелэр», который по сей день радует зрителей своими выступлениями.

Дедушка Владимира Захарова (ПРО-106) – Виталий Николаевич Захаров – уникальный мастер по изготовлению чувашских народных инструментов, хранитель чувашской музыкальной культуры и педагог.

В эссе нашли отражение исторические события, связанные с природными, техногенными катастрофами, военными действиями 1980-90-х гг.

Роман Аверьянов (ИВТ-ПО-102Б), Даниэль Саяхов (ИВТ-ПО-102Б), Фахрисламов Амир (ПИ-106Б) рассказали об участии своих дедушек – Аверьянова Евгения Алексеевича, Шаяхметова Нурияхмета Халилулловича, Фахрисламова Вариса Абдрахмановича в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Отец Леонида Николаева (ИВТ-ПО-102Б) – Николаев Алексей Леонидович принимал участие в дезактивационных работах в поселке Таромское и ликвидации последствий разлива серной кислоты на железнодорожных путях в городе Вольногорс.

Алмаз Шарапов (ПРО-105Б) рассказал об участии своего папы - Шарапова Линара Миргасимовича в Первой чеченской войне 1994-1996 гг. «Мы называли Грозный – «город-призрак». Дома стояли без стен, как декорации. По улицам нельзя было идти – снайперы сидели везде. Мы передвигались по подвалам, пробивая дыры в стенах. Иногда заходили в квартиру – а там семья сидит, дети. Они смотрели на нас пустыми глазами. Мы оставляли им пайки и уходили. А на следующий день в этом же доме мог быть пулеметный расчет боевиков…Когда объявили о выводе войск, никто не кричал «ура». Но в глазах у всех было облегчение… Главное – что больше не надо каждое утро просыпаться с мыслью: «Доживу ли до вечера?»

Отец Ивана Шапошникова (ПРО-105Б) – Александр Владимирович Шапошников – кинолог. Он занимался вместе со своими служебными собаками поиском взрывчатых веществ, мин, растяжек в Чечне во время военных действий. «Я всегда шел впереди отряда с собакой, очень медленно. Эрон (собака) буквально по сантиметру обнюхивал дорогу. Найдя растяжку, собака молча ложилась рядом с ней и тогда уже в дело вступали саперы. Собаку берегли всем отрядом. Потому что понимали, что от нее, от ее умений, зависят не только их жизни, но и жизни мирного населения Грозного. Ее даже укрывали бронежилетами и щитами во время обстрелов». Также Александр Владимирович участвовал в ликвидации последствий Улу-Телякской трагедии и наводнения в Тирляне.

Отец Леонида Абрамова (ИВТ-ИВС-102Б) – Абрамов Олег Леонидович принимал участие в ликвидации последствий землетрясения в Спитаке и Степанакерте, урегулировании конфликтов в Карабахе и Прибалтике. Он погиб 26 июля 2024 г. при выполнении ответственного задания в ходе СВО.

В работе приняли участие и иностранные студенты УУНИТ. Ролон Парра Хулиан Камило (ПРО-107Б) из Колумбии рассказал о своем дедушке Рафаэле, который участвовал в вооружённом политическом конфликте Ла Виоленсия, происходившим в 1948-1958 гг. Он был участником народных движений, боровшихся за землю и права рабочих.

Альбино Кастаньеда Анджели Мелисса (ПРО-107Б) из Колумбии пишет: «Моя бабушка Хосефина была простой женщиной с золотым сердцем. Она родилась в маленьком городке на Карибском побережье Колумбии, где жизнь была тяжелой, но люди были добрыми и отзывчивыми…Она знала, что образование – это ключ к прогрессу, поэтому она посвятила себя обучению детей в деревне чтению и письму…Ее доброта и щедрость вызывали восхищение у всех. Когда у кого-то возникала проблема, он обращался к ней за советом и поддержкой».

Студентка из Вьетнама (ФИИТ-101Б) Нгуен Тхи Диеу Линь рассказала о своем дедушке – Дао Куанг Минь, который участвовал в 1970-х гг. в войне за независимость во Вьетнаме.

Человек не рождается патриотом, гражданином своей страны. Любовь к своему Отечеству воспитывается, прививается с детства. Большая роль в этом процессе принадлежит семье, образованию, государству. Изучение курсов «История России», «Основы российской государственности» – площадка,

которая позволяет познакомить молодежь с достижениями российской/советской истории, сформировать чувство гордости, глубокого уважения, благодарности к каждому гражданину России, который внес свой вклад в благополучие и развитие Родины.

Можем с уверенностью сказать, что поставленные цели реализовались. Многие студенты отмечали, что задание заставило их побеседовать с родителями, бабушками, дедушками, дальними родственниками. Кто-то звонил отцу, с которым не общался долгие годы. Кто-то ехал на кладбище почтить могилы. Кто-то искал информацию о родных в архивах и открытых источниках сети Интернет [5, с. 63-72]. С некоторыми эссе ребята выступали на занятиях. Использовали презентации с фотографиями, приносили медали и ордена, наградные листы и военные билеты. Данная форма научно-исследовательской работы студентов соответствует тенденции, изложенной в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2].

Уверена, что апробированная форма работы будет использоваться нами и в следующем учебном году. Уверена, что данный опыт будет интересен и полезен студентам и коллегам-преподавателям. Благодарю главных «участников» этой истории – тех, кто писал и о ком писали.

Литература:

1. Габбасова К.Р. Радио и печать Башкирии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2024. Т. 10. № 3 (39). С. 196-203.
2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S/
3. Память народа – URL: https://pamyat-naroda.ru/
4. Подвиг народа – URL: https://podvignaroda.ru/?#tab=navHome/
5. Халилов А.А. Поисковое движение // Материалы XV Всероссийской молодежной научной конференции «Мавлютовские чтения». Том 6. Уфа, 2021. С. 63-72.

© Габбасова К.Р., 2026

УДК 811.161.1'373.2

Г.Р. Дабаева
ведущий редактор, УУНиТ, г. Уфа, Россия
Е.В. Полякова
к. филол. н., УУНиТ, г. Уфа, Россия

G.R. Dabaeva
the leading editor, UUST, Ufa, Russia
E.V. Polyakova
c. of philol. s., UUST, Ufa, Russia

НЕЙМИНГ УФИМСКИХ ЖК: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

NAMING OF UFA RESIDENTIAL COMPLEXES: THE WORD-FORMATION ASPECT

Аннотация. В статье рассматривается словообразовательные модели названий жилых комплексов Уфы на материале 14 топонимов-брендов. Выявлены основные способы образования имён собственных: заимствование, транслитерация, словосложение, гибридизация русского, английского, и башкирского языкового материала. Установлено, что уфимский нейминг ЖК ориентирован на универсальные маркетинговые ценности – природу, комфорт, статус, современность и локальную идентичность.

Abstract. The article examines the word-formation models of the names of Ufa residential complexes based on the material of 14 brand toponyms. The main ways of proper names formation are revealed: borrowing, transliteration, word composition, hybridization of Russian, English, and Bashkir linguistic material. It has been established that Ufa residential complex naming is focused on universal marketing values – nature, comfort, status, modernity and local identity.

Ключевые слова: нейминг, жилой комплекс, урбаноним, эргоним, словообразование, заимствование, топоним, Уфа, городской брендинг.

Keywords: naming, residential complex, urbanonym, ergonym, word formation, borrowing, toponym, Ufa, urban branding.

Название жилого комплекса – это не только официальное обозначение объекта недвижимости, но и элемент городского текста и рекламной коммуникации. В условиях цифровой медиасреды такое название функционирует одновременно в офлайн-пространстве города и в онлайн-каталогах, рекламных материалах и поисковых сервисах, что усиливает его коммуникативную нагрузку [5].

С точки зрения языкознания, нейминг жилых комплексов выступает зоной пересечения коммерческой, городской и рекламной номинации Словообразовательный анализ позволяет понять, какие языковые средства выбирает застройщик для создания образа комфортного, престижного и современного жилья.

Актуальность исследования связана с активным развитием жилищного строительства в Уфе. Название должно быть кратким, запоминающимся, благозвучным, способным вызывать положительные ассоциации. В уфимской

практике особенно заметно взаимодействие русского, английского, башкирского и латинского языкового материала [4].

Цель статьи – выявить и описать словообразовательные модели названий уфимских жилых комплексов.

Материалом послужили названия ЖК: Соты, Новалэнд, Скай, Урман, Ривер, Нью Лайф, Йондоз, Green Park, Central Park, Greenwich, Matur, Life Park, Divo Residence, Green дом.

Нейминг ЖК представляет собой особую область ономастики, находящуюся на пересечении топонимики, эргономии, рекламной лингвистики и словообразования [1]. Название жилого комплекса выполняет идентифицирующую, рекламную, эстетическую функции. При этом в современной медиакультуре потребитель воспринимает название в условиях высокой плотности информационных сообщений, поэтому особенно ценятся краткость, образность и способность быстро вызывать устойчивые ассоциации [6].

Словообразовательный аспект нейминга предполагает анализ того, как создано имя: путём заимствования, калькирования, сложения, суффиксации, усечения или семантического переосмысления [2].

Для уфимского нейминга значимы три культурно-языковых источника: русский язык, английский язык как символ современности и башкирский язык как маркер региональной идентичности. Например, *Йондоз, Урман.*

Заимствованные названия

Наиболее многочисленную группу составляют названия, созданные на основе иноязычных слов. Модель заимствования продуктивна потому, что английские и латинские основы воспринимаются как знаки современного стиля, качества, международного уровня. Например, названия *Central Park* и *Greenwich* к тому же апеллируют к узнаваемым образам Нью-Йорка и Лондона.

Транслитерация и транслитерированные гибриды

Особую группу образуют названия, в которых иноязычная основа получает русское написание или сочетается с русской графикой. Например:

Новалэнд – русская транслитерация английского Novaland; структура: nova («новый») + land («земля, территория»).

Нью Лайф – русскими буквами передаётся английское New Life.

Green дом – гибридная модель: английское прилагательное green + русское существительное дом.

Matur – написание тюрк. «Матур» («красота, красивый») латиницей. Сам застройщик в описании проекта прямо обыгрывает это значение: «Матур – красота в основании» [3]. Название отсылает к региональной культуре, подчеркивает связь с местом и создает ощущение «своего», понятного для местных жителей, вызывает положительные эмоции и ассоциации с чем-то приятным.

Названия *«Скай»* и *«Ривер»* представляют собой транслитерацию: английские слова sky (небо) river (река), переданные кириллицей. Также эти слова можно отнести к метафорическим названиям.

Словосложение

Словосложение – один из наиболее характерных способов образования названий ЖК. Оно позволяет соединить два смысловых компонента и создать компактный бренд. Например:

Life + park → Life Park;

Divo + residence → Divo Residence.

Green + Park → Green Park;

Central + Park → Central Park.

Наиболее продуктивным является компонент Park: он встречается в названиях *Green Park, Central Park и Life Park*. Этот компонент формирует образ благоустроенной, рекреационной, экологичной среды, что соответствует современным требованиям к жилой среде.

Башкирско-тюркские основы

Названия *Йондоз* и *Урман* представляют регионально маркированную группу.

Йондоз – башкирское слово со значением «звезда». Название создает образ света, ориентира, высоты и эстетики ночного города.

Урман – слово тюркского происхождения, связанное со значением «лес». Оно актуализирует ассоциации с природой, зеленью, экологичностью и простором.

Эти названия отличаются от англицизмов тем, что опираются на локальную языковую традицию. Они формируют образ «своего» уфимского пространства и могут восприниматься как символ культурной идентичности Башкортостана.

Метафорические и символические названия

Названия *Соты, Скай, Ривер* построены на метафорическом переносе.

Соты отсылает к пчелиным сотам – структуре, состоящей из повторяющихся ячеек. Клубный дом «Соты» в Уфе – это редкий пример того, как название не просто «звучит красиво», а напрямую отражает архитектурную концепцию (рис. 1) и культурный код региона. Символика названия связана с историко-культурной традицией Башкортостана. С древних времен башкиры занимались бортничеством – добычей меда диких пчел, а башкирский мед стал одним из узнаваемых символов республики.

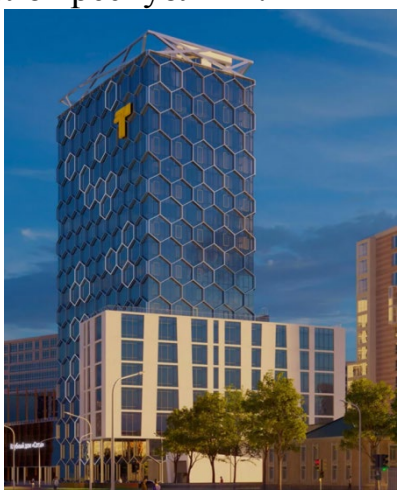

Рис. 1. ЖК Соты (г. Уфа)

* изображение взято с сайта застройщика

Ранее упомянутые нами *Скай* метафорически связывают многоэтажность с небом, высотой и открытостью; *Ривер* указывает на ключевую особенность локации – расположение вблизи воды. В описаниях комплекса прямо используется формулировка «Квартиры у воды "РИВЕР"» [7].

Метафорические названия особенно эффективны в рекламе, поскольку не описывают объект буквально, а формируют эмоциональную рамку восприятия. В ситуации перенасыщения информацией метафора позволяет сократить путь от зрительного или звукового контакта с названием к его интерпретации: *Соты*, *Скай* или *Ривер* считываются как образы упорядоченности, высоты и природной среды [6].

Анализ материала позволяет выделить следующие продуктивные модели:

• Полное заимствование английского слова: Скай, Ривер, Greenwich.

• Заимствование словосочетания: Green Park, Central Park, Life Park, Divo Residence.

• Транслитерация иноязычных и русскоязычных композитов: Скай, Matur, Нью Лайф.

• Гибридизация английского и русского компонентов: Green дом.

• Использование башкирско-тюркской апеллятивной основы: Йондоз, Урман.

• Метафорическая номинация: Соты, Ривер, Скай.

В названиях уфимских ЖК можно выделить несколько повторяющихся смысловых полей.

• Природа и экология представлены компонентами green, park, river, урман: *Green Park, Central Park, Life Park, Ривер, Урман, Green дом.* Эти названия формируют образ среды, близкой к природе, несмотря на городское расположение.

• Новизна и обновление выражены в *Новалэнд* и *Нью Лайф*. Оба названия строятся вокруг идеи нового этапа жизни, нового пространства.

• Образы высоты, света и простора воплощены в названиях *Скай*, *Йондоз* и *Соты*. Они формируют представление о жилом комплексе как об открытом, светлом пространстве. Локальная же идентичность реализуется прежде всего в *Йондоз и Урман*. Эти имена подчёркивают башкирский культурный контекст Уфы.

Названия уфимских ЖК показывают те же тенденции, что и весь российский рынок недвижимости: интернационализацию, любовь к природе и комфорту, статусные иностранные слова и растущий интерес к местной идентичности. В исследованном материале преобладают заимствованные и гибридные названия. Продуктивными являются модели с компонентами park, life, land, green, а также модели транслитерации и гибридизации. Вместе с тем названия Йондоз, Урман, Matur и Соты демонстрируют, что эффективным может быть и локально-национальный подход к неймингу, опирающийся на региональные культурные и природные образы.

Словообразовательная структура названия ЖК выполняет не только номинативную, но и рекламную функцию: формант, компонент или языковой источник становятся знаками качества, современности, природы или престижа.

Поэтому нейминг ЖК следует рассматривать как особую область коммерческого словообразования, в которой языковая форма напрямую участвует в формировании ценностного образа городской среды.

Литература:

1. Дабаева, Г. Р. Контаминация как окказиональный способ словообразования в нейминге // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки: Материалы XII Международной научно-практической конференции, Уфа, 20 мая 2026 года. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2026. – С. 52-55.

2. Дабаева Г. Р. Окказиональное словообразование как приём языковой игры в нейминге компаний, занимающихся общественным питанием // Духовные ценности и нравственный опыт цивилизаций в контексте XXI века: Материалы V Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Уфа, 24 октября 2024 года. – Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2024. – С. 89-94.

3. Матур [Электронный ресурс]. URL: https://жильерб.рф/residential-complexes/detail.php?id=5345 (дата обращения: 10.03.2026).

4. Название, которое продаёт: анализ 327 жилых комплексов. [Электронный ресурс]. URL: https://katigarov.ru/blog-developa/tpost/nazvanie-zhk-kak-instrument-prodazh (дата обращения: 10.03.2026).

5. Полякова Е. В. Масс-медиа в цифровую эпоху // Медиапространство Российской Федерации: глобальный и национальный аспекты: материалы IV Международной науч.-практ. конференции. Уфа: БашГУ, 2021. С. 211-213.

6. Полякова Е. В., Титлова А. С. Перенасыщение информацией в современной медиакультуре // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 4 (28). С. 67–69.

7. Ривер [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1agapfwapgcl.xn--p1ai/zhk/river/ (дата обращения: 10.03.2026).

© Дабаева Г.Р., Полякова Е.В., 2026

УДК 741.5

Е.С. Коваленко
магистрант
Россия, Уфа, УУНиТ
Р.Р. Тухватуллин
к. и. н., доцент
Россия, Уфа, УУНиТ

E.S. Kovalenko
Master's student
Russia, Ufa, UUST
R.R. Tukhvatullin
c. of h. s., associate professor
Russia, Ufa, UUST

РОССИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ США НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

RUSSIA IN U.S. POLITICAL CARTOONS AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

Аннотация: Статья посвящена анализу образа России в американской политической карикатуре рубежа XIX-XX веков. На основе карикатур из сатирического журнала Puck рассматриваются основные стереотипы, использовавшиеся для репрезентации Российской империи в общественном сознании США. Особое внимание уделяется символическим образам медведя, «русского мужика» и фигуре императора Николай II. Показано, что данные визуальные метафоры формировали представление о России как о сильной, но агрессивной и «цивилизационно иной» державе, склонной к экспансионизму и политическому насилию.

Abstract: The article examines the image of Russia in American political cartoons at the turn of the nineteenth and twentieth centuries. Based on cartoons published in the satirical magazine Puck, the study analyzes the main stereotypes used to represent the Russian Empire in the public consciousness of the United States. Particular attention is paid to the symbolic images of the bear, the "Russian peasant," and the figure of Emperor Nicholas II. The study demonstrates that these visual metaphors shaped the perception of Russia as a powerful yet aggressive and "civilizationally different" state, inclined toward expansionism and political violence.

Ключевые слова: Российская империя, американская политическая карикатура, журнал Puck, образ России.

Key words: Russian Empire, American political cartoons, Puck magazine, image of Russia.

В современных международных отношениях существенную роль в восприятии и понимании внешней политики государства играет его образ, формируемый, в частности, различными СМИ. Данный образ может содержать в себе как объективные, так и манипулятивные черты. В этом смысле актуально обратиться к образу России, сложившемуся в Соединенных Штатах. В США формировались в прошлом и продолжают формироваться в настоящем образы России, отражающие как внутриполитические, так и внешнеполитические американские традиции и интересы.

В конце XIX в. роль США в международных отношениях возросла. Появились концепции, в которых обосновывалась полезность

внешнеполитической экспансии и благотворность распространения демократии (Ф. Дж. Тернер), необходимость строительства большого военного флота (А. Мэхэн) и выхода на мировые рынки (Дж. Стронг) [4, с. 275-277].

В последнее десятилетие XIX в. США аннексировали Гавайские острова, одержали победу в войне против Испании, что позволило установить контроль над Кубой, аннексировать Гуам и Пуэрто-Рико, а также Филиппины [3, с. 96-97]. Причем экспансионистские и аннексионистские действия сопровождались заверениями о том, что США собираются «обучить филиппинцев, поднять их дух, цивилизовать и христианизировать, и по милости Божьей сделать для них все возможное, как для наших ближних, за которых также умер Христос» [19].

Американская экспансия приводила к столкновениям с рядом европейских государств, Россией и Японией, в частности, в китайском вопросе, где была сформулирована доктрина «открытых дверей» [17]. Политика России по закреплению сферы влияния в северо-восточном Китае стала рассматриваться как одно из препятствий для реализации американских намерений и планов.

На рубеже XIX-XX вв. политическая карикатура стала эффективным инструментом конструирования образов США и их конкурентов. В начале XX в., в период первого серьезного кризиса российско-американских отношений, в США развернулась «имиджевая» кампания против Российской империи. Особое значение в данном процессе приобрел еженедельный сатирический журнал «Пак» (Puck), являвшийся первым успешным американским юмористическим изданием с красочными карикатурами.

Общепринятым символом России в западной карикатуре является медведь. Его образ можно назвать двойственным, с одной стороны, неуклюжий, простоватый и поддающийся дрессировке зверь, с другой – сильный и опасный хищник, способный к внезапной агрессии. В периоды союзнических отношений, например, во время Гражданской войны 1861-1865 гг., медведь изображался доброжелательным [1, с. 68]. Но уже к концу XIX в., на фоне роста американо-российских противоречий, его образ все чаще приобретал угрожающий и враждебный характер.

На карикатуре «Не совсем готов» художника У. Кепплера [5] Россия представлена в традиционном образе медведя. На рисунке огромный зверь сидит за богато накрытым столом и разделывает кусок ростбифа с надписью «Транссибирская магистраль». На столе размещены предметы сервировки с подписями, указывающими на различные элементы внешнеполитической и военно-экономической программы России: «расширенный флот», «новые сферы влияния», «улучшенная финансовая система», «укрепление Порт-Артура». Композиция карикатуры строится на метафоре политической экспансии как акта потребления. Иллюстрация фиксирует представление о Российской империи как о потенциально опасной, но еще не полностью готовой к открытому политическому противостоянию.

На другом рисунке того же карикатуриста «Слишком много друзей» [6] Россия вновь изображена в образе медведя, который удерживает в своих объятиях женскую фигуру, обозначенную Маньчжурией. Женщина одета в традиционный восточный костюм и выглядит беспомощной. К медведю

обращаются представители европейских государств, а именно Германия и Великобритания, призывая его поделиться объектом своего контроля. В данной карикатуре Китай представлен уязвимым государством, объектом борьбы между великими державами. Россия, напротив, выступает как грубая и физически доминирующая сила, стремящаяся удержать контроль над территорией. Фигуры европейских государств, требующих разделить добычу, демонстрируют лицемерный характер их риторики о спасении Китая. А образ наблюдающего со стороны Дяди Сэма указывает на дистанцированную позицию США, отличную от политики колонизаторов.

Особенно агрессивный образ России проявляется в карикатуре художника Дж. Пью «Безрассудное неповиновение» [7], посвященной периоду англо-бурской войны. На ней медведь изображен в казачьей форме и с обнаженной саблей. Его фигура значительно превосходит по размерам других персонажей, среди которых присутствует Дж. Буль как олицетворение Великобритании. На заднем плане разгорается пожар войны с надписью «Трансвааль». Француз подстрекает медведя атаковать англичанина и одновременно дразнит его: «Вы одолели буров, а теперь попробуйте справиться с бурым медведем!». Композиция карикатуры усиливает впечатление представление о России как о потенциально опасной и непредсказуемой силе, способной вмешиваться в международные конфликты. Образ медведя становится символом грубой силы, противопоставляемой более «цивилизованным» дипломатическим формам политики.

Рис. 1

На карикатуре «Новейшая китайская стена» того же автора [8] Россия вновь представлена в виде медведя с саблей, стоящего по одну сторону рва (рис. 1). По другую сторону выстроена группа государств, среди которых присутствуют представители европейских держав, а также Японии, образующих своеобразную коалицию против России. Примечательно, что все государственные представители изображены в антропоморфном виде, тогда как Россия в зооморфном. Такое противопоставление выполняет важную символическую функцию дегуманизации. Современное оружие в руках европейцев противопоставляется сабле медведя, что должно подчеркнуть технологическое и культурное отставании Российской империи. Композиция отражает типичную для западной политической карикатуры оппозицию «цивилизация – варварство».

Таким образом, образ медведя выступает распространенной визуальной метафорой, через которую формируется представление о России и российской политике. В зависимости от конкретного сюжета этот образ наделяется различными характеристиками. Прежде всего, медведь символизирует физическую мощь и территориальную масштабность России. Его крупные размеры подчеркивают восприятие государства как значительной политической силы. Одновременно звериная природа позволяет акцентировать представления о грубости, агрессивности и недостатке «цивилизованности». Образ медведя в американских политических карикатурах конца XIX – начала XX вв. выполняет функцию стереотипа, объединяющего представления о силе, агрессивности, экспансионизме и одновременно «варварской» природе Российской империи.

Художники использовали и другие образы для изображения России. Одним из них была фигура «русского мужика» – непривлекательного и неопрятного, неряшливого и нечесаного, с заросшим бородой лицом. Такой негативный образ России представлен в карикатуре художника Ю. Циммермана «Неравная игра» 1885 г. [10]. На иллюстрации премьер-министр Великобритании У. Гладстон стоит на балконе величественного здания, символизирующего Британскую империю. Архитектура здания украшена надписями, указывающими на различные элементы британского могущества: «гордость», «престиж», «торговля», «превосходство в Индии», «контроль афганской границы». Под окнами строения изображен агрессивный русский мужик, обозначенный подписью «негодяй». Он собирается бросить камень в сторону британского политика. На заднем плане выставлено жалкое поселение, названное Россией, что должно подчеркнуть бедность и отсталость страны. Подпись под карикатурой гласит, что русский хулиган не имеет собственных окон и потому может безнаказанно бросать камни в дом респектабельного британца. Иллюстрация построена на контрасте между двумя пространствами: богатым и благоустроенным миром Британской империи и бедной, разрушенной российской реальностью. Россия представлена как источник хаоса и угроз. На тональность образа России повлияли репрессии и преследования, которые проводились властями в период царствования Александра III [2, с. 117].

На карикатуре Дж. Пью 1897 г. под названием «Европейский концерт» [12] международная политика представлена в виде театра марионеток. Европейские страны и их руководители изображены как куклы-музыканты, исполняющие различные партии в оркестре. Над ними возвышается фигура российского кукловода, сидящего на троне и управляющего марионетками с помощью нитей. Карикатура представляет Россию как силу, стремящуюся манипулировать европейской политикой и направлять действия Европы. Такая интерпретация отражает представления об усилении российского влияния в международной политике и склонности российской дипломатии к закулисным манипуляциям.

На карикатуре Кепплера «Подвергнутый всеобщему презрению» [9] Россия представлена в виде русского крестьянина – угрюмого, неопрятного мужика с длинной бородой, одетого в грубую посконную рубаху, шаровары и сапоги

(рис. 2). Его руки за спиной, а сам он стоит на постаменте, напоминая подсудимого, выставленного на всеобщее обозрение. Над ним возвышается аллегорическая фигура – «дух цивилизации», изображенный в виде античной богини, которая жестом указывает на обвиняемого. Вокруг постамента расположены представители различных государств, в том числе США, демонстрирующих осуждение и презрение. Композиция карикатуры строится на противопоставлении «цивилизации» и «варварства». Аллегорическая богиня возвышается над миром и указывает на Россию как на объект осуждения. Внешний облик русского крестьянина гиперболизирован – его неряшливость, грубые черты лица должны создать впечатление отсталости и чуждости России.

Рис. 2

Кроме того, данное изображение имело и другой подтекст: номер журнала вышел 17 июня 1903 г. Т.е., спустя два месяца после Кишиневского погрома, который имел большой резонанс в США и мире. Президент Т. Рузвельт упомянул погром в ежегодном послании 4 декабря 1904 г. как «резня евреев в Кишиневе» и охарактеризовал его как нарушение фундаментальных гражданских прав [20].

На рисунке У. Кепплера «Первым пришел – первым обслужили» [11] Россия изображается в виде грубого и неопрятного мужика, на этот раз в казачьей форме. Сюжет разворачивается в китайском ресторане: персонаж, символизирующий Россию, сидит за столом и жадно поедает пищу из большой миски с надписью Маньчжурия. На заднем плане стоит китайский официант, который с сожалением объясняет европейским посетителям, что обслуживание происходит по принципу «кто пришел первым, тот и обслужен». Так, Российская империя показана как держава, которая первой воспользовалась возможностью расширить свое влияние в регионе и теперь фактически поглощает территорию.

Таким образом, в американской политической сатире активно использовался образ «русского мужика». Данный персонаж обладал устойчивым набором характеристик – грубая внешность, неопрятная одежда, подчеркнутая физическая массивность, агрессивная манера поведения. Подобная

репрезентация формировала представление о России как об отсталой стране, находящейся на периферии «цивилизованного» мира и подвергающей его опасности.

В начале XX в. и период революционных потрясений 1905-1907 гг. внимание американских карикатуристов чаще сосредотачивалось непосредственно на фигуре монарха – императора Николая II, и на самой символике самодержавной власти. Революция вызвала в США разнообразные отклики. От порицания анархии и осторожных комментариев в пользу царского режима до проявлений солидарности с рабочими и осуждения жестокости властей [2, с. 119].

На карикатуре У. Кепплера 1903 г. «Свет в самой темной России» [13] центральной фигурой является Николай II, стоящий на колене перед подушкой со свитком, на котором написано «Указ о гражданских и религиозных реформах». На него падает луч света, обозначенный словом «просвещение». Композиция построена на контрасте между темным пространством вокруг и освещенной фигурой царя, что создает визуальную метафору возможного духовного или политического прозрения власти. Луч света символизирует западные ценности, которые могут спасти российскую политическую систему. Но в то же время, позу Николая II можно трактовать не только как знак покаяния или обращения к реформам, но и как вынужденный жест, продиктованный политическим давлением. Так, карикатура отражает противоречивое восприятие ситуации – надежду на модернизацию и вестернизацию России, с одной стороны, и сомнение в искренности и глубине этих преобразований с другой.

Иллюстрация «Голос из прошлого» Ф. Нанкивелла [15] из номера «Пак» от 8 февраля 1905 г. развивает тему исторических предупреждений российскому самодержавию. Николай II изображен сидящим на троне. Над его плечом нависает призрачная фигура французского короля Людовика XVI, казненного во время Французской революции. В нижней части композиции нарисованы поднятые руки народа, протягивающего к власти петицию – отсылку к событиям Кровавого воскресенья. Призрак Людовика XVI символизирует урок Французской революции – игнорирование требований общества неизбежно приводит к падению монархии.

Особенно драматическая интерпретация российской политической ситуации представлена в карикатуре У. Кепплера «Приближаясь к концу» [14] (рис. 3). В центре рисунка российский монарх, спасающийся на несущейся в темному лесу тройке лошадей. Царь прижимает к груди куклу с короной на голове, на которой написано «Автократия». За тройкой гонится стая волков, символизирующих, видимо, революционные силы, социальные потрясения и народное недовольство. Мрачный пейзаж создает атмосферу надвигающейся катастрофы. Карикатура формирует представление о самодержавии как о политической системе, неспособной справиться с порожденными ею же кризисами.

Рис. 3

Карикатура «Русская корона» художника К. Хассманна [16] (номер «Пак»» от 27 декабря 1905 г.) изображает российское самодержавие наиболее жестко. В центре иллюстрации на красном фоне – драгоценная корона Российской империи, стилизованная под человеческий череп. По ее краям стекают капли крови. Художественный замысел строится на соединении двух символов – корона традиционно выступает знаком монархической власти, а череп ассоциируется со смертью. Объединение этих символов формирует метафору власти, основанной на насилии и человеческих жертвах. Кровь, стекающая с короны, отсылает к репрессивной политике российского правительства. В отличие от других карикатур, в этом изображении практически отсутствует элемент юмора. Российская монархия представлена как режим, легитимность которого ставится под сомнение, а сама власть интерпретируется как система, поддерживаемая исключительно посредством насилия и репрессий.

Таким образом, данные карикатуры строятся вокруг темы кризиса самодержавия. Россия изображается как государство, стоящее перед историческим выбором – либо оно примет либеральные реформы и приблизится к политическим моделям Запада, либо неизбежно столкнется с революционным разрушением старого порядка.

Итак, проведенный анализ американских политических карикатур рубежа XIX-XX веков показал, что образ России формировался в рамках устойчивой системы символов и стереотипов, отражавших политические представления и интересы Соединенные Штатов. Наиболее распространенным символом России выступал медведь. Данный образ объединял несколько характеристик – территориальную и военную мощь государства, его потенциальную агрессивность и одновременно наглость, недостаточную «цивилизованность». Другим устойчивым образом был «русский мужик», наделенный грубыми и непривлекательными чертами. Его внешний вид – неряшливая одежда, неопрятная борода, массивная фигура и агрессивное поведение – служил визуальной метафорой культурной и социальной отсталости страны. Через подобные художественные приемы Россия противопоставлялась «цивилизованному» западному миру. В период революционных событий начала XX в. внимание американских карикатуристов сосредотачивалось на фигуре императора Николай II и символике самодержавной власти. Образы

отражали представление о глубоком кризисе российской политической системы и ее неспособности эффективно реагировать на социальные вызовы.

Таким образом, американская политическая карикатура рубежа XIX-XX вв. формировала, в целом, негативный образ России. Он сочетал представления о силе и масштабности государства с характеристиками агрессивности, политической непредсказуемости и цивилизационной отсталости и «инаковости».

Литература:

1. Журавлева В. И. Русский «Другой» в американской политической карикатуристике: от века XIX к веку XXI // Вестник Российского государственного гуманитарного университета, 2012. № 7. С. 64-96.
2. История внешней политики и дипломатии США, 1867-1918 / Отв. ред. Г. П. Куропятник. М.: Наука, 1997. 384 с.
3. Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012. 672 с.
4. Согрин В.В. История США: учебник. М.: Международные отношения, 2021. 600 с.
5. Keppler, U. J. Not quite ready // Puck. September 21, 1898. Volume 44. No. 1124. cover.
6. Keppler, U. J. Too many friends // Puck. December 5, 1900. Volume 48. No. 1239. centerfold.
7. Pughe, J. S. Reckless defiance // Puck. June 6, 1900. Volume 47. No. 1213. centerfold.
8. Pughe, J. S. The latest Chinese wall // Puck. April 24, 1901. Volume 49. No. 1260. centerfold.
9. Keppler, U. J. Exposed to the world's contempt // Puck. June 17, 1903. – Volume 53. – No. 1372. – centerfold.
10. Zimmerman, E. An uneven game // Puck. – April 29, 1885. Volume 17. No. 472. – cover.
11. Keppler, U. J. First come, first served // Puck. – May 13, 1903. Volume 53. No. 1367. cover.
12. Pughe, J. S. The European concert // Puck. May 5, 1897. Volume 41. No. 1052. centerfold.
13. Keppler, U. J. Light in darkest Russia // Puck. April 1, 1903. Volume 53. No. 1361. cover.
14. Keppler, U. J. Nearing the end // Puck. April 5, 1905. Volume 57. No. 1466. centerfold.
15. Nankivell, F. A. A voice from the past // Puck. February 8, 1905. Volume 57. No. 1458. cover.
16. Hassmann, C. The Russian crown // Puck. December 27, 1905. Volume 58. No. 1504. cover.
17. First open door note [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20191220110810/http://www.vlib.us/amdocs/texts/opendoor.html (дата обращения: 05.04.2026).

18. McKinley W. Third Annual Message. December 5, 1899. [Электронный ресурс]. URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-5-1899-third-annual-message (дата обращения: 05.04.2026).
19. McKinley William. Decision on the Philippines (1900). URL: [Электронный ресурс]. URL: https://www.digitalhistory.uh.edu/disp_textbook.cfm?smtID=3&psid=1257 (дата обращения: 05.04.2026).
20. Roosevelt T. Fourth Annual Message [Электронный ресурс]. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/fourth-annual-message-15 (дата обращения: 05.04.2026).

© Коваленко Е.С., Тухватуллин Р.Р., 2026

УДК 81'272:37.014

В.А. Ковшечникова
старший преподаватель
Россия, Уфа, УУНиТ
С.В. Кобызева
к. филол. н., доцент
Россия, Уфа, УУНиТ
Т.А. Даутова
к. соц. н., доцент
Россия, Уфа, УУНиТ

V.A. Kovshechnikova
Senior Lecturer
Russia, Ufa, UUST
S.V. Kobyzeva
c. of philol. s., associate professor
Russia, Ufa, UUST
T.A. Dautova
c. of social. s., associate professor
Russia, Ufa, UUST

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ В ЕВРАЗИЙСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

LANGUAGE POLICY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE EURASIAN EDUCATIONAL SPACE

Аннотация: В статье исследовано значение русского языка для сохранения гуманитарного единства евразийского образовательного пространства. Показано, что языковая политика в данной сфере должна опираться на сочетание правовой поддержки, качества преподавания, подготовки педагогических кадров и устойчивых культурно-образовательных связей. Сделан вывод о том, что русский язык сохраняет роль одного из главных средств межгосударственного и межкультурного общения в Евразии.

Abstract: The article examines the significance of the Russian language for preserving the humanitarian unity of the Eurasian educational space. It shows that language policy in this field should rely on a combination of legal support, quality teaching, teacher training and stable cultural

and educational ties. The paper concludes that Russian retains the role of one of the main means of interstate and intercultural communication in Eurasia.

Ключевые слова: русский язык, языковая политика, образовательное пространство, Евразия, межкультурное общение, гуманитарное сотрудничество

Keywords: Russian language, language policy, educational space, Eurasia, intercultural communication, humanitarian cooperation

Вопрос о русском языке в современной Евразии давно вышел за пределы собственно филологической проблематики. Речь идет не только о судьбе отдельного языка, но и о целостности обширного культурно-образовательного пространства, сложившегося исторически и до сих пор сохраняющего внутреннюю связность благодаря общему словарю знания, общей учебной традиции, общему массиву научной и художественной литературы, а также многолетней практике межнационального общения. Когда ослабевает общий язык, ослабевают и каналы взаимопонимания между образовательными системами, научными школами и культурными средами. По этой причине языковая политика в евразийском пространстве должна рассматриваться как часть гуманитарной безопасности и как условие долговременного сотрудничества [3; 6].

Российские исследования показывают, что положение русского языка на постсоветском пространстве определяется одновременно демографическими, правовыми, образовательными и культурными обстоятельствами. С одной стороны, сохраняется очевидный запрос на русский язык как язык высшего образования, науки, профессиональной мобильности и широкого культурного общения. С другой стороны, во многих странах за последние десятилетия заметно сузилась сфера его бытового и институционального употребления, что связано со сменой поколений, изменением государственной языковой политики и сокращением русскоязычной среды [1; 3]. Данное противоречие требует не эмоциональных оценок, а взвешенной и последовательной работы, в основе которой лежит уважение к национальным языкам и одновременно осознание объединяющей роли русского языка для народов Евразии.

Особое значение имеет образовательное измерение. Университет, школа, подготовительные курсы, совместные программы и обмены являются теми средами, где язык перестает быть отвлеченным символом и становится живым средством освоения знания, профессионального роста и личного общения. Если русский язык закрепляется в учебной практике как язык точного объяснения, научного письма, культурного чтения и содержательного диалога, он сохраняет свое значение естественным путем. Если же его присутствие поддерживается только формально, без современного качества преподавания, без хороших учебных материалов и без сильной подготовки педагогов, его позиции неизбежно слабеют [2; 6].

Нормативный поворот последних лет подчеркивает государственную значимость этой работы. Основы государственной языковой политики Российской Федерации закрепляют задачи сохранения, развития и поддержки русского языка как государственного языка России, как языка государствообразующего народа и как важнейшего средства межнационального

и международного общения [4]. Данный документ важен не только своей правовой формой. Он задает принцип: язык требует не разовых кампаний, а системной заботы, включающей образование, научную деятельность, подготовку преподавателей, издательскую работу, поддержку чтения, цифровую среду и культурную дипломатию. Ранее та же линия была обозначена в Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом, где особое внимание уделено образовательным и культурным средствам сохранения русскоязычного пространства [5].

В евразийском образовательном пространстве русский язык продолжает выполнять несколько взаимосвязанных задач. Он служит средством передачи научного знания, особенно в тех областях, где сохраняется прочная русскоязычная учебная и исследовательская традиция. Он выступает языком повседневного межкультурного общения в студенческой среде. Наконец, он остается носителем большого культурного наследия, через которое формируется представление о стране, ее истории, литературе и нравственном опыте. Когда данные задачи поддерживаются одновременно, язык обретает устойчивость. Когда же хотя бы одно звено выпадает, например ослабевает чтение или снижается качество преподавания, общий гуманитарный эффект заметно уменьшается [1; 2; 6].

Для дальнейшего укрепления русского языка в Евразии решающее значение имеют не отвлеченные лозунги, а практические шаги. К ним относятся подготовка преподавателей, создание современных учебных пособий, расширение совместных программ между университетами, поддержка академических и студенческих обменов, развитие сетевых библиотек и открытого доступа к русскоязычным научным и культурным материалам. Не менее важно сохранять уважительный характер языковой политики, исключающий давление и противопоставление языков. Русский язык сохраняет объединяющую силу не там, где он объявляется единственно возможным, а там, где он открывает доступ к знанию, профессиональному росту и культурному взаимопониманию.

Следовательно, языковая политика в евразийском образовательном пространстве должна пониматься как долгосрочная работа по поддержанию общего культурного и учебного поля. Российский опыт показывает, что прочность языкового присутствия определяется не только формальным статусом, но прежде всего качеством образовательной среды, наличием устойчивых гуманитарных связей и способностью языка быть носителем современного знания без утраты собственной культурной глубины. В этом смысле русский язык продолжает оставаться одним из главных средств межкультурного общения в Евразии и одним из важных оснований ее образовательного единства [3; 4; 5].

Литература:

1. Горбухова М.Ю., Сибирякова С.Н. Укрепление позиций русского языка на территории Евразии. Его роль и безопасность в современных условиях // Мир

науки, культуры, образования. 2024. № 4 (107). С. 437-440. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-4107-437-440.

2. Дианова Л.П. Об особой функции русского языка в образовательном процессе на евразийской территории // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014.

3. Задорин И.В., Подобед И.В. Русский язык в Северной Евразии: политические и демографические факторы распространенности и использования // Полития. 2020. № 3 (98). С. 136-164. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-98-3-136-164.

4. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом, утв. Президентом Российской Федерации 03.11.2015 № Пр-2283. http://kremlin.ru/acts/news/50644 (дата обращения: 15.04.2025).

5. Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации».
http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/HCM4ADyLOooRo7aqM253tzKJZdhkiAEC.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

6. Худоренко Е.А. Языковая политика России в контексте евразийской интеграции // Политическая наука. 2020. № 2. С. 163-182. DOI: 10.31249/poln/2020.02.08.

© Ковшечникова В.А., Кобызева С.В., Даутова Т.А., 2026

УДК 94(47).083

К.Н. Коршунова
специалист по УМР ОИСвГС
Россия, Москва, РГГУ

K.N. Korshunova
specialist in UMR OISvGS
Russia, Moscow, RSUH

ФОТОГРАФИИ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА: КАК ОБЪЕКТ ВИЗУАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТЕЙ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ

PHOTOS OF THE SISTERS OF MERCY OF THE RUSSIAN GENERAL COMMITTEE OF THE RED CROSS: AS AN OBJECT OF VISUAL RESEARCH OF THE PERSONALITIES OF THE SISTERS OF MERCY

Аннотация. Фотографии сестёр милосердия Российского общества Красного Креста эпохи Первой мировой войны представляют собой не просто архивные изображения, а сложный визуальный код, отражающий социальные, профессиональные и личностные аспекты их деятельности. Настоящее исследование рассматривает эти фотографии как объект визуального анализа, позволяя проникнуть за рамки официальной документации и раскрыть скрытые нарративы о жизни женщин-медсестёр, чьё служение было одновременно героическим и трагически незаметным в массовой памяти. Через детальную интерпретацию жестов, одежды, композиционных решений и контекста съёмок автор анализирует

формирование идентичности сестёр милосердия – как профессионалов, воинов на фронте добровольной помощи, так и личностей, преодолевших гендерные ограничения своего времени. Исследование показывает, что фотографии – это не статичная запись, а активный элемент исторической памяти, способный пересказывать многомерную биографию тех, кто был рядом с ранеными, но часто остаётся вне полей зрения истории.

Annotation. Photographs of the sisters of Mercy of the Russian Red Cross Society of the First World War are not just archival images, but a complex visual code reflecting the social, professional and personal aspects of their activities. The present study considers these photographs as an object of visual analysis, allowing us to penetrate beyond the official documentation and reveal hidden narratives about the lives of female nurses, whose service was both heroic and tragically unnoticeable in popular memory. Through a detailed interpretation of gestures, clothing, compositional solutions and the context of filming, the author analyzes the formation of the identity of the sisters of mercy – both professionals, soldiers on the front of voluntary aid, and individuals who overcame the gender constraints of their time. The study shows that photographs are not a static record, but an active element of historical memory, capable of retelling the multidimensional biographies of those who were near the wounded, but often remain outside the field of view of history.

Keywords: Сёстры милосердия, Российское общество Красного Креста (РОКК), историческая фотография, визуальные исследования, история медицины, личность, гендерные исследования, конец XIX — начало XX века, визуальное наследие.

Ключевые слова**:** Sisters of Mercy, Russian Red Cross Society (ROCC), historical photography, visual research, history of medicine, personality, gender studies, late 19th — early 20th century, visual heritage.

Фотографии конца XIX – начала XX вв. являются многогранным источником, ведь именно они показывают нам некоторые аспекты жизни начала прошлого века. Фотография, без сомнения, является одним из таких важных феноменов, появление которого повлекло за собой целую череду глубинных изменений в культуре. Вот почему изучение проблемы трансформации отечественной визуальной культуры рубежа XIX-XX вв., вызванной появлением и развитием фотографии, позволяет точнее определить характер культурного процесса эры «новой визуальности» [1; с. 138-142].

В своей работе хотелось бы обратить внимание на фотографии, которые связаны напрямую с такой организацией, как Российское Общество Красного Креста. В ходе изучения деятельности данной организации и её местных управлений, а также различных общин сестер милосердия, становится понятно, что мы имеем очень мало информации о самых ярких героев данных организаций, а именно о сёстрах милосердия. В эпоху, когда визуальная культура играет все более значимую роль в нашем понимании мира, обращение к историческим фотографиям становится особенно актуальным. Фотографии сестер милосердия Российского общества Красного Креста – это не просто свидетельства прошлого, но и ценный ресурс для изучения человеческих судеб и общественных явлений. В этой статье мы исследуем, как эти визуальные артефакты могут служить инструментом для глубокого изучения личностей самих сестер милосердия. Мы попытаемся раскрыть, какие невербальные сигналы, запечатленные на пленке, могут пролить свет на их характеры, убеждения и жизненный путь. Вообще если говорить о фотографиях сестер милосердия РОКК, их было достаточно большое количество ведь общины

сестер создавались во всех возможных краях Российской империи, но стоит отметить, что большинство фотографии имеют групповой характер, например, сестры определенной общины или как сестры милосердия оказывают помощь раненым, но в данной работе хотелось посмотреть и обратить на портретные фотографии сестер милосердия, как на визуальный источник изучения личностей сестер милосердия.

Рис.1. Фотокопия. Медсестра участница Империалистической войны Коптяева Лидия Николаевна, КФ-172/5 [3].

В ходе работы над статьей «Личные дела сестер милосердия как источник: изучение личностей сестер милосердия Российского Красного Креста.» были собрана краткая биография одной из сестер милосердия общины «Утоли мои печали». К сожалению, фотографии сестры милосердия У.И. Разгуловой не было, но, когда началась подготовка к сбору информации о другой сестре милосердия, уже Кронштадтской Морской общины, была найдена фотография Коптяевой Лидии Николаевны, данная фотография хранится в Музеи Кронштадта [2; С.105-108]. Фотографии сестёр милосердия Российского общества Красного Креста представляют собой не просто документальные снимки эпохи, а сложные визуальные нарративы, отражающие социальный статус, профессиональную идентичность, а также внутренний мир женщин, посвятивших себя служению раненым и больным во время Первой мировой войны. Эти изображения, особенно портреты сестёр, выполненные в строгом формате фотографического досье, становятся ключевым материалом для визуального исследования их личностей — не как анонимных представительниц профессии, но как индивидов с уникальной биографией, взглядами и жизненной позицией.

Портрет сестры милосердия Лидии Николаевны Коптяевой, хранящийся в Музее Кронштадта, представляет собой не просто исторический документ – он становится ключом к пониманию личности женщины, чья жизнь переплетается с судьбами миллионов военнослужащих и гражданских лиц в условиях Первой мировой войны. На фотографии запечатлен образ, сочетающий строгость дисциплины, внутреннюю стойкость и тончайшую человечность. Её взгляд, прямой, сосредоточенный, будто обращённый одновременно к больному на носилках и к божественному долгу, говорит о глубокой вере в служение как высшей этической ценности.

Именно изображение данной сестры милосердия и стало основным визуальным источником не только для данной работы, но и для написания работы посвященной истории единственной в Российской империи Морской общины сестер милосердия. Познакомившись с методологией анализа визуальных изображений, разработанной Дж. Роуз и описанные в её книге «Visual Methodologies: An Introduction to Researching with Visual Materials». Основными позициями методологии можно назвать: уровень интерпретации: область исследования и модальность визуального сообщения, а также индивидуальные особенности, которые характерны для различных типов визуальных источников. Что касается, определения области исследования. В данном случае, это история медицины, история Первой мировой войны, гендерные исследования (роль женщины в военное время), а также история конкретной личности и общины, а также изучение личностей девушек, которые шли служить в Российский Красный Крест.

В данном случае объектом изучения является фотокопия сестры милосердия Коптяевой Лидии Николаевны, сделанная в период Первой мировой войны и связанная с Кронштадтской морской общиной сестер милосердия. Фотография как визуальный источник несет в себе не только документальную информацию, но и эмоциональный, культурный и исторический контекст, который необходимо учитывать при интерпретации. Фотография – это особый вид визуального источника, который претендует на документальность, на фиксацию реальности. Однако, как подчеркивает Дж. Роуз, даже фотография не является абсолютно объективной. Она всегда создается в определенном контексте, с определенной целью и через призму восприятия фотографа. В нашем случае, это фотокопия, что добавляет еще один слой интерпретации – мы имеем дело не с оригиналом, а с его воспроизведением, что может влиять на качество изображения и, соответственно, на наше восприятие деталей.

В своей работе Дж. Роуз предлагает рассматривать визуальные материалы на нескольких уровнях: от непосредственного восприятия изображения до более глубокого анализа его социального и культурного значения. В данном случае можно начать с описания визуальных элементов –позы, одежды, выражения лица, окружения, а затем перейти к анализу символики и контекста, в котором была сделана фотография. Например, форма одежды и атрибуты сестры милосердия отражают её роль и статус в общине того времени. На фотографии мы видим молодую женщину, одетую в строгую, но аккуратную униформу сестры милосердия. Форма, вероятно, включает в себя головной убор, платье и,

возможно, фартук. На груди, скорее всего, присутствует отличительный знак – крест, символизирующий принадлежность к медицинской службе и, возможно, к конкретной организации (Кронштадтская морская община). Визуальная аналитика показывает, что символика одежды здесь не случайна: белый передник – знак чистоты, заботы и этической ответственности; форма сестры милосердия – элемент унификации, но в сочетании с индивидуальными чертами лица она становится средством личностного самоопределения. Уникальность портрета Л.Н. Коптяевой заключается в том, что её лицо не транслирует типичную «героическую» маску – вместо этого мы видим усталость, сосредоточенность, женщины, которая оказывает помощь раненным. Если говорить о символизме, то стоит обратить внимание на крест на униформе сестры милосердия, указывает на медицинскую профессию, но и несет в себе коннотации милосердия, сострадания, служения ближнему, а также, в контексте войны, – надежды и утешения. В период Первой мировой войны, когда страдания были повсеместны, образ сестры милосердия, несущей этот символ, приобретал особое значение. Он ассоциировался с заботой, исцелением и человечностью в условиях жестокости и разрушения. Если на фотографии присутствуют какие-либо другие знаки или награды, они могут указывать на её заслуги, опыт или ранг в общине.

Изучение методологии Дж. Роуз открыло новые горизонты в понимании того, как визуальные материалы могут стать не просто иллюстрацией, но и полноценным источником информации для исследования. Особое внимание к уровням интерпретации, включающим область исследования и модальность визуального сообщения, позволило глубже проникнуть в суть изображения, выходя за рамки поверхностного восприятия. Понимание того, как различные элементы визуального ряда – от композиции и освещения до символики и контекста – формируют смысловое поле, стало ключевым для осмысленного анализа.

Выбор методов исследования, предложенных Дж. Роуз, оказался гибким и адаптивным, позволяя подобрать оптимальный подход в зависимости от особенностей визуального источника и поставленной исследовательской проблемы. Это подчеркивает важность не только самого изображения, но и четкого определения целей и задач исследования, что, в свою очередь, направляет процесс анализа.

Фотографии сестёр милосердия Российского общества Красного Креста, особенно портрет Лидии Николаевны Коптяевой, выходят за рамки простых исторических документов – они становятся сложными визуальными текстами, раскрывающими внутренний мир человека, чья жизнь была связана с экстремальными условиями войны и бескорыстной служебной преданностью. Таким образом, изучение таких фотографий даёт возможность не только реконструировать личность сестры милосердия, но и анализировать, как визуальные практики формировали коллективные представления о героизме, жертвенности и гражданской ответственности в условиях масштабных военных катастроф.

Также для сравнения хотелось рассмотреть групповую фотографию сестёр милосердия петрозаводской Свято-Петровской общины сестёр милосердия

(Рис. 2). Данная фотография хранится в фонде музея «Кижи», на ней изображены сестры милосердия петрозаводской Свято-Петровской общины сестёр милосердия, а также Анна Васильевна Протасьева, жена Олонецкого губернатора, которая была товарищем предателем Олонецкого Управления Общества Красного Креста.

Рис.2 Фотография сестёр милосердия петрозаводской Свято-Петровской общины. Предположительно 1909 год.

На фотографии изображены шесть сёстры милосердия и три испытуемые – девушки, проходившие обучение на курсах при общинах. На форме испытуемых отсутствует нашивка Красного Креста, что указывает на их статус обучающихся, ещё не вступивших в ряды сестёр милосердия Петрозаводской Свято-Петровской общины. Стоит отметить, что среди сестёр милосердия на фотографии – у двух сестер милосердия, есть награды.

Одна из них – Софья Кондратьевна Сервирова (1865-1954) на фотографии 5-ая во втором ряду (слева направо), участница Русско-японской войны, а впоследствии и Первой мировой войны. служила в Харбинском госпитале [4; С.82-83]. На фотографии она в тёмном платье с пелериной, со светлым кружевным отложным воротником, в светлом переднике с нашитым нагрудным тёмным 4-конечным крестом, на затылке – светлый платок, ниспадающий за спину; на левой стороне пелерины – на колодках – 3 знака отличия, в т. ч. медаль Красного Креста в память Русско-японской войны 1904-1905 гг.) [5]. В 1911-1912 гг. стала сестрой-настоятельницей Новиковской общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста в г. Симферополе. С 3 августа 1914 г. на пароходе «Апостол Петр» она отправились в качестве сестры-настоятельницы с пятью сестрами милосердия из Петрозаводска на фронт. Служила в 338-м полевом подвижном госпитале. В годы Первой мировой войны награждена Георгиевской медалью 4-й степени с надписью «За храбрость», золотой шейной медалью на Александровской ленте и серебряной

шейной медалью на Владимирской ленте [6; С.667]. 16 марта 1915 г. была представлена к награде Серебряная шейная медаль на Владимирской ленте «За усердие» и через месяц – 4 апрель 1915 г., она получила Георгиевскую медаль 4 ст. № 231546. 20 мая 1915 г. она была представлена к награде Золотая шейная медаль «За усердие» на Александровской ленте. В 1916 г. Сервирова получила ранение и была эвакуирована в Киев [7], и в этот же год стала членом попечительного совета Свято-Петровской общины сестер милосердия.

Но хотелось более детально рассмотреть саму фотографию, на первом плане две девушки в первом от объектива ряду сидят на корточках, обе в полный рост, ¾ вправо и влево со стороны объектива. Обе одеты в светлые платья с пелеринами и более светлые передники без нашитых нагрудных крестов, на головах обеих светлые (как передники) платки, ниспадающие на плечи, с прямыми концами, соединёнными спереди. Во втором ряду сидят (слева направо): две сестры Мария и Екатерина Татариновы – обе анфас, в полный рост, одеты в тёмных платьях с пелеринами, светлых передниках с нашитым нагрудным тёмным 4-конечным крестом, на головах светлые платки, ниспадающие на плечи, с концами, соединёнными спереди. Рядом с ними неизвестная женщина в тёмном платье с пелериной, светлом переднике с нашитым нагрудным тёмным 4-конечным крестом, в светлом платке, ниспадающем на плечи, с прямыми концами, соединёнными спереди; на левой стороне пелерины – 5 знаков отличия на колодках, в т. ч. медаль Красного Креста в память Русско-японской войны 1904-1905 гг. После С. К. Сервировой, сидит неизвестная нам сестра милосердия, одетая в тёмном платье с пелериной, светлом переднике с нашитым нагрудным тёмным 4-конечным крестом, в светлом платке, ниспадающим на плечи и соединённом прямыми концами спереди; на левой стороне пелерины – 2 знака отличия на колодках, в т. ч. медаль Красного Креста в память Русско-японской войны 1904-1905 гг. И уже в третьем ряду стоят две девушки. Девушка слева – с небольшим поворотом в левую сторону кадра; она в тёмной одежде с пелериной, в светлом переднике с нашитым нагрудным тёмным 4-конечным крестом, в светлом платке, ниспадающем на плечи и с прямыми концами, соединёнными спереди. Девушка справа – анфас, в таком же платке, но в светлом платье; передник как у всех, но без креста [5].

Этот снимок – больше, чем просто документальное свидетельство; он является отражением эпохи, когда благотворительность и общественная деятельность играли значимую роль в жизни общества, а женщины, выходившие за рамки традиционных представлений о своей роли, активно участвовали в жизни региона. Также стоит отметить, что снимок был сделан в мирное время, и это в какой-то степени отражает особенность фотографии.

Фотографии сестёр милосердия Российского общества Красного Креста превращаются из простых документальных свидетельств в богатое поле для интерпретации личностей медицинских работниц. Каждое изображение — это не только зафиксированный момент времени, но и пространство, в котором с помощью поз, взгляда, мимики, одежды и композиции авторы передают сложное сочетание профессиональной строгости и внутренней уязвимости. Эти

фотографии становятся ключевым элементом визуального исследования, раскрывающим внутренний мир медсестёр начала XX в. Они выходят за рамки официальных отчётов и дневниковых записей, предлагая более глубокий взгляд на образ женщины, которая одновременно выполняет важную миссию и обладает своей индивидуальной судьбой. В каждом снимке проявляется не только образ служительницы медицины, но и символ самоотверженности, человеческой силы и внутренней борьбы. Таким образом, фотографии сестёр милосердия превращаются в ценнейший источник для понимания не только профессиональной роли женщин в военной медицине, но и их личной истории, эмоциональной глубины и духовной стойкости.

В заключение, представленное исследование фотографий сестёр милосердия Российского Общества Красного Креста демонстрирует важность визуальных материалов как инструмента глубокого понимания их личностных характеристик, профессиональной преданности и гуманитарного духа. Анализ изображений позволяет не только фиксировать исторические и культурные аспекты деятельности сестёр, но и раскрывать внутренний мир и мотивацию этих женщин, служащих обществу в трудные времена. Представленные фотографии сестер милосердия Российского Общества Красного Креста служат важным визуальным источником, раскрывающим внутренний мир, профессиональную стойкость и гуманитарное сердце этих женщин. Они не только запечатлевают исторические моменты и повседневную деятельность сестёр, но и помогают лучше понять их личностные качества, ценности и вклад в развитие гуманитарной деятельности. Визуальный анализ таких изображений способствует более глубокому и многогранному изучению личности сестёр милосердия, подчеркивая их роль как носителей гуманности и милосердия в обществе. Таким образом, фотографии становятся ценным инструментом не только для исторического и социального исследования, но и для укрепления уважения и признания труда этих неравнодушных людей.

Литература:

1. Воронцова Е.А. Фотография рубежа XIX-XX вв. rак источник динамических медиа. // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2012. № 6 (125). Выпуск 13. С. 138-142.

2. Коршунова К.Н. Личные дела сестер милосердия как источник: изучение личностей сестер милосердия Российского Красного Креста. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Международный электронный научный журнал / гл. ред. П.А. Горьков; ред.: А.С. Мокроусов, [и др.]. 2025. № 4(114). С. 105-109

3. СПб ГБУ «Музей истории Кронштадта» // Галерея «Старые фотографии» – [Электронный ресурс] URL: https://visitkronshtadt.ru/kronshtadt_v_licah/image/120984611 (дата обращения: 15.03.2025)

4. Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Кн. 3. Петрозаводск, 2003. С. 82–83.

5. Фотография. Анна Васильевна Протасьева, жена Олонецкого губернатора среди учащихся и сестёр милосердия [петрозаводской Свято-Петровской общины сестёр милосердия]. Комплект: Коллекция Татариновых - Сокольниковых, И. Толстого — КП-10458/1 – URL: https://exponat-online.ru/exhibit/20637491/ (дата использования: 15.03.2025)

6. Список сестер парламента Российского общества Красного Креста: составление сведений, действующих в Канцелярии Главного управления Российского общества Красного Креста к 1-му августа 1915 г. Пр.: Гос. тип., 1915. 924 с.

7. «Русское слово». Пятница, 6-го (19-го) января 1916 г. № 4.

© Коршунова К.Н., 2026

УДК 94 (37)

Ф.А. Крыжановский
ассистент
Россия, Уфа, УУНиТ

F.A. Kryzhanovskii,
teaching assistant
Russia, Ufa, UUST

ПОЧИТАНИЕ СПУТНИЦ СИЛЬВАНА В КАРНУНТУМЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭПИГРАФИКИ (II-III ВВ. Н.Э.)

VENERATION OF SILVANUS' COMPANIONS AT CARNUNTUM BASED ON EPIGRAPHIC MATERIALS (2ND-3RD CENTURIES AD)

Аннотация: В статье рассматриваются данные эпиграфики, на основании которых можно составить представление о почитании сильван (женщин, входивших в свиту римского лесного божества Сильвана) в столице Верхней Паннонии во II-III вв. н.э. Автор делает вывод о том, что рассмотренные посвятительные надписи содержат словосочетания, характерные для этого жанра, и отмечает случаи совместного почитания сильван и женских персонажей кельтской мифологии (богинь-матерей и квадрувий).

Abstract: This article examines epigraphic data that provide insight into the veneration of the sylvans (women who were part of the retinue of the Roman forest deity Silvanus) in the capital of Upper Pannonia in the 2nd and 3rd centuries AD. The author concludes that the dedicatory inscriptions examined contain phrases characteristic of this genre and notes instances of the combined veneration of the sylvans and female figures of Celtic mythology (mother goddesses and quadruviae).

Ключевые слова: образ, надписи, почитание, культ, свидетельство.

Keywords: image, inscriptions, veneration, cult, evidence.

Согласно представлениям жителей Римской империи, в свиту Сильвана, покровителя лесной стихии, входили женщины. Для них был предусмотрен собирательный термин «silvanae». Одно из первых свидетельств об этих мифологических персонажах встречается в «Буколиках» Вергилия (41 г. до н.э.). Исследования, посвященные истории почитании сильван, неразрывно связаны с

изучением культа их «господина». Л. Перинич является наиболее известным современным автором, чье внимание сосредоточено на истории формирования образа Сильвана и существ, связанных с ним [2, 3, 4, 5]. Монография П. Дорси [1], увидевшая свет тридцать четыре года назад, сохраняет свою актуальность и в наши дни как наиболее подробная работа, освещающая различные аспекты почитания Сильвана и окружения данного божества.

В настоящей статье рассмотрим 10 надписей из Карнунтума, в которых отражено почитание женских спутниц Сильвана. В большей степени, они показывают типичные черты обращения к высшим силам, принятые в римском обществе той эпохи, нежели особенности почитания этих таинственных обитательниц лесов или детали, раскрывающие их характеры. Тем не менее, анализ этих надписей подобных дарственных надписей помогает приблизиться к реконструкции образа Сильвана и его «мира».

Во II в. н.э. этот крупный военный центр Рима на берегах Дуная становится столицей провинции Верхняя Паннония, а также одним из уголков необъятной страны, в котором особенным образом почитали Сильвана и спутниц. Одна из местных надписей была выполнена в честь тех сильван, которые, по мнению Дорси, выступали в качестве покровительниц материнства («[Si]lvanae / Mammul(ae) / sacrum / l(ibens) l(aetus) m(erito) s(olvit)»; CIL 03, 11179). Исследователь полагал, что в сознании верующих они возникли под влиянием образов богинь-матерей из кельтской мифологии [1, p. 45]. Словосочетание «l(ibens) l(aetus)» является важной составной частью канонической формулы посвящения: данный фрагмент можно перевести как «охотно с радостью».

Представляется интересным, что в этом же городе зафиксированы надписи, обращенные одновременно к сильванам и квадрувиям (CIL III 4441, 13475, 13497, 14089), которые также были почитаемы среди кельтских племен как покровительницы перекрестков [1, p. 46-47]. Две из них были сделаны от имени знаменосца X легиона (CIL 03, 13497 (B)) и ветерана XIV легиона (CIL 03, 04441). Каждый из них служил в укрупненном подразделении, носившем статус «Близнецы» (Geminae). Как гласит надпись, второй из них, при консулах Генциане и Бассе, за свой счет восстановил стену с основанием и входом, а также портик с ложами, разрушенными от старости (CIL 03, 04441).

В надписях, сделанных от имени некой Аурелии, чье родовое имя и когномен не сохранились (AEA-1985/92, 00183) и Марка Юлия Ингения (CIL 03, 10847) содержат, как и во всех случаях, рассмотренных нами, слова одного из возможных выражений для записи приношения: «solvit merito» («по заслугам исполнил»).

Таким образом, рассмотренные эпиграфические свидетельства из Карнунтума, посвященные сильванам, содержат словосочетания, свойственные вотивным надписям римлян, выражающие готовность дарителя принести подношение по обету. Примечательно, что в данном городе верующие объединяли в своих представлениях сильван и таких персонажей кельтских преданий, как богини-матери и квадрувии.

Литература:

1. Dorcey P. F. The Cult of Silvanus: A Study in Roman Folk Religion. Leiden: Brill, 1992. 209 p.
2. Perinić. L. Is it really Silvanus? // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. Zagreb, 2023. Vol. 56. №1. S. 55-61.
3. Perinić Muratović L. Observations on the Cult of Silvanus in Pannonia in the Light of the Find of an Altar in Vinkovci // Contributions of Institute of Archaeology in Zagreb. Zagreb, 2009. №26. S. 165-180.
4. Perinić L. The Nature and Origin of the Cult of Silvanus in the Roman Provinces of Dalmatia and Pannonia. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2016. 132 p.
5. Vasiljevic L., Perinić L. Iconographic representations of Anthropotheriomorphi c Silvanus in the Territory of Serbia (Eastern Province of Dalmatia) // Archaeology and Science. Belgrade, 2021. №17. P. 99-111.

© Крыжановский Ф.А., 2026

УДК 94+355.4

У.Н. Кудашев
ассистент
Россия, Уфа, УУНиТ

U.N. Kudashev
Assistant
Russia, Ufa, UUST

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИОГРАФИИ ВОЙНЫ ЗА ОГАДЕН (1977-1978 ГГ.)

SOME ASPECTS OF THE HISTORIOGRAPHY OF THE OGADEN WAR (1977–1978)

Аннотация: В статье рассматривается некоторые аспекты историографии войны за Огаден (1977-1978 гг.). На основе наиболее характерных исследований показаны несколько разных подходов к описанию событий данного конфликта – российский, кубинский, эфиопский, западный, сомалийский. Выделены характерные для историографии той или иной страны тенденции рассмотрения боевых действий.

Abstract: This article examines several aspects of the historiography of the Ogaden War (1977-1978). Drawing on the most representative studies, it presents several different approaches to describing the events of this conflict – Russian, Cuban, Ethiopian, Western, and Somali. It also highlights trends in the historiography of each country's approach to the military conflict.

Ключевые слова: Огаден, Сомали, Эфиопия, война, историография

Keywords: Ogaden, Somalia, Ethiopia, war, historiography

В годы холодной войны соперничество сверхдержав в так называемом «третьем мире» принимало разные формы: помощь одной из сторон вооруженного конфликта, оказание льготной экономической помощи, подготовка военных и гражданских кадров и специалистов [10]. Усилия СССР

или США по закреплению своего влияния и усилению позиций их региональных партнеров вызывали пристальное внимание обоих соперников [6] [9] [5]. Эфиопско-сомалийский конфликт и война в Огадене отличаются от целого ряда конфликтов в зоне «третьего мира» как по масштабу боевых действий, так и по политическим аспектам противоборства сверхдержав.

Война за Огаден 1977-1978 гг. стала, фактически, кульминацией сомалийско-эфиопского конфликта вокруг данного спорного региона. События, проходившие позднее, были куда менее обширны по размаху. Кроме того, это была одна из самых крупных войн в Африке южнее Сахары как по задействованной технике, так и по её потерям. События на Африканском Роге затрагивали также интересы сверхдержав, прежде всего СССР, так и ряда региональных государств [11]. Теоретически, она должна была вызывать появление большого количества работ, но это не так.

Историография войны за Огаден, к сожалению, довольно типична для историографии большинства войн в Африке южнее Сахары. Имеется большое количество литературы, где она так или иначе упоминается, но в контексте иных событий, и очень мало работ, где она более подробно разбирается. Фактически, зачастую, она рассматривается как фон для советско-американских отношений на Африканском Роге.

В отечественной, западной, кубинской, сомалийской и эфиопской историографии эфиопско-сомалийский конфликт 1977-1978 гг. рассматривается более-менее подробно в ряде исследований.

В отечественной историографии войны за Огаден следует выделить некоторые особенности. Первая – авторы, вероятно, опирались на некоторые исследования и материалы, имеющие тот или иной гриф секретности. Вторая – в них зачастую видна эфиопская точка зрения (например, в оценке количества сомалийских войск). В советской и российской историографии наиболее известны два автора, которые занимались данной темой — В.И. Мураховский и В.К. Бабич. Оба этих автора участвовали в данном конфликте на эфиопской стороне и обобщали полученный там опыт.

Постсоветская историография войны, фактически, начала закладываться в середине 1990-х гг. Статья П.А. Голицына, участвовавшего в войне за Огаден, опубликованная в 1994 г. в «Военно-историческом журнале» [3], концентрируется, в первую очередь, на разведдеятельности эфиопско-советско-кубинских военнослужащих против Сомалийской национальной армии. Пожалуй, именно в этой статье, пусть и не самой известной, стали закладываться некоторые спорные тезисы. Надо сказать, что они существовали и до этого, только использовались в закрытой литературе.

В.К. Бабич в основном концентрировался на авиационной составляющей конфликта. В 1978-1991 гг. под его редакцией вышло несколько работ, в основном с грифом «Для служебного пользования». Позднее, в 2005 г., уже после его смерти, в журнале «История авиация» была опубликована его статья, разделенная на две части ([1] и [2]), посвященная деятельности эфиопской и сомалийской авиации в ходе войны. Надо сказать, что, судя по всему, В.К. Бабич успел написать только основу для статьи, которая затем была частично

переделана. Этим можно объяснить некоторые проблемы в хронологии событий. Достаточно обстоятельный и подтверждающийся иными трудами фактический материал в этой работе изложен хоть и популярно, но достаточно запутанно. При этом данная работа выбивается из ряда иных отечественных трудов по данной войне тем, что в ней достаточно подробно рассматривается первый период данной войны.

В.И. Мураховский, известный как военный эксперт, в середине 2000-х гг. написал для сайта «Отвага» достаточно развернутую статью о войне в Огадене [8], которая позднее была переработана в книгу [7]. На русском языке это, пожалуй, самое обстоятельное произведение, посвященное данной войне. В нем достаточно сжато, но обстоятельно описывается предыстория конфликта, силы сторон, характеризуется театр военных действий, описываются боевые действия. Как в оригинальном тексте статьи, и в переработанной книге имеются отрывки из воспоминаний отечественных и кубинских военных советников, воевавших на стороне Эфиопии. Основной проблемой и изначального текста, и книги является то, что, фактически, действия как эфиопов, так и сомалийцев в ней не рассматриваются. В результате начальный период войны разобран очень поверхностно. Кроме того, как в тексте статьи, так и в книге В.И. Мураховский полемизирует с устоявшимися в отечественной историографии тезисами, связанными с данной войной, например, с оценкой тактических приемов сомалийцев.

Из отечественных работ, где война за Огаден не является основной темой, но ей уделяется значительное внимание, стоит упомянуть книгу И.П. Коновалова «Войны Африканского Рога» [4]. Несмотря на то, что глава, где описана война за Огаден в этой работе достаточно небольшая, в ней использован практически весь спектр работ – от отечественных до сомалийских.

Эфиопская историография по вполне понятным причинам уделяет данной войне немалое внимание. В качестве примеров эфиопского взгляда можно привести работы историков Гебру Тареке [18] и Фантахуна Айеле [12], причем работа первого в некотором роде основана на работе второго. В них, в первую очередь, разбираются действия эфиопских войск во время войны. Действия сомалийцев рассматриваются через призму противостояния их Эфиопии. Для эфиопской историографии характерно завышение численности сомалийских войск – как в людях, так и в технике. В этом, кстати, эфиопская историография пересекается с отечественной и кубинской, причем это связано с тем, как в действительности на тот момент оценивалась численность Сомалийской национальной армии. Опять-таки, неудачные для Эфиопии бои (например, за Джиджигу в конце лета 1977 г.) в этих работах рассмотрены более поверхностно, чем, например, успешная для Эфиопии оборона Дыре-Дауа. Кроме того, для этих трудов характерно рассматривать роль кубинских войск и советских советников скорее, как вспомогательную – что контрастирует с отечественной и кубинской историографией.

Кубинская историография достаточно близка к отечественной и эфиопской. В качестве примера можно привести работу «Огаден дрожит» («Tiembla el Ogaden») за авторством Венансио Авила Гуэрэро и Хосе Ароче Пачеко,

опубликованную в 2022 г. [13]. В ней упор сделан на действия кубинских войск на завершающем этапе войны. С одной стороны, для кубинской историографии характерны черты отечественной и эфиопской, с другой, она изначально концентрируется на действиях кубинцев, и все остальные события для неё служат фоном.

Западная историография войны более разрозненная. Часть работ, концентрируется на отдельных вопросах, в первую очередь, на действиях авиации в ней. Пожалуй, здесь наиболее характерной является книга Т. Купера «Крылья над Огаденом: эфиопско-сомалийская война» (Wings Over Ogaden: The Ethiopian-Somali War) [14]. Автор, фактически, не придерживается сомалийской или эфиопской точки зрения, а скорее выражает мнение, что американские самолеты лучше советских. В работе очень активно использовались интервью с эфиопскими и сомалийскими пилотами, но, в то же время, в ней довольно мало используются иные труды, посвященные этой войне. Такой подход (против всех, но за западное оружие) в целом характерен для этой части западной историографии при описании войны за Огаден.

Часть работ, написанных западными авторами, непосредственно на войне не концентрируется, вписывая её в конфликт сверхдержав на Африканском Роге. В качестве примера можно привести труды Д. Джексон [17] и Л. Вудруф [19]. Обе работы концентрируются, в первую очередь, на американской политике в регионе и рассматривают войну в Огадене именно с этой точки зрения. Здесь также проявляется нейтралистский подход к данной войне – авторы не принимают ни эфиопскую, ни сомалийскую стороны.

Сомалийская историография резко отличается от всех вышеперечисленных. Для сомалиязычных работ характерна концентрация на событиях с середины лета до конца сентября 1977 г., когда Сомалийская национальная армия стремительно наступала. Достаточно характерными являются работы Саадика Эноу и Абди Хирея.

Текст Саадика Эноу, как и работа Мураховского, первоначально была опубликована на одном из сайтов сети Интернет [15] и уже только в 2018 г. была частично опубликована в виде книги [16]. В целом, эта работа охватывает события с начала 1960-х гг. и до падения Джиджиги осенью 1977 г., и в ней описывается сомалийский взгляд на проблему Огадена. В ней много уделено внимания предыстории войны. Но и описание первого этапа боев дано, пожалуй, подробнее всех других работ по данной теме, хоть и только с сомалийской стороны. С. Эноу больше тяготеет к советской историографии (что характерно для сомалийской историографии) и в своем труде активно прибегает к ссылкам на российские архивы. Пожалуй, главной проблемой этого обстоятельного труда, помимо того, что он обрывается после описания событий сентября 1977 г., является его слабая структурированность: отдельные части работы часто повторяют друг друга.

Работа Абди Хирея была опубликована значительно раньше – в 2000 г. [20]. Она представляет собой причудливую смесь автобиографии, исторического исследования и сборника документов. Книга охватывает период с середины 1970-х гг. и до неудачного переворота весны 1978 г., и крайне интересна тем,

что она представляет собой практически чистый сомалийский взгляд — автор не профессиональный историк, а врач, так что на него практически не оказала влияние историография иных государств. В результате часть, посвященная описанию боев в Огадене, описывает именно сомалийский взгляд на войну. Оканчивается книга описанием неудачного наступления на Дыре-Дауа. В обеих рассмотренных сомалийских книгах видны как схожие оценки событий, так и схожие детали, например, то, что под Джиджигой была потеряна треть всех сомалийских танков, численность Сомалийской национальной армии и т. д.

В целом, можно отметить, что историография войны за Огаден 1977-1978 гг. хоть и не самая обширная, но всё же формально достаточно полная. В ней представлены точки зрения почти всех сторон, непосредственно принимавших участие в боях. Причем они достаточно хорошо раскрыты. Если условно разделить историографию этой войны на два полюса – сомалийский и эфиопский, то достаточно хорошо видна разница между ними. Эфиопская точка зрения также поддержана отечественной и кубинской историографией. Главной проблемой сомалийской историографии является то, что в ней, как правило, не рассматриваются (или рассматриваются очень кратко) события после сентября 1977 г.

С другой стороны, в отечественной историографии остаются слабо раскрытыми ряд вопросов, связанных с внешним фоном данной войны, с вовлеченностью в её события ряда иностранных держав. Но, в то же время, многие из отечественных работ опираются не только на литературу и документы, но и на личный опыт авторов, непосредственно участвовавших в данной войне.

Историография войны за Огаден позволяет взглянуть на данный конфликт с разных сторон – как со стороны непосредственно участвовавших сторон, так и со стороны сил, которые не были непосредственно вовлечены в конфликт, но имели определенные интересы в регионе. С учетом того, что часть документации (например, сомалийской) не сохранилось, историография данной войны становится ещё более ценна.

Литература:

1. Бабич В., Морозов В. С «чужими» против «своих» // История авиации. 2005. № 25. С. 55-60.

2. Бабич В., Морозов В. С «чужими» против «своих» // История авиации. 2006. № 28. С. 54-60.

3. Голицын П. А. Третья моя война... // Военно-исторический журнал. 1994. № 3. С. 54-60.

4. Коновалов И. П. Войны Африканского Рога. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 192 с.

5. Кудашев У.Н. Американо-сомалийский дипломатический кризис вокруг советской базы в Бербере (1974-1975 гг.) // Исторический бюллетень. 2023. Т. 6. № 2. С. 18-25.

6. Кудашев У.Н. Поставки советской авиатехники в Сомали по оценкам разведствслужб США (1969-1976 гг.) // СССР в системе международных

отношений. Сборник материалов Международной научно-практической конференции / Отв. редактор Р.Р. Тухватуллин. Уфа, 2023. С. 66-72.

7. Мураховский В. И. Война между Эфиопией и Сомали. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2016. 88 с.

8. Мураховский В И. Тотальная социалистическая война. URL: www.otvaga2004.narod.ru/publ_w4/015_totalwar.htm (дата обращения 17.02.2009).

9. Тухватуллин Р.Р., Кудашев У.Н. Кенийско-сомалийский территориальный спор 1960-х гг. в документах ЦРУ // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8. № 1. С. 113-120.

10. Тухватуллин Р.Р., Кудашев У.Н. США и итало-сомалийское военно-техническое сотрудничество в 1970-1980-е гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 153-165.

11. Тухватуллин Р.Р., Кудашев У.Н. Эфиопско-сомалийский конфликт 1977-1978 годов: по данным центрального разведывательного управления США // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 4. С. 488-508.

12. Ayele F. The Ethiopian Army: From Victory to Collapse, 1977-1991. Evantson: Northwestern University Press, 2014. 328 p.

13. Guerrero V. Á., Pacheco J. A. Tiembla el Ogaden. La Habana: Casa Editorial Verde Olivo, 2022. 301 p.

14. Cooper T. Wings Over Ogaden: The Ethiopian-Somali War. Warwick: Helion & Company Limited, 2014. 64 p.

15. Dr. Saadiq Enow. Dagaalkii Ogaadeenya. URL: http://mudugonline.com/Qoraalo/dagaalkii_ogaadeenya/d_o_casharkii.htm (дата обращения 17.02.2009).

16. Enow S. Dagaalkii Ogaadeenya (Sebtember 1976 - Juun 1977) Qaybtii koowaad. Stockholm: Scansom, 2018. 280 b.

17. Jackson D. R. Jimmy Carter and the Horn of Africa: Cold War Policy in Ethiopia and Somalia. Jefferson: McFarland & Company, Inc., 2007. 230 p.

18. Tareke G. The Ethiopia-Somalia War of 1977 Revisted // International Journal of African Historical Studies. 2000. № 3. Pp. 635-667.

19. Woodroofe L. Buried in the Sands of Ogaden: The United States, the Horn of Africa, and the Demise of Détente. Kent: The Kent University Press, 2013. 168 p.

20. Xiirey C. C. Hanfidii abaaraha & hanqadhkii madaafiicda. Gurmadkii abaartii dabadheer & dagaalkii 77. London: Golaha Xuquuqul Insaanka Geeska Afrika, 2000. 279 b.

© Кудашев У. Н., 2026

УДК 433

Е.С. Охотников
аспирант УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Ф.Ф. Шаяхметов

E.S. Okhotnikov
graduate student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. Of h. s., associate professor F. F. Shayakhmetov

ЛЮБОВЬ, РАСИЗМ И ИМПЕРСКАЯ МОРАЛЬ: КОНТЕКСТНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В ЛЕНТЕ «АНГЛИЙСКИЙ ПАЦИЕНТ» (1997 Г.)

LOVE, RACISM, AND IMPERIAL MORALITY: CONTEXTUAL IMPERIALISM IN THE ENGLISH PATIENT (1997)

Аннотация: В статье проводится компактный анализ постколониальной проблематики «Английского пациента» и её места в британском кино 1990-х. Автор отмечает, что имперские установки проявляются через тонкие кинематографические и повествовательные приёмы. Имя героя, физические травмы, сюжетные акты спасения и предательства функционируют в рамках критики имперской морали. Автор исходит из позиции, что в 90-е гг. имперские сюжеты уходят на второй план. Несмотря на это, в работе подчеркивается глубина данной опосредованной рефлексии: даже будучи фоновым элементом сюжета, постколониальный пласт глубоко структурирует восприятие персонажей и мотивацию их поступков. Все это подчеркивает глубину имперского дискурса в британском кино, его неотрывное сплетение с самой британской культурой и «британскостью».

Abstract: This article provides a concise analysis of the postcolonial themes of The English Patient and its place in British cinema of the 1990s. The author notes that imperial attitudes are manifested through subtle cinematic and narrative devices. The hero's name, physical injuries, and the narrative's acts of rescue and betrayal function within the framework of a critique of imperial morality. The author proceeds from the position that imperial narratives fade into the background in the 1990s. Despite this, the work emphasizes the depth of this mediated reflection: even as a background element of the plot, the postcolonial layer deeply structures the characters' perceptions and the motivations for their actions. All this underscores the depth of imperial discourse in British cinema, its inextricable intertwining with British culture and "Britishness" itself.

Ключевые слова: Британская империя, постколониализм, колониальные образы, имперская память.

Keywords: British Empire, postcolonialism, colonial images, imperial memory.

Феномен империи как одна из ключевых форм политической организации человечества на протяжении столетий формировал не только границы и судьбы народов, но и сложные культурные коды, идеологические конструкции и системы ценностей. Британская империя, крупнейшая колониальная держава в истории, создала мощный и устойчивый дискурс, центральным элементом которого стала идея «бремени белого человека» и цивилизаторской миссии. Эта система представлений, активно внедрявшаяся через литературу, науку и искусство, стала неотъемлемой частью национальной идентичности. Однако в XX веке, в эпоху стремительной деколонизации и перехода к постимперскому мироустройству, перед британской культурой встала сложнейшая задача переосмысления

собственного прошлого. Кинематограф, будучи квинтэссенцией массовой культуры и одновременно мощным инструментом рефлексии, оказался на передовой этого процесса. Изучение того, как имперские образы и нарративы трансформировались на британском экране, позволяет выявить не только изменение исторической памяти социума, но и механизмы адаптации коллективного сознания к новой политической реальности.

Актуальность подобного исследования выходит далеко за рамки сугубо исторического интереса. Во-первых, оно проливает свет на природу современных международных отношений, уходящих корнями в имперское прошлое. Политика Великобритании в рамках Содружества наций, как и более широкие практики неоколониализма, не могут быть полностью поняты без анализа культурных моделей, унаследованных от имперской эпохи. Кино здесь выступает уникальным источником, фиксирующим кризис, сомнения и поиск новых идентичностей в постимперском обществе. Во-вторых, британский опыт художественного осмысления колониального наследия представляет значительный интерес для любого общества, переживающего или осмысляющего свою постимперскую фазу. Анализ того, как массовая культура может работать с травматическим историческим опытом, смягчая или, напротив, обостряя общественные дискуссии, обладает важной сравнительно-исторической ценностью.

Рассматривая британский кинематограф 1990-х гг. трудно не заметить важную деталь – имперские образы в нем играют маловажную, зачастую второстепенную роль. Английская киноиндустрия 1960-х – 1980-х представляла масштабные киноленты, в которых осмысление имперского господства, переосмысление идей «цивилизаторской миссии» и раскрытие метафизики межкультурных коммуникаций играют ключевую роль в сюжете [2]. Критика имперского милитаризма стала основой процесса переосмысления имперских идей, в итоге эволюционировав в системный анализ имперского прошлого, с его моральными победами и поражениями [3].Так британский имперский кинематограф служил пропагандистским целям, сперва проимперским, а затем, с изменением политической обстановки, антиколониалистским [4]. Последнее десятилетие XX в. в плане репрезентации имперских идей представляет гораздо более скудный материал. Империя уходит на второй план, становясь фоновым пространство для более широких рассуждений о любви, дружбе, преданности. Примером данного подхода может являться эпическая драма Энтони Мингеллы «Английский пациент» (1997 г.) с Рэйфом Файнсом в главной роли [1].

Сюжет картины повествует о трагичной любви картографа-археолога венгерского происхождения Ласло Алмаши и замужней женщины. Сложный драматический сюжет разветвляется на две отдельные, но связанные главным героем, истории. Первая происходит в годы Второй мировой войны. Уже умирающий Ласло, самолет которого подбивают в первые минуты фильма, общается с ухаживающей за ним медсестрой и живущими рядом с ним людьми. За исключением одного канадца, никто не знает имени главного героя, «английского пациента», который изувечен и изуродован до неузнаваемости. Вторая история – воспоминания Ласло, в ходе которых зритель картины

знакомится с его сложной и запутанной судьбой. Финал картины представляет сильнейший эмоционально-эстетический катарсис, связывающий смерть возлюбленной во второй истории со смертью главного героя в первой. На первый взгляд, данное произведение могло бы вполне обойтись без постимперской рефлексии, но в действительности осмысление имперских идей плотно вплетено в нарратив ленты.

Так, одним из важных персонажей картины является индус-сикх Кип, командующий группой саперов. В беседах с главным героем он часто затрагивает антиколониальные темы, заявляя о несправедливости британского владычества в Индии. При этом в лице одного из героев картины, сержанта Харди, вырисовывается манера поведения, противопоставленная той, которая свойственна носителям британской идентичности. Сержант предстает личностью, для которой непринято полагаться на стереотипы и определенные культурные штампы. Видно это по диалогу медсестры с индийцем, который рассказывает об его взаимоотношении с погибшим к этому времени Харди: «твой пациент – это все, что есть хорошего в Англии… он ни разу не спросил меня, играю ли я в крикет, знаю ли я Камасутру…» [5]. Сам сикх вступает в роман с медсестрой Ханой, франко-канадкой, которой нет дела до колониалистских предубеждений по поводу межнациональных связей.

Все это – маловажный фон повествования, который лишь дополняет основную историю. Но в самой трагедии Ласло также присутствует имперский подтекст, пусть и в менее прямолинейной форме. Именно то, что героя зовут Ласло Алмаши, заставило британских солдат отнестись к нему с подозрением. Непривычное для англоязычного офицера имя повлекло за собой задержание и обвинение в измене. Именно в этот момент венгерско-английский картограф отчаянно нуждался в помощи, чтобы спасти свою возлюбленную, умирающую от голода и полученных в результате аварии травм. Вместо помощи исследователь, потративший много лет на изучение Востока, теряет на этом самом Востоке все – любимых ему людей и свою собственную жизнь. Имперский предрассудок оказался сильнее доводов здравого смысла и банального сопереживания. Иллюзорная возможность того, что отдельно взятый венгр может оказаться немецким шпионом, более того, недоверие к любому небританцу в киноленте не выглядят реалиями войны. Зритель, знакомясь с историей Ласло, воспринимает такое отношение к нему как абсурдно-шовинистское. Подкрепляет это и то, что главный герой, убегая из английского плена, получает помощь именно от немцев. В данном эпизоде режиссер, по сути, проводит знак равенства между национальными предрассудками англичан и националистической идеологией Третьего Рейха. Примечательны также условия, на основании которых Ласло получает помощь от немцев. Он выдает важные для немцев карты, совершая открытое предательство государства в обмен на возможность спасти жизнь своей возлюбленной. Подозрение британцев, таким образом, привели к тому, что главный герой действительно выполнил функцию немецкого шпиона, о которой он даже и не раздумывал до задержания его английскими войсками.

Многогранность и сложность картины заключается и в той мозаике чувств и противоречий, в которых оказываются все герои фильма, узнавшие историю Ласло. С одной стороны, исходя из имперских представлений о верности государству и самопожертвованию во благо Британии, Ласло предстает абсолютно аморальным персонажем, который ставит личную трагедию выше государственных идеалов и жизни британских подданных. С другой же, венгерский картограф выглядит как жертва обстоятельств, сделав при этом все возможное для того, чтобы спасти тех, кто ему дорог. Сама картина, развивая запутанный и сложный драматический сюжет, показывает к финалу, что все привычные представления о долге, чести и справедливости далеко не так однозначны. Ласло, столкнувшись с ними (и с рядом других моральных норм, которые он отвергает, выступая ярым индвидуалистом), оказывается вовлеченным в лавину ужасающих событий, остановить которые он оказывается не в состоянии. Практически древнегреческий трагизм картины отлично подчеркивает ее критическое отношение к закрепленным в британской культуре 1940-х гг. имперским этическим нормам. Несмотря на это, нельзя сказать, что данный посыл является лейтмотивом кинопроизведения. Скорее, как уже было упомянуто выше, постимперская рефлексия оказывается вплетенной в сюжет любовной драмы, дополняя и усложняя его.

Литература:

1. «Английский пациент» («The English Patient», реж. Энтони Мингелла, 1996).

2. Ибраев Е.Е. Образы Британской империи XIX-XX веков в английском художественном кинематографе (1920-1990-е гг.): специальность 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время): диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Челябинск: «Челябинский государственный университет», 2017. 237 с.

3. Охотников Е.С. Империя в поисках мира: критика милитаризма в британском кино времен деколонизации // Историко-культурное наследие. 2024. Т. 14, № 3. С. 307-316. DOI 10.62669/30342139.2024.3.29. – EDN NFHOMG.

4. Трофимова О.С. Тема личности и империи в английском кинематографе 1930-80-х гг.: специальность 17.00.03: Кино-, теле- и другие экранные искусства 17.00.03: диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Всерос. гос. ин-т кинематографии им. С.А. Герасимова. Москва, 2004. 161 с.

5. Minghella A. The English Patient. New York, Hyperion, 1996. 162 p.

© Охотников Е.С., 2026

УДК 81'27

Е.В. Полякова
к. филол. н. Россия, Уфа, УУНиТ
А.Р. Акбашева
студент УУНиТ, г. Уфа

E.V. Polyakova
c. of philol. s., Russia, Ufa, UUST
A.R. Akbasheva
student, UUST, Ufa

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

LANGUAGE PECULIARITIES OF CONTEMPORARY REGIONAL PERIODICALS (BASED ON THE NEWSPAPERS OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

Аннотация. В статье рассматривается специфика языка региональных средств массовой информации. На примере изданий Республики Башкортостан анализируется лексическая система локальной прессы как инструмента формирования территориальной идентичности аудитории. Выделяется три ключевых пласта лексики: неологизмы, регионализмы и топонимы.

Abstract. The article examines the specifics of the language used by regional mass media. Using the example of publications from the Republic of Bashkortostan, the lexical system of the local press is analyzed as a tool for shaping the territorial identity of the audience. Three key layers of vocabulary are identified: neologisms, regionalisms (local words), and toponyms.

Ключевые слова: Республика Башкортостан, региональная пресса, язык СМИ, медиалингвистика, территориальная идентичность.

Keywords: the Republic of Bashkortostan, regional press, media language, medialinguistics, territorial identity.

В условиях цифровой трансформации медиасреда становится основной площадкой коммуникации с обществом. Язык современных средств массовой информации представляет собой динамичную полифункциональную систему, которая не только отражает актуальные социокультурные процессы, но и формирует языковую картину мира аудитории.

Классическая концепция журналистики предполагает, что на СМИ возлагаются функции информирования, просвещения, развлечения аудитории, а также идеологического воздействия. При этом центральные СМИ фокусируются на освещении события общероссийского масштаба, а региональные ставят во главу угла близость к свой территории [3]. Региональная пресса раскрывает проблемы, которые непосредственно касаются самих читателей; это могут быть вопросы благоустройства района или решения местных органов власти.

Язык региональных газет – это продуманный инструмент, который помогает изданию быть ближе к жителям, говорить с ними на одном языке, оставаясь одновременно информативным и живым. В Башкортостане газеты становятся

площадкой для диалога культур: слова разных этносов создают единое информационное пространство, понятное всем жителям региона. Язык местных средств массовой информации выступает ключевым инструментом познания народом своего этнического бытия: «В функционально-содержательной структуре прессы можно проследить тесную связь с культурой этноса» [1, с. 433].

Рассмотрим три пласта лексики современных средств массовой информации: неологизмы, регионализмы и топонимы.

Адаптация неологизмов. Региональные издания используют неологизмы так же активно, как и федеральные. Для средств массовой информации такие слова важны, поскольку они обогащают лексику, помогают авторам делать текст современным, избегать клише и повторов за счет своей смысловой емкости. Кроме того, в тексте неологизмы выполняют определенную стилистическую функцию, делая речь более выразительной и эмоциональной [5]. Например, в более консервативных по стилю газетах чаще пишут «удаленная» или «дистанционная работа», тогда как региональные медиа предпочитают разговорное слово «удалёнка». Это наглядно демонстрирует, как пресса адаптирует язык под свою аудиторию: «В мэрии Уфы озвучили причину перевода части сотрудников на удалёнку» [6]; «В ЦУР Башкортостана рассказали, как заправляются “скорые”» [7]; «В МВД рассказали, сталкивались ли жители Башкирии с “эффектом Долиной”» [8].

Регионализмы. Освещая локальные события, газеты Башкортостана формируют, таким образом, уникальное социокультурное пространство. Лингвистическим фундаментом этого процесса, очевидно, становится использование регионализмов, то есть слов, характерных для данной местности. «Наиболее частотными в употреблении в региональных медиатекстах являются тюркоязычные регионализмы, обозначающие традиционные блюда, напитки, праздники, а также регионализмы, являющиеся уважительными обращениями к людям разного возраста» [4, с. 160]. Так создается медиасреда, в которой разные этнические группы региона объединяются в единое смысловое поле, понятное каждому жителю региона: «Сегодня в Башкирии стартуют первые сабантуи» [9]; «В Башкирии пройдет фольклорный праздник “Салауат йыйыны”» [10]; «В Уфе наградят победителей республиканского конкурса “Моё шежере”» [11].

Топонимическая привязка. Одной из ключевых особенностей языка региональный прессы является активное использование топонимов, то есть названий географических объектов, хорошо знакомых местной аудитории. Для региональных изданий местные топонимы работают как социальный якорь: они мгновенно создают эффект присутствия и подчеркивают близость газеты к жизни своего района или города [2]: «Цифровой пленэр у пещеры Шульган-Таш состоялся в Башкирии» [12]; «Чак-чак по ГОСТу: вступил в силу первый национальный стандарт на лакомство» [13]; «На фестивале “Башкорт аты”» раскрыли древний рецепт кумыса» [14].

Таким образом, язык региональной прессы представляет собой инструмент формирования территориальной идентичности. Выполняя информативную

задачу, локальные медиа одновременно реализуют мемориальную функцию: они фиксируют и транслируют элементы национальной самобытности, обеспечивая психологическую привязанность аудитории к месту проживания.

Литература:

1. Ахметьянова Н.А. Роль печатных изданий в этнической идентификации этносов Республики Башкортостан // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-3(90). С. 432-436.
2. Габидуллин И.И. Особенности топонимики и географической терминологии в русском языке // Духовные ценности и нравственный опыт цивилизаций: мат-лы IV Международной НПК. Уфа: УГНТУ, 2023. С. 29-31.
3. Моисеева А.В. Техники манипулятивного речевого воздействия в медиатексте (на примере региональной прессы) // Вестник Башкирского университета. 2022. Т. 27, № 3. С. 747-750.
4. Полякова Е.В. Регионализмы в современном медиатексте (на примере региональной прессы Республики Башкортостан) // Современные СМИ в контексте информационных технологий: сб. науч. трудов. СПб, 2024. С. 159-162.
5. Полякова Е.В. Словообразовательные неологизмы эпохи коронавируса в современных СМИ на примере газеты «Вечерняя Уфа» // Вестник Башкирского университета. 2022. Т. 27, № 1. С. 145-149.
6. В мэрии Уфы озвучили причину перевода части сотрудников на удалёнку. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bashinform.ru/news/politics/2025-10-22/v-merii-ufy-ozvuchili-prichinu-perevoda-chasti-sotrudnikov-na-udalyonku-4436966. (дата обращения: 12.04.2026).
7. В ЦУР Башкортостана рассказали, как заправляются «скорые». [Электронный ресурс]. URL: https://www.bashinform.ru/news/social/2026-07-02/v-tsur-bashkortostana-rasskazali-kak-zapravlyayutsya-skorye-4658291. (дата обращения: 02.07.2026).
8. В МВД рассказали, сталкивались ли жители Башкирии с «эффектом Долиной». URL: https://www.bashinform.ru/news/social/2025-12-08/v-mvd-rasskazali-stalkivalis-li-zhiteli-bashkirii-s-effektom-dolinoy-4498230. (дата обращения: 12.04.2026).
9. Сегодня в Башкирии стартуют первые сабантуи. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bashinform.ru/news/social/2026-05-30/segodnya-v-bashkirii-startuyut-pervye-sabantui-4655798. (дата обращения: 30.05.2026).
10. В Башкирии пройдет фольклорный праздник «Салауат йыйыны». [Электронный ресурс]. URL: https://resbash.ru/articles/obshchestvo/2024-06-14/v-bashkirii-proydet-folklornyy-prazdnik-salauat-yyyyny-3809672. (дата обращения: 30.05.2026).
11. В Уфе наградят победителей республиканского конкурса «Моё шежере». [Электронный ресурс]. URL: https://www.bashinform.ru/news/social/2025-04-11/v-ufe-nagradyat-pobediteley-respublikanskogo-konkursa-moyo-shezhere-4194881. (дата обращения: 30.05.2026).
12. Цифровой пленэр у пещеры Шульган-Таш состоялся в Башкирии. [Электронный ресурс]. URL: https://mgazeta.com/news/novosti/2026-07-

07/tsifrovoy-plener-u-peschery-shulgan-tash-sostoyalsya-v-bashkirii-4743879 (дата обращения: 20.07.2026).

13.Чак-чак по ГОСТу: вступил в силу первый национальный стандарт на лакомство. [Электронный ресурс]. URL: https://mgazeta.com/news/novosti/2026-01-19/chak-chak-po-gostu-vstupil-v-silu-pervyy-natsionalnyy-standart-na-lakomstvo-4541650. (дата обращения: 12.04.2026).

14.На фестивале «Башкорт аты» раскрыли древний рецепт кумыса. [Электронный ресурс]. URL: http://mgazeta.com/news/novosti/2025-09-06/na-festivale-bashkort-aty-raskryli-drevniy-retsept-kumysa-4376940. (дата обращения: 12.04.2026).

© Полякова Е.В., Акбашева А.Р., 2026

УДК 141.32:82.09

А.Г. Рыжикова
магистрант УУНиТ, г. Уфа, Россия
Е.В. Полякова
к. филол. н., УУНиТ, г. Уфа, Россия

A.G. Ryzhikova
master's student, UUST, Ufa, Russia
E.V. Polyakova
c. of philol. s., UUST, Ufa, Russia

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПРЕДЕЛЬНЫХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ АКТОВ

HISTORICAL‑PHILOSOPHICAL AND LITERARY COMPREHENSION OF THE PHENOMENON OF ULTIMATE EXISTENTIAL ACTS

Аннотация. В статье рассматривается феномен самоубийства как предельного экзистенциального акта в историко-философском и литературном осмыслении – от античности до экзистенциализма XX века. Сопоставляются позиции религиозного (Н. Бердяев) и атеистического (А. Камю) направлений, а также анализируется взгляд Н.А. Бердяева на самоубийство как социально-духовный феномен.

Abstract. The article examines suicide as an ultimate existential act in historical-philosophical and literary reflection, from antiquity to 20th-century existentialism. It compares religious (N. Berdyaev) and atheistic (A. Camus) approaches and analyzes N.A. Berdyaev's view of suicide as a socio-spiritual phenomenon.

Ключевые слова: самоубийство, экзистенциализм, предельные экзистенциальные акты, смысл жизни.

Keywords: suicide, existentialism, ultimate existential acts, meaning of life.

Феномен самоубийства являлся предметом споров множества философов во все времена, начиная с Древней Греции. Например, Аристотель связывал самоубийство с проявлением душевной низостью и безволием, даже если добровольный уход из жизни был связан с серьезными жизненными

проблемами. Платон разделял такие же взгляды, но выделял исключения (страдание, нестерпимый позор или воля богов), вследствие которых самоубийство переставало считаться запретным. Также тему самоубийства в своих сочинениях поднимал Луций Анней Сенека, который, подобно Платону, допускал добровольный уход из жизни в виду серьезных обстоятельств, если это «обстоятельство» мешает вести добропорядочный образ жизни: «Раньше ты умрешь или позже – неважно, хорошо или плохо – вот что важно. А хорошо умереть – значит, избежать опасности жить дурно».

В Средние века, в период расцвета христианского мировоззрения, тема самоубийства была табуирована, так как противоречила христианской догматике. Лященко М.Н. в работе «Метафизика самоубийства в философии Средневековья и Ренессанса» пишет о том, что акт самоубийства в сознании средневекового человека олицетворяет разрыв между ним и Творцом и ставил под сомнение бытие Бога, его мудрость и деятельность. В эпоху Возрождения, где главной ценностью стала считаться человеческая жизнь, самоубийство воспринималось как нечто противоестественное, являло «антиценность», так как сам саморазрушительный характер поступка противоречил главной цели земного существования человека – наслаждению.

Этимология слова «Бог» восходит к праславянскому *bogъ, которое, согласно общепринятой индоевропейской реконструкции, связано с древнеиндийским bhágas («господин», «владыка», «податель благ») и древнеперсидским baga («господь», «божество»). Первоначальная семантика корня связывается с идеей наделения, распределения благ и богатства, что позволяет рассматривать понятие «Бог» не только как обозначение высшей сакральной сущности, но и как след архаических представлений о дарующем и распоряжающемся начале. В славянской языковой традиции слово «Бог» постепенно утрачивает узкоязыческое значение и становится универсальным термином для обозначения единого Творца в христианском контексте, сохраняя при этом семантические оттенки величия, власти и благодати. Таким образом, уже на этимологическом уровне фиксируется тесная связь представлений о Боге с категориями смысла, дара и жизненного порядка, что в дальнейшем оказывается существенным для философского осмысления самоубийства как акта, направленного против божественного дара жизни [5].

Глубокое метафизическое исследование в области изучения проблемы самоубийства провел философ А. Шопенгауэр в своей работе «Мир как воля и представление»: «Самоубийца хочет жизни и недоволен только условиями, при которых она ему дана. Поэтому он отказывается вовсе не от воли к жизни, а только от самой жизни, разрушая ее отдельное проявление». Другими словами, самоубийство, по мнению А. Шопенгауэра, – это воля к жизни человека, который не хочет избавиться от жизни, а только лишь хочет улучшить условия, от которых зависит его существование. По мере нарастания «желания смерти» человека увеличивается дистанция между ним и его собственным «Я», вследствие чего происходит разрушение его физического тела и внутреннего устройства.

В национально-языковой картине мира конца XIX – начала XX века концепт «Бог» претерпевает существенную трансформацию, обусловленную как секуляризационными процессами, так и религиозно-философскими исканиями эпохи. В русской языковой традиции этого периода концепт «Бог» сохраняет ядерные компоненты значения, связанные с идеями всемогущества, всеблагости, творения и промысла, однако на периферии актуализируются смыслы, отражающие кризис традиционной религиозности: богооставленность, молчание Бога, трагическую разорванность между человеком и Творцом. В литературных и публицистических текстах этого времени лексема «Бог» часто соседствует с контекстами сомнения, бунта и богоборчества, что свидетельствует о смещении концепта из сакрального центра к экзистенциально напряженной периферии. Одновременно в религиозно-философской мысли (Вл. Соловьёв, Н. Бердяев, С. Булгаков) наблюдается стремление к реконструкции целостного религиозного мировоззрения, в котором концепт «Бог» вновь связывается с идеями смысла, любви и преображения. Такая двойственность, в которой мы видим сохранение традиционного ядра и радикальное переосмысление периферийных смыслов, делает концепт «Бог» ключевым для понимания духовных оснований эпохи, в том числе и для философского анализа самоубийства как формы богоборческого или богооставленного существования [6].

Важным этапом исследования самоубийства как социального, морально-психологического и религиозного предмета стало социологическое исследования Э. Дюркгейма «Самоубийство» [3], написанное в 1897 г., где исследователь проанализировал феномен самоубийства и подразделил его на несколько типов, используя метод статистики в таблице ниже.

Типы самоубийств по Э. Дюркгейму

Тип самоубийства	Определение
Эгоистичное	Самоубийство, совершенное человеком, который не «внедрен» в систему общества, он отчужден от него, не чувствует своего места в нем, проявляет сильное индивидуальное начало и чувство вечной несправедливости.
Альтруистичное	Противоположно эгоистическому самоубийству. Это самоубийство человека, который чрезмерно «внедрен» в общество, ощущает социальные связи с его членами, но теряет свою личность и ценность своей жизни из-за интересов других. Самоубийство совершается «во благо» кого-то или чего-то.
Аномичное	Возникает, когда в обществе происходит «потрясение»: экономический кризис, рост безработицы, смена социальных норм и т.д.

Тип самоубийства	Определение
Фаталистичное	Противоположно аномичному. Возникает, когда общество оказывается чрезмерно скованно регламентированными рамками, а существование человека подавляется строгими правилами.

Для понимания саморазрушительного поведения важно учитывать психологические механизмы воздействия массмедиа на человека в цифровую эпоху. Основные механизмы: социальное сравнение с идеализированными образами, «эхо-камеры», алгоритмическая персонализация и вирусное распространение деструктивных нарративов. Цифровая среда ослабляет традиционные связи и усиливает символическое воздействие, что способствует эгоистическому типу самоубийственности по Э. Дюркгейму – отчужденности и утрате принадлежности. Анонимность и дистантность снижают эмоциональную вовлеченность и ответственность, создавая риски для лиц с неустойчивой идентичностью. Таким образом, массмедиа выступают активным агентом конструирования экзистенциальных смыслов, способным как усиливать, так и смягчать суицидальные риски [7].

В нашем исследовании для нас наибольший интерес представляет тип эгоистического самоубийства, который исследуется в области философии и литературы в экзистенциональном направлении. Экзистенциализм (от позднелат. – ex(s)istentia – существование) – одно из крупнейших направлений в философии и литературе, возникшее в первой половине XX века, – в эпоху нестабильности и военных конфликтов и «отражает самочувствие человека, остро ощущающего грань между жизнью и смертью, бытием и небытием». Экзистенциализм появился как реакция на сочетание бурного технологического развития с моральным упадком общества, вследствие чего человечество столкнулось с двумя Мировыми войнами и всеобщим чувством «экзистенциальной бездомности». Следует отметить, что экзистенциализм не является «новой» школой, философы XX века только углубили понимание онтологических вопросов и разработали собственные взгляды на бытие, которые можно отнести к одному направлению.

Одно из самых важных положений, которое волновало экзистенциалистов – понятие свободы и способы его достижения. Тип эгоистического самоубийства является одним из способов обретение свободы как «выхода» из абсурдного, враждебного мира.

Приверженцы и атеистического, и религиозного экзистенциализма рассматривают самоубийство как фундаментальный философский вопрос, так как свобода и смерть являются основными компонентами конструирования экзистенциального опыта. А. Камю в «Мифе о Сизифе» пишет: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии» [4]. Позиция того или иного философа касательно самоубийства тесно связана с идеей о

существовании или отрицании Бога. Рассмотрим позиции двух ветвей экзистенциализма касательно вопроса самоубийства в таблице ниже.

Отношение религиозного и атеистического экзистенциализма к вопросу о самоубийстве

Критерий	Религиозные экзистенциалисты	Атеистические экзистенциалисты
Представители	С. Кьеркегор, К. Ясперс, Н. Бердяев, Л. Шестов.	А. Камю, Ж.-П. Сартр.
Источник смысла жизни	Вера и стремление человека к трансцендентности через Бога.	Смысл для себя человек определяет сам, он является продуктом собственных решений и поступков.
Позиция по поводу самоубийства	Самоубийство в философии религиозных экзистенциалистов рассматривается как акт, направленный против воли Бога, отказ от Божьего дара – жизни (в этом просматривается схожесть взглядов с христианской догматикой, разница – в философии экзистенциалистов подчеркивается отказ от предопределения человеческой жизни Высшими силами, судьба человека является результатом его отношения к космосу и Богу).	Проблема существования приводит А. Камю к идее абсурда, а тема самоубийства раскрывается в двойственном свете: с одной стороны, как акт, противоположный бунту, а с другой – как специфическая форма бунта, направленная против непознаваемости мира. В обоих случаях, самоубийство, по Камю, является способом преодоления абсурда. В философии Ж.П. Сартра самоубийство также носит абсурдный характер, так как оно являет акт свободы воли, посредством которого человек тщетно пытается избавиться от своей свободы.
Философское обоснование	Существование предшествует сущности,	
	но человек обретает свою сущность через отношения с Богом; отчаяние – один из путей к вере.	человек несет за свою жизнь ответственность, которая выражается в его поступках и действиях, а самоубийство является актом отказа от свободы и ответственности.

Экзистенциализм в России (Н. Бердяев, Л. Шестов) имеет свои отличительные черты:

1. Направление русской философии отличается ярко выраженным религиозным характером. Н. Бердяев и Л. Шестов строили свою философию в

христианском контексте, а их экзистенциальный метод исследования был направлен на поиск «живого» Бога.

2. В центре размышлений о бытие, смерти и Бога всегда находился конкретный ищущий, страдающий человек – черта антропоцентризма. Оба философа изучали глубину человеческого духа, ставя воплощение человеческой души выше абсолютных истин.

3. Обоим философам свойственна критика западного рационализма. Н. Бердяев и Л. Шестов являются критиками западноевропейской философии рационализма, в своих работах [1] обращаются к Сократу и Аристотелю, подчеркивая подмену живой веры и истины отвлеченными понятиями и обязательными законами.

Исходя из этого, Н. Бердяев в работе «О самоубийстве» [2] излагает свою позицию касательно самоубийства, которая сформировалась в рамках его экзистенциальной и религиозной философии в таблице ниже:

Позиция Н.А. Бердяева касательно самоубийства на основе анализа работы «О самоубийстве»

Основной тезис	Позиция Н.А. Бердяева
Причина самоубийства	Н.А. Бердяев в своем исследовании рассматривает акт самоубийства как социально-исторический феномен, углубляясь в характер самоубийства, выраженный в обществе русской эмиграции первой волны. Также он выделяет, по его мнению, главную причину самоубийства – потеря смысла существования, оторванность от родины и бессмысленность страданий. Н.А. Бердяев подчеркивает, что самоубийство – это духовная слабость и отсутствие любви к своим близким, семье, которое выражается в доведенном до предела эгоизме.
Оценка через религиозное мировосприятие	Н.А. Бердяев неоднозначен в своей оценке: с одной стороны, он жалеет самоубийцу, но с другой, не может сочувствовать самому акту лишения себя жизни, так как это противоречит божественному закону.
Влияние самоубийства на общество	Самоубийство – не только личная трагедия, по мнению Н.А. Бердяева, но и социальное действие, которое «сеет смерть» [2] в обществе.
Психологическое состояние самоубийцы	Н.А. Бердяев подчеркивает, что в момент совершения самоубийства человек не желает себе смерти, он в этот момент стремится уничтожить «мгновение, принятое им за вечность» [2]. В моменте самоубийства Н.А. Бердяев усматривает влияние на человека потусторонних, инфернальных сил: «Самоубийца – человек одержимый. Он одержим объявшей его тьмой и утерял свободу» [2].
Философский	Главный метод борьбы с самоубийством заключается в

Основной тезис	Позиция Н.А. Бердяева
смысл самоубийства и борьба с ним	обретении духовного смысла существования. Вызванные страдания необходимо преобразовать в глубокий внутренний смысл для самого человека, так и для всего мира, т.е. Н.А. Бердяев говорил о религиозном отношении к жизни.

Психология диалога и мир человека представляет собой важнейший аспект понимания экзистенциальных оснований личности, ее способности противостоять отчуждению и суицидальным тенденциям. Мир человека в диалогической перспективе не является монологическим пространством изолированного субъекта; он формируется в живом взаимодействии голосов, смыслов и ценностей. Утрата диалогической установки, замыкание в монологе собственного страдания и есть, по существу, та духовная ситуация, которую Н. А. Бердяев описывал как одержимость тьмой и утрату свободы. Восстановление диалога с Богом, людьми, самим собой выступает, таким образом, не только психотерапевтической, но и экзистенциально-философской альтернативой самоубийству, возвращая человеку чувство смысла и сопричастности бытию.

Таким образом, феномен самоубийства в философии и литературе имел большой исследовательский интерес во все времена, но получил наиболее глубокое осмысление в конце XIV – начале XX века. Самоубийство исследовалось как с социологической (Э. Дюркгейм «Самоубийство), так и с философской точки зрения, а именно с позиции экзистенциальной философии, которая, в свою очередь классифицировалась на религиозную/атеистическую, западную/русскую. Несмотря на различные философские установки, философы-экзистенциалисты схожи в своих взглядах на предмет акта самоубийства – он либо считается нравственно неприемлемым, либо бессмысленным в условиях существования человека в абсурдном мире.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Критика рационализма в современной философии // Вопросы жизни, №6, 1905. С. 168–184.

2. Бердяев Н.А. О самоубийстве. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 23 с.

3. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / пер. с фр. сокр. А.Н. Ильинского; под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 400 с.

4. Камю А. Миф о Сизифе / А. Камю; пер. с фр. С. Великовского. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 218 с.

5. Полякова Е. В. Этимология слова Бог (к вопросу о содержании понятия «Бог») // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: материалы VII Международной науч.-практ. конф. – Уфа: БашГУ, 2021. – С. 85-87.

6. Полякова Е. В. Репрезентация концепта «Бог» в национально-языковой картине мира конца XIX – начала XX в. // Сопоставительно-типологический

ракурс в исследовании разноструктурных языков: материалы Международной научно-практической конференции. – Уфа: БашГУ, 2018. – С. 269-273.

7. Полякова Е. В. Психологические механизмы воздействия массмедиа на личность в цифровую эпоху // Социальные и гуманитарные науки в глобальном мире: сборник научных трудов. – Уфа: УУНиТ, 2026. – С. 367-375.

© Рыжикова А.Г., Полякова Е.В., 2026

УДК 327

Ю. С. Усова
к. и. н., доцент
Россия, Уфа, УУНиТ

Yu. S. Usova
c. of h. s., associated professor
Russia, Ufa, UUST

«МЯГКАЯ СИЛА» НОВОЙ ЭПОХИ: КАК ТУРЦИЯ УКРЕПЛЯЕТ СВОЁ ВЛИЯНИЕ В XXI ВЕКЕ

SOFT POWER IN THE NEW AGE: HOW TÜRKIYE IS STRENGTHENING ITS INFLUENCE IN THE 21ST CENTURY

Аннотация: Представленная статья анализирует трансформацию концепции «мягкой силы» в первой четверти XXI в. в Турции: расширение круга ее акторов за счет стран Средней Азии, роль цифровых технологий и социальных сетей. На примере Турции показаны инструменты «мягкой силы»: культурное наследие, образовательные программы, медиа. Описывается переход ряда стран от «мягкой» в условиях трансформации системы международных отношений.

Abstract: This article analyzes the transformation of the concept of "soft power" in Turkey in the first quarter of the 21st century: the expansion of its constituency to include Central Asian countries and the role of digital technologies and social media. Using Turkey as an example, it highlights the tools of soft power: cultural heritage, educational programs, and media. It describes the transition of several countries from soft power to soft power amid the transformation of the international relations system.

Ключевые слова: мягкая сила, Турция, международные отношения, культурная дипломатия, цифровая трансформация

Keywords: soft power, Türkiye, international relations, cultural diplomacy, digital transformation

В первой четверти XXI в. произошла значительная трансформация концепции «мягкой силы» [1]. Если во второй половине XX в. эта концепция была больше применима к странам либерально-демократического мира (странам Западной Европы и США), то в связи с фундаментальными изменениями в информационном поле и кардинальными техническими переменами в плане доступа населения к информационным ресурсам и контенту, существенное влияние в рамках «мягкой силы» получили страны Востока.

Произошло существенное расширение акторов, которые стали активно использовать инструменты «мягкой силы». Конкретнее, расширился спектр

стран мира, которые стали использовать «мягкую силу» через образовательные услуги, культурные продукты и спортивную дипломатию [2].

Одной из причин активизации незападных стран на поле «мягкой силы» это стремление ограничить монополию Запада на формирование международной повестки, влияние Запада на процессы глобализации. В связи с тем, что именно в первой четверти XXI в. произошли изменения в цифровых технологиях, появились новые каналы, через которые оказывается эффективное влияние [3]. В первую очередь к таким каналам необходимо отнести социальные сети, а также такие сервисы, как You-tube.

В результате к 2025 г., в контексте обострения конфликтности и процессе трансформации системы международных отношений, можно сказать, что страны Запада перешли от использования «мягкой силы» к более частому применению «жесткой силы» для противодействия конкурентам и противникам [4]. Также страны либерально-демократического мира пытаются применять «культуру отмены» с целью регулировать развитие и распространение «мягкой силы» других стран, которые могут составлять конкуренцию западным странам в каком-либо направлении. С целью ослабить конкурента применяются и манипулятивные технологии. Через них происходит подмена изначального позитивного посыла на инструменты влияния на общественное сознание в выгодном для определенного государства направлении.

Вернемся к «мягкой силе». Несмотря на произошедшие изменения эта концепция сохраняет свою актуальность в трех ключевых направлениях деятельности государств и правительств: гуманитарном влиянии, публичной дипломатии, образовательных программах [5]. Одной из стран, которые активно расширили свое влияние и представительство в мире в начале XXI столетия стала Турция.

Как и для других государств, важную роль в усилении реализации «мягкой силы» Турцией сыграло общее историческое прошлое с соседними государствами – история и традиции, повлиявшие на формирование обществ в период существования Османской империи. Правительство Турции стало еще более активно использовать историческое наследие Османской империи в отношениях с бывшими территориями империи [6]. В частности, при консультативной поддержке Турции реализуются проекты по восстановлению османской архитектуры в балканских странах. Для этого используется Турецкое агентство по сотрудничеству и координации. Через него согласовываются и реализуются проекты по реставрации многочисленных сооружений османской эпохи на Балканах. Особое внимание уделяется таким странам, как Албания, Босния и Герцеговина, Македония и Сербия. Проекты включают в себя реставрацию мечетей, медресе, часовых башен и мостов, с целью сохранения общего культурного наследия посредством использования местных материалов и соблюдения международных стандартов охраны памятников. Конкретнее, можно выделить некоторые проекты по странам. В Албании Турецкое агентство по сотрудничеству и координации отреставрировало пять мечетей и продолжает работу еще над тремя (Свинцовая мечеть в Шкодере и мечеть Этем-бея в Тиране). В Боснии и Герцеговине реставрационный проект включал в себя

мечеть Ферхадия в Сараево (которая была восстановлена после разрушений 1990-х гг.) и Императорскую мечеть, которая является старейшей в городе. В Северной Македонии проекты включают реставрацию турецкого театра в Скопье, каменного моста времен Османской империи в столице и мечетей (например, Раданже Махмут Ага и мечеть Мустафы Кебира Челеби). На территории Сербии Турция поддерживает реставрацию оставшихся османских мечетей, с целью сохранения культурного наследия в регионе.

Несколько направлений «мягкой силы» управляется через особенности культурной близости Турции с тюркоязычными странами (в частности, с Азербайджаном, Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном, Туркменистаном) [7]. В частности, турецкое правительство развивает поддержку тюркских языков и культур в Средней Азии, для чего был создан Тюркский совет как платформа для культурного взаимодействия и проводится финансирование образовательных программ для изучения турецкого языка. Помимо Тюркского совета, были созданы и функционируют другие институциональные механизмы взаимодействия. Такие как Международная организация тюркской культуры (занимается сохранением и развитием общего культурного наследия), Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (платформа для межпарламентского диалога), Международная Тюркская Академия (научно-исследовательский центр), был создан также Тюркский инвестиционный фонд. В сфере образовательных инициатив происходит открытие турецких университетов и школ в разных странах региона, финансирование образовательных программ, создаются центры изучения турецкого языка, проводится обмен студентами и преподавателями, также финансируется перевод образовательных материалов. Также развиваются следующие культурные проекты: организация международных выставок и симпозиумов, поддержка культурных мероприятий, создание общего культурно-просветительского пространства, продвижение общетюркского наследия, финансирование реставрации исторических памятников. В сфере языковой политики Турция оказывает помощь в реформировании алфавитов (в Туркменистане и Узбекистане), продвигает единый стандарт тюркского языка, создает образовательные программы по изучению языков, поддерживает медиа на тюркских языках.

Помимо культурных программ, образования и медиапространства в военной сфере реализуются программы совместных учений, обучение военных, поставки вооружения. А в экономической сфере сотрудничества особое внимание уделяется взаимодействию через торговые отношения и инвестиции.

Турция выступает лидером данного объединения и активно продвигает идеи тюркского единства, при этом все страны-участницы сотрудничества (страны постсоветского пространства) пока сохраняют свой суверенитет.

Также важно позиционирование Турции в международном пространстве на мировом уровне. Это позиционирование тесно связано с религиозным фактором. В частности, Турция видит себя как мост между исламским миром и странами Запада, стремится активно участвовать в исламских организациях, а также оказывать гуманитарную помощь мусульманским странам [8].

Помимо уже перечисленного, необходимо отметить важную роль внешнеполитических стратегий турецкого правительства в первой четверти XXI в. Концепция «стратегической глубины» позволила расширить влияние на новые регионы, а политика «нулевых проблем» с соседями способствовала улучшению двусторонних отношений. Под руководством министра иностранных дел Турции Ахмета Давутоглу концепция «стратегической глубины» начала активно реализовываться с 2002 г. Эта концепция ознаменовала собой стремление отказаться от жестких способов решения проблем во внешней политике, стремление к гибким, многовекторным отношениям с соседями. Несмотря на то, что подобные идеи и раньше прослеживались в трудах турецких мыслителей, именно в начале XXI в. они нашли свое непосредственное воплощение. Однако, на протяжении 25 лет идеи концепции «стратегической глубины» претерпели изменения. После 2011 г. произошел переход к применению жесткой силы в некоторых регионах, активизировалась борьба за рынки сбыта, за расширение влияния на новых направлениях, а также новая волна укрепления тюркского единства. Таким образом, внешнеполитическая концепция Турции «стратегическая глубина» трансформировалась в соответствии с международными вызовами XXI в.

Распространение влияния Турции также происходит через диаспоры в других странах. Турецкая диаспора стала важным инструментом влияния Анкары на внутриполитические процессы в странах проживания. Турецкие власти активно взаимодействуют с гражданами за рубежом, вовлекая их в политические события. С 2014 г. турецкие граждане получили возможность голосовать не только на таможенных пунктах, но и в зарубежных дипломатических представительствах, что превратило турецкую диаспору в полноценную электоральную базу.

Управление по делам турок за рубежом и родственных общин (YTB) координирует работу с диаспорой, реализует программы поддержки, включая финансовую помощь неправительственным организациям, курирующим различные мероприятия. Примеры таких проектов: «Часы турецкого языка» и «Культурные путешествия Эвлия Челеби», которые позволяют детям и молодежи изучать турецкий язык и знакомиться с культурой и историей Турции. Также YTB реализует стипендиальные программы для поддержки молодежи, студентов и исследователей, например стипендию Ф. Сезгина за выдающиеся успехи в учебе и «Программу поддержки молодежи».

Р. Т. Эрдоган стремится позиционировать себя как покровителя мусульман, поддерживая мусульманское сообщество в немусульманских странах, выступая в защиту их прав и свобод. Управление по делам религии (Дианет) играет важную роль в этом направлении. Оно проводит международные встречи и симпозиумы по теме ислама, принимает иностранных студентов-мусульман в Турции, предоставляет стипендии для получения высшего образования в области теологии, а также осуществляет строительство мечетей за рубежом. Дианет сотрудничает с местными мусульманскими организациями и общинами, создавая на их базе новые структуры, которые становятся каналом влияния на мусульманское сообщество.

Турция также активно участвует в защите прав мусульман в международных конфликтах, например, в палестинском вопросе. Эрдоган призывал к созданию исламской коалиции для поддержки сектора Газа.

В сфере продвижения и популяризации турецкого языка, культуры и истории одним из ключевых учреждений является Институт Юнуса Эмре. Он открывает тюркологические факультеты в сотрудничестве с университетами за рубежом, проводит мероприятия по продвижению турецкой культуры. По состоянию на 2023 г. было открыто более 60 центров Института Юнуса Эмре по всему миру.

Еще одним важным инструментом в направлении продвижения турецкой культуры и языка стали турецкие фильмы и сериалы. По данным на 2025 г., популяризация турецкой культуры и языка через медиа вызывала обеспокоенность в некоторых арабских странах, где религиозные лидеры выпускали фетвы в ответ на влияние турецких сериалов. В частности, в 2020 г. египетский институт по фетвам «Дар аль-Ифта» (один из старейших и наиболее влиятельных богословских центров Ближнего Востока) опубликовал заявление, в котором осудил турецкие сериалы «Воскресение: Эртугрул» и «Долина волков». В фетве утверждалось, что эти сериалы направлены на возрождение Османской империи и восстановление турецкого суверенитета над арабскими странами, которые ранее находились под османским владычеством. Египетские богословы также обвинили президента Турции Р. Т. Эрдогана в попытке распространить идею о том, что турки являются лидерами халифата, ответственными за поддержку мусульман во всем мире.

По мнению «Дар аль-Ифта» сериалы интерпретируют исламские фетвы прагматически, чтобы оправдать насилие и убийства, и тем самым экспортируют «точный образ противоправных действий».

В других арабских странах, например, в ОАЭ и Саудовской Аравии, турецкие сериалы также подвергались ограничениям.

В марте 2018 г. Саудовская Аравия ввела запрет на показ турецких сериалов. Решение было принято медиаконгломератом MBC Group – ведущим вещателем на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Запрет коснулся всех турецких программ, транслировавшихся на каналах компании, включая египетский MBC MASR. Причинами стала группа факторов. В сфере политических разногласий произошло ухудшение отношений между Эр-Риядом и Анкарой после убийства саудовского журналиста Джамаля Хашогги в Стамбуле в 2018 г. Саудовская Аравия обвинила Турцию в политизации этого дела. Также Турция поддержала Катар во время эмбарго, введенного против него странами Персидского залива. В то же время Саудовская Аравия и ее союзники считали группировку «братья-мусульмане» террористической, в то время как Турция, по их мнению, поддерживала ее. Также популярность турецких сериалов воспринималась как попытка Турции расширить свое влияние в арабских странах, что противоречило интересам Саудовской Аравии.

В противовес турецким сериалам Саудовская Аравия спонсировала производство арабских проектов. Например, был создан проект «Королевство огня», в котором османские турки изображались как жестокие и безжалостные люди. Запрет действовал до 2022 г., когда Саудовская Аравия и Турция начали

нормализовать отношения. В октябре 2022 г. MBC Group заключила пятилетнее соглашение с турецкими студиями Medyapim и Ay Yapim, что ознаменовало снятие запрета.

В марте 2018 г. в ОАЭ также ввели ограничения на показ турецких сериалов. Медиагруппа «Центр Средневосточного вещания» (MBC), базировавшаяся в Дубае, запретила 11 телеканалам демонстрировать турецкие программы. Пресс-секретарь MBC Мазен Хаек заявил, что запрет даст толчок созданию более сильных арабских сериалов. Как и в случае с Саудовской Аравией, решение было частью скоординированных действий стран Персидского залива, направленных на ограничение культурного влияния Турции. Таким образом, реакция ОАЭ и Саудовской Аравии на турецкие сериалы была инструментом внешней политики.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Концепция «мягкой силы» в Турции в последние десятилетия претерпела существенную трансформацию. Расширив круг своих акторов, Турция стала одним из наиболее успешных примеров применения данного инструмента. Основными направлениями реализации турецкой политики «мягкой силы» выступают: культурная дипломатия (через реставрацию османского наследия), образовательная экспансия в тюркоязычных странах и регионах, языковая политика и продвижение турецкого языка, работа с диаспорой через специальные государственные программы, религиозное влияние. Помимо указанных инструментов реализации «мягкой силы», можно уверенно говорить о переходе правительства Турции к концепции «умной силы», через сочетание культурного влияния с экономическим давлением, гуманитарных проектов с военной помощью, образовательных программ с политическим давлением.

Важно подчеркнуть, что в современных условиях сама концепция «мягкой силы» прошла через этап трансформации, в результате чего наблюдается общая тенденция сочетать в своей политике «мягкую» и «жесткую» силу в рамках концепции «умной силы», не останавливаться в адаптации инструментов, так как в связи с развитием информационных технологий необходимо модифицировать классические методы под новые реалии, а также многовекторности, то есть использования максимально большого количества каналов для достижения своих внешнеполитических целей.

Несмотря на определенные ограничения (например, в арабских странах), турецкая модель «мягкой силы» остается эффективной и продолжает адаптироваться к меняющимся международным условиям, что подтверждается постепенным снятием ограничением на турецкие медиапродукты.

Литература:

1. История (история России, всеобщая история): учебное пособие / Н.А. Бессилин [и др.] / под ред. Ф.Ф. Шаяхметова. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 324 с.

2. Рустамова Л. Р. Трансформация мягкой силы и конфликтогенность в меж дународных отношениях // Международные процессы. 2023. Т. 21, № 3 (70). С. 68–85.

3. Сафонкина Е.А. Турция как новый актор политики «мягкой силы» // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14, № 4. С. 112–134.

4. Усова Ю.С. Лейбористы в оппозиции (2010-2020 гг.) // Актуальные проблемы изучения и преподавания истории и международных отношений: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, 110-летию Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, Рязань, 24–25 апреля 2025 года. Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2025. С. 432-438.

5. Усова Ю.С., Франк Е.К. Особенности культурного самоопределения населения Новой Англии и Британской Вест-Индии в 1620-1689 гг. // Общество: философия, история, культура. 2025. № 8(136). С. 156-161.

6. Asanov, B. M. Turkey's «Soft Power» in Central Asia's Foreign Policy // Central Asian Survey. 2019. Vol. 38, No. 2. P. 234–251.

7. Kharkevich, M. V. Soft Power: Political Use of a Scientific Concept // Politics. 2016. Vol. 36, No. 1. P. 56–69.

8. Nye, J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York : PublicAffairs, 2004. XII, 191 p.

© Усова Ю.С., 2026

УДК 94(73)"20"

Е.К. Франк
аспирант УУНиТ, г. Уфа
Научный руководитель – к. и. н., доцент Р.Р. Тухватуллин

E.K. Frank
postgraduate student, UUST, Ufa
Scientific supervisor – c. of h. s., associate professor R.R. Tukhvatullin

ИММИГРАЦИОННЫЙ ВОПРОС КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНЕВРА В ПРЕДВЫБОРНОЙ ПРОГРАММЕ ДЖ. БАЙДЕНА В 2020 Г.

THE IMMIGRATION ISSUE AS AN INSTRUMENT OF POLITICAL MANEUVER IN THE ELECTION PROGRAM OF J. BIDEN IN 2020

Аннотация: В статье рассматривается иммиграционный вопрос в предвыборной программе Дж. Байдена 2020 г. как инструмент политического маневра, позволившего данному кандидату одержать победу на выборах на должность президента Соединенных Штатов Америки 3 ноября 2020 г. В рамках этой предвыборной программы автором анализируются особенности данной электоральной стратегии для мобилизации национальных меньшинств, включая, прежде всего, самих иммигрантов, а также ориентированных на позитивное отношение к ним других категорий населения США. Кроме этого, в статье охарактеризованы практические результаты реализации части положений данной предвыборной программы по иммиграционному вопросу в период президентства Дж Байдена и их соотношение с заявленными в предвыборной программе целями и задачами.

Abstract: The article examines the immigration issue in the election program of J. Biden 2020 as a tool of political maneuver that allowed this candidate to win the election for President of the United States of America on November 3, 2020. Within the framework of this election program, the author analyzes the features of this electoral strategy for mobilizing national minorities, including, first of all, immigrants themselves, as well as other categories of the US population focused on a positive attitude towards them. In addition, the article describes the practical results of the implementation of some of the provisions of this election program on the immigration issue during the presidency of J. Biden and their correlation with the goals and objectives stated in the election program.

Ключевые слова: иммиграционная политика, предвыборная программа, электоральная стратегия, Джозеф Байден, политический маневр, программа DACA, мобилизация диаспор.

Keywords: immigration policy, election program, electoral strategy, Joseph Biden, political maneuver, DACA program, mobilization of diasporas.

Иммиграционный вопрос в американской политической традиции в силу особенностей формирования американской нации всегда занимал особое место. Кроме того, будучи одновременно предметом глубокого идеологического раскола и прагматического инструмента мобилизации электората, данный вопрос способен в качестве одного из элементов той или иной политической программы существенно трансформировать социальный отклик на нее. В США, где с начала 2000-х гг. доля иностранных работников выросла на 40%, а латиноамериканцы превратились в крупнейшее этническое меньшинство, решение вопроса о правовом статусе почти 12 млн иммигрантов напрямую влияет на баланс сил во внутриполитической системе, а также на федеральный бюджет через демографическую нагрузку на пенсионную и медицинскую системы [9, p. 201-212]. В последнее десятилетие в США регулярно предпринимаются различные попытки посредством тех или иных стратегий и предложений решить данный вопрос или, по крайней мере, снизить его негативное воздействие на социально-экономическое положение американского общества, что делает изучение данной проблемы крайне актуальным.

В частности, данный вопрос получил значительное освещение в ходе подготовки к президентским выборам в США в 2021 г. Его решению был посвящен особый раздел в предвыборной программе Джозефа Байдена, кандидата от Демократической партии США, основные положения которой были опубликованы 8 июля 2020 г. в отчете Целевой группы по единству Демократической партии. Примечательно, что избирательный штаб Дж. Байдена не просто включил иммиграционную повестку в данную программу, но сделал ее инструментом особого политического маневра, позволившего Байдену одержать победу на выборах 3 ноября 2020 г.

Анализ предвыборных документов, телевизионных роликов и социальных медиа-кампаний показывает, что команда Дж. Байдена опровергла господствовавший в период президентства Дональда Трампа подход к решению иммиграционного вопроса, заключавшийся в том, что безопасность границ США в совокупности с благосостоянием американского общества и гуманная иммиграционная политика являются взаимоисключающими категориями [1, с. 364-372]. Вместо этого была предложена альтернативная парадигма, в которой легализация значительной части не имеющих соответствующих документов иммигрантов, расширение программ

убежища и усиление контроля за соблюдением трудовых прав мигрантов интерпретировались не как угроза национальной безопасности, а как стратегическое вложение в экономическое восстановление страны, актуальное в условиях продолжавшейся пандемии COVID-19.

Именно экономическая аргументация стала связующим звеном между либеральным и умеренным крылом избирателей, поскольку обещание упорядочить поток кадров из-за рубежа, обеспечить прозрачность трудовых отношений и повысить поступления налогов от легализованных работников позволило Дж. Байдену представить иммиграционное движение как инструмент восстановления рабочих мест, а не как фактор их сокращения для американских граждан [5, с. 278].

В предвыборной программе были представлены вполне конкретные цели и задачи, подкрепленные количественными показателями. В частности, обещалось предоставление гражданства для 2 млн участников программы «Отложенные действия в отношении прибывших в детском возрасте» (DACA). Программа была приостановлена в период президентства Д. Трампа и призвана защитить от депортации нелегальных иммигрантов моложе 16 лет. Предполагалось увеличение квоты для беженцев из ряда латиноамериканских и ближневосточных стран до 125 тыс. человек в год и предоставление пути к получению паспорта для всех 11 млн нелегальных мигрантов в течение 8 последующих лет. Каждое положение сопровождалось статистическими расчетами, демонстрировавшими его эффективность: например, расширенная программа DACA должна была добавить 1,3 млн потенциальных избирателей, ускоренная процедура натурализации для работников сельского хозяйства и здравоохранения – обеспечить рост явки в сельских округах Аризоны и Джорджии, а увеличение квоты для беженцев – создать «гуманитарный буфер» на случай новых кризисов в Венесуэле или Сальвадоре [4, с. 529-533].

Институциональная составляющая маневра включала в себя обещание в первые 100 дней направить в Конгресс законопроект об иммиграционной реформе, что подчеркивало приоритетность данной проблемы в предвыборной программе и одновременно позволяло переложить ответственность за возможные отклонения от первоначальных обещаний на законодательные органы власти. Такая техника «программного опережения» не только фиксировала повестку, но и снижала риски для самого Дж. Байдена в случае победы на выборах за последующие отклонения от изложенного в программе сценария: обещание «попытки» расценивалось избирателем как добросовестное стремление, тогда как отсутствие мгновенного результата могло быть в дальнейшем сопротивлением Республиканской партии США [6, с. 31-32]. Подобная стратегия была усилена ссылками на опыт администрации президента Б. Обамы, в которой Дж. Байден занимал должность вице-президента, что в рамках электоральной стратегии в целом позиционировало его как зрелого политика, способного завершить начатые процессы.

Существенным элементом политического маневра стало использование понятия «американской семьи», в рамках которого иммигранты, длительное время (свыше 10 лет) проживавшие в США, характеризовались как

интегрированные члены национального сообщества, заслуживающие защиты от депортации даже в случае отсутствия у них некоторых документов, обеспечивающих легальный характер пребывания в США, и доступа к социальным льготам. Данный тезис позволял смягчить опасения белых избирателей в колеблющихся штатах (таких как Аризона, Джорджия, Невада), поскольку вместо акцента на этническом разнообразии программа делала акцент на «справедливости» и «вознаграждении за труд», тем самым уменьшая воспринимаемую угрозу культурной идентичности [2, с. 149-150].

В сочетании с критикой политики «разделения семей» (т.е. содержания под стражей взрослых иммигрантов и их несовершеннолетних детей отдельно друг от друга), применявшейся в период президентства Д. Трампа, такой подход к решению иммиграционного вопроса формировал эмоционально насыщенный образ «возвращения к нормальности», который особенно резонировал в женской аудитории и в пригородах северо-западных штатов [1, с. 355-357].

Мобилизационный эффект достигался и также посредством селективной апелляции к конкретным диаспорам. В вышеупомянутых колеблющихся штатах, где доля латиноамериканцев и азиатского населения к 2020 г. превысила критический порог, кампания Дж. Байдена транслировала сообщения о восстановлении программы DACA, упрощении получения грин-карт и отмене т.н. «мусульманского бана», т.е. о коренном изменении или отмене ключевых элементов иммиграционной политики администрации Д. Трампа [9, p. 138-145]. При этом в радио- и телероликах на испанском, китайском и корейском языках подчеркивалось, что речь идет не об «открытии дверей всем», а о «возвращении к проверенным процедурам», что позволяло избежать обвинений в безответственном популизме со стороны умеренных республиканцев.

Глобальный контекст также усиливал значимость данной программы. Политика администрации Трампа по сокращению числа беженцев и выходу из международных миграционных соглашений вызывала критику со стороны европейских союзников и ряда латиноамериканских государств. Обещание Байдена «вернуть США за стол переговоров» усиливало привлекательность его программы в глазах избирателей, ориентированных на следование международной повестке по иммиграционному вопросу. Имплицитно это создавало образ вышеупомянутого «возвращения нормальности» не только внутри страны, но и во внешней политике, где гуманная иммиграционная политика становилась индикатором готовности к многостороннему сотрудничеству [9, p. 173-178].

Важно отметить, что результате активного и грамотного распространения данной программы в средствах массовой информации в течение июля-октября 2020 г., в ряде ключевых штатов доля голосов, отданных Дж. Байдену латиноамериканцами, оказалась по сравнению с аналогичными показателями для главной соперницы Д. Трампа на президентских выборах 8 ноября 2016 г. Хиллари Клинтон на 5-8%; в штате Аризона, например, данные показатели стали решающим фактором перевода штата в демократическую колонну впервые с 1996 г.. Электорат азиатского происхождения продемонстрировал еще более

впечатляющий рост поддержки: в Джорджии и Неваде его доля среди избирателей Байдена превысила 70%, что стало рекордным показателем для демократов и дополнительно подтверждает эффективность примененного маневра.

Однако данный политический маневр не был лишен внутренних противоречий. Обещание отмены частных центров содержания мигрантов вызвало беспокойство у ряда демократических губернаторов южных штатов, где эти учреждения формировали значительную долю местного бюджета. Команда Байдена смогла на стадии предвыборной агитации обойти эту проблему посредством дифференциации между «малой административной реформой» и «полной отменой», что позволило сохранить поддержку населения таких штатов как Пенсильвания и Мичиган [6, с. 26-30].

Кроме того, сами по себе результаты реализации заявленной командой Дж. Байдена предвыборной программы по иммиграционному вопросу оказались противоречивыми. Проблемы в данном отношении начались практически сразу после инаугурации, поскольку парламентский регламент в США не позволил включить положения о массовой натурализации нелегальных иммигрантов в бюджетный реконсиляционный пакет [8, p. 16-22]. Весной 2021 г., Верховный суд восстановил программу «Оставайся в Мексике», принятую в период президентства Д. Трампа с целью ограничить приток иммигрантов из Мексики на территорию США, и администрация Дж. Байдена вынуждена была запустить ее модифицированную версию, разочаровав прогрессивных активистов [4, с. 523-527]. Программа DACA была возвращена, но прием новых заявлений оказался приостановлен менее чем через 2 месяца, а политика «быстрого удаления», введенная Д. Трампом в марте 2020 г. под предлогом пандемии, была продлена до весны 2023 г. что приводило к высылке десятков тысяч иммигрантов без судебных разбирательств. Даже количество депортаций, осуществленных внутренней иммиграционной службой в период президентства Дж. Байдена (например, свыше 271 тыс. человек в 2024 г., что стало абсолютным рекордом в США с 2014 г.), превысило показатели периода президентского срока Д. Трампа, при котором максимальная численность депортированных иммигрантов в год составила чуть более 267 тыс. в 2019 г. [3, с. 110-111].

Таким образом, на основании данных положений мы можем сделать несколько выводов. Прежде всего, выдвижение иммиграционного вопроса в качестве одного из ключевых в рамках предвыборной кампании Дж. Байдена в 2020 г. и специфика предложений по его решению, в корне отличавшаяся от решений, предложенным администрацией президента Д. Трампа, стали своего рода инструментом политического маневра, весьма эффективным в контексте выборов, но хрупким в управленческом измерении. В рамках данной предвыборной кампании лозунг «возвращения к нормальности» в отношении иммиграционной проблемы позволил собрать коалицию весьма разнородных социально-политических сил, включая этнические меньшинства и диаспоры, а также другие категории населения США, ориентированные на позитивное отношение к ним. Тем не менее, уже на стадии предвыборной кампании данный политический маневр продемонстрировал наличие внутренних противоречий, которые с целью максимального охвата электоральной аудитории команда Дж.

Байдена предпочла обойти посредством изменения отдельных формулировок в программе. Наконец, на практике реализация данных предвыборных обещаний Дж. Байдена по иммиграционному вопросу уже с 2020 г. столкнулась с рядом проблем институционального характера, в рамках которой выполнить большую их часть в период его президентства оказалось невозможным.

Литература:

1. Болдырев В.Е. Обеспечение безопасности США при Дж. Байдане: предварительная реконструкция национальной стратегии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. №3. С. 348-373.

2. Гаджимурадова Г.И., Сумин К.О. Миграционная политика как фактор влияния на президентские выборы в США // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30. № 3. С. 142-154.

3. Гарусова Л.Н. Эволюция иммиграционной политики США: фактор нелегальной миграции // Россия и АТР. 2020. №1. С. 104-117.

4. Никольская Г.К. Модель реализации американской иммиграционной политики в XXI веке // Международная экономика. 2022. № 7. С. 522-533.

5. Петровская Н.Е. Экономические проблемы иммиграции в США // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 4(33). С. 277-280.

6. Прокопчук О.С., Закиров А.В. Миграционная политика США в XX веке как инструмент мягкой силы // Казанский вестник молодых ученых. 2021. Т. 5. № 4. С. 22-33.

7. Франк Е.К. Эволюция международного сотрудничества стран Северной Америки по вопросам трудовой миграции в 2017-2025 гг. // Мир в эпоху перемен: вызовы и возможности для международного сотрудничества: сборник материалов международной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения выдающегося советского дипломата, уроженца Башкортостана Карима Абдрауфовича Хакимова (г. Уфа, 5 декабря 2025 г.) / отв. ред. И.Р. Саитбатталов, Р.Р. Тухватуллин. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2026. С. 297-302.

8. Eagly, I., Shafer, S. Access to Counsel in Immigration Court. Washington, DC: American Immigration Council, 2018. 28 p.

9. McNamara, R.H. The Criminalization of Immigration: Truth, Lies, Tragedy, and Consequences. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, LLC, 2020. 239 p.

© Франк Е.К., 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Степанянц С.М. Некоторые вопросы и аспекты по истории армянского торгового капитала в Прикамье со средних веков до XX века……... 3
Аннаоразов Дж.С. Крутые повороты жизни: переход туркменских кочевников к оседлости……. 6
Атдаев С.Дж. Керим-Берды-ишан и Гурбан-Мурат-ишан – духовные вдохновители туркмен XIX в…… 16
Абдуллин О.А., Тухватуллин Р.Р. Боевой путь Ш.Х. Чанбарисова на Северо-Западном фронте в 1942 г……... 22
Игнатьева О.Н., Сизоненко Р.В., Галимуллина Н.А. Историческая память как ресурс общественной консолидации в современной Евразии…… 29
Шаяхметов Ф.Ф. Перспективы развития ШОС И БРИКС в условиях глобальной трансформации современного миропорядка…….. 33

Секция: История и культурное наследие народов Евразии

Андруша Д.И. Трансформация роли женщины в корейском обществе: от послевоенного периода до «корейского чуда» и современных гендерных вызовов…….. 40
Аскаров А.Н. История изучения средневековых каменных мавзолеев Башкортостана 45
Ашмарина Н.В. Институт монархии и гражданское общество Великобритании: благотворительность, общественное служение…… 51
Бешлей В.А., Андруша Д.И. «Цивилизаторская миссия» и «Третий Рим»: сравнительный анализ временных ориентаций в британской и русской имперской мысли……. 57
Битаева А.А. Деградация политической элиты Европы: от Маргарет Тэтчер до Каи Каллас……. 65
Гимаева Р.Ф. Пожарная служба Башкирии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)……. 69
Калимуллина Д.И. Татарский фольклор как источник исторической памяти: эпос, сказки, баиты…….. 73
Лазарев А.А. Артур Уэлсли на перепутье эпох: актуальность политического курса «железного герцога» для Британии начала XIX века……. 77
Лебедев Д.В. Взаимоотношения городских гарнизонов и горожан на рубеже XIX-XX веков (на примере города Уфы)…….. 81
Мазитов Д.Р., Тетенькин И.А. Теория насилия в европейской интеллектуальной мысли в XX в.: Сорель, Беньямин, Агамбен……... 87
Мустафина А.А. «Рождение нации» Д.У. Гриффита: рождение мифа о гражданской войне США через кинематограф…… 91
Мухаметова Ч.И. Викторианская мода как инструмент идентификации и статуса…….. 97

Насыров И.Р. Тоталитарные черты Немецкой национальной народной партии……. 100
Нугаева А.Э. Социокультурное развитие Германии в период канцлерства А. Меркель…… 105
Петрова В.Ю. Влияние Джорджа Кеннана на конструирование образа Сибири в англо-американской публицистике и травелогах рубежа XIX-XX веков…… 109
Полисина Б., Ашмарина Н.В. Роль личности Елизаветы II в укреплении позитивного имиджа британской монархии…… 113
Розмысл Е.В. Военно-монашеские ордена на Святой Земле: значение и общая характеристика…… 118
Садыкова Э.Р. История царства Чу на закате государства на примере гробницы Увандунь……... 123
Струева М.А. Особенности отображения башкирской женщины в изобразительном искусстве БАССР…….. 127
Хазиханов Е.Р. «Полудикие», «почти русские» и «набожные магометане»: приёмы создания образов народов Южного Урала в работе О. В. Мироновой «География Уфимской губернии»…….. 133
Хазиханов Е.Р., Сиразетдинов А.А. Антропология национал-социализма: задумки и воплощение……. 138
Хусниярова Л.И. Образ Ричарда III в отечественной и зарубежной историографии: от «злодея» к «реабилитированному монарху»…….. 143
Юсупова М.М. Уличные профессии детей в Викторианскую эпоху… 148

Секция: «Формирование и сохранение исторической памяти: исторические нарративы и коммеморативные практики»

Дмитриев А.М., Хакимов Р.А. Сохранение военно-мемориального наследия Великой Отечественной войны на Южном Урале……. 153
Елесин М.В. Политика власти по мемориализации памяти основателей атомной отрасли (на примере Е.П. Славского)……. 158
Ефимов А.В. Публикация рассекреченных документов Великой Отечественной войны из Центрального архива Министерства обороны: историко-правовой и информационный аспекты…….. 163
Сайфуллина А.И. Память о Второй мировой войне: сравнительный анализ коммеморативных практик в России, Германии и Японии….. 167
Сайфуллина А.И., Гарипова А.А. Образ «века унижений» в современной китайской политике памяти: как опиумные войны стали символом национальной травмы и инструментом легитимации власти 172

Секция: «Войны, конфликты и сотрудничество в Евразии»

Агеев Д.В. Помощь СССР и Китая Северному Вьетнаму во время войны 1965-1975……. 179
Акентьева А.В. Роль и функции программы Фулбрайта как инструмента мягкой силы США в России……... 183
Акопян Р.А. Китайская инициатива «Один пояс – один путь» как вызов и фактор интеграции Евразии в XXI веке……. 190

Асанов Р.Б. Влияние конкурентной борьбы за энергоресурсы на энергетическую безопасность Индии…….. 193
Асанов Р.Б., Нуриахметова А.С. Современные методы и механизмы противодействия терроризму в Российской Федерации…… 196
Байгузина К.Т. Динамика и приоритеты сотрудничества Республики Башкортостан с Республикой Казахстан в контексте региональной политики России в Центральной Азии (2020–2025 гг.)…….. 200
Батталов Р.Р. БРИКС в условиях глобальных конфликтов XXI в…… 209
Валиева Э.И. Китайско-российское сотрудничество в ШОС как вызов и фактор формирования новой системы безопасности Евразии 214
Валиханова К.К. От Великого Шелкового пути к новым трансконтинентальным коридорам: эволюция евразийских связей…. 219
Васильев И.А. Социальные сети как инструмент когнитивных операций в международных отношениях…… 225
Дихина Д.М. Международная торговля оружием на Ближнем Востоке до и после «арабской весны»……. 228
Имамеев А.М. Ормузский пролив – главная болевая точка мировой экономики……... 233
Имамеев А.М., Саитов А.И. Балтийское море – арена будущей схватки Европы и России…….. 237
Кардашова А.Е. Косовский конфликт и его состояние в период югославских войн……... 241
Нуриахметова А.С. Крупномасштабные террористические акты на территории Российской Федерации: хроника и социально-политические последствия 246
Нуриахметова А.С., Имамеев А.М. Казахстан на перепутье Запада и Востока……. 249
Потапова Э.С. Влияние НАТО на внешнеполитическую стратегию современной Турции……..…. 253
Сиразетдинов А.А. Глобальные интересы в Арктике: геополитика и развитие Северного морского пути……... 258
Хамматова Л.А. Международное фестивальное движение как инструмент культурной дипломатии Республики Башкортостан……. 262
Чанышева А.Р. Формирование нового международного контура: Россия, ШОС и БРИКС в эпоху санкционных ограничений……. 265
Чанышева А.Р., Байгузина К.Т. Развитие взаимодействия Республики Башкортостан и Республики Узбекистан на современном этапе (2024–2026 гг.)…… 269
Шайдуллин А.И. Российско-афганские отношения после прихода к власти «Талибана»: от наблюдения до прагматического взаимодействия……... 276
Шарафутдинова А.Н. Роль совместных образовательных программ Российской Федерации и стран Центральной Азии в формировании общекультурных компетенций и преодолении этнических стереотипов в молодежной среде……. 280

Юзыкаева Д.Д. Энергетическая безопасность ЕС: разногласия между государствами-членами и поиск общей стратегии……. 284

Секция: «Россия – Запад – Восток: исторические, политические и культурные взаимодействия»

Габбасова Э.Р. Роль Максюта Юнусова в осуществлении дипломатической миссии Флорио Беневени 1718-1725 гг…… 290

Грубов Ф.А. Арабская миграция в страны Европы после «арабской весны»: особенности, реакция, тенденции…….. 293

Кардашова А.Е., Потапова Э.С. Трудовая миграция из стран Центральной Азии как фактор внутриполитических процессов в России…… 299

Коваленко Е.С. Репрезентация Советского Союза в карикатурах Герберта Блока в 1980-е годы……... 304

Малинкина И.А. Кухонные дебаты как отражение приоритетов советского технического развития……... 311

Саитов А.И. Межцивилизационные отношения России, Запада, Востока в исторической ретроспективе и современности……. 315

Тетенькин И.А. Геймификация исторических событий на примере настольной игры «Twilight struggle»…… 321

Ткаченко Я.А. Особенности колонизации территории Башкортостана русским населением в XVI-начале XVII веков…… 327

Секция: «Актуальные вопросы истории международных отношений»

Альшаева А.Е. Религиозный фактор в отношениях между Османской империей и странами Запада в XVI в……... 333

Байсков С.А. Развитие британской политики в Палестине: от декларации Бальфура до арабского восстания 1936-1939 гг……. 337

Давлетбаев Т.Р. Особенности источников в изучении истории отношений Священной Римской империи и Византии в период правления Фридриха I Барбароссы…….. 343

Порываева Ю.О. Влияние решений, принятых после Первой мировой войны, на современные конфликты на Ближнем Востоке 348

Тимербулатов С.Р. Советско-американские отношения в начальный период Великой Отечественной войны (по материалам дипломатических телеграмм К.А. Уманского и Л. Штейнгардта) 353

Уаман де Лос Эрос М.Ф. СССР, Ближний и Средний Восток в 1920-1930-е гг.: формирование и развитие государственно-политических отношений…….. 359

Шарафутдинов Р.Р. Противоречия между принципом самоопределения и реальной политикой великих держав на Ближнем Востоке после первой мировой войны…… 363

Секция «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований»

Бессилин Н.А., Утягулов М.М. Советские партизаны в мемуарах Эриха фон Манштейна «Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала»……... 369

Бикметова З.М., Исламов Р.Р., Азнабаев А.Р. Социально-экономические вызовы и управленческие механизмы развития евразийских территорий…… 376
Васютин И.Д. Политика Министерства восточных оккупированных территорий на Советской Украине в документах Нюрнбергского процесса…….. 379
Габбасова К.Р. История страны через историю семьи…….. 387
Дабаева Г.Р., Полякова Е.В. Нейминг уфимских ЖК: словообразовательный аспект…….. 397
Коваленко Е.С., Тухватуллин Р.Р. Россия в политической карикатуре США на рубеже XIX-XX веков…… 402
Ковшечникова В.А., Кобызева С.В., Даутова Т.А. Языковая политика и межкультурное общение в евразийском образовательном пространстве……... 410
Коршунова К.Н. Фотографии сестер милосердия Российского Общества Красного Креста: как объект визуального исследования изучения личностей сестер милосердия…….. 413
Крыжановский Ф.А. Почитание спутниц Сильвана в Карнунтуме по материалам эпиграфики (II-III вв. н.э.)……... 421
Кудашев У.Н. Некоторые аспекты историографии войны за Огаден (1977-1978 гг.)……. 423
Охотников Е.С. Любовь, расизм и имперская мораль: контекстный империализм в ленте «Английский пациент» (1997 г.)…….. 429
Полякова Е.В., Акбашева А.Р. Языковые особенности современной региональной прессы (на материале газет Республики Башкортостан)…… 433
Рыжикова А.Г., Полякова Е.В. Историко-философское и литературное осмысление феномена предельных экзистенциальных актов…… 436
Усова Ю.С. «Мягкая сила» новой эпохи: как Турция укрепляет своё влияние в XXI веке……. 443
Франк Е.К. Иммиграционный вопрос как инструмент политического маневра в предвыборной программе Дж. Байдена в 2020 г…….. 449

При подготовке электронного издания использовались следующие программные средства:

- Adobe Acrobat − текстовый редактор;
- Microsoft Word – текстовый редактор.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научное издание

МИР ЕВРАЗИИ: ОТ ДРЕВНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
VII Международной научно-практической конференции
(г. Уфа, 15–16 апреля 2026 г.)

Научное электронное издание сетевого доступа

За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.
Статьи публикуются в авторской редакции

Подписано к использованию 22.10.2026 г.
Гарнитура «Times New Roman». Объем 4,37 Мб.
Заказ 319.

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
450008, Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 12.

Тел.: +7-908-35-05-007
e-mail: red@uust.ru